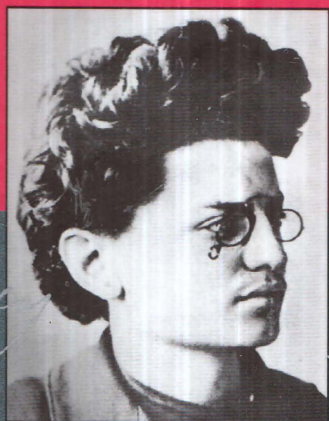

Исаак Дойчер

ТРОЦКИЙ

Leon Trotsky

ВООРУЖЕННЫЙ ПРОРОК

1879—1921

Исаак Дойчер

Isaac Deutscher

**THE PROPHET
ARMED**

TROTSKY

1879—1921

Исаак Дойчер

ТРОЦКИЙ

ВООРУЖЕННЫЙ ПРОРОК

1879—1921

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

ББК 63.3(2)
Д62

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Дойчер И.

Д62 Троцкий. Вооруженный пророк. 1879—1921 гг. /
Пер. с англ. Т.М. Шуликовой. — М.: ЗАО Центрполи-
граф, 2006. — 527 с.

ISBN 5-9524-2147-4

Исаак Дойчер — известный историк, журналист и политолог, крупнейший специалист по проблемам Советского Союза и коммунистического движения, автор целого ряда исторических и социологических исследований. В своей книге автор рассказывает о самом важном периоде в жизни одного из признанных народом вождей революции Льва Троцкого. Дойчер лично знал и восхищался Троцким — мыслителем, пророком и мучеником, он ярко и рельефно представил панораму его идей в развитии. В талантливом изложении одного из лучших европейских исследователей вы узнаете о личной жизни выдающегося публициста и оратора, воспламенившего своими идеями полмира.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-9524-2147-4

© Перевод, ЗАО «Центрполи-
граф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

ТРОЦКИЙ

ВООРУЖЕННЫЙ ПРОРОК

1879—1921

...Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые...

Чтобы основательнее разобраться в этом деле, надо начать с того, самодостаточно ли такие преобразователи или они зависят от поддержки со стороны; иначе говоря, должны ли они для успеха своего начинания упрашивать или могут применить силу. В первом случае они обречены, во втором, то есть если они могут применить силу, им редко грозит неудача. Вот почему все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли. Ибо, в добавление к сказанному, надо иметь в виду, что нрав людей непостоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой.

Моисей, Кир, Ромул и Тезей, будь они безоружны, не могли бы добиться длительного соблюдения данных ими законов. Как оно и случилось в наши дни с фра Джироламо Савонаролой: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере тех, кто еще верил ему, и принудить к ней тех, кто уже не верил.

Макиавелли. Государь. Глава VI

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я впервые задумался написать биографическую трилогию о вождях российской революции, я не собирался включать в нее подробное жизнеописание Троцкого, а хотел дать лишь обзор его пребывания в ссылке. Последние годы жизни Троцкого и его трагический конец глубже волновали мое воображение, чем первая и более житейская половина его жизни. Однако по зрелом размышлении я засомневался, что описание жизни Троцкого в ссылке будет сколько-нибудь понятно без рассказа о начале его истории. И потом, обдумав исторические материалы и биографические источники, часть которых оказалась совершенно новой для меня, я понял яснее прежнего, насколько глубоко коренится драма последних дней Троцкого в первых, быть может, даже самых ранних этапах его жизненного пути. Поэтому я решил посвятить Троцкому две отдельные взаимосвязанные книги — «Вооруженный пророк» и «Безоружный пророк». В первой рассказывается о «взлете» Троцкого, во второй о его «падении». При этом я решил обойтись без этих привычных терминов, потому что, на мой взгляд, подъем человека к вершинам власти не всегда совпадает с апогеем его жизненного пути, а утрату высокого положения не всегда нужно приравнивать к падению.

Названия этих двух книг подсказал мне отрывок из Макиавелли, который я процитирую далее. Биография, которую вы держите в своих руках, иллюстрирует истинность его слов, но еще и содержит некоторый иронический подтекст. Слова Макиавелли о том, что «все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли», конечно, очень разумны. Сомнения вызывает лишь то, что между пророком вооруженным и пророком безоружным, как между победой и гибелью, всегда существует раз-

личие в той же степени, в какой это представлялось автору «Государя». В дальнейшем на страницах этой книги мы увидим, как сначала безоружный Троцкий одерживает победу в величайшей революции нашей эпохи. Потом мы увидим его во всеоружии победителя, склонившегося под тяжестью брони, — эта глава, где он изображен на самой вершине власти, называется «Поражение в победе». А затем, размышляя о названии «Безоружный пророк», неизбежно зададимся вопросом: а нет ли большой доли победы даже в самом его поражении?

Мой рассказ о роли Троцкого в русской революции для некоторых станет неожиданным. В свое время в течение почти трех десятков лет мощная пропагандистская машина сталинизма яростно силилась вычеркнуть имя Троцкого из анналов революции или оставить его в роли архипредателя. Для современного читателя история Троцкого уже представляется чем-то вроде древнеегипетской гробницы, о которой известно, что в ней покоилось тело великого человека и повесть о его деяниях была начертана золотом на ее стенах; но воры-гробокопатели разграбили его гробницу и оставили ее пустой и заброшенной. А в случае с Троцким вандалы расстарались так, что сумели заметно повлиять даже на взгляды независимых историков и ученых Запада.

Вопреки всем стараниям, летопись жизни Троцкого сохранилась в нетронutom виде в его многотомных, но теперь почти забытых трудах и архивах; в многочисленных воспоминаниях современников, питавших к нему и дружеские, и неприязненные чувства; в протоколах заседаний ЦК и стенографических отчетах съездов партии и Советов. На Западе почти все документы доступны для посетителей публичных библиотек, хотя некоторые из них можно найти только в частных собраниях. Я воспользовался всеми возможными источниками. Вместе с моей женой, которая наравне со мной участвовала в исследовании, да и вообще немало сделала для этой работы, я особенно тщательно изучил коллекцию российских дореволюционных газет, хранящихся в Калифорнии, в Гуверовской библиотеке Стэнфордского университета, где отыскиались материалы, которые раньше практически не использовались историками, исследовавшими революционное движение в России. Вместе с женой мы также изучили архивы Троцкого в Хотонской библиотеке Гарвардского университета — самом крупном собрании оригинальных документов советской истории за пределами СССР.

Следовательно, на этот раз у меня нет оснований жаловаться на скудость биографических материалов, как я жаловался в предисловии к своему «Сталину». Главная причина этого в том, что Троцкий был настолько же откровенен касательно своей жизни и работы, насколько Сталин был скрытен. Троцкий позволял совершенно незнакомым людям свободно углубляться в изучение всех сторон его жизни, написал автобиографию, но, что еще важнее, явный, хотя и неосознанный автобиографический мотив красной нитью проходит через десятки томов его опубликованных произведений, через не вошедшие в них бесчисленные статьи и очерки и некоторые неизданные сочинения.

Как правило, никто не ждет от биографа извинений за то, что он подробно рассказывает о жизни политического вождя, написавшего автобиографию. Кажется, мой случай может стать исключением из этого правила, поскольку, пристально и критично рассмотрев «Мою жизнь» Троцкого, я по-прежнему нахожу ее столь безупречно правдивой, насколько это вообще возможно для автобиографического сочинения. Тем не менее книга Троцкого остается самооправданием, написанным в разгар безнадежной битвы, которую автор вел против Сталина. На ее страницах живой Троцкий боролся с теми, кто опустошал его гробницу. На огульную сталинскую клевету он ответил своеобразным актом самообороны с оттенком самовосхваления. Он не мог и не стал подыскивать удовлетворительное объяснение тому, как изменилась атмосфера революции, сделав его поражение не только возможным, но и неизбежным; а рассказ о тех интригах, с помощью которых узколобая и злобная бюрократия «узурпаторов» отстранила его от власти, грешит явными пробелами. Непреодолимый интерес для биографа представляет следующий вопрос: в какой мере Троцкий способствовал своему поражению? До какой степени критические обстоятельства и собственный характер заставили его вымостить дорогу для Сталина? Когда исследователь отвечает на эти вопросы, жизнь Троцкого предстает перед ним как истинно классическая трагедия или, может быть, воспроизведение классической трагедии в рамках современной политики; и, если бы Троцкий сумел раскрыть это, он проявил бы сверхчеловеческие способности. С другой стороны, биограф видит Троцкого на вершине его достижений одновременно и невинным, и виновным, и созревшим для искупления греха, подобно герою греческой драмы. Я уверен, что такой подход, предполагающий сочув-

стве и понимание, одинаково свободен и от осуждения, и от оправдания.

В «Моей жизни» Троцкий пытался оправдываться условиями, в которые поставили его Сталин и вся идеологическая обстановка большевизма 1920-х годов, то есть условиями культа Ленина. Сталин обвинил его в том, что он был закоренелым врагом Ленина, и поэтому Троцкий стремился доказать свою безоговорочную преданность Ленину и согласие с ним. Его искренняя преданность Ленину после 1917 года не вызывает сомнений; они сходились по многим важнейшим вопросам. Тем не менее Троцкий смазал четкие границы и значение своих разногласий с Лениным между 1903-м и 1917 годами, а также противоречия более позднего времени. Но то обстоятельство, что он писал свою защитительную речь в условиях ленинского культа, привело к еще одному и гораздо более странному следствию: по некоторым ключевым пунктам Троцкий преуменьшил собственное значение в сравнении с Лениным, а такой подвиг очень редок в автобиографической литературе. Он принизил свою роль в Октябрьском восстании и создании Красной армии, умалив свои заслуги, чтобы никто не заподозрил в его книге клевету на Ленина. Не будучи приверженцем никакого культа, я попытался восстановить историческую объективность.

И наконец, я уделил особое внимание Троцкому как литератору, публицисту, писателю-баталисту и журналисту. Литературные труды Троцкого по большей части преданы забвению и недоступны для широкой публики. И однако же, это писатель, о котором Бернард Шоу, судивший о литературных достоинствах Троцкого только по неудачным переводам, сказал, что он «превзошел Юния и Берка». «Подобно Лессингу, — писал Шоу о Троцком, — отрубив голову оппоненту, он поднимает ее повыше, показывая, что в ней нет мозгов, но щадит личные качества жертвы... Он срывает [со своей жертвы] лохмотья политической репутации, но оставляет нетронутой ее честь». Я могу лишь сожалеть о том, что по соображениям объема и композиции смог осветить эту сторону личности Троцкого более подробно; но надеюсь вернуться к ней в «Безоружном пророке».

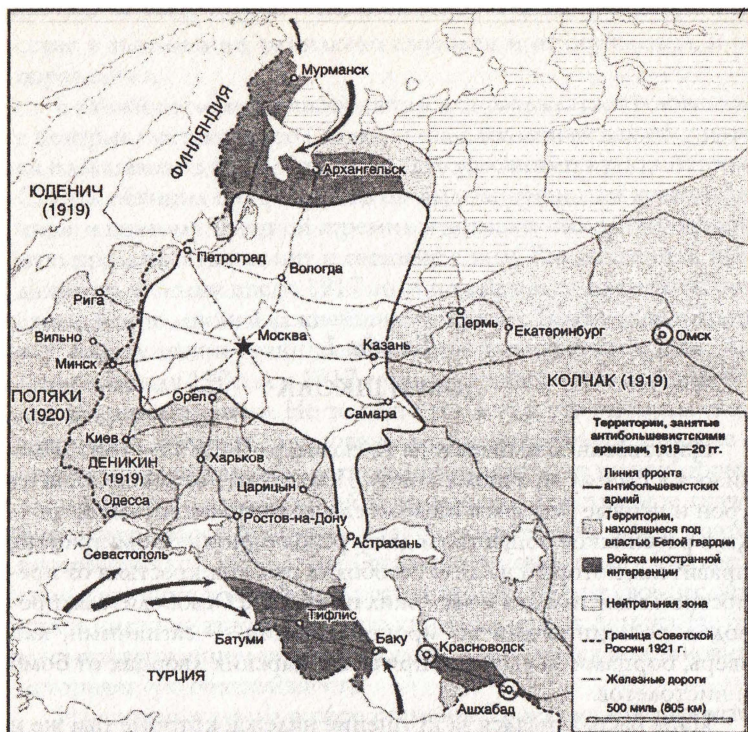
Глава 1

ДОМ И ШКОЛА

Царствование императора Александра II (1855—1881) близилось к своему мрачному концу. Правитель, чье восшествие на трон и первые реформы вселили самые оптимистичные надежды в российское общество и даже революционную эмиграцию, правитель, который на деле освободил русских крестьян от крепостной зависимости и заслужил прозвание Освободителя, проводил последние дни во мраке отчаяния — загнанный, как зверь, борцами за свободу, прячась в царских дворцах от бомб и пистолетов.

Царь расплачивался за крушение надежд, которые сам же и внушил: он обманул ожидания практически всех классов общества. Многие помещики в самом царе видели подрывной элемент, облаченный в корону и императорскую мантию. Они так и не простили ему реформу 1861 года, которая лишила их феодального господства над крестьянами. Крестьян же он освободил от бремени крепостного права лишь затем, чтобы на них обрушились бедность и долги: бывшим крепостным пришлось отдать дворянству за освобождение большую часть земли, которая кормила их, и годами выплачивать тяжелый выкуп за тот надел, что они сохранили за собой. Крестьяне пока еще смотрели на царя как на защитника и друга и верили, что их горести против его воли, что дворянство обманом лишило их благ освобождения. Но в крестьянах уже пробудилась жажда земли, та неутолимая жажда, которой суждено было долгие полувекотрясать Россию и ввергнуть ее в умственную и телесную горячку.

Знать и крестьянство по-прежнему оставались основными классами российского общества. Городская буржуазия формиро-

валась очень медленно. В отличие от европейского среднего класса у нее не было ни социальных предшественников, ни традиций, ни самосознания, ни влияния. Незначительная часть крестьянства покидала деревни и начинала образовывать промышленный рабочий класс. Но хотя последнее десятилетие царствования Александра II ознаменовалось первыми крупными забастовками на промышленных предприятиях, в городском пролетариате все так же видели не более чем отделившуюся ветвь крестьянства.

Ни один из этих классов не мог представлять для трона непосредственной угрозы. Каждый класс надеялся, что монарх самолично выполнит его требования и загладит обиды. Так или иначе, ни один из этих классов не имел возможности озвучить свои жалобы и во всеуслышание заявить о требованиях. Ни один не мог собраться с силами и сплотиться в политическую партию или иную представительную организацию. Их попросту не суще-

ствовало. Государство и церковь были единственными институтами, обладавшими общенациональным аппаратом; но функция и государства и церкви, функция, которая определила их форму и состав, заключалась в подавлении любых выражений общественного недовольства.

И только одна группа поднялась, чтобы бросить вызов династии, — интеллигенция. У образованных людей любых занятий, особенно у тех, кого не поглотил чиновничий аппарат, было не меньше причин, чем у крестьянства, для разочарования в царь-освободителе. Сначала он возбудил в них жажду свободы, а потом ничем ее не насытил, так же как возбудил и обманул ожидания мужиков, изголодавшихся по земле. В отличие от своего предшественника Николая I, Александр II не подвергал интеллигенцию суровым наказаниям, но держал плетку наготове. Он проводил вялые и нерешительные реформы в образовании и печати: духовная жизнь народа оставалась под неусыпным надзором полиции, цензуры и Святейшего синода. После того как император предложил образованным людям видимость свободы, отказ от истинной свободы показался еще более унижительно. Интеллигенция хотела отомстить за обманутые надежды; царь изо всех сил пытался усмирить ее непокорный дух; и таким образом полулиберальные реформы сменились репрессиями, а репрессии породили бунт.

Численно интеллигенция была очень слаба. Активных революционеров в ней можно было пересчитать по пальцам. Даже если сравнивать их борьбу против самодержца, правившего девяносто миллионами подданных, с поединком Давида с Голиафом, это было бы сильным преувеличением революционных сил. На протяжении 70-х годов XIX века, этого классического десятилетия интеллигентских волнений, несколько тысяч, по самым смелым подсчетам, людей приняли участие в мирной «просветительной и пропагандистской» фазе народнического движения; а в его конечной, террористической, фазе непосредственно участвовали менее четырех десятков человек. Эти четыре десятка превратили царя в беглеца в собственном государстве и держали в руках всю мощь его империи. Только на фоне недовольного, но молчащего народа могла эта малочисленная группа выглядеть столь мощной. В отличие от основных классов общества интеллигенция умела четко выражать свои мысли; она получила образование, незаменимое для осмысления терзавших страну бедствий; она сформулировала план действий, которые должны были излечить страну от этих

бедствий. Едва ли революционеры отважились бы выступить против верховной власти, если бы думали, что говорят только от своего имени. Сначала их вдохновляла великая иллюзия того, что они выражают чаяния народа, особенно крестьянства. В их головах собственная жажда свободы смешалась с желанием крестьян получить землю, и они назвали свою революционную организацию «Земля и воля». Они охотно впитывали идеи европейского социализма и лихорадочно пытались приспособить их к российской ситуации. В их мечтах столпом нового общества должен был стать не промышленный рабочий, а крестьянин. Основной ячейкой этого общества они считали не обобществленный завод, а коллективную сельскохозяйственную общину — «мир», издавна сохранявшийся на Руси.

«Семидесятники» XIX века как предвестники революции были обречены. По существу, ни один класс общества не был готов их поддержать. К концу десятилетия они постепенно уяснили себе свое одиночество, избавились от одного круга иллюзий и сразу же заменили его другим, пытаясь разрешить задачи, характерные для их страны и поколения, и вместе с тем присущие всякому революционному движению. Поначалу они старались подвигнуть к действию крестьян, либо просвещая мужиков насчет пороков аристократии, как поступали последователи Лаврова, либо подстрекая их против царя, как Бакунин. Дважды за эти десять лет мужчины и женщины из интеллигентов оставляли свои дома и занятия, чтобы поселиться среди крестьян и научиться влиять на их помыслы. «Целый легион социалистов, — писал генерал жандармерии, в чьи обязанности входило наблюдать за этим массовым исходом интеллигенции, — пустился в это дело с энергией и духом самопожертвования, невиданного в истории ни одного тайного общества Европы». Самопожертвование ни к чему не привело, ибо у крестьян и интеллигенции были противоположные цели и намерения. Мужик по-прежнему верил в царя-батюшку, в Освободителя, и с равнодушным недоверием или открытой враждой воспринимал речи народнических «просветителей» и «подстрекателей». Полицейские и жандармы устраивали облавы на идеалистов, которые «пошли в народ»; суды приговаривали их к длительному заключению, каторжным работам и ссылкам.

Мысль о революции через народное восстание постепенно сменилась идеей заговора, спланированного и осуществленного малочисленным, но решительным меньшинством из интеллиген-

тов. Соответственно изменились и формы движения. Исход интеллигенции в деревню носил спонтанный характер; никакой единый центр им не руководил. Подготовка заговора потребовала создания организации с сильным руководством и жесткой дисциплиной, с соблюдением строжайшей секретности. Ее вожди — Желябов, Кибальчич, Софья Перовская, Вера Фигнер и прочие — на первых порах не склонялись к террористическим актам; но логика ситуации и дальнейших событий вывела их на путь террора. В январе 1878 года молодая женщина по имени Вера Засулич — однажды она окажет сильное влияние на главного героя этой книги — стреляла в генерала Трепова, петербургского градоначальника, протестуя против дурного обращения с политическими узниками и унижения их достоинства. Во время суда над Засулич раскрылись ужасные злоупотребления полиции. Присяжных так потрясли эти разоблачения и так тронул искренний идеализм обвиняемой, что ее оправдали. Когда полиция попыталась схватить ее на выходе из зала суда, сочувственная толпа подхватила революционерку на руки и помогла ей скрыться. Император издал указ, по которому отныне политических преступников судили не присяжные, а военные трибуналы.

Непродуманный поступок Засулич и вызванная им реакция указали заговорщикам путь. В 1879 году, с которого начинается наше повествование, «Земля и воля» раскололась надвое. Из одной группы ее бывших членов, склонявшихся к продолжению терактов вплоть до свержения аристократии, сформировалась новая организация под названием «Народная воля». Ее новая программа придавала гораздо большее значение гражданским свободам, чем земельной реформе. Другая и менее влиятельная группа — «Черный передел», — считающая террористические заговоры малоэффективными, отделилась от первой, чтобы пропагандировать уравнильное распределение земли. (Эта группа, которую возглавил Плеханов, спустя какое-то время эмигрировавший в Швейцарию, в дальнейшем даст первый марксистский и социал-демократический посыл российским революционерам.)

Год 1879-й был отмечен цепью быстро следовавших друг за другом драматических терактов. В феврале застрелили князя Кропоткина, харьковского губернатора. В марте состоялось покушение на генерала Дрентельна, шефа жандармов и главного начальника Третьего отделения. В течение года сам царь едва не погиб в двух покушениях: в марте революционер выпустил в него пять пуль, а летом, когда император возвращался из крым-

ской резиденции, несколько мин взорвалось под его поездом. Последовали массовые аресты, казни и высылки. Но 1 марта 1881 года заговорщикам удалось расправиться с царем.

Глазам внешнего мира Российская империя представляла блестящий фасад великолепия и мощи. Однако в апреле 1879 года Карл Маркс в письме из Лондона русскому другу указывал на скрытый за этим фасадом распад русского общества и сравнивал ситуацию в России в конце царствования Александра с той, что сложилась во Франции при Людовике XV. И в самом деле, именно в последние десять лет правления Александра родилось большинство людей, которым предстояло возглавить русскую революцию.

Вдали от арены этой зловещей борьбы, в мирных, залитых солнцем степях Южной Украины, Давид Бронштейн поселился — в 1879 году — на ферме-экономии в Херсонской губернии под городком Бобринец, которую только что купил у полковника Яновского, чья фамилия дала название деревне — Яновка. Полковник получил землю, около пятисот десятин, от царя в награду за службу. Успеха на сельскохозяйственном поприще он не добился и с радостью продал сто десятин и еще двести сдал в аренду Бронштейну. По рукам ударили в начале года. Летом новый владелец с семейством переехал с близлежащего хутора в крытую соломой землянку, полученную вместе с хозяйством.

Бронштейны были евреями. Евреи в России редко занимались земледелием. Однако в Херсонской и Екатеринославской губерниях нашлось бы около четырех десятков еврейских земледельческих колоний, разбросанных по степи, — им не хватило места в перенаселенных городских кварталах. В России евреям не разрешалось селиться за чертой оседлости, то есть за пределами городов в основном западных провинций, аннексированных у Польши. Но им дали возможность свободно устраиваться в южных причерноморских степях. Россия приобрела эти малонаселенные, но плодородные земли во второй половине XVIII века, и царям не терпелось их освоить. Как это часто бывает в истории колонизации, первопроходцами стали изгнанники и иммигранты. Правительство поощряло освоение целины сербами, болгарами, греками, евреями. В какой-то степени евреям-переселенцам теперь жилось получше. Они пустили корни, получили известные привилегии, и над ними больше не висела угроза изгнания и насилия, вечно не дающая покоя ев-

рейским гетто. Границы оседлости всегда были очень размыты. Александр I позволил евреям расселиться несколько шире. Николай I сразу же после восшествия на трон велел согнать евреев на прежние места. В середине века он опять выдворил их из Николаева, Севастополя, Полтавы и городов вокруг Киева. По большей части высланные обосновались в черте оседлости, в тесноте людных кварталов, а некоторые отправились на целину.

Вероятно, в одно из таких переселений в начале 50-х годов XIX века Лев Бронштейн, отец нового владельца Яновки, отправился вместе с семьей из маленького еврейского местечка под Полтавой на восточный берег Днепра и обосновался в Херсонской губернии. Когда его сыновья и дочери выросли, они остались в тех же краях, но только один из них — Давид — преуспел настолько, что смог отделиться от еврейской колонии и устроиться в Яновке независимым хуторянином.

Как правило, колонисты происходили из самых нижних слоев еврейского населения. В течение многих веков евреи селились в городах; земледелие было настолько чуждо их образу жизни, что очень немногие из тех, кто мог хоть как-то перебиться в городе, решались взяться за сельское хозяйство. Торговцы, ремесленники, ростовщики, посредники, набожные и благочестивые талмудисты — все предпочитали жить в черте оседлости в пусть и жалкой, но традиционной еврейской общине. Они так презирали деревенскую жизнь, что на их языке выражение «ам хаарец» — «народ земли» — превратилось в презрительную кличку мужлана, деревенщины, не знавшего ни единой строчки из Писания. Тем, кто уезжал в степь, было нечего терять; они не боялись тяжелой и непривычной работы и практически не сохраняли связей с синагогой.

По мнению единоверцев, новый владелец Яновки, безусловно, был настоящий «ам хаарец»: он не знал грамоты, не проявлял религиозного рвения и даже чуть презрительно относился к синагоге. Будучи крестьянином лишь во втором поколении, он, тем не менее, сочетал в себе столько от землепашца и человека природы, что казался совершенно не похожим на еврея. У него в доме звучал не идиш, смесь иврита, немецкого и славянского языков, а смесь русского и украинского. Однако, в отличие от большинства мужиков, Бронштейны не помнили крепостного права; здесь, на степных просторах, крепостничество не успело пустить корней. Давид Бронштейн относился к тому же типу свободного и честолюбивого, упорного и трудолюбивого земле-

дельца, что и пионеры, заселявшие американский Запад. Он твердо решил превратить свое хозяйство в процветающее имение, не давал роздыху ни домашним, ни батракам и сам работал засучив рукава. Вся жизнь была у него впереди: в Яновку он переселился тридцати лет от роду.

Его жена Анна вышла совсем из другой среды. Она выросла в Одессе или каком-то другом южном городе, не в деревне. Анна получила достаточное образование, чтобы записаться в библиотеку и время от времени читать русские романы — немногие из тогдашних еврейских женщин были способны на это. В отцовском доме она усвоила некоторые ортодоксальные традиции; в отличие от мужа, заботилась о соблюдении ритуалов, не ездила и не шила в день субботний. Ее происхождение из городской мещанской семьи проявлялось в невольном консерватизме с оттенком религиозного ханжества. В случае необходимости она шила и в субботу, но очень заботилась о том, чтобы какой-нибудь чужой человек не застал ее за работой. Каким образом она стала женой фермера Бронштейна, неясно; ее сын рассказывает, что Анна влюбилась в Давида, когда тот был молод и красив. Семья Анны очень переживала и сверху вниз смотрела на неотесанного хлебороба с потрескавшимися руками. Тем не менее их брак нельзя назвать несчастливым. Сначала деревенская жизнь раздражала молодую госпожу Бронштейн, но потом она хорошенько постаралась отказаться от городских привычек и стать крестьянкой. Прежде чем Бронштейны переехали в Яновку, она успела родить четверых детей. Через несколько месяцев после того, как семья обустроилась на новом месте, 26 октября 1879 года родился пятый ребенок, сын. Мальчика назвали в честь деда Льва, который покинул еврейское местечко под Полтавой, чтобы поселиться в степи.

По иронии судьбы, в тот же день, когда родился мальчик, 26 октября (или 7 ноября по новому стилю), но ровно через 38 лет он, уже под именем Лев Троцкий, возглавит большевистское восстание в Петрограде¹.

Первые девять лет жизни мальчик провел в Яновке. Его детство, по его собственным словам, не было похоже ни на «солнечную поляну», ни на «мрачную пещеру голода, насилий и обид».

---

¹ В том же году, через два с лишним месяца, в маленьком грузинском городке Гори родился Иосиф Джугашвили.

Бронштейны вели суровую жизнь трудолюбивых и бережливых людей, поднимающихся из нужды наверх. «Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление». «Жизнь здесь регулировалась исключительно ритмом земледельческого труда. Все остальное казалось безразличным. Все остальное, кроме цен на мировой бирже зерна»¹, а как раз тогда они быстро падали. Однако деньги заботили Бронштейнов не больше, чем других хуторян; когда дело касалось детей, они не скупилась и изо всех сил старались дать им хорошее начало в жизни. Когда родился Лева, старшие дети ходили в городскую школу; младенцу взяли няньку, а такую роскошь могли позволить себе лишь немногие крестьяне. Позднее в Яновке появится учитель музыки, а мальчиков отправят учиться в университеты. Оба родителя слишком много работали, чтобы уделять ребенку много ласки, но взамен он получил нежную заботу двух сестер и няни. Лева рос здоровым и шустрым мальчишкой, приводя в восторг родителей и сестер, прислугу и работников на ферме своей смежностью и веселым нравом.

По тамошним стандартам он жил в достатке. В глиняном доме Бронштейнов было пять комнат, в большинстве тесных и темных, с потолка, которые протекали во время сильного дождя, и голыми глиняными полами, но крестьянские семьи обычно ютились в земляных хибарах и лачугах из одной-двух комнат. Пока Лева был маленьким, семья его богатела, приобретая большой вес в обществе. Посевные площади расширялись, росло поголовье скота и лошадей; вокруг дома появлялись новые хозяйственные постройки. Рядом с домом стоял большой сарай с мастерской, хозяйской кухней и людской. За ним несколько малых и больших амбаров, конюшни, коровник, свиной хлев, птичник и другие надворные постройки. Подальше, на пригорке у пруда, возвышалась большая мельница, видимо единственная в этой местности. Летом мужики из ближайших и далеких деревень приходили туда молотить свое зерно. Неделями они дожидались очереди, в сухую погоду спали прямо в поле, а в дождь на мельнице; мельнику платили за помол десятой мерой. Сначала Давид Бронштейн вел торговлю с местными скупщиками; но потом, чуть разбогатев, стал торговать через собственного комиссионера в Николаеве, быстро растущем зерновом порту на Черном море. Через несколько лет в Яновке он легко мог бы позво-

---

¹ Троицкий Л. Моя жизнь. Т. 1. Гл. 2.

лить себе купить гораздо больше земли, чем было у него, если бы не указ от 1881 года, запретивший евреям покупать землю даже в целинной степи. С тех пор Бронштейн имел возможность только брать ее в аренду у соседей и делал это с большим размахом.

Соседями Бронштейнов были обедневшие польские и русские помещики, которые беспечно разбазаривали состояние и залезали в долги, хотя продолжали жить в пышных загородных поместьях. Здесь мальчик впервые стал свидетелем упадка их общественного положения. «Наиболее чистой культурой дворянского разоренья была семья Гертопановых. По их имени Гертопановским называлось большое село и вся волость — Гертопановской. Когда-то вся округа принадлежала этой семье. Теперь у старика остались 400 десятин, но они заложены и перезаложены. Мой отец снимает эту землю, и арендные деньги идут в банк. Тимофей Исаевич жил тем, что писал крестьянам прошения, жалобы и письма. Приезжая к нам в гости, он прятал в рукав табак и сахар. Так же поступала и жена его. Брызгаясь слюною, она рассказывала о своей юности, о рабынях, роялях, шелках и духах. Два сына их выросли почти неграмотными. Младший, Виктор, был учеником у нас в мастерской»¹. Легко представить себе чувство собственного достатка и достоинства, которое испытывали Бронштейны, сравнивая себя с такими соседями. Уверенность в себе и трудолюбивый оптимизм Бронштейнам удалось в основном передать своим детям.

Родители и сестры старались удержать маленького Леву в доме или где-нибудь поблизости, но он не мог сопротивляться притяжению бурлящего хозяйства, стихавшего разве что в однообразные и тихие зимние месяцы, когда семейная жизнь сосредоточивалась в столовой. Мальчика манила волшебная мастерская за соседней дверью: там Иван Васильевич Гребень, главный «машинист», знакомил его с тем, как надо пользоваться инструментами и материалами. Ивану Васильевичу Бронштейны очень доверяли; он обедал и ужинал в доме, за хозяйским столом, что было практически невыносимо в обычном еврейском семействе. Шутки и проделки Ивана Васильевича, его веселый нрав притягивали Леву: в «Моей жизни» он пишет, что в раннем детстве самое большое влияние на него оказал «машинист». Но в мастерской мальчик то и дело сталкивался со вспышками неприязни со стороны других работников, и они приводили его в недо-

---

¹ Троицкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 46—47.

умение. То и дело он невольно слышал в адрес своих родителей грубые замечания, которые шокировали его, накрепко засели у него в голове и заставляли думать.

Выходя из мастерской, он шел в амбар или коровник, играл и прятался в тенистых сеновалах, знакомился с людьми и животными, привыкал к широким степным просторам. Сестра научила его алфавиту, а первое представление о том, как важны цифры, он получил, наблюдая, как на мельнице отец пререкался с крестьянами из-за денег и зерна. Он видел картины бедности, жестокости и бессильного протеста, он был очевидцем «брожения» полуголодных батраков в разгар страды. «Рабочие покидали жнивье, собирались во дворе, ложились в тень амбаров животами вниз, загибали вверх босые, потрескавшиеся, исколотые соломой ноги и ждали. Им давали кислого молока, или арбузов, или полмешка тарани (сушеной воблы), и они снова уходили на работу, нередко с песней»¹. Еще одна сцена запомнилась ему — пришлые рабочие, медленно, нетвердыми шагами бредущие с поля в сумерках, вытянув перед собой руки, — они повально заболели куриной слепотой от недостатка жиров в рационе. В Яновку приехал инспектор, но не нашел никаких нарушений: Бронштейны кормили своих работников не хуже, чем другие хозяева; еда, похлебка да каша, была не хуже той, что давали на любом другом хуторе. На мальчика все это произвело неизгладимое впечатление, силу которого тем не менее не стоит преувеличивать. Многие в детстве сталкивались с подобными и даже еще более страшными сценами, однако, повзрослев, не поддались в революционеры. Понадобились и другие обстоятельства, более сложного характера, чтобы зажечь в Леве негодующий протест против общественной несправедливости и восстановить его против установленных порядков. Но когда эти обстоятельства возникли, они явственно вызвали в его памяти навсегда запечатленные в ней картины и тем сильнее повлияли на его чувствительную и совестливую натуру. Ребенком он считал обстановку, в которой жил, вполне естественной. И только когда он становился свидетелем какого-то крайнего проявления отцовской резкости, он бросался в слезы и зарывался лицом в диванные подушки.

Когда Леве исполнилось семь лет, родители отправили его в школу в Громоклею, еврейско-немецкую колонию всего в четырех верстах от Яновки. Там он поселился у родственников. Шко-

---

¹ Троицкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 42.

лу, которую посещал мальчик, можно назвать хедером — начальной школой для обучения мальчиков основам иудаизма, в которой предметы преподавались на идише. Здесь мальчика должны были учить читать Библию и переводить ее с иврита на идиш. Также в перечень предметов входили, как дополнительные, чтение на русском языке и основы арифметики. Не зная идиша, Лева не мог ни понять учителя, ни подружиться с одноклассниками. Едва ли можно сомневаться, что для ребенка, привыкшего бродить по полям, эта школа казалась грязной и зловонной дырой, где он наверняка задышался. Поведение взрослых тоже ставило его в тупик. Однажды он увидел, как громоклеевские евреи гонят по главной улице селения женщину легкого поведения, безжалостно унижая ее и выкрикивая яростные проклятия. В другой раз колонисты сурово наказали конокрада. Заметил он и странный контраст: с одной стороны колонии стояли ободранные еврейские избышки, с другой блестели чистотой аккуратные домики немецких колонистов. Естественно, его тянуло к жилищам иноверцев.

В Громоклее он оставался недолго, так как через несколько месяцев Бронштейны, видя, что мальчик подавлен, решили забрать его домой. Так он распрощался с Писаниями и со сверстниками, которые продолжили переводить стихи с непонятного иврита на непонятный идиш странной напевной речью¹. Однако за несколько проведенных в колонии месяцев он научился читать и писать по-русски; и по возвращении в Яновку без устали переписывал отрывки из тех немногих книг, которые нашлись в доме, а позднее писал сочинения, вслух читал стихи и сам понемногу рифмовал. Он стал помогать отцу со счетами и бухгалтерией. Частенько его с гордостью показывали заехавшим в гости соседям и просили почитать стихи или показать рисунки. Сначала он смущался и убегал, но вскоре привык к восхищению окружающих и начал его добиваться.

Примерно через год после того, как Лева оставил еврейскую школу, в Яновку приехал гость, которому суждено было оказать решающее влияние на него в детские и отроческие годы. Этот гость — Моисей Филиппович Шпенцер, племянник госпожи Бронштейн из городской мещанской родни. Он жил в Одессе, занимался «немного журналистикой, немного статистикой», заразился либеральным брожением идей и за мелкий политический

---

¹ Позднее, будучи в Одессе, он снова брал уроки иврита, но результат был ненамного лучше.

проступок лишился права учиться в университете. Во время его пребывания в Яновке, где он прожил все лето — Шпенцер приехал в деревню поправить здоровье, — он много времени уделял смышленому, но совсем необразованному любимцу семейства. Он вызвался увезти Леву в Одессу и заняться его образованием. Бронштейны согласились; и так осенью 1888 года экипированный новенькой школьной формой, нагруженный посылками со всевозможными вкусностями, которые только могла произвести яновская кухня, и орошаемый слезами печали и радости, Лева покинул отчий дом.

Одесса, город-порт на Черном море, была российским Марселем, только гораздо моложе, солнечным и веселым, многонациональным, открытым всем ветрам и влияниям. Южная кипучесть, любовь к зрелищам и темпераментная сердечность преобладали в характерах одесситов. Однако за семь лет, которые Лева провел в Одессе, его ум и личность формировались под влиянием не столько города и нрава тамошних жителей, сколько дома Шпенцеров. Едва ли он мог попасть в семью, более непохожую на родительскую. Сначала Шпенцеры имели скромный достаток; главе семейства приходилось нелегко из-за отсутствия работы, и тем временем главной кормилицей была его жена, начальница еврейской школы для девочек. Позднее Шпенцер стал довольно крупным издателем либеральной литературы. Американский писатель Макс Истмен, познакомившийся с четой Шпенцер примерно сорок лет спустя, описывал их такими словами: «дружелюбные, тихие, уравновешенные, умные». Они начали с того, что стали учить мальчика правильно говорить по-русски, а не на просторечной смеси украинского и русского языков; его манеры они отшлифовали так же, как и произношение. Впечатлительный мальчик готовился превратиться из деревенского сорванца в приличного гимназиста. Перед ним открылись новые интересы и удовольствия. По вечерам Шпенцеры читали вслух классическую русскую поэзию — Пушкина, Лермонтова и своего любимого Некрасова, поэта-гражданина, выразившего в стихах протест против народных бедствий. Лева завороченно слушал и, когда его заставляли спуститься с золотых облаков поэзии и отправиться в постель, сопротивлялся. От Шпенцера он впервые услышал историю Фауста и Гретхен, «Оливер Твист» тронул его до слез, и украдкой он прочел тяжелую и безрадостную пьесу Толстого «Власть тьмы», которую незадолго до того запретила цензура и о которой взрослые приглушенно шептались между собой.

Шпенцеры выбрали для Левы учебные заведения, но оказалось, что он не вышел годами для первого класса. Однако затруднение быстро разрешилось, когда громоклеевский регистратор в метриках перенес его дату рождения с 1879-го на 1878 год. Серьезным препятствием стало то, что в 1887-м, за год до поступления его в школу, правительство издало печально известный указ об ограничении приема евреев в средние школы, согласно которому их количество не должно было превышать десяти процентов, а в отдельных местах пяти или даже трех процентов от общего числа учеников. Чтобы поступить учиться, дети евреев проходили жесткий отбор на экзаменах. Лева, совсем не посещавший начальную школу, на экзаменах провалился. Год он ходил в подготовительный класс при той же школе, из которого ученики-евреи допускались в первый класс с правом первоочередного поступления.

В реальном училище Святого Павла — так называлась школа — не преподавали классических языков, но ученики получали лучшую по сравнению с обычными гимназиями подготовку по естественным наукам, математике и современным языкам: немецкому и французскому. Прогрессивная интеллигенция считала такой перечень предметов наилучшим, исходя из целей рационалистического и практического образования. Училище Святого Павла основала одесская община немцев-лютеран, но и оно не избежало русификации. Когда Лева поступил в училище, обучение в нем проходило на русском языке, но ученики, как и учителя, принадлежали к самым разным народам — немцам, русским, полякам, швейцарцам — и вероисповеданиям — православию, лютеранству, иудаизму, католицизму. В результате такого разнообразия национальностей и религий в училище возник определенный либерализм, несвойственный русским школам. В нем не преобладала ни одна национальность, не пользовалась привилегиями ни одна религия, даже православная. В худшем случае русский преподаватель мог исподтишка придраться к ученику-поляку или католический священник со сдерживаемой неприязнью досаждал еврею. Но откровенной дискриминации или гонений, из-за которых нерусские ученики чувствовали бы себя ущемленными, не было. Конечно, определенная дискриминация заключалась в самом факте, что официальным языком был русский; но возмутиться этим могли бы только немецкие родители и дети. И, несмотря на процентную норму, с первых дней после приема в школу к ученикам из евреев относились справедливо. В каком-то

смысле училище Святого Павла дало Леве первое представление о космополитизме.

Он сразу же стал первым учеником в классе. Никому не приходилось следить за его учением или волноваться об уроках. Он всегда делал больше, чем от него ждали. Учителя быстро отметили его одаренность и усердие, а вскоре он приобрел популярность и среди старшеклассников. Однако он недолюбливал спортивные упражнения и физическую активность и, прожив семь лет на берегу Черного моря, ни разу не рыбачил, не катался на лодке и не плавал. Возможно, он сторонился спортивной площадки из-за одного несчастного случая: вскоре после поступления в училище он хотел повторить смелый прием на спортивной лестнице, но упал с нее и «всем телом ударился о лестницу». «Я извивался на земле, как червь... После этого я стал осторожнее с гимнастикой». А может быть, он чувствовал, что упражнения на открытом воздухе больше годились для Яновки: «Город представлялся мне созданным для занятий и чтения». Для уверенности в себе ему вполне хватало успехов в училище.

За семь лет, проведенных в реальном училище, он оказался замешанным в нескольких школьных скандалах, правда, без особенно дурных последствий. Одно время он издавал школьный журнал, который почти целиком писал сам; но, поскольку департамент образования запретил подобные издания, учитель, которому он показал номер журнала, предостерег его и велел прекратить это занятие. Лева послушался. Во втором классе несколько мальчиков, в том числе и он, решили проучить нелюбимого учителя — «устроить концерт», то есть проводить учителя дружным подвыванием с закрытым ртом. Несколько провинившихся директор оставил в классе после уроков, но первого ученика посчитал вне подозрений. И тогда несколько наказанных мальчиков выдали Леву. «Первый ученик второго класса — нравственный урод», — сказал оскорбленный учитель, указывая на мальчика, которым прежде гордился; и «урода» исключили из училища. Потрясение смягчилось пониманием и сочувствием, которое выказали Шпенцеры к своему подопечному, и снисходительностью отца, которого случай скорее позабавил, чем рассердил.

На следующий год Леву после сдачи экзаменов снова приняли в училище; он опять стал любимцем и гордостью преподавателей и старался больше не впутываться ни в какие неприятности. Правда, однажды в старших классах он вместе с другими учени-

ками отказался писать сочинение для ленивого учителя, который никогда не читал и не возвращал тетрадей; но на этот раз обошлось без наказания. В автобиографии он, слегка рисуясь, так рассказывает о последствиях своего исключения: «Таково было первое, в своем роде политическое испытание. Группировки, которые сложились вокруг этого эпизода: ябедники и завистники на одном полюсе; открытые, отважные мальчишки — на другом, и нейтральная, зыбкая, неустойчивая масса посередине — эти три группировки далеко не полностью рассосались и в течение последующих лет. В дальнейшей своей жизни я встречал их не раз, в самых различных условиях». В этом воспоминании второй класс одесского училища действительно походит на прототип коммунистической партии 1920-х годов с ее разделением на противников и сторонников Троцкого.

К тому времени начали оформляться внешность и характер мальчика. Он был недурен собой, загорелое лицо отличалось резкими, но правильными чертами, живой взгляд близоруких глаз блестел за стеклами очков, и густая грива угольно-черных, всегда расчесанных волос венчала голову. Он очень заботился о своей внешности: опрятный и аккуратный, хорошо и даже элегантно одетый, он имел «весьма буржуазный» вид. Юный Лев Бронштейн был жизнерадостным и бойким, но притом исполнительным и воспитанным подростком. Подобно многим одаренным юношам, он был очень занят собой и добивался превосходства. По его собственным словам, он почувствовал, что может более других. Мальчишки, которые сближались с ним, признавали его верховенство. Это не могло не сказаться на характере. Макс Истмен, почитатель и критик Троцкого, говорит, что в нем рано и сильно развился дух соперничества, и сравнивает это качество с хорошо известным инстинктом скаковых лошадей. «Даже когда они неспешно бредут к месту отдыха, инстинкт заставляет их хотя бы одним белым глазом косить назад, не появится ли на дорожке соперник, считающий себя ровней. Для этого нужно постоянно осознавать собственное «я», и в целом такая черта характера очень неприятна — особенно с точки зрения лошадей, не предназначенных для скачек». Хотя Лева приобрел популярность среди школьных товарищей, ни один из них не стал его закадычным другом.

В училище никто не оказал на него заметного влияния. Его преподаватели, чьи характеры он так ярко изображает в автобиографии, представляли собой самую разношерстную компа-

нию: одни были сравнительно хороши, другие отличались большой чудаковатостью или пользовались дурной славой взяточников; даже лучшим из них не хватало оригинальности, чтобы подстегивать его разум. Его характер и мысли формировались в доме Шпенцеров.

Там любили его, восхищались им, и мальчик отвечал воспитателям теплотой и благодарностью. Начиная с самых первых недель в их доме, когда он восторженно наблюдал за ребенком Шпенцеров, замечая его первые улыбки, и до последних дней своего пребывания с ними ничто не омрачило их нежной дружбы. Единственное, что противоречит идиллической картине, это история, которую Шпенцеры расскажут много лет спустя, о том, как вскоре после переезда в Одессу Лева продал несколько их самых дорогих книг, чтобы купить себе сластей. По мере взросления он все полнее сознавал, насколько ему повезло, что он нашел таких замечательных покровителей, и все ближе сходился с ними в интеллектуальных склонностях. В их доме частыми гостями бывали редакторы местных либеральных газет и литераторы. Беседы с ними и даже само их присутствие гипнотизировали мальчика. «Писатели, журналисты, артисты, — говорил он, — оставались для меня самым привлекательным миром, доступ в который открыт только самым избранным»; и на этот мир он взирал с трепетом, известным только прирожденному писателю, когда он впервые соприкасается с творцами и творениями на уютованном ему поприще.

Одесса не была ведущим или самым деятельным литературным центром; колоссы русской словесности не входили в число друзей Шпенцеров. Тем не менее в пятнадцать—шестнадцать лет мальчик благоговейно стоял на пороге храма, хотя и не видел у его алтаря ни одного из главных иерархов. Местная либеральная печать, страдавшая от постоянных нападков цензуры, имела своих смелых и одаренных авторов, например, таких, как В.М. Дорошевич, мастер полулитературных-полужурналистских очерков, в которых однажды преуспеет и сам Бронштейн. Фельетоны Дорошевича были излюбленным чтением Левы и старших. С тех пор как Шпенцеры занялись издательским делом, дом всегда полнился книгами, рукописями и корректурами, которые Лева прочитывал внимательно и с непреодолимым любопытством. Он взволнованно следил за процессом изготовления книги и с восторгом вдыхал запах печатного слова, к которому сохранил слабость даже в годы революционной и военной деятельности. Здесь он страст-

но влюбился в слово, и здесь впервые услышал похвалу местного автора, знатока и исследователя Шекспира, который прочел одно из сочинений Лева и с восхищением отозвался о том, как хорошо мальчик все придумал и изложил.

Не меньшей притягательной силой обладал для него и театр. «Я пристрастился к итальянской опере, которую очень гордилась Одесса. В шестом классе я стал даже давать платные уроки только для того, чтобы иметь деньги на театр. В течение нескольких месяцев я был безмолвно влюблен в колоратурное сопрано, которое носило таинственное имя Джузеппины Угет и казалось мне временно сошедшим с небес на подмостки одесского театра»¹. Опыление театром с его светом рампы, костюмами и масками, с его страстями и противоборствами весьма уместно у юноши, который в будущем сыграет свою роль с обостренным чувством драматизма и о котором поистине можно сказать, что сама его жизнь имела мощь и рисунок классической трагедии.

Из Одессы Лева возвращался в Яновку на летние каникулы и Рождество, а иногда для поправления здоровья. В каждый приезд он видел явные признаки растущего достатка. Он уезжал из хозяйства обычного зажиточного крестьянина; а хозяйство, куда он возвращался, все больше походило на помещичье имение. Бронштейны построили большой деревенский дом для себя и детей; однако они жили и работали, как в былые времена. Отец проводил дни за теми же занятиями, торговался с мужиками на мельнице из-за мешков с мукой, проверял коровники, следил за работниками, убиравшими урожай, и порой сам брался за косу. Ближайшее почтовое отделение и железнодорожная станция по-прежнему находились километрах в тридцати. В Яновке никто не читал газет — в лучшем случае мать медленно и старательно перечитывала старый роман, проводя по строчкам мозолистым от работы пальцем.

Эти возвращения наполняли Лева смешанными чувствами. В нем еще оставалось много от деревенского жителя, чтобы в городе он чувствовал себя стесненно, а здесь наслаждался просторными, открытыми степями. Здесь он расправлял плечи, играл, гулял, скакал на лошади. Но в каждый свой приезд в Яновку он также испытывал чувство все большего отчуждения. Занятия и склонности родителей казались ему невыносимо узкими, манеры грубыми, образ жизни бесцельным. Он начал понимать, что для преус-

---

¹ Троицкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 85.

пеяния от землевладельца требовалось проявлять жестокость по отношению к батракам и мужикам, даже если эта жестокость, как в Яновке, смягчалась патриархальной благосклонностью. Во время каникул Лева помогал вести счета и подсчитывать плату; иногда отец и сын спорили, особенно когда старому Бронштейну казалось, что расчеты несправедливо завышены в пользу работников. Ссоры порой случались в присутствии мужиков, и это оскорбляло хозяина. Юноша не считал нужным вести себя осмотрительнее, и дух противоречия в нем усиливался от ощущения собственного превосходства, вполне объяснимого в образованном сыне полуграмотного крестьянина. Сельская жизнь в целом вдруг представилась ему отвратительно варварской. Как-то раз он тщетно пытался протестовать против грубости полицейского, который явился, чтобы отправить по этапу двух рабочих за просроченные паспорта. Перед его глазами мелькали сцены жестокости, с которой сами бедняки относились друг к другу. Он чувствовал смутное сочувствие к обездоленным и еще более смутные угрызения совести за свое привилегированное положение. Так же сильно, а может быть, еще сильнее, он переживал из-за своего оскорбленного достоинства. Ему больно было видеть себя сыном деревенского мироеда и безграмотного выскочки, сыном, как могли бы сказать сейчас, кулака.

Из Одессы он уехал в 1896 году. Как правило, в реальных училищах ученики проходили семь классов, но так как в училище Святого Павла имелось только шесть классов, то для поступления в высшее учебное заведение нужно было пройти седьмой класс при другом реальном училище в Николаеве. Бронштейн стоял на пороге семнадцати лет, но до сих пор его по-настоящему не увлекла ни одна политическая идея. За год до того умер Фридрих Энгельс; это событие никак не отложилось в уме будущего революционера — даже имя Карла Маркса еще не достигло его ушей. По его собственным словам, он был «политически мало подготовленным, даже для тогдашнего своего семнадцатилетнего возраста». Его влекла литература, он готовился поступить в университет и заниматься математикой. Оба жизненных подхода, образный и отвлеченный, притягивали его — позднее он попытается объединить их в своих писательских трудах. Но пока что политика не представляла для него никакого интереса. Он подумывал о перспективах ученой карьеры — к разочарованию отца, который предпочел бы для него более практическое занятие. Меньше всего юноша воображал себя революционером.

В этом явственно сказался дух того времени. В иную пору молодые люди зачастую бросались в революционное подполье прямо со школьной скамьи. Так случалось, когда тайные организации активизировались под влиянием новых идей, воодушевлялись большими надеждами и, естественно, расширялись. На протяжении 1880-х годов и в начале 1890-х революционное движение находилось в точке самого низкого упадка. Расправившись с Александром II, «Народная воля» фактически совершила самоубийство. Ее вожди думали, что их деяние станет сигналом для общенационального восстания, но им не удалось вызвать никакого отклика, и народ промолчал. Те, кто был прямо или косвенно связан с заговором, умерли на эшафотах, и у них не нашлось последователей, которые пришли бы продолжить дело. Снова стало очевидно, что, несмотря на недовольство, крестьяне не собирались устраивать революцию; для мужиков убийство царя было мстью помещиков крестьянскому благодетелю.

Новый российский император Александр III отменил большую часть полулиберальных реформ своего предшественника. Его главным вдохновителем и наставником был Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода, сосредоточивший в своем мрачном и остром уме весь ужас перед революцией, характерный для правящего класса. Победоносцев подстрекал царя восстановить неослабное владычество отца над семейством, господина над имением и самодержца над всей Россией. Хвалить прежнего императора за отмену крепостного права стало чуть ли не преступлением. Власть помещиков над крестьянами была восстановлена. Университеты закрыли для детей низших сословий, радикальную прессу запретили, и всему народу, включая интеллигенцию, пришлось молча покориться.

Революционный террор доказал свою беспомощность и таким образом развеял еще одну народническую иллюзию. Покушение на Александра III, в котором участвовал Александр Ульянов, старший брат Ленина, провалилось. Уцелевшие участники «Народной воли» чахли в тюрьмах и ссылках, предавались воспоминаниям и терялись в замешательстве. Тогдашнюю эпоху характеризует исповедь одного из народнических вождей Тихомирова, который издал в Западной Европе книгу «Почему я перестал быть революционером». Кое-кто из бывших бунтарей нашел выход для энергии и талантов в промышленности и коммерции, которые начали развиваться невиданными темпами. Многие увидели пророка во

Льве Толстом, ненавистнике пороков аристократии и проповеднике непротivления злу насилieм. Учение Толстого как бы давало интеллигенции нравственную санкцию на лишeнное иллюзий бездействие.

В «Моей жизни» Троцкий объясняет свою аполитичность этой всеобщей атмосферой. Объяснение верно лишь отчасти. В действительности задолго до 1896 года, когда он уехал из Одессы, революционное подполье ощутило прилив новых сил. Марксисты разработали новую программу и образ действий; словно грибы росли группы студентов и рабочих, называвших себя социал-демократами. Из доклада российских делегатов Социалистическому интернационалу мы знаем, что в середине десятилетия такие группы действовали в Одессе¹. Молодой Бронштейн не знал об их существовании. По-видимому, в училище Святого Павла не было социалистического кружка, иначе его члены непременно попытались бы привлечь на свою сторону самого одаренного и популярного ученика. Кроме того, деятельность нового движения не нашла никакого отклика в процветающем и обеспеченном доме Шпенцеров. Шпенцеры относились к тем, на кого разгром народников произвел неизгладимое впечатление. Они остерегались по-настоящему опасных тем или обсуждали их шепотом. Их радикализм постепенно свелся к непредубежденному, но пугливому либерализму, который, безусловно, подразумевал оппозицию царизму. Но этого было слишком мало, чтобы подействовать на их подопечного. Только четкие, смелые и ясно выраженные идеи могут вызывать энтузиазм в юных умах и сердцах. Когда в 1895 году Николай II взoшел на трон и прямо велел и без того весьма умеренным «либеральным» земцам бросить «бессмысленные мечтания», сердцем Лева был с «мечтателями»; но, подобно Шпенцерам, считал само собой разумеющимся, что было бы донкихотством пытаться как-то изменить существующий порядок.

В этом неопределенном, подспудно либеральном настроении одно чувство он переживал с особой остротой — томительную тоску по Европе и европейской цивилизации, по Западу и его свободам. Этот Запад напоминал видение земли обетованной: он нес утешение и награду за жалкую и убогую российскую действительность. Эта часть света, не знавшая ни погромов, ни черты оседло-

---

¹ В «Докладе русских соц.-демократов 2-му Интернационалу» (Женева, 1896) утверждается, что в Одессе эти группы действовали активнее, чем где-либо в Южной России.

сти, ни процентной нормы, особенно обладала бесконечной приятельностью в глазах еврейской интеллигенции. Да и большинству интеллигентов других национальностей Запад представлялся полной противоположностью всему, что они ненавидели на родине: Святейшему синоду, цензуре, кнуту и каторге. Многие образованные русские поначалу подходили к Западу с тем экзальтированным преклонением, с каким взирал на него молодой Герцен, прежде чем буржуазный либерализм, увиденный в непосредственной близости, лишил его иллюзий. Позднее Лева как социалист тоже поймет ограниченность либеральной Европы и обратится против нее; но доля юношеского энтузиазма по отношению к Западу уцелеет в нем и будет до самого конца окрашивать его мысли.

Словом, в таком умонастроении он покидал Одессу, «самый полицейский город в полицейской России». Что касается политики, то единственным его отчетливым воспоминанием о городе будет уличная сцена с участием одесского градоначальника контр-адмирала Зеленого, человека, в котором «неограниченная власть сочеталась с необузданным темпераментом... Я видел его только один раз, и то лишь со спины. Но этого было для меня вполне достаточно. Градоначальник стоял во весь рост в своем экипаже, хриплым голосом испускал на всю улицу ругательства и потрясал вперед кулаком. Перед ним тянулись полицейские с руками у козырьков и дворники с шапками в руках, а из-за занавесок глядели перепуганные лица. Я подтянул ремни ранца и ускоренным шагом направился домой»¹.

Бунтарская искра еще не зажглась в юноше, смотревшем на сатрапа, — он всего лишь содрогнулся от ужаса перед властью и пошел своей дорогой, словно бы в духе толстовского непротivления.

---

¹ Троицкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 79.

Глава 2

В ПОИСКАХ ИДЕАЛА

Впервые на революционный путь молодого Бронштейна вывела простая случайность. Летом 1896 года он приехал в Николаев, чтобы закончить среднее образование. Он поселился в доме женщины, чьих сыновей уже затронули социалистические идеи. Они втягивали его в спор и пытались внушить ему свои взгляды. За несколько месяцев они как будто ничуть не продвинулись вперед. Он презрительно отмахивался от «социалистических утопий». Под градом аргументов он вставал в позу чуть консервативного юноши, не лишённого сочувствия к народу, но относящегося с недоверием к «идеологии черни» и «власти толпы». Он был страстно предан лишь чистой математике, а на политику у него не оставалось ни времени, ни охоты. Хозяйка, не одобрявшая взглядов своих детей, с радостью встретила здравомыслящего юношу и ставила его в пример сыновьям. Но продолжалось это недолго. Разговоры о господстве социальной несправедливости и необходимости изменить весь уклад жизни в стране уже будоражили мысли Бронштейна. Доводы социалистов заставляли его живо вспоминать картины бедности и эксплуатации, которые с детства запечатлелись в его памяти; они дали ему почувствовать, насколько спёртым воздухом он дышал, и пленили его новизной и смелым благородством. Однако же он продолжал сопротивляться. Чем сильнее привлекали его новые идеи, тем отчаяннее он цеплялся за свой напускной консерватизм и безразличие к политике. Дух противоречия и стремление побеждать в спорах не позволяли ему сдаться так просто. Но в конце концов защита, выставленная самолюбием, подалась. В середине учебного года он вдруг признал свое «поражение» и сразу же

начал приводить доводы в пользу социализма с таким пылом и остротой, что просто огорошил тех, кто обратил его в новую веру.

Мы увидим, как снова и снова срабатывает в нем этот психологический механизм: он сталкивается с новой идеей, на которую вынужден хоть как-то отреагировать; он сопротивляется упрямо и высокомерно; сопротивление тем временем растет тем больше, чем сильнее идея притягивает его; он старается подавить первые сомнения и колебания. Затем его внутренняя оборона рушится, самоуверенность постепенно исчезает; но он все еще слишком горд или недостаточно убежден, чтобы выказать хоть малейший признак отступления. Пока еще борьба, обуревающая его разум, никак не проявляется внешне. Потом новое убеждение внезапно крепнет в нем и как бы в единый миг преодолевает дух противоречия и самолюбие. Он поражает недавних оппонентов не только своей полной и безоговорочной капитуляцией, но и воодушевлением, с которым встает под их знамена, а иногда и неожиданными и далеко идущими умозаключениями, которые он выводит из их же аргументов.

Знамена, под которые он только что вступил, имели в его голове довольно туманные очертания. Он скорее покорился духу, чем идее. Он решил «встать на сторону обиженных». Но кто эти обиженные? Кто их обидел? И что теперь нужно делать? Никто не мог его направить. В Николаеве не существовало ни одной значительной группировки или организации социалистического толка. Его социализм сразу же проявился в проснувшемся интересе к общественным и политическим вопросам и соответственно в ослаблении страсти к математике. Он принялся искать единомышленников, разделявших его интересы; но вместе с этим тут же вышел из-под защиты той среды, в которой провел детство и отрочество.

Через товарищей по квартире он познакомился с неким Францем Швиговским, бедным садовником, который арендовал фруктовый сад на окраинах города и в своей избушке в этом же саду организовал маленький дискуссионный клуб для радикально настроенных студентов и рабочих. Швиговский, чех по происхождению, был любопытной личностью. Он читал на многих языках, хорошо разбирался в классической русской и немецкой литературе, получал по подписке иностранные газеты и журналы и всегда мог одолжить друзьям запрещенную политическую брошюру или памфлет. Старые народники, жившие в городе под

надзором полиции, иногда тоже приходили во фруктовый сад. Среди этих народников не было выдающихся личностей, они не объединялись в организацию, но придавали кружку Швиговского нечто характерное от своего романтически-революционного мировоззрения. Почти все члены кружка считали себя народниками. Как говорит один из участников, их встречи носили «безвредный характер». Люди приходили в сад, потому что там они чувствовали себя в своей тарелке и могли свободно говорить. В городе сад Швиговского вскоре приобрел одиозную репутацию «центра ужаснейших политических заговоров». Полиция засылала к ним своих соглядатаев, переодетых садовыми работниками; но соглядатаи могли донести только то, что Швиговский угощает своих гостей яблоками, наливает чаю без счета и ведет с ними безвредные, заумные разговоры.

Как мы знаем, в то время началось революционное возрождение. В марте 1895 года министр внутренних дел Дурново написал Победоносцеву о том, что его беспокоят новые настроения, особенно среди студентов, которые рьяно и безвозмездно принялись читать лекции по самым разным общественным вопросам. По мнению министра, это идеалистическое бескорыстие не предвещало ничего хорошего. Все репрессивные законы прошлых лет не смогли оградить школы и университеты от подрывного влияния. Уже на протяжении многих лет Министерство внутренних дел назначало профессоров в обход деканов, отправляло в отставку подозрительных лиц и продвигало послушные ничтожества. Ученых с мировой славой, таких, как, например, химик Д. Менделеев, биолог И. Мечников и социолог М. Ковалевский, объявляли неблагонадежными и увольняли либо заставляли уходить в отставку. Выдающийся историк Ключевский был вынужден отречься от либеральных взглядов. Работы Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера и Карла Маркса были запрещены. Студенческие библиотеки и клубы закрылись; осведомители окопались во всех лекционных залах. Плата за обучение выросла в пять раз, чтобы академическое образование стало недоступно детям бедняков. И все-таки, вопреки всему, оживший дух бунтарства расползлся по университетам. В конце 1895-го — начале 1896 года студентов призвали принести присягу верности новому царю Николаю II. За коронацией (во время которой тысячи зрителей были изувечены и погибли под ногами обезумевшей толпы, и ответственность за это возложили на полицию), в мае 1896 года, последовала забастовка трид-

цати тысяч петербургских рабочих, первая забастовка подобного масштаба.

В этих событиях уже сказывалось влияние Союза борьбы за освобождение рабочего класса, созданного Лениным, Мартовым и Потресовым. Обновленное движение всецело вдохновляли марксисты — народники практически не приняли в нем участия. Новый социализм опирался главным образом на промышленных рабочих. Он отверг практику терроризма. Он признал необходимость дальнейшей капиталистической индустриализации в России, посредством которой рабочий класс должен был возрасти в числе и силе. Однако свою первейшую задачу социалисты видели в борьбе за гражданские свободы и призывали рабочих к участию в экономических и политических акциях и обществах.

До сих пор эти события вызывали в застойном болоте Николаева лишь мелкую зыбь. В то время, когда Бронштейн вступил в кружок Швиговского (в конце осени или начале зимы 1896 года), его членов, наверное, все еще будоражили события, произошедшие раньше в тот же год. Кружковцы собирали сведения и обсуждали их, но дальше разговоров не заходили. Они были не способны оценить значение происходящего, имели лишь приблизительное понятие о марксистской критике народнической доктрины и продолжали звать себя народниками. Только одна молодая женщина, входившая в кружок, по имени Александра Соколовская, сама будучи дочерью народника, прямо заявляла о своих марксистских убеждениях и старалась убедить кружковцев, что пролетарский социализм предлагает им реальную философию и науку революции. На первых порах ее слова пропускали мимо ушей. Но вскоре избушка во фруктовом саду огласилась горячими спорами. Бронштейн сразу же после прихода в кружок очутился внутри яростного диспута. На него тут же напали, вынуждая сделать выбор. Почти сразу же он объявил себя народником. И почти сразу же обрушился на одинокую марксистку. Г.А. Зив (друг юности Бронштейна, а позднее его враг, оставивший яркие воспоминания о тех днях) рассказывает, что, когда он, Зив, впервые стал посещать сад зимой 1896 года, Бронштейн, которому еще не исполнилось и восемнадцати лет, «уже тогда обращавший на себя внимание всех посещавших Франца своими выдающимися способностями и талантливостью», был «самым смелым и самым решительным спорщиком» из всего кружка и «обдавал безжалостным сарказмом» теории Карла Маркса в интерпретации девушки.

Он очень плохо разбирался в обеих соперничающих доктринах. Совсем недавно он впервые в жизни взял у Швиговского несколько старых нелегальных брошюр и папок с радикальной периодикой и нервно пробежал их глазами; ему не терпелось с одного взгляда уяснить суть изложенных в них доводов. Больше всего его воодушевили такие авторы, как Джон Стюарт Милль, Бентам и Чернышевский, хотя их книги не имели прямого отношения к возникшей дискуссии. Какое-то время Бронштейн гордо звал себя бентамистом и даже не догадывался о том, насколько увлечение Бентамом несообразно с идеями революционера, хоть народника, хоть марксиста. О самом Марксе и других светилах марксистского учения калибром поменьше он не имел ни малейшего понятия. Более осторожный или вдумчивый молодой человек хотя бы вначале посидел спокойно, вник в дискуссию, обратился бы, возможно, к источникам и взвесил все за и против, прежде чем пропагандировать какую-то идею. (Именно так Ленин приступил к изучению марксистской теории.) Но развитой не по годам Бронштейн отличался впечатлительным умом и легко увлекался. Он, как все люди, щедро одаренные интеллектом и сообразительные, обладал замечательной способностью к блефу. Он умел так быстро уяснить, к чему клонит оппонент, со всеми его скрытыми смыслами, что победить его одним только знанием было очень трудно. В училище он приобрел самоуверенность блестящего ученика и привык затмевать собой товарищей. Поэтому, когда новые знакомые стали добиваться, чтобы он непременно встал на чью-то сторону, он был готов сделать что угодно, только не отговориться незнанием предмета. Он принял одну из сторон и, не способный на бесстрастную сдержанность, очертя голову бросился в бой.

Он сделал выбор инстинктивно. Народническое мировоззрение привлекало юношу именно тем, что отличалось от марксизма. По убеждению марксистов, все общественные явления прямо или косвенно определяются экономическим состоянием общества. Народники не отвергали этот взгляд полностью — за двадцать лет до того они были первооткрывателями исторического материализма в России. Однако народники не цеплялись за него с непреклонным упорством, многие из них придерживались так называемой субъективистской философии, подчеркивавшей господство «критического разума» и воли отдельной личности. Эта философия хорошо сочеталась с традициями и легендами партии, которая отказалась ждать до тех пор, пока

для выступления против царизма «созреют» экономические условия или пока не поднимутся народные массы, и которая управляла своих бойцов-одиночек и мучеников, твердых и целеустремленных заговорщиков, выслеживать с бомбой в руках царя, министров и губернаторов. Молодому Бронштейну марксизм казался узким и сухим, как пыль, с его точки зрения марксизм оскорблял достоинство человека, изображая его пленником экономической и социальной среды, игрушкой безымянных производительных сил. Он сам позднее скажет, что его понимание марксизма было упрощением и пародией на это учение; да и в любом случае, ни одна другая современная политическая теория не внушала людям столько воли и решимости сражаться, страдать и умирать за правое дело, как марксизм¹. Но, пародируя взгляды современных ему марксистов, Бронштейн был отчасти прав. Многие из тех, кто причислял себя к марксистам, на самом деле исповедовали сухую квиетистскую теорию. Вероятно, молодой Бронштейн столкнулся именно с таким вариантом марксизма, который никак не мог сравниться в привлекательности с романтической традицией народников. Она воодушевляла примерами для подражания, памятью о героях и мучениках и предлагала простой, незатейливый взгляд на будущее. Народники покрыли себя славой вчера, и казалось, их ожидает слава завтра. Лишь казалось. В своем упадке народническое движение было не способно повторить былые подвиги, тем более повторить их, питая те же чистые и героические иллюзии. Но даже закат великого романтического движения отбрасывал багряные отблески на российский небосклон. Эти отблески горели в глазах молодого Бронштейна.

С головою бросившись в полемику, он оказался самым непримиримым противником Соколовской. В их отношениях сплелись двойственные чувства, практически неизбежные между двумя молодыми людьми разного пола, близкими политическими противниками, которые регулярно встречаются в крохотном кружке, одновременно и влекут и отталкивают друг друга и не имеют возможности избежать этих встреч. Соколовская, будучи несколько старше Бронштейна — по словам одних, на шесть лет, по словам

---

¹ В конце жизни Троцкий часто сравнивал марксизм с кальвинизмом: детерминизм одного и учение о предопределении другого, отнюдь не ослабляя и не отрицая воли человека, укрепляют ее. Убеждение, что его действия находятся в гармонии с высшей необходимостью, вдохновляет марксиста, как и кальвиниста, на самоотверженность и самопожертвование.

других, на десять, — конечно, имела более глубокий и основательный политический опыт, чем выпускник реального училища. Скромная, твердая в убеждениях и совершенно лишенная тщеславия, она упрямо излагала свои взгляды и держала себя в руках, даже когда незрелый оппонент делал ее объектом своих колкостей. Положение становилось нелепым. У Швиговского все были немного влюблены в девушку, а некоторые юноши даже сочиняли любовные стихи. Важные «измы» и серьезные вопросы, пробуждение любви и вирши — все смешалось, и тем непримиримее разгорались споры.

«— Все считаете себя марксисткой? — дразнил ее Бронштейн. — Как же молодая девушка, столь полная жизни, может терпеть эту сухую, узколобую, непрактичную чепуху?

— Как же может человек, — отвечала ему Соколовская, — считающий себя разумным, набивать себе голову туманными идеалистическими переживаниями?»

А иногда он смеялся над ее девической чувствительностью, которая плохо сочеталась с приверженностью марксизму, этому «низменному учению лавочников и торгашей».

Однако он постепенно начал постигать рассуждения Соколовской. Его внутренняя уверенность поколебалась. Тем более «жестоким» становился он в спорах, и тем более грубыми — его насмешки. В последний день 1896 года кружок собрался, чтобы по diskutieren и справить Новый год. Явился Бронштейн и, к удивлению друзей, объявил, что сделался марксистом. «От радости Соколовская забыла даже удивиться, как это с ним произошел такой неожиданный переворот». Молодые люди поднимали стаканы за скорейшее освобождение рабочего класса, за падение царской тирании и тому подобное. Когда наступила очередь Бронштейна сказать тост, он встал, поднял стакан и, обернувшись к Соколовской, без видимой причины или повода выпалил: «Черт побери всех марксистов и тех, кто хочет принести сухость и жесткость во все отношения жизни!» Девушка ушла из сада, клянясь, что больше никогда, никогда не подаст руки этому мальчишке. Вскоре она уехала из города¹.

Наступил Новый год, а члены кружка по-прежнему проводили время в одних разговорах. Бронштейн написал и отправил в

---

¹ Об этих случаях рассказывают и Истмен, и Зив. В «Моей жизни» Троцкий умалчивает о них, но в предисловии к книге Истмена подтверждает их фактическую точность; тем самым он также свидетельствует о правдивости рассказанного Зивом.

народническую газету полемическую статью против марксизма, где «было много эпиграфов, цитат и яду. Содержания в ней было значительно меньше». Статья так и не увидела свет. Вместе с братом Соколовской он взялся сочинять пьесу о противоречиях между марксистами и народниками, но драматурги застряли на первом же или втором действии. В пьесе они хотели вывести народника в качестве положительного героя, противопоставив ему марксиста. По мере того как разворачивался сюжет, авторы удивленно заметили, что не кто иной, как марксист, вызывал все большую симпатию: он определенно чем-то напоминал Соколовскую. Еще кружок Швиговского устроил «бунт» в местной публичной библиотеке, дирекция которой подняла абонентную плату. Кружковцы собрали «общественность», привели новых членов и на годовом собрании свергли дирекцию — а это немало для дремотного городка.

Бронштейн позабросил учебу, однако к тому времени он успел достаточно выучиться, чтобы летом 1897 года сдать выпускные экзамены с отличием. И все-таки отец заподозрил что-то неладное. На каникулах в Яновке Лева рассуждал о свободе и свержении самодержавия. «Послушай, мальчик, этого не будет еще и через триста лет!» — ответил фермер, гадая, откуда его сын набрался таких идей. Скоро он проведал о новых знакомых Левы и строго-настрого приказал ему держаться подальше от сада Швиговского. Тогда Лева заявил о своем праве на «критический разум» и «свободную волю». Он сказал, что волен выбирать друзей по собственному вкусу, но раз он вышел из-под родительской власти, то больше не будет жить на отцовские деньги. Он отказался от содержания, стал давать частные уроки и переехал из своей уютной квартирки в избушку к Швиговскому, где уже жило шестеро студентов, причем несколько туберкулезников. Перемена опьянила молодого человека: наконец-то свобода! Нет больше опрятного буржуйского сынка, служившего объектом восхищения и зависти для родителей прочих мальчиков. Его место занял настоящий народник, который, подобно зачинателям движения, «пошел в народ», чтобы слиться с ним, поселился в маленькой коммуне, где все одевались как сельскохозяйственные рабочие, клали свою копейку в общий котел и ели жидкую похлебку и кашу из общей жестяной миски.

Старый Бронштейн иногда приезжал из Яновки поглядеть, не исправился ли сын, устав от лишений и неудобств. Ничто не

говорило об этом. Один из жильцов Швиговского, позднее известный редактор коммунистического издания, будет вспоминать «большого усатого крестьянина... который заходит в избу на рассвете и возвышается угрожающей и неумолимой фигурой. «Эй! — кричит он громко, как в трубу трубит. — Ты что, тоже сбежал от отца?» Сцены гнева перемежались равнодушными примирениями. Отец, видя, как рушатся его несбыточные надежды, проявлял нетерпение и не желал ни с кем считаться. Сын, униженный перед товарищами, для которых он хотел быть образцом для подражания, отвечал ему резко и непочтительно. В споре столкнулись одинаковые характеры — та уверенность в своей правоте, то же упрямство, та же гордость и похожие трубные голоса. Когда Лева поступил в Одесский университет, чтобы изучать математику, казалось, что все еще можно поправить: даже чистая математика была в глазах его отца предпочтительнее попыток свергнуть царя в сомнительной компании. В университете Лева проявил исключительное прилежание к своему предмету. Но университет никак не мог тягаться с садом Швиговского; а исчисление нельзя было противопоставить революции. Он пробыл в Одессе недолго, но достаточно, чтобы завязать знакомство с тамошними революционерами и получить от них подпольные брошюры и газеты, с которыми он победоносно вернулся в Николаев.

Потом наступила тревожная весна 1897 года. В марте закончила с собой курсистка, приговоренная за политические взгляды к заключению в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, — она сожгла себя в камере. Событие спровоцировало бурю протестов и демонстраций в университетах. В ответ власти выслали многих студентов. Последовали новые протесты и демонстрации. Даже «полицейская» Одесса пришла в возбуждение. Студенты, приезжавшие из Киева, приносили с собой в сад Швиговского новое волнение и возмущение. Бронштейн и его товарищи почувствовали, что наконец пришла пора перейти от слов к делу.

«Однажды он таинственно отозвал меня в сторону и предложил принять участие в организуемом им рабочем союзе. Народничество было отброшено в сторону: по плану эта организация должна была быть социал-демократической, хотя Бронштейн этого названия избегал... и предложил назвать организацию «Южно-Русский Рабочий Союз»... Когда я вступил в организацию, — продолжает Зив, — я пришел на все готовое. У Брон-

штейна были связи с рабочими, а также с революционными кружками Одессы, Екатеринослава и других городов»¹.

На судостроительном заводе и фабриках Николаева работали примерно 10 тысяч рабочих, в основном мастера высокой квалификации, недурно зарабатывавшие, у которых хватало времени на то, чтобы читать книги и газеты. Однако до сей поры у них не было организации, даже профсоюза. Рабочие кварталы кишели религиозными сектами, отколовшимися от православной церкви. К этим сектантам и отправился Бронштейн. Он быстро заметил, кто из них больше интересуется религиозными догматами, а кто — политической подоплекой своих разногласий с православием. Среди них-то он и набрал первых членов Южно-русского рабочего союза. Он объединял их в небольшие кружки, в которых регулярно обсуждались текущие события и читались нелегальные брошюры. Еще до конца года союз насчитывал около 200 членов. По отчету, опубликованному после их ареста, мы можем во всех подробностях представить себе эту организацию. В нее входили слесари, столяры, электрики, швеи и студенты, главным образом в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, но кое-кому перевалило и за сорок. Соколовская тоже была среди членов-основателей. Забыв о новогоднем скандале, она вернулась к Швиговскому, как только узнала о почине.

Очевидно, что название союза позаимствовали у другой организации с центром в Одессе, действовавшей на четверть века раньше. Прежний Южно-русский рабочий союз, основанный студентом Е.О. Заславским, был народническим по характеру и придерживался просветительно-пропагандистской линии Лаврова. Насколько удалось выяснить, союз имел примерно столько же членов, сколько и его преемник. В 1875 году полиция истребила его на корню. Руководители союза предстали перед Сенатом и в основном получили сроки на каторге. Заславский и несколько его товарищей умерли в тюрьме. Одного из основателей союза, Н.П. Щедрина, дважды приговаривали к казни и дважды заменяли казнь пожизненной каторгой. Долгие годы арестант был прикован к своей тачке, пока у него не помутился рассудок; тогда Щедрина перевели в Шлиссельбургскую крепость, где он мучился еще пятнадцать лет, и представить себе его мучения можно по «Запискам из мертвого дома» Достоевского. Легенда об этом мученичестве сохранилась в Южной России; вероятно, именно в память о

---

¹ Зиб Г.А. Троцкий, характеристика по личным воспоминаниям. С. 18.

нем Бронштейн назвал свою организацию Южно-русским рабочим союзом. Сам же он впервые выбрал себе псевдоним — Львов.

Это превращение мальчика, который всего за год до того казался избалованным богатеньким сынком, в основателя тайной организации, добровольно ступившего на тернистый путь революционера, совершилось очень быстро. Очевидно, в нем с рождения кипели и били через край энергия, пыл и воображение, которым обычные занятия не давали выхода. Он должен был служить какому-то делу, жертвовать собой; и когда он нашел такое дело, то страстный, юношеский темперамент вырвался на волю. И друзья и враги Бронштейна соглашались в том, что он был душой, глашатаем, организатором и самым энергичным членом Союза, целиком отдающим себя делу. «Наша группа была первой социал-демократической организацией в Николаеве, — говорит Зив в воспоминаниях, окрашенных приобретенной позднее враждебностью. — Успех нас так взвинчивал, что мы находились в состоянии, так сказать, хронического энтузиазма. И лавиной долей этих успехов мы несомненно были обязаны Бронштейну, неистощимая энергия, всесторонняя изобретательность и неутомимость которого не знали пределов». Союз, продолжает Зив, в течение многих последовавших лет с гордостью оглядывался на период своего расцвета под руководством восемнадцатилетнего юноши, который своей верой, красноречием и личным примером заразил товарищей и заставил их позабыть обо всех личных привязанностях и заботах и полностью посвятить общему делу свою жизнь, мысли, силы и время. С уходом Бронштейна организация лишилась своего нервного центра, мозга. К Союзу больше не вернулся пыл его первых дней.

Конечно, по сравнению с любой обычной партией или организацией Союз был просто крохотным кружком. В отношениях с властью, против которой выступил Союз, он походил на бактерию, разлагавшую огромную гнилую тушу; по существу, это была одна из нескольких десятков бактерий революции, которые как раз принялись за дело.

Кружки, организованные в доках и на фабриках, распространяли прокламации и листок под названием «Наше дело». В прокламациях обсуждались вопросы местного значения, условия работы на заводах и судостроительных верфях, злоупотребления начальников и хозяев. Разоблачения не проходили даром; разоблаченным приходилось отвечать на выпады; а Союз парировал новыми листовками. «Какое чувство удовлетворения доставляли

сведения с заводов и с цехов о том, как рабочие жадно читали, передавали друг другу и горячо обсуждали таинственные листки с лиловыми буквами. Они воображали себе автора листков могущественной и таинственной фигурой, которая проникает во все заводы, знает, что происходит в цехах, и через двадцать четыре часа уже отвечает на события свежими листками»¹. «Наше дело», орган Союза, вызывал такой же обнадеживающий отклик. Организации не хватало денег, чтобы выпускать нелегальный листок. Рассказывают, что Бронштейн предложил тайком печатать его в одесской типографии Шпенцера — в пылу он не сознавал, какой вред может причинить родным, — но свои же товарищи убедили его этого не делать. Потом откуда-то появился чудаковатый доброжелатель с «планом революции»; он сказал, что для свержения царя нужно 100 тысяч рублей, на которые можно устроить тысячу крошечных подпольных типографий по всей России и наводнить рабочие кварталы антимоноархическими прокламациями. Для начала доброжелатель подарил кружку гектограф; и Бронштейн взялся за работу засучив рукава. Он сам писал прокламации и листовки; сам переписывал их каллиграфическим почерком лиловой тушью (чтобы рабочим легче было их разбирать); сам иллюстрировал текст карикатурами; сам делал в жалкой каморке слепого товарища трафарет и снимал по сотне копий для каждого выпуска; сам заботился о распространении². На одну страницу текста у него уходило около двух часов. «Иногда я в течение недели не разгибал спины, отрываясь только для собраний и занятий в кружках».

Политически Союз был тесным братством бунтарей совершенно безыскусных. Некоторые его члены звали себя народниками, другие марксистами, но это разделение не мешало их работе. Они могли работать сообща, потому что действовали в узких рамках. Они призывали рабочих к борьбе за повышение заработка и сокращение рабочего дня, и в этом разногласий между народниками и марксистами не было. Они предпочитали не обращаться к рабочим по политическим вопросам, о которых спорили в саду Швиговского. Такая деятельность, типичная для большинства подпольных организаций того времени, позднее получила название «экономической» из-за своей односто-

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 133—134.

² «Всю самую существенную часть технической (не говоря, само собою разумеется, о литературной) работы вынес на своих плечах Бронштейн» (Зив Г.А. Указ. соч. С. 24 и в других местах).

ронней сосредоточенности на вопросах «хлеба насущного». Но именно это обстоятельство было причиной ее быстрого успеха. Если бы две конкурирующие группы попробовали бы привлечь на свою сторону рабочих, они только запутали все дело и потерпели полное фиаско. Только в рамках широкого и более основательного движения можно было серьезно бороться с разногласиями. Тем не менее о николаевском Союзе узнали руководители более передовых групп из других центров России, которые готовились созвать съезд и учредить социал-демократическую рабочую партию. Перед ними встал вопрос: стоит ли приглашать на съезд делегата от николаевской группы, не слишком ли он юн для участия в столь серьезном событии? Прежде чем они успели так или иначе разрешить свои сомнения, николаевская группа очутилась в тюрьме.

Успех первого предприятия показал молодому революционеру «силу написанного слова». Город полнился слухами; с Союзом, вызывавшим страх или восхищение, приходилось считаться как с реальной силой; и его недруги, равно как и друзья, считали его куда мощнее. Причиной всего этого было слово, написанное им, Бронштейном. До самого конца он сохранил уверенность в силе слова. В любой ситуации он обращался к нему как первому и последнему прибежищу; и всю свою жизнь он пользовался этой силой, порой потрясая мир, а иногда неся плачевные потери. Еще в маленьком братстве бунтарей он впервые испробовал свои ораторские способности; но первая попытка закончилась унижением и слезами. Одно дело — резко и язвительно аргументировать в споре, и совсем другое — прочесть заранее подготовленную речь. «Он цитировал Гумпловица и... Джона Стюарта Милля... и так запутался в сети заумных слов и тенях идей, которые все дальше ускользали от него, что слушатели потели от жалости и спрашивали себя, есть ли на свете хоть какой-нибудь способ помочь ему остановиться. Когда же он в конце концов умолк и вопрос представили на общее обсуждение, никто не произнес ни слова. Никто просто не понял, в чем этот вопрос состоял». Оратор «ушел в другой конец комнаты и бросился лицом вниз на диванную подушку. Он весь взмок от пота, плечи дрожали от стыда, и в ту минуту все его любили», — пишет Макс Истман.

В тесном кружке ни одна черта характера Бронштейна, хорошая или плохая, не ускользала от глаз его товарищей. Записанные ими впечатления совпадают друг с другом почти по всем

пунктам, за одним исключением: все они делают акцент на чем-то своем. Соколовская, которая впоследствии стала его женой и которую он потом оставил, вспоминала через без малого тридцать лет, что он умел быть очень нежным и сочувственным, а в другое время — очень самоуверенным и надменным; только в одном он никогда не менялся — в своей преданности революции. «За всю свою жизнь я не встречала человека, который столь же полно отдавался бы делу», — говорит Соколовская. А Зив выступает с критикой, подчеркивая его эгоцентризм и деспотический характер: «Я» Бронштейна управляло всеми его поступками». Но Зив при этом прибавляет, что революция управляла его «я». «Он любил рабочих, любил своих товарищей по организации, потому что он любил в них самого себя». Легко отказавшись от удобств налаженной жизни и перспектив карьеры, он не понимал, отчего другие ведут себя не так. Когда Зив, которому не терпелось закончить курс в университете, начал пренебрегать делами группы, Бронштейн сделал ему тактичный выговор, предостережение. Он подарил Зиву фотокарточку с надписью: «Вера без дел мертва есть».

Больше чем кто бы то ни было другой его вдохновлял своим примером Фердинанд Лассаль, основатель первого массового движения немецких социалистов. В те дни влияние Лассалья на европейский социализм было очень сильным — позднее разоблачение его двусмысленных политических связей с Бисмарком несколько притушило ореол вокруг его личности. Причиной того, что молодой Бронштейн так глубоко почитал Лассалья, лежала в бесспорном сходстве их судеб. Лассаль тоже происходил из зажиточной еврейской семьи и покинул свой круг, чтобы бороться за освобождение рабочих. Он прославился как один из величайших ораторов и одна из самых ярких и возвышенных личностей своей эпохи. Его головокружительная карьера окончилась трагедией: смерть он встретил во время романтической дуэли. Он вошел в историю как основатель первой современной рабочей партии — первой в мире, не только в Германии. Величие, яркость и драматизм этой жизни не могли не поразить воображение Бронштейна. Он рассуждал о своем герое с восторженным восхищением, он поклялся следовать его примеру и, если верить Зиву, похвалялся, что станет русским Лассалем. Молодой человек не страдал от скромности, ни ложной, ни настоящей. Он не скрывал ни своих ошибок, ни притязаний. Он думал, мечтал и потакал своему честолюбию — вслух, не таясь.

Первый период его нелегальной подпольной деятельности продолжался с весны до конца 1897 года. Сначала полиции не верилось, что всю эту агитацию на заводах и верфях ведет кучка юнцов и полоумных из сада Швиговского; и за их спинами сыщики высматривали фигуры повнушительнее. Это дало Союзу время для того, чтобы еще шире распространить свое влияние, пока полиция не оправилась от сомнений и не начала слежку за Бронштейном. В конце года руководители Союза, опасаясь репрессий, договорились на время разойтись и возобновить деятельность чуть погодя. Правда, они решили вернуться в город, если в их отсутствие полиция арестует рабочих: они не дадут жандармам основания говорить рядовым членам Союза, что руководители их покинули.

В первые недели 1898 года Бронштейн уехал из Николаева, чтобы переждать грозу в загородном поместье, где Швиговский устроился на работу. Сразу же по приезде его и Швиговского арестовали. Большинство членов Союза арестовали в Николаеве и близлежащих городках и селах. Из деревни Бронштейна перевели в николаевскую, а потом в херсонскую тюрьму, где его продержали несколько месяцев. Полиция не сомневалась в том, что он вдохновитель группы. На протяжении морозной зимы его держали в строгой изоляции в крохотной, кишашей паразитами камере, которую не отапливали и не проветривали. На ночь ему приносили соломенную подстилку, которую убирали с рассветом, так что днем у него не оставалось ни лежанки, ни сиденья. Ему не разрешали гулять и разминаться в тюремном дворе, получать газеты, книги, мыло или перемену белья. Голодный, грязный, запаршивевший, он ходил по камере взад-вперед, стучал в стены, надеясь, что поблизости окажется хоть одна живая душа, — но никто не отзывался; он опять принимался ходить, считая шаги и пытаясь стряхивать с себя вшей. Даже официальные допросы не нарушали однообразие этих месяцев; заключенному и не подумали предъявить обвинение. Хотя таким обращением полиция надеялась сломить его дух, оно все же оказалось мягче, чем то, что выпало на долю некоторых других членов Союза, которые от пыток совершали самоубийства, сходили с ума или не выдерживали и соглашались стать осведомителями. «Иногда меня грызла жестокая тоска одиночества», — признается он. Но молодой революционер находил в самопожертвовании моральное удовлетворение и сочинял революционные частушки, одна из которых потом вошла в сборник революционных песен. К концу его пребывания в

херсонской тюрьме полиция смягчилась; тогда матери удалось подкупить сторожей и передать ему посылки с едой и такие «предметы роскоши», как мыло, белье и фрукты.

Для допросов и снятия показаний Бронштейн наконец перевели в одесскую тюрьму, в которой ему предстояло провести еще полтора года. Там он тоже сидел в одиночке, но мог тайно общаться с товарищами¹. Переполненная тюрьма бурлила от постоянных происшествий, заговоров и розыгрышей. Бронштейн пребывал в отличном расположении духа и подшучивал над жандармским полковником, который его допрашивал. Чтобы подготовиться к допросу, молодой человек выяснил, что жандармы узнали о Союзе, и для этого ему пришлось связаться через записку с товарищами по несчастью в соседних камерах. «Задача написать эту записку была нелегкая. Он должен был изложить в ней всю историю своего ареста, обстоятельства, его сопровождавшие, и свои показания на допросе у жандармов. Написать все это надо было так, чтобы дать полное понятие о том, как все это произошло, и вместе с тем не дать улик против себя в том случае, если записка будет перехвачена. Письмо было полно искрометного сарказма, злой сатиры — блестящий памфлет»². Бронштейн начал превращать историю собственной жизни в литературу.

Следствие тянулось, не принося никаких обвинительных улик. Тем временем Бронштейн жадно читал все, что только попадало в его руки, сначала только книги и журналы из тюремной библиотеки, а потом и те, что присылали ему с воли. В тюремной библиотеке была только религиозная литература и церковные вестники. Для языковой разминки он читал Библию одновременно по-немецки, французски, английски и итальянски. Потом ему принесли целые кипы православных журналов, переполненных рассуждениями против агностиков, атеистов и особенно масонов. «Полемика ученых православных авторов, — писал он позднее, — против Вольтера, Канта и Дарвина привела меня в мир теологической мысли, который я никогда доселе не затрагивал и никогда даже отдаленно не представлял, в каких фантастических, педантичных, смехотворных формах все это выливается». «Исследования о бесах или демонах, о их князьях, дьяволе и о их темном

---

¹ Именно в этой тюрьме члены Союза узнали об учредительном съезде социал-демократической партии, который только что состоялся в Минске, и взволнованно передавали эту новость от окна к окну (Троцкий Л. Поколение Октября. С. 20).

² Зив Г.А. Указ. соч. С. 28.

бесовском царстве каждый раз заново поражали и в своем роде восхищали молодую рационалистическую мысль... Пространное изыскание о рае, о его внутреннем устройстве и о месте нахождения заканчивалось меланхолической нотой: «Точных указаний о месте нахождения рая нет». Я повторял эту фразу за обедом, за чаем и на прогулке. Насчет географической долготы райских блаженств указаний нет»¹. Теологические пикировки с тюремщиком — религиозным фанатиком — были его любимым развлечением. Рационалистическое неприятие религии было, в общем, типично для образованных россиян того времени, независимо от их убеждений, радикальных, социалистических или всего лишь умеренно либеральных, и независимо от происхождения, православного или еврейского. В воспитании Бронштейна иудаизм не сыграл никакой роли, а с православием он познакомился только в тюрьме. Мракобесие как еврейских, так и православных ортодоксов, их упорное нежелание замечать какие бы то ни было новые веяния — в этом отношении они сильно отстали и от протестантов, и даже от католической церкви — вызывало отвращение образованных и даже малообразованных людей. Они не могли пойти на компромисс с религией, которая сама не желала примириться ни с одним современным направлением человеческой мысли.

С удивлением погружаясь в эту богословскую литературу, он к тому же пытался вывести из ее спорных заключений и передергиваний основные черты незнакомых философских и социологических систем, осуждаемых церковью. Он искал указаний, которые помогли бы ему самостоятельно реконструировать эти вредоносные теории и тогда уж оценить их в свете марксизма, согласно своим взглядам. С воли ему передали несколько книг, которые показали ему более прямой путь. Он прочел труды Дарвина, которые лишь подкрепили его в подсознательном атеизме. Через двадцать пять лет он вспоминал, как изложение Дарвином естественных причин, под влиянием которых у павлина появились его характерные перья, навсегда изгнало из его разума идею Высшего существа, и как его потрясло, когда он узнал, что сам Дарвин отнюдь не был атеистом².

---

¹ Из письма Троцкого к Истмену.

² В 1923 г. в обращении к студентам Свердловского университета в Москве он сказал: «И сейчас я не знаю, была ли это у старика [Дарвина], одного из гениальнейших в истории человечества, условная ложь, дипломатическое преклонение перед... общественным мнением, или же и впрямь в его собственном мозгу остались непроработанные дарвинизмом клетки» (Троцкий Л. Поколение Октября. С. 55—56).

Затем еще ближе к цели подвели его философские эссе Артуро Лабриолы, итальянского марксиста: мысли и стиль Лабриолы, недогматический, ясный, изящный, произвели на него неизгладимое впечатление. Пока что он только отчасти понимал, о чем рассуждает Лабриола в своей книге, но она дала молодому революционеру ключ к пониманию марксистской теории.

Стоя на таких шатких позициях и опираясь на неплотную ткань фактов, почерпнутых из православных источников, он попробовал написать историю масонства с материалистической точки зрения и в этом историческом анализе представить свою самодельную версию марксизма. Это была его первая крупная работа, к которой он на всю жизнь сохранил теплое отношение: Бронштейн остался безутешен, когда она потерялась во время его многочисленных переездов. У нас нет реальных оснований разделять нежность автора к первым плодам его литературной деятельности; но можно предположить, что в работе он впервые испробовал силы в изложении истории с позиций марксизма. Свои статьи он прятал в тюремном отхожем месте, чтобы их прочитали его товарищи, и среди них было одно эссе о роли личности в истории, что было предметом незатухающих споров между марксистами и народниками. «Я не открыл ничего нового. Все те методологические выводы, которые я предлагал, давно уже были сделаны и применялись на деле. Но я приходил к ним оцупью и до некоторой степени самостоятельно. Думаю, что это имело значение для всего моего дальнейшего идейного развития. Я находил затем в работах Маркса, Энгельса, Плеханова, Меринга подтверждение того, что в тюрьме мне казалось моей собственной догадкой... Исторический материализм не был мною воспринят сразу в догматической форме»¹.

Подобные размышления помогали ему сохранить бодрость духа до тех пор, пока не начал близиться к концу второй год его

---

¹ *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 1. С. 147. Зив утверждает, что в одесской тюрьме Бронштейн также написал трактат о заработной плате, в котором доказывал, что сдельная оплата предпочтительна повременной оплате, поскольку она больше способствует повышению производительности труда. Представляется почти невозможным, что в то время он занимался столь специфическим вопросом экономики. Зив снова оказался в одной тюрьме с Бронштейном в Санкт-Петербурге в 1906—1907 гг. и, скорее всего, приписывает своему товарищу работу, написанную несколькими годами позже.

пребывания в тюрьме. В умственном отношении он превращался из юноши в мужчину; превращению способствовало то, что пленнику в камере не оставалось ничего иного, как думать и рассуждать.

В конце 1899 года заключенным вынесли приговоры в административном порядке, то есть без суда. Бронштейна и троих его товарищей сослали в Сибирь на 4 года; другие получили меньшие сроки; некоторых отпустили. Вскоре ссыльные отправились по этапу. Сначала их отвезли в Москву, и там они полгода ждали в пересыльной тюрьме. Осужденных не только не судили по справедливости и не дали им возможность высказаться, но и не вычли из их сроков два с половиной года заключения, пока продолжалось следствие.

В московской тюрьме Бронштейн познакомился с взрослыми и опытными революционерами со всех концов России, которые ждали там отправки к месту ссылки. Новые лица, новые веяния, новые идеи. Здесь он впервые услышал об Ульянове и прочитал его «Развитие капитализма в России», серьезную книгу, опубликованную незадолго до того. Здесь он впервые узнал о том, как далеко ушло подпольное движение на севере страны. Даже борьба идей, которая велась в Западной Европе, находила немедленный отклик в стенах тюрьмы. Среди многих книг, переходивших из камеры в камеру, была знаменитая книга Эдуарда Бернштейна «Предпосылки социализма», первая попытка выдающегося немецкого социал-демократа отделить рабочее движение от революционных концепций марксизма и придать ему эволюционный, реформаторский характер. Работа Бернштейна спровоцировала, как казалось в то время, эпическое столкновение двух крыльев европейского социализма: «ортодоксальных марксистов» и «ревизионистов». Обитателей пересыльной тюрьмы она не взволновала: никто из них не пожелал бы оставить революционную стезю ради мирного похода в социалистическое будущее.

В новой обстановке Бронштейн не потерял ни капли своей самоуверенности. Он продолжал читать и спорить и разразился непрерывным потоком статей и брошюр. Он задумал устроить типографию прямо в тюрьме, под самым носом у полиции. Соседи по тюрьме сочли его затею чересчур рискованной, и ему пришлось удовольствоваться раздачей своих сочинений в руко-

писном варианте. По временам товарищам Бронштейна его воображение казалось слишком уж смелым и потребность насолить властям слишком безрассудной. В Херсоне наперекор всему он убедил сокамерников объявить голодовку протеста, когда полиция предложила отпустить несовершеннолетних преступников на том условии, что родители устроят им хорошую порку и не дадут больше совать нос в политику, — это было бы «оскорблением чести юного революционера». В Москве он снова отважно встал на защиту достоинства заключенных. Некий арестант не снял шапку перед начальником тюрьмы, и в наказание его отправили в карцер. Бронштейн тут же устроил демонстрацию солидарности. «На коротком совещании было решено выйти во дворик всем в шапках, потребовать от надзирателя для вызова начальника дать тревожный сигнал. Шапок мы, конечно, при его приходе не снимаем. Дальнейшее будет диктоваться обстоятельствами.

Надзиратель растерялся, дать тревожный сигнал, однако, отказался. Мы все столпились около него. Бронштейн, стоя впереди всех, вынул часы и, держа их перед собой, торжественно заявил надзирателю: «Даю две минуты на размышление». Когда срок ультиматуму истек, Бронштейн, отодвинув несопротивлявшегося надзирателя в сторону, величественным жестом надавил кнопку. Затем мы все, надвинув шапки на головы, вышли во дворик... [Туда] окруженный огромной свитой вооруженных надзирателей, влетел начальник.

«Почему шапки не снимаешь?» — заорал он, кинувшись к Бронштейну, стоявшему впереди всех и, по-видимому, имевшему наиболее вызывающий вид. «А ты почему шапки не снимаешь?» — с достоинством ответил Бронштейн»¹.

Несколько великанов-тюремщиков увели неговорчивого бунтаря в карцер.

Резкий и непокорный по отношению к властям или, как сказал бы он сам, классовому врагу, он был добр и даже сентиментален со своими товарищами и их родными. Заключенным разрешали свидания с родственниками дважды в неделю. На свиданиях Бронштейн «обнаруживал трогательную нежность не только к своей невесте, а потом жене... но и ко всем остальным дамам, приходившим на свидания к своим мужьям, братьям и т. п., и очаро-

¹ Зиб Г.А. Указ. соч. С. 39.

вывал всех их своим рыцарством»¹. Обычно женщины уносили домой мужское белье; но Бронштейн отказывался от таких услуг и сам стирал и чинил белье и смеялся над тем, что революционеры не освободились от тенет буржуазных привычек и предрассудков и позволяют женщинам их обслуживать. Вернувшись из комнаты свиданий в камеру, «весь избыток нежности он продолжал расточать нам, ласкал, целовал, обнимал». Его теплота настолько врезалась в память, что несколько лет спустя его друзей, превратившихся тем временем в его врагов, ставила в тупик та беспощадность, которую он проявлял в делах революции и гражданской войны.

Во время пребывания в московской тюрьме, весной или летом 1900 года, он женился на Александре Соколовской. Раввин провел церемонию бракосочетания прямо в камере; а обручальное кольцо жених одолжил у одного из своих тюремщиков. История этого брака несколько туманна. Довольно часто политические ссыльные заключали фиктивные браки, чтобы избежать полного одиночества в ссылке, потому что женатые пары имели право поселиться в одном и том же месте. Фиктивные семьи часто превращались в настоящие. Неясно, как Бронштейн и Соколовская поначалу смотрели на свой брак. В «Моей жизни» он посвятил этому только одну странно отчужденную фразу, равнодушные которой дает основания предполагать, что их союз был обманом. «Совместная работа тесно связала нас, — пишет он. — Чтоб не быть поселенными врозь, мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме». Очевидцы отрицают прозаический характер их связи. Они рассказывают, что двойственные чувства между бывшими противниками переросли в любовь, вспоминают, как нежно вел себя Бронштейн в тюрьме и по дороге из Москвы в Сибирь и как во время поездки под солдатским конвоем, которая продолжалась почти две недели, эта нежность так захватила его, что он совсем забросил друзей и политические дискуссии. Эти рассказы очевидцев кажутся вполне правдивыми. Кстати, не так просто было заключить их брак. Впервые Бронштейну пришла мысль о нем еще в херсонской тюрьме, но, как несовершеннолетнему, ему требовалось родительское разрешение. Отец возражал против брака: он не желал, чтобы сын женился на девице, которая мало того что намного старше, еще и

¹ *Зив Г.А. Указ. соч. С. 36.*

привела сына на дурную дорожку — старый Бронштейн в этом не сомневался. «Лева рвал и метал, — пишет Зив, — и боролся со всей энергией и упорством, на какие был способен. Но старик был не менее упорен и, имея преимущество пребывания по ту сторону ограды, остался победителем». В Москве Лева снова взялся за дело и наконец добился успеха. Должно быть, он не стал бы так «рвать и метать» ради фиктивного брака.

Переезд от Москвы до места ссылки, прерываемый короткими остановками в разных пересыльных пунктах, продолжался с лета до поздней осени. Вся партия ссыльных доехала до Иркутска на поезде, где они разделились и отправились в разные стороны. Бронштейнов отправили по Лене на большой барже, битком набитой скопцами¹ в белых одеждах, которые распевали псалмы и устраивали дикие пляски. Бронштейнов высадили в деревне Усть-Кут, во время золотой лихорадки на Лене служившей узловым пунктом для восточносибирских поселенцев. Золотоискатели успели перебраться дальше на восток и север, и Усть-Кут превратился в Богом забытую глухомань с сотней крестьянских изб, грязных, кишаших паразитами и мошкаррой. Крестьяне, обуреваемые несбыточной мечтой о богатстве, беспробудно пили. Здесь Бронштейны оставались какое-то время, и Лева изучал «Капитал» Маркса, «сгоняя тараканов с его страниц». Потом они получили разрешение перебраться в другое место, на 250 верст восточнее, где он устроился конторщиком у неграмотного купца-миллионера. Хозяин вел дело на колоссальной территории и был некоронованным королем подвластных ему тунгусов. Бронштейн смотрел, как это громадное капиталистическое предприятие растет на девственной сибирской земле, — в будущем он станет приводить его в пример, говоря о типичном для России сочетании отсталости и капиталистического развития. Социологические наблюдения плохо сказываются на исполнении бухгалтерских обязанностей, и ошибка в счете стоила Бронштейну места. В разгар суровой зимы при температуре более сорока гра-

---

¹ С к о п ц ы — гонимая секта фанатиков, которые кастрировали себя, дабы жить в святости. Они селились общинами, в основном занимались садоводством, одевались в белые одежды и проводили ночи в молитвенных бдениях. Учение скопцов основывалось на словах Исайи: «Ибо Господь так говорит: об евнухах, которые хранят Мои субботы, и избирают угодное мне, и крепко держатся завета Моего, тем дам я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям» (Ис., 56: 4—5). По легенде, к секте принадлежали несколько русских царей (например, Александр I).

дусов ниже нуля Бронштейны на санях отправились обратно в Усть-Кут. С собой они везли десятимесячную дочку, завернутую в меховые одеяла. На остановках родители тревожно разворачивали меховой куль, желая убедиться, что, стараясь защитит от мороза, ненароком не задушили девочку.

Из Усть-Кута они переехали в Верхоленск, что находится на полпути к Иркутску в горах, нависших над Байкальским озером. Там они с относительным удобством обосновались в маленькой избушке. Верхоленск — одно из старейших поселений Восточной Сибири. За тридцать пять лет до того в Верхоленск выслали польских повстанцев на строительство дорог, и теперь в нем большой колонией проживали ссыльные и была налажена хорошая почтовая связь с Иркутском, главнейшим городом в этой части Сибири. Там Бронштейн получил возможность продолжить самообразование и развить свои идеи, установить полезные связи и прославиться. Вскоре он по уши окунулся в местные дискуссии среди ссыльных, и его влияние начало расти. Он читал лекции, спорил, писал, отстаивал идеи социализма против анархических, массовую борьбу в противовес терроризму и противопоставлял марксизм субъективистской философии. За несколько предшествующих лет он стал сторонником основных принципов марксистской идеологии и теперь, в Сибири, окончательно и твердо отождествил себя с социал-демократическим движением. Как раз тогда начал разрастаться Сибирский союз РСДРП, набирая членов среди ссыльных и строителей Транссибирской магистрали. Из Союза обратились к Бронштейну с просьбой написать несколько листовок. Он с готовностью согласился, и вскоре организация уже считала его своим вождем и рупором. Через два года он будет представлять Сибирский союз в Брюсселе и Лондоне, на достопамятном съезде, когда российская социал-демократическая партия раскололась на большевиков и меньшевиков.

Весна 1901 года принесла одно из тех неожиданных потрясений, которыми сопровождаются приливы и откаты общественного мнения в самодержавной империи. Снова университеты заклокотали демонстрациями, а заводы забастовками. Тысячи студентов подверглись арестам; многих забрали в армию — это новое наказание объявлялось декретом 1899 года, — многих сослали. Святейший синод отлучил Льва Толстого от церкви. В феврале 1901 года студент по фамилии Карпович выстрелил в министра образования Боголепова. Писательская ассоциация выразила протест против жесткого полицейского надзора над деятельностью высших

учебных заведений. Социалистический интернационал официально осудил царя в своем манифесте. В подпольные кружки хлынули новые единомышленники, а ссыльные принесли с собой в сибирские поселения новые идеи. По рассказам вновь прибывших, Бронштейн попытался оценить мощь антицаристской оппозиции. Он пришел к выводу, что политическое брожение, несмотря на свою интенсивность, вскоре выдохнется, главным образом потому, что подпольные организации не знают, как воспользоваться им или как направить его против самодержавия. Тайные организации росли как на дрожжах, но вели неорганизованное существование, отдаваясь местным делам и личным честолюбивым стремлениям. Необходимо было скоординировать их действия в национальном масштабе и дать им единое руководство. Бронштейн не первый придумал это. Плеханов, Ленин, Мартов и другие давние марксисты-эмигранты развивали ту же мысль в только что основанной «Искре». Но первый номер «Искры» вышел в Германии за несколько месяцев до начала политического подъема и еще не добрался до ссыльных в Верхоленске. Бронштейн изложил свои соображения в статье, которая получила известность и горячо обсуждалась в сибирских поселениях. С точки зрения биографа эта малоизвестная статья интересна тем, что в ней Бронштейн подробно разъяснил свои взгляды на партийную организацию и дисциплину, полностью совпадающие с принципами, которые позднее стали отличительной чертой большевизма и которые сам он встретил резкой и язвительной критикой¹.

Революционное движение, как утверждал он в 1901 году, окажется франкенштейновым чудовищем, если только управление им не возьмет на себя авторитетный Центральный Комитет с полномочиями распускать или исключать из партии любую организацию или отдельного человека, не подчиняющегося партийной дисциплине. Центральный Комитет, писал он, порвет всякие отношения с недисциплинированной организацией и таким образом отрежет ее от всего дела революции. Центральный Коми-

---

¹ См. II съезд РСДРП (Отчет сибирской делегации), с. 32. Он процитировал свою сибирскую работу в 1903 г. в приложении к отчету Сибирского союза о II съезде партии, где попытался объяснить, почему встал на сторону меньшевиков против большевиков, вопреки тем взглядам, которые пропагандировал в Сибири. Вначале Сибирский союз, как и Южно-русский, был экономическим по характеру и только в 1902 г. признал главенство революционной политики над экономической и под влиянием большевиков вступил в организацию «Искры». Позднее он присоединился к меньшевикам.

тет перестанет направлять в организацию литературу и необходимые средства. Он отрядит группу своих людей, снабдив их материальными ресурсами, и объявит, что эта группа является местным комитетом. Это, можно сказать, изложенная в двух словах полная процедура чистки, исключения и отлучения, которая в конце концов отрезала от дела революции его самого. Однако нельзя не признать, что в то время революционное движение в России не могло сделать ни единого шага вперед без объединения и дисциплины и что общее руководство порой было вынуждено применять суровые меры, чтобы обуздать своевольные группировки. Когда Бронштейн впервые сформулировал эти взгляды, на него посыпались те же самые обвинения, какие однажды он предъявит Ленину. Кое-кто из ссыльных утверждал, что в своих взглядах Бронштейн отходит от марксизма к народничеству; что социал-демократы возлагают надежду на рабочие массы, а не на горстку вождей, и что, соответственно, незачем предоставлять Центральному Комитету диктаторские полномочия, необходимые в условиях малочисленного заговора. Пока мы не будем углубляться в этот спор, хотя он же, но на более поздних этапах, станет одним из лейтмотивов нашего повествования. Но важно отметить, что впервые он прозвучал еще в 1901 году.

Однако нам больше известны литературные достижения Бронштейна сибирского периода, чем его политическая деятельность. Вскоре после приезда в Сибирь он стал писать для «Восточного обозрения» — иркутской газеты прогрессивного толка. Статьи он подписывал псевдонимом Антид Ото. Это вымышленное имя (от итальянского *antidoto*, противоядие) отлично отвечало духу сопротивления, которыми были проникнуты все его сочинения. Как Антид Ото он пользовался большой популярностью среди сибирских поселенцев, а через ссыльных, вернувшихся в Европейскую Россию, его слава спустя некоторое время достигла революционных кругов Петербурга, Киева и даже западноевропейской эмиграции¹. Его статьи, переизданные в томах IV и XX Сочинений, находятся на стыке литературы и журналистики — по стандартам сжатой, астматической журналистики середины XX века они, безусловно, относятся к литературе. Он писал социальные очерки и литературные рецензии. В социальных очерках речь в основном шла о жизни сибирского крес-

---

¹ Автор лично знал старых ссыльных, которые в 1920—1930-х гг. по-прежнему в разговорах называли Троцкого Антид Ото и спрашивали, например: «А что на этот счет говорит Антид Ото?»

тьянства, они отличались смешанным стилем, одновременно неторопливым, описательным и остросатирическим. В них сильно сказалось влияние Глеба Успенского, талантливого народника с трагической судьбой, чьи правдивые, но глубоко печальные описания жизни крестьян, ремесленников и мелких чиновников бередили раны и вскрывали бедствия империи, устанавливая очень высокие стандарты для «обличительной литературы».

«Четверть века прошло с тех пор [со времен Успенского]. Многое ли изменилось в этой стороне жизни?...» Обращаясь к стилю Успенского, Антид Ото как бы заступил на его место. Его персонажами стали те же крестьяне и мелкие чиновники, униженные и угнетенные; он относился к ним с тем же сочувствием и жалостью — только в его пафосе прибавилось остроты и желчи. Поскольку статьи приходилось все-таки класть на стол цензору, он избегал впрямую нападать на правительство. Но его подавленный из-за цензурных препон гнев и его издевки разили еще сильнее. Ясный и гладкий слог молодого автора, несмотря на манерность — часто он был многословен, иногда напыщен и перегружал повествование деталями, — отличался яркостью и выразительностью; и его велеречивость полностью искупалась глубокими, пронизательными наблюдениями, живыми портретными характеристиками, неожиданными контрастами и образами. «Деревня экономически расхищается кулаками, физически — сифилисом и всякими эпидемиями, наконец, с духовной стороны пребывает в какой-то концентрированной тьме; пребывает и безмолвствует...» — писал он в статье об антисанитарном состоянии сибирских деревень и об участии деревенских лекарей. «Мужицкое население продолжает умирать... совершая этот процесс молчаливо и сосредоточенно». Людей с психическими расстройствами «помещают для наблюдений в... «тюремку» (каталажку), которая в этом, как и в нескольких других случаях, фигурирует в роли психиатрического отделения... приемного покоя». Эпизод: в одном и том же сибирском селе оказались два старых бобыля: один — ссыльный повстанец, другой — старый солдат, в свое время участвовавший в усмирении. Изувеченные старики нашли последнее пристанище в одной и той же волостной «тюремке» ввиду отсутствия какого-либо другого приюта. Врачи отрезаны от мира, беспомощны и беззащитны. Может быть, съезды участковых врачей стряхнули бы с них апатию¹. В другой раз он потребовал земского самоуправ-

---

¹ Троицкий Л. Сочинения. Т. 4. С. 17—42.

ления для Сибири. В Европейской России, писал он, земства оказывают хотя бы минимальное влияние на местные дела. Но восточнее Урала администрация тут же начинает подозревать бунт в любом земстве, и, даже если кое-где и существует ядро местного самоуправления, крестьяне в нем не более чем молчаливые знаки. Мелкопоместное дворянство могло отправить одного своего представителя на каждые 3000 рублей дохода, а крестьяне — одного на 43 000 рублей.

В очерке о судьбе писаря в сибирской волости (это административный округ, включающий несколько деревень) он проиллюстрировал консервативную природу сельского управления. Волостной писарь обременен бесчисленным количеством разнообразных обязанностей: какое ведомство не имеет отношения к волостному писарю? «Не говоря о министерстве внутренних дел, чины почти всех ведомств обращаются в волостное правление: военное — по разным призывным спискам, финансовое — в лице податных инспекторов, судебное — в лице следователей и приставов, народного просвещения — в лице инспекторов, духовное — в лице благочинных, ведомство земледелия — по статистике. Кроме морского и иностранных дел, все обращаются в волостное правление с требованиями и предписаниями — и всем должен дать ответ писарь». Финансист, статистик, агроном, инженер-путеец, архитектор, нотариус, судебный следователь, един во всех лицах, он даже жалованье получает нерегулярно. И каков результат? «Наполовину фиктивные цифры идут по начальству, подвергаются обработке, ложатся в основу многих официальных и земских статистических обзоров и исследований, которые составляют, в свою очередь, предмет ожесточенной полемики отечественных публицистов»¹. Ряд статей Бронштейна посвящен «бабьему мартирологу»: мужик бьет жену беспощадно, как и богатый сибирский купец.

До сих пор, полвека спустя, эти статьи представляют документальную ценность: можно представить себе, какое действие они произвели в свое время. У цензора все больше росли подозрения, и он все чаще и чаще вымарывал из текста абзацы или целые куски. Автору постоянно приходилось прибегать к новым уловкам и хитростям, чтобы скрыть истинные намерения под иносказаниями и намеками. Когда он уже не мог «незащищен-

---

¹ *Трацкий Л.* Сочинения. Т. 4. С. 3—7 и в других местах.

ными пальцами» прикасаться к жгучей крапиве фактов, он извинялся и постепенно переходил в полувывымысел.

Оппозиционные авторы часто находили в литературной критике своеобразное убежище от нападков цензуры. Так было и с Бронштейном. Однако он использовал литературную критику не только как удобный предлог для изложения политических взглядов. Он был критиком по призванию. Даже первые его попытки подступить к литературе с позиций марксизма не запятнаны узким политическим утилитаризмом, который зачастую становился главной добродетелью так называемых марксистских критиков. Его отличал скорее аналитический, чем дидактический, подход, обогащенный пылким восприятием эстетических ценностей и удовольствием, которое он получал от них. Читал он за поем. За два сибирских года он успел написать о Ницше, Золя, Гауптмане, Ибсене, Д'Аннунцио, Рескине, Мопассане, Гоголе, Герцене, Белинском, Добролюбова, Успенском, Горьком и других. Диапазон его исторических и литературных реминисценций и ссылок необычайно широк, хотя порой их можно списать на счет желания блеснуть эрудицией. Главным образом его, как настоящего марксиста, интересовало, какие общественные силы стоят за литературным произведением, какую нравственную и политическую атмосферу писатель выражает присущим ему одному образом и как литературное сочинение, в свою очередь, воздействует на эту атмосферу.

Но в его отношении не было ни единой черты от вульгарных марксистов, которые заявляли, что в каждом стихотворении, пьесе или романе скрыты экономико-политические классовые интересы. Кроме того, Бронштейн был совершенно свободен (что удивительно для двадцатилетнего человека) от сектантского умонастроения, которое может заставить революционера осудить любую духовную ценность, если она не вписалась в заданную концепцию и, следовательно, бесполезна с утилитарной точки зрения. У молодого марксиста подобная позиция обычно является симптомом внутренней неуверенности: он еще не принял новую философию всем существом, и принципы, которые он исповедует, в какой-то мере остаются внешними для его мыслей, и оттого он относит себя к историческим материалистам скорее по долгу, чем по внутреннему убеждению. Чем яростнее он осуждает все, что, по его понятиям, противоречит плохо усвоенной идеологии, тем спокойнее его совесть, тем удовлетвореннее чувство долга. Таким образом, то, что молодого Бронштейна, как

ни странно, не терзало сектантски понятое чувство долга, свидетельствует о том, как близко и как уверенно он принял марксистский образ мыслей. Как правило, он щедро отдавал дань таланту или гению писателя, чьи идеи были далеки или прямо противоположны социалистическому учению. Он поступал так не только из чувства справедливости, но и из убеждения, что «в настоящее время, когда человеческая мысль обладает таким колоссальным, неисчерпаемым в своем разнообразии наследственным и благоприобретенным достоянием, серьезное ценное новое слово можно сказать, лишь став на плечи своих великих предшественников». Двадцатиоднолетний автор подчеркивал, что революционный социализм не отрицает великие культурные традиции, но является их окончательным осуществлением, что он отвергает лишь консервативное и общепринятое понимание этих традиций. Он не боялся того, что социалистические и несоциалистические взгляды могут частично или полностью совпасть, и был готов признать, что некое ядро или зерно правды есть и в концепции, которую в целом он отвергает¹.

Его первое литературное эссе — критический некролог Ницше — вышло частями в нескольких выпусках «Восточного обозрения» за декабрь 1900 года, через один-два месяца после приезда в Сибирь. Едва ли он мог выбрать предмет более затруднительный, чем сочинения известного своей ненавистью к социализму Ницше, чей культ сверхчеловека не мог не быть антипатичен социалисту. Бронштейн начал эссе с извинения за его критическую суть: «Мы можем и должны беспристрастно относиться к личности наших общественных противников, отдавая... должную дань их искренности и прочим индивидуальным добродетелям. Но противник — искренний он или неискренний, живой или мертвый — все же противник, особенно литератор, в своих трудах живущий даже после своей смерти». Он показал, как идея сверхчеловека выросла из традиционной буржуазной морали и как она противостоит этой морали. Ницше, утверждал он, обобщил и довел до логического или, скорее, нелогического конца презрение к массам,

---

¹ Очерк о Гоголе, основоположнике русского романа, он завершил такими словами: «Если он пытался ослабить общественный смысл собственных произведений... да не зачтется ему! Если своей публицистикой он соблазнил кого-нибудь из малых сих, — да простится ему! А за его великие, неоценимые заслуги художественному слову, за возвышенно-человечное влияние его творений, — вечная, немеркнущая слава ему!» (Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 20).

которое глубоко укоренилось в обычном образе мысли буржуазии. Чтобы доказать этот тезис, критик наглядно показал, что многие взгляды Ницше либо в форме намеков, либо напрямую высказаны в сочинениях Герберта Спенсера, этого типичного философа и социолога викторианского мещанства. Идея сверхчеловека противостоит буржуазной морали только в той степени, в какой крайность противостоит норме. Аморальный сверхчеловек находится в таком же отношении к добродетельному мещанину, в каком средневековый рыцарь-разбойник (со своим принципом «*Rauben ist keine Schande, das tuhn die Besten im Lande*»¹) находится к феодалу. Идеалом Ницше был жадный буржуа, освобожденный от самодисциплины и лишенный притворства. Несмотря на это, социалист может только восхищаться, сколь блестяще и оригинально Ницше показал, как неустойчивы повседневные нравственные убеждения среднего класса.

К этой теме Бронштейн вернулся в очерке об Ибсене, в котором видел бессмертного художника в споре с притворным моралистом. «История европейского общественного сознания никогда не забудет тех пощечин, тех поистине славных пощечин, которые Ибсен нанес чисто вымытой, хорошо причесанной и блещущей самодовольством мещанской физиономии». Во «Враге народа», например, Ибсен показал, как незаметно, не применяя никакого насилия, буржуазная демократия изгоняет и уничтожает инакомыслящего («не хуже, чем если бы сослать его в Сибирь»). Но социалист не может одобрить позицию героя Ибсена, в которой есть что-то от взглядов сверхчеловека, его недоверие к людям и презрение к власти большинства. Народ, большинство — соглашается социалист — не является кладезем всеобъемлющей мудрости: «Если бы «толпа» призывалась для решения вопроса о верности той или иной научной теории, философской системы, то... Ибсен был бы тысячу раз прав... Мнение Дарвина по биологическому вопросу в сто тысяч раз важнее, чем коллективное мнение митинга в сто тысяч человек». «Но совсем другое дело — поле социальной практики, с ее глубоким антагонизмом интересов... В этой области подавление большинством меньшинства, если оно соответствует действительному соотношению общественных сил, а не вызвано временно искусственными мерами, несравненно выше». (Автор и не подозревал, что пятьдесят лет спустя такая практика войдет

---

¹ Грабеж — не позор, так поступают лучшие люди (нем.).

в обычай на его родине, где на массовых митингах будут осуждать «изменников» биологов или филологов.) Тем не менее, неверие Ибсена в «народ» выражало противостояние художника буржуазному обществу, противостояние, к которому марксисты должны относиться с пониманием и сочувствием, хотя сами они протестуют против этого общества, исходя из иных посылок и иными способами.

Бронштейн, будучи марксистом, недолюбливал искусство ради искусства. «Как бумажный змей, оно может подыматься до таких высот, с которых все земные дела утопают в одном сером безразличии, но, даже витая в царстве облаков, это бедное «свободное» искусство всегда остается привязанным к крепкой бечевке, «земной» конец которой туго зажат в мещанском кулаке»¹. «Литература без синтеза, — писал он о другом авторе, — этот признак общественной усталости, вообще характеризует резкопереходные эпохи»². Поэтому он критически смотрел на модное тогда движение символистов; но не потому, что предпочитал тесные рамки реализма. Напротив. «Художественная литература, каким бы реализмом она ни отличалась, всегда была и поныне остается символической... Задача искусства... не фотографировать действительность во всех ее эмпирических деталях, но уяснить сложное содержание жизни посредством выделения общих типических черт... Каждый художественный тип есть в широком смысле символ, не говоря уже о таких чисто символических образах, как Мефистофель, Фауст, Гамлет, Отелло, в которых нашли художественное воплощение определенные «моменты» человеческой души». Однако символистская школа, утверждал он, пытается возвести разумное средство в ранг самодовлеющей цели и таким образом низводит символ от концентрированного выражения человеческого опыта до способа убежать от этого опыта.

Он испытывал столь же сильный интерес к европейской беллетристике, сколь и отвращение к национальному эгоцентризму официальной и отчасти народнической России. Он поднимал на смех хвастливые заверения славянофилов о том, что им нечему учиться у Запада, что русские люди сами совершили все великие открытия и изобретения — «что может собственных платонов и быстрых разумом невтонов российская земля рождать»³. «Запад-

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. См. очерк о Гауптмане. С. 170—181.

² Там же. Очерк о Бальмонте. С. 167—170.

³ Там же. Т. 20. С. 116—118, сатирическая статья «Русский Дарвин», опубликованная в ноябре 1901 г.

ничество», типичное для всех тогдашних марксистов и либералов, ни в коей мере не подразумевало отречения от российского духовного наследия XIX века — великая литературная традиция России не уходила дальше. Большинство русских мыслителей и литераторов принадлежали к бунтарям, и любой революционер-интеллектуал был проникнут духом их сочинений. Именно влияние бунтарской литературы помогло Бронштейну оторваться от детства и отрочества, которые так мало могли повлиять на то, чтобы сделать из него революционера. Мы знаем, что глубокое впечатление произвел на юношу Глеб Успенский. В 1902 году, когда помешавшийся Успенский умер, Бронштейн с саморазоблачительным одобрением процитировал его слова о том, что между его взрослой жизнью мятежника и юношескими годами нет никакой связи: «начало моей [Успенского] жизни началось только после забвения моей собственной биографии». Тем более справедливы эти слова в отношении автора статьи. «Он со страшной самоубийственной проникновенностью понимал жизнь, как она есть, и сгорал в огне порыва к жизни, как она должна быть. Искал правду и находил ложь. Искал красоту и находил безобразие. Искал смысла и находил бессмыслицу»¹.

В других вождях литературного мятежа: Белинском, Добролюбове и в меньшей степени Герцене — Бронштейна восхищало то, что они отождествляют себя с угнетенными, равнодушны к мирским успехам, нечувствительны к пошлости и чисты в самоотреченных поисках правды. Народник Успенский поднялся над предрассудками и заблуждениями народничества: «Единственный среди многих, мученик собственной бесстрашной мысли, он глядит скорбно-проникновенным взором через головы своих сверстников и единомышленников... в глаза будущему». Белинский, «крестный отец современной русской литературы», утверждал, что «все, что является и успевает с первого раза, встречаемое и провожаемое безусловной похвалой, все это не может быть важным и великим фактом: важно и велико только то, что разделяет мнения и голоса людей, что мужает и растет в борьбе, что утверждается живой победой над живым сопротивлением». В Добролюбове критик ценил крайнюю восприимчивость к любой фальшивой ноте и нетерпимость к пошлости, даже безобидной. Неловко и совестно было Добролюбому вы-

---

¹ Бронштейн написал два некролога об Успенском: один для «Восточного обозрения», другой для «Научного обозрения» (*Троцкий Л. Сочинения*. Т. 20. С. 33—40 и 41—67).

слушать человека, с азартом рассуждающего о негуманности людоедства или о нечестности клеветы. Сатира Добролюбова, заключал Бронштейн, останется злободневной до тех пор, пока «великий героизм на малые дела будет высоко нести свою голову... а провозглашение первоначатков дешевого либерализма будет считаться общественной заслугой»¹.

Сжатое изложение критических статей Бронштейна может в силу неизбежной краткости дать несколько преувеличенное представление о зрелости его сочинений. Его стиль, перегруженный, излишне высокопарный и чересчур остроумный, был все еще юношеским; но суждения в целом отличались зрелостью. Для биографа его статьи тем более ценны чертами самоанализа и автопортрета, которые часто и невольно допускает автор. Однако свое мировоззрение молодой Бронштейн более прямо изложил в обращении к XX веку (написанном в начале 1901 года под заголовком «О пессимизме, оптимизме, XX столетии и многом другом»)². Там он проанализировал различные виды оптимизма и пессимизма и заявил, что предпочитает придерживаться пессимистических взглядов по отношению к настоящему и оптимистических по отношению к будущему. Бронштейн доказывает, что именно с таким настроением человек открывает новые горизонты для человеческого разума и творит историю. Не однажды этому своеобразному оптимисту приходится бросать вызов святой инквизиции. «Коллективный Торквемада еще не раз уделял ему исключительное внимание». И все-таки он, оптимист, поднимается из пепла и, «по-прежнему страстный, верующий и борющийся, уверенной рукою... стучит в ворота истории». По дороге он встречает обывателя, сильного «своей маскою и девственностью своей пошлости, во всеоружии опыта, не переходящего за пределы прилавка, канцелярского стола и двуспальной кровати». На насмешки обывателя с его псевдореалистическим консерватизмом («Нет ничего нового под луной»), оптимист, глядя в будущее, отвечает:

«*Dum spiro, spero!* Пока дышу — надеюсь!.. Если бы я жил жизнью небесных тел, я бы совершенно безучастно относился к жалкому комку грязи... я бы равно светил и злым и добрым... Но я — человек! И «всемирная история», которая тебе, бесстрастному жрецу науки, бухгалтеру вечности, кажется беспомощной се-

¹ Троцкий Л. Сочинения. С. 12, 29—31.

² Там же. С. 74—79.

кундой в бюджете времени, для меня — все! И пока дышу — я буду бороться ради будущего, того лучезарного и светлого будущего, когда человек, сильный и прекрасный, овладеет стихийным течением своей истории и направит ее к беспредельным горизонтам красоты, радости, счастья!..

Деятнадцатое столетие, во многом удовлетворившее и в еще большем обманувшее ожидания оптимиста будущего, заставило его главную часть своих надежд перенести на двадцатое столетие. Когда он сталкивался с каким-нибудь возмутительным фактом, он восклицал: как? Накануне двадцатого века?! Когда он раздвигал дивные картины гармонического будущего, он помещал их в двадцатом столетии...

И вот — это двадцатое столетие наступило! Что встретило оно у своего порога?

Во Франции — ядовитую пену расовой ненависти; в Австрии — националистическую грызню буржуазных шовинистов; на юге Африки — агонию маленького народа, добываемого колоссом; на «свободном» острове — торжествующие гимны в честь победоносной алчности джингоистов-биржевиков; драматические «осложнения» на Востоке; мятежные движения голодающих народных масс — в Италии, Болгарии, Румынии... Ненависть и убийства, голод и кровь...

Кажется, будто новый век, этот гигантский пришелец, в самый момент своего появления торопится приговорить оптимиста будущего к абсолютному пессимизму, к гражданской нирване.

— Смерть утопиям! Смерть вере! Смерть любви! Смерть надежде! — гремит ружейными залпами и пушечными раскатами двадцатое столетие. Смирись, жалкий мечтатель! Вот я, твое долгожданное двадцатое столетие, твое «будущее»!..

— Нет! — отвечает непокорный оптимист. — Ты — только настоящее!»

После четырех с половиной лет в тюрьме и ссылке Бронштейну хотелось более широких просторов для действия, чем сибирское поселение. Летом 1902 года подпольная почта доставила ему экземпляр ленинской работы «Что делать» и подшивку «Искры». Он читал их со смешанными чувствами. В «Искре» блестящие авторы-эмигранты уверенно излагали идеи, которые вызрели у него самого. То, что он в своей глухомани независимо пришел к тем же выводам, конечно же взволновало молодого человека и укрепило

его уверенность в собственных силах. И Бронштейн потерял покой: теперь ему невыносимо было видеть грязные и узкие мощеные улочки Верхоленска. Даже дискуссии внутри колонии ссыльных и литературные успехи в «Восточном обозрении» стали наводить на него скуку. Если б только ему добраться до Москвы или Петербурга... а потом, может статься, и до Женевы, Мюнхена или Лондона: — тех политических центров, где ковалось интеллектуальное оружие революции...

Своим нетерпением и тайными планами он поделился с женой. Александра не сомневалась, что ее мужу уготована великая судьба и что в двадцать три года для него наступила пора совершить нечто для вечности. Она уговаривала его бежать из Сибири и тем самым приносила тяжелую жертву. Она только что родила их вторую дочь, и отныне ей предстояло бороться за существование и поднимать детей, не имея ни помощи от мужа, ни надежды на воссоединение с ним. По ее убеждениям, она, как его жена и революционерка, всего лишь выполняла свой долг; и Александра взяла на себя бремя этого долга не колеблясь и без малейшей аффектации.

Летней ночью 1902 года Бронштейн трясся по ухабистым сибирским полям, прячась под сеном на крестьянской телеге. Он отправился в Иркутск. В его постели на чердаке верхоленского дома лежало чучело. На следующий день полицейский надзиратель, как обычно, пришел проверить, дома ли Бронштейн, поднялся по лестнице на чердак, взглянул на постель и, довольный тем, что все как положено, убрался восвояси. А тем временем беглец получил от иркутских знакомых новую приличную одежду и сел на поезд Транссибирской магистрали.

Перед отъездом из Иркутска товарищи снабдили его поддельным паспортом. Ему пришлось второпях подписывать паспорт каким-то именем, и ему вспомнилась фамилия одного из бывших надзирателей в одесской тюрьме. Может быть, в том, что беглец, находясь в рискованном положении, взял фамилию тюремщика, подсознательно проявилось его желание оказаться в безопасности? Может быть, и так. Но так или иначе, а фамилии никому не известного тюремного надзирателя суждено было навеки остаться в анналах революции: звали его Троцкий¹.

---

¹ В автобиографии Троцкий не рассказывает о странном происхождении своего псевдонима. Как бы несколько стыдясь его, он говорит только, что даже не представлял себе, что Троцкий станет его именем на всю оставшуюся жизнь.

Против ожиданий путешествие на запад прошло спокойно. Пассажир убивал время тем, что читал гомеровские гекзаметры в русском переводе. Он сошел с поезда в Самаре, где располагалась российская штаб-квартира «Искры». Там его сердечно встретил Кржижановский-Клэр, выдающийся инженер, друг Ленина и будущий начальник советского Госплана. Литературная известность Бронштейна опережала его. Кржижановский-Клэр дал ему партийную кличку Перо и отправил восторженный отчет о его талантах и заслугах в лондонскую редакцию «Искры». Бронштейна тут же направили в Харьков, на Полтавщину и в Киев с проверкой социалистических кружков. Оказалось, что по большей части они продолжают упорствовать в местническом патриотизме и не желают сотрудничать друг с другом или подчиняться какому-либо центральному управлению. С таким докладом он вернулся в Самару. Там его ожидало срочное письмо от Ленина: Перо должен как можно скорее явиться в эмигрантскую штаб-квартиру «Искры».

Глава 3

У ВРАТ ИСТОРИИ

Однажды в октябре 1902 года рано утром, почти на рассвете, беглец из Сибири забарабанил в одну лондонскую дверь в доме 10 по Холфорд-сквер, что неподалеку от вокзала Кингз-Кросс. Там, в однокомнатной квартирке с кухней, жил Владимир Ильич Ленин со своей женой Надеждой Константиновной Крупской — мистер и миссис Рихтер для соседей, небогатых мещан. Столь ранний час едва ли подходил для визита, но посетителя преисполняло сознание важности собственной миссии, он был так нетерпелив и самоуверен, что не думал о мелких приличиях. В лихорадочном возбуждении он проехал от Иркутска до Лондона, по пути тайком пробираясь через границы и преодолевая препятствия. В Вене он оторвал от воскресного отдыха знаменитого Виктора Адлера, основателя австрийской социалистической партии, и получил от него помощь и деньги, которые требовались на остаток пути. В Цюрихе он прямо среди ночи постучался в дверь Павла Аксельрода, ветерана русского марксизма, чтобы представиться ему и устроить все, что нужно, для последнего отрезка путешествия. И теперь, прибыв к пункту назначения, одинокий в сером тумане раннего лондонского утра, в обществе одного только кебмена, дожидавшегося за его спиной оплаты — у пассажира не было денег, — он выразил внутреннее нетерпение громким стуком. Он как бы на самом деле барабанил во «врата истории».

Догадавшись по такому раннему и шумному визиту, что за дверями соотечественник, Крупская, слегка обеспокоенная тем, что ее английских соседей может раздосадовать этот пример — и не единственный — экстравагантного поведения иностранцев

у них в доме, поспешила выйти навстречу гостю. «Приехал Перо!» — воскликнула она в дверях. Ленин, вспоминала она позднее, «еще только что проснулся и лежал в постели. Оставив их вдвоем, я пошла объяснить с извозчиком, устраивать кофе и т. д. Когда я вернулась, то застала Владимира Ильича еще сидящим в постели и оживленно толкующим с Троцким на какую-то довольно отвлеченную тему. И горячие рекомендации «молодого орленка», и первый же разговор заставили Владимира Ильича особенно внимательно присматриваться к приезжему». Гостю же запомнилось о Ленине, что «на лице его приветливость сочеталась с законным недоумением».

Запахавшийся гость доложил о политических движениях и настроениях среди сибирских ссыльных, о том впечатлении, которое сложилось у него во время поездки в Киев, Харьков и Полтаву; о нежелании тамошних групп войти в объединенное движение, о работе в самарской штаб-квартире, о надежности нелегальных каналов связи, о недостатках в устройстве нелегальных переходов через границы и многом другом. Ленин, которого еще недавно выводили из себя неделовые и путаные сообщения, приходившие к нему из российского подполья, с восторгом получил от молодого человека необычайно подробные, точные и определенные сведения, выслушал его «ясные и язвительные» замечания и нашел в нем убежденного приверженца идеи централизованной партии.

Желая присмотреться к нему пристальнее, Ленин водил его на долгие прогулки, много разговаривал с ним и показывал исторические и архитектурные памятники Лондона. Но Троцкий — как его стали называть — с головой погрузился в дело нелегальной борьбы в России и не воспринимал ничего, что не имело к этой борьбе прямого отношения. Он заметил, каким странным манером Ленин знакомил его с некоторыми достопримечательностями. «Это у них знаменитый Вестминстер» или «Это их Британский музей», — говорил он, передавая в интонации и восхищение перед гением, воплотившимся в величественных зданиях, и неприятие правящих классов, чей дух и власть запечатлелись в этих памятниках. Троцкому не терпелось вернуться от этих экскурсов в культуру к более близким его сердцу предметам. Как искровцы предлагают объединить разрозненные группировки в централизованную партию? Каковы их успехи в кампании против экономистов, старающихся удержать социал-демократическое движение в границах неполитического тред-юнионизма? Как они

противостоят попыткам возродить террористическую партию народовольческого толка, которые начались незадолго до того? Каким способом они собираются бороться с «легальными марксистами» Петра Струве, отколовшимися от революционного марксизма? Со скрытым удовольствием Ленин выслушал рассказ о том, как в тюрьме Троцкий и его товарищи по заключению изучали «Развитие капитализма в России», какое впечатление произвела на них масса статистического материала, которую проработал Ленин, доказывая, что капиталистическая промышленность радикально преобразовала Россию и тем самым разрушила любые надежды на построение аграрного социализма и подготовила почву для пролетарского движения. Но главным для Троцкого был вопрос: почему его так срочно вызвали в Лондон и что ему здесь делать?

Говоря по правде, его не ждали никакие особые поручения. Обычно Ленин старался познакомиться со всеми, кто выдвинулся в подполье. Всего за несколько недель до того он написал: «Чтобы центр мог не только советовать, убеждать, спорить... а действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто где и какую скрипку ведет, где, как и какому инструменту обучался и обучается, кто где и почему фальшивит и кого как и куда надо для исправления диссонанса перевести». Его идея централизованной партии включала пристальный интерес к живым людям, которые боролись за дело партии на местах, интерес, характеризующий истинного вождя. Он знал, что Троцкий «играл первую скрипку» в Сибири, и потому захотел встретиться с ним, чтобы выяснить, «где и как он обучился владеть инструментом». В то время Ленин в письмах друзьям жаловался на слабости редакционной коллегии «Искры» и наверняка задумывался, не стоит ли ввести в «Искру» Перо. В день приезда Троцкого Ленин поселил его в соседнем доме вместе с другими членами редколлегии «Искры», Мартовым и Засулич. Едва успев въехать на квартиру, новоприбывший написал первую статью для газеты — она вышла в номере от 1 ноября 1902 года, опубликованном сразу же после его приезда.

Редколлегия «Искры» состояла из шести человек: трех эмигрантов и пионеров социал-демократии — Плеханова, Веры Засулич и Аксельрода — и трех гораздо более молодых членов — Ленина, Мартова и Потресова, которые лишь недавно покинули Россию. Большинство искровцев жили в Лондоне в районе вокзала Сент-Панкрас; Плеханов и Аксельрод жили в Швейцарии,

хотя Плеханов частенько навещался в Лондон. Из этой группы, особенно из ленинского дома, тянулись многочисленные нити к подпольному движению в России, агенты которого появлялись на Холфорд-сквер с докладами и уходили с указаниями. Таким образом, молодой Троцкий попал из Верхоленска прямо в директивный центр российского социализма под постоянное влияние выдающихся и противоречивых личностей.

Засулич и Мартов делили с ним свой дом, еду и мысли. Та самая Вера Засулич за год до рождения Троцкого стреляла в генерала Трепова и неосознанно внушила народовольцам желание последовать ее примеру. После оправдания в суде присяжных она уехала за границу, там поддерживала связь с Карлом Марксом и стала одним из основателей русской марксистской школы, хотя его учение она приняла с некоторыми идейными оговорками. Не прислушиваясь к сомнениям Маркса, она одна из первых заявила, что пролетарский социализм, который Маркс пропагандировал для Западной Европы, подходит и для России. Вера Засулич была не просто героиней. Она получила хорошее образование по истории и философии и была прирожденной диссиденткой с пронизательным женским умом, для которого скорее характерны интуитивные прозрения и вспышки, чем логические рассуждения. Современники единодушно придают ее описаниям комические штрихи старомодной российской богемы. «Она писала очень медленно, поистине испытывая все муки литературного творчества»; а во время сочинения или спора задумчиво мерила шагами комнату, хлопая шлепанцами, скручивала папиросы, курила без остановки, окурки летели на подоконники и столы, пепел сыпался на блузку, руки, бумаги или в чай, а иногда и на собеседника. Молодому Троцкому она казалась персонажем героического эпоса — ему довелось жить под одной крышей с живой легендой революции.

Мартов был всего на несколько лет старше Троцкого. Он тоже происходил из еврейской семьи. Потомок старинного семейства великих ученых-гебраистов (его настоящая фамилия Цедербаум), он стал одним из основателей Бунда — еврейской социалистической партии; но потом оставил мысль об отдельной рабочей партии для евреев и вместе с Лениным создал петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Мартов последовал за Лениным в ссылку, где они объединились с ветеранами эмигрантского движения и учредили «Искру». Проницательный аналитик, писатель со склонностью к сатире, красноре-

чивый и плодовитый обозреватель, пишущий на злободневные темы, он был главной публицистической силой, журналистским оплотом «Искры», тогда как Ленин был ее политическим вдохновителем и организатором. И Мартов, и Засулич принадлежали к тому романтическому типу бунтарей, которые меньше руководствуются теоретическими принципами, чем нравственным негодованием при виде социальной несправедливости. Полные обаяния, великодушия и скромности, оба по темпераменту скорее приближались к творческим личностям, чем политикам.

Ленин был из другого теста. Нельзя сказать, чтобы ему совсем была чужда романтика — в таком случае он не мог бы стать революционером, поскольку революция пока еще оставалась лишь идеей и мечтой. Но Ленин подавил в себе романтическую жилку и презирал мечтательную наивность, типичную для русского мятежника. Брат казненного народника, он знал цену крови и разочарования, которыми приходилось расплачиваться революционерам за мечтательность. Он видел свою задачу в том, чтобы внушить им дух реализма, добавить в их пыл хладнокровия и научить точным и эффективным методам работы. На это он не жалел ни сил, ни времени. Подчиняясь внутренней дисциплине, он целиком отдавался исследованиям и работе, редко появлялся на собраниях ссыльных и редко вступал в их бесконечные, зачастую бесплодные, споры. Он ценил дискуссию и наслаждался ею не ради ее самой, а как подготовкой к действию. В каком-то смысле его разум как бы двигался по колее, но эта колея была шириной с целое общество и вела к преобразованию этого общества.

Разумеется, Троцкого сразу же привлекли Засулич и Мартов, которые разделили с ним кров и постоянно оказывали на него влияние, в отличие от Ленина, который мог влиять на него лишь периодически. Троцкий находился в том возрасте, когда личность еще формируется, и нуждался в общении с людьми и дискуссиях, где он мог бы отточить свой разум. И эту его потребность щедро удовлетворяли Засулич и Мартов, но не Ленин. Кроме того, они затронули в его душе струну, отозвавшуюся на призыв народников, еще когда он впервые вступил в кружок Швиговского. Поведение Ленина, несмотря на любопытство и уважение, которое он вызывал у Троцкого, не могло не казаться ему сухим и прозаическим. Пройдут годы, прежде чем ему откроется величие этого прозаического характера.

Вскоре после приезда в Лондон он также встретился с Плехановым, практически легендарной фигурой для него, такой же,

как и Засулич. Плеханов тоже входил в число отцов-основателей русского марксизма и поддерживал связь с Энгельсом. Философ и идеолог новой школы, ее великий, всесторонне образованный выразитель и оратор, он приобрел европейскую известность. Но Плеханов, полный своей славы и блеска, держался отчужденно и заносчиво. При первой же встрече он выказал безотчетную неприязнь к новому автору «Искры», и позднее неприязнь переросла в явную антипатию. Оба они обладали схожими способностями и чертами характера. Оба были яркими литераторами и острыми полемистами; обоим была свойственна театральная манера в речи и поведении, оба были заняты собой, своими идеями и деяниями. Но звезда младшего еще только всходила, а звезда старшего как раз начала клониться к закату. Троцкого переполнял незрелый, хотя и подкупающий, энтузиазм; Плеханов превращался в перезрелого скептика. Луначарский пересказывает ходивший среди эмигрантов анекдот, явно выдуманный, но отчасти свидетельствующий об отношении Плеханова к Троцкому. Когда Плеханов приехал в Лондон, Засулич в его присутствии принялась нахваливать таланты Троцкого. «Этот юноша, — воскликнула она, — настоящий гений». Плеханов насупился, отвернулся и сказал: «Этого я ему никогда не прощу»¹.

«Искра» пока еще говорила одним голосом. Но ее уже терзали определенные разногласия, замеченные Троцким немного погодя, когда он невольно оказался в них втянутым. По ряду важных вопросов редакция разбивалась на две тройки: стариков (Плеханов, Засулич, Аксельрод) и молодых (Ленин, Мартов, Потресов). Спорные вопросы решались голосованием, и, поскольку каждая группа единогласно голосовала против другой, редакция заходила в тупик. Проблемы редакционной политики часто оставались в подвешенном состоянии. Ленин, которому не терпелось разрубить этот узел, задумал ввести в коллегию нового, седьмого, члена. Уже в марте 1903 года, через четыре месяца после приезда Троцкого, Ленин направил всем редакторам записку, в которой особо подчеркивал и рекомендовал его назначение. Первым делом он устранил возражения по поводу возраста и опыта Троцкого: Ленин выделил редкие способности Троцкого, его убежденность и энергию и прибавил, что его

---

¹ Луначарский А. Революционные силуэты. С. 19—22. Некоторые мемуаристы (Зеликсон-Бобровская) рассказывают, что, когда первые неподписанные статьи Троцкого появились в «Искре», читатели приписывали их Плеханову.

статьи не только полезны, но и абсолютно необходимы. Засулич и Мартов согласились. «Его [Троцкого] литературные работы, — писал Мартов Аксельроду, — обнаруживают несомненное дарование, он... пользуется уже здесь (за границей) большим влиянием, благодаря недюжинному ораторскому дарованию. Говорит он великолепно — лучше не надо. В этом убедились и я, и Владимир Ильич. Знаниями он обладает и усиленно работает над их пополнением. Я безусловно присоединяюсь к предложению Владимира Ильича». Аксельрод тоже согласился с его кандидатурой. По крайней мере в этом разногласий между ветеранами и молодежью не было. Вся редколлегия, за исключением одного члена, горячо приветствовала Троцкого. Исключением стал Плеханов. Он яростно возражал на том основании, что статьи Троцкого с их цветистой риторикой снижают уровень газеты, что стиль Троцкого вычурен и напыщен, и это была правда. Ленин старался мягко убрать эти стилистические излишества и, рекомендуя назначение Троцкого, написал, что, если тот станет постоянным членом редколлегии, ему будет проще внушить необходимость простоты: тогда он поймет, что это мнение всех членов, а не только личное пристрастие Ленина к строгому стилю. Но, к возмущению всех своих коллег, Плеханов остался непоколебим. После долгих пререканий Засулич привела ничего не подозревающего Троцкого на совещание редколлегии, надеясь, что Плеханов сдастся. Плеханов же приветствовал «самозванца» с изысканной холодностью и категорически не желал ничего слушать.

В «Моей жизни» Троцкий говорит, будто бы Плеханов опасался, что он, Троцкий, встанет на сторону Ленина против «стариков». Едва ли это могло быть главным мотивом Плеханова. Остальные «старики» отнеслись к Троцкому практически с родительской гордостью и заботой; и он, в свою очередь, выказывал по отношению к ним сердечную почтительность, став как бы любимцем группы. Так он относился не только к Засулич, но и к Аксельроду, и к нему даже в большей степени. Дом Аксельрода в Цюрихе позднее станет любимым убежищем Троцкого во время его поездок в континентальную Европу. Трудно представить себе характеры более противоположные, чем Плеханов и Аксельрод, которые почти четверть века работали вместе и поддерживали тесную дружескую связь. Аксельрод, как и Троцкий, происходил из южноукраинской еврейской семьи. Он начал народническую деятельность в первом Южно-русском рабочем союзе, у которого Троцкий по-

заимствовал название для своей юношеской организации. Потом Аксельрод эмигрировал и стал первопроходцем марксизма. Не обладая ни одним из талантов Плеханова, будучи посредственным литератором и еще более посредственным оратором, он был молчаливым зачинателем многих идей, которые затем его друг излагал с присущим ему блеском. Социализм Плеханова основывался на логике, а Аксельрод опирался на абсолютную веру в рабочий класс. Он фанатично верил в то, что рабочие найдут свой путь к социализму и освобождению, и подсознательно не доверял стремлению интеллигенции возглавить рабочую массу — позднее в этом будет заключаться его главное и неослабное возражение против большевизма. Пока Плеханов с элегантным видом европейца и аристократа вел жизнь буржуа, Аксельрод зарабатывал на жизнь собственным трудом, делая у себя масло и пахту и продавая клиентам. Среди молочных бидонов он спорил с беглыми революционерами из России, для которых его дом становился тихой пристанью, которых он кормил, а часто и одевал. Со своей лохматой бородой он больше походил на благочестивого раввина, чем на политика-революционера. Однако революционные вожди, в том числе и до недавних пор Ленин, считали его своим учителем и вдохновителем. Молодой Троцкий очень привязался к нему, и эта привязанность повлияла на его политическую судьбу.

Узы взаимной дружбы связали его также с другим зачинателем марксизма — Леоном Дейчем, когда-то народником с юга России, который незадолго до их встречи, проведя тринадцать лет на каторге, сбежал из Сибири и объехал вокруг света. Находясь в зените славы — смелым побегом он заработал восхищение всего мира, — Дейч тем не менее смотрел на новое время, его задачи и людей усталым, слегка недоуменным взглядом. Его немного беспокоил пылкий радикализм и оптимизм Троцкого, но все же он нежно привязался к блестящему молодому человеку, в котором видел воплощение собственных юношеских надежд, с восхищением следил за его первыми шагами в эмиграции и старался всячески помогать ему.

Трения между искровцами пока не успели приобрести политического значения. Еще недавно Ленин и Мартов, как нам известно, «сидели у ног стариков» с теми же чувствами, которые теперь испытывал Троцкий. Но срок их ученичества подошел к концу; и, как часто случается, ученики осознали это прежде учителей. Вся работа сосредоточилась на «Искре», и вклад «стариков» в газету в качестве редакторов и авторов свелся к минимуму, за ис-

ключением Плеханова. Они писали редко и не бог весть как и почти не принимали участия в организации подпольного движения в России. Ленин с Мартовым делили повседневные редакторские обязанности; и с помощью Крупской Ленин нес основную тяжесть черной работы, нудной, но необходимой для поддержания и развития контактов с Россией¹. Разумеется, «старики» почувствовали, что их начинают обходить.

Ревнивая подозрительность сосредоточилась в противостоянии между Плехановым и Лениным, оба в своих группировках были самыми напористыми. Их вражда проявилась еще в момент основания «Искры» и с тех пор только выросла. Ленин все тверже убеждался в правоте своих идей и методов работы и не скрывал этого. Плеханов относился к нему то с покровительственной иронией, то с навязчивостью воспитателя. За несколько месяцев до приезда Троцкого, 14 мая 1902 года, Ленин писал Плеханову: «Хорошие у Вас понятия о такте!.. Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений... Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, — то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения». Вере Засулич и Мартову удалось немного примирить их друг с другом. Но стычки не прекращались, и последняя произошла как раз в связи с работой Троцкого в «Искре». «Владимир Ильич пришел однажды с заседания редакции взбешенный до крайности. «Черт знает что! — говорил он. — Ни у кого не хватает мужества возразить Плеханову. Ну, вот Вера Ивановна! Плеханов разносит Троцкого, а она говорит: «Это, Жорж, у него голос только громкий!» Я так не могу», — вспоминала Крупская.

Как-то незаметно из этих трений вырос новый конфликт. Ленин, Мартов и Потресов (сначала он играл важную роль, но теперь она почти сошла на нет) по-прежнему действовали и голосовали вместе против стариков. Но чем дальше заходило со-

---

¹ В очерке 1927 г., написанном в духе неприязни к Ленину, Потресов признает: «А ведь надо сказать, что мы все, стоявшие наиболее близко к делу... ценили Ленина не только за его знания, ум, работоспособность, но и за его исключительную преданность делу, всегдашнюю готовность отдаваться ему целиком, нагружая себя сверх меры самыми неблагоприятными функциями и неизменно добросовестно их выполняя» (Потресов А.Н. Постерный сборник произведений. С. 299).

перничество, тем больше Ленин отчуждался и от сверстников, в частности от Мартова. Убеденный в своей правоте, Ленин не сдавался и упорно стоял на своем, не обращая никакого внимания на чувства «стариков». Мартов, не столь определенный в своих взглядах и не столь решительно настроенный их защищать, старался примирить обе стороны. Обычно они с Лениным придерживались похожих мнений; но если он пытался воплотить свои идеи и встречал сопротивление, то тут же начинал колебаться и, задним числом взвесив все за и против, передумывал и отступал. И не только в спорах с искровскими «стариками». Он и в других делах сначала договаривался с Лениным «вести бескомпромиссную борьбу» за что-нибудь. Потом вдруг упирался, видя бескомпромиссность Ленина, и в конце концов отказывался от цели. «Мягкого» по характеру Мартова отталкивала ленинская «твердость». На заседаниях «Ленин критически и чуть подозрительно поглядывал на Мартова, которого очень ценил, а Мартов, чувствуя этот взгляд, тяготился и нервно поводил худым плечом... Ленин говорил, глядя мимо Мартова, а у Мартова глаза стекленели под отвисавшим и никогда не противившимся пенсне»¹.

Под прессинг всех этих обстоятельств и попал в то время Троцкий. То, что Ленин защищал его и пытался вывести на первый план вопреки сопротивлению Плеханова, могло бы сблизить Троцкого с Лениным и настроить его против «стариков». Но этого не случилось. Во-первых, «старики», как известно, отнюдь не разделяли отношения Плеханова к Троцкому и тоже изо всех сил старались поддержать и ободрить молодого коллегу. Во-вторых, он был почти на десять лет младше Ленина и в десять раз сильнее поддавался романтическому обаянию ветеранов. Пока еще он не успел разочароваться в них и заметить, что, несмотря на все свои достоинства, в повседневной работе они приносили мало пользы. Ленинское противодействие «старикам» казалось ему грубым, а мотивы Ленина личными и низкими.

Тем не менее эти разногласия он считал лишь мелкой помехой в торжественном и судьбоносном деле. Внутренние дразги не мешали «Искре» оставаться великим объединительным центром зарождающейся партии — одно ее имя звучало как тревожный призыв к революции. Никто пламеннее Троцкого не верил в миссию «Искры», и эта вера пульсировала в его статьях.

---

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 176.

Первые его работы в «Искре» заметно отличаются не столько оригинальностью идей, сколько силой бежавшего по ним потока чувств, страстным характером его революционных призывов и почти театральной яростью обличений, которые он обрушивал на российских правителей и врагов социализма. Теперь его не сдерживали цензурные запреты, и он дал полную волю своему темпераменту, что, правда, не улучшило его стиль — статьи Троцкого в «Искре» в литературном отношении часто слабее его сибирских заметок.

Первая его заметка в «Искре» была посвящена двухсотлетию пресловутой Шлиссельбургской крепости — «одновременно и окна в Европу, и важнейшей государственной тюрьмы», построенной Петром I недалеко от своей столицы. Автор обращался к теням мучеников, убитых или доведенных до безумия в ее стенах, среди которых был и казненный брат Ленина Александр Ульянов. А заканчивал он пронзительным обращением к царю и его прислужникам: «Предавайтесь же патриотическим вакханалиям, ибо сегодня вы еще господа в Шлиссельбурге!» В том же выпуске он напустился на окололиберальное дворянство, которое в своих земствах едва смело вымолвить хоть слово против власти: «Какие же египетские казни, какие российские скорпионы нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконец, угодливо согнутую спину либерального земца...!» По поводу славянофильских демонстраций против Турции, организованных царем, он писал в заметке «Шулера славянофильства»: «Снова, о российский обыватель, делается попытка открыть предохранительный клапан официозного славянофильства, чтобы дать выход избытку твоих гражданских чувств. Снова, как двадцать пять лет тому назад [во время русско-турецкой войны 1878 года], газетные подрядчики патриотизма извлекают из своих архивов идеи всеславянского братства и с шумом и звоном пускают их в оборот». Однако же царское правительство относится к своему народу не лучше, чем султан к своим подданным-немусульманам. «Разве наши тюрьмы лучше турецких? — спрашивает автор. — Разве наши солдаты-усмирители не насиловали жен и дочерей полтавских крестьян? Разве они не грабили их имущества? Почему же не призываете вы к «крестовому» походу против басурман царизма?» — обращается Троцкий к так называемым либералам, поддержавшим царскую «цивилизаторскую» миссию в Турции. Полулиберальная оппозиция, эта «законная оппозиция беззаконному правительству», уже стала и в течение многих лет ос-

танется излюбленным объектом его насмешек¹. С первых же заседаний уездных комитетов стало ясно, что, вместо суда земств «над политикой бюрократического абсолютизма», «подсудимый оказался в роли председателя, который вправе закрыть заседание суда в любой момент». Царизм предложил земствам «нагайку, завернутую в пергамент Великой хартии вольностей», и земства остались довольны. Что для них свобода: «просто свобода... от политической свободы»? «Можно с уверенностью сказать, что, если бы русская свобода должна была родиться от оппозиционного земства, она никогда не увидела бы света. Но к счастью, у нее есть более надежные «предки»: во-первых, это — революционный пролетариат, во-вторых, это — внутренняя, пожирающая себя логика русского абсолютизма». «Сменится много политических курсов, появится и исчезнет много «партий», претендующих на усовершенствование социал-демократической программы и тактики, но историк будущего скажет: и эти курсы, и эти партии были лишь незначительными, отраженными эпизодами великой борьбы пробужденного пролетариата... он неизменно шел тяжелыми, но верными шагами по пути к политическому и социальному освобождению»².

В том же духе он писал о попытках самодержавия навязать финнам русский язык и отменить их автономию, об исключении Максима Горького из Императорской академии, о бесплодности недавно учрежденной социал-революционной партии, которая вновь взялась устраивать теракты в духе народовольцев, и о том, как полиция пытается создавать марионеточные подпольные организации, чтобы те оттягивали членов у настоящего подполья. Своими нападка на эсеровские теракты, особенно те, что были устроены после казни молодого студента Балмашева, который убил министра внутренних дел, Троцкий спровоцировал волну протестов и негодования со стороны либералов и социалистов. Либеральная интеллигенция куда сильнее симпатизировала террористам, чем марксистам. Но даже социалисты утверждали, что Троцкий слишком злобствует и что следовало

---

¹ Искра. № 28 от 15 ноября и № 29 от 1 декабря 1902 г. Примечательно, что еще в марте 1901 г. Троцкий писал в «Восточном обозрении»: «Недаром чистый либерализм со всеми манчестерскими символами веры отцвел у нас, не успевши расцвести: он решительно не имел под собою общественной почвы. Можно было импортировать манчестерские идеи... но нельзя было импортировать питавшей их социальной среды» (Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 85—86).

² Искра. № 29 от 1 декабря 1902 г.

бы с большим уважением или сочувствием писать о казненном эсере¹.

Прошло всего девять месяцев между его приездом в Лондон и открытием II съезда Российской социал-демократической партии. За это короткое время Троцкий завоевал довольно прочную репутацию, которая позволила ему в возрасте двадцати трех лет сыграть ведущую роль на съезде в момент эпохального раскола партии на большевиков и меньшевиков. Возможно, своим авторитетом он больше обязан лекциям и речам, чем статьям и очеркам. Сразу же по приезде в Лондон Ленин и Мартов выставили Троцкого в дебатах против заслуженных пожилых эмигрантов, народников и анархистов. Дебаты прошли в Уайтчепеле (бедном районе Лондона). Новичка приятно удивила легкость, с которой ему удалось разделаться со своими седобородыми оппонентами. Потом он проехал по русским землячкам в Западной Европе. Современники рассказывали, что его красноречие захватывало сразу же и непреодолимо, описывали его пыл, страстность, остроумие и звенящий металлом голос, который будоражил слушателей и громом обрушивался на оппонентов. Это тем более удивительно, что еще недавно он мог лишь запинаться, краснеть от смущения, перед крохотной и неприятельской аудиторией и большую часть времени с тех пор провел в тюремном одиночестве и ссылке. По-видимому, он обладал природным даром красноречия: вряд ли в тюрьме или Сибири ему доводилось слышать какого-то достойного подражания оратора. Здесь перед нами пример врожденного таланта, который дремал и вдруг, к восторгу и удивлению всех очевидцев, вырвался на волю с бьющей через край энергией. Его устные речи даже еще в большей степени, чем его сочинения, отличались редкой силой мысли, образностью выражения и эмоциональной полнотой. Высокопарность, часто портившая его статьи, делала его речи более экспрессивными. В нем самом, так сказать, присутствовало драматическое начало, самим появлением он как бы вступал в противоборство, в котором действовали исполинские силы и герои,

---

¹ Летом 1902 г. Милюков, будущий вождь конституционных демократов, нанес визит в лондонскую редакцию «Искры», расхвалил газету, но выразил неудовольствие ее кампанией против терроризма. «Отчего же, — сказал он, — еще два-три покушения на царских министров, и у нас будет конституция». Этот умеренный конституционалист нередко видел в терроризме эффективный способ давления на царя (Алексеев Н. Пролетарская революция. 1924. № 3).

шли эпические сражения, а кульминация была достойна полубогов¹. Возвышаясь над толпой, чувствуя на себе сосредоточенные взгляды, увлекая сотни сердец и умов, он находился в своей стихии. Современники описывают его как худощавого, довольно высокого человека с крупным, чувственным, неправильным ртом и большими огненными глазами, который высился на трибуне, словно «хищная птица».

Он вызывал восторг как оратор и писатель, но, по его собственному выражению, «это была борьба варвара за самосохранение». Троцкий очутился среди избранных, и ему пришлось одним махом совершить интеллектуальный прорыв. Он прилежно изучал марксизм, который в свой золотой век давал знатоку основательный умственный багаж. Перед самым побегом из Сибири Троцкий проштудировал второй том «Капитала», где с кажущейся сухостью, но все же ярким драматизмом анализируются лабиринты «обращения капитала» и его периодические кризисы. За границей он возобновил изучение марксистской теории. Но обаяние марксизма не давало никакой посторонней идее или явлению захватить его ум. В Лондоне ему казалось странным, что Ленин будто бы хотел заинтересовать его историческими памятниками английской столицы. Когда он впервые посетил Париж, он также закрывался от натиска новых впечатлений. Первое общее впечатление от Парижа он облек в такие гротесковые слова: «Похож на Одессу, но Одесса лучше». Художественные сокровища Лувра наводили на него скуку. Больше всего во Франции его взволновали разногласия между ортодоксальными марксистами под предводительством Жюля Геда и реформистами во главе с Жоресом. Он вместе с толпой парижских рабочих участвовал в уличной манифестации против Мильерана — первого социалиста, который стал министром буржуазного правительства и наряду с другими подавлял забастовки. Маршируя среди толпы, Троцкий «прилежно выкрикивал вместе с другими всякие неприятности по адресу Мильерана».

---

¹ В августе 1902 г. перед самым побегом из Сибири, он написал в «Восточном обозрении»: «Законы общественной жизни и партийные принципы, в которые их облекает сознание, это тоже сила, не уступающая в своем величии древнему фатуму. Общественные принципы в своей безжалостной принудительности способны, не менее Судьбы Эсхила, растереть в прах индивидуальную душу, если она вступит с ними в конфликт» (Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 241).

В Париже он познакомился со своей будущей второй женой — студенткой Натальей Седовой, которая водила его в Лувр и старалась раскрыть ему глаза на живопись и скульптуру. Она была на несколько лет младше его первой жены и тоже революционерка. Ее исключили из харьковского пансиона для благородных девиц, где Седова уговорила одноклассниц не ходить на молитвы и вместо Библии читать русскую радикальную литературу. Когда Троцкий приехал в Париж, она изучала в Сорбонне историю искусств. Седова до конца останется его спутницей и сполна разделит с ним и триумф, и поражение. Однако Соколовская по-прежнему считалась его официальной женой и носила его фамилию. Для всех троих юридические тонкости не имели никакого значения — подобно другим революционерам, они принципиально игнорировали устои мещанской респектабельности. Возможно, Троцкого так и не переставала мучить совесть из-за того, как он расстался с Соколовской; и это более убедительно, чем якобы простое нежелание распространяться о личной жизни, объясняет, почему в автобиографии он уделил истории их брака не более одного предложения. Будучи эмигрантом, он никак не мог помочь жене и двум дочерям. Родители Троцкого, которые в 1903 году приехали в Париж примириться с сыном, заботились о внуках, помогали растить и воспитывать их. Насколько нам известно, вопрос о воссоединении Троцкого с его первой женой никогда не обсуждался. Когда они с Седовой вернулись в Россию, не было ни малейших признаков разлада. Узы уважения и возвышенной дружбы связывали их до конца; и в итоге его политическая судьба одинаково трагично повлияла на обеих женщин и их детей.

Пока он работал и выступал с лекциями во Франции, Швейцарии и Бельгии, из подпольного центра в России приходили настоятельные требования отправить его обратно. Русское подполье и эмигрантские центры вели яростное соперничество за кадры. Троцкий ничего не знал об этих требованиях. Когда о них стало известно старому Леону Дейчу, он использовал все свое влияние, чтобы помешать возвращению Троцкого. Помня тринадцать тяжелых лет, проведенных на сибирской каторге, он упросил редакторов «Искры» оставить любимца за границей, где бы он смог расширить кругозор, увидеть мир и развить таланты. Дейч нашел союзника в Ленине, которому не хотелось потерять своего молодого автора. Ленин написал в Россию, что

Троцкий, по-видимому, не желает возвращаться. С помощью этой уловки Ленин надеялся отделаться от российского центра, а из мемуаров Крупской со всей очевидностью следует, что именно Ленин решил не отпускать Троцкого назад. Таким образом, судьба Троцкого на какое-то время устроилась: он останется за границей до съезда партии.

В июле 1903 года в Брюсселе наконец-то состоялся съезд. На самом деле он должен был носить учредительный характер — в так называемом I съезде 1898 года в Минске участвовали всего лишь восемь человек, которых вскоре арестовали, и он не оставил после себя ничего, кроме манифеста, написанного Петром Струве. Только теперь, в 1903-м, сеть тайных организаций стала достаточно тесной, а связь «Искры» с ней достаточно прочной, чтобы возникла очевидная необходимость создать постоянную партию с четким уставом и выборным руководством. Как-то само собой подразумевалось, что у руля по-прежнему останутся редакторы «Искры», единственные, кто снабжал организации политическими идеями и координировал их действия. Для всех искровцев съезд был торжественным событием. «Старики» видели в нем воплощение давнишней мечты, взлелеянной в тюрьмах и ссылках.

Таким же естественным казалось, что искровцы появятся на съезде как единое целое, спаянное солидарностью в мыслях и достижениях и общим стремлением к руководству. При подготовке к съезду возникли некоторые разногласия относительно предварительной программы, но их легко устранили. Ожидалось противодействие со стороны двух групп: экономистов с их мелкими стычками в арьергарде победного наступления революции и еврейского Бунда, претендующего на особый статус внутри партии. Обе группы были в меньшинстве, искровцы намеревались совместно выступить против них. Перед самым открытием съезда редакторы «Искры» повздорили по поводу устройства руководящих органов партии; но этот вопрос казался организационной мелочью.

В начале июля сорок четыре делегата с правом решающего голоса и четырнадцать с правом совещательного голоса встретились в помещении брюссельского рабочего кооператива *Maison du Peuple* (Народный дом). Троцкий приехал из Женевы, чтобы с еще одним делегатом представлять Сибирский социал-демокра-

тический рабочий союз¹. Сидя на складе, скрытом от посторонних глаз позади Maison du Peuple, делегаты восторженно внимали вступительной речи Плеханова. Они чувствовали, что их присутствие на съезде является поворотным пунктом в истории той погрязшей в нищете России, которая три четверти века с лишним боролась против царей, а теперь приближается к последней битве. Ни скромная обстановка съезда, ни закрытость от мира не могла умалить в глазах участников его историческое значение.

Первые разногласия, прозвучавшие с трибуны, касались Бунда. Еврейская организация требовала признать ее автономию внутри партии с правом избирать собственный центральный комитет и выработать собственную политику в вопросах, затрагивающих еврейское население. Также она хотела, чтобы партия признала Бунд своим единственным представителем среди рабочих-евреев. Бундовцы настаивали, чтобы партия не просто, как обычно, отстаивала равные права для евреев, но признала их право иметь «культурную автономию», то есть самостоятельно решать культурные вопросы и поддерживать еврейские школы (с обучением на идише). От имени искровцев Мартов, один из основателей Бунда, возмущенно отверг их притязания. Троцкий повторил отказ еще яростнее. Эта дискуссия проходила всего через несколько месяцев после страшного еврейского погрома в Кишиневе. Евреи стали чересчур чувствительны в национальном вопросе, и косвенно их подозрительность отразилась в позиции Бунда². Ораторы от «Искры» нееврейского происхождения держались в тени, щадя их чувства; таким образом, сами же евреи дали Бунду отпор. Мартов поставил на голосование вопрос о том, чтобы отказать Бунду, и подписи под ним поставили только еврейские делегаты. Троцкий выступал от имени искровцев еврей-

---

¹ В «Моей жизни» он с юмором описывает, как на крохотной станции под Женовой они с младшим братом Ленина Д. Ульяновым, когда подошел экспресс, бросились в вагон через буфер, а начальник станции, увидев двух пассажиров, дал тревожный свисток, чтобы снять их с буферов. Троцкий путешествовал по фальшивому болгарскому паспорту под именем некоего господина Самоковлиева. Эти предосторожности должны были ввести в заблуждение русскую тайную полицию. Но у охраны были свои агенты среди делегатов, да и бельгийская полиция пристально наблюдала за съездом и его участниками. В духе хорошего киносценария Троцкий рассказывает о том, как ночью убежал от полицейского агента по пустынным брюссельским улицам. В конце концов съезд перенесли в Лондон.

² Переписка Я.М. Свердлова, будущего председателя ВЦИКа, проливает свет на настроения среди еврейских социалистов после погрома (Печать и революция. Т. 2. 1924).

ского происхождения и, воспользовавшись этим обстоятельством, так раскритиковал бундовцев, что довел их до бешенства. Они яростно протестовали против его речи, говорили, что он специально выступил, чтобы оскорбить евреев, и обратились к председателю с просьбой защитить их. Когда же председатель не нашел в доводах Троцкого ничего крамольного, бундовцы поставили вопрос об осуждении председателя.

Это был один из самых бурных эпизодов съезда и, кроме того, один из очень редких случаев, когда Троцкий подчеркивал свою национальную принадлежность и выступал по специфически еврейскому вопросу. Должно быть, нервные делегаты от Бунда посчитали чуть ли не низостью то, что он напомнил о своей национальности только затем, чтобы доказать несостоятельность бундовских требований. Однако Троцкий заявил, что речь идет не просто о еврейском вопросе. Претендуя на внутривнутрипартийную автономию с правом избирать собственный центральный комитет, Бунд, по существу, устанавливал прецедент: если партия предоставит такие привилегии Бунду, то в дальнейшем она не сможет отказать в них прочим группировкам. Тогда придется позабыть о единстве организации и преобразовать партию в свободную федерацию мелких партий и группировок. Иными словами, Бунд пытался окольным путем заставить искровцев отказаться от основных принципов и загубить всю практическую работу, сделанную, чтобы эти принципы начали работать. Согласиться с другим их требованием — признать Бунд единственным представителем партии среди рабочих-евреев — фактически означало допустить, что только евреи имеют право нести социализм еврейским рабочим и организовывать их. Троцкий указывал, что тем самым Бунд выражает недоверие другим членам партии — неевреям — и бросает вызов их интернационалистским убеждениям и чувствам. Бунд волен не доверять партии, воскликнул Троцкий под бурю протестов, но пусть не ждет, что партия проголосует за недоверие к самой себе. Отказавшись в целом от права обращаться к массам трудящихся евреев, партия сдастся перед еврейским сепаратизмом. Требование о «культурной автономии» исходит из принципа того же сепаратизма, поскольку Бунд сначала предъявляет свои претензии партии, а затем государству и народу. Социалисты заинтересованы в том, чтобы снести преграды между странами, вероисповеданиями и народами — и, значит, не могут собственными руками воздвигать эти преграды. Социализм предоставляет евреям право осно-

вывать школы с обучением на своем языке, если они того пожелают. Но они, прибавил Троцкий, должны находиться в рамках государственной образовательной системы, и культурная жизнь евреев в целом не должна сосредоточиваться сама в себе. Он поставил этот вопрос на голосование, дополнив общую резолюцию Мартова. Обе резолюции были поддержаны подавляющим большинством.

Подобно Мартову, Аксельроду, Дейчу и другим социалистам еврейского происхождения, Троцкий разделял так называемые ассимиляционистские взгляды, считая, что у евреев как отдельного сообщества нет будущего. Между собой евреев скрепляли либо религиозные узы, которые, по общему убеждению социалистов, должны распасться, либо полуфиктивные националистические, достигающие апогея в сионизме. Бунд категорически отвергал сионизм, ибо сионисты полагали, что будущее евреев лежит в странах так называемого рассеяния. Но, возражал Троцкий, Бунд, отрицая сионизм, перенял у того националистическую сущность¹. Троцкий видел решение еврейского вопроса не в создании еврейских государств внутри нееврейских, но в последовательном преобразовании общества с позиций интернационализма. Предпосылкой для этого было взаимное доверие между евреями и неевреями, как в партии, так и в государстве. Такой точки зрения он будет придерживаться до конца жизни — только появление нацизма вынудит его несколько смягчить свою враждебность к сионизму². Он не допускал, что в недоверии евреев к нееврейскому окружению содержится доля трагической истины. Ни он, ни какой-либо другой социалист даже в кошмаре не мог представить себе, что европейский рабочий класс, ко-

---

¹ Через некоторое время после съезда Троцкий повел в «Искре» яростную атаку на сионизм. Поводом стал конфликт между первыми сионистами во главе с Теодором Герцлем и теми сионистами, которые под предводительством Макса Нордау были готовы отказаться от Палестины ради основания еврейского государства в Уганде. Герцль делал попытки купить часть Палестины у султана, а Нордау вел кампанию за приобретение земли в Уганде. Фанатичный последователь Герцля попытался убить Нордау. В связи с этим Троцкий написал о Герцле как о бесстыдном авантюристе и об истерических воплях сионских романтиков, и в этом конфликте он видел несостоятельность сионизма (Искра. № 56 от 1 января 1904 г.).

² В интервью американско-еврейской газете «Forward» (28 января 1937 г.) Троцкий говорил, что после нацизма трудно поверить в ассимиляцию евреев, на которую он возлагал надежды. Сионизм сам по себе, продолжал он, не решит проблему; но даже при социализме евреям, возможно, придется обосноваться на отдельной территории.

торый в течение нескольких поколений выслушивал проповеди о международной солидарности, сорок лет спустя не сможет или не захочет помешать убийству шести миллионов еврейских мужчин, женщин и детей в гитлеровских газовых камерах. На это формулировки Бунда, конечно, не давали ответа. Троцкий выступал как еврей против еврейского сепаратизма, потому что от его представления о будущем было так же далеко до европейской «цивилизации» середины века, как от земли до неба.

Следующий спор на съезде произошел между искровцами и экономистами. Экономисты возражали против того, что в умах членов партии приоритет был отдан революционно настроенным политикам в ущерб тред-юнионистам и реформаторам. Они выступали также против централизованной организации, в которой они, экономисты, окажутся в самом беспомощном положении. Их представители Мартынов и Акимов упрекали искровцев в диктаторском поведении сродни якобинству. Нужно отметить, что именно тогда это обвинение было впервые документально зафиксировано. Искровцы единодушно ответили на критику. Троцкий выступил против экономистов с горячностью, из-за которой заработал прозвище «дубинка Ленина». Борьба за мелкие экономические выгоды и реформы, сказал он, имеет смысл только до тех пор, пока она помогает собрать силы рабочего класса для целей революции. Социал-демократическая партия, борясь за реформы, совершает фундаментальное реформирование самое себя в умах пролетариата, готовя его к революционной диктатуре. Правящие классы в любом случае соглашались на реформы только под угрозой революции, и таким образом революционная политика должна стоять на первом месте даже в борьбе за реформы. Троцкий выступал за централизованную организацию, утверждая, что партии нужен строгий устав, который дал бы руководителям возможность исключать чуждые влияния. Высмеяв обвинения в якобинстве, он сказал, что устав должен выразить «организованное недоверие руководства» к членам, недоверие, проявляющееся в бдительном контроле сверху над партией.

Вскоре эта идея станет отличительной чертой большевизма, а Ленин — ее полноправным хозяином. Троцкий, как мы помним, пропагандировал ее еще в 1901 году; и на съезде ее пока еще разделяли все искровцы. По словам самого авторитетного историка меньшевизма, она выразила собой реакцию всех дальновидных социалистов против федеративного шатания и рас-

плавчатости движения¹. Но то был последний раз, когда искровцы, в том числе будущие меньшевики, единогласно отстаивали эту идею, хотя, может быть, никто не защищал ее так же горячо, как Троцкий. Он бы страшно удивился, если бы ему сказали, что через несколько заседаний он гневно отречется от своих же собственных слов. Вообще говоря, на II съезде даже не Ленин, а будущие вожди меньшевизма, особенно Плеханов, твердо выступали в пользу диктатуры пролетариата во время дебатов по программе. Плеханов убеждал делегатов принять решительные формулировки, которые не оставляли бы сомнений в том, что в революционной ситуации партия не побоится разрушить парламентские институты или ограничить гражданские свободы. «*Salus revolutionis suprema lex esto*» («Успех революции — высший закон») — это изречение Плеханов взял темой выступления и доказывал, что если после свержения царского правительства будет избрано Учредительное собрание, враждебное революции, то революция вслед за Кромвелем должна распустить Учредительное собрание. Именно по такому принципу действовали Троцкий и Ленин в 1918 году, не обращая внимания на злобные нападки старого и больного Плеханова. А пока Плеханов убеждал съезд в том, что революционное правительство не имеет права отменять смертную казнь — к ней, может быть, придется прибегнуть, дабы уничтожить царя. Его взгляды вызвали протест только одного малоизвестного делегата и слабые сомнения еще у нескольких человек, но большинство встретило их шумным одобрением.

Однако в кулуарах съезда единство искровцев дало трещину. Впервые расхождения проявились не в связи с каким-то политическим вопросом, даже не в связи со знаменитым первым параграфом устава, который в конце концов и стал причиной окончательного раскола, но в таком деле, которое не затрагивало никаких стратегических или организационных принципов. Ле-

---

¹ Мартов Л. История российской социал-демократии. С. 62—72. Мартов рассказывает, что в то время идеи централизованной организации витали в воздухе. Впервые концепцию подробно сформулировал не Ленин, а петербургский рабочий-подпольщик, который написал об этом Ленину, а после раскола присоединился к меньшевикам. За год до съезда похожий на ленинский проект организации предложил «Искре» Савинков, который позднее отделился от социал-демократов и создал партию социал-революционеров. Даже после раскола Мартов писал, что меньшевики первыми выступают за централизм, как и должно революционным социал-демократам (Там же. С. 11. См. также: Ленин В.И. Сочинения. Т. 6. С. 205—224).

нин предложил уменьшить количество членов редколлегии «Искры» с шести до трех. Остаться должны были Плеханов, Мартов и сам Ленин, а Потресова, Аксельрода и Засулич предполагалось вывести из состава. Противоположные исторические школы из всех сил пытаются усмотреть в этом предложении далеко идущие планы, пагубные или плодотворные в зависимости от угла зрения. На самом деле с учетом тогдашних обстоятельств замысел Ленина был прост. Он хотел сделать работу искровской редакции более эффективной, чем в последнее время. Поскольку шесть членов редколлегии часто разбивались на тройки по спорным вопросам, то, чтобы выйти из тупика, сначала он предложил ввести в редколлегию Троцкого; но, так как Плеханов категорически возражал, Ленин решил достичь той же цели, не увеличив, а уменьшив количество редакторов. В предложенную им тройку входили истинные столпы «Искры». Засулич, Аксельрод и Потресов почти ничего не давали газете — все они были весьма посредственными литераторами — и даже еще меньше участвовали в управлении и организации¹. По соображениям эффективности предложение Ленина было оправданно. Но, как это часто бывает, соображения эффективности вступили в конфликт с приобретенными правами и чувствами. Ленин долго сомневался, прежде чем решился на этот шаг; Плеханов не сомневался ни капли. Троцкому же попытка исключить из «Искры» Аксельрода и Засулич, двух ее основателей, показалась «святотатственной», а черствость Ленина его поразила.

Этот частный вопрос тут же смешался с другими, более широкими. Предполагалось, что фактически у руля партии останется, как и раньше, редколлегия «Искры». Съезду предстояло избрать Центральный комитет, который должен работать в России. Однако, находясь в подполье и подвергаясь опасности ареста, российский комитет не мог гарантировать непрерывную преемственность руководства — это мог сделать только эмигрантский центр, такой как редколлегия. Тогда Ленин предложил избрать совет, который бы действовал в качестве посредника между Центральным комитетом и редакцией. В совет должны были войти пять членов: два из «Искры», два из Центрального комитета и один из

---

¹ Объясняя в письме к сторонникам свои мотивы, Ленин утверждал, что для сорока пяти выпусков старой «Искры» Мартов написал тридцать девять статей, Ленин тридцать две, Плеханов двадцать четыре, Засулич написала только шесть статей, Аксельрод четыре, а Потресов восемь (Ленин В.И. Сочинения. Т. 34. С. 164).

бираемый съездом председатель. Заранее было понятно, что председателем станет не кто иной, как Плеханов; и, следовательно, искровцы получали в совете решающее влияние. Своим планом Ленин навлек на себя обвинение в том, что он хочет главенствовать в партии. Однако, как показали дальнейшие события, этот план сам по себе не делал положение Ленина более влиятельным, чем при старой расстановке сил. Если уж кто-то и занимал более выгодное положение в связи с новыми назначениями, то это был Плеханов, будущий противник Ленина. Ленин достигал лишь того, что из команды исключались наименее полезные члены, в первую очередь Аксельрод и Засулич. Ленин полностью признавал действительные заслуги «стариков»; но ради этого он не желал ослаблять эффективность дела, основную тяжесть которого он так или иначе нес на себе. Вполне естественно, что предложение потрясло обоих ветеранов. Мартов поторопился их успокоить. Троцкий, не все зная о перипетиях внутри «Искры», не мог понять побуждений Ленина. Он заподозрил какой-то зловещий заговор.

Пока посвященные шептались за кулисами о «семейном скандале», на открытое заседание съезда вынесли вопрос об уставе партии. Искровцы обсудили его до начала съезда и обратили внимание на различие между вариантами устава у Ленина и у Мартова. Ленин представил следующее определение членства в партии: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Проект Мартова был очень похож, за одним исключением: вместо «личного участия в одной из партийных организаций» Мартов требовал от члена партии распылчатого «регулярного личного содействия под руководством одной из организаций». Формальное расхождение казалось едва уловимым. Более точная формулировка Ленина подразумевала небольшую партию, состоящую из организованных и дисциплинированных профессиональных революционеров. Вариант Мартова предусматривал довольно свободную ассоциацию с участием в том числе и тех, кто просто оказывал содействие подпольной группе, не входя в нее. Когда обе формулировки впервые сравнили, разница показалась незначительной; и Мартов был готов снять свой проект. Кто бы мог подумать, что партия расколется из-за двух слов в параграфе устава.

Тем временем из-за личных конфликтов, связанных с ленинским планом перестановок в редколлегии, в кулуарах съезда содалась напряженная и неприязненная атмосфера, в которой у

основных действующих лиц все больше росли подозрения и раздражительность по отношению друг к другу¹. Мартов, Троцкий и остальные гневно нападали на Ленина, обвиняя его в грубости и властолюбии, а Ленин не мог понять, чем он заслужил эти отповеди, если он всего лишь предложил вполне очевидный и выполнимый план по перестройке «Искры». Обеим сторонам уже чудились интриги и махинации в любом ходе противников. Обе высматривали ловушки, расставленные для нее противной стороной. Обе принялись бередить старые, полузабытые разногласия, и они, еще вчера казавшиеся ничтожными, теперь начинали приобретать злое значение. С таким настроением встретились оппоненты, когда съезд перешел к рассмотрению устава. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы объединить обе формулировки в одном предварительном наброске. Напротив, оба автора твердо решили прояснить все самые глубокие смыслы своих формулировок, сделать их как можно более определенными, поразить растерянных делегатов пропастью, непреодолимой пропастью между двумя вариантами и подчеркнуть, может быть даже чрезмерно, те практические последствия, которые повлечет за собой принятие той или другой формулировки. Мартов и Ленин, два друга и товарища, столкнулись как враги. Каждый говорил как бы в трансе; каждый дивился своему странному поведению; каждого оно сбивало с толку; и все-таки и тот и другой оказались не способны остановиться и уступить².

Настроение главных героев сообщилось и простым участникам. Съезд разделился. Вместо одной партии он основал две. В то время Плеханов, будущий непримиримый враг большевистской революции, был ближайшим союзником Ленина, а Троцкий — одним из его самых громогласных оппонентов. Троцкий обвинил Ленина в попытке создать не партию рабочего класса, а секту заговорщиков. Социализм основывается на доверии классовой ин-

---

¹ Искровцы устраивали свои закрытые заседания за пределами съезда. На одном из них, когда впервые проявились признаки раскола, председательствовал Троцкий, так как противники не сумели согласиться ни на какую другую кандидатуру (*Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. Гл. 12*).

² В письме к Потресову после съезда Ленин коротко написал: «И вот я спрашиваю себя: из-за чего же, в самом деле, мы разойдемся так на всю жизнь врагами? Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, «бешено», я охотно готов признать перед кем угодно эту свою вину, — если следует называть виной то, что естественно вызвано было атмосферой, реакцией, репликой, борьбой etc» (*Ленин В.И. Сочинения. Т. 34. С. 137*).

туции рабочих и их способности осознать свою историческую миссию — почему бы партии не открыть им свои двери, как предлагает Мартов? Ленин, удивленный тем, что его «дубинка» обратилась против него же, неоднократно пытался посеять рознь между Троцким и Мартовым. На открытом заседании он мягко обратился к Троцкому, стараясь убедить его в том, что по неопытности Троцкий спутал разные вещи и неправильно понял разногласия. Среди рабочих, продолжал он, тоже есть оппортунизм, разброд и шатание; и если партия, как предлагает Мартов, раскроет свои двери и для «работающих», и для «болтающих», то в ее ряды вольются слабые элементы. А нужно организовать только «авангард пролетариата», то есть его самые смелые элементы, обладающие классовым сознанием. Партия должна возглавить пролетариат; поэтому она не может вобрать в себя весь рабочий класс.

Этот довод не сумел убедить Троцкого. Ленин встречался с ним за стенами съезда и часами пытался опровергнуть обвинения и объяснить свои поступки. Позднее он подсылал к Троцкому своих единомышленников и даже собственного брата, чтобы того «уговорить». Но напрасно. Троцкий все больше укреплялся во враждебном отношении.

Съезд большинством одобрил формулировку Мартова. Но в это большинство входили делегаты от Бунда и экономистов, которые собирались вот-вот покинуть съезд и выйти из партии, после того как искровцы провалили их своим голосованием. После их выхода Ленин представил план реорганизации «Искры». Троцкий в пику ленинскому плану внес предложение решительно подтвердить полномочия старой редколлегии. На сей раз Ленин получил большинство в два голоса. С тем же перевесом съезд выбрал в Центральный комитет предложенных Лениным кандидатов. Оппозиция воздержалась от голосования. Так получилось, что сторонников Ленина называли большевиками, а его противников — меньшевиками. Вожди меньшинства, потрясенные и чуть ли не в ужасе от дерзости, с какой Ленин низвел Аксельрода и Засулич с их высокого положения в партии, заявили, что будут бойкотировать выбранный Центральный комитет и «Искру». Мартов сразу же вышел из редколлегии. Ленин осудил его поступок как недопустимую анархию. Ленин был твердо настроен упрочивать авторитет избранных органов: он настаивал на том, что они являются законной властью, с каким бы малым перевесом ни были избраны, ибо в любом демократичес-

ком органе большинство, пусть даже не подавляющее, представляет собой конституционную силу. Делегаты разъехались со съезда в шум и хаосе.

Хотя со стороны казалось, что разделение на большевиков и меньшевиков произошло случайно, оно положило начало долгому и необратимому процессу раскола, в ходе которого революционная партия отделилась от партии умеренных. В Западной Европе умеренные представители рабочего движения уже откровенно называли себя реформистами и противниками революции. Вполне естественно, что нечто подобное должно было произойти и в России. Но под пятой самодержавия даже самые умеренные социалисты не могли открыто объединиться в партию реформ: для этого нужна была парламентская демократия. И они продолжали относительно искренне проповедовать революционный социализм и ортодоксальный марксизм, что выявляло истинную природу партийного раскола даже больше, чем его обескураживающие обстоятельства. В них крылось нечто сложное, иррациональное. В 1903 году Троцкий видел перед собой две фракции с одинаковыми политическими и организационными принципами. Но он не видел никаких причин, которые могли бы заставить их разойтись, кроме беспощадности Ленина к товарищам, даже к таким заслуженным, как Аксельрод и Засулич. Он полагал, что этот чрезмерный разрыв неминуемо повлечет за собой ослабление партии и рабочего класса.

На первый взгляд, он был совершенно прав. До сих пор главных противников разделяла только разница характеров, хотя обе стороны вскоре постараются логически объяснить ее глубокими идейными и концептуальными противоречиями. Но разница характеров тоже кое-что значила. Своим «неуважением» к «старикам» Ленин показал, что готов подчинить любые чувства, даже самые благородные, и все прочие соображения высоким требованиям политики и организации. Если ради результата будет нужно пожертвовать основателями партии, он пойдет на жертвы. Подпольное движение, штурмующее бастионы царизма, подвергается суровым гонениям и не может позволить себе раздавать почетные синекуры даже тем, кто стоял у истоков этого движения. Конечно, его позиция отличалась фанатизмом и в некотором смысле жестокостью. Человек, который действует подобным образом, не колеблясь жертвует любыми другими людьми или соображениями ради важнейших, как он считает, интересов революции. Но революционной партии необходима большая доля

фанатизма. Она вынуждена придерживаться девиза, провозглашенного Плехановым, о том, что успех революции — высший закон. С другой стороны, оппоненты Ленина ставили личные чувства на одну доску с этим законом, который объявляли главнейшим. Они и дальше будут придавать то же значение разным чувствам и мотивам, когда те столкнутся с их общепризнанными революционными чаяниями. Не революционерами они покажут себя, а миротворцами.

Притом неудивительно, что многие, если не большинство, действующие лица не распознали скрытых в этой разнице симптомов, столь очевидных задним числом. Троцкий не разглядел за личной беспощадностью Ленина революционного склада ума. По всей вероятности, в его позиции сыграли роль и какие-то другие соображения. Рядом с Лениным он видел высокомерного, агрессивного Плеханова, который пренебрежительно осаживал молодого коллегу при всяком удобном случае и без видимой причины. С противоположной стороны находились те сердечные и скромные люди, столько сделавшие для него. Троцкий сделал очевидный выбор; но выбор, в котором он однажды горько раскается.

Почти сразу же после съезда, «еще не остыв от пыла сражения», он составил «Отчет сибирской делегации», «человеческий документ для будущего историка», по его же словам. В нем Троцкий весьма драматично выразил разочарование в Ленине и возникшую враждебность по отношению к нему, а также собственную противоречивую позицию.

«Съезд... думал, что он творит, — он только разрушал...» Кто мог бы предположить, что этот «искровский» съезд беспощадно раздавит редакционную коллегию «Искры», только что им признанной центральным органом партии? Какой политический звездочет предсказал бы, что товарищи Мартов и Ленин выступят на съезде как враждебные вожди враждебных сторон? Все это прогремело, по-видимому, как гром с ясного неба... «Этот человек [Ленин] со свойственными ему энергией и талантом сыграл роль партийного дезорганизатора... За Лениным... стояло новое компактное большинство «твердых» искровцев, противопоставлявших себя искровцам «мягким». Мы, делегаты Сибирского союза, были в числе «мягких». И... мы не думали, что испортили свои революционные формуляры... Утверждение старой редакции «Искры» подразумевалось само собою... На другой день, товарищи, мы хоронили «Искру»... Отныне «Искры» нет...»

Вторя Мартову, он писал, что Ленин, побуждаемый жаждой власти, навязывает партии «осадное положение» и свою «железную руку». «Мы потерпели поражение, ибо в книгах судеб была предопределена победа не централизму, эгоцентризму... И товарищу Ленин превратил скромный Совет во всемогущий Комитет Общего Спасения, дабы взять в нем на себя роль «неподкупного» Робеспьера». И подобно новоявленному Робеспьеру, Ленин готовит место для «термидористов социалистического оппортунизма». Впервые Троцкий провел это далеко идущее сравнение, к которому будет возвращаться снова и снова на протяжении всей жизни в самых разных обстоятельствах и ситуациях. Но в тот момент он хотел сказать следующее: террор Робеспьера вызвал термидорианскую реакцию — отступление не просто от якобинства, но от французской революции в целом. Подобным же образом Ленин доводит принцип централизма до абсурда и тем не только бросает тень на самого себя, но и провоцирует ответный отход от принципа централизма, отход, который будет на руку оппортунистам и федералистам, затесавшимся в социалистическое движение. В послесловии Троцкий насмешливо добавляет, что он и не думал сравнивать Ленина с Робеспьером: большевистский вождь не более чем карикатура на Робеспьера и «отличается от своего великого образца приблизительно тем же, чем вообще вульгарный фарс отличается от исторической трагедии». Троцкий ополчился на Ленина и перестал стесняться выражений. Он нападал со всей силой чувств и бил своей гневной речью со всего размаху.

Меньшевики привели в исполнение угрозу бойкотировать «Искру» и ЦК. В числе прочих Троцкий перестал писать в газету. В сентябре 1903 года меньшевики собрались в Женеве, чтобы определиться с дальнейшими действиями: насколько следует затягивать бойкот? Стоит ли рисковать своим положением в партии и стоит ли основывать отдельную партию в случае исключения? Или меньшевикам следует действовать так, чтобы остаться в партии, и постараться сместить Ленина на следующем съезде? Мнения разделились. Несмотря на всю ярость публичных нападок на Ленина, Троцкий встал на сторону умеренных. Цель бойкота, по его мнению, состояла в том, чтобы оказать давление на Ленина и Плеханова, вернуть «старикам» «Искры» их высокое положение и восстановить партийное единство. Конференция приняла резолюцию, написанную совместно Троцким и Мартовым. В той ее части, которую составил Троцкий, утверж-

далось: «Мы считаем для себя нравственно и политически обязательным вести организационными силами... борьбу с применением всех мер, которые, не ставя нас вне партии и не компрометируя ни самой партии, ни идеи ее центральных учреждений, могут... привести нас к такому изменению состава высших учреждений партии, которое обеспечивало бы ей возможность свободно работать над идейным и организационным воспитанием партии»¹. Но, хотя меньшевики остановились в нескольких шагах от окончательного разрыва, они сформировали теневой центральный комитет, чтобы вести кампанию против «Искры» и ленинского комитета, и в случае окончательного разрыва он, безусловно, стал бы во главе новой партии. В этот меньшевистский комитет, или бюро, вошли Аксельрод, Мартов, Троцкий, Дан и Потресов. За исключением Троцкого, все они до конца останутся вождями меньшевизма.

Кстати сказать, меньшевикам совсем не пришлось брать на себя одиозную миссию партийных раскольников. Бойкот, объявленный ими под бурю протестов, быстро дал результаты. Плеханов, который на первых порах неколебимо стоял за Ленина, теперь старался умиротворить оппозицию и загладить обиды. Он попробовал убедить Ленина в том, что они должны восстановить прежнюю редколлегию. Ленин не уступал ни на йоту: он не может, заявил он, под давлением неорганизованных эмигрантских группировок отменить решение, принятое съездом. С точки зрения регламента, без которого обычно не обходится ни одна партия, довод Ленина был неопровержим. Но Плеханов мог позволить себе им пренебречь. Он был председателем партийного Совета и оставался самым влиятельным членом редколлегии «Искры»: после ухода Мартова она состояла только из самого Плеханова да Ленина. Плеханов решил предложить Аксельроду, Засулич, Мартову и Потресову вернуться в редколлегию. Ленин из нее вышел. Таким образом меньшевики заполучили в свои руки по-прежнему влиятельную «Искру». Скоро уже сторонники Ленина начали задумываться, не слишком ли далеко он зашел и не разумнее ли помириться с оппонентами. Ленин потерпел поражение и оказался в изоляции, однако же он еще больше убедился в верности своей позиции и укрепился в решимости отстаивать ее.

К досаде Плеханова, с меньшевиками в «Искру» вернулся и Троцкий. Дав искровским ветеранам возможность возвратиться

---

¹ Письма Аксельрода и Мартова. С. 94.

с победой, Плеханов конечно же не мог захлопнуть дверь прямо перед носом у их самого преданного защитника и протеже. Но для начала он просто убедил Мартова, нового главного редактора газеты, держать Троцкого на второстепенном положении по сравнению с тем, которое он занимал прежде или которое хотел ему предложить Мартов. Видимо, Троцкого ограничили написанием статей на сравнительно маловажные темы, особенно после того, как российским читателям не понравился оскорбительный тон его полемики с Лениным. Плеханов, хоть он и сам теперь гневно набрасывался на Ленина, не желал мириться с таким же тоном у Троцкого. В конце концов он потребовал, чтобы «Искра» прекратила публиковать статьи Троцкого, и пригрозил уйти из газеты, если с ним не согласятся. По его словам, ему было «нравственно невыносимо» редактировать газету, для которой пишет Троцкий.

Поводом для «ультиматума» стала статья Троцкого о только что разразившейся Русско-японской войне. Статья, опубликованная в «Искре» в середине марта 1904 года, была путаной и по содержанию, и по стилю — Плеханов имел основания возражать против нее, — но она содержала также несколько важных мыслей. Большую часть статьи Троцкий посвятил разоблачению русского либерализма, половинчатого, нерешительного, непоследовательного и склонного к предательству. Такая позиция среднего класса не могла не повредить делу демократии, но из нее вытекало одно извиняющее ее следствие: либерализм не может встать во главе революции и своими действиями ускоряет «самоопределение пролетариата». Однако в целом статья критиковала позицию партии, что не вполне согласовывалось с антилиберальными обличениями. Троцкий подверг критике «большинство партийных комитетов» за их непродуманную пропаганду, утверждавшую, что война против Японии ведется в интересах и при поддержке русской буржуазии. Это, утверждал Троцкий, неверно; царь ведет войну исключительно в интересах самодержавия — среди буржуазных либералов царил «антипатриотический» дух. Троцкий возражал против «псевдомарксистского клише», господствующего в партии: важнейшие критерии классовых интересов превращаются в мертвые и отупляющие схемы, укладываются в прокрустово ложе, на котором задачи больше не анализируют, а рубят для употребления пролетариатом. В основном критика была направлена против большевиков, но не только против них.

Ультиматум Плеханова поставил меньшевистскую «Искру» в затруднительное положение. Все члены редакции одобрили статью, против которой возражал Плеханов. Им не хотелось отказываться от помощи Троцкого. С другой стороны, они вернулись в «Искру» благодаря Плеханову, и ему же, как председателю Совета, были обязаны вновь обретенным влиянием, о чем Плеханов постоянно напоминал. Поначалу они отвергали его притязания и упрекали его за «недостойное поведение», «шантаж» и «личную неприязнь». Тем не менее Троцкий сам задумал уйти из «Искры» и выразил желание вернуться к подпольной работе в России. Мартов и другие меньшевики уговорили его не обращать внимания на обиду и продолжать работать для «Искры». Но Плеханов не мог с этим смириться; в непримиримой вражде с Троцким он поставил на карту свой престиж и решил выполнить угрозу и выйти из редакции. Тогда меньшевики, боясь потерять своего самого авторитетного союзника, который только что помог им победить и принизить Ленина, уступили Плеханову: имя Троцкого пропало со страниц «Искры».

Так Троцкий начал отдаляться от меньшевиков. Хотя он сам, чтобы не ставить товарищей в неловкое положение, согласился оставить «Искру», сделка их с Плехановым не могла не задеть его. Он покинул Женеву в мрачном настроении и на несколько месяцев исчез из меньшевистских кругов. Личная досада смешивалась в нем с нарождающимися политическими разногласиями. Меньшевики, пытаясь логически обосновать причины вражды с большевиками, начали отступать от тех взглядов, которых придерживались до раскола. Отступление перешло с организационных вопросов на политические. Вера Засулич вслух мечтала о союзе между социалистами и буржуазными либералами. Теодор Дан, чье влияние росло, напрямую агитировал за этот союз. И уже тогда, будучи лидерами одной и той же фракции, Дан и Троцкий питали друг к другу безотчетную неприязнь. Дан отличался столь же серьезным и прозаическим характером, сколь Троцкий был выпендренным и порывистым. Первый легче всего преуспевал в обстановке политического компромисса, как покажет его роль при Керенском в 1917 году; другой был рожден для революции. Поскольку меньшевики начали склоняться к более умеренным формулировкам, авторитет Дана, естественно, стал возрастать, а влияние Троцкого ослабевать. Мартов с тревогой наблюдал за тем, как его единомышленники ищут умеренности, но ничего не мог поделать против того процесса, которому сам же положил нача-

ло. Отречение от духа старой «Искры» затронуло и Троцкого. Да и как могло быть иначе, если этот дух воплощался в его противнике Ленине. Но Троцкий обнаружил, что прежняя «Искра» не свободна от заговорщического, народнического духа, что она несправедлива по отношению к экономистам и вероломно выступает за главенство организации над «спонтанным» рабочим движением. К таким выводам пришло большинство меньшевиков, пересмотревших свое недавнее прошлое; и Троцкий до поры разделял их мнение¹. Но по одному пункту он упорно продолжал сопротивляться, а именно когда меньшевики впервые сделали попытку перекинуть мост между социализмом и либерализмом. Он держался антилиберальных взглядов, характерных в целом для старой «Искры». Долгие споры с меньшевиками помогли ему понять, насколько в этом важнейшем вопросе он далек от них и близок к Ленину.

Однако, прежде чем расстаться с меньшевизмом, он опять осыпал Ленина градом оскорбительных упреков, из-за которых любое примирение с ним стало практически невозможным. В апреле 1904 года Троцкий ушел из «Искры». В августе того же года в Женеве вышла его брошюра «Наши политические задачи», посвященная «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». С исторической и биографической точки зрения брошюра интересна тем, что это самый резкий обличительный выпад, когда-либо направленный против Ленина со стороны человека социалистических убеждений. Также она интересна оригинальным ходом мысли и удивительными вспышками исторического прозрения, разбросанными по сотне с лишним поносительных страниц убористой печати.

«В то время, — начал Троцкий, имея в виду Русско-японскую войну, — как революционный пролетариат всего мира с ожиданием смотрит на нашу партию, перед которой история поставила грандиозную задачу: разрубить узел мировой реакции, — русские социал-демократы как бы не знают других задач, кроме задач мелочной внутренней борьбы... Какой душераздирающий трагизм... В такой кошмарной атмосфере мы прожили целый год... Все чувствовали ужас положения, почти все сознавали преступность раскола, но никто не мог вырваться из стальных тисков истории». Причина разделения глубоко коренилась в том, что

---

¹ В этом отношении не было разницы между Троцким (в «Наших политических задачах») и самым правым меньшевиком Череваниным (в «Организационном вопросе»).

партия с большим трудом примиряла свои демократические и социалистические задачи. Россия еще не пережила буржуазно-демократической революции; и первейшая задача партии состояла в том, чтобы свергнуть монархический абсолютизм. Однако же истинной ее целью, хотя и более отдаленной, был социализм. Партию постоянно раздирали два стремления. Всякий раз, когда в ее рядах возникали разногласия, каждая сторона обвиняла другую в отступлении от классовых интересов пролетариата в пользу буржуазной демократии. «Каждое новое направление предает своего предшественника анафеме. Прошлый период представляется носителям новых идей не чем иным, как грубым уклонением от правильного пути, историческим недоразумением»¹.

Именно таким образом, продолжал он, Ленин и старая «Искра» относились к экономистам, которые, несмотря на всю свою ограниченность, пробудили русский рабочий класс. Меньшевики являются «первым... примером, когда представители нового течения в партии сознательно стремятся утвердиться не на костях, а на плечах своих предшественников», и одно это уже свидетельствует о их зрелости. Экономисты обратились к пролетариату, но сделали это не в духе социал-демократии, а в духе аполитичного тред-юнионизма. «Искра», с другой стороны, обратилась со своим социал-демократическим призывом к интеллигенции, а не рабочим. Ленин силой загонял революционную интеллигенцию в ортодоксальный марксизм, заставлял безоговорочно капитулировать перед авторитетом Маркса, надеясь, что таким способом он вырастит из интеллигентов надежных руководителей незрелого и робкого рабочего движения. Но Ленин пытался форсировать ход истории, ибо «пролетарская доктрина политического развития не может заменить политически развитого пролетариата»². Ленин не доверял массам и свысока смотрел на их неопытные действия, утверждая, что рабочие не способны самостоятельно дорасти от тред-юнионизма до революционного социализма и что революционная интеллигенция «извне» принесла социалистическую идеологию в рабочее движение. Это, писал Троцкий, теория ортодоксальной теократии, а организационный план Ленина годится только для партии, которая хочет заместить собой рабочий класс, действовать от имени и по поручению рабочего класса, без оглядки на то, что чувствуют и думают сами рабочие.

---

¹ Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 4.

² Там же. С. 23.

Этому «заместительству», как назвал его Троцкий, этой партии, действующей в качестве временного заместителя пролетариата, он противопоставил предложенную Аксельродом концепцию широкой партии по образцу европейских социал-демократических партий¹. «Во внутренней партийной политике эти методы [методы Ленина] приводят... к тому, что партийная организация «замещает» собой партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, «диктатор» замещает собою ЦК»². Партия должна искать гарантий устойчивости в собственном основании, деятельном и рассчитывающем на свои силы пролетариате, а не в комитете, который революция может внезапно смести своим крылом. После саркастического замечания о написанных Лениным «безобразных, распущенно-демагогических строках»³, и после насмешек, которыми он осыпал попытки Ленина установить партийную дисциплину, Троцкий задает вопрос: «Неужели так трудно понять, что всякое сколько-нибудь серьезное и значительное течение... пред которым стоит альтернатива: молчаливое самоупряднение *из чувства дисциплины* или борьба за существование, *несмотря ни на какую дисциплину*, — несомненно выберет второй путь?.. Остается лишь сделать вывод: да погибнет та «дисциплина», которая подавляет жизненные интересы движения! «История» бесспорно сделает этот вывод... Победа в конечном счете всегда окажется на стороне того, кто лучше, полнее и глубже понимает задачи революционного дела»⁴.

Самая любопытная в брошюре последняя глава «Якобинизм и социал-демократия»⁵. Когда на съезде экономисты обвинили «Искру» в якобинстве, Троцкий отверг упрек. Теперь же он обратил его против Ленина. Ленин встретил его едва ли не с гордостью. «Якобинец, — возражал он, — связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, и есть революционный социал-демократ». Из брошюры видно, что Троцкий обдумывал обвинение в свете французской революции, которую недавно подробно изучал; и он указал на будущую драму русской революции. Якобинец и социал-демократ, утверждал он, по своей природе взаимно исключают друг друга. В условиях своей эпохи французская революция могла создать лишь буржу-

---

¹ Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 50.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Там же. С. 97—107.

азное общество, основанное на буржуазной собственности. «Якобинство («максимум радикализма, какой мог быть дан буржуазным обществом») попыталось навечно остановить мимолетную, псевдоэгалитарную кульминацию революции, несовместимую с коренными тенденциями эпохи». Якобинская утопия была обречена: чтобы спасти ее, истории пришлось бы остановить свой бег. Конфликт между якобинством и его эпохой объясняет, почему именно так сложился менталитет и образ действий якобинцев. У Робеспьера со товарищи были свои метафизические идеи об Истине; но им не верилось, что их Истина завоюет сердца и умы народа. С патологической подозрительностью они оглядывались вокруг, и чудилось им, что из каждой щели выползают враги. Якобинцам пришлось провести резкую границу между собой и остальным миром, и они провели ее ножом гильотины. «Всякое притупление не принципиальных только, но *личных* границ между якобинизмом и остальным миром означало высвобождение внутренних центробежных сил». Политическая интуиция подсказала Робеспьеру, что, только перманентно находясь в осадном положении, он сможет продлить эфемерное завершение революции. «Они считали, что никаких человеческих гекатомб не будет слишком много, чтобы построить пьедестал для «истины»... Абсолютной вере в метафизическую идею соответствовало абсолютное недоверие к живым людям».

От якобинца, продолжал Троцкий, социал-демократ отличается оптимизмом, ибо он находится в гармонии с тенденциями эпохи. На пороге XX века, с ростом современной промышленности и рабочего класса, социализм перестает быть утопией. Социал-демократ и якобинец отстаивают «два мира, две доктрины, две тактики, две психологии, отделенные пропастью... Они — утописты, мы хотим быть только выразителями объективных тенденций. Они — идеалисты... мы... материалисты. Они — рационалисты, мы диалектики. Они отрубали головы, мы просвещаем их классовым сознанием».

Троцкий не отрицал, что между якобинцами и социал-демократами есть определенное сходство. И те и другие непримиримы: якобинцы боролись против *moderantisme*, доктрины умеренных; социалисты выступают против реформистского оппортунизма. Но социал-демократам не нужна гильотина. «Все интернациональное движение пролетариата было бы обвинено революционным трибуналом в модерантизме, — и львиная голова Маркса

первою пала бы под ударом гильотины»¹. Робеспьер говорил: «Je ne connais que deux parties, celui des bons et celui des mauvais citoyens»². Этот политический афоризм начертан в сердце Максимилиана Ленина, чья «злостная и нравственно отвратительная подозрительность» является «плоской карикатурой трагической нетерпимости якобинства». (В той же главе Троцкий называет Ленина «бойким статистиком» и «неряшливым адвокатом».)

Необходимо сделать четкий выбор между якобинством и марксизмом — к такому заключению приходит Троцкий. Пытаясь соединить их, Ленин фактически отходит от социализма и выдвигает себя в качестве вождя революционного крыла буржуазной демократии. Основное обвинение, предъявленное Троцким Ленину, состояло в том, что Ленин превращается из социалиста в радикального буржуазного политика, ибо только буржуазный политик способен так же сильно не доверять рабочему классу, как Ленин³. Сторонники Ленина пошли еще дальше и откровенно планировали установить диктатуру над пролетариатом, и, когда некоторые большевики (здесь Троцкий процитировал так называемый уральский манифест) пропагандируют партию без течений и разногласий, «даже неробкого человека мороз подирает по коже».

Закончил он следующей проповедью против единообразия:

«Задачи нового режима так сложны, что они могут быть решены не иначе, как путем соревнования разных методов экономического и политического строительства, путем долгих «споров», путем систематической борьбы — не только социалистического мира с капиталистическим, но и различных течений внутри социализма, течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых... проблем... И никакая «сильная, властная организация» не сможет... подавить эти течения и разногласия... Пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой». Рабочий класс... несомненно привнесет в свои ряды много политических инвалидов, а в свой обоз — много идейного балласту. Ему необхо-

---

¹ Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 95.

² Я знаю только две партии — хороших и плохих граждан (фр.).

³ Здесь Троцкий цитировал Аксельрода, который сравнивал эволюцию Ленина с эволюцией Струве. В этой брошюре Троцкий также в хвалебном духе рассказывал о меньшевистских лидерах, особенно об Аксельроде и Мартове, описывая первого как великого марксиста и пронизательного политика, а второго как Добролюбова своего поколения.

димо будет в эпоху диктатуры, как необходимо и теперь, очищать свое сознание от ложных теорий, от буржуазных переживаний и освобождать свои ряды от политических фразеров и революционных стародумов... Но эту сложную работу «нельзя заменить, поставив над пролетариатом хорошо подобранную группу лиц или... одно лицо, снабженное правом раскассирования и разжалования»¹.

Среди сочинений, вышедших из-под плодovitого пера Троцкого за четыре десятилетия, это, быть может, самое удивительное — и не в последнюю очередь из-за того, что в нем содержится такой странный набор грандиозных идей и мелких полемических уловок, острых исторических прозрений и высокопарных красот. Не найдется другого литератора-меньшевика, который нападал бы на Ленина с таким же ядом и такой же личной неприязнью. «Безобразный, распушенно-демагогический», «злостный и нравственно отвратительный» — такими эпитетами наградил Троцкий человека, который еще недавно протянул ему руку дружбы, вызвал его в Западную Европу, продвигал его и защищал от нападков Плеханова. Конечно, марксисты, особенно русские, обыкновенно не стеснялись высказывать свое мнение с беспощадной откровенностью. Но как правило, они воздерживались от оскорблений в адрес лично оппонента. То, что Троцкий нарушил это правило, нельзя объяснить одним только юношеским пылом — в этом проявилось его свойство, от которого он никогда не освободится: Троцкий не мог отделить идею от человека.

Кроме того, он не поддержал свои обвинения ни единым фактом, способным придать им вес в глазах историка. До той поры Ленин не исключил из партии ни одного члена. Он лишь настаивал на законности полномочий, делегированных ему съездом, и предупреждал оппозицию о том, что, если она будет и дальше препятствовать официальным решениям съезда и бойкотировать избранное руководство, ему придется принять меры. На его месте так повел бы себя любой руководитель любой партии². Поскольку

---

¹ Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 105.

² Роза Люксембург обрушилась на Ленина в «Neue Zeit», а затем в «Искре» (№ 69 от 10 июля 1904 г.) с критикой за то, что он хочет пересадить европейские, немецкие и британские (фабианские) модели организации на российскую почву. В немецкой социал-демократической партии централизм поддерживали умеренные лидеры, противостоящие революционному крылу. Карл Каутский (Искра. № 66 от 15 мая 1904 г.) критиковал

ку вследствие ряда случайностей и личных перестановок меньшевики сначала заполучили «Искру», а затем буквально вытеснили Ленина с его поста, его формальное руководство продолжалось очень недолго и он ничего не успел сделать для того, чтобы осуществить свои угрозы в адрес оппозиции. Как только оппозиция оказалась на коне, ее вожди пригрозили Ленину тем же, хотя у них на это было меньше прав, так как съезд их не выбирал¹.

Троцкий все это знал и не замалчивал в своей брошюре. Поэтому его упреки основывались лишь на умозаключениях и на одном теоретическом тезисе. Ленин утверждал, что в историческом смысле революционная интеллигенция сыграла особую роль в рабочем движении, внушив ему марксистское мировоззрение, до которого рабочие не дошли бы сами по себе. В этом тезисе Троцкий увидел отрицание революционных способностей рабочего класса и стремление интеллигенции, выразителем которой был Ленин, удержать рабочее движение под своей опекой. На его взгляд, в этом крылся замысел якобинской или, как сказали бы сейчас, тоталитарной диктатуры. И все же многие публицисты социалистического толка подчеркивали особую роль интеллигенции в рабочем движении; а Ленин, по существу, перенял этот тезис от Каутского, признанного авторитета марксистской теории. Обе фракции, меньшевистскую и большевистскую, возглавили люди умственного труда: на недавнем съезде на несколько десятков делегатов пришлось только трое рабочих. Поэтому несправедливо обвинять одного только Ленина в том, что он озвучивал надежды интеллигенции. В ленинской концепции революционного строя, насколько он успел ее разработать, не было ни единого пункта, на котором Троцкий мог бы обосновать свои обвинительные выпады. И тогда, и в течение многих следующих лет Ленин утверждал, что революционное правительство в Рос-

---

Ленина, исходя из тех же оснований: то, что полезно для Европы, говорил он, то вредно для России. Российские эсеры, будущие враги большевизма, всецело одобрили позицию Ленина (см. «Эволюция русской соц. мысли» в «Вестнике русской революции», № 3). Из этого можно понять, насколько не соответствует реальной истории то убеждение, свойственное и большевикам, и многим их критикам, что тип социализма, представленный Лениным в 1903 г., являлся исключительной принадлежностью большевизма: либо его достоинством, либо первородным грехом.

¹ Парvus, больше склоняясь к меньшевикам, чем к большевикам (см. следующую главу), критиковал меньшевиков за то, что они вводят у себя диктаторские методы организации, которые приписывают Ленину (Парвус В.И. Россия и революция. С. 182 и дальше).

сии будет сформировано коалицией партий и что социалисты даже не надеются занять в нем большинство мест. Идея монолитного государства даже не приходила ему в голову. Чуть погодя Троцкий сам гораздо ближе Ленина подойдет к этой идее: вскоре, противореча Ленину, он начнет пропагандировать диктатуру пролетариата как прямую цель российской революции, которая не обязательно подразумевает монолитное государство, но неизбежно приближается к нему. Иными словами, ни в поступках, ни в рассуждениях Ленина Троцкий не мог увидеть важных предпосылок для того, чтобы так преждевременно изображать Ленина в виде русского Робеспьера, который ножом гильотины отделяет свою партию от мира. Лишь капризная и безответственная фантазия автора брошюры заставила его выставить противника в эдаком кривом зеркале.

И все же кривое зеркало оказалось верным в перспективе будущего; правда, отраженным в нем русским Робеспьером окажется не столько Ленин, сколько его преемник, в то время еще неизвестный кавказский социал-демократ. И такова правдивость этого зеркала грядущего, что в нем вперемежку видны все трагические элементы русской революции. Прежде всего, оно показало дилемму между буржуазно-демократическими и социалистическими целями революции, дилемму, которая будет постоянно проявляться. Кроме того, в нем отразился конфликт двух основ большевизма, марксистской и яacobинской, конфликт, не разрешенный ни Лениным, ни большевизмом, ни даже самим Троцким. Сколько бы ни призывал Троцкий к четкому выбору между марксизмом и яacobинством, обстоятельства не позволят ни Ленину, ни Троцкому сделать его. Больше того, зеркало заранее показало этапы, через которые в своем «заместительстве» пройдет партия революции: съезд замещает собой партийную массу; потом Центральный комитет замещает съезд; и, наконец, диктатор замещает Центральный комитет. В действительности это заголовки нескольких еще не написанных глав в летописи революции. И опять Троцкий ни в коей мере не предвидел, что однажды сам зайдет гораздо дальше Ленина, защищая и восхваляя «заместительство», прежде чем в ужасе отпрянет от него, осуществленного. Снова он рисует мрачную картину этого осуществления: образ патологически подозрительного диктатора, «снабженного правом раскассирования и разжалования», ему мерещится, будто из каждой щели выползают враги, и он, не щадя человеческих жизней, изо всех сил старается навсегда продлить кульминацию рево-

люции и отделить ее от остального мира непреодолимой преградой. И словно бы в прологе греческой трагедии, являются предзнаменования и показывают Троцкому его собственную судьбу: он призывает к свободному соревнованию идей и течений практически теми же словами, что двадцать лет спустя повторит перед большевистским трибуналом. Пока же он уверен в том, что «пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой», и не сознает, что ставит серьезнейший вопрос: что случится, если после революции рабочий класс не сможет осуществить свою диктатуру над обществом? Троцкий верит, что в конечном итоге история оправдает тех, кто «полно и глубоко понимает» потребности своей эпохи, и эта вера будет с ним всю жизнь, вплоть до того мига, когда его мозг раскроит ржавый ледоруб наемного убийцы. И наконец, как бы в предчувствии последнего мига, его «подирает мороз» по коже при одной мысли о том, во что может превратиться ленинская партия.

Мы не можем в подробностях восстановить мыслительный процесс, который привел Троцкого к этому образу будущего. У него не было ни одного реального факта для подобных умозаключений, и, значит, они скорее относятся к образному восприятию, чем рассуждению. Можно лишь выявить несколько внешних стимулов, повлиявших на его воображение. Некоторые меньшевики уже проводили общее сравнение между большевиками и якобинцами. Плеханов, еще будучи союзником Ленина, сказал о нем: «Из такого теста делают Робеспьеров». Его замечание повторяли многие другие, сначала шепотом, потом вслух, принародно. Но едва ли кто-нибудь, даже сам Плеханов, увидел за этим ораторским приемом буквальный смысл. Только Троцкий воспринял его буквально или, во всяком случае, достаточно серьезно, чтобы заинтересоваться историей якобинства и увлеченно проштудировать ее в поиске аналогий. Фантазия, возбужденная трагедией якобинства и переполненная только что впитанными образами, спроецировала их на группировки и личности, с которыми он встречался каждый день, и на смутное будущее России. В свете строго рационального анализа эта проекция могла показаться необоснованной и беспорядочной. Более холодный и дисциплинированный, чем у Троцкого, ум не стал бы предаваться визионерским прозрениям. Но Троцкий обладал каким-то шестым чувством, так сказать, интуитивным ощущением истории, которое выделяло его из ряда политических мыслителей его же поколения, иногда вызывало

насмешки, но чаще находило подтверждение, быть может, запоздалое, но блистательное.

За полемическими поисками и образными представлениями Троцкого таился революционный романтизм, который, сколько бы Троцкий ни убеждал себя в необходимости тесно спаянной и дисциплинированной партии, вырвался индивидуалистическим протестом, как только он столкнулся с действительным исполнением этого принципа. Все его склонности, пристрастия, характер восстали против прозаической и деловой категоричности, с которой Ленин взялся низводить партию с облаков отвлеченной теории на твердую почву организации. Протест Троцкого мало отличался от того, который он еще семнадцатилетним мальчишкой так запальчиво бросил Соколовской, первой своей знакомой марксистке: «Черт побери всех марксистов и тех, кто хочет принести сухость и жесткость во все отношения жизни!» Проклятие, выкрикнутое в саду Швиговского в канун 1897 года, эхом отдавалось в антиленинской филиппике 1904-го.

Глава 4

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Когда в Женеве в августе 1904 года вышла работа «Наши политические задачи», ситуация в партии сильно отличалась от той, что сложилась сразу же после раскола, годом раньше. Меньшевистская «Искра» не давала покоя Ленину, а он в то время находился в весьма невыгодном положении и не мог сопротивляться нападкам: лишь через полгода он будет издавать свою газету под названием «Вперед». Плеханов осыпал бывшего единомышленника насмешками в уверенности, что раз и навсегда погубит репутацию Ленина. Авторитеты европейского социализма, особенно немецкого, давно знавшие и уважавшие Плеханова и других «стариков», тоже приняли участие в осуждении Ленина, который в их глазах был малоизвестным молодым выскочкой. Даже большевистский ЦК пренебрег позицией Ленина и договорился с меньшевиками. Однако в день выхода брошюры Троцкого Ленин собрал в Швейцарии большевиков, готовых следовать за ним, и представил им план созыва нового съезда с участием или без участия меньшевиков.

События как будто предвосхитили едкий памфлет Троцкого — такое впечатление, что неприятель разбежался, прежде чем атака пошла в полную силу. Поэтому, по запоздалом раздумье, в предисловии к «Нашим политическим задачам» он написал, что кризис партии преодолен и что те, кто выступает за единство, могут уверенно смотреть в будущее, ибо экстремисты в среде как меньшевиков, так и большевиков лишены доверия и изолированы. Более опытный политик или тот, кто лучше сознает убойную силу слов, мог бы в подобных обстоятельствах либо воздержаться от публикации брошюры, либо хотя бы умерить ее критическую

несдержанность. Но Троцкий слишком любил свои сочинения, чтобы так поступить. Однако в предисловии он попытался учесть новую ситуацию: он призвал меньшевиков ликвидировать отдельную организацию, партию внутри партии, хотя сам был одним из ее руководителей. Меньшевики, особо подчеркивал Троцкий, должны согласиться на «организационную смерть», то есть на объединение доселе оппозиционных групп. Соратники остались глухи к его призыву. Раскол уже катился по инерции. Его «фанатики» активно действовали в обеих фракциях. Среди большевиков ленинская группа считала произошедшие после съезда перемены меньшевистской узурпацией, которой новый съезд положит конец. Меньшевики, вернув себе влияние, не хотели рисковать им на новом съезде и уж тем более делиться им, объединяясь с противниками. Во всеуслышание пригвоздив к позорному столбу Ленина как «дезорганизатора», Троцкий с изумлением стал замечать «дезорганизаторов» среди своих же друзей-меньшевиков. Поначалу он довольно сдержанно призывал их к примирению. Он примкнул к меньшевикам, чтобы исправить вред, который Ленин причинил основателям социал-демократического движения, а через них и самому движению. Вред исправили с лихвой. Центральному комитету большевиков самому не терпелось помириться. Чтобы перевернуть эту страницу, меньшевикам нужно было только отказаться от некоторых мер, специально подготовленных для разгрома Ленина, а людям доброй воли из обеих фракций пожать друг другу руки. Троцкий не понимал, что эти меры уже никуда не годятся.

В таких ссорах миротворец — незванный гость. Он угрожает сорвать тщательно продуманные планы и смешать все карты. Собственные друзья глядят на него косо, считая чуть ли не предателем. Так некоторые меньшевики теперь глядели на Троцкого: он колеблется, его позицию не отличить от позиции умеренных большевиков, и кто скажет, на чьей стороне он окажется завтра. На самом деле Троцкий легко мог бы стать большевистским «миротворцем», если бы оскорбительные нападки на Ленина и ленинских сторонников не отдалили его от большевиков. В их глазах он был одним из самых злобствующих меньшевиков. Таким образом, он испортил отношения с политическими единомышленниками без особой надежды на соглашение с противниками.

И в этот момент он попал под влияние человека, в некотором смысле постороннего для партии и сыгравшего в ее делах роль блестящего самозванца. Этим человеком был А.А. Гельфанд, рус-

ский еврей, который поселился в Германии и получил признание как экономист, публицист и автор научных книг по марксизму¹. Под псевдонимом Парвус он писал статьи для газеты Каутского «*Neue Zeit*», являющейся самым авторитетным рупором социализма в Европе, а также для многих других социалистических газет. Кроме того, он издавал собственное обозрение «*Aus der Weltpolitik*», в котором еще в 1895 году предсказал русско-японскую войну и то, что из этой войны разовьется русская революция, — его пророчество часто цитировали в 1904—1905 годах, когда оно сбылось. В немецкой партии Парвус находился на крайнем левом фланге, в резкой оппозиции к движению реформаторов, и презирал притворный марксизм ортодоксального толка, которым некоторые политические вожди прикрывали примиренческое отношение к установленному порядку. Прозорливый и воинственный, он искал способов и путей возродить революционный дух немецкого социализма.

Руководители реформизма смотрели на него с опаской и той особой иронией, которую приберегают для иммигрантов, пытающихся исправлять пороки новой родины². Парвус платил им еще более едкой критикой и, в свою очередь, покровительствовал бывшим соотечественникам: ссыльным русским он энергично указывал на восточную «узость и отсталость» и пытался приучить их к западным политическим обычаям. Несмотря на его нелепости, русские смотрели на Парвуса как на проводника в мировой политике и экономике. Он писал для «Искры» сначала под псевдонимом Молотов, потом как Парвус. Его статьи обычно выходили на первой странице «Искры» — редакторы с радостью отодвигали свои передовицы на задний план, оставляя место для него. Они уважали его обширные знания, таланты и суждения, но и опасались некоторой его ненадежности. В Парвусе и в его (по выражению Троцкого) «жирной, мясистой бульдожьей голове» было нечто от Гаргантюа или Фальстафа. Однако уже очень долго ничто,

---

¹ Его книги были переведены на русский язык. Об одной из них, «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис», Ленин дал восхищенный отзыв в 1899 году. «Парвус ставит во главу угла развитие мирового рынка и описывает прежде всего, какие стадии проходит это развитие в последнее время по мере падения промышленной гегемонии Англии». «Мы усиленно рекомендуем... ознакомление с книгой Парвуса» (Ленин В.И. Сочинения. Т. 4. С. 51—52).

² Ирония сменилась огромным уважением, как только иммигрант начал соответствовать. В конце жизни Парвус был идейным вдохновителем Эберта, президента Веймарской республики.

по-видимому, не оправдывало опасений: Парвус не допустил ни одного явного проступка, ничего такого, что дало бы основание сомневаться в его социалистических убеждениях и честности. Как публицист он отличался легкой безалаберностью: статьи писал частями, как журнальный роман, и редко присылал их вовремя; но все равно каждое его сочинение встречали с радостью. Он строил шаткие финансовые планы: попытался организовать издательство социалистической литературы и прогорел; хотел основать социалистическую ежедневную газету, которая бы выходила одновременно на нескольких европейских языках и стянула бы с европейского социализма его реформистскую сонливость, но на газету требовались огромные средства, а добыть их он не мог, поскольку, вероятно, был еще не готов браться за сомнительные коммерческие предприятия. Так или иначе, он пользовался уважением, смешанным с иронией и недоверием. Дальнейшая судьба Парвуса покажет, что в нем скрывался тщеславный политический самозванец. Тем не менее он был одним из самых смелых и дальновидных мыслителей своего поколения; и до сих пор политический стратег в нем затмевает авантюриста.

В споре русских социал-демократов Парвус сначала симпатизировал меньшевикам, но затем постарался отделиться от обеих групп, как и подобало человеку, взявшему на себя роль миротворца. Когда-то он попытался помирить искровцев с экономистами, теперь — наладить мост между бывшими искровцами. Как бы то ни было, ему удалось сохранить хорошие отношения с обеими сторонами. Когда чуть погодя он принялся критиковать и тех и других, противники хоть и не поддались убеждению, но благосклонно и уважительно приняли вмешательство Парвуса как незаинтересованного доброжелателя.

Изгнанный из «Искры» Троцкий, рассорившись со всеми, покинул Женеву и отправился в Мюнхен, где жил Парвус; Троцкий остановился в его доме, к нему позднее приехала Седова, его вторая жена. В Парвусе Троцкий нашел человека, беспристрастно взиравшего на расстановку сил внутри России, способного оценить состояние дел социализма в международном масштабе, непревзойденного мастера марксистского анализа, рисующего широкие горизонты классовой борьбы. И наконец, но не в последнюю очередь, Троцкого восхищал в Парвусе его «зрелый, мускулистый стиль», который будет с тоской вспоминаться ему еще долго после их разрыва. В двух словах, Парвус превосходил Троцкого в эрудиции, опыте и литературном вкусе. Однако степень его

влияния на Троцкого определить нелегко. Вплоть до сей поры очернители Троцкого приписывают авторство теории «перманентной революции» — отличительную черту троцкизма — исключительно Парвусу и полагают, что либо Троцкий списал ее у Парвуса и совершил плагиат, либо теория, возникшая из такого мутного источника, никуда не годится. Сам Троцкий никогда не отрицал, что многим обязан Парвусу, хотя сердечность его отзывов о Парвусе зависела от времени и обстоятельств. Их совместные труды, написанные в зените сотрудничества, показывают, что множество идей и мнений, сначала сформулированных Парвусом, глубоко запечатались в уме Троцкого, и ко многим из них он будет возвращаться на протяжении всей жизни почти в той же форме, в какой их впервые изложил его старший друг.

Но некоторые качества Троцкого позволили ему с самого начала стать чем-то большим, чем ученик Парвуса. Парвус не имел такого же опыта подпольной борьбы в России. Троцкому было свойственно богатое политическое воображение, в то время как аналитические выводы и прогнозы Парвуса исходили из смелого, но холодного ума. У Троцкого был революционный пыл, дававший крылья его идеям, а Парвуса отличало циничное отношение к революции. К тому же Троцкий внес собственный вклад в общий фонд их идей. Как правило, в партнерских союзах такого типа совместный результат невозможно разложить на составные части и выделить доли партнеров; даже сами они не могут этого сделать. Они выражают общую мысль, и даже в тех случаях, когда можно установить, кто первый изложил в печати то или иное положение теории, никогда нельзя отследить происходившее между партнерами невидимое двунаправленное движение влияний и идей. Вот что можно сказать о Парвусе и Троцком: сначала старший далеко опережал партнера, вырабатывая основные тезисы и формулировки. На следующем этапе оба шли наравне. В конечном итоге младший вырвался вперед, причем его доля в общем труде уже приобрела свои характерные черты; он создал и отшлифовал новое политическое учение и с ним вышел на первый план на обширной и сумбурной революционной сцене. Нужно добавить, что этот процесс развился и завершился очень быстро. Он начался летом 1904 года, а закончился в 1906 году, когда, дожидаясь суда в петербургской тюрьме, Троцкий письменно изложил теорию перманентной революции в ее окончательной форме. Время ученичества у Парвуса закончилось еще раньше — примерно в начале 1905 года, когда вспыхнула

первая русская революция. Это было время, когда шла сосредоточенная и быстрая работа мысли, а молодой Троцкий, уже спроецировавший образ якобинства на русскую революцию, оказался способным учеником.

Когда разразилась Русско-японская война, Парвус опубликовал в «Искре» серию очерков под заголовком «Война и революция»¹. Еще до выхода серии статьи Парвуса, подписанные псевдонимом Молотов, врезались в память Троцкого. Но именно взгляды, изложенные в «Войне и революции», произвели на него самое глубокое впечатление.

Основная мысль Парвуса заключалась в том, что национальное государство, сформировавшееся при капитализме, изжило себя. Эта идея принадлежала к прописным истинам марксистской теории — ее выдвинул еще Маркс в «Коммунистическом манифесте». Однако для большинства публицистов-социалистов, писавших на рубеже веков, она стала неким афоризмом мудреца, пригодным для торжественных речей, но не имеющим отношения к действительной истории поздневикторианской, гордо имперской Европы, преисполненной национального сознания. Считалось, что государство-нация может пасть только в очень отдаленном будущем. Парвус, напротив, видел надвигающееся падение, указывал на его признаки, предсказывал его катастрофическое ускорение и призывал социалистов приспособить свои воззрения и образ действия к новым обстоятельствам. Он, что необычно, подчеркивал взаимозависимость народов и государств в современном ему мире, и это придавало его рассуждениям широкий, прямо-таки всеобщий размах, редкий у других социалистов. В русско-японском конфликте 1904 года он видел начало ряда войн, в которых национальные государства, вынуждаемые капиталистической конкуренцией, будут бороться за выживание. Судьбы континентов переплелись. Освоение американского Запада обострило конкуренцию на мировом рынке сельскохозяйственных товаров. Европейские, особенно немецкие, сельскохозяйственные и промышленные круги объединили усилия, чтобы покончить со свободной торговлей и навязать Западной Европе протекционистскую систему. «Пошлины стали экономическими преградами исторического процесса культурного объединения народов, они увеличили политическую рознь государств... Все вместе вело к усилению правительственной власти... А чем более уси-

---

¹ Серию открыл № 59 «Искры» от 10 февраля 1904 г.

ливається власть правительств, тем легче становяться столкновения между государствами». Эти идеи станут для Троцкого аксиомой, на которой он всю жизнь будет основывать свои рассуждения.

Российская экспансия в Азии и война с Японией, утверждал Парвус, отчасти вызваны внутренним давлением: царизм искал спасения от внутренних пороков во внешних завоеваниях. Но более важное значение имело внешнее давление, которому подвергалась Россия. В мировой борьбе между капиталистическими национальными государствами независимо действовали только крупнейшие державы; и даже такая обширная империя, как российская, из-за своей промышленной отсталости «живет одними займами». Война началась из-за Маньчжурии и Кореи, она уже теперь привела к спору о гегемонии в Восточной Азии, она неизбежно разрастется в вопрос о мировом положении самодержавной России и завершится перемещением политического равновесия во всем мире.

Свое исследование Парвус заключил следующими словами: «Мировой процесс капиталистического развития ведет к *политическому перевороту* в России — этот переворот не может не отразиться на политическом развитии капиталистических стран всего мира. Русская революция потрясет капиталистический мир... а русский пролетариат может сыграть роль авангарда социальной революции»¹.

Таким образом, уже в 1904 году Парвус рассматривал грядущую революцию не только как чисто российское явление, но как отражение в России мировой социальной напряженности, а в надвигавшемся российском бунте видел прелюдию к мировой революции. Тут есть основные черты теории перманентной ре-

---

¹ Искра. № 82 от 1 февраля 1905 г. В той же серии Парвус писал: «Как это ни кажется парадоксальным, но приходится, пожалуй, прийти к заключению, что наиболее выдающимся субъективным фактором истории является не политическая мудрость, а политическая глупость. Люди никогда не умели вполне использовать те социальные условия, которые они сами создали, им постоянно кажется, что они забегают вперед, а на самом деле они отстают от объективного исторического процесса. Капиталистический порядок в Европе давно стоит поперек пути ее экономического, политического и культурного развития. Он держится только еще потому, что народные массы еще недостаточно прониклись сознанием трагичности своего положения, политическая энергия пролетариата недостаточно концентрирована, социалистическим партиям недостает решимости и отваги. Мыслимо такое развитие, что дальнейшее существование капиталистического строя станет политической виной социал-демократии». Современникам Парвуса это пророчество показалось притянутым за уши.

волюции. Однако Парвус до сих пор говорил только о «политическом перевороте» в России, а не о «социальной» или социалистической революции. По-видимому, он разделял мнение, типичное для всех тогдашних марксистов, что из-за полуфеодальной отсталости России русская революция сама по себе будет всего лишь буржуазной по характеру. Троцкий первым скажет, что революция, захваченная собственным порывом, перейдет из буржуазной в социалистическую и установит в России диктатуру пролетариата, прежде чем революционные события произойдут на Западе.

Не только идеи Парвуса о международном положении и революционных перспективах проникали в разум Троцкого, но и некоторые взгляды Троцкого на российскую историю, особенно что касается его концепции Российского государства, можно проследить до его знакомства с Парвусом¹. Парвус разработал теорию о том, что Российское государство, являющееся переходным между азиатским деспотизмом и европейским абсолютизмом, сформировалось не как выразитель интересов какого-либо класса общества, но как военно-бюрократическая машина, чья задача состояла главным образом в том, чтобы сопротивляться давлению со стороны более цивилизованного Запада. Именно с этой целью самодержавие привнесло в Россию, особенно в армию, элементы европейской цивилизации. «Так создался русский государственный порядок: абсолютизм на азиатский манер, поддерживаемый армией на образец европейский». Достаточно просто бросить взгляд на ряд пограничных крепостей, замечает он, и станет ясно, что цари собирались отделить Россию от Запада стеной наподобие китайской. Некоторые положения этой теории, после того как Троцкий развил и отточил их, двадцать лет спустя стали объектом горячих историко-политических споров.

Также влияние Парвуса на Троцкого чувствуется в стиле и манере изложения, особенно в характерном для них обоих размахе исторических прогнозов. Мы не хотим сказать, что Троцкий подражал Парвусу. Троцкий впитывал влияние естественно и органично, поскольку между ним и Парвусом существовало умственное и литературное сходство, ничуть не умалившееся из-за противоположных характеров и темпераментов.

Во время первого приезда в Мюнхен, где Троцкий пробыл до конца сентября 1904 года, он объявил о своем разрыве с мень-

---

¹ Однако этот взгляд на российскую историю, свойственный и Троцкому и Парвусу, отчасти берет начало в сочинениях либерального историка Милюкова.

шевиками в «Открытом письме товарищам», отправленном в «Искру» для публикации. Письмо так и не увидело свет. У нас есть только его краткий меньшевистский пересказ, в котором говорится, что Троцкий в напыщенном и презрительном тоне выдвинул обвинения в адрес «некоторых товарищей» и предъявил ряд требований. Основные обвинения заключались в том, что меньшевистская группировка зачастую ставит интересы фракции выше партийных. Вдобавок, писал он, меньшевики неверно отреагировали на позицию Ленина по одному важному пункту: Ленин возводит интеллигенцию в привилегированное и доминирующее положение в партии, а меньшевики подзуживают рабочих против социал-демократической интеллигенции. В личном письме Мартову и Засулич Троцкий объяснил, что его критика направлена в первую очередь против Теодора Дана, умеренного политика, и его письмо продиктовано «желанием объединиться с «примиренческим» ЦК, чтобы создать устойчивый партийный центр». Еще он жаловался, что авторы, «не ассимилированные редакцией «Искры» — здесь он намекал на то, что его выжил из газеты Плеханов, — не имеют возможности быть услышанными социалистической общественностью. В конце он официально объявил о своем выходе из меньшевистской фракции¹.

Меньшевики ответили гневом и замешательством. Между Троцким и Мартовым последовала «бурная переписка», которая, как писал Мартов, «если б дать ему волю — кончилась бы полным разрывом моих с ним отношений». Мартов и другие меньшевики старались предотвратить разрыв, так как если бы о нем стало широко известно, то критика, с которой выступил против меньшевиков их самый откровенный антибольшевистский публицист, скорее всего, навредила бы всей фракции. В Женеве состоялось закрытое совещание, на котором в присутствии Троцкого обсуждалось его открытое письмо. Формально соратники согласились с тем, что дальнейшее существование эмигрантской меньшевистской организации может явиться «источником новых конфликтов в партии» и что организацию нужно распустить до получения дальнейших указаний от меньшевистских групп в России².

Решение явно было принято с целью умиротворить Троцкого и заставить его молчать. Оно не имело последствий: меньшевистская «партия внутри партии», как и большевистская, про-

---

¹ Письма Аксельрода и Мартова. С. 110—111.

² Там же.

должала действовать, как и раньше, хотя Троцкий мог утешаться иллюзией, что меньшевики послушались его совета. Как бы то ни было, формальное решение распустить меньшевистскую организацию освободило его от связывавшей его групповой дисциплины, и вскоре Мартов сообщил Аксельроду, что Троцкий наконец «успокоился», «смягчился» и снова начал писать для «Искры» — и в самом деле, первая после ссоры с Плехановым статья Троцкого скоро появилась в газете¹. Как обычно, личная неприязнь, претензии и политические мотивы так перемешались, что распутать их представляется практически невозможным. Нельзя сказать, почему успокоился Троцкий: потому ли, что меньшевики как бы уступили ему в принципиальном вопросе, или потому, что они в некоторой степени загладили обиду, нанесенную Плехановым, или по обеим этим причинам сразу. Однако он перестал быть одним из членов редколлегии и одним из высших авторитетов, определяющих политику «Искры»; его политические заметки выходили на последних страницах газеты. Но «Искра» по-прежнему проводила воинствующую меньшевистскую политику, и потому в глазах посторонних Троцкий оставался меньшевиком.

На самом деле его разногласия с меньшевиками не были устранены и спустя некоторое время лишь углубились после получения известий с родины. Русско-японская война обернулась для России катастрофой; по зданию самодержавия побежали трещины. В июле социал-революционер Сазонов расправился с вдохновителем царской политики на Дальнем Востоке министром Плеве². Плеве запретил и распустил земства — оплоты либерального и полулиберального дворянства. Его преемник Святополк-Мирский попытался успокоить оппозицию и разрешил провести земский съезд в ноябре 1904 года. После съезда по разным городам прокатилась долгая вереница политических банкетов. На них либеральные вожди дворянства и буржуазии заявляли о своих требованиях; но рядом с ними уже появились первые рабочие и участники социалистического подполья. Хотя на всех банкетах хором вступали с критикой правительства, в оппозиции намети-

---

¹ Искра. № 75 от 5 октября 1904 г. (Единственная статья Троцкого за этот период вышла в дискуссионном листке, опубликованном в июне в качестве приложения к «Искре».)

² В подготовке убийства участвовал провокатор Азеф, с помощью которого Плеве намеревался подорвать тайную террористическую организацию.

лись глубокие расхождения. Рабочие подозревали, что целью либеральных представителей было не свержение царя, а заключение с ним сделки.

В Западной Европе эмигранты с волнением и надеждой наблюдали за банкетной кампанией, которая продолжалась до конца года. События вынуждали социалистов внести ясность в их отношения с либералами. В эмигрантских кругах тоже существовали противоречия между социалистами и либералами. С середины 1902 года Петр Струве начал издавать газету «Освобождение», сначала в Штутгарте, затем в Париже. Сначала «Освобождение» пропагандировало «легальный марксизм» — разбавленный вариант учения Маркса, особенно подчеркивая часть марксистской теории, направленную против народовольческого терроризма и аграрного социализма, а также настаивая на том, что капиталистическая индустриализация принесет России социальный прогресс. На том этапе старая «Искра» и «Освобождение» еще не находились в открытой оппозиции друг другу. Но вскоре стало ясно, что Струве со своими единомышленниками использовал марксистские доводы, расправляясь с одним из социалистических течений — аграрным социализмом, — вовсе не для пропаганды пролетарского социализма. «Освобождение» совершило эволюцию от «легального марксизма» к либерализму, что со всей очевидностью проявилось именно в тот момент, когда начала расширяться пропасть между социалистами. Меньшевики склонялись к либералам, большевики все больше ополчались на них. По этому поводу осенью 1904 года Троцкий снова рассорился с меньшевиками.

В ноябре—декабре он написал брошюру о проблемах, поднятых банкетной кампанией, и передал ее меньшевистскому издательству. Ее не хотели печатать, то и дело откладывали публикацию и, по словам Троцкого, намеревались вовсе отказаться от нее. Едва ли это было твердое решение издателей, ибо в конце концов брошюру все-таки напечатали. Но она так огульно и немилосердно ругала либералов, что не могла не вызвать опасения у людей, увидевших новые пути для сопротивления царизму в объединении социалистов и либералов. По сути, Троцкий утверждал, что либералы не способны на такие действия, так как революция для них страшнее царя.

Во-первых, он разнес в пух и прах жалкий, неискренний патриотизм, проявленный либералами во время Русско-японской войны. Струве, писал он, принес «в жертву не «патриотическо-

му чувству», а патриотическому лицемерию последние остатки оппозиционного смысла и политического достоинства»¹. Из-за военных поражений самодержавие оказалось в тупике. «Тем резче и энергичнее, тем смелее и беспощаднее должна была оппозиция вскрыть пропасть между царизмом и нацией, тем решительнее она должна была попытаться столкнуть в эту пропасть истинного национального врага, царизм. Вместо того либеральные земства... впрягают себя в дребезжащую военную колесницу, подбирают трупы, затирают кровавые следы». В душе либералы молятся за поражение царя, которое вынудило бы его посмотреть в лицо оппозиции. Но что делает либеральная печать? «Эта жалкая, шамкающая, пресмыкающаяся, лживая, извивающаяся, развращенная и развращающая либеральная печать!.. Либеральная левая наперебой с либеральной правой говорила... о миролюбии «нашего Монарха», о неизбежности «нашей победы»... не веря собственным словам, с затаенным рабским желанием царского разгрома в душе». Либеральная оппозиция стремилась «заслужить его [абсолютизма] признательность и доверие, стать для него необходимым, наконец, подкупить его на народные деньги. Тактика, которой столько же лет, сколько русскому либерализму, и которая не сделалась ни умнее, ни достойнее с годами!»². Новый министр князь Святополк-Мирский положил начало периоду ложных уступок, выразив («глупо и нагло») доверие правительства к народу, как будто «дело в том, чтоб министр доверял населению». «Не наоборот ли? Не министр ли должен зависеть от доверия населения?» Но и этого хватило, продолжал Троцкий, чтобы земства перестали требовать всеобщего избирательного права и конституционного правительства. Они боятся «заморской конституции», и «за этим страхом перед словом скрывается страх перед делом». «Кто хочет, чтоб его поняла масса, чтоб она была с ним, тот должен прежде всего свои требования выражать ясно и точно, всему давать надлежащее имя, конституцию называть конституцией, республику — республикой, всеобщее избирательное право — всеобщим избирательным правом»³. Своей кротостью либералы невольно возрождают в правителях и подданных равную уверенность в будущем самодержавия. Они делают вид, будто являются демократической партией, но предают собственные принци-

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 6.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 15.

пы. «У нас нет демократических традиций, их нужно создать. Сделать это способна только революция. Партия демократии не может не быть партией революции»¹. Не либеральная интеллигенция, не буржуазия, но заводские рабочие-социалисты нанесут решающий удар по самодержавию.

Вся брошюра пронизана чувством ликования при мысли о надвигающейся революции. «Присяжные поверенные устраивают уличную демонстрацию, политические ссыльные ведут в газетах агитацию против ссылки... морской офицер открывает публицистический поход против всего морского ведомства... Невероятное становится действительным, невозможное — вероятным»². Ни у одного другого эмигранта не найти такого же точного предчувствия грядущих событий. Все остальные были поглощены междоусобными распрями и погрязли в интригах друг против друга, безусловно, надеясь обеспечить своей партии наивыгоднейшее положение в революции, и, можно сказать, проглядели ее наступление. А Троцкий по причине почти полного одиночества все свое внимание сосредоточил на событиях в России. На Троцком, как сказал Луначарский, «меньше всего было печати некоторой эмигрантской узости», чем на других социал-демократических вождях, которые в той или иной мере потеряли связь с родиной. Скептически настроенные соратники Троцкого так же пожимали плечами, когда он ликующе возвещал восстание, когда он страстно обличал либерализм.

Троцкий видел, как из общей стачки развивается революция. Такого еще не бывало: до той поры трудовые конфликты в России ограничивались местным масштабом; и даже у промышленных стран Запада с их старинными профсоюзами еще не было настоящего опыта всеобщей стачки. В «Моей жизни» Троцкий рассказывает, что размышлял об этом еще с 1903 года, хотя окончательно определился только в 1904-м. И тогда он набросал «план действий», который подытожил следующим образом:

«Оторвать рабочих от машин и станков, вывести за фабричные ворота на улицу, направить на соседний завод, провозгласить там прекращение работ, увлечь новые массы на улицу, и, таким образом, от завода к заводу, от фабрики к фабрике, нарастая и снося полицейские препятствия, увлекая прохожих речами и призывами, поглощая встречные группы, заполняя улицы, завла-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 30.

² Там же. С. 3.

дская пригодными помещениями для народных собраний, укрываясь в этих помещениях, пользуясь ими для непрерывных революционных митингов с постоянно обновляющейся аудиторией, внося порядок в передвижения масс, подымая их настроение, разъясняя им цель и смысла происходящего, — в конце концов превратить таким образом город в революционный лагерь, — вот в общем и целом план действий»¹.

Здесь он действительно нарисовал картину революции, которой предстояло воплотиться в жизнь и в октябре 1905 года, и в феврале 1917-го. Основой «плану действий» не служил ни один прецедент: во французской революции промышленно-пролетарский элемент попросту отсутствовал. Эту картину создало пылкое воображение революционера, в котором романтика странно перемешалась с реализмом. Отдельные фрагменты брошюры читаются как отрывки из написанной им же истории революций 1905-го и 1917 годов, только в брошюре события описываются в будущем времени, и даже лозунги в ней те же, что прогремят в 1905-м и 1917-м: «Долой войну!» и «Даешь Учредительное собрание!»².

И наконец, он предсказал, какие придут в действие общественные силы. «Главной ареной революционных событий будет город»³. Но городской пролетариат не решит вопрос. Крестьяне «представляют громадный резервуар потенциальной революционной энергии»⁴. «Агитацию необходимо — не упуская ни одного дня и ни одного повода — перебросить в деревню»⁵. Вовсе не призывая городской пролетариат в одиночку выступить против самодержавия, как утверждают его позднейшие критики, и тем навлечь на себя поражение, Троцкий особенно подчеркивал опасность изоляции, угрожающей рабочему классу⁶. Он рассматривал роль набранной из крестьян армии и убеждал социалистов трезво оценивать то, что происходит в казармах. Получая приказ стрелять по толпе, солдаты стреляли в воздух, и армия утратила веру в свою несокрушимость:

«Наши суда ходят медленнее, наши пушки бьют не так далеко, наши солдаты неграмотны, у унтеров нет компаса и карты,

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 51.

² Там же.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 20 и в других местах.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Там же. С. 46.

наши солдаты босы, голы и голодны, наш Красный Крест крадет, интендантство крадет, — слухи и вести об этом, разумеется, доходят до армии и жадно всасываются ею. Каждый такой слух, точно острая кислота, разъедает ржавчину нравственной муштры. Годы мирной пропаганды не сделали бы того, что делает каждый день войны...

Нужно, чтобы к решительному дню офицеры не могли быть уверены в солдатах... Тот самый солдат, который вчера стрелял в воздух, отдаст завтра рабочему свое ружье, если только получит веру в то, что народ не просто «бунтует», а хочет и может сейчас же, не сходя с мостовых, добиться признания своих прав...

Необходимо развить самую напряженную агитацию в войсках так, чтобы к моменту стачки всякий солдат, который будет отправлен для усмирения «бунтовщиков», знал, что перед ним стоит народ, требующий созыва Всенародного Учредительного собрания»¹.

Меньшевистские издатели все еще тянули с изданием брошюры Троцкого, когда пришли известия о первом акте русской революции. 9 (23) января 1905 года петербургские рабочие направились огромным, но мирным маршем к Зимнему дворцу. Предводил ими поп Гапон, тюремный священник и протезе начальника Московского охранного отделения Зубатова, который основывал рабочие организации под присмотром полиции, чтобы отвлечь рабочих от подпольных социалистических кружков. Манифестанты несли портреты царя, иконы и хоругви и хотели передать царю прошение, в котором смиренно и униженно молили заступиться за них. Царь отказался принять просителей и приказал охране Зимнего дворца стрелять по толпе. Тем самым он спровоцировал революционный взрыв.

Новости застали Троцкого в Женеве, куда он только что приехал из лекционной поездки. Прогнозы, которые он тщетно пытался опубликовать, начали сбываться. Полный разбуженных надежд, он вернулся к Парвусу в Мюнхен с гранками брошюры в карманах. Парвус прочитал гранки и был так потрясен, что решил подкрепить слова Троцкого своим веским авторитетом. Он написал предисловие к брошюре и настоял на том, чтобы меньшевики ее издали. В предисловии он озвучил вывод, который Троцкий не решался высказать вслух. «Революционное временное правительство в России, — писал Парвус, — будет правительством рабочей

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 50.

демократии... если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим... целостное правительство с социал-демократическим большинством». Когда брошюра наконец-то увидела свет, она стала предметом многочисленных споров и побудила как большевиков, так и меньшевиков сформулировать собственные революционные ожидания. Самым спорным оказался вывод Парвуса: его отвергли и меньшевики, и большевики. Первые высказывались в том смысле, что так как революция носит буржуазный характер, направлена против самодержавия и пережитков феодализма и не ставит перед собой социалистических целей, то законным преемником власти будет буржуазия, а не пролетариат. Социалисты, по их словам, не могут войти ни в какое буржуазное правительство, даже если оно возникло вследствие революции. Задача социалистов — быть в оппозиции и защищать интересы рабочего класса. Ленин согласился, что революция имеет буржуазный характер постольку, поскольку она не ставит целью социализм; но он не верил в революционную миссию буржуазии. Социалисты, утверждал он, обязаны войти в революционное правительство. Однако он тоже возражал против сделанного Парвусом прогноза о социал-демократическом характере правительства. «Этого не может быть, — писал Ленин, — если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть потому, что сколько-нибудь прочной... может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев... то есть с массой мелкобуржуазной... бедноты. И такой состав социального базиса... отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно, — прибавлял Ленин, — делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии».

Это произошло впервые, когда некий человек или некая группа людей от имени русского социализма открыто претендовала на власть или на преобладающее участие во власти. По иронии судьбы эту претензию сначала озвучил Парвус — посторонний для русской революции человек, а Ленин отшатнулся от нее чуть

ли не в ужасе. В лице Ленина революция как будто «в страхе отпрянула от туманной бездны собственных целей». Однако даже Парвус говорил о «рабочем правительстве», а не о диктатуре пролетариата. Да и Троцкий еще не ставил под вопрос общепризнанное мнение о том, что революция будет лишь буржуазной по характеру и что с уничтожением феодальных и абсолютистских институтов ее роль будет исчерпана. В то же время ему, как и Парвусу, казалось неопровержимым, что если городской пролетариат будет главной движущей силой революции, то его представители должны, в случае ее успеха, занять влиятельное положение во временном правительстве. Никакой класс общества не захочет нести бремя революции, чтобы потом отдать плоды своей победы в чужие руки. Критики не смогли убедительно опровергнуть этот довод. Но большевики вместе с меньшевиками ставили два важнейших вопроса: как можно примирить эти перспективы с буржуазным характером революции? И как можно создать правительство пролетарского меньшинства, не отказываясь от принципа представительного демократического правительства, столь дорогого всем спорщикам? На эти вопросы ни Троцкий, ни Парвус пока не могли дать ответа.

В январе 1905 года в доме Парвуса Троцкий начал писать еще одну серию статей, которая вышла позднее под заголовком «После петербургского восстания». Она состояла из нескольких частей, плохо сочетавшихся друг с другом: из новой саркастической полемики против либералов, из отрывков, приветствующих революцию и проникнутых большим энтузиазмом, из весьма практических соображений о технике революции. Критикуя либералов, он размышлял о том, что всего за два дня до демонстрации в Петербурге Струве заявил: «Революционного народа в России еще нет». «Эти слова следовало бы выгравировать на лбу г. Струве, если б его лоб и без того не походил уже на надгробную плиту, под которой покоится так много планов, лозунгов и идей — социалистических, либеральных, «патриотических», революционных, монархических, демократических и иных — всегда рассчитанных на то, чтобы не слишком забежать вперед, и всегда безнадежно отсталых»¹. «Наша борьба за революцию, — заключал Троцкий, — наша подготовка к революции будет вместе с тем нашей беспощадной борьбой с либерализмом за влияние на массы, за руководящую роль пролетариата в революции».

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 57 и дальше.

Дух тех отрывков, где он приветствовал революцию, можно ощутить по следующим словам:

«Да, она началась. Мы ждали ее, мы не сомневались в ней. Она была для нас в течение долгого ряда лет только выводом из нашей «доктрины», над которой издевались ничтожества всех политических оттенков... Уже первым взмахом своим она перенесла общество через десятки ступеней... До 9 января требование республики должно было казаться всем либеральным мудрецам фантастическим, доктринерским, нелепым. Но достаточно оказалось одного революционного дня, одного грандиозного «общения» царя с народом, чтобы идея конституционной монархии стала фантастической, доктринерской и нелепой. Священник Гапон восстал с идеей монарха против реального монарха. Но так как за ним стояли не монархисты-либералы, а революционные пролетарии, то это ограниченное «восстание» немедленно же развило свое мятежное содержание в кличе «Долой царя!» и в баррикадных боях. Реальный монарх погубил идею монархии... Революция пришла и закончила период нашего политического детства»¹.

На этом этапе проблема революционной техники приобрела «колоссальное» значение. «Петербургские пролетарии проявили громадный героизм. Но этот невооруженный героизм толпы оказался не способен противостоять вооруженному идиотизму казармы». Отныне разрозненные усилия ни к чему не приведут — восстание должно подняться до всероссийского уровня. Революция должна вооружиться. Кое-кто утверждал, что у мятежников нет надежды на успех в борьбе против вооруженного современным оружием правительства; один английский журналист, например, полагал, что если бы дать Людовiku XVI несколько пулеметных батарей, то французской революции не случилось бы. «Какой претенциозный вздор, — отозвался Троцкий, — измерять исторические шансы революций калибром ружей и пушек. Как будто ружья и пушки управляют людьми, а не люди — ружьями и пушками». Он утверждал, что сами по себе рабочие, даже с оружием в руках, не могут победить — они должны заручиться поддержкой армии. Но для этого рабочие должны сперва взять оружие и заразить своей решимостью сомневающихся солдат. Те фрагменты, где он развивает эту мысль, отчасти дают указания по вооружению рабочих и отчасти описывают процесс перехода

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 57 и дальше.

царских войск на сторону мятежников. Эти вспышки предвидения вновь читаются как страницы из его собственной летописи революции, написанной уже после того, как она произошла. В заключение он обратился к своим товарищам с призывом в духе Дантона: чтобы не упустить шанс, сказал он, вам нужно только «несколько очень простых вещей: свобода от организационной рутины и жалких традиций конспиративного подполья; широкий взгляд; смелая инициатива; способность оценить положение; еще раз смелая инициатива».

Жар, пожиравший автора, до сих пор чувствуется между строк. Троцкий стонал от нетерпения, желая возвратиться в Россию и окунуться в водоворот событий. Он задышался в затхлом воздухе эмигрантских колоний, где рассорился едва ли не со всеми. Он тяготился изгнанием, откуда можно было лишь наблюдать за революцией, будто сквозь пелену, как наблюдают за штормом с далекого берега. Возвращаясь в Россию, он серьезно рисковал. Беглого ссыльного, буде его поймают полиция, без суда, автоматически отправляли на каторгу, даже если первоначальный приговор не предусматривал каторжных работ. И все-таки он решил вернуться. Седова первой уехала на родину, чтобы подготовить жилье. В феврале 1905 года Троцкий сам пустился в обратный путь. Он сделал остановку в Вене и встретился с австрийским политиком Виктором Адлером, в чьем доме сбрил усы и бороду, чтобы русской полиции не так просто было его опознать.

Именно в доме Адлера он впервые просил помощи на своем пути из Сибири в Англию. Прошло всего два с половиной года, но сколько за это время произошло событий, сколько было увидено предзнаменований!

Глава 5

ТРОЦКИЙ В 1905 ГОДУ

В феврале Троцкий прибыл в Киев и несколько недель скрывался там под именем отставного прапорщика Арбузова. В то время в Киеве велась активная подпольная работа; но тамошняя полиция была не так бдительна, как петербургская или московская. В Киеве Троцкий познакомился с Леонидом Красиным, с которым он будет поддерживать тесную связь до конца года. Выдающийся инженер и успешный управляющий, Красин состоял членом Центрального комитета и в большевистской иерархии был вторым человеком после Ленина, а также фактически руководил местной тайной организацией. Однако он был «соглашателем» и горел желанием преодолеть раскол в партии и потому находился в натянутых отношениях с Лениным. Оттого Троцкому было легче сотрудничать с ним. А для Красина Троцкий, единственный выдающийся вождь социал-демократии и публицист, находившийся тогда в России, вскоре стал незаменим. Весной Красин взял его с собой в Петербург.

Другие социал-демократические руководители оставались в Западной Европе до конца года. В обычные времена, когда события разворачивались медленно, подпольная организация вполне могла обходиться одними советами и дожидаться указаний от вождей-эмигрантов. Но теперь ее деятельность начала стремительно приобретать невиданный размах; все чаще и чаще партии приходилось действовать под влиянием момента и обстоятельств, и регулярная связь с эмиграцией стала требовать слишком много хлопот и времени.

Вернувшись в Россию раньше всех, Троцкий сразу же очутился в центре нелегальной активности. Поэтому он неминуемо

должен был стать гораздо более значительной фигурой в революции 1905 года, чем любой другой политический лидер, даже более опытный. Но этому была и еще одна, фундаментальная, причина. Два течения в партии еще недостаточно выкристаллизовались, чтобы стать отдельными враждебными силами. Тем не менее противоречия успели накопиться и полностью занять умы и силы партийных вождей. Волнения начались в России слишком поздно, чтобы партия смогла немедленно проявить инициативу и взяться за дело всей мощью единого организма. Но в то же время и слишком рано — прежде, чем большевики и меньшевики бесповоротно разошлись и обрели новую свободу для маневра. Троцкий больше, чем кто-либо другой, олицетворял это нерешительное настроение и страх перед окончательным расколом, пока что свойственный обеим фракциям партии. В каком-то смысле он воплощал «незрелость» социал-демократического движения, а «фанатики раскола» — скорое его будущее. Троцкий выражал самые сильные чувства партии, сопротивляясь еще более сильной логике ее развития. Однако он же воплощал и высочайшую степень «зрелости», до которой успела вырасти партия: формулируя цели революции, Троцкий пошел дальше Мартова и Ленина и потому лучше был подготовлен для активной роли в восстании. Безошибочная политическая интуиция направляла его шаги и привела его в нужное время в нужное место — в сердце революции.

В первые месяцы после возвращения Троцкий мог разве что заниматься публицистикой и воодушевлять Красина, а через него и всю организацию. Январские и февральские беспорядки стихли, и весной рабочее движение застопорилось. Забастовки кончились ничем и выдохлись, полицейские репрессии и расправы испугали рабочих. Политическая инициатива перешла к либералам среднего класса. Потянулась долгая вереница съездов и собраний промышленников, купцов, банкиров, врачей, юристов и так далее, на которых звучал призыв к конституционному правительству и реформам. Только во второй половине года, после цусимского разгрома, бунта на «Потемкине» и окончания войны с Японией, рабочие снова смогли взять инициативу в свои руки.

Тем временем Троцкий продолжал скрываться. Даже в нелегальных кругах Петербурга он осмотрительно появлялся под именем Петр Петрович. Земля дрожала — охранка внедряла в политические организации своих агентов-provokаторов. Но из своего

укрытия он наблюдал за политическим спектаклем. Из-под его пера бесконечным потоком выходили заметки, социологические исследования, письма в «Искру», листовки, брошюры, полемические статьи и очерки о стратегии и тактике революции. Он укрепился во мнении, которое изложил вместе с Парвусом, и пошел еще дальше. Сразу после возвращения он написал в «Искру», что помимо социал-демократической партии «на революционном поле никого нет» — никого, способного организовать всероссийское восстание:

«Другие группы городского населения и крестьянство сыграют в революции свою роль, поскольку будут идти за пролетариатом, поддерживать его, облегчать ему работу. Самостоятельной революционной роли, сколько-нибудь равносильной роли пролетариата, не сыграют ни крестьянство, ни мещанство, ни интеллигенция!.. Следовательно, состав Временного Правительства будет главным образом зависеть от пролетариата. Точнее сказать, при решительной победе восстания власть получают те, которые руководили пролетариатом»¹.

Парвус за границей тоже выступал за вооруженное восстание, как, разумеется, и Ленин. Большевики тянули время, говоря, что вооруженный бунт, как и революцию в целом, нельзя организовать искусственно — он должен подняться сам собой вместе с ростом народного недовольства. За выжидательной позицией меньшевиков скрывалась крепнувшая уверенность в том, что руководить русской революцией будут не социалисты, а либералы. В том же номере «Искры», где Троцкий написал, что, кроме социал-демократов, как руководящей партии «на революционном поле никого нет», Мартов настаивал, что именно среднему классу принадлежит историческая миссия по радикальной демократизации российского общества. Мы имеем право ожидать, говорит Мартов, что трезвый политический расчет заставит нашу буржуазную демократию действовать так же, как в прошлом веке действовала в Западной Европе буржуазная демократия, вдохновленная революционным романтизмом².

Троцкий противопоставил взглядам Мартова критику либеральной позиции, занимаемой такими органами и ассоциациями, как Московский союз промышленников, Петербургский металлургический союз, провинциальные банки, объединения уральс-

---

¹ Искра. № 93 от 17 марта 1905 г.

² Там же.

ких заводчиков, украинских сахарозаводчиков, общероссийские съезды хирургов, актеров, криминологов и так далее. Он не отрицал, что средние классы угнетены властью аристократии и заинтересованы в экономическом прогрессе и свободной торговле, что вынуждает их требовать политической свободы. Он даже признал, что «либеральный режим становится для капитала классовой потребностью» и «городской купец показал, что в деле оппозиции не уступит «просвещенному помещику». Но также пояснил, что в своих требованиях буржуазия всего лишь вторит рабочему классу; и ей мешает страх перед революцией. «Для пролетариата демократия при всех условиях — политическая необходимость; для капиталистической буржуазии она при некоторых условиях — политическая неизбежность»¹. Деятельность в качестве оппозиции создавала среднему классу политический престиж, в известной степени опасный для революции. До недавних пор интеллигенция свысока смотрела на промышленников и купцов; теперь же она прославляет их как народных героев; и либеральным представителям интеллигенции «собственные речи кажутся столь убедительными, что она ждет немедленной капитуляции врага [царя]... А Иерихон стоит — и, мало того, замышляет недоброе»².

«Иерихон» действительно замышлял — по инициативе Булыгина, министра царского правительства, — созыв псевдопарламента, так называемой булыгинской думы. 6 августа царь объявил в манифесте ее программу. Дума будет не законодательным, а совещательным органом; во время выборов каждое сословие будет голосовать отдельно; для избирателей устанавливается имущественный ценз; и к тому же царь оставляет за собой право приостанавливать работу Думы или распускать ее. Рабочий класс фактически лишился избирательных прав. Однако манифест вызвал некоторую путаницу в рядах оппозиции. Выдающийся историк Милюков, возглавивший либералов, приветствовал манифест и сказал, что «перейдена какая-то грань», что сегодня мы на другой стороне «того перевала, по которому шли вчера», и страна идет к конституционному правительству³.

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. С. 91.

² Там же. С. 98—99.

³ Эта путаница затронула партии и фракции: не соглашаясь с Милюковым, многие либералы собирались бойкотировать Думу, меньшевики пока что выступали против бойкота. Большевики были за бойкот (см.: Мартов Л. История российской социал-демократии. С. 126).

Готовность либерального вождя удовольствоваться царской подачкой заставила Троцкого, выступавшего за бойкот Думы, написать «Открытое письмо профессору П.Н. Милюкову»¹. Из всех обличительных речей против либерализма это была самая едкая и злая; и полулегальными путями она получила широкое распространение. «Исторический Рубикон, — писал Троцкий, — бывает действительно перейден лишь в тот момент, когда материальные орудия господства переходят из рук абсолютизма в руки народа. Но такие вещи, г. профессор, никогда не совершаются посредством подписания пергамента. Такие вещи происходят на улицах. Они осуществляются в бою». Троцкий заявил, что в эпоху французской революции великие перевороты происходили не после провозглашения конституционных принципов, но с реальным переходом власти. Потом он вспомнил о событиях в Германии 1848 года, о том, как буржуазные либералы удовольствовались обещанием свободы от прусского короля, как они помогли самодержцу подавить революцию и как на пороге революции самодержец разгромил и унизил либеральное движение:

«История ничему не научает своих профессоров. Ошибки и преступления либерализма интернациональны. Вы повторяете то же, что ваши предшественники делали в вашем положении полвека назад... Вы боитесь порвать с Думой, потому что для вас этот конституционный мираж кажется реальностью в той сухой бесплодной пустыне, по которой русский либерализм бродит вот уже не первый десяток лет... Вы этого, конечно, не скажете народу. Но мы скажем. Если же вы попытаетесь спорить с нами — не на либеральных банкетах, а пред лицом массы, — мы вам покажем, что мы на нашем грубом, резком революционном языке умеем быть неотразимо убедительны и красноречивы... Если же революция не стихнет, бюрократия будет цепляться за вас, как за опору, и, если вы действительно попытаете представить из себя такую опору, — а ваше положение вынудит вас к этому, — победоносная революция вышвырнет вас на улицу... (Если, с другой стороны, революция потерпит поражение, то самодержавие вышвырнет либералов за ненадобностью. — *Авт.*) Вы предлагаете не смущаться ни голосами справа, ни голосами слева... Революция еще не сказала своего последнего слова. Могучими широкими размахами заносит она над абсолютизмом свой нож — все

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 196—205.

ниже и ниже. Пусть остерегутся мудрецы либерализма подставлять свои руки под сверкающее стальное лезвие. Пусть остерегутся».

Стиль «Открытого письма», одновременно научный, возвышенный и безжалостный, полностью соответствовал автору. В отношении к либерализму Троцкий сближался с Лениным. Но Ленин не собирался ввязываться в «прямой идеологический диалог с либерализмом», тогда как Троцкий чувствовал необходимость постоянно противопоставлять революционный социализм либерализму. Он вступил в этот диалог тогда и будет вести его до конца жизни не потому, что он не так решительно порвал с буржуазным либерализмом, как Ленин, но отчасти потому, что лучше сознавал его притягательность. Ленин возглавлял и наставлял своих единомышленников, то есть в каком-то смысле проповедовал обращенным, тогда как Троцкий напрямую обращался к представителям либерализма, разбирал и разбивал их доводы перед большой и пока еще сомневающейся аудиторией. К тому же диалог с противником лучше всего соответствовал его темпераменту спорщика и полемическому стилю. Недаром любимой формой выражения было у него открытое письмо.

Итак, он непосредственно обращался к самым разнообразным читателям и с каждым слоем общества говорил на его языке необычайно легко и пылко. Свои инвективы против либерализма он адресовал интеллигенции и передовым рабочим. В «Открытом письме профессору П.Н. Милюкову» он говорил с ученой публикой. Вскоре после возвращения в Россию Троцкий стал писать прокламации для крестьян, которые печатал Красин за подписью ЦК. В прокламациях у Троцкого перед глазами стояли примитивные, безграмотные массы крестьян, каких он помнил с отцовской фермы, толпа, где лишь несколько человек сумеют прочесть его слова вслух, чтобы услышали остальные. Он формулировал призывы самыми простыми словами, нараспев, в ритме народного славянского сказания, с характерными припевами и повторами. И слова, и ритмический строй как будто предназначались для чтения вслух деревенским полуагитатором-полусказителем. Однако и с мужиками он говорил с той же логикой и размахом, с какими обращался к ученым оппонентам. Среди всей революционной литературы, написанной для крестьян или крестьянами, найдется совсем немного документов, если вообще найдется, которые сравнились бы по истинно народному стилю и прямоте с прокламацией, где Троцкий рассказывал

крестьянам о январской резне в Петербурге. Он говорил, как «мирно и спокойно» шли рабочие к царскому дворцу, неся портреты царя, иконы и хоругви.

«Как же поступил царь? Как ответил он петербургским рабочим? Слушайте, слушайте, крестьяне, как разговаривал царь со своим народом!..

Все петербургские войска были подняты на ноги... Это русский царь снаряжался разговаривать со своими подданными...

Двести тысяч рабочих тянулись ко дворцу.

Они нарядились в свои воскресные платья, — и седовласые старцы, и юноши; жены шли рядом со своими мужьями, отцы и матери вели за руки малых детей. Это народ шел к своему царю.

Слушайте, слушайте, крестьяне! Каждое слово должно врезаться в ваши души неизгладимыми чертами.

Все улицы и заставы, по которым должны были проходить мирные рабочие, оказались заняты войсками.

Пустите нас к царю! — просили рабочие. Старики становились на колени. Просили женщины и просили дети!

Пустите нас к царю! Хотим видеть царя. Хотим изложить ему наши кровные нужды!

И тут свершилось!

Грянул пушечный залп... Кровью рабочих окрасился снег...

Рассказывайте всем и каждому, как царь поступил с петербургскими рабочими...

Помните, русские крестьяне, каждый царь русский с гордостью повторяет: я в моей стране первый дворянин и помещик...

Цари русские обратили крестьян в крепостное сословие и дарили их, как собак, своим верным слугам-чиновникам...

Крестьяне! заявляйте на сходах, что солдаты, дети народа, живущие на счет народа, не смеют стрелять в народ».

Вот такими простыми словами, ни на минуту не отпуская крестьянское воображение, он объясняет цели, которые преследует его партия, и средства, которыми она воспользуется; и переводит иностранный термин «революция» на язык народа: «Крестьяне! Нужно, чтобы этот пожар загорелся одновременно по всей России, и тогда не потушит его никакая сила. Такой всенародный пожар называется революцией!»¹

---

¹ Искра. № 90 от 3 марта 1905 г.; *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 217—224. Рукопись прокламации найдена после 1917 г. в архивах киевской жандармерии — она была конфискована во время облавы на красинскую типографию.

А к городским рабочим он обращается уже в другой манере — например, когда они не смогли ответить на призыв партии и провести первомайскую демонстрацию: «Слушайте, товарищи. Вы уstraшились царских солдат. Но вы не страшитесь отдавать ваших братьев в царскую армию, которая гибнет на великом неоплаканном кладбище в Маньчжурии... Вы не выступили всей массой вчера. Но вы выступите сегодня или завтра»¹.

Небольшим шедевром революционной журналистики является совсем коротенькая заметка под заглавием «Доброго утра, петербургский дворник»². Троцкий написал ее позднее в том же году, после того как царь в так называемом Октябрьском манифесте пообещал дать России конституцию и гражданские права. Дворники, как правило, служили политической полиции в качестве осведомителей и доносчиков; но теперь и они заразились революцией. «Петербургский дворник просыпается от полицейского кошмара, — писал Троцкий. — 13 ноября в Соляном городке собралось 2500 дворников для обсуждения своих нужд. Дворники не хотят более служить орудиями полицейского насилия». Они выдвинули свои требования и отказались подписывать благодарственный адрес царю, потому что в царском манифесте «свобода дарована, — но еще «не доказана». «На совести петербургских дворников, — продолжал Троцкий, — много грехов и преступлений. По приказу полиции они не раз и не два избивали честных рабочих и студентов... Избивая борцов за свободу, дворники закабаливали самих себя полиции. Полиция насильничала над ними, а население возненавидело их. Но настал час всеобщего пробуждения, — и петербургский дворник раскрывает глаза. Доброго утра, петербургский дворник!»

Так он говорил с каждым слоем общества, от верхов до бедняков, но всегда и только своим голосом. У русской революции никогда не было и не будет другого такого же глашатая, который владел бы таким же разнообразием интонаций и наречий.

Во время своего пребывания в Киеве Троцкий менял тайные квартиры одну за другой, кое-как скрываясь под маской отставного прапорщика Арбузова. «Прапорщик» имел вид респекта-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 241—245. Эта прокламация, подписанная Центральным комитетом, также найдена в архивах киевской жандармерии после 1917 г.

² Русская газета. 15 ноября 1905 г.; Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 300—301.

белый, даже элегантный; но он вел поразительно занятую жизнь, принимал странных посетителей, часами просиживал с ними взаперти или корпел над стопками газет, книг и рукописей. Некоторых хозяев это пугало, и Троцкому приходилось переезжать. Другие прятали его смело и доброжелательно. В «Моей жизни» он рассказывает, как, притворяясь пациентом, он пригнулся в глазной больнице. Дежурный врач и несколько его помощников были в курсе дела. Ничего не подозревающая сестра laborливо и добросовестно боролась с чудным пациентом, заставляя его принимать глазные капли и ножные ванны, и уговаривала отложить книги и перо.

В Петербурге Красин нашел ему жилье в доме полковника Литкенса, старшего врача императорского артиллерийского училища, где Красин к тому же устроил явочную квартиру для членов подпольной организации. Сыновья полковника участвовали в тайной работе, а сам полковник принадлежал к «сочувствующим». В его доме Троцкий и Седова жили под именем Викентьевы, на время спрятавшись от глаз охранки. Однако на первомайской демонстрации Седову арестовали; и внедренный к подпольщикам провокатор напал на след Троцкого. Троцкий поспешно уехал в Финляндию, которая тогда входила в состав Российской империи, но пользовалась гораздо большей свободой, чем Россия. На постоялом дворе под названием Rauha («Покой»), среди озер и сосновых лесов финской глубинки, он размышлял, изучал, писал и поддерживал связь с Красиным, до тех пор пока в середине октября известие о всеобщей стачке в Петербурге не ворвалось в тихую, пустынную гостиницу, как в окно врывается «бешеный шторм». 14-го или, самое позднее, 15 октября он вернулся в российскую столицу.

Стачка началась с того момента, когда печатники потребовали сокращения рабочего дня и повышения зарплаты; затем она быстро распространилась по другим областям промышленности, переместилась из Петербурга в провинцию, приняв заметный политический характер и застав врасплох вождей социалистического подполья. Рабочие шумно требовали конституционных свобод, а также высокого жалованья и укороченного рабочего дня. С распространением стачки на свет появился первый Совет рабочих депутатов, глубоко уходящий корнями в русскую революцию. Совет изобрели не большевики. Напротив, петербургские боль-

шевики во главе с Богдановым и Кнунианцем-Радиным отнесли к Совету подозрительно, увидев в нем соперника партии. Лишь в первую неделю ноября (третью неделю по новому стилю), когда Совет уже находился на пике силы и влияния, Ленин из Стокгольма попытался призвать своих последователей предложить Совету свое сотрудничество¹. Забастовщики из пятидесяти типографий выбрали делегатов и поручили им сформировать Совет. Они же и составили ядро Совета. Вскоре к ним присоединились делегаты от других профессиональных групп. Как ни парадоксально, саму идею Совета предложил царь, косвенно и невольно, когда после январских событий назначил комиссию по расследованию причин беспорядка под началом сенатора Шидловского. Комиссия велела рабочим выбрать представителей от заводов, чтобы те высказали вслух свои недовольства. В октябре стачечники последовали этому примеру. На первом заседании Совета, состоявшемся 13 октября, присутствовали депутаты только одного района (Невского). Нужен был какой-то стимул, чтобы в Совет вошли и представители других районов. Этот стимул дали меньшевики и стали крестными отцами того самого института, против которого однажды будут горячо протестовать.

Совет тут же приобрел невиданный авторитет. Впервые рабочий класс, до сих пор лишенный избирательных прав, получил представительный орган. При правительстве, откровенно презиравшем сам принцип народного представительства, первое же воплотившее этот принцип учреждение моментально отодвинуло тогдашнюю администрацию на задний план. Совет сразу же стал движущей революционной силой первой величины.

В первый раз Троцкий появился в актовом зале Политехнического института, где заседал Совет, либо 15 октября, в день своего возвращения из Финляндии, либо на следующий день. Присутствовали депутаты от нескольких районов — в выборах приняли участие около 200 тысяч человек, почти 50 процентов всех столичных рабочих. В дальнейшем, после новых выборов, количество депутатов выросло с 400 до 560. Совет только что постановил издавать собственную газету под названием «Известия» и начал переговоры с муниципальным советом о помещении и производственных мощностях для типографии. В залах и коридорах Политехнического института царил атмосфера лихорадочной

---

¹ Ради этого Ленин написал письмо в петербургскую газету большевиков «Новая жизнь», но там не смогли опубликовать письмо — впервые оно увидело свет в «Правде» через тридцать пять лет, 5 ноября 1940 г.

игитации, репетиция будущего Совета 1917 года: стачечники приходили и уходили, раздумывали и ждали указаний.

Однако партии и организации социалистического толка еще не определились в своем отношении к Совету. Меньшевики и эсеры немедленно решили отправить своих представителей. Большевики не спешили следовать их примеру и потребовали, чтобы Совет сначала согласился на партийное руководство — только тогда они будут готовы войти в него. Троцкий, приглашенный Красиным на заседание большевистского Центрального комитета, уговаривал его членов войти в Совет без каких-либо предварительных условий. Ни одна партия или фракция, доказывал он, не имеет права претендовать на исключительное лидерство. Совет должен быть широким представительным органом, учитывающим все оттенки мнений рабочего класса, ибо только тогда он сможет обеспечить объединенное руководство и в общей стачке, и в революционной ситуации, которая может из нее развиться.

Преподавательства еще не кончились, когда 17 октября царь, напуганный всеобщей стачкой, издал манифест с обещанием конституции, гражданских свобод и всеобщего избирательного права. Манифест составил граф Витте, премьер-министр, тяготивший к либералам. Булыгинскую думу похоронили еще до выхода манифеста; и казалось, что царь отрекается от самодержавия, столь же древнего, как и сама царская династия. Сначала Петербург испытал потрясение, а потом опьянел от радости. На улицы хлынули праздничные толпы и с удивлением перечитывали манифест. Однако в правительстве еще сильны были противники реформы. Министр внутренних дел генерал Трепов отдал полиции приказ не жалеть патронов, и этот приказ расклеили на стенах рядом с царским манифестом, как будто злобный окрик наступлению «новой эры». Перед самым опубликованием царского манифеста полиция произвела многочисленные аресты среди подпольщиков.

Утром 17-го числа Троцкий вместе с огромной и возбужденной толпой двинулся к Политехническому институту, где в предыдущие два дня собирался Совет. В толпу въехали конные жандармы. Казалось, прокламация Трепова предупреждает всех о том, что торжествовать еще слишком рано. И тем не менее толпу, состоявшую из рабочих и мещан, охватило общее ликование. Но героями дня были рабочие. Именно их забастовка заставила царя обещать стране конституцию и свободу. Дома

украшили бело-сине-красные флаги династии, но молодые рабочие срывали белые и голубые полоски, кидая их под ноги, и поднимали узкие, оборванные красные знамена. Процессия дошла до Политехнического института, но там ее задержала преграда из полицейских и жандармов.

Толпа двинулась к университету, где проходили митинги. Она, увеличиваясь по дороге и сохраняя радостный настрой, несла с собой Троцкого — молодого человека, который так долго ждал этого мига и предсказывал его, но теперь его переполняли опасения и нетерпеливое желание предостеречь народ от слишком поспешного ликования. Людское море влилось во двор университета. С балкона перед толпой уже выступали ораторы горячо и страстно. Возбужденный опасениями и чувствами, впитанными от толпы, Троцкий протиснулся сквозь плотную массу людей к балкону: вот где было его место! Организаторы митинга знали его как представителя меньшевиков, который появился в Совете под именем Яновский; другие знали его как Троцкого из «Искры». Он оглядел необозримые человеческие массы и воскликнул голосом, который ему самому показался далеким и странным:

«Граждане! После того как мы наступили правящей шайке на грудь, нам обещают свободу».

Он смолк, как бы задумавшись, не заморозит ли людей тот холодный душ, которым он собирался остудить их энтузиазм; он искал слов, которые показали бы людям, что он радуется вместе с ними, но и предостерегли бы от излишней доверчивости.

«— И этого неутомимого палача на троне мы вынудили к обещанию свободы. Какое великое торжество! Но не торопитесь праздновать победу: она неполна. Разве обещание уплаты весит столько же, как и чистое золото? Разве обещание свободы то же самое, что сама свобода?.. Оглянитесь вокруг, граждане: разве что-нибудь изменилось со вчерашнего дня? Разве раскрылись ворота наших тюрем?.. Разве вернулись к своим очагам наши братья из пустынь Сибири?..

— Амнистия! Амнистия! Амнистия! — закричали снизу».

Но не к этому вел Троцкий. Он продолжил речь под другим лозунгом.

«— ...Если бы правительство честно решило примириться с народом, оно бы первым делом дало амнистию. Но, граждане, разве амнистия — все? Сегодня выпустят сотни политических борцов, завтра захватят тысячи других. Разве рядом с манифес-

том о свободах не висит приказ о патронах? Разве палач Трепов не хозяин Петербурга?

— Долой Трепова! — закричали внизу.

— ...Долой Трепова! — но разве он один? Разве в резервах бюрократии мало негодяев ему на смену? Трепов господствует над нами при помощи войска. Гвардейцы, покрытые кровью 9 января, — вот его опора и сила. Это им он велит не щадить патронов для ваших грудей и для ваших голов. Мы не можем, не хотим и не должны жить под ружейными дулами».

Толпа ответила требованием вывести войска из Петербурга. Тогда Троцкий, как бы рассерженный несбыточностью народной победы, взвинченный неизменным откликом толпы и своей неожиданной властью над ней, заключил:

«...Граждане! Наша сила в нас самих. С мечом в руке мы должны стать на страже свободы. А царский манифест — смотрите — это простой лист бумаги».

Театральным жестом он помахал манифестом на глазах у толпы и гневно смял его в руке.

«Вот он перед вами, а вот он, скомканный, у меня в кулаке. Сегодня его дали, а завтра отнимут и порвут на клочки, как я теперь рву эту бумажную свободу на ваших глазах!..»

Так российская столица впервые услышала оратора революции.

В своей речи Троцкий выделил все роковые слабости, из-за которых революции грозило поражение. Революция потрясла лишь самоуверенность царя, но не его грандиозную машину власти. В вооруженных силах, особенно на флоте, началось брожение. Но казаки, гвардия и бесконечные ряды мужицкой пехоты были скованы извечной привычкой к слепому подчинению. За армией лежала сельская Россия, вся ее беспредельная ширь погрязла в равнодушии и отчаянии. До сих пор революция оставалась чисто городским делом. И даже в городах ощущение победы смешивалось со страхом. Средние классы и их либеральные представители, жадно поверив в обещанную царем свободу, морщились при мысли, что этим обещанием они обязаны рабочей стачке, и старались затормозить революцию. Их преследовал призрак «плебейской анархии» и страх, что если революция не остановится, то царь прислушается к тем советчикам, кто рекомендовал подавить народ, а не идти ему на уступки. «Если вы не прекратите борь-

бу, — убеждали либералы социал-демократов, — наша завоеванная свобода окажется иллюзией». — «Но ведь она и есть иллюзия», — возражали социал-демократы. Рабочему классу Октябрьский манифест дал не столько ощущение победы, сколько сознание силы и нетерпеливое желание применить ее для дальнейшего штурма царских бастионов. Каждый общественный класс преследовал в революционном движении свои цели. Буржуазия надеялась получить наибольшую выгоду от конституционной монархии. Пролетариат стоял за республику. Первая не желала ничего, кроме политической свободы. Второй выдвигал и социальные требования, направленные скорее против буржуазии, чем самодержавия.

Рвение рабочих, импульсивных и разгоряченных, превосходило даже пыл социалистических вождей. Руководители пересчитывали сторонников, строили планы и составляли расписания. По их расчетам, борьба должна была достигнуть апогея к 9 января 1906 года — годовщине демонстрации у Зимнего дворца¹. Но все расчеты и даты внезапно сдвинулись под напором своеправных масс, которые легко загорались по малейшему поводу и толпой бросались вперед. Однако беспомощность их была не меньше, чем самоуверенность; и потому их ждал единственный итог — катастрофа. Рабочий класс безоружен; и пока армия не присоединится к восстанию, получить оружие ему неоткуда. Даже в идеальных для революции условиях требуется время, чтобы преобладающий мятежный дух проникал в казармы. Настроение российской армии зависело от того, что думают крестьяне. Только в 1906 году сельская Россия стала проявлять серьезное недовольство. К тому времени революция в городах почти потухла; и потушили ее одетые в мундиры сыновья крестьян, а ведь они могли бы влиться в движение вместе с горожанами, если бы оно не погасло. Постепенно революция исчерпала свои резервы. Рабочему классу не хватало повстанческого опыта. Социал-демократические партии были слишком слабы, чтобы обуздать нетерпение рабочих. И в корне всего этого лежал тот фундамен-

---

¹ В письме из Стокгольма, опубликованном в «Правде» только в 1940 г., на которое мы уже ссылались, Ленин писал: «Пусть к годовщине великого дня 9 января в России не останется и следа от учреждений царской власти» (Ленин В.И. Сочинения. Т. 10. С. 11). Остальные едва ли рассчитывали на такие быстрые и радикальные результаты. По другому поводу Ленин писал, что лучше всего было бы отложить восстание до весны 1906 года (Там же. Т. 34. С. 311).

явный факт, что старый порядок еще не утратил своей мощи; ему удалось разделить те силы, которые при ином раскладе могли бы разрушить его.

Петербургский Совет, средоточие обреченной революции, с самого начала находился в центре всех встречных течений и постоянно разрывался между смелостью и осторожностью, между вулканическим накалом обстановки и политическим благоразумием. 17 октября Совет избрал свой исполнительный комитет. В исполкоме среди прочих заседали трое представителей от большевиков, трое от меньшевиков и трое от эсеров. Главными делегатами большевиков были Кнунианц-Радин и Сверчков. (Позднее Сверчков напишет историю Совета.) Троцкий представлял меньшевиков, хотя еще за границей он вышел из меньшевистской фракции. Тем временем в столице он приобрел влияние на меньшевистскую организацию и стал настраивать ее против вождей-эмигрантов. Ему помогал рабочий Злыднев, он приехал в Петербург из Николаева и в первой половине года представлял своих товарищей в комиссии сенатора Шидловского. По инициативе Троцкого петербургские комитеты большевиков и меньшевиков создали общий Совет, дабы тот подготовил воссоединение двух фракций, а до тех пор координировал их деятельность в Совете¹. Эсеров возглавлял Авксентьев, который в 1917 году, будучи министром внутренних дел в правительстве Керенского, отдал приказ о заключении Троцкого под стражу. Однако в 1905-м все три партии сотрудничали в согласии. Ни одна не пыталась навязать другим свою волю. Председателем Совета единодушно выбрали Носаря-Хрусталева, беспартийного адвоката, который приобрел доверие рабочих, защищая их в трудовых конфликтах². Для внешнего мира Хрусталев олицетворял Совет и моментально получил широкую известность. Однако политику Совета определяли партии, в основном социал-демократические, и в революции Хрусталев сыграл лишь эпизодическую роль. Как свидетельствуют документы и воспоминания участников, идейным руководителем Совета был Троцкий. В самые важные моменты он выступал от имени большевиков и меньшевиков и даже от имени всего Совета. Он написал большую часть манифестов и резолюций Совета и редактировал «Известия». В кулуарах между формальным предсе-

¹ Соглашение появилось за подписью Троцкого в № 2 «Известий». См. также: *Мартов А.* Указ. соч.

² Однако Носарь-Хрусталев позднее присоединился к социал-демократам (меньшевикам).

дателем Совета и его политическим руководителем ощущалось молчаливое соперничество¹.

19 октября, через два дня после выхода царского манифеста, Троцкий убедил Совет отменить общую забастовку. Ее продолжение не имело перспектив и могло привести не к успеху, а к новому кровопролитию. Совет единодушно согласился, и 21 октября забастовка прекратилась. Тогда Совет объявил, что 23 октября состоятся торжественные похороны рабочих, погибших во время забастовки. 22-го числа стало известно, что генерал Трепов готовит жандармов к подавлению демонстрации и что охранка задумала устроить еврейский погром. Той же ночью Троцкий стоял перед Советом, призывая к отмене торжественных похорон. «Совет Депутатов заявляет: петербургский пролетариат даст царскому правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату»². Совет смирился и отменил похороны своих мучеников. Унижение далось мучительно: неужели пролетариат сумеет дать бой в назначенный день, если вооружится и организуется? И как его вооружить? В тот же день Совет решил организовать боевые дружины, чьей непосредственной задачей будет предотвратить погром. Позднее, во время суда над Советом, общественности представили неопровержимое доказательство того, что погром действительно планировался и только действия Совета предотвратили его. Но боевые дружины, даже та, что охраняла Совет, в лучшем случае были вооружены револьверами; а у большинства в руках были только палки и железные прутья. Тем не менее одним из главных обвинений, предъявленных Совету, стал призыв к оружию.

Однако Совет сохранил энергичную политическую инициативу. Октябрьский манифест обещал свободу печати, но псевдолиберальный премьер-министр Витте приказал цензуре не от-

---

¹ Легенда Носаря-Хрусталева развеялась, когда в эмиграции его арестовала французская полиция и обвинила в финансовых злоупотреблениях. В 1917 г. он явился в Петроградский Совет и потребовал допустить его туда как бывшего председателя, но получил презрительный отказ. Во время Гражданской войны 1918—1919 гг. он снова возник в качестве главы крохотной так называемой Хрусталевской республики в одной из южнороссийских губерний и вскоре после этого был убит. О спорах Хрусталева с Троцким см.: *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 8. С. 190—197 и Т. 2. Кн. 1. С. 110—111, 508—509; *Суханов Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 126, 129.

² *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 284.

пускать поводья. В ответ наборщики и типографы, воодушевленные Советом, заявили, что не будут ни набирать, ни печатать газеты и книг, отданных цензорам, и наперекор правительству, издателям и писателям дали России возможность впервые вкостить свободной печати. Затем поднялись выступления за сокращение рабочего дня; и под эгидой Совета рабочие сами начали вводить в цехах восьмичасовой рабочий день. В конце октября правительство объявило о чрезвычайном положении в Польше, и революционный Петербург вознегодовал. 1 ноября Совет устроил торжественный прием «делегатов угнетенной Польши», но с разочарованием узнал, что говорить от имени Польши приехали граф Замойский, граф Красинский, князь Любомирский, несколько католических священников и купцов и только один крестьянин и один рабочий. Тем не менее Троцкий тепло приветствовал делегацию и торжественно провозгласил право Польши определять собственную судьбу. Совет призвал к новой забастовке в поддержку поляков. В то же время правительство заявило, что кронштадтские матросы, принявшие участие в октябрьской стачке, будут преданы трибуналу, и ропот тех, кто выступал за освобождение матросов, смешался с призывом дать Польше свободу¹.

Этот героический и великодушный настрой не обошелся без некоторого воинственного юмора. Премьер-министр Витте обратился к забастовщикам: «Братцы рабочие, прислушайтесь к совету человека, который настроен к вам хорошо и желает вам добра». Обращение принесли в Совет посреди бурного заседания, и Троцкий предложил немедленно ответить².

«Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят... Граф Витте призывает нас пожалеть наших жен и детей. Совет Рабочих Депутатов призывает в ответ всех рабочих подсчитать, сколько вдов и сирот прибавилось в рабочих рядах с того дня, как Витте взял в свои руки государственную власть. Граф Витте указывает на милостивое внимание государя к рабочему народу. Совет Рабочих Депутатов напоминает петербургскому пролетариату о кровавом воскресеньи 9 января. Граф Витте просит дать ему «время» и обещает сделать для рабочих «все возможное».

---

¹ Речь Троцкого к полякам появилась в № 5 «Известий» от 3 ноября.

² Сверчков сообщает, что Совет поручил ему, Сверчкову, составить ответ, но так как ему ничего не приходило в голову, то он попросил о помощи недавно прибывшего Троцкого. Троцкий тут же сочинил ответ и прочел его под общие аплодисменты (*Сверчков. На заре революции. С. 28*).

Совет Рабочих Депутатов знает, что Витте уже нашел время для того, чтобы отдать Польшу в руки военных палачей, и Совет Рабочих Депутатов не сомневается, что г. Витте сделает все возможное, чтобы задушить революционный пролетариат. Граф Витте называет себя человеком, расположенным к нам и желающим нам добра. Совет Рабочих Депутатов заявляет, что он не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»¹.

Либералы в гостиных, студенты и профессора в лекционных залах и рабочие в чайных хохотали; говорят, что у самого Витте сделался припадок, когда он прочел находчивый ответ Совета².

5 ноября Троцкий обратился к Совету от имени всего исполкома и предложил закончить вторую всеобщую стачку. Правительство только что объявило, что кронштадтские матросы будут переданы не военно-полевому, а окружному суду. Совет мог отступить с честью, хоть и не с настоящей победой. «События работают на нас, и нам не к чему форсировать их ход, — сказал Троцкий. — Период подготовки масс к решительным действиям мы должны затянуть, сколько можем, сколько успеем, быть может, на месяц-два, чтобы затем выступить возможно более сплоченной и организованной армией». Всеобщую стачку нельзя проводить бесконечно. Она должна привести к восстанию, но к нему Совет еще не готов. В тот день, когда к ней присоединятся железнодорожники и служащие почт и телеграфов, «сталью рельс и проволокою телеграфа они свяжут в единое целое все революционные очаги страны. Они дадут нам возможность поднять в нужный момент всю Россию в двадцать четыре часа».

Даже пытаясь обуздать бушующую стихию революции, Троцкий стоял перед Советом как само неповиновение, страстный и торжественный. Он передает такой разговор с одним известным либералом, призывавшим к сдержанности:

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 287.

² О том, что Троцкий справедливо отнесся к графу Витте, свидетельствует Милюков. Примерно в то время Милюков посетил Витте и сказал ему, что царь должен немедленно провозгласить конституцию, не дожидаясь решения Думы. Витте ответил, что царю конституция не нужна, а Октябрьский манифест вышел сторяча. Витте тоже не нуждался ни в какой конституции — его интересовал только притворный конституционализм (Милюков. История второй русской революции. Т. 1. Кн. 1. С. 18—19).

«Я напомнил ему один момент из французской революции, когда Конвент сделал постановление: «Французский народ не вступит в договор с врагом на своей территории». Кто-то из членов Конвента крикнул: «Неужели вы заключили договор с победой?» Ему ответили: «Нет, мы заключили договор со смертью».

Товарищи, когда либеральная буржуазия, как бы кичась своей изменой, спрашивает нас: «Вы одни, без нас, думаете бороться? разве вы заключили договор с победой?» — мы ей в лицо бросаем наш ответ: «Нет, мы заключили договор со смертью!»

Через несколько дней Троцкому снова пришлось убеждать Совет в его слабости и необходимости перестать требовать восьмичасовой рабочий день: работодатели ответили увольнением более 100 тысяч рабочих. Совет разделился, меньшинство требовало общей забастовки; но Троцкий при поддержке металлургов настоял на своем. Проявления слабости становились слишком частыми, но народный порыв к действию сделал их неизбежными. Удивляет то, что слабости Совета не имели катастрофических последствий, особенно если учесть, что главным вдохновителем Совета был молодой человек, который никогда не возглавлял никакого массового движения и даже не участвовал в нем. Если рассмотреть все препятствия, стоявшие на пути революции, то тактика Совета по изматыванию противника, не ввязываясь с ним в общий бой, кажется практически безупречной; и ее результаты — удержанный авторитет Совета и уступки, которые ему удалось выбить у власти, — нужно считать достойными. Только через двадцать лет, во время противостояния между Сталиным и Троцким, Троцкому поставили в вину его «сдержанность» в 1905 году. А до тех пор такого упрека не возникало; и большевики считали достижения Совета славной главой в летописи революции². Да и сами большевики не предлагали Совету альтернативного образа действий и даже не намекали на него. В политической литературе по данному предмету провал революции 1905 года неизменно относили за счет «объективной» расстановки сил в стране, но никогда не при-

---

¹ Речь появилась в № 7 «Известий» от 7 ноября 1905 г.; Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 290—293.

² Правда, большевики хранили память о московском восстании декабря 1905 г., которое возглавляли члены их группы.

писывали ошибкам какого-либо вождя, и меньше всего Троцкого¹.

Совет так стремительно приобрел статус главного центра революции, что группировки и фракции не успели обдумать его значение и приспособиться к нововведению. К середине ноября все их руководители наконец вернулись из Западной Европы и с напряженным интересом и недоумением увидели этот орган, очень похожий на русский конвент. Но в них слишком сильно чувствовался эмигрантский дух, чтобы они завоевали прочное положение в Совете — да и Совет-то был учрежден за три-четыре недели до их приезда. И тогда именно Троцкий от имени петербургских пролетариев отдал в Совете дань мученичеству и героизму ветеранов эмиграции. Когда в начале года он покинул их, эмигранты продолжали относиться к нему словно к вундеркинду, со смешанными восхищением и снисходительностью. Теперь же они смотрели на него с новым уважением, наблюдали за тем, как он руководит с трибуны, по грубым, мрачным лицам рабочих депутатов угадывали преданность и авторитет, которым пользовался он в Совете. Луначарский вспоминает, что, когда Ленин вернулся в Россию 8 или 10 ноября и ему сказали, что «сильный человек в Совете — Троцкий», Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом сказал: «Что ж, Троцкий завоевал это своей неустанной и яркой работой». Он омрачился из-за того, что в его памяти, должно быть, сверкнули те чудовищные эпитеты, которыми наградил его Троцкий. Рана не заживала: еще недавно Ленин распекал Парвуса за сотрудничество с Троцким, этим пустозвоном, фразером и Балалайкиным². Но теперь он отдал должное заслугам и достижениям Троцкого.

Еще одно обстоятельство помогло Троцкому как бы оправдаться перед бывшими противниками. Ленин и Мартов признали, что их горячечные споры оказались бурей в эмигрантском

---

¹ Ленин В.И. Сочинения. Т. 23. С. 228—246; Первая русская революция в Петербурге, 1905 г. Т. 1 и 2. Никакие разногласия по поводу тактики Советов не были обнародованы на следующем съезде партии (См.: V съезд РСДРП; *Сверчков*. Там же). Только около 1926 г. историки партии (Лядов и Покровский) начали постепенно «пересматривать» это отношение, пока наконец в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» (с. 79—80) не было заявлено, что Троцкий и другие меньшевики настроили Совет против подготовки к восстанию.

² Б а л а л а й к и н — сатирический персонаж Салтыкова-Щедрина, самодовольный пустомеля и расчетливый адвокат. Так ответил Ленин на ругательное прозвище «неряшливый адвокат», которое дал ему Троцкий.

стакане. Полемика о прерогативах ЦК и условиях членства касалась только подпольной организации. Но партия успела выйти из подполья и вела свою работу при ясном свете дня. Впервые партийцы смогли голосовать и выбирать руководящие органы, не боясь охранки. Ленин не меньше Мартова стремился к тому, чтобы членов комитетов избирали снизу, а не назначали сверху. С другой стороны, вера меньшевиков в революционную миссию среднего класса, вера, которую трудно было увязать с фактами, пошатнулась. На петербургских сторонников меньшевизма так сильно повлияли радикальные идеи Троцкого, что эмигрантским вождям просто пришлось смириться. Казалось, все различия между фракциями исчезли; и еще до конца года произошло их воссоединение, завершённое слиянием двух центральных комитетов. Выходило, что фанатики раскола как будто ошибались, а проповедники единства оказались правы.

Сила идей и самой личности Троцкого в те дни проявилась далеко за пределами Совета и социал-демократических партий. В 1906 году, когда революция уже пошла на убыль, Милюков так защищался от нападок справа: те, говорил он, кто сейчас обвиняет партию конституционных демократов в том, что она не протестовала против революционных иллюзий троцкизма, просто не понимают или не помнят настроения, господствовавшего в то время среди демократической общественности. Те, продолжал Милюков, кто в 1905 году попытался бы протестовать против «иллюзий троцкизма», просто навлекли бы на себя позор. Это тем более существенно, что «демократическая общественность», о которой вспоминал Милюков, — специалисты и просвещённые коммерсанты, — непосредственно не входили в круг влияния Троцкого. Он очень редко выходил из рабочего Совета ради встречи с буржуазной публикой; но и в эти нечастые случаи он говорил с ними как представитель Совета. Описывая события 1905 года, Троцкий рассказывает, как во время ноябрьской стачки он присутствовал на важном политическом собрании в доме баронессы Икскуль фон Гильдебрандт. «Лакей ждал визитной карточки. Увы! — какая может быть визитная карточка у нелегального?.. В приемную вышли сперва студент, затем радикальный приват-доцент, редактор «солидного» журнала и, наконец, сама баронесса. По-видимому, ожидали, что «от рабочих» явится более грозная фигура». Между прочим, в тот беспокойный год Троцкий столь безупречно одевался и имел столь буржуазный вид, что шокировал некоторых своих друзей-социалистов. Как

бы то ни было, собравшиеся в доме баронессы гости так и не получили удовольствия от знакомства с неотесанным демагогом-революционером. «Я назвал себя. Меня любезно пригласили войти. Приподняв портьеру, я увидел общество из 60—70 душ. На рядами расставленных стульях сидели с одной стороны прохода 30—40 офицеров, в том числе блестящие гвардейцы; с другой стороны — дамы. В переднем углу видна была группа черных сюртуков публицистики и адвокатского радикализма», светочей либерализма. Бывший марксист Петр Струве доказывал, что армия должна крепко держаться за манифест 17 октября и защищать его от нападений и справа, и слева. Слушая его выступление, Троцкий вспоминал слова, написанные Струве всего за семь лет до того: «Чем дальше на Восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия». Потом пришел черед Троцкого выступить перед офицерами. Он сказал им, что рабочий класс, а вместе с ним и сама свобода, безоружен. В руках офицеров ключи к арсеналам страны. Их долг «в решительную минуту» передать эти ключи «тому, кому они принадлежат по праву, — народу»¹. Наверняка эта речь внушила офицерам-гвардейцам некоторую политическую тревогу, но все-таки прозвучала для них безрассудной нелепостью. Если пирамиду самодержавия можно разрушить, то только с основания, а не с верхушки.

От баронессы он поспешил к своему рабочему столу, за которым редактировал три газеты. «Известия» Совета выходили нерегулярно и отличались наивной бравадой. Все экземпляры набирались в типографии другого, крайне правого, издания, которую для своих нужд реквизировала дружина Совета. Помимо этого, Троцкий с помощью приехавшего в Петербург Парвуса ухитрился получить в свои руки радикально либеральную «Русскую газету», которую он переделал в народный орган воинствующего социализма. Несколько позже с Парвусом и Мартовым они основали толстую, солидную газету «Начало», которая формально стала рупором меньшевизма. На самом деле в «Начале» заправлял Троцкий, так как он диктовал условия меньшевикам: газета будет пропагандировать его и Парвуса идею «перманентной революции» и не будет поддерживать отношений с конституционными демократами (либералами). В письме Аксельроду Мартов писал, что им придется согласиться на пропаганду довольно рискован-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 2. С. 73.

ной идеи, не имея возможности ее критиковать. В списке авторов «Начала» значились такие прославленные имена европейского социализма, как Виктор Адлер, Август Бебель, Карл Каутский, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин. Троцкий испытал сладостное чувство мести, когда впустил на страницы «Начала» Плеханова, которого всего за год до этого «нравственно оттачивало» сотрудничество с Троцким по «Искре». Газеты Троцкого пользовались гораздо большим успехом, чем большевистская «Новая жизнь» с Лениным, Горьким, Луначарским и Богдановым во главе. Любой, кто просмотрит газетные подшивки и сравнит, не найдет в этом ничего удивительного — газета Троцкого отличалась большей живостью и остротой¹. Несмотря на свое соперничество в области журналистики, политически газеты поддерживали друг друга и вместе помогали Совету.

Вскоре эта свобода низших классов, расцветшая при открытой деятельности Совета, социалистических партий и печати, была пресечена. Правительству удалось подавить единичные мятежи в войсках. Одни рабочие начали поддаваться усталости, другим не терпелось взяться за оружие. Граф Витте снова ввел цензуру печати. Совет рабочих депутатов сопротивлялся. «Защищайте свободное слово! — призывал Троцкий. — Для рабочих свободное слово — то же, что хлеб и воздух. Для правительства свободное слово — нож острый»². Следующий удар пришелся по самому Совету. 22 ноября полиция арестовала Носаря-Хрусталева и еще нескольких советских руководителей. Власти выжидали, как поступит Совет. Перед ним опять встала знакомая дилемма. Эсеры настаивали на том, чтобы нанести ответный террористический удар по царским министрам. Некоторые предпочли бы организовать в ответ общую забастовку. Социал-демократы были принципиально против терактов и побаивались объявлять новую забастовку. Снова на долю неистового Троцкого выпало призывать к хладнокровию. Он убеждал Совет в необходимости еще раз отло-

---

¹ Сам Ленин позднее признал это. В марте 1917 г., еще до вступления Троцкого в большевистскую партию, он предложил назначить Троцкого главным редактором популярной большевистской газеты и упоминал о превосходной «Русской газете» Троцкого в 1905 г. Однако предложение Ленина было отвергнуто (Красная летопись. 1923. № 3 (14)).

² «Русская газета» от 17 ноября 1905; Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 2. С. 301—303.

жить последнее испытание силы и предложил проголосовать за то, чтобы Совет рабочих депутатов выбрал временного председателя взамен арестованного и продолжал подготовку к вооруженному восстанию. Совет согласился с рекомендацией Троцкого и выбрал президиум в составе Яновского (то есть Троцкого), Сверчкова и Злыднева. Подготовка к восстанию, о которой говорил Троцкий, до сих пор находилась в зачаточном, мягко говоря, состоянии: успели только отправить двух делегатов для установления связи с Советами в губерниях. Восстанию не хватало крепкой почвы под ногами. Власти решили не давать Совету времени. Вскоре у дверей Свободного экономического общества, где проходили заседания Совета, встал отряд полицейских.

Стало ясно, что дни Совета сочтены, и с того момента его деятельность приобрела в основном демонстративный характер. Он должен был внушить народу понятие о революционных принципах и методах. Троцкий, предлагая Совету перестать требовать сокращения рабочего дня, сказал: «Мы не завоевали восьмичасовой рабочий день для рабочего класса, но нам удалось завоевать рабочий класс для восьмичасового рабочего дня». Действительно, еще недавно введение в России, да и в Западной Европе, восьмичасового рабочего дня казалось нереальным. Однако с тех пор и до 1917 года оно стояло во главе списка требований русских рабочих. Аналогичным образом в 1905 году Троцкий не завоевал восстание для пролетариата, но завоевал пролетариат для восстания. При каждом удобном случае он объяснял, почему всеобщая стачка, от которой кое-кто ожидал свержения царизма как по мановению волшебной палочки, не могла привести к фундаментальным переменам в обществе, если не перерастет в восстание; он шел еще дальше и объяснял, что нужно сделать для того, чтобы восстание добилось успеха. Он продолжал учить даже на скамье подсудимых, и события следующих месяцев и лет продемонстрировали его правоту. Те, кто считает, что для совершения революции достаточно лишь тщательно организованного заговора, и не видит за ней долгого и медленного накапливания недовольства, опыта и тактических приемов, возможно, недооценят эту революционную педагогику; они могут счесть резолюции Совета о восстании пустыми угрозами, как оно и было на самом деле, хоть и недолго. Но будущее проверило методы Троцкого и Совета. Февральская революция 1917 года воспользовалась планом, намеченным еще в 1905-м. Первым делом она должна была соединить всеобщую стачку с вооруженным восстанием, которое успешно осуществ-

вили все те же петербургские рабочие, слушавшие Троцкого в 1905 году, и их сыновья.

Последнее, что успел сделать Совет, — объявить о финансовом бойкоте царизма. Совет призвал не платить налогов, принимать только золотые монеты, отказываться от бумажных банкнот и закрыть все счета в банках¹. Исполком Совета выпустил «финансовый манифест», предложенный Парвусом, с осуждением коррупции в правительстве, его финансовой несостоятельности, подложных балансов и, в первую очередь, непредставительного характера. «Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства... Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий. В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства как в завоеванной стране». Манифест объявил, что русский народ не будет оплачивать царских долгов, и некоторое время спустя советское правительство напомнит западноевропейским кредиторам царя об этом предупреждении. Нравственные и политические доводы манифеста звучали убедительно, и все-таки в качестве акта практической политики бойкот всего лишь привел к тому, что ускорил столкновение, которого Совет изо всех сил стремился избежать. Обе стороны увидели в нем, и не без причин, прообраз восстания. Совет прибегнул к нему именно по той причине, что был не способен на вооруженные действия. «Исход один — свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы», — утверждал Совет в манифесте, явно противореча самому себе: ведь часто он заявлял, что единственным способом свергнуть царизм является вооруженное восстание. С другой стороны, для правительства неуплата налогов могла иметь почти столь же тяжкие последствия, как и вооруженное восстание. Ему пришлось действовать незамедлительно².

---

¹ Инициатива бойкота исходила не от Совета, а от более умеренного Всероссийского Крестьянского союза, с которым Совет тесно сотрудничал. Финансовый манифест был подписан Советом, Всероссийским Крестьянским союзом, обеими фракциями социал-демократической партии, эсерами и польской социалистической партией (ППС).

² Через семь месяцев, когда после поражения социалистов царь решил свести счеты с либералами и распустил II Думу, в которой либералы преобладали, они также призывали к финансовому бойкоту в своем знамени-

Днем 3 декабря Троцкий председательствовал на совещании исполкома, который должен был подготовить повестку дня для пленарного заседания Совета. Оно должно было вот-вот открыться. Троцкий сообщил о последних мерах правительства: губернаторы провинций получили полномочия вводить чрезвычайное положение, и кое-где это уже было сделано; забастовщикам угрожали большими штрафами; газеты, опубликовавшие финансовый манифест, были изъяты; министр внутренних дел собирался утвердить запрет на социалистические партии и поместить под стражу их руководителей. На этот раз и меньшевики и большевики предложили объявить всеобщую забастовку. В разгар дебатов стало известно, что в Совет вот-вот нагрянет полицейская облава. Исполком решил продолжать заседание, но отправить в безопасное место нескольких членов, которые в случае ареста остальных членов Совета продолжают действовать от его имени. Выбранные ушли, но тут же вернулись: здание уже окружили войска, казаки, жандармы и полиция. Тогда исполком единодушно решил не трогаться с места, но и не оказывать вооруженного сопротивления ввиду значительно превосходящих сил противника. Обсуждение продолжалось. Неподдалеку раздался топот сапог и звон сабель. Из зала на первом этаже, где на пленарное заседание собирались делегаты, донеслись гневно протестующие голоса. «Товарищи, не сопротивляйтесь, — прокричал Троцкий с балкона. — Мы заранее объявляем, что здесь выстрелит только провокатор или полицейский!» Он велел делегатам сломать затворы на револьверах, прежде чем передать их полиции. Затем он вернулся на председательское место.

Представитель рабочей организации как раз объявил о готовности своего союза присоединиться к забастовщикам, когда отряд солдат и полиции занял коридоры. В зал, где заседал исполком, вошел офицер и начал читать ордер на арест. Вопрос был только в том, сможет ли Совет с достоинством выдержать собственную слабость и унижение. О сопротивлении не могло быть и речи. Но нужно ли сдаться смиренно, понутив головы, послушно, как овечки? Склонность к театральности и гордость Троцкого не позволили ему сыграть главную роль в таком вялом и унылом спектакле. Но раз серьезный акт неповиновения был невозможен, Троцкому

том Выборгском манифесте. Причем почти в тех же выражениях, в которых бойкот провозглашался Советом, и с таким же нулевым результатом. Выборгский манифест также призывал народ отказываться от службы в царской армии.

осталось прибегнуть к сарказму. И тогда он превратил последнюю сцену этого спектакля в остроумный и дерзкий бурлеск. Когда полицейский, повернувшись лицом к исполкому, стал зачитывать ордер, Троцкий вызывающе перебил его:

— Пожалуйста, не мешайте оратору. Если вы хотите выступить, сообщите свое имя, и я спрошу у совещания, желает ли оно вас выслушать.

Сбитый с толку офицер, не понимая, смеются ли над ним или ему нужно опасаться вооруженного сопротивления, дождался, пока делегат от профсоюза закончит выступление. Тогда Троцкий с серьезным видом спросил присутствующих, можно ли офицеру сделать «информационное» сообщение. Офицер зачитал ордер, и Троцкий предложил исполкому утвердить его и перейти к следующему пункту повестки дня. С места поднялся следующий оратор.

— Простите, — сказал полицейский, запнулся, растерявшись от такого неслыханного поведения, и повернулся к Троцкому, как бы ища помощи.

— Прошу вас не мешать, — резко оборвал его Троцкий. — Вы получили слово, сделали свое заявление, мы приняли его к сведению. Желают ли присутствующие еще раз заслушать представителя полиции?

— Нет!

— Тогда прошу вас покинуть зал.

Полицейский переступил с ноги на ногу, буркнул несколько слов под нос и вышел. Троцкий велел членам исполкома уничтожить документы и не называть своих имен полиции. Из нижнего зала донесся лязг затворов — делегаты выполняли распоряжение Троцкого.

Полицейский вернулся, на этот раз со взводом солдат. Поднялся один член исполкома и обратился к солдатам: царь, сказал он, в этот самый миг нарушает обещание Октябрьского манифеста, а они, солдаты, позволяют царю использовать их против народа. Офицер, боясь, что слова могут подействовать, поспешно вывел солдат в коридор и захлопнул за ними дверь.

— Даже сквозь закрытую дверь, — выступающий повысил голос, — солдаты услышат братский призыв рабочих.

В конце концов в зал заседаний вошел большой отряд полиции, и Троцкий объявил совещание исполкома закрытым.

Таким образом через пятьдесят дней закончилась эпопея первого в истории Совета рабочих депутатов.

Глава 6

«ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Ликвидация Совета стала политическим событием первой величины, а главный его представитель — особо опасным государственным преступником. В воздухе по-прежнему витало ощущение политической нестабильности. В тюрьме, сначала в Крестах, потом в Петропавловской крепости, члены Совета находились на привилегированном положении. Формально их предписывалось содержать в одиночках, но камеры днем не запирались, и они могли свободно встречаться друг с другом, гулять в тюремном дворе, получать книги и чуть ли не в открытую продолжать активную политическую деятельность¹.

На первых порах было неясно, не перестаралось ли правительство, ударив по Совету. Петербург протестовал забастовками, Москва всеобщей стачкой, которая привела к десятидневным боям на баррикадах. Даже подавление московского бунта не развеяло надежды, что революция окончательно не разгромлена. На протяжении декабря и января мятежи вспыхивали в Сибири, в Прибалтике, на Кавказе; то и дело на их подавление отправлялись карательные экспедиции. В марте прошли выборы в Государственную думу при бойкоте социал-демократов и принесли поражение правительству и небывалую удачу конституционным демократам. Оставались сомнения, состоится ли вообще суд над Советом. Власти, во всяком случае, не торопились назвать

---

¹ В тюрьмах настолько ослабили дисциплину, что Роза Люксембург, едва успев выйти из варшавской тюрьмы, смогла тайно навестить Парвуся и Дейча в Петропавловской крепости. Кажется, в тот раз она не встречалась с Троцким.

точную дату. Позже начало слушаний было назначено на 12 июня 1906 года. Однако летом к царю вернулась уверенность, он отправил в отставку тяготевшего к либералам Витте, прекратил всякие разглашательства о создании конституционно-демократического кабинета министров, которое уже началось, распустил Думу и назначил премьер-министром Столыпина. Суд над Советом превратился в источник постоянных раздоров во власти; его откладывали и откладывали до конца сентября. Приверженцы неограниченного самодержавия намеревались использовать дело Совета для того, чтобы доказать царю подрывной характер нерешительной политики Витте. Псевдолибералы поторопились использовать суд с противоположной целью — показать, что интриги реакционеров погубили программу Октябрьского манифеста.

Тем временем заключенные тщательно готовились к защите. Сначала они разошлись во мнении по поводу того, какую линию поведения избрать на скамье подсудимых. От имени меньшевистского ЦК (который должен был вот-вот прекратить существование в качестве отдельного органа) Мартов написал арестованным письмо, в котором убеждал их отстаивать свою правоту сдержанно, основывая защиту на положениях Октябрьского манифеста и стараться показать суду, что Совет действовал в дозволенных манифестом рамках. В частности, Совет должен доказать несостоятельность обвинения в том, что он планировал вооруженное восстание. Троцкий с негодованием отверг доводы Мартова. Из тюремной камеры он через адвоката отправил свой ответ, выражая «величайшее недоумение»: «Ни один из привлеченных не стоит на этой почве. Программа манифеста 17 октября никогда не была программой Совета». Совет встретил царские посулы открытым провозглашением своей республиканской позиции. ЦК совершает «грубую политическую ошибку», когда советует подсудимым отречься от восстания. Перед судом они могут и будут отрицать лишь то, что участвовали в *технической* подготовке к бунту, но должны взять на себя ответственность за *политическую* подготовку.

Это письмо, написанное в спешке, пока дожидался адвокат, чтобы тайно пронести его на волю, было вспышкой гнева, резким ответом на оскорбление. Члены Совета, настаивал Троцкий, должны утверждать свои принципы, объяснять мотивы, провозглашать цели; они должны использовать скамью подсудимых не для собственного оправдания, а как политическую

трибуну¹. В этом Троцкого поддержал большевистский ЦК; возможно, поэтому — цитируя его старого товарища Зива, снова оказавшегося в одной тюрьме с Троцким, — «в его словах явно звучала горячая симпатия к близким ему по духу большевикам и с трудом скрываема антипатия к совершенно чуждым ему меньшевикам»². Однако Троцкий сумел убедить всех подсудимых вести себя так же смело, и все они подписались под его письмом к меньшевистскому ЦК. Единственный, кто диссонировал в общем хоре, был Хрусталеv, первый председатель Совета. На предварительном следствии он вел себя двусмысленно. Заключенные пригрозили публично заклеить его в суде как предателя. И все-таки, вопреки быломu соперничеству с Носарем-Хрусталеvым, Троцкий стремился избежать скандала, который снизил бы политический эффект суда. Он добился, чтобы Хрусталеv во время слушаний вел себя так же, как остальные, и пообещал ему, что тогда его не будут осуждать. Потом главные обвиняемые договорились о своих выступлениях в суде: Хрусталеv должен был говорить о работе Совета под его руководством, Сверчков — о последних днях Совета, Кнунианц должен был обрисовать позицию социал-демократической партии, Авксентьев — эсеров. Троцкому досталась самая рискованная тема — вооруженное восстание.

Покончив с подготовкой к суду, он отдался чтению и писанию. Даже предварительное следствие под началом генерала жандармерии Иванова не могло его отвлечь: он отказывался давать какие-либо показания под присягой, приберегая все, что имел сказать, для публичного слушания. «Тюремная камера Троцкого, — рассказывает Сверчков, — превратилась вскоре в какую-то библиотеку. Ему передавали решительно все сколько-нибудь заслуживающие внимания новые книги; он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой. «Я чувствую себя великолепно, — говорил он нам. — Сижу, работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать... Согласитесь, что в границах царской России это довольно необычное ощущение...»³ Зив рассказывает, с каким

---

¹ Письмо Троцкого к Мартову позднее, при аресте Мартова, попало в руки полиции и стало обвинительной уликой. Письмо опубликовано в: *Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 459—460; см. также: Там же. С. 338, 369.*

² *Зив Г.А. Указ. соч. С. 53.*

³ *Сверчков. На заре революции. С. 189.*

рвением Троцкий передавал книги и документы остальным заключенным и с какой неистощимой энергией он продолжал интеллектуально подстегивать их.

Незадолго до начала суда Троцкого сфотографировали в камере. На фотографии изображен привлекательный и ухоженный мужчина, весьма «интеллектуального» вида. Лицо выглядит несколько более правильным, чем в жизни, голову венчает пышная копна черных волос, на подбородке остроконечная борода. В нем чувствуется вдумчивая сосредоточенность и самообладание. Несмотря на спокойствие, его лицо как будто отражает внутреннее оживление, насыщенную игру чувств и настроений. Шапка волос, широкий лоб, приподнятые четкие брови, черное пенсне, подстриженные усы и выступающий подбородок придают лицу различные оттенки, подчеркивая его внутреннюю жизнь. Арестант, худощавый, среднего телосложения, одет в черное. Черный костюм, жесткий белый воротничок, белые манжеты, слегка выступающие из-под рукавов, и начищенные ботинки создают впечатление почти скрупулезной элегантности. Это мог быть портрет процветающего западноевропейского интеллектуала-декадента, собравшегося на званый вечер, а не революционера в камере Петропавловской крепости в ожидании суда. Только аскетизм голой стены и дверной глазок дают понять, кто на самом деле перед нами.

Большую часть времени Троцкий проводил за чтением классиков европейской литературы. «Лежа на тюремной койке, я упивался ими с таким же чувством физического наслаждения, с каким гурманы тянут тонкое вино или сосут благоуханную сигару... Тогда я впервые близко познакомился в подлиннике с вельможами французского романа»¹. Эта любовь к французскому роману, классическому и современному, останется с ним на всю жизнь. К тому времени он уже овладел французским и немецким и на обоих языках говорил очень хорошо, хотя по-немецки ему легче было говорить на экономические и политические темы, а французский он предпочитал как язык литературы. Он успел далеко отойти от дней, проведенных в тюрьмах Херсона и Одессы, когда юношей усердно грыз гранит марксистской теории. Он перестал быть учеником — он начал преподавать марксизм; и его освобожденный разум принялся блуждать по просторам европейской литературы.

---

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 216.

В тиши камеры он обдумывал уроки последних бурных месяцев и свои выводы излагал в статьях и брошюрах, одна из которых впоследствии приобретет огромное значение. Почти все его труды того периода повторены в «Сочинениях», кроме исследования о земельной ренте, потерянного и так и не увидевшего свет. «Это самая тяжкая для меня потеря», — говорит он в автобиографии. Трудно сказать, насколько оправданны его сожаления. Конечно, он разбирался в экономических вопросах, но, в отличие от Ленина или Бухарина, не стал видным теоретиком отвлеченной экономики, и есть определенные сомнения в том, что утерянное сочинение внесло бы оригинальный вклад в такую узкоспециальную тему, как марксистская концепция земельной ренты. Как бы то ни было, отдельные политические сочинения Троцкого, написанные в тюрьме, вероятно, имели большее значение и своеобразие, чем любая работа о земельной ренте. Из них мы можем исключить его брошюру «Господин Струве в политике», опубликованную под псевдонимом Н. Тахоцкий и завоевавшую большую популярность. Это было еще одно выступление против либерализма, острое и убедительное, но мало прибавившее к уже знакомому набору аргументов. Более значительной оказалась «История Совета Рабочих Депутатов», написанная несколькими авторами и отредактированная Троцким. Он задумал ее сразу же, как только за ним закрылись тюремные двери, и написал для нее главу, подводящую итог деятельности Совета:

«Городская Россия — слишком узкая база для такой борьбы... Борьба пролетариата во имя национальной задачи требовала классовой организации национального масштаба. Петербургский Совет был местной организацией. Но потребность в центральной организации была так велика, что он волей-неволей должен был брать на себя ее функции. Он делал в этом отношении что мог, но он все же оставался прежде всего Петербургским Советом Депутатов... Несомненно, что новый ближайший подъем революции приведет к повсеместному образованию рабочих советов. Всероссийский Рабочий Совет, организованный общегосударственным рабочим съездом, возьмет на себя руководство... История не повторяется, и новому Совету не придется снова проделывать события пятидесяти дней; но зато из этого периода он сможет целиком извлечь свою программу действий. Эта программа совершенно ясна. Революционная кооперация с армией, крестьянством и плебейскими низами городской буржуазии. Упразднение абсолютизма. Разрушение его материаль-

ной организации: отчасти расформирование, отчасти немедленный роспуск армии; уничтожение полицейско-бюрократического аппарата; 8-часовой рабочий день. Вооружение населения, прежде всего — пролетариата. Превращение советов в органы революционного городского самоуправления. Создание советов крестьянских депутатов (крестьянских комитетов) как органов аграрной революции на местах. Организация выборов в Учредительное Собрание... Такой план легче формулировать, чем выполнить. Но если революции суждена победа, пролетариат не может не пойти по пути этой программы. Он развернет революционную работу, какой не видел мир. История пятидесяти дней окажется бледной страницей в великой книге борьбы и победы пролетариата»¹.

Поистине мы видим перед собой программу действий 1917 года. Однако это всего лишь подготовительные очерки и наброски для главной работы Троцкого в тот период — «Итоги и перспективы — движущие силы революции». Этому фундаментальному изложению «троцкизма» суждено было на десятилетия стать предметом жесточайших споров². Троцкий писал «Итоги и перспективы» как заключительную главу книги «Наша революция», в которую вошло собрание статей и хроник 1905 года; в ней он дал полное, почти математически сжатое изложение теории «перманентной революции». Он проанализировал недавние ключевые события в перспективе извечных течений российской истории; а затем, обратившись к международной арене, определил место российской революции в мире и влияние мировых тенденций на нее. В рамках этой схемы он недвусмысленно противопоставил свою концепцию общепринятым взглядам тогдашних марксистов. Его работа совершенно по-новому сформулировала, если не радикально пересмотрела, перспективы социалистической революции, чего никто не делал со времен «Коммунистического манифеста», то есть с 1847 года. Хотя бы по одной этой причине она заслуживает относительно подробного разбора.

Как известно, основная масса марксистов считала российскую революцию 1905 года буржуазной по характеру и видела

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 1. С. 206.

² Краткое изложение и цитаты взяты из московской (март 1919 г.) перепечатки этой работы. У автора в варшавской библиотеке, потерянной во время Второй мировой войны, было оригинальное издание 1906 г. (теперь библиографическая редкость). Издание 1919 г. является достоверной перепечаткой оригинала с предисловием.

ее цели в свержении царизма и очищении страны от полуфеодалных пережитков. Утверждалось, что лишь по завершении этого этапа в России могло во всей полноте развиваться современное индустриально-капиталистическое общество; и только в капиталистическом обществе вместе с накоплением материальных благ и ростом и расширением производительных ресурсов страны к власти придет революционный социализм и удовлетворит уравнительные стремления масс. Марксисты считали само собой разумеющимся, что в старых капиталистических странах Запада почва для социальной революции уже подготовлена. Они ожидали победы социализма на Западе, в то время как на Востоке еще будут бушевать буржуазные революции. Эти аксиомы признавало большинство западноевропейских социалистов, а также российских социал-демократов, меньшевиков и большевиков. Разногласия между последними двумя фракциями сосредоточились на вопросе о том, какой общественный класс — буржуазия или пролетариат — сыграет ведущую роль в российской «буржуазной» революции.

Троцкий поставил под сомнение большую часть этих утверждений. Он соглашался с большевиками в том, что русская буржуазия не способна взять на себя руководство революцией и что эта роль по плечу промышленному рабочему классу. Но он шел дальше, утверждая, что рабочий класс в силу своего политического главенства в революции будет вынужден вывести российскую революцию из буржуазной фазы в социалистическую еще до того, как социалистические перевороты начнутся на Западе. Таков один из аспектов «перманентности» революции — невозможность удержать восстание в буржуазных рамках.

Почему России предназначено стать первопроходцем социализма? Почему средний класс русского общества не смог завершить революцию, как это произошло во Франции в XVIII столетии? Причина в своеобразии русской истории. В основе русского государства, полуазиатского-полуевропейского, находилось медленно развивавшееся, единообразное, примитивное общество. Это государство сформировалось не под влиянием импульсов, исходящих от самого русского общества, но под враждебным давлением сильных европейских держав. С самого возникновения, когда ему пришлось бороться против татарского ига, а затем опять против польско-литовского и шведского нашествий, государство требовало от своего народа высочайшего напряжения сил; оно поглощало непропорционально высокую долю ма-

териальных благ, производимых обществом. Поэтому оно затормозило и без того медленное формирование привилегированных классов и еще более медленный рост производительных сил. Тем не менее государство нуждалось в иерархической структуре и для этого было вынуждено поощрять социальную дифференциацию. Таким образом, самодержавие одновременно и сдерживало, и ускоряло развитие русского общества. Поэтому Милюков сказал, что, в отличие от Запада, где сословия создали государство, в России государство породило сословия. Троцкий назвал этот взгляд односторонним, ибо государственная власть не может по своей воле производить общественные группы и классы. Однако государственные усилия были столь велики, а русское общество столь инертно и вяло, что в России даже «капитализм кажется детищем государства». Государство, а не частная инициатива, заложило фундамент современной промышленности. Даже русская мысль и наука кажутся продуктом государства. В новые времена налоговый и военный протекционизм, как и финансовая помощь Европы, гарантировали самодержавию некоторую степень модернизации, которая только увеличивала его власть над обществом. Либералы считали революцию невозможной в силу громадного перевеса государства над обществом. Напротив, утверждал Троцкий, это сделало революцию неизбежной.

Под действием этих сил Россия вступила в XX век с чрезвычайно слабой городской буржуазией. Сам русский город возник лишь в последние десятилетия. При Петре Великом городские жители составляли всего 3 процента от всего населения. После Наполеоновских войн они составили 4,5 процента, и даже в конце XIX века не превысили 13 процентов. Старый русский город, в отличие от своего европейского аналога, был не средоточием торгово-промышленной жизни, а военно-административной единицей или крепостью (Москва была царской усадьбой). Русский город, подобно городам азиатских деспотий, ничего не производил и играл чисто потребительную роль. Низкий хозяйственный уровень города исключал возможность накопления или общественного разделения труда. Все это создавало и без того труднопреодолимые препятствия для роста цивилизации, возникшие вследствие сурового климата и огромных пространств России. «Когда во второй половине XIX века началось у нас широкое развитие капиталистической индустрии, оно застало не городское ремесло, а главным образом деревенское кустарничество». Парвус проникательно

указал, что это обстоятельство имело для революции неизмеримые последствия: Россия не обладала общественным классом, сравнимым с ядром городского населения — ремесленным слоем, который составлял преобладающее население самых революционных кварталов Парижа эпохи Великой революции. Четыре миллиона русских кустарей были разбросаны по сельской местности.

Даже возникновение современной промышленности не смогло заметно укрепить средний класс, ибо российская промышленность поощрялась в основном за счет иностранных займов. В западных странах буржуазия объединилась под знаменем либерализма. В России она главным образом интересовалась безопасностью капиталов, которую, казалось бы, наилучшим образом гарантирует «сильная», то есть абсолютистская, власть. Так, экономическая мощь государственных институтов, численная слабость средних классов, преобладание зарубежного капитала в промышленности, отсутствие буржуазных традиций — все эти факторы, соединившись, привели к тому, что русский буржуазный либерализм умер, не родившись. Однако хотя развитие промышленности и не вызвало значительного роста среднего класса, оно же вывело на первый план пролетариат. Чем больше отставала российская промышленность, тем легче она принимала самые передовые формы организации, которые в ином случае развивались бы медленно и тяжело. Те немногочисленные современные производства, которым обладала Россия, отличались более высокой концентрацией и более внушительными размерами, чем любое западноевропейское и даже американское предприятие. Следовательно, тем более концентрировалась политическая сила российского пролетариата, его способность к самоорганизации и сплоченным действиям.

Подобная расстановка общественных сил влекла за собой радикальные перемены в привычной революционной схеме. История европейских революций знает три вехи: 1789, 1848 и 1905 год. В 1789 году мощная и уверенная французская буржуазия возглавила борьбу с абсолютизмом. Это верно, что часто ее против воли двигали вперед якобинские плебеи, санкюлоты. Но они составляли бесформенную, неоднородную массу без какой-либо последовательной программы действий. Только случайно могла она противопоставить себя состоятельной буржуазии, которая после краткого промежутка робеспьеровской диктатуры вновь заняла господствующее положение. Там не нашлось современно-

го промышленного пролетариата, чтобы оспорить ее претензию на власть¹.

К 1848 году центр буржуазной революции переместился в Германию и Австрию. Но немецкий средний класс не имел ни силы, ни уверенности французского. Смелость, необходимая ему, чтобы подняться против абсолютизма, смешалась со страхом перед растущим пролетариатом. В 1848 году народные массы были уже не озлобленными и бессвязными низшими слоями среднего класса и примкнувшими к ним бедняками, но классом заводских рабочих, которые добивались политической независимости и противостояли не столько монархии, сколько самим работодателям. Однако рабочий класс, уже достаточно окрепший, чтобы напугать буржуазию, был еще слишком слаб и послушен, чтобы увлечь за собой нацию. Революция провалилась, поскольку не нашла достойных вождей: буржуазии уже, а пролетариату еще не хватало сил взять руководство на себя.

И наконец, в России 1905 года колесо сделало полный оборот. Революция получила лидера. Буржуазия по слабости и из страха перед пролетариатом не могла вести войну против самодержавия. Эта миссия выпала на долю промышленных рабочих, гораздо более многочисленных, чем их немецкие собратья в 1848 году, и жадно впитавших последние идеи европейского социализма.

Следовательно, продолжает Троцкий, в случае успеха революция закончится переходом власти к пролетариату. «Всякая политическая партия, заслуживающая этого имени, стремится овладеть правительственной властью и, таким образом, поставить государство на службу тому классу, интересы которого она выражает»². Однако, возражали меньшевики, в отсталой России, «не созревшей» для социализма, рабочие должны помочь буржуазии захватить власть. На это Троцкий смело ответил: «В стране экономически более отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой... Русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может... перейти в руки пролетариата прежде, чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений»³. Он отмахнулся от аргу-

---

¹ Много лет спустя Троцкий утверждал, что это убеждение, перенятое им у Маркса, преувеличивало революционные достоинства французской буржуазии даже в XVIII в.

² Троцкий Л. Итоги и перспективы. С. 34.

³ Там же. С. 34—35.

ментов, основанных на общепринятых марксистских цитатах о последовательных этапах буржуазной и социалистической революции: «Марксизм есть прежде всего метод анализа — не анализа текстов, а анализа социальных отношений».

Потом критики обвинят Троцкого в том, что он хочет заставить Россию «перепрыгнуть» через буржуазную стадию развития и защищает курс на противопоставление меньшинства большинству, то есть промышленных рабочих остальному народу. Троцкий постарался предвосхитить подобные возражения. Он не отрицал буржуазного характера русской революции, во всяком случае, в том смысле, что ее непосредственной задачей было освободить Россию от мертвого груза ее феодального прошлого, то есть совершить то, чего добилась английская и французская буржуазия. Но он утверждал — чем отличался от других социалистов, — что революция не остановится на этом. Свергнув феодальные институты, она сломает хребет капитализму и установит пролетарскую диктатуру. Он не исключил возможности создания правительственной коалиции социалистов и крестьянских представителей; но последним он предназначил роль младших партнеров. На свой вопрос: «Кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство?» — он отвечал: представители рабочего класса.

Значит ли это, что будет установлена диктатура меньшинства? Троцкий не сказал этого явно, но косвенно из его слов следовало, что совершат революцию действительно одни рабочие. Именно в городе нужно разрушить старый порядок, и именно в городе хозяином станет промышленный пролетариат. «Многие слои трудящейся массы, особенно в деревне, будут впервые вовлечены в революцию и получают политическую организацию лишь после того, как авангард революции, городской пролетариат, станет у государственного кормила»¹. Но даже если свержение старого порядка и захват власти придется на долю меньшинства, революция не сумеет выжить и сплотиться, если не получит искренней поддержки большинства, то есть крестьян. «*Пролетариат у власти предстанет пред крестьянством как класс-освободитель*»². Среди прочего, он санкционирует захват больших поместий крестьянами. Французские крестьяне возвели на трон Наполеона, «гарантировавшего новым собственникам си-

---

¹ Троцкий Л. Итоги и перспективы. С. 41.

² Там же. С. 42.

люю штыков неприкосновенность их земельных участков». По той же причине русский крестьянин поддержит пролетарское правительство. Таким образом, это правительство одновременно и будет, и не будет представлять власть большинства. Ядро нового правительства сформирует пролетарское меньшинство и сохранит инициативу по всем важнейшим вопросам. Но оно будет править в интересах и при добровольной поддержке подавляющего большинства.

Концепция Троцкого о месте крестьян в революции — в определенном смысле самая суть «троцкизма» — вызовет множество споров. На Троцкого посылаются избитые обвинения в том, что он «недооценивает» революционный потенциал русского крестьянства и отрицает возможность «союза» между крестьянством и пролетариатом. Однако его рассуждения не содержат никаких оснований для такого обвинения. Как мы видели, он особо подчеркнул, что «пролетариат у власти предстанет пред крестьянством как класс-освободитель». Заявив, что социалисты не просто экспроприируют угодья помещиков, но санкционируют захват их земли крестьянами, он пошел дальше, чем дотоле отваживалось пойти большинство российских социалистов. Меньшевики утверждали, что земли дворянства должны перейти под управление городского и районного самоуправления. Основная часть большевиков, в частности Ленин, пропагандировали, в общем смысле, национализацию, а не раздачу земли в частные руки¹. Если «союз» с крестьянством понимать так, как понимали его большевики в 1917 году и позднее, то Троцкий определенно выступал за него еще в 1906 году.

Однако верно, что он не считал крестьян, а также других мелких собственников и мелкую буржуазию вообще, независимой революционной силой. Он видел в них аморфную, рассеянную массу, с узкоместническими интересами, не способную на координированные действия в национальном масштабе. Судьба русского крестьянства была такова, что крестьянские восстания, даже в тех редких случаях, когда они добивались успеха, заканчивались возвышением новых династий угнетателей, либо их плоды эксплуатировались другими классами. В современном обществе крестьяне политически оказались даже в еще более беспомощ-

---

¹ Из известных большевистских лидеров только Сталин призывал в 1906 г. к тому, чтобы партия провозгласила своей целью раздел крупных земельных угодий между крестьянами (*Сталин И.* Сочинения. Т. 1. С. 214—235, 236—238).

ном положении, чем раньше: «История капитализма — это история подчинения деревни городу»¹. В городе существуют лишь два полюса независимой власти, действительной или потенциальной: крупная буржуазия, сконцентрировавшая в своих руках материальные богатства, и пролетариат, обладающий концентрированной способностью к производству богатств. Крестьяне, несмотря на свою подавляющую численность, вынуждены следовать либо за одними, либо за другими. На весах парламентских выборов голос одного крестьянина весит столько же, сколько весит голос одного рабочего. В революционной ситуации это равенство иллюзорно. Тысяча бастующих железнодорожников политически более эффективна, чем миллион рассеянных по стране крестьян. Роль современных общественных классов определяется не числом, но социальной функцией и удельным весом. Пролетариат должен получить поддержку крестьян — без этого он не удержит власти. Но единственный способ привлечь на свою сторону массу мелких сельских собственников — проявить энергию и решительность в борьбе за власть. Слабого влечет сильный.

Этот четко изложенный взгляд охарактеризовал радикальный отход от общепринятых в то время марксистских концепций, хотя и был вдохновлен трудами самого Маркса. (Отвлечение Троцкого к «анализу текстов» помешало ему забыть текст полезными цитатами.) Среди марксистов бытовало мнение, что рабочий класс не может и не должен пытаться захватить власть, прежде чем станет большинством народа. Также глубоко укоренилась иллюзия популярного социализма о том, что в современных странах промышленный рабочий класс постепенно перерастет в большинство, как это случилось в Англии². Это заблуждение Троцкий решительно отменил: революция, писал он, может победить задолго до того, как большинство населения превратится в пролетариат.

Оценка крестьянства, сделанная Троцким, не менее резко противостояла распространенному мнению. Меньшевики считали мелкого деревенского собственника опорой реакции. Они

---

¹ Троцкий Л. Итоги и перспективы. С. 43.

² В предисловии к собранию своих сочинений, написанном в 1946 г., Сталин утверждал, что в эпоху 1905 г. он соглашался с общепринятым среди марксистов тезисом о том, что одним из главных условий победы социалистической революции является принадлежность большинства населения к пролетариату. Следовательно, в тех странах, где пролетариат еще не стал большинством из-за недостаточного развития капитализма, победа социализма невозможна.

полагали надежды на коалицию рабочего класса и либеральной буржуазии. Ленин, напротив, рассчитывал на революционную энергию мужиков, но, в отличие от Троцкого, не делал преждевременных выводов относительно их потенциала. Он неспешно ждал, пока время покажет, сумеет ли крестьянство создать собственную революционную партию, с которой как с равным партнером придется иметь дело социалистам. В начале 1905 года, к удивлению Плеханова, Троцкого и Мартова, он с большим любопытством и чрезмерными надеждами обратил внимание на загадочную фигуру Гапона. Ему хотелось увидеть в сыне кизака, священнике, который вывел столичных рабочих к Зимнему дворцу и тем помог открыть шлюзы революции, предвестника независимого радикального крестьянского движения. Формула Ленина о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства казалась более объемлющей и осторожной, чем «пролетарская диктатура» Троцкого, и больше годилась для союза социалистов и революционеров-аграриев. В 1917 году события в России подтверждают прогнозы Троцкого. Однако в 20-х проблема встанет заново в связи с коммунистической политикой в Китае; и почти через полвека после того, как Троцкий сформулировал свои взгляды, она будет снова и снова вставать перед революциями в Азии, где отношения между городскими и сельскими элементами намного более сложны и расплывчаты, чем в России.

До сих пор мы говорили только о внутренних аспектах революции. По Троцкому, ее внутренние и внешние аспекты тесно связаны. Хотя крестьяне сами по себе не способны отеснить пролетариат и занять его место, надвигается конфликт между двумя классами, конфликт, в котором пролетариат может лишиться своего положения признанного лидера нации. До тех пор пока революция занята свержением помещичьей власти, все крестьяне будут на ее стороне. Но после этого «две главные черты пролетарской политики встретят противодействие со стороны его союзников: это коллективизм и интернационализм»¹. Таким образом, несмотря на исходную силу, новый режим покажет свою слабость сразу же, как только осуществит революцию и доведет ее, и в деревне, и в городе, от буржуазной до социалистической фазы. Тогда он будет вынужден искать спасения в международной революции. Промышленная бедность и отста-

---

¹ Троцкий Л. Итоги и перспективы. С. 46.

лость России в любом случае существенно затормозят построение социалистической экономики; и только с помощью социалистического Запада эти препятствия можно будет преодолеть и устранить. Наконец, враждебность консервативной Европы вынудит русскую революцию вынести борьбу за пределы России.

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру...

Это с самого начала придает развертывающимся событиям интернациональный характер и открывает величайшую перспективу: *политическое раскрепощение, руководимое рабочим классом России, поднимает руководителя на небывалую в истории высоту, передает в его руки колоссальные силы и средства и делает его инициатором мировой ликвидации капитализма.*

Если российский пролетариат, временно получивши в свои руки власть, не перенесет по собственной инициативе революцию на почву Европы, его вынудит к этому европейская феодально-буржуазная реакция.

Именно страх пред восстанием пролетариата заставляет буржуазные партии, вотирующие чудовищные суммы на военные расходы, торжественно манифестировать в пользу мира... мечтать об организации Соединенных Штатов Европы... Европейская война неизбежно означает европейскую революцию»¹.

Далее Троцкий осуждает «пропагандистский консерватизм» социалистических партий, который может помешать борьбе пролетариата за власть; и выражает надежду, что русская революция встряхнет международный социализм подобно тому, как события 1905 года воодушевили австрийский и прусский пролетариат на общую забастовку с требованием всеобщего избирательного права. «Восточная революция заражает западный пролетариат революционным идеализмом и рождает в нем желание заговорить с врагом «по-русски». Тему он заключает следующим образом:

«Российский пролетариат... встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организованной поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам рабочий класс России будет неизбеж-

---

¹ Троцкий Л. Итоги и перспективы. С. 71—77 (курсив Троцкого).

но раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе. Ту колоссальную государственно-политическую силу, которую даст ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. С государственной властью в руках, с контрреволюцией за спиной, с европейской реакцией перед собою, он бросит своим братьям во всем мире старый призывный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹

Направление мысли Троцкого предполагает, что он представлял европейскую революцию как единый и непрерывный процесс. Таким образом, к его прогнозам добавлялась роковая примесь иллюзии, во всяком случае, в том, что касается темпа революционного процесса в целом. Здесь Троцкий поддался убеждению, типичному для тогдашних европейских социалистов и авторитетно выраженному Карлом Каутским, интеллектуальным вдохновителем Интернационала, что европейская экономика и общество уже «созрели» для социализма. Однако даже в 1906 году Троцкий, несмотря на всю категорическую тональность его предсказаний, оказался достаточно осмотрителен и написал, что невозможно предугадать, каким образом революция перейдет из России в Европу, распространится ли она через Польшу в Германию и Австрию или повернет на восток, в азиатские страны.

Однако Троцкий ни на минуту не мог себе представить, что русская революция будет десятилетиями выживать в изоляции. Потому можно утверждать, как скажет Сталин двадцать лет спустя, что он «недооценил» внутренние ресурсы и жизнеспособность революционной России. Его ошибка в расчетах, столь очевидная в ретроспективе, не кажется удивительной, если вспомнить о том, что взгляды, выраженные Троцким в 1906 году, будут разделять все большевистские вожди, включая Сталина, в 1917—1924 годах. Просчет Троцкого задним числом приобрел такое значение, что сумел бросить тень на весь прогноз в целом. Действительно, Троцкий не предвидел десятилетнюю изоляцию революции, но кто, кроме него, вообще предвидел в 1906 году су-

---

¹ Троцкий Л. Итоги и перспективы. С. 80.

ществование Советской России? Больше того, сам Троцкий дал разгадку, откуда взялась эта ошибка, — дело в его оценке русского крестьянства. Политическая беспомощность и отсутствие независимости лучше всего объясняют, каким образом коллективистский режим удержался в стране, где крестьяне-единоличники составляли подавляющее большинство, а также каким образом удалось насильственно и сравнительно успешно навязать ей коллективизм.

Затем, как бы противореча собственному убеждению, Троцкий утверждает, что пролетарский режим потерпит поражение, как только мужики обратятся против него. Его заблуждение — если он заблуждался — тесно связано с концепцией революции в том виде, в каком он изложил ее в 1905—1906 годах. Троцкому не приходило в голову, что пролетарская партия в конечном итоге будет управлять огромной страной против воли народного большинства. Он не предвидел, что после революции народом продолжит править меньшинство. Эта возможность потенциально содержалась в его теории; но ее реальное осуществление все-таки представлялось ему, как практически и всем его современникам, несовместимым с социализмом. По существу, вопреки всему, что он писал о ленинском «якобинстве», он даже не представлял себе, что революция будет искать спасения от изоляции и слабости в тоталитаризме.

Если рассмотреть в целом направление его мысли, можно сказать, что едва ли когда-нибудь другой акт политического предвидения столь блестяще подтверждался, затем вызывал на себя бурю проклятий и снова в каком-то смысле подтверждался под натиском исторических катаклизмов. Это особенно верно в отношении той части, где он говорит об импульсе, который Россия даст мировой революции. События нескольких десятилетий представят пророчество Троцкого в новом свете. В 1917 году и потом среди обломков трона и грохота восстаний его слова сбывались со сверхъестественной точностью. Потом в Европе волна коммунистических настроений отхлынула назад; большевистская Россия закрылась в своем панцире, и Троцкий оказался опозоренным и осмеянным пророком совершенного абсурда. Но в отзвуках Второй мировой войны его голос как бы посмертно отразился в битве двух миров. Западу, как никогда, ясно представилось, что «политическое раскрепощение, руководимое рабочим классом России, поднимает руководителя на небывалую в истории высоту, передает в его руки колоссальные силы и средства и делает его

инициатором мировой ликвидации капитализма». Мы не в силах заглянуть в будущее и потому не будем задаваться вопросом, действительно ли и в какой мере в этом состоит истинное предназначение России. Также мы можем лишь намекнуть на разительное отличие предвидений Троцкого от их зримой материализации. Он чаял, что новый режим в России станет не хозяином, а зачинателем и вдохновителем международной революции, и видел «ликвидацию капитализма» за пределами России подлинным достижением рабочих классов Запада, а не побочным продуктом победного шествия российских армий.

Но как бы ни отклонился ход событий от пути, начертанного Троцким в 1904—1906 годах, середина века как бы опять доказала его правоту. Читаешь ли его откровения с ужасом или надеждой, видишь ли в нем вдохновенного провозвестника новой эпохи, превосходящей все, что знала история, свершениями и величием, или оракулом разрушения и бедствий, нельзя не восхищаться размахом и дерзостью его воображения. Он разведывал будущее как первооткрыватель, озирающий с горной вершины незнакомый бескрайний горизонт и указывающий на громадные, не нанесенные на карту дальние ориентиры. Верно, что со своего наблюдательного пункта он не мог воспринять все подробности лежащего внизу ландшафта: их скрывали клочья густого тумана, а расстояние и перспектива искажали вид, делая его не таким, каким он выглядит из долины. Пусть первооткрыватель не сумел определить точное направление главной дороги, а несколько отдельных вех слились в его глазах в одну, и, как ни прискорбно, он проглядел тот каменистый овраг, в который однажды провалится сам и погибнет. Но уникальная широта увиденного им горизонта компенсирует любые недостатки. В сравнении с картинами, которые Троцкий вообразил в тюремной камере, политические предсказания, сделанные самими прославленными и мудрыми его современниками, включая Ленина и Плеханова, кажутся несмелыми или нелепыми.

В «Итогах и перспективах» Троцкий достиг пика своего развития. За месяцы, проведенные в тюрьме, пока он обдумывал и переваривал недавний опыт, он совершил переход от юности к зрелости, переход такой же внезапный и резкий, какими были его скачки из детства в отрочество, а из отрочества во взрослую жизнь. До конца дней, будучи сначала вождем революции, основателем и главой Красной армии, главным вдохновителем нового Интернационала, а потом затравленным изгнанником, он будет отстаи-

вать и развивать идеи, кратко набросанные в 1906 году. Так же и Карл Маркс провел всю жизнь, делая новые выводы из идей, изложенных в «Коммунистическом манифесте», сжатой формулировке своего учения.

Работа Троцкого могла стать для российской социал-демократической партии тем, чем с 1848 года был «Коммунистический манифест» для европейского социализма, — величественной панорамой революции и волнующим призывом к действию. Однако она мало повлияла на общественное мнение, хотя и вызвала немало споров. Отчасти это произошло случайно, отчасти виной тому особое положение автора. Как только в 1906 году книга вышла в свет, полиция ее конфисковала. До читателей дошли несколько копий, не возбуждив большого интереса, хотя в тот самый момент, во время суда над Советом, автор пользовался большой известностью. В основном книга состояла из старых переизданных статей; и читатели, искавшие новых точек зрения, легко пропускали в ней одну новую и существенную главу. Можно считать установленным фактом, что, к примеру, Ленин не читал этой книги до 1919 года, хотя несколько раз пренебрежительно отзывался о ней на основании услышанных в чьем-то пересказе цитат. К тому времени, как книга попала к издателям, революция уже пошла на убыль. Из практических соображений социал-демократы скорее были склонны взвешивать шансы на успех реакционеров, чем обдумывать перспективы победоносной революции. Таким образом, «Итоги и перспективы» появились или слишком рано, или слишком поздно, чтобы произвести на общественность сильное впечатление. И наконец, ни одно из двух главных течений партии не желало отождествлять себя с дотоле неслышанным, звучащим как провокация пророчеством. Большевики оправились от радикальных настроений 1905 года, им не терпелось выйти из-под влияния Троцкого, и они посчитали очередной краткий очерк «троцкизма» пустым мечтанием. Большевики не желали уделять серьезное внимание каким бы то ни было революционным перспективам, вышедшим из-под пера меньшевистского представителя. Чужой среди своих, Троцкий был обречен на сравнительную бесплодность усилий именно тогда, когда мог быть наиболее полезен. Да и возраст тоже сыграл свою роль. Троцкий пользовался невероятной популярностью среди рядовых членов партии и беспартийных рабочих; но в глазах активных пропагандистов и организаторов, к которым Троцкий обращал свое учение, он был еще слишком молод, чтобы они приняли его как пророка.

Несмотря на молчание вокруг его книги, он уже полностью отдавал себе отчет в том, что занимает место среди творцов истории; и с этой мыслью 19 сентября 1906 года он вошел в зал суда.

Слушания проходили в сражениях и в пылу. Члены Совета предстали не перед военным трибуналом, как ожидалось, и потому тень смерти не витала над скамьей подсудимых. Но они готовились услышать приговор, который обречет их на долгие годы каторжных работ. Здание суда окружали толпы казаков и солдат. Огороженный участок вокруг суда, где объявили чрезвычайное положение, кишел жандармами с обнаженными саблями в руках. В зал допустили всего лишь сотню человек, в том числе родителей Троцкого. Защиту вели четыре десятка адвокатов. В течение нескольких недель 250 свидетелей самых разных занятий давали подробнейшие показания о деятельности Совета. С первого дня суд наполняли резолюции, подписанные десятками тысяч рабочих, протестующих против суда. «Мы, рабочие Обуховского завода, — говорилось в одном из типичных протестов, — заявляем, что Совет состоит не из кучки заговорщиков, а из истинных представителей всего петербургского пролетариата. Мы протестуем против произвола правительства над Советом... и заявляем правительству, что насколько виновен наш уважаемый всеми нами товарищ П.А. Злыднев, постольку же виновны и мы, что и удостоверяем своими подписями»¹.

Антимонархические чувства публики выразились в тысяче мелких происшествий. «На скамье подсудимых появляются непрерывно газеты, письма, конфеты и цветы. Цветы без конца! — в петлицах, в руках, на коленях, наконец, просто на скамьях. И председатель не решается устранить этот благоуханный беспорядок. В конце концов даже жандармские офицеры и судебные приставы, совершенно «деморализованные» общей атмосферой, начали передавать подсудимым цветы»². Однажды все подсудимые встали, дабы почтить память казненного до суда товарища. Адвокаты и публика тоже поднялись, а вслед за ними и смущенные офицеры жандармерии и полиции. Отзвуки революции все еще носились в воздухе.

«Мы решили принять участие в настоящем чрезвычайном процессе только потому, что полагаем необходимым... публично

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 2. С. 142—143.

² Там же. Кн. 2. С. 141.

объяснить правду о деятельности и значении Совета». Так Злыднев от имени всех товарищей заявил в первый день суда. Поведение подсудимых вызывало уважение, а иногда и невольное сочувствие, даже у врагов. Полиция обвинила некоторых членов Совета — Троцкого среди них не было — в том, что они присвоили собранные рабочими средства. Обвинение подняло такую бурю протестов на заводах и произвело такой взрыв в суде, что сам прокурор отверг его как клевету. Доказательства подавляющей народной поддержки объявленных Советом забастовок и демонстраций были столь убедительны, что противная сторона не смогла основать обвинение на этой деятельности Совета и вместо нее сосредоточилась на подготовке к восстанию¹.

Троцкий выступал по данному вопросу 4 октября. В основу выступления он положил речи Маркса и Лассаля, произнесенные в 1848 году в ответ на такие же обвинения, но на этот раз, возможно, Троцкий превзошел своих учителей. Он начал с того, что вопрос о восстании и установлении республики никогда не фигурировал в повестке дня, поэтому, строго говоря, обвинение безосновательно; но дело было в том, что позиция Совета считалась очевидной и не нуждалась в обсуждении. Троцкий сразу же взял быка — проблему политического насилия — за рога:

«Признавал ли Совет за собою право... применять в определенных случаях насилие, репрессию? На вопрос, поставленный в такой общей форме, я отвечаю: да!.. при условиях, созданных всеобщей политической стачкой, сущность которой заключается в том, что она парализует государственный механизм, — при этих условиях старая, давно пережившая себя власть, против которой политическая стачка именно и была направлена, оказывалась окончательно недееспособной; она совершенно не могла регулировать и охранять общественный порядок даже теми варварскими средствами, которые только и имелись в ее распоряжении. А между тем стачка выбросила из фабрик на улицы для общественно-политической жизни сотни тысяч рабочих. Кто мог руководить ими, кто мог вносить дисциплину в их ряды? Какой орган старой власти? Полиция? Жандармерия?.. Я спрашиваю

---

¹ Корреспондент газеты «The Times» утверждал: «Примечательной особенностью революционного собрания [октября 1905 г.] была его идеальная организация... С другой стороны, шествие «белых» представляло собой не более чем толпу мясников, лавочников, университетских педелей и отдельных энтузиастов» («The Times» от 1 ноября 1905 г.).

себя: кто? — и не нахожу ответа. Никто, кроме Совета Рабочих Депутатов»¹.

Совету ничего не оставалось, как начать выполнять функции своеобразного квазиправительства. Однако он избегал применения силы и предпочитал действовать убеждением. В качестве доказательств обвинители представили всего лишь несколько мелких, скорее комических, чем трагических, случаев насилия. Защита имела полное право утверждать, что Совет действовал в рамках, разрешенных Октябрьским манифестом, но предпочла честно заявить о его демократических республиканских убеждениях. Пусть суд решает, кому обещал свободу царский манифест: только монархистам или республиканцам и социалистам тоже. «Пусть манифест 17 октября скажет нам здесь устами судебного приговора: «Вы отрицали меня, но я существую для вас, как и для всей страны». Иначе обвиняемых осудят не за поступки, а за убеждения.

Затем Троцкий представил доводы в пользу того, что в определенных обстоятельствах восстание, незаконное, по мнению суда, неизбежно разовьется из всеобщей стачки, которую суд считал законной. В каком-то смысле восстание началось со стачки. Стачка парализовала существующее правительство и потребовала заменить его другим правительством. Возникло некое двоевластие. Обвинение якобы защищало установленный порядок от действий Совета. Однако этот порядок, насколько его выразил царский манифест, сам был продуктом всеобщей стачки — именно в ответ на октябрьскую стачку царь провозгласил манифест. Под старым порядком задрожала почва, как юридическая, так и реальная. По сути, одновременно существовали два правительства, и оба старались утвердиться, оба старались привлечь на свою сторону армию. «Понимали ли это петербургские рабочие? Да, они это понимали. Думал ли пролетариат, думал ли Совет Рабочих Депутатов, что дело неизбежно дойдет до открытого столкновения двух сторон? Да». И не только они — средние классы тоже осознали это и неоднократно демонстрировали сочувствие Совету. Именно старое правительство, а не Совет представляло анархию и кровопролитие. Именно порядок требовал свергнуть старое правительство, а свергнуть его могло только восстание.

Какова природа восстания, спрашивал Троцкий. В русском уголовном уложении, которому исполнилось сто лет, содержа-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Кн. 2. С. 163—164.

лось только понятие заговора против правительства, тайно замышлявшегося горсткой мятежников. Действительно, в былые времена существовала единственная форма бунта. Уголовное право не предусматривало народного восстания. Закон отстал от времени и не дал противной стороне даже формальных оснований обвинять Совет.

«И тем не менее, наша деятельность была революционной. И тем не менее, мы действительно готовились к вооруженному восстанию.

Восстание масс не делается, господа судьи, а совершается. Оно есть результат социальных отношений, а не продукт плана. Его нельзя создать, — его можно предвидеть. В силу причин, которые от нас зависят так же мало, как и от царизма, открытый конфликт стал неизбежен. Каждый день он все ближе и ближе надвигался на нас. Готовиться к нему для нас означало сделать все, что можно, чтобы свести к минимуму жертвы этого неизбежного конфликта».

Совет старался организовать массы и объяснить им значение событий. Он не подготавливал восстание; оно готовилось само. Это правда, что у масс не было оружия. «Как ни важно оружие, но не в оружии, господа судьи, главная сила. Нет, не в оружии! Не способность массы убивать, а ее великая готовность умирать — вот что, господа судьи, с нашей точки зрения, обеспечивает в конечном счете победу народному восстанию». Ибо только когда массы готовы умирать на баррикадах, они могут победить армию — опору старого режима. Сами по себе баррикады не играют в революции той же роли, которую играет крепость в обычной войне. В первую очередь на баррикадах происходит физическое и нравственное столкновение народа и армии. «Баррикада служила делу восстания тем, что, образуя временное препятствие для передвижений армии, она приводила ее в близкое соприкосновение с народом. Здесь, у баррикады, солдат слышал, может быть, впервые в своей жизни, честную человеческую речь, братский призыв, голос народной совести, — и вот в результате этого общения солдат и граждан, в атмосфере революционного энтузиазма, дисциплина распадалась».

Определив таким образом место восстания в революции, Троцкий вернулся к нападкам на правительство. Правители, сказал он, пытаются продлить свое господство погромами и убийством. Банды черносотенцев действуют по сигналу полиции и жандармерии, и сам царь покровительствует

им¹. Троицкий сослался на разоблачения, сделанные в первой Думе либералом князем Урусовым, который пересказывал хвастливые слова одного из жандармских генералов: «Мы можем устроить погром в любой подходящий момент, погром десятерым, если захотим, или десяти тысячам».

«Прокуратура всему этому не верит. Она не может этому верить, иначе ей пришлось бы направить жало обвинения против тех, кого она теперь защищает; ей пришлось бы признать, что русский гражданин, вооружающийся револьвером против полиции, действует в состоянии необходимой самообороны... Для нас стояло вне всякого сомнения, что за декоративными бандами хулиганов стоит властная рука правящей клики. Господа судьи, эту зловещую руку мы видим и сейчас.

Обвинительная власть приглашает вас, господа судьи, признать, что Совет Рабочих Депутатов вооружал рабочих непосредственно для борьбы против существующего «образа правления». Если меня категорически спросят: так ли это? — я отвечу: да! Да, я согласен принять это обвинение, но при одном условии. Я не знаю, примет ли это условие прокуратура и примет ли его суд.

Я спрошу: что понимает, наконец, обвинение под «образом правления»? Подлинно ли существует у нас какой-нибудь образ правления? Правительство давно уже сдвинулось с нации на свой военно-полицейско-черносотенный аппарат. То, что у нас есть, это не национальная власть, а автомат массовых убийств. Иначе я не могу определить той правительственной машины, которая режет на части живое тело нашей страны. И если мне скажут, что погромы, убийства, поджоги, насилия... если мне скажут, что все, происходившее в Твери, Ростове, Курске, Седлеце... если мне скажут, что Кишинев, Одесса, Белосток [места, где устраивались погромы] есть образ правления Российской империи, — тогда я признаю вместе с прокуратурой, что в октябре и ноябре мы прямо и непосредственно вооружались против образа правления Российской империи»².

---

¹ В программе черносотенцев говорилось:

1. Благо родины — в незыблемом сохранении православия, русского неограниченного самодержавия и народности.

2. Православной христианской церкви должно быть предоставлено первенствующее и господствующее в государстве положение.

3. Самодержавие русское создано народным разумом, благословлено церковью и оправдано историей; самодержавие наше в единении царя с народом.

² Троицкий А. Сочинения. Т. 2. Кн. 2. С. 163—177.

Так он стоял перед судьями и обращался к ним звенящим, металлическим голосом, бросая мимолетные взгляды на публику. Там, среди слушателей, сидели его родители; отец не сводил глаз с сына, гордый и полностью примиренный; мать тихонько плакала. Речь Троцкого так взволновала присутствующих, что защитник попросил сделать перерыв в заседании, чтобы все успокоились; и суд удовлетворил ходатайство. Во время перерыва адвокаты и публика столпились вокруг скамьи подсудимых, поздравляя Троцкого, а он пытался осторожно подготовить мать к тому, что ему вынесут суровое наказание, потому что почтительные волнения вокруг ее сына приободрили наивную старушку. Когда заседание возобновилось, главный обвинитель с удовольствием заявил, что подсудимый сам предоставил ему все необходимые улики, но также отдал дань уважения смелости и честности Троцкого.

Перекрестный допрос свидетелей стал настоящим разоблачением насилия и коррупции, в которой погрязли полиция и правительство. Троцкий задал вопрос жандармскому генералу Иванову, проводившему следствие, и под громкий смех присутствующих вынудил его сказать, что в главном управлении политической полиции у него украли портфель с документами. Генерал объяснил, что неблагоразумно даже на минутку оставлять там личные вещи без присмотра — их обязательно украдут. А 13 октября в зале суда, фигурально выражаясь, разорвалась бомба. Один из защитников получил сообщение от бывшего директора департамента полиции Лопухина, недавно уволенного со своего места, который просил позволения выступить в качестве свидетеля. Будучи человеком либеральных убеждений, Лопухин провел особое расследование в своем департаменте и рапорт о происходящих там темных делах подал Столыпину, новому министру внутренних дел, а копию рапорта направил в суд. Лопухин хотел дать показания о том, что за год до суда Петербург избежал кровавого погрома только благодаря действиям Совета. Он хотел засвидетельствовать, что листовки с призывом к погрому напечатаны жандармерией, в помещении губернского жандармского управления, глава которого только что под присягой заявлял о том, что в глаза их не видел. Дальше он рассказывал, что сами жандармы организовывали черносотенные банды, что генерал Трепов командовал этими бандами, что комендант императорского двора лично передавал царю доклады об их действиях. Защита просила вызвать для свидетельских показаний бывшего премьер-министра Витте, бывшего министра внутренних дел Дурново и Лопухина. Суд отказал в

вызове под предлогом того, что допрос свидетелей окончен. Разрешить бывшему начальнику полицейского департамента давать показания в пользу обвиняемых и впутывать в дело императорский двор значило навлечь на судей царский гнев. Но отказ вызвать свидетелей полностью разоблачил политический характер суда, да и многое другое. Подсудимые и адвокаты решили бойкотировать дальнейшие заседания.

2 ноября приговор оглашали в пустом зале. Членов Совета оправдали по главному пункту обвинения — о подготовке к восстанию. Но Троцкого и еще четырнадцать человек приговорили к пожизненной ссылке в Сибирь и лишению всех гражданских прав.

Осужденные, одетые в серые тюремные робы, тронулись в путь на рассвете 5 января 1907 года. Их держали в неведении относительно даты отправки и пункта назначения и разбудили почти сразу после того, как они легли спать, проведя всю ночь за «страстной игрой в шахматы». Однако перед отъездом им удалось тайком переписать на волю «прощальное письмо» к рабочим Петербурга, в котором осужденные благодарили за солидарность с Советом и выражали надежду на конечную победу революции.

Партию ссыльных, некоторых с женами и маленькими детьми, погнали на железнодорожный вокзал по темным пустым улицам под усиленным военным конвоем. Начальники боялись, что их попытаются освободить, и приняли тщательные меры предосторожности, вплоть до того, что военный конвой доставили из Москвы — солдаты Петербургского гарнизона считались ненадежными. На вокзальных путях вагон с осужденными окружал плотный кордон жандармов, и лишь через несколько дней им сказали, куда их везут. Но вообще к ним относились уважительно и внимательно. Солдаты открыто проявляли свою симпатию, так как все читали отчеты о суде, и с облегчением узнали, что будут сопровождать рабочих делегатов к месту не казни, а ссылки. По дороге солдаты тайно передавали заключенным почту, и благодаря этому у нас есть письма Троцкого к Седовой, в которых он красочно описывает путешествие.

Путь лежал из Петербурга через Вологду, Вятку и Пермь за Урал, в Тюмень, где партия сошла с поезда и сменились конвоиры. Оттуда ссыльные отправились на санях в Тобольск, на север.

Конвой из сорока конных саней двигался только с восхода до заката и покрывал не более двадцати верст за день. Из предосторожности конвой останавливался задолго до наступления сумерек, чтобы предотвратить любые попытки осужденных совершить побег. То и дело попадались поселения ссыльных, где обоз встречали революционными песнями и красными флагами. Впереди него бежали слухи и легенды, передаваемые сибирскими крестьянами: большая охрана, значит, везут важных шишек, опальных князей, или губернаторов, или депутатов первой распущенной Думы, и крестьяне взирали на них с почтением и страхом.

Проведя в пути больше трех недель, обоз достиг Тобольска, где ссыльных на несколько дней поместили в местную тюрьму. Там им сказали, что их везут в штрафную колонию в селе Обдорске, что лежит в горах у дельты реки Оби, за полярным кругом. До железной дороги почти полторы тысячи верст, до ближайшей почтовой станции с телеграфом — восемьсот. Путь из Тобольска в Обдорск вел на север вдоль Оби, через Самарово и Березов, по пустой, голой, скованной льдом и снегом тундре и тайге, где на сотни верст не было ни единого человеческого жилья, разве что редкие остяцкие юрты. На одном отрезке дороги еще можно было ехать на лошадях, но потом лошадей заменили олени. Здесь ссыльные резко осознали окончательный разрыв с цивилизацией. 29 января Троцкий написал жене из тобольской тюрьмы о том, как внезапно и остро его обуяла тоска по электрическим фонарям, звону трамвая и — что характерно — запаху только что отпечатанной газеты, самой пленительной в мире вещи.

До сих пор он еще не задумывался о побеге, хотя перед отъездом из Петербурга благоразумно припрятал фальшивый паспорт в подметке, а в высоких каблуках золотые червонцы. Во-первых, политические преступники решили пока не бежать, чтобы не навлекать неприятностей на конвойных. Во-вторых, Троцкий сомневался, не слишком ли это рискованно для него, ведь он столько времени пользовался вниманием общественности: беглый ссыльный при поимке автоматически приговаривался к трем годам каторжных работ. К тому же, написав Седовой о месте ссылки, он еще думал, что она приедет к нему с их маленьким сыном, родившимся, пока он дожидался суда в тюрьме. Он старался приободрить жену и написал ей, что в Обдорске здоровый климат, там живет тысяча людей и у него будет возможность заработать на

хлеб. Еще он упрашивал ее присылать ему в Обдорск книги и газеты, как можно больше книг и газет. В таком настроении, не без грусти готовясь к долгому ожиданию за полярным кругом, он отправился из Тобольска в Самарово и Березов, где конвой делал остановки.

Конвой несся во весь опор, стараясь побыстрее оставить за собой сплошь зараженные тифом районы, где остяки в своих юртах мерли как мухи. 12 февраля осужденных поместили в березовскую тюрьму, но разрешили днем выходить из камер и гулять по округе. В этот месяц в тундре бушевали снежные бураны, и полиция не думала, что кто-то попытается скрыться.

В Березове благоприятное стечение обстоятельств подтолкнуло Троцкого к тому, чтобы все-таки задуматься о побеге. Он познакомился со ссыльным врачом, который научил его, как симулировать ишиас, чтобы уклониться от дальнейшего пути и задержаться в местной больнице под нестрогим надзором. Симуляция требовала большой силы воли, но в случае успеха ишиас не поддается проверке. Если Троцкий поедет дальше и попытается сбежать из Обдорска, то ему придется преодолеть лишних 500 верст по ледяной пустыне, и потому он решил последовать совету доктора и остаться на несколько лишних дней в Березове. Там он нашел местного крестьянина, который согласился помочь. Троцкому пришлось выбирать один из трех путей: в некоторых отношениях дорога на Тобольск, по которой они ехали, была удобнее, но на ней его легче поймать; северный путь через Урал в Архангельск и Финляндию был и труден и опасен; и тогда он решил отправиться напрямик через тундру на юго-запад, через реку Сосьва, в горняцкий поселок на Урале — конечный пункт узкоколейки, смыкавшейся с пермской линией. Его крестьянский помощник нашел проводника, местного пьяницу-зырянина, который знал дорогу в тундре и говорил по-русски и на местных диалектах. Ударили по рукам. Проводник купил для путешествия оленей и шубы, которые должны были достаться ему в конце пути.

Незадолго до дня побега Троцкий сделал вид, что ему стало лучше. Вечером накануне побега он пошел на спектакль любительского театра, который давал чеховскую пьесу. В антракте он подошел к исправнику и сказал ему, что чувствует себя гораздо лучше и может в ближайшее время отправиться в Обдорск. Исправник был очень доволен. В полночь Троцкий, не без тревоги вверив себя в руки пьяного проводника, взял путь на юг.

У них ушла неделя — сани двигались круглые сутки, — чтобы пересечь тундру, где расстояний «никто не мерил, кроме архангела Михаила». Проводник, как зверь, инстинктивно чувствовал направление и тундру. Как большинство остяков и зырян, он постоянно напивался и засыпал, к ужасу пассажира, который смотрел, как сани зарываются в глубокие сугробы, и боялся погони. Сидя без еды, питья и сна, Троцкий то и дело пихал и толкал ямщика, даже срывал с него шапку, чтобы его прохватило морозом и выбило хмель. Когда случалось проезжать мимо остяцких кочевий, к счастью малочисленных и редких, ямщик останавливался и пропадал, а пассажир находил его либо за буйной попойкой с остяками, их женами и детьми, либо где-нибудь на полу без сознания. По дороге главный из трех оленей, вожак, захромал, остальные выбились из сил. Животных пришлось оставить и купить новых. Это случилось опять и опять, и Троцкому пришлось вместе с остяками охотиться за оленями.

Несмотря на неудобства и злость, он был счастлив, что не сидит на месте, и во все глаза смотрел на величественную красоту белой пустыни и уродливую убогость жизни в остяцких кочевьях. Большую часть времени он боролся со сном, а когда они останавливались на снежных пустошах, чтобы развести костер и вскипятить чаю из растопленного снега, он усаживался у огня и бегло записывал впечатления, которые затем войдут в книгу. Даже напряжение побега и ужас перед тундрой не могли унять в нем исследователя и литератора. Он делал заметки о ландшафте, о растительности, о разнообразии следов, оставленных на снегу волками, лисами, горностаями, лосями и другими животными, о своих разговорах с ямщиком, об обычаях и нравах местного населения (почитавшего за первейшее лакомство сырую рыбу, которую надо есть живьем, пока она еще трепыхается в руках), об униженном, рабском положении женщин, об охоте на оленей, о том, как ведут себя охотники и их добыча, и о тысяче прочих вещей.

По мере приближения к Уралу поселения попадались все чаще, и любопытство встречных людей начинало доставлять затруднения. Троцкий выдавал себя то за купца, то за инженера из полярной экспедиции на пути домой. Ему пришлось призвать на помощь всю свою находчивость, чтобы правдоподобно отговариваться, когда ему упорно предлагали товары на продажу и когда он натыкался на кого-то из тех, кто был знаком с членами полярной экспедиции, из которой Троцкий якобы возвра-

пился. Но все обошлось, и наконец он добрался до Богословска, конечного пункта узкоколейки.

Через сутки поезд унес его на запад от Перми, через Вятку и Вологду в Петербург. «В первые минуты, — вспоминал он позднее, — мне показалось тесно и душно в просторном и почти пустом вагоне. Я вышел на площадку, где дул ветер и было темно, и из груди моей непроизвольно вырвался громкий крик — радости и свободы!» Его обуревала такая радость, что он сделал все самое неразумное: поехал в Петербург, где его знала каждая полицейская собака, и дал жене телеграмму о приезде, попросив встретить его по пути. Седова не поверила своим глазам: когда пришла телеграмма, петербургские газеты все еще подробно описывали продвижение партии ссыльных руководителей Совета на север.

Глава 7

1907—1914 ГОДЫ: ВРЕМЯ УПАДКА

1907 год стал годом царского возмездия. После переворота 3 июня был полностью восстановлен режим самодержавия и началось столыпинское царство террора. II Думу распустили. Новый закон лишил избирательных прав основную часть народа; и только после этого прошли выборы в новую Думу. Депутатов II Думы от социал-демократических партий депортировали в Сибирь. Революционные партии были разгромлены, их клубы и газеты закрыты, с тысячами их членов зверски расправились. На политической сцене господствовали военные трибуналы и виселицы. Даже умеренные либералы, которые еще недавно надеялись договориться с царем, подвергались преследованиям и унижениям. Нас приглашали в должности, горько жаловался Милюков, пока считали, что за нами стоят силы красных; нас уважали до тех пор, пока считали революционерами; но так как мы оказались чисто конституционной партией, нас сочли бесполезными.

Социалистические веяния, недавно повсеместные, ослабели и сошли на нет. В 1905 году, казалось, все сочувствовали социализму, теперь же от него отреклись почти все. Тех, кто продолжал отстаивать социалистические убеждения, набралось бы не больше горстки, но даже и они поддались всеобщему чувству разочарования и замешательству. Социалисты снова отступили в подполье, из которого недавно вышли, полные надежд. Но насколько легче было им объединяться в нелегальные кружки до 1905 года, чем сейчас, с сокрушенными сердцами, опять браться за подпольную работу. Они словно очутились там же, с чего начинали, но без прежней веры и отваги. Кто-то не хотел продолжать борьбу в подполье, надеясь работать в открытую, в пределах, дозволенных установленным 3 июня режимом. Другие, презирая любые стара-

ния приспособиться к победившей контрреволюции, из подполья отчаянно пытались продолжить войну не на жизнь, а на смерть, и в большинстве своем бойкотировали те немногие общественно-политические институты, которые действовали открыто, но под дамокловым мечом. Первые — так называемые «ликвидаторы» — преобладали среди меньшевиков, хотя некоторые меньшевистские вожди, особенно Плеханов и Мартов, были убеждены в необходимости тайной организации. Вторые — «отзовисты» — удерживали сильные позиции среди большевиков, но им противостоял Ленин, который стремился сочетать тайную и открытую формы работы.

В реставрации самодержавия Троцкий видел лишь перерыв между двумя революциями. Он не меньше Ленина настаивал на том, что социал-демократическое движение должно восстановить свою подпольную организацию, а также призывал рабочих-подпольщиков «просачиваться» во все открытые учреждения, от Думы до профсоюзов, чтобы пропагандировать там свои взгляды. Поэтому он возражал как ликвидаторам, так и отзовистам, и упорно проводил в жизнь идею «перманентной революции» с необычными для тех гнетущих лет оптимизмом и пылом.

Тем не менее период между 1907-м и 1914 годами был для него беден политическими достижениями. «Работа моя за годы реакции, — писал он позднее, — состояла на добрую долю в истолковании революции 1905 г. и в теоретическом прокладывании путей для второй революции». Он действительно анализировал революцию 1905 года или, может быть, повторял прежнее толкование. Но новые теоретические исследования почти не встречаются в его сочинениях, которые принадлежат к блестящим образцам журналистики и литературной критики, но не включают в себя ни одной крупной работы по политическим вопросам. Однако в своих воспоминаниях о годах реакции Троцкий, слегка оправдываясь, не претендует на какие-либо практические заслуги на политическом поприще. За те же годы с помощью единомышленников Ленин выковал свою партию, и в ней все больший вес приобретали такие люди, как Зиновьев, Каменев, Бухарин и позднее Сталин, что и дало им возможность занять ведущее положение в партии в 1917 году. Период политического упадка практически ничего не добавил к тому статусу, который получил Троцкий в 1904–1906 годах.

Сталин еще до того, как начал осыпать Троцкого одной лишь абсурдной клеветой, сделал замечание, которое дает ключ к по-

ниманию этой главы. Сила Троцкого, сказал Сталин, обнаруживает себя, когда революция набирает скорость и наступает вперед; его слабость выходит на первый план, когда революция терпит поражение и должна отступить. В этом есть доля правды. Умственно и психологически Троцкий был так устроен, что напряжения и перегрузки происходящего в данный момент восстания служили для него сильнейшим стимулом, который заставлял его самым эффективным образом мобилизовать свои духовные ресурсы. На обширном поле действия, в сравнении с которым все остальное казалось крошечным, он поднимался на огромную высоту. Среди грохота и рева битвы его голос звучал в полную мощь, и, встречаясь лицом к лицу с бунтующими толпами, он впитывал их отчаяние и надежду и сообщал им собственный энтузиазм и веру; его личность подчиняла людей и до некоторой степени события. Когда же революция стихала, он чувствовал себя не в своей тарелке, и сила его убывала. Ему требовалось совершать геркулесовы подвиги, никак не меньше.

Вернувшись с севера, Троцкий остановился на несколько дней в Петербурге, и затем, прежде чем полиция напала на его след, переправился в Финляндию. На запад двинулся новый поток революционной эмиграции, и Финляндия была на их пути первой остановкой. Шеф хельсинкской полиции, патриот Финляндии, с радостью предоставлял убежище врагам русского царя. Туда уже успели прибыть Ленин и Мартов. Они сердечно встретили Троцкого и высоко оценили его поведение во время судебного процесса. Он пробыл в Финляндии несколько недель и подготовил для публикации рассказ о своем побеге из тундры. В конце апреля он приехал в Лондон на партийный съезд.

Во многих отношениях это было странное мероприятие. На нем присутствовало около 350 делегатов — почти в десять раз больше, чем в 1903 году, — и на нем партия в последний раз собралась как единая организация. Хотя делегаты встречались накануне столыпинского переворота, они толком не осознавали разгрома революции. Напротив, им все еще казалось, что партия находится в зените своей силы. Формально в ней состояло очень много членов, и не только большевиков и меньшевиков, но и представителей польских и латвийских партий, которые присоединились к русской партии-матушке, хотя до сих пор держались в стороне, не желая, чтобы их отождествляли с какой-либо из двух фракций.

Однако партия была так бедна, что ей пришлось занимать деньги у английского бизнесмена-либерала, чтобы съезд мог состояться.

Во время долгих и подробных дебатов, продолжавшихся три недели в лондонской церкви Братства, решались великие вопросы революции — вопросы экономических тенденций, равенства классов и исторических перспектив. Речи вождей длились часами, как на заседании академиков. Впервые Троцкий получил возможность изложить теорию «перманентной революции» перед столь значительным собранием. Он раскритиковал меньшевиков за желание объединиться с кадетами и выступал за союз рабочих и крестьян. Роза Люксембург, представлявшая польскую социал-демократическую партию, одобрила теорию «перманентной революции». Ленин дважды подчеркнул, что, выступая за рабоче-крестьянский союз, Троцкий стоит на общих основаниях с большевиками. Ленин опять надеялся переманить Троцкого на свою сторону и опять потерпел неудачу. В то время Троцкий старался держаться обособленно от обеих фракций и обе призывал к единству. «Выходит товарищ Мартов... — сказал он, — и грозит воздвигнуть между меньшевиками и большевиками марксистскую стену с грозными батареями в башнях... Товарищ Мартов! Вашу стену вы построите из вашей полемической литературы, другого материала у вас нет». В этом Троцкий конечно же ошибался: стена, разделившая две фракции, была сделана из куда более прочного материала, чем он думал, и Мартов с Лениным предвидели конечную непримиримость их политических методов. «Если вы думаете, — сказал далее Троцкий, — что раскол неизбежен, ждите, пока вас разведут события, а не резолюции. Не упреждайте их хода!»

У Троцкого в его отношении к обоим крыльям партии проскальзывало некое интеллектуальное высокомерие, так как он смотрел на них через призму своей теории «перманентной революции». И Ленин и Мартов придерживались того мнения, что русская революция будет лишь буржуазно-демократической по характеру; поэтому в его глазах оба ошибались, и, кстати сказать, взгляды обоих не выдержали испытания действительностью¹.

---

¹ Вскоре после съезда в «Przegląd Socjal-Demokratyczny» (польской газете Розы Люксембург) Троцкий писал, что в то время как антиреволюционные аспекты меньшевизма проявились уже полностью, антиреволюционные черты большевизма угрожают выйти на свет только в случае победы революции. Троцкий все же надеялся, что новая революция заставит обе фракции пересмотреть свои позиции и объединиться, как это случилось после событий 1905 г. (см.: Die russische Revolution 1905. С. 231).

Чисто теоретически он был прав, но чисто теоретическая точка зрения не обязательно является самой реалистичной. Каковы бы ни были формулировки, партия революции строилась под руководством Ленина, а потенциальная партия реформы — под руководством Мартова. Устремив взгляд в широкие дали, Троцкий не сумел разглядеть, как под самым его носом обе фракции все дальше отходили друг от друга. Собственная теория должна была заставить Троцкого сблизиться с большевиками, но узы личной дружбы и мертвый груз старых противоречий с Лениным притягивали его к меньшевикам.

На лондонском съезде новый вопрос вызвал обострение старых противоречий. Делегаты обсуждали в комитете партизанские действия и практику «экспроприаций», осуществляемых боевыми отрядами большевиков, особенно на Кавказе. Меньшевики гневно осудили их деятельность как отход к народническому терроризму, если не прямому бандитизму, и убеждали съезд, в большинстве поддерживавший Ленина, наложить на нее запрет. В ходе всего обсуждения позиция Ленина оставалась двойственной. По-видимому, он все еще собирался использовать боевые отряды для налетов на инкассаторские кареты казначейства с целью получения денежных средств, необходимых партии для работы в условиях реакционного террора. Весь съезд один неизвестный делегат с Кавказа, тесно связанный с боевыми отрядами, — по имени Джугашвили-Иванович (будущий Сталин), — сидел молча, ожидая, чем кончатся споры и что скажет Ленин. Протоколы съезда ничего не говорят об этой проблеме, доступны только отдельные воспоминания, написанные много лет спустя. Но нет сомнений, что Троцкий с Мартовым были среди тех, кто резко критиковал большевиков; и через некоторое время после съезда Троцкий дошел до того, что перенес критику на страницы западноевропейской социалистической прессы. Наверняка он давал выход возмущению в кулуарах съезда или комитета. Таким образом, то, что Ленин признал близость их основных позиций и возобновил попытки привлечь Троцкого на свою сторону, ни к чему не привело, и к концу съезда они уже обменивались едкими репликами. Троцкий по-прежнему голосовал то за меньшевиков, то за большевиков; но несколько раз он набрасывался на Ленина со злобой, которую никак не объясняют протоколы¹.

---

¹ Вскоре после съезда Ленин написал Максиму Горькому (который присутствовал на съезде и пытался помирить Ленина с Троцким), что Троцкий вел себя как позер (*Ленин В.И. Сочинения. Т. 34. С. 335*).

Спор о боевых отрядах заслонило обсуждение более глубоких проблем, касающихся характера движения в целом. Так называемые ликвидаторы пытались оправдать свое нежелание вести подпольную работу тем, что они стараются реформировать российский социализм в европейском духе. Европейские социалистические партии, заявляли они, работают открыто, так же должны поступать и российские организации. Они обращали свои доводы к чувствам, которые были сильны в любой партийной фракции, поскольку со времен борьбы против народников все марксисты видели свое назначение в «европеизации» российско-го социалистического движения. Но каждая фракция понимала этот термин по-своему. Ликвидаторы видели сущность европейского социализма в его демократических массовых организациях, открытой работе его растущего представительства в парламенте, мирных переговорах с профсоюзами: короче говоря, в реформаторской практике. Для большевиков «европеизация» означала то же, что вначале она означала для всей партии: пересадку на русскую почву марксистского пролетарского социализма — объединенного продукта немецкой философии, французского социализма и английской политэкономии. Но они не видели способов пойти дальше и перенять открытые и законные методы работы западных социалистов; русское полицейское государство, особенно при Столыпине, не давало даже либеральной партии существовать в открытую, не говоря уж о социалистической. Если социализм будет действовать только в рамках закона, продиктованного победившим самодержавием, то в конце концов разрушит сам себя.

Троцкий прославлял подпольную борьбу, ее героизм и мученичество, со всем присущим ему романтическим пылом. Но он так же охотно откликался и на призывы к европеизации. Он так и не сформулировал достаточно ясно, что он понимал под этим словом. Для Троцкого «европеизация» скорее являлась суммой эмоционального отношения и культурной позиции, а не четкой политической концепцией. Она в позитивной форме выражала его неприязнь к «сухости и жесткости» подпольной организации, какой ее представлял Ленин. Троцкий понимал, что при царизме планировать массовое и открытое рабочее движение означало строить воздушные замки. Но, стремясь взять лучшее из двух миров, он хотел увидеть, как дух западного социализма, дух демократии и терпимости, широко вливается в российское подполье. Он хотел, чтобы подпольная организация давала такой же простор

«самодеятельности» рядовых членов, какой предоставляют им западные рабочие партии. И все-таки любое тайное движение вынуждено работать в тесных и жестких рамках, в отличие от любой легальной партии. В самом деле, оно не может быть всеобщим, оно не может ослабить дисциплину, оно не может предоставить рядовым членам свободу инициативы и действий, которая существует, по правде или хотя бы видимости, в обычной партии. Ленин небезосновательно утверждал, что европеизировать российскую партию даже в том смысле, в каком хотел этого Троцкий, а не ликвидаторы, значило бы уничтожить партию.

У кого призыв к европеизации звучал естественнее, чем у Троцкого?! Троцкий больше любого другого эмигранта имел право зваться «европейцем». Большинство эмигрантов жили в замкнутых кружках, погруженные в российские дела, изолированные от окружающей жизни в странах проживания. Совсем не так было с Троцким. С приспособляемостью и восприимчивостью странствующего еврея — хотя ни в коем случае мы не хотим сказать, что это исключительно еврейские качества, — он чувствовал себя как дома в большинстве европейских стран, страстно отдавался местным делам, говорил и писал на местных языках и участвовал в местных рабочих движениях. По окончании съезда, летом 1907 года, Троцкий уехал из Лондона в Берлин, где его дождалась Седова с сыном. В Берлине его тепло встретила интеллектуальная элита немецких социалистов. Слава бежала впереди него: поведение Троцкого в Совете и на суде вызывало восхищение, его статьи переводились и публиковались в немецких газетах. Парвус, тоже сбежавший из Сибири, познакомил его с Карлом Каутским, который тогда находился в зените своего влияния, считался духовным светочем европейского социализма и столпом марксизма. Троцкий часто вспоминал экзальтацию этой встречи и «сверхъестественное впечатление», которое «седовласый и ясноглазый» Каутский произвел на него. Ему не могло прийти в голову, что однажды Каутский окажется самым суровым критиком Октябрьской революции и мишенью его собственных яростных нападок. Много лет Троцкий, подобно всем социалистам, смотрел на Каутского снизу вверх, хотя «сухой, прямолинейный» ум наставника, некоторая банальность и недостаток тонкости вскоре разочаровали ученика. Дом Каутского стал его берлинским приютом, где он участвовал в приятельских беседах в ближнем кругу «светоча». Там он познакомился со стариком Бебелем, пионером социализма, который не

спасовал перед Бисмарком и привел немецкий социализм через годы гонений к золотому, как казалось, веку. Там же он познакомился с Ледебуром, Гаазе и другими видными деятелями. Он превратил свои дружеские связи в политическое преимущество. В «Neue Zeit», ежемесячном журнале Каутского, и его же влиятельном социалистическом ежедневнике «Vorwärts» Троцкий выступал как представитель русского социализма и объяснял его внутренние противоречия со своей точки зрения¹. То, что он находился вне враждующих русских фракций, привлекало к нему немцев, которые не могли разобраться в сложных спорах российских социалистов и не желали ввязываться в них². Троцкий писал в недогматичной, увлекательной европейской манере и нравился немецким читателям, как ни один другой русский социалист. С другой стороны, его немецкие друзья время от времени писали статьи в его русской эмигрантской газете и помогали ей остаться на плаву — немецкая социал-демократическая партия по-прежнему была «матерью, учителем и живым примером» для всех российских социалистов.

Любопытно, что самые тесные связи Троцкий поддерживал не с радикальным крылом немецкого социализма во главе с Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом и Францем Мерингом, будущими основателями коммунистической партии, а с центристами, с виду приверженцами ортодоксального марксизма, которые, по существу, вели партию к сдаче перед империалистическими амбициями Гогенцоллернов. Это было тем более странно, что немецкие радикалы ни в коей мере не походили на большевиков. В самой сути их позиция совпадала с позицией Троцкого. Они тоже защищали единство партии, тоже представляли интеллектуальную и революционную ветвь марксизма, которая противостояла имперскому реформизму, исходившему от немецких профсоюзов. Из всех фигур европейского социализма ближе всех Троцкому по происхождению, темпераменту, политической и литературной одаренности была Роза Люксембург — Сталин имел некоторые основания в 1932 году посмертно объявить ее троцки-

---

¹ В письме единомышленникам Ленин однажды пожаловался, что «пишет Троцкий и к°, немцы верят. Вообще в «Vorwärts» Троцкий хозяин» (Ленин В.И. Сочинения. Т. 35. С. 11).

² Эту позицию занимали почти все европейские социалисты. Жорес, например, предупреждал сотрудников своей газеты «Humanité» в том, чтобы они не печатали ничего о русской партии или от нее, иначе газета утонет в бесконечном и мутном потоке заявлений оппозиционных фракций (Morizet A. Chez Lénine et Trotski. С. 101).

сткой. Они сошлись во взглядах на недавнем съезде в Лондоне и снова на конгрессе Интернационала в Штутгарте, где Люксембург выступала от антивоенного левого крыла. Подобно Троцкому, она отвергала общую меньшевистскую концепцию революции, но и на деятельность большевиков смотрела подозрительно. Подобно Троцкому, она хотела европеизировать российское движение, в то же время стараясь вдохнуть в немецкую партию немного русского революционного идеализма. Иногда они встречались в доме у Каутского, но держались отчужденно, может быть, из-за своего необычайного сходства. Они так близко сходились во мнениях, что им почти нечего было сказать друг другу. Страстный и искренний, но простодушный идеализм Карла Либкнехта не привлекал Троцкого, о чем Троцкий позднее сожалел. Франц Меринг, чей политический темперамент вспыхнет в Первую мировую войну, в то время с головой ушел в историко-философскую работу, довольно далекую от волновавших Троцкого вопросов.

В течение следующих семи лет, вплоть до начала Первой мировой войны, Троцкий жил в Вене. Его дом в Вене, пишет русско-американский социалист, навещавший его в австрийской столице в 1912 году, был домом бедняка, беднее, чем дома обычных рабочих. В трех комнатах на рабочей окраине скудной мебели не хватало для удобства. Он одевался слишком дешево, чтобы иметь вид «приличного» человека в глазах венского мещанина. «Зайдя к нему, я застал госпожу Троцкую за домашней работой, причем два милых светловолосых мальчугана старательно ей помогали. Единственное, что радовало глаз в их доме, это груды книг в каждом углу»¹. Возможно, у гостя сложилось несколько преувеличенное представление о бедности семьи. Троцкие жили лучше большинства эмигрантов, хотя и очень скромно, и порой, как будет сказано ниже, действительно нуждались. На протяжении этих лет Троцкий, вспомнив свой старый псевдоним Антид Ото, состоял венским корреспондентом «Киевской мысли», популярной радикально-либеральной ежедневной газеты, и часто печатался по крайней мере в дюжине русских, немецких и бельгийских газет². Его зажиточные родители, растившие двух дочерей от первого брака и несколько раз навещившие его

---

¹ См. библиографические примечания М. Ольгина в американском издании «Нашей революции» Троцкого. С. 18.

² Помимо «Киевской мысли», в те годы он время от времени писал в следующие газеты: «Луч», «День», «Одесские новости» (которую издавал его дядя Шпенцер), «Борьба», «Neue Zeit», «Vorwärts», «Le Peuple» (Брюссель).

ш границей, наверняка иногда помогали ему деньгами. Теми двумя мальчуганами, упомянутыми американским гостем, были Лев, или Лева, старший сын Троцкого от второго брака, родившийся в 1906 году, пока Троцкий находился в тюрьме, и Сергей (Сережа), родившийся в Вене в 1908 году.

Как ни посмотри, семья вела тихую и счастливую жизнь. Революционный лев оказался преданным мужем и заботливым отцом. Стараясь помочь жене и дать ей возможность развивать свои художественные наклонности и следить за политической жизнью русской колонии, он помогал ей вести домашние дела и воспитывать детей. Позднее, когда дети пошли в школу, он регулярно помогал им делать уроки и находил время для семьи даже в горячке военных лет, после переезда в Париж. Седова же продолжила в Вене художественное образование мужа, без особого успеха начатое в Париже в 1902 году. Чета проводила много времени среди богатых художественных собраний Бергшлоссе и венских галерей. Интерес Троцкого к живописи заметно вырос: во время частых поездок в Париж, Лондон или Мюнхен он участвовал с политических собраний в Лувр, галерею Тейт и другие музеи; и в его сочинениях этого периода, особенно обзорах ежегодных венских выставок, написанных для «Киевской мысли», видна не просто дилетантская оценка течений европейского искусства. Отдавая политике и журналистике лишь часть своего времени, он углубил свое и без того глубокое знакомство с французскими и русскими романами, а также немецкой поэзией, и это тоже отразилось в его литературных очерках.

Он поселился в Вене неохотно, после того как немецкая полиция отказала ему в виде на жительство в Берлине. Ему хотелось остаться на орбите немецкого социализма, а после Берлина Вена подходила для этого как нельзя лучше. Из Вены он наблюдал за столкновением немецких и славянских притязаний на Балканах. В конце правления Франца-Иосифа Вена, хотя уже с провинциальным налетом, по-прежнему оставалась одним из духовных центров Европы. В политике она гордилась австрийским марксизмом, который сломал неоспоримое господство клерикалов в самой католической из империй, в литературе — Артуром Шницлером, Петером Альтенбергом, Карлом Крауссом и другими, кто внес вклад в декадентство, сверхчувствительное, восприимчивое к вопросам секса и смерти. В живописи она сторонилась и академического консерватизма, и буржуазной вульгарности. У венской интеллигенции, в том числе ее радикальной части, не было недо-

статка в хорошем образовании и вкусе, хотя эти добродетели не сочетались ни с силой характера, ни с целеустремленностью. Может быть, только в психологии Вене удалось совершить в то время нечто эпохальное: в сфере психического начиналось господство грандиозных идей Фрейда. А в остальном имперский двор, парламент, редакции газет, социалистические митинги, литературные и художественные ассоциации и объединения — все отражалось в шуме и сплетнях уютных венских кафе, вечно наполненных неглупыми, остроумными и все же до странности бесполезными разговорами.

В «Моей жизни» Троцкий описывает эту обстановку с презрительной иронией. Однако его литературные труды того периода заставляют думать, что все-таки ему нравилось сдержанное возбуждение венской атмосферы. Он окупился в общественную жизнь, подружился с австрийскими социал-демократами, посещал их клубы и собрания, писал в местные социалистические газеты, интересовался местными литературными и художественными событиями и время от времени с удовольствием сживал в кафе. Через несколько лет, будучи уже лидером победившей революции и непримиримым врагом реформизма, он изобразил уничижительные портреты австрийских марксистских лидеров. Живя в Вене, он вовсе не нападал на них и охотно дружил с ними. Он сердечно восхищался Виктором Адлером, основателем партии, в чьем доме его встречали так же радостно, как и в берлинском доме Каутского, и для русских читателей он неоднократно писал о Викторе Адлере с симпатией и любовью. Он привязался к сыну Адлера Фрицу, мятежному юноше и любимцу партии, редактору газеты «Камф». Однажды Фриц убьет австрийского премьер-министра барона Штюргха, протестуя против мировой войны¹. Дружеские узы также связывали Троцкого с Рудольфом Гильфердингом, властителем дум австрийских марксистов. В то время, когда Троцкий устраивался на венской окраине, в Хюттельдорфе, Гильфердинг писал свой монументальный «Finanzkapital», фактически единственную после смерти Маркса честолюбивую попытку осовременить теорию «Капитала». (Работу Гильфердинга использовал Ленин, чтобы оправдать свою

---

¹ Во время войны Троцкий называл Фридриха Адлера своим идейным товарищем и другом (Троцкий Л. Сочинения. Т. 8. С. 33—36). В 1919 г. Троцкий и Ленин предложили кандидатуру Ф. Адлера на пост почетного секретаря 3-го Интернационала и были чрезвычайно разочарованы, когда он от них отвернулся. Позднее Ф. Адлер стал секретарем 2-го Интернационала.

революционную политику, а сам автор стал министром финансов Веймарской республики.) Именно Гильфердинг представил Троцкого Карлу Реннеру, будущему канцлеру и президенту австрийской республики, Отто Бауэру, выдающемуся теоретику австрийского марксизма, эксперту по национальным меньшинствам и будущему министру иностранных дел, и почти всем остальным лидерам австрийского марксизма. «Это были очень образованные люди, которые в разных областях знали больше меня. Я с живейшим, можно бы сказать почтительным, вниманием слушал их первую беседу в кафе «Централь»¹.

Но тогда же Троцкий начал осознавать разницу между своим и австрийским марксизмом. Его австрийские товарищи были академичными, чересчур изолированными и бесхарактерными скептиками, и Троцкий чувствовал, что они воспринимают его революционный пыл с вежливо скрываемой снисходительностью. За мыслителями и вождями ему виделись «молодые австрийские политики, которые вступают в партию с твердым убеждением, что приблизительное знакомство с римским правом дает человеку неотъемлемое право руководить судьбами рабочего класса»². Но ему казалось, что в критический миг отважный дух социализма преодолет скептицизм вождей и оппортунизм партийных чиновников, и революция, когда она наступит, увлечет за собой и австрийских марксистов, и меньшевиков. Как видно, он принимал своих друзей за революционеров, а они предпочитали думать, что в глубине души он умеренный реформист³.

При дружеской поддержке Троцкий часто выступал на съездах немецких и австрийских партий как рупор русского социализма. Он стал заметной фигурой на собраниях Интернационала, где познакомился с его зачинателями: Жоресом и Гедом, Кейром Гарди и Макдональдом, Вандервельде и Турати. Его заворожила личность Жореса, как и, несмотря на реформистские взгляды основоположника, «гениальная наивность его энтузиазма», «вулканическая нравственная страсть» и «талант сосредоточенного гнева», а также ораторский гений Жореса, более классический,

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 237.

² Троцкий Л. Сочинения. Т. 8. С. 12—13.

³ Забавную иллюстрацию дает следующий случай: в конце 1917 г., отговариваясь в Брест-Литовск на мирные переговоры с Троцким, австрийский министр иностранных дел граф Чернин побеседовал с Виктором Адлером. «В Вене Адлер сказал мне: «Вы обязательно договоритесь с Троцким», а когда я спросил, почему он так считает, он ответил: «Ну, понимаете, мы-то с вами неплохо уживаемся» (Czernin O. In the World War. С. 234).

менее летящий, чем дар самого Троцкого, и, однако же, родственный ему. На этих собраниях, куда сходились все таланты европейского социализма, Троцкий сравнивал разные стили красноречия, отмечая, например, «изысканную законченность стиля и такую же законченность жеста» у Вандервельде, которого он позднее высмеет как посредственность, или анализируя ораторские способности Виктора Адлера, у которого «хороший внутренний голос, но не сильный, и притом голосом своим Адлер не владеет: неэкономно расточает его и под конец речи хрипит и кашляет». Но именно Жореса он слушал «на парижских народных собраниях, на международных конгрессах, в комиссиях конгрессов». «И всегда я слушал его как бы в первый раз». Он будто «обрушивал скалы, гремел, потрясал, но никогда не оглушал самого себя. Так тысячепудовый паровой молот может стереть в порошок каменную глыбу и может на десятую часть миллиметра утончить золотую пластинку»¹. А один раз, рисуя портрет великого француза, он сделал характерное замечание: «Правда, иной русский черноземный человек и у Жореса открывает лишь искусную техническую выучку и псевдоклассическую декламацию. Но в этой оценке сказывается только бедность нашей отечественной культуры».

Чем больше он погружался в атмосферу предвоенной Европы, тем больше угнетало его ощущение «бедности и грубости» русской культуры и тем упорнее он настаивал на том, что социализм, и только социализм, должен превратить дикого скифа в «добротного европейца». Лучше всего он выразил эту мысль со всей ее силой и слабостью в великолепном эссе о русской интеллигенции, написанном для «Киевской мысли» в 1912 году. Редактор долго колебался, прежде чем опубликовать его: даже радикальной газете статья казалась очень обидной для русского самолюбия. Поводом для статьи стала известная книга Ивана Разумника, превозносившая исключительные достоинства и историческую роль российской интеллигенции. Критикуя книгу Разумника, Троцкий развил некоторые сформулированные им раньше взгляды на русскую историю и попытался объяснить своеобразную роль русской интеллигенции в широкой исторической перспективе.

«Мы всесторонне бедны, — писал он, — накопленной тысячелетней бедностью... История вытряхнула нас из своего рукава в суровых условиях и рассеяла тонким слоем по большой равни-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 8. С. 13, 19, 30—31.

ис». Только государственный левиафан был способен защитить эту равнину от азиатского нашествия и выстоять под давлением богатой и могущественной Европы. Стараясь прокормиться, левиафан иссушил источники питания нации, замедлил развитие общественных классов и институтов и атрофировал цивилизацию. «Гнет дворянства и клерикализма русский народ чувствовал на себе никак не менее тяжело, чем народы Запада. Но того сложного и законченного быта, который вырастал в Европе на основе сословного господства, готических кружков феодализма, этого у нас не вышло, ибо не хватило жизненных материалов — просто не по карману пришлось. Мы — нация бедная. Тысячу лет жили в низеньком бревенчатом здании, где щели мохом законопачены, — ко двору ли тут мечтать о стрельчатых арках и готических вышках?»

«Какое жалкое, — продолжал он, — историей обделенное дворянство наше! Где его замки? Где его турниры? Крестовые походы, оруженосцы, менестрели, пажи? Любовь рыцарская?» Русское дворянство было грубым, варварским, вульгарным. К тому же Россия не прошла через очистительный опыт реформации и потому не имела понятия о западной «бюргерски-человеческой личности, стремившейся к установлению более интимных отношений между собою и своим богом». В средневековом европейском городе, этой «каменной колыбели третьего сословия», выросло поразительное множество культурных типов и подготовилась целая новая эпоха. «В цехах, гильдиях, муниципалитетах, университетах с их собраниями, избраниями, процессиями, празднествами, диспутами сложились драгоценные навыки самоуправления и выросла человеческая личность, — конечно, буржуазная, но личность, а не морда, на которой любой будочник мог горох молотить». Все, что было нужно сделать третьему сословию, это зародившиеся в нем новые отношения и обычаи самоуправления перенести из корпораций на страну и государство в целом. В отличие от европейских русские города — «какие-то военно-дворянские наросты на теле всероссийской деревни» — не создали отправной точки для буржуазного развития. «Цехи были у нас при Петре насаждены полицейским путем, но из полицейских цехов не выросло ремесленно-городской культуры». Скудость буржуазно-демократических традиций дополнила примитивность традиций сословных.

Однако государство нуждалось в интеллигенции, образованной и потому европеизированной, но боялось ее: «Сперва дает ей насильственную выучку, а затем держит над ее головой высоко

занесенный арапник». «Оттого те молодые элементы старых сословий, которые переставали жить одной растительной жизнью и вступали в солнечную зону европейской идеологии, так неотразимо и почти без внутренней борьбы отрывались от сословности и наследственного «благоверия». Русская интеллигенция была вынуждена защищать свои элементарнейшие права самыми крайними и расточительными средствами. «Вбивать часами гвозди в стенку стало как бы историческим призванием русской интеллигенции... Чтоб жениться не по тятенькину приказу, нужно было стать материалистом и дарвинистом»; чтоб объяснить желание учиться, нужно было стать революционером, а «чтоб бороться за конституцию, интеллигенции понадобился идеал социализма». Несмотря на весь свой радикализм, русская интеллигенция просто подражала Западу, перенимая у него готовые системы, учения и программы. В отрывке, посвященном русской мысли и литературе XIX века, Троцкий несправедливо отмахнулся от них, как от зарослей тины в пруду: «История нашей общественной мысли до сих пор даже клинышком не врезывалась в историю мысли общечеловеческой. Это мало утешительно для национального самолюбия? Но во-первых, историческая правда не фрейлина при национальном самолюбии... Будем лучше наше национальное самолюбие полагать в будущем, а не в прошлом».

Ведя тяжелую борьбу, русские интеллигенты стояли в народе одиноко, не получая поддержки от основных общественных классов. Так сформировался их характер. Они «жили и держались... страшным нравственным напряжением, сосредоточенным аскетизмом». Они покупали нравственную уверенность и устойчивость только ценою идейного «фанатизма, беспощадного самоограничения и самоотмежевания, мнительности и подозрительности, недреманного блюдения своей чистоты», то есть ценою мятежного православия, противопоставленного официальному. Таким образом в них развилась та «ревность о букве, которая наблюдается подчас у наших интеллигентов самого крайнего лагеря». Интеллигенции не повезло в том, что ей всегда приходилось действовать от имени неразвитых и пассивных социальных сил. Здесь Троцкий показал в исторической перспективе тот феномен «заместительства», о котором впервые заговорил, полемизируя с Лениным в 1904 году. Теперь он изобразил, как «заместительство» интеллигенции красной нитью проходит через всю российскую историю. Сначала вожди декабрьского восстания 1825 года представляли идеи еще не рожденного

среднего класса. Потом народники пытались говорить от имени немого и тупого крестьянства. Наконец, марксистские интеллектуалы заявили о себе как о представителях слабого, только пробуждающегося промышленного пролетариата. Для всех них классовая идея была важнее самого класса. Этот мрачный ряд умозаключений Троцкий завершил выражением надежды, сказав, что революция 1905–1906 годов привела в движение массы рабочих и отныне никто не сможет действовать от их имени: заместительству пришел конец.

Позднее мы увидим, насколько оправдан был этот оптимистический вывод: «заместительство» вновь и с беспрецедентной силой утвердилось в стране после революции, а классовая идея на долгое время стала куда важнее самого класса. Также после революции повсеместно проявится еще несколько давних тенденций российской истории, которые с таким мастерством описал Троцкий. На данном этапе нашего повествования нам следует обратить внимание на саморазоблачительную остроту, с которой Троцкий противопоставляет «солнечную зону европейской идеологии», «стрельчатые арки» и «готические вышки и кружева» западной цивилизации варварским «бревенчатым избам» русской истории. Этот контраст в большой степени преувеличен, но не в исторической перспективе, где он в широком смысле верен, но в его завершающей, современной части. Кружевной фасад европейской цивилизации до 1914 года скрывал процессы самоуничтожения и внутреннего разложения, которые немного погодя проявились в мировых войнах, пароксизмах фашизма и нацизма, беспомощности и вырождении западноевропейского рабочего движения. С другой стороны, Троцкий не отдал должного творческой энергии, которая бурлила в России в XIX и XX веках, энергии, переполнявшей его собственную личность и поступки. Порой он будто бы видел пустоту и в прошлом, и в настоящем России. В этом крылась слабость его призывов к европеизации, а также уязвимость его позиции в отношении большевизма. Сила Ленина состояла в том, что, берясь менять российскую действительность, он принимал ее такой, какова она была. Партия Ленина корнями уходила глубоко в российскую почву, она впитала все, что эта почва могла дать, и революционную силу, и суровость, и потрясшую мир отвагу, и примитивную неразвитость. У большевизма были мыслители — Ленин, Бухарин и другие, — которые брали из европейского социализма все, что можно было пересадить на российскую землю; но в нем были и крепкие парни, Сталины, работав-

шие в недрах полуевропейского-полуазиатского пролетариата, и для них европеизация не значила ничего.

Троцкий не мог покинуть и не покинул скромное «бревенчатое здание» России. В октябре 1908 года он стал редактором так называемой венской «Правды». Эта малоизвестная газета издавалась с 1905 года «Шпилькой», небольшой украинской группой меньшевиков, и совершенно выдохлась к тому времени, как издатели предложили ее Троцкому в надежде, что он вдохнет в нее новую жизнь. Первые несколько выпусков под его руководством еще несли отпечаток украинской группы, но в конце 1908 года группа самораспустилась и оставила Троцкого полноправным хозяином газеты. Из-за недостатка средств он печатал ее очень нерегулярно — в первый год его редакторства вышло всего только пять номеров¹. Но издавать газету было легче, чем тайно переправлять ее в Россию. Редактор часто обращался к читателям за помощью, жалуясь, что несколько пудов бумаги застряли на русской границе и их никак нельзя переправить, потому что не хватает пятидесяти рублей; что у него на столе скопились пачки рукописей к новому выпуску, а он не может отправить их в типографию, или что «Правда» вынуждена прекратить переписку с читателями в России, потому что не может позволить себе почтовых расходов. Журналистские доходы Троцкого от других газет шли на финансирование «Правды». «Жена хорошо знала дорогу в ломбард, а я не раз распродал букинистам книги, купленные в более обильные дни», чтобы несколько пудов «Правды» наконец смогли переправиться через границу. Или Центральный комитет мощной немецкой социал-демократической партии давал редактору займы тысячу рублей, и тогда он расплачивался с некоторыми кредиторами, госпожа Троцкая возвращала из ломбарда кое-какие вещи, а «Правда» на пару месяцев получала возможность регулярно выходить каждые две недели. Потом промежутки между выпусками вновь начинали удлиняться, две недели превращались в месяц, потом в три месяца, пока, наконец, шаткое финансовое положение газеты временно не восстанавливала какая-нибудь

---

¹ В то время такая участь постигала все эмигрантские публикации, большинство из них выходили даже еще реже (*Понов Н. Outline History of the CPSU. Т. 1. С. 233*). Говоря о «Правде» Троцкого, обычно называют ее венской, чтобы не путать с большевистской «Правдой», которая стала выходить намного позже. Венская «Правда» сначала выходила во Львове, в австрийской Галиции, и только в ноябре 1909 г. переехала в Вену, начиная с 6-го выпуска.

скромная субсидия латышских социалистов или других доброжелателей. Весь 1909 год Троцкий напрасно добивался помощи от Центрального комитета русских социалистов, где большинство составляли большевики. Ленин соглашался помочь, но только на том условии, что Троцкий сделает соредактором посланца от ЦК. Поскольку Троцкий не желал принимать его условие, Ленин запретил своим сторонникам печатать «Правду» в женевской типографии большевиков, кроме как на чисто коммерческих основаниях. Несмотря на трудности и нерегулярность выпусков, газета нашла в России отклик, и вскоре секретные агенты охраны рапортовали о ее широком распространении.

В «Правде» работала любопытная плеяда авторов. Секретарем редакции состоял молодой студент Скобелев, в то время любимый ученик Троцкого, — позднее Скобелев получил известность как депутат от меньшевиков в IV Думе, а в 1917 году стал министром труда в правительстве Керенского. Помощником Троцкого был Семковский, тоже меньшевик; его имя в тот период часто мелькало во внутренних партийных спорах. Рязанов, будущий основатель Института Маркса—Энгельса, неукротимый бунтовщик, не склонявшийся ни перед одним авторитетом и не принадлежавший ни к одной из фракций, регулярно писал в «Правду» и близко дружил с Троцким. За связь газеты с русским подпольем отвечал Урицкий, бывший меньшевик, уже прославившийся своей хладнокровной отвагой в царских тюрьмах. В 1917 году Урицкий будет среди главных организаторов Октябрьского восстания, а потом в качестве комиссара по особым поручениям распустит Учредительное собрание. Еще в редакцию входил меньшевик Виктор Копп, который позднее станет известен как тонкий и находчивый дипломат: в 1922 году он стоял за подготовкой русско-немецкого договора в Рапалло, а в 1930-х занимался тайным выяснением для Сталина возможности заключения договора с Гитлером.

Самой оригинальной личностью в этой плеяде был Адольф Иоффе. Молодой, способный, но нервный интеллеktуал из каримов¹, Иоффе делил свое время между научными изысканиями, работой в «Правде» и психоанализом. Через Иоффе Троцкий познакомился с Альфредом Адлером (Иоффе был его пациентом), заинтересовался психоанализом и пришел к выводу, что у Мар-

---

¹ К а р и м ы — еврейская секта. Возникла в Средние века как оппозиция таалмудизму, желая вернуться к чистому учению.

кса и Фрейда больше общего, чем признают марксисты¹. В Вене Иоффе отчаянно боролся с периодическими нервными срывами, и его статьи, требовавшие от него мучительных усилий, нуждались в тщательной редакторской правке. Троцкий из всех сил старался дружески помочь ему и поддерживать его уверенность в себе. В 1917 году Иоффе будет одним из главных действующих лиц в Октябрьском восстании, а позднее примет участие в мирных переговорах в Брест-Литовске. (В личных бумагах Троцкий заметил, что революция лучше всякого психоанализа лечила Иоффе от любых комплексов.) Иоффе платил Троцкому за дружбу безграничной преданностью, а в 1927 году совершил самоубийство в знак протеста против исключения Троцкого из партии большевиков.

В целом «Правду» нельзя назвать самым успешным журналистским начинанием Троцкого. С ее страниц он обращался не к политически грамотным партийцам, а к «простым рабочим», и хотел «служить» своим читателям, а не «руководить» ими. Простой язык «Правды» и ее последовательные выступления в защиту партийного единства гарантировали ей определенную популярность, но не долговременное политическое влияние. Как правило, публицисты, выступающие от имени фракции или группы, участвуют в относительно сложных дискуссиях и обращаются скорее к передовым и средним слоям своего движения, чем к рядовым членам. С другой стороны, те, кто, как Троцкий, утверждает, что, вопреки любым разногласиям, партия должна объединить свои ряды, отстаивают понятное дело, которое легко объяснить, и к ним обязательно прислушаются. Но чаще всего такая аргументация поверхностна. Ее оппоненты, привлекающие сторонников более изощренными доводами, в конце концов наверняка добьются и того, что их услышат рядовые члены и донесут их доводы в упрощенной форме до самых простых людей. Призывы Троцкого к солидарности всех социалистов на тот момент одобряли многие — даже большевики в Петербурге перепечатывали правдинские статьи. Но те же, кто аплодировал этим призывам, в конечном итоге пренебрегали ими, продолжали держаться своей фракции и бросали проповедника единства в одиночестве. К тому же в популистской позиции Троцкого, в том, как он вел подчеркнуто простой разговор, в его намерении

---

¹ После революции Троцкий обратился к большевистским ученым с призывом сохранять объективность в подходе к тому новому, что раскрыл Фрейд (Троцкий Л. Сочинения. Т. 21. С. 423—432).

«служить, а не руководить» была явная примесь демагогии, ибо политик, тем более революционный, лучше всего служит народу тем, что им руководит.

В словах Троцкого отчетливее, чем у любого другого, звучало общее для партии чувство, которое вернее всего охарактеризовать как ужас перед окончательным расколом. В январе 1910 года лидеры фракций встретились в Париже и в последний раз попытались уладить разногласия. В обеих фракциях были свои элементы, твердо настроенные довести дело до конца и размежеваться друг с другом. Но главная сила пока оставалась за умеренными. У большевиков взяли верх соглашатели Рыков, Сокольников, Лозовский и Каменев. С другой стороны за единство выступал Троцкий, сдерживая Мартова. Мартов позднее признал, что уступил только потому, что меньшевики были слишком слабы и не могли пойти на немедленный раскол. Две фракции достигли согласия, но даже на поверхности оно казалось слишком большой удачей, чтобы быть правдой. И большевики, и меньшевики договорились распустить отдельные организации и слиться в одну, изгнав из своей среды «крайних»: меньшевики согласились исключить ликвидаторов, а большевики тех, кто выступал за бойкот. Далее было решено приостановить самостоятельные публикации и вложить финансовые средства в общий котел, который и вверили трем немецким социалистам: Карлу Каутскому, Францу Мерингу и Кларе Цеткин. Троцкий торжественно получил признание, причитающееся ему как удачливому миротворцу. Центральный комитет официально признал услуги, оказанные «Правдой» партии в целом, «независимо от фракционной принадлежности», и решил поддержать ее своим авторитетом, выплачивать Троцкому регулярную дотацию (150 рублей в месяц) и всячески способствовать его работе. Большевика Каменева, зятя Троцкого, откомандировали в газету и поручили поддерживать связь между редакцией и ЦК. Назначив его, ЦК рассчитывал на гладкое сотрудничество, поскольку Каменев искренне старался преодолеть разногласия внутри партии.

Легко представить себе, с каким ликованием Троцкий объявил обо всем этом в «Правде». Однако через несколько недель ему пришлось написать, что попытка примирения не удалась, потому что — как он говорил — меньшевики отказались распустить свою фракцию. Вряд ли это очень его удивило, ведь он прекрасно знал, как сильно они не хотят договариваться с большевиками. Казалось бы, Троцкий, яростный поборник единства, на этот раз не

должен был жалеть гневных слов для отступников. Однако он решил не торопиться с выводами и только сдержанно упомянул в «Правде» о том, что не одобряет поведения меньшевиков. Напрасно Каменев уговаривал его занять более жесткую позицию. Троцкий считал это покушением на его редакторскую независимость и попыткой использовать «Правду» в интересах большевиков. За сим последовали неизбежные пререкания, и вскоре эмигрантские колонии забурили интригами.

Парижская конференция решила не признавать два крайних фланга партии — ликвидаторов и отзовистов. Меньшевики обязались не поддерживать отношений с первыми, большевики — со вторыми. Ленин легко сдержал свое обещание. Во всяком случае, он исключил из большевистской фракции главных отзовистов — Богданова и Луначарского. Что касается меньшевиков, то они оказались практически не в силах сдержать обещание. Ликвидаторы занимали слишком сильные позиции в их рядах, чтобы остальные могли действительно от них отделиться. Если бы меньшевики исключили тех, кто отрицал подпольную борьбу, они бы попросту свели на нет свое влияние и помогли большевикам упрочить позиции. Этого они делать не стали. Тогда проблема обрела следующую форму. Противникам подпольной работы, как утверждали большевики, нет места в партии, вся будущность которой зависит от подполья. Меньшевики — то есть оппоненты ликвидаторов среди меньшевиков — возражали, что в партии должно быть место для инакомыслящих. Принципиально Ленин не оспаривал того, что инакомыслие имеет право на существование. Он лишь утверждал, что нельзя мириться именно с данным проявлением инакомыслия, потому что противники подпольной деятельности не могут быть хорошими подпольщиками. Таким образом, противоречие предстало как конфликт между сторонниками дисциплины и защитниками прав инакомыслящих; Троцкий встал на сторону последних и тем самым проявил вопиющую непоследовательность. Он, борясь за единство, во имя свободы инакомыслия потворствовал новому расколу в партии, произошедшему по вине меньшевиков. Он, прославлявший подполье с пылом, достойным убежденного большевика, протянул руку тем, кто хотел отделаться от подпольной работы, словно от опасного бремени. И наконец, он, заклятый враг буржуазного либерализма, объединился с защитниками союза с либералами против тех, кто фанатично ему сопротивлялся.

Противоречивая позиция не принесла ему ничего, кроме разочарования. Большевики опять увидели в нем не просто оппонента, но вероломного врага, а меньшевики, хотя и довольные тем, что могут противопоставить Ленину человека столь радикальных убеждений и больших заслуг, считали его ненадежным союзником. Старинные и тесные связи с Мартовым вынуждали Троцкого не однажды закрывать глаза на отвратительные ему поступки меньшевиков. А давнишняя и ожесточенная ссора с Лениным заставляла его хвататься за любой пустяк, который можно было бы поставить в вину большевикам. Свое неодобрение ленинизму Троцкий публично выразил с обычным для него убийственным сарказмом. Досаду на меньшевиков он изливал по преимуществу в личных спорах или «раздраженных» письмах, которыми забросал Мартова и Аксельрода. Соответственно, в глазах широкой публики он выглядел не вполне тем же человеком, каким был в личном общении. Чем дольше это продолжалось, тем больше он становился политическим пленником Мартова. Письма Мартова проливают свет на положение дел:

«Я ответил ему [Троцкому] более ироническим, чем сердитым письмом [писал Мартов по поводу одного случая], хотя, признаться, и не щадил его самолюбия. Я ему пишу, что ему уйти от нас и ликвидаторов некуда, ибо не его великодушие заставляет его защищать право ликвидаторов быть в партии... а правильный расчет, ибо Ленин и Тышко¹ хотят съесть как ликвидаторов, так и вообще всех независимых людей — в том числе и Троцкого»².

«Сила вещей [писал Мартов другому адресату] заставляет Троцкого идти меньшевистским путем вопреки его надуманному плану о каком-то «синтезе» между историческим меньшевизмом и историческим большевизмом... Он не только попал в лагерь «ликвидаторского блока», но и вынужден занимать в нем самую «драчливую» позицию по отношению к Ленину. Ученики же его... будируют»³.

Летом 1910 года произошел полный разрыв Троцкого с ЦК. Каменев ушел из «Правды», после того как Троцкий обратился в ЦК с просьбой заменить его другим человеком; вдобавок ЦК аннулировал дотацию. К тому времени инициатива по расколу объединенного движения перешла от Мартова к Ленину, и Троцкий выступил с осуждением заговора большевистской эмигрантской

¹ Тышко — польский демократ. (Примеч. пер.)

² Письма Аксельрода и Мартова. С. 230.

³ Там же. С. 233.

клики против русской социал-демократической партии, прибавив, что ленинский кружок, который хочет поставить себя над партией, скоро окажется вне ее. Троцкий перенес кампанию на страницы немецкой социалистической прессы и писал, что ни один из вождей эмиграции не представляет себе истинного движения в России, которое стремится к единству и возмущено их интригами. Фактически это мнение было распространено среди рабочих-подпольщиков: не кто иной, как Сталин, в том же духе высказывался на Кавказе. Тем не менее из-за статей Троцкого среди партийных делегатов, собравшихся в октябре 1910 года на конгресс Интернационала в Копенгагене, поднялся шум. На заседании российской делегации Плеханов при поддержке Ленина потребовал принять дисциплинарные меры против Троцкого, а Луначарский и Рязанов защищали его. Нарушителя все же оставили в покое — даже обвинители, как видно, посчитали неловким наказывать его за мнение, высказанное в «братской» немецкой печати.

Вражда не обошлась без комических происшествий, и хотя бы одно из них мы можем привести в нашей книге. Обе фракции хотели бы вернуть средства, оставленные на попечение немецких товарищей; но отчего-то ни одна не могла найти для этого достаточно законного основания. Летом 1911 года Аксельрод и Троцкий поехали в Йену, где проходил съезд немецких социал-демократов, чтобы обратиться к попечителям фонда от имени меньшевиков¹. Троцкий, разумеется, надеялся, что если он поможет меньшевикам поправить их финансы, то тем самым поправит и финансы своей «Правды». По-видимому, Каутскому их план понравился, но другие попечители колебались; тем более что Клара Цеткин питала дружеские чувства к большевикам. Под большим секретом Аксельрод и Троцкий встретились с Каутским. «Только во вторник, — сообщил Аксельрод Мартову, — Каутский получил возможность... предложить мне и Троцкому собраться с ними где-нибудь для предварительной, частной беседы... Гаазе выбрал для этого свидания ресторан, в котором можно было надеяться, что не попадемся на глаза другим делегатам, особенно таким, которые близки Цеткин и Люксембург... На следующий день после

---

¹ В «Моей жизни» Троцкий рассказывает, что он должен был выступать на съезде по вопросу угнетенного положения финнов при царском режиме. Во время съезда пришло известие об убийстве Столыпина в Киеве провокатором Багровым. Немцы боялись, что появление русского революционера может спровоцировать дипломатические осложнения и репрессивные меры, поэтому Бебель уговорил Троцкого отказаться от выступления.

тою, как Каутский переговорил с Цеткин насчет общего свидания с нами, и он, и Гаазе просили меня и Троцкого не говорить Цеткин о нашей беседе с ними»¹. Как ни смешно, большую часть доверенных немцам денег большевики получили путем налетов и экспроприаций, которые с таким негодованием осуждали и Троцкий, и меньшевики. Но хитрые махинации с целью экспроприации заработанных большевиками средств при посредстве главного немецкого попечителя ничего не дали, и посланцы уехали из Германии несолоно хлебавши.

В начале 1912 года раскол оформился окончательно. На Пражской конференции Ленин объявил о том, что отныне большевистская фракция является самостоятельной партией². Меньшевики и несколько отколовшихся большевистских групп объединились против него в так называемом организационном комитете. Троцкий шумно и яростно обрушился на ленинскую авантюру в «Правде». Его гнев достиг наивысшего накала в апреле, когда в Петербурге стала выходить ежедневная большевистская газета под названием «Правда». Это возмутительное вмешательство явно было рассчитано на то, чтобы использовать престиж венской газеты Троцкого в интересах большевиков. Он рвал и метал по поводу «кражи» и «присвоения», совершенно «кружком, чьи интересы находятся в конфликте с жизненными нуждами партии, кружком, который живет и процветает только за счет хаоса и беспорядка». Он потребовал, чтобы редактор большевистской газеты поменял ее название в указанный срок, и многозначительно пригрозил, что пока подождет ответа, прежде чем предпринимать дальнейшие шаги. По всей видимости, такой же ультиматум он направил прямо в большевистскую редакцию. Он и понятия не имел о том, что основал конкурирующую газету в Петербурге и выпустил ее первый экземпляр один малоизвестный большевик по имени Иосиф Джугашвили, человек, который в будущем проведет еще одну экспроприацию в отношении Троцкого и отнимет у него предметы гордости поважнее редакторского кресла «Правды» — титулы вождя революции и создателя Красной армии.

Было бы неверно упрекать в плагиате одного Сталина. Ленин всецело его одобрил и написал в Петербург: «Троцкому советую

¹ Письма Аксельрода и Мартова. С. 217; Ленин В.И. Сочинения. Т. 18. С. 193—194.

² Кроме большевиков, в конференции участвовала группа под предводительством Плеханова, отколовшаяся от меньшевиков.

ответить в почтовом ящике: «Троцкому (Вена). Отвечать на склочные и кляузные письма не будем». Нетрудно догадаться, как Ленин оправдывал для себя это заимствование: Центральный комитет субсидировал «Правду», значит, название, как и аудитория газеты, принадлежит партии, а не Троцкому, а раз партия — это большевики, то они имеют право присвоить название газеты. Это было неубедительное объяснение, хотя такие ссоры по поводу заголовков иногда случались в эмигрантских группах. Троцкий грозился не оставить это дело просто так, но, как видно, не выполнил угрозы и перестал издавать «Правду», а большевистская газета под краденым названием отправилась вперед по своему долговому и славному пути. В 1922 году, когда «Правда» отметила десятую годовщину со дня основания, Троцкий принимал участие в празднествах и написал к торжественному случаю статью, где ни словом не намекнул на происхождение газеты.

То, что социалисты уже могли открыто публиковать ежедневные газеты в Петербурге (меньшевики издавали «Луч», где Троцкий числился одним из авторов), свидетельствовало о значительных переменах в России. Годы реакции прошли, террор стих, рабочее движение переживало новый всплеск, и волей-неволей самодержавию пришлось с этим мириться. Подросло новое поколение революционеров и влилось в тайные организации, как и в те немногочисленные рабочие клубы и профессиональные союзы, которые существовали открыто. Новая ситуация дала руководителям движения новые основания для споров. Ликвидаторы указывали на растущую терпимость правительства, чтобы доказать возможность европеизировать партию и вывести ее из подполья. В годы террора их доводы казались оторванными от действительности, теперь же они основывались на фактах. Однако политическое возрождение напитало новыми силами и подпольные организации, и молодые революционеры-подпольщики были не удовлетворены осторожным выражением оппозиционных взглядов, дозволенных полицией в рамках легальных клубов и профсоюзов. Правительство тем больше склонялось к примирению с легальными видами оппозиции, чем больше оно боялось нелегальных. Это дало большевикам сильный аргумент: нужно, говорили они, интенсифицировать работу в подполье хотя бы ради того, чтобы получить больше простора для легальной деятельности.

И в этой обстановке Троцкого снова поманил блуждающий огонек единства. Он призывал организационный комитет собрать в Вене общую социал-демократическую конференцию в августе

1912 года. Он надеялся, что теперь, как в 1905 году, подъем революционных настроений в России заставит враждующие группы пойти на мировую. Но этому не суждено было случиться. В 1905 году мощная волна революционных событий могла остановить или затормозить начинающийся раскол. В 1912 году пропасть зияла настолько широко, что политическое возрождение могло ее лишь расширить. И что важнее, Ленин пожинал плоды своих трудов: его сторонники возглавили социал-демократическое подполье, а меньшевизм превратился в мешанину слабых и разрозненных групп. Ленинцы отказались присутствовать на Венской конференции; и так возник союз меньшевиков, ультралевых большевиков, отзовистов, еврейского Бунда и группы Троцкого, получивший в анналах русского социализма название Августовского блока. Как главный рупор блока, Троцкий неустанно бичевал «подрывную деятельность» Ленина. Позднее он оправдывался, будто никогда не собирался обращать конференцию против большевиков и что только отказ Ленина от участия и от поддержки любых попыток по восстановлению единства вынудил его занять антибольшевистскую позицию; и у нас нет причин сомневаться в искренности Троцкого. Его утверждение подробно подкрепляется личной перепиской меньшевистских вождей, но она же показывает, как сильно заблуждался Троцкий относительно итогов этого десятилетия раздоров.

Меньшевистские соратники Троцкого не разделяли его иллюзий. Они считали тактически удобным возложить вину за раскол на Ленина, причем снова через Троцкого, но сами не меньше Ленина хотели довести раскол до логического конца. Основное отличие заключалось в том, что в то время как Ленин откровенно заявлял о своих намерениях, чуть ли не кричал о них на всех перекрестках, Мартов, Аксельрод и Дан держали свой план при себе и выискивали способ осуществить его посредством тонкой тактической игры. Достаточно сравнить высказывания Ленина с личной перепиской меньшевистских руководителей, и станет ясно, что, несмотря на коренные противоречия, они соглашались по одному пункту: раскол столь же неизбежен, сколь и желателен. Кроме того, они практически одинаковыми словами высмеивали старания Троцкого по предотвращению раскола¹.

---

¹ Троцкий был в то время очень дружен с ультралевыми группами, отмежевавшимися от большевиков, отзовистами и богоискателями. Летом 1911 г. он читал лекцию в их партийной школе в Болонье, которую организовал Луначарский с помощью Горького. Живописный рассказ о школе

Участие в Августовском блоке оставило Троцкого в досаде и расстройстве, несмотря на проявленную из-за него воинственность, а может быть, и благодаря ей. Поэтому, когда в сентябре 1912 года редактор «Киевской мысли» попросил его поехать на Балканы в качестве корреспондента, он с жаром ухватился за возможность отвлечься от политической жизни эмигрантов и сменить чуждое ему амплу на роль наблюдателя, следящего за эпицентром бури в мировой политике. В начале октября он покинул Вену и по пути на вокзал, прямо в экипаже, узнал о начале первой Балканской войны, в которой южные славяне объединились против Турецкой империи.

Еще в Вене он наблюдал за балканскими событиями и установил связи с тамошними социалистами. За два года до того, в июле 1910-го, он побывал в Софии, чтобы разоблачить и осудить панславянский конгресс, проходивший там под покровительством Милюкова. Троцкий обратился к болгарским «теснякам» («твердолобым» социалистам), собравшимся на свой съезд одновременно с панславистами. Васил Коларов, будущий председатель Великого Народного собрания Болгарии, представил Троцкого делегатам съезда и митингующим на улицах и площадях как легендарного героя Петербургского Совета, и толпы с воодушевлением приветствовали русского гостя. Он предупредил южных славян о том, что царская дипломатия хочет сделать их пешками в своей игре, а русские либералы поощряют панславизм, так как стараются найти общий язык с царем во внешней политике, одновременно идя ему на уступки во внутренних делах. Впоследствии Троцкий часто ездил в Белград и Софию с короткими визитами и держался в курсе тамошних событий. Еще в январе 1909 года в «Киевской мысли» он назвал Балканы ящиком Пандоры для Европы¹.

И вот ящик Пандоры раскрылся. Бедствия вырвались наружу; и вид их ужаснул Троцкого. Раньше он отвлеченно размышлял над

содержится в отчете агента-provokatora охраны. Среди прочего, там говорится, что лекторы (Луначарский, Менжинский, Коллонтай, Покровский) ведут себя по отношению к ученикам — подпольным рабочим из России — высокомерно и покровительственно. Троцкий был исключением и устанавливал с учениками дружеские и личные отношения (Большевики. Документы Охранного отделения. Т. 1. С. 40).

¹ «Только единое государство, — писал тогда Троцкий, — всех балканских национальностей на демократическо-федеративных началах — по образцу Швейцарии или Северо-Американской республики — может внести внутреннее умиротворение на Балканах и создать условия для могущественного развития производительных сил» (Троцкий А. Сочинения. Т. 6. С. 10).

вопросами войны, но теперь, когда он смотрел, как австрийские прожекторы из-за границы освещают белградский замок, как выстраиваются длинными очередями призванные резервисты, и узнавал, что многие его друзья — политики, редакторы, университетские преподаватели — уже оказались на линии фронта, чтобы убивать и умирать, его переполнило непередаваемое ощущение трагедии, «бессилия перед историческим фатумом... и боль за эту человеческую саранчу, которую везут на истребление»¹. «Отвлеченная гуманитарно-моралистическая точка зрения на исторический процесс есть самая бесплодная точка зрения. Я это очень хорошо знаю. Но та хаотическая масса материальных завоеваний, навыков, привычек и предрассудков, которую мы называем цивилизацией, гипнотизирует всех нас, внушая нам ложное ощущение, будто главное уже сделано, — и вот приходит война и показывает, что мы все еще не выползли на четвереньках из варварского периода нашей истории»².

Это ощущение трагизма окрасило всю его балканскую корреспонденцию, написанную возвышенным стилем, характерным для либерально-радикальной печати в предреволюционной России. Каждая статья представляла собой внушительный очерк, отличавшийся основательно подобранными сведениями по истории вопроса, богатством впечатлений и местного колорита, мастерскими характеристиками и анализом и, наконец, но не в последнюю очередь — образным и ярким языком. Эти очерки переизданы в «Сочинениях» Троцкого и до сих пор являются бесценной летописью балканских событий до 1914 года. Троцкий, помимо прочего, был завзятым журналистом, старался во всем разобраться сам, разговаривал с людьми самого разного положения и занятий и обеспечивал читателей самыми злободневными подробностями. Он любил одновременно волнующий и монотонный поиск новостей и свободно общался с коллегами из европейской прессы — он работал в тесном сотрудничестве с корреспондентами «Frankfurter Zeitung» и «Daily Telegraph», — так что честолюбивый политик и трибун революции на время словно бы растворился в газетчике. Сразу по приезде в Белград он взял интервью почти у всех членов сербского правительства и с большим остроумием и мастерством написал о них краткие очерки, где показал, как в человеческих характерах отражается

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 66.

² Там же. С. 141.

недавняя история и менталитет малого крестьянского народа. Он погрузился в проблемы снабжения, военной подготовки и вопросы тактики, разоблачая зверства и первобытную жестокость войны. Он с одинаковым пылом посещал и описывал софийские церкви, где служили благодарственные молебны в честь сочиненных пропагандистами побед, госпитали, где разговаривал с ранеными солдатами, грязные, битком набитые тюремные камеры, где узнавал о бедствиях турок-рядовых, удобные гостиницы, служившие местом заключения для турецких офицеров, модные кафе в псевдоевропейских центрах балканских столиц и жалкие, почти азиатские окраины, рассадники нищеты, ужаса и вырождения.

Сначала война южных славян против Турецкой империи вызвала в нем определенное сочувствие, так как он видел, насколько жива память о турецком иге на Балканах — живее, чем память о крепостном праве в России. Славянский бунт отчасти напомнил ему итальянскую революционную обстановку 1859 года. Но он боялся, что великие державы, и в особенности царь, воспользуются обидами славян в своих целях, в качестве предлога для войны в Европе. Перефразируя одно изречение Бисмарка, Троцкий написал: «Если балканские руководящие партии... не видят другого пути для устройства балканских судеб, кроме нового европейского вмешательства, результатов которого никто не может предопределить, тогда политические планы их поистине не стоят костей одного курского пехотинца. Это может звучать жестоко, но только так обязан поставить этот трагический вопрос каждый честный демократический политик»¹. Балканские крестьянские вожди, еще в юности впитавшие революционное влияние России, теперь, как ни парадоксально, возлагали надежды на царя. Одно-го этого хватило, чтобы охладить и совсем заглушить в Троцком сочувствие к их делу. Контраст между роскошью и голодом, коррупция правителей, бессмысленные зверства над турецкими солдатами и мирными гражданами, шовинистические оргии, пропагандистский обман и глупость цензуры будили в Троцком гнев и отвращение. Он защищал слабых и побежденных — турок.

Болгарская цензура напустилась на него, изъяла из печати его статьи и запретила ездить на фронт. Любопытно, что главным цензором числился поэт радикальных убеждений Петко Тодоров, который всего за два года до того вместе с Троцким высту-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 144.

пал на митинге в Софии против панславизма. В «Открытом письме цензору» Троцкий ответил ему язвительным разоблачением уверток и предлогов, которыми обычно оправдывается военная цензура, и красноречивым призывом к свободе информации. Письмо, полное грома и молний, не совсем соразмерных объекту атаки, произвело заметное впечатление. Вскоре появился более стоящий объект. Когда проповедник панславизма Милюков приехал в Софию, он, улецивая болгар, к общему спокойствию обходил молчанием их жестокости. Троцкий написал еще одно открытое письмо, на этот раз Милюкову, и, появившись в петербургской газете, оно открыло дискуссию, которая в течение многих месяцев заполняла страницы российских газет. Милюков поставил под вопрос правдивость рассказов Троцкого о болгарских жестокостях, и в скандал ввязались сочувствовавшие панславизму русские корреспонденты. Однако Троцкий представил документальные свидетельства, собранные им лично, а также корреспондентами «Daily Telegraph» и «Frankfurter Zeitung». Обмен желчными репликами был в самом разгаре, когда ситуация внезапно изменилась: первая Балканская война закончилась победой славян; победители — сербы и болгары — рассорились из-за трофеев, симпатии российских чиновников и либералов перешли к сербам, а болгары за одни сутки превратились из прославленных героев в жестоких злодеев, как о том писалось даже в милюковской газете.

Троцкий вел свою кампанию частично из Вены, где он тоже подвел итог последствиям первой Балканской войны для европейской политики. Через призму балканских событий он увидел, какой будет расстановка сил среди больших держав в 1914 году; и его пронизательный взгляд затуманивала только страстная вера в то, что немецкие социалисты с их 86 ежедневными газетами и миллионами читателей, а также их французские и австрийские братья будут до конца отстаивать «дело культуры и мира против атак шовинистического варварства».

По возвращении в Вену Троцкого снова захватили партийные интриги. В личной переписке он протестовал против неприкрытой радости его братьев-меньшевиков, довольных разрывом с большевиками, и против главенства ликвидаторов в Августовском блоке. Он тихо ушел из одной меньшевистской газеты и ворчал на другую, с которой продолжал сотрудничать. Его связывали слишком тесные узы с меньшевиками, чтобы рассориться с ними, но он был слишком обеспокоен, чтобы остано-

ся с ними. «Троцкий, — насмеялся Мартов в личном письме, — проспал на Балканах эволюцию всего блока от осенней позиции в сторону освобождения от фразеологического, бессодержательного примиренчества». «Я думаю, — прибавлял Мартов и повторял эту мысль неоднократно, — что нам «показать зубы» [Троцкому] (в самой мягкой и вежливой форме, конечно) прямо необходимо».

Поэтому Троцкий без сожаления оставил Вену, чтобы наблюдать за второй Балканской войной. На этот раз Сербия и Греция победили Болгарию, и Троцкий, мнимый враг болгар, превратился в их защитника. Он описывал грабежи и насилие, учиняемые новыми победителями; он ездил на аннексированные территории и рассказывал о политической неустойчивости, людской нищете и «генетическом абсурде», который влекли за собой военные действия «в стиле Тридцатилетней войны» с переносом границ и переселением жителей. Он написал классический описательный очерк о Румынии, много раз переиздававшийся после 1917 года. «В то время как Болгария и Сербия вышли из-под турецкого господства примитивно-крестьянскими демократиями, без всяких пережитков крепостничества и сословности, Румыния и посейчас еще, несмотря на десятилетия конституционной жизни, держит свою деревню в тисках чисто феодальных отношений»¹. Румыния, как шакал, участвовала в дележе трофеев, не сделав ни одного выстрела, и присоединила к себе Южную Добруджу. Троцкий проехал по захваченной земле, пока ее деревни опустошала эпидемия холеры и грабили солдаты при полном попустительстве новых румынских властей. Он описывал, как целые села вымирали от голода и нехватки лекарств, как доктора из помещичьих семей осматривали больных крестьян — на безопасном расстоянии, в бинокль, не соизволяя даже подойти к ним.

Эти описания то и дело пересыпаются вспышками чисто русской ностальгии. Он ездил в своей повозке по земле, которая была очень похожа на его родную степь. Пейзажи Добруджи, овеваемой черноморскими ветрами, разбросанные по степи погребальные курганы, жара и сонная неторопливость путешествия навевали детские воспоминания о Громоклее и Яновке и вызывали перед умственным взором автора лицо его недавно скончавшейся матери.

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 348.

«Дорога — русская, пыльная, наша херсонская дорога, и куры как-то по-русски удирают из-под лошадиных копыт, и вокруг них у малорослых коней повязаны веревки русские, и спина у Козленки русская... Ах, какая у него русская спина: всю землю обойдешь, такой спины не сыщешь, кроме как в Орловской губернии... Становится темно. Запах травы и дорожной пыли, потемневшая спина Козленки и тишина вокруг. Держась друг за друга, дремлем. Тпррр... — Козленко останавливает на дороге лошадей, терпеливо ждет и задумчиво насвистывает им. Тихо, кровь зудит в ногах, и кажется, что едешь на каникулы в деревню Яновку со станции Новый Буг»¹.

Ностальгия особенно мучила Троцкого, когда ему случалось посещать рассеянные по Добрудже русские поселения. Там жили скопцы. Именно с приверженцами этой странной секты он спускался на баржах по Лене во время своей первой сибирской ссылки в 1901 году. Колонии и сады скопцов в Добрудже сверкали чистотой и опрятностью, но Троцкий замечал: «А скучно как-то, пресно, томительно. Чего-то не хватает. Жизни не хватает, детей не хватает, матерей не хватает. Лица отекавшие и, несмотря на всяческую учтивость, неприятные». Он пересказал одно одобрительное замечание, сделанное его проводником по Добрудже, врачом: «Наблюдая жизнь скопцов, убеждаешься, знаете ли, методом от обратного, что пол есть начало социальное, источник альтруизма и всяческого вообще человеческого благодетельства»².

Этим врачом и проводником был Христиан Раковский, с которым Троцкий еще раньше много раз встречался в Западной Европе и на Балканах. Их дружба стала задушевной и пережила войну, революцию, триумф и поражение, изгнание и даже чистки — быть может, он был единственным столь давним и задушевым другом Троцкого. Раковский был лет на шесть-семь старше Троцкого, и его роль в русской революции напоминает роль Анахарсиса Клоотса во французской. Подобно Клоотсу, он был аристократом, мыслителем и гражданином мира, и подобно же Клоотсу он принял революционную страну как вторую родину и присоединился к радикальному крылу революционеров. Еще в 1913 году у него за спиной уже лежал поразительный жизненный путь. Отпрыск известной помещичьей семьи из Северной Добруджи, он

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 415—420.

² Там же.

стал гражданином Румынии, когда в 1878 году Румыния аннексировала его болгарскую родину. В возрасте пятнадцати лет его за социалистические взгляды исключили из болгарской школы с запретом на образование. Семья отправила его за границу, где он изучал медицину. Раковский окончил университет в Монпелье, и его докторская диссертация «Причины преступления и дегенерации» прославила его в медицинских кругах. Потом в другом французском университете он изучал право. В 1893 году, в возрасте двадцати лет, он представлял болгарских социалистов на конгрессе Интернационала в Цюрихе, где попал под влияние Плеханова и подружился с выдающимся французским марксистом Жюлем Гедом и Розой Люксембург. На следующий год он участвовал в работе социалистов в Берлине, где еще слышались отзвуки драконовских законов Бисмарка против социалистов, и был выслан из Германии. После этого Раковский участвовал во всех сколько-нибудь важных форумах рабочего движения, проходивших в континентальной Европе. В 1905 году он вернулся в Румынию. Отстаивая интересы крестьян, он вызвал на себя ненависть помещиков, подвергся преследованиям и наконец был выслан на том основании, что он являлся гражданином Болгарии, хотя к тому времени уже успел отслужить врачом в румынской армии. Пять лет социалистическая партия и рабочие организации вели кампанию за его возвращение. Правительство не давало ему разрешения на въезд, обвиняя его то как агента российского Генерального штаба, то как опасного антимонархического заговорщика.

В изгнании Раковский напечатал несколько книг, в одной — «Россия на Востоке» — разоблачал политику самодержавия в Азии, другая называлась «Боярская Румыния». Свободное время этот памфлетист, агитатор и врач посвящал историческим исследованиям, плодом которых стала книга «Меттерних и его эпоха». Он с одинаковой легкостью писал по-болгарски, французски, русски, немецки и румынски для политических, медицинских и исторических газет и журналов. Он неоднократно возвращался в Бухарест, но каждый раз власти подтверждали ордер на высылку, игнорируя бурные парламентские протесты и уличные демонстрации. Однажды французские правительство, побуждаемое Жоресом, вмешалось и освободило его из балканской тюрьмы, так как Раковский также был корреспондентом жоресовской «Юманите» на Балканах. Перед первой Балканской войной ему позволили вернуться в Бухарест, где он стал признанным лидером румынской социалистической партии, редактором ее газеты,

пропагандистом идеи балканской федерации и самым громким выразителем антимилитаризма на Балканах. В то же время он управлял семейным поместьем в Добрудже, где освободил крестьян от феодальной зависимости и пользовал их в качестве врачей. Несмотря на переезжая между парламентом, партийным штабом, рудниками в Бухаресте и родным поместьем, постоянно сражался против какой-нибудь несправедливости, малой или большой, он еще успевал заниматься сельским хозяйством, и часто можно было видеть, как он идет за плугом прямо во фраке, в котором только что прибыл из столицы. Именно на поле под хлопанье фрачных фалд на ветру он посвящал Троцкого в сложности румынской экономики и политики.

Во время поездки по Добрудже Троцкий близко познакомился с Доброджану Герее, старым основоположником румынского социализма, от которого Раковский только что принял руководство партией. Герее был обаятельной и колоритной личностью. Русский еврей по фамилии Кац, один из первых народников, он сбежал из России и поселился в Румынии, где открыл румынам их собственную историю и стал самым значительным историком Румынии, литературным критиком и вдохновителем так называемого румынского литературного возрождения. Целое поколение румынских интеллектуалов училось политически мыслить по его книге «Новое рабство», а ученики Герее позднее возглавили и консервативную, и либеральную, и социалистическую партии. Доброджану Герее держал ресторан на вокзале в Плоешти, который стал местом паломничества для румынских литераторов и политиков. За стойкой этого ресторана Троцкий провел немало часов, выуживая идеи у эксцентричного старого мудреца.

В конце января или начале февраля 1913 года, во время краткого пребывания Троцкого в Вене между двумя Балканскими войнами, мимо него, как тень на стене, промелькнула фигура Сталина. Довольно любопытно, что Троцкий подробно описал этот инцидент только в последний год жизни. Однажды Троцкий навещал меньшевика Скобелева, своего бывшего помощника по «Правде», которого только что избрали депутатом в Думу. Они сидели у самовара и беседовали, как вдруг из другой комнаты без стука вошел человек среднего роста, изможденный, со смуглым сероватым лицом в оспинах. Незнакомец, как будто удивленный присутствием Троцкого, на миг остановился в дверях и издал горланное рычание, которое при желании можно было принять за

приветствие. Потом он подошел к самовару с пустым стаканом в руке, налил в него чаю и вышел, не проронив ни слова. Скобелев пояснил, что это грузин по фамилии Джугашвили, который недавно вошел в большевистский ЦК и будто бы приобретает в нем некоторый вес. Троцкий, как он сам признается, сохранил яркое воспоминание об этой первой встрече с будущим противником и о тревожном впечатлении, которое Сталин тогда произвел на него. Он отметил у кавказца незаурядную, хотя и какую-то неопределенную внешность, угрюмую сосредоточенность в лице и выражение застывшей враждебности в желтых глазах. Именно из-за его молчания и странного вида эта мимолетная сцена запечатлелась в памяти Троцкого, и двадцать семь лет спустя он описывал ее не без внутреннего содрогания.

Судя по всему, описание Троцкого правдиво и вряд ли окрашено отсветами позднейших событий. Изможденный, мрачный, внутренне сосредоточенный и несколько неловкий: скорее всего, таким и был в те дни Сталин, большевик, который много лет провел в подполье, скрывался среди татар на бакинском нефтепромысле, неоднократно сидел в тюрьмах и бежал из ссылок. Да и впечатление Троцкого о застывшей враждебности во взгляде Сталина, по-видимому, обоснованно; в этой враждебности отражалось отношение члена большевистского комитета к вдохновителю Августовского блока. Сталин уже видел Троцкого на партийном съезде в Лондоне, хотя тогда Троцкий не обратил на него внимания. Сталин, конечно, вспомнил речи Троцкого против большевистских налетов и экспроприаций, в которых Сталин принимал большое участие; и еще в 1907 году в своем отчете о съезде Сталин писал о «красивой ненужности» Троцкого. Троцкий не знал, кто редактировал первое издание большевистской газеты, присвоившей название его «Правды». Сталин знал. Всего недели за две до их молчаливой встречи он назвал Троцкого в «Социал-демократе» «шумливым чемпионом с фальшивыми мускулами» и впервые поставил подпись «Сталин» под этими словами.

Рычание, которым он встретил Троцкого, как бы исторглось из подпола русской бревенчатой избы.

Глава 8

ВОЙНА И ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Начало Первой мировой войны положило конец золотой эпохе европейского либерального капитализма, парламентаризма и реформаторского социализма, которые успели вместе расцвести почти за полвека мира, прерываемого лишь мелкими войнами в колониях и на балканской границе. Два поколения европейцев выросли с оптимистической уверенностью в том, что прогресс ушел достаточно далеко, чтобы человечество получило возможность управлять природой, изменять и совершенствовать социальную обстановку посредством дискуссий, мирных договоров и голосования. На войну начали смотреть как на варварское прошлое, к которому человечество наверняка уж больше не вернется. В целом в Европе так быстро и мощно шло накопление богатств, что складывалось впечатление, будто они гарантируют растущее процветание всех классов общества и исключают насильственное решение социальных противоречий.

Глубже всего эти иллюзии укоренились в рабочем движении, особенно во 2-м Интернационале. Интернационал унаследовал идеологию и лозунги от восстания 1848 года, от Парижской коммуны 1871 года и от подпольной борьбы немецких социалистов против Бисмарка. Лозунги и символы говорили о международной солидарности рабочих, о их непримиримой классовой борьбе, кульминацией которой должно стать свержение буржуазного правительства. В практической работе социалистические партии уже давно отошли от революционных традиций. Классовая борьба уступила место мирным переговорам и парламентским реформам. Чем успешнее оказывались эти методы, тем теснее становились связи между когда-то нелегальными социалистическими

партиями и профсоюзами, с одной стороны, и правительствами и союзами работодателей — с другой и тем больше национальные интересы и взгляды преобладали над унаследованными принципами интернационализма. Вплоть до 1914 года социалистическим партиям удавалось в целом объяснять и оправдывать свою реформаторскую деятельность привычными революционными понятиями. Партийные вожди пропагандировали марксизм, интернационализм и антимилитаризм до первого дня войны, когда Интернационал рухнул.

Из всех великих европейских держав Россия была единственной страной, которая так мало вынесла из участия в мирном прогрессе предыдущей эпохи. Ее экономическое развитие, хотя и несомненное, было незначительно в сравнении с преуспевающей Западной Европой. Во всяком случае, этого развития оказалось недостаточно, чтобы страна переняла европейскую привычку к мирным переговорам и компромиссам и веру в постепенный прогресс к выгоде всех общественных классов. Парламентаризм и другие, обычно связанные с ним, институты общественного примирения и арбитража не пустили корней на российской почве. Классовая борьба в своей самой жестокой и неприкрытой форме бушевала во всех концах империи, и царизм не оставил рабочим и крестьянам даже иллюзии того, что они хотя бы в малой мере влияют на судьбу страны. В Социалистическом интернационале российская партия была практически единственной, члены которой относились к революционным традициям и лозунгам с полной серьезностью, а не видели в них лишь соблюдение внешней благопристойности.

В 1914 году русские эмигранты за редким исключением с ужасом взирали на катаклизм, перевернувший Интернационал, и не верили своим ушам, когда вожди европейского социализма, отмахнувшись от всех своих торжественных интернационалистских клятв и антивоенных резолюций, призывали рабочий класс сражаться за своих императоров, ненавидеть и убивать «врагов». Сначала большинство русских эмигрантов — большевики, меньшевики и эсеры в равной степени — осудили их как изменников делу социализма. Позже многие из них поменяли мнение, но некоторые пошли еще дальше: кровопролитие последующих лет, в котором миллионы людей сложили головы ради того, чтобы отвоювать у врага жалкую пядь земли, научило их презирать и ненавидеть маску притворного человеколюбия, надетую на европейское государство. Они решили, что если цивилизованная власть, пре-

следуя государственные интересы с позиции силы, считает возможным уничтожать миллионы и калечить десятки миллионов людей, то на социалистов, безусловно, ложится обязанность, невзирая ни на какие жертвы, бороться за новое общественное устройство, которое освободит человечество от безумия войны. Старый порядок преподавал социалистам урок беспощадности. Окровавленные лохмотья «готических кружев» европейской цивилизации были втопты в грязь окопов.

Начало войны застало Троцкого в Вене — он только что вернулся туда из Брюсселя, где вместе с Мартовым и Плехановым в последний раз обратился к бюро Интернационала с просьбой вмешаться во внутренние распри российской социал-демократии. Утром 3 августа Троцкий отправился в редакцию венской социалистической газеты «Arbeiterzeitung». Только что Вены достигло известие об убийстве Жореса французским шовинистом. Дипломатические канцелярии обменивались последними нотами, взаимно обвиняя противника в развязывании войны. Началась всеобщая мобилизация. По дороге в редакцию Троцкий видел огромные толпы, охваченные воинственной истерией. Фешенебельный центр города заполнили демонстранты. В «Arbeiterzeitung» царил сумятица. Одни члены редколлегии склонялись к тому, чтобы поддержать войну. Друг Троцкого Фридрих Адлер с отвращением говорил о поднимающейся волне шовинизма. На столе Адлера лежала пачка ксенофобских брошюр, а рядом стопка юбилейных значков, приготовленных для конгресса Социалистического интернационала — он был основан в Вене 15 августа и собирался праздновать свою двадцать пятую годовщину. Конгресс отменили, и казначей австрийской партии оплакивал 20 тысяч крон, потраченных на его подготовку. Шовинистический настрой окружающих вызвал у старика Виктора Адлера презрение, но сам он был настроен слишком скептически, чтобы ему сопротивляться. Он отвел Троцкого к начальнику политической полиции и поинтересовался, как ему следует относиться к русским эмигрантам ввиду ожидаемого состояния войны между Австро-Венгрией и Россией. Начальник ответил, что полиция готовится их интернировать. Через несколько часов Троцкий с семьей сел на поезд до Цюриха.

Убежищем для русских революционеров, проживавших в Германии и Австрии, стала нейтральная Швейцария. В Цюрих

перебрался Карл Радек, высланный из Германии за антивоенную пропаганду, Бухарин, которого в Вене недолго продержали под замком, и чуть позже должен был приехать Ленин, еще не выпущенный из австрийской тюрьмы в Галиции. Нейтралитет позволял Швейцарской социалистической партии терпимо и даже дружелюбно относиться к интернационалистической пропаганде русских революционеров. В Союзе рабочего просвещения Троцкий нашел благодарную аудиторию для своих антивоенных обличений и социалистов, которые эти обличения поддерживали. «С прибытием Троцкого в Цюрих, — вспоминает известный швейцарский писатель, — жизнь вернулась в рабочее движение, по крайней мере в его часть. Он принес с собой веру... в то, что из этой войны родится революция... Для Троцкого это были не просто слова, но самые сокровенные убеждения»¹. Троцкий сумел так увлечь своих новых слушателей, что его почти сразу же выбрали делегатом съезда Швейцарской социалистической партии. Лишь с большим трудом партийным руководителям удалось растолковать рядовым членам, что было бы неблагоприятно давать право голоса иностранцу, да еще и подданному государства, вступившего в войну.

За время пребывания в Цюрихе, которое продолжалось немногим более двух месяцев, Троцкий написал брошюру «Война и Интернационал» — первое развернутое изложение антивоенной политики российского социалиста. Полемическое острие этой работы было направлено главным образом против немецких социал-демократов, утверждавших, что, сражаясь с царизмом, «жандармом Европы», Германия Гогенцоллернов осуществляет прогрессивную историческую миссию. «В нашей борьбе с царизмом... — возражал Троцкий, — мы не искали и не ищем помощи со стороны габсбургского или гогенцоллернского милитаризма... Мы многим обязаны немецкой социал-демократии. Мы все прошли ее школу, учились на ее успехах, как и на ее ошибках. Она была для нас не одной из партий Интернационала, но «партией» — *tout court*»². С тем большим возмущением он отвергал позицию немецких социал-демократов. Он утверждал, что долг социалистов состоит в борьбе за мир, но не тот мир, который означает возврат к прежнему положению дел или новому равновесию сил среди империалистических держав. Социалисты долж-

---

¹ *Brupbacher F.* 60 Jahre Ketzler. С. 188—189.

² Просто, коротко (*фр.*).

ны стремиться к демократическому миру без аннексий и контрибуций, который обеспечит самоопределение зависимым нациям. Только восстание воюющих народов против своих правителей может привести к такому миру. В этой части его аргументация более чем на три года предвосхитила «14 пунктов» президента Вильсона — брошюра Троцкого, изданная в США, оказала на Вильсона непосредственное влияние. Однако «самоопределение наций» в том виде, в каком его понимал Троцкий, имело мало общего с трактовкой Вильсона. Троцкий отстаивал интересы новых национальных государств — он, как мы знаем, давно считал национальное государство анахронизмом. Малые и угнетенные народы должны получить возможность добиваться независимости, дабы по собственной воле примкнуть к строительству интернационального социалистического государства. «Для европейского пролетариата в этих исторических условиях, — писал он, — дело может идти не о защите пережившего себя национального «отечества», ставшего главным тормозом экономического прогресса, а о создании нового, более могущественного и устойчивого отечества — республиканских Соединенных Штатов Европы, как перехода к Соединенным Штатам мира. Империалистической безвыходности капитализма пролетариат может противопоставить только социалистическую организацию мирового хозяйства, как практическую программу дня»¹. Этот смелый вывод многим казался далеким от реальности. Троцкий говорит, что Радек то и дело критиковал его на том основании, что «производительные силы мира» и даже Европы недостаточно развиты, чтобы сделать возможной организацию этих сил на базисе международного социализма. По прибытии в Швейцарию Ленин раскритиковал выражение «Соединенные Штаты Европы», так как оно навело его на мысль о том, что Троцкий видел русскую революцию только составной частью одновременного общеевропейского восстания. К этому противоречию мы еще вернемся.

В ноябре 1914 года брошюра «Война и Интернационал» вышла в немецком переводе и с помощью швейцарских социалистов была переправлена в Германию. Ее немецкие распространители, противники войны, подверглись преследованиям, а самого автора немецкий суд заочно приговорил к нескольким

---

¹ Работа «Война и Интернационал» впервые появилась в России в нескольких выпусках парижского «Голоса» в ноябре 1914 г. начиная с № 59.

месяцам заключения по обвинению в оскорблении монарха — Троцкий узнал об этом из репортажей во французских газетах. Немецкие социал-демократы намекали, что он написал брошюру в интересах России и ее союзников. Но поскольку он так же решительно критиковал социалистов союзных стран, поддержавших войну, те, в свою очередь, обвинили его в попытке обелить немецких «социал-патриотов».

В конце ноября Троцкий перебрался из Швейцарии во Францию. «Киевская мысль» назначила его своим парижским корреспондентом, и он охотно ухватился за возможность следить за ходом войны из этого превосходного наблюдательного пункта. Кроме того, ему не терпелось поработать вместе с Мартовым, который тогда редактировал русскую газету «Голос» в духе чистейшего антимилитаризма. В последний раз они с Мартовым встречались в Брюсселе в середине июля, когда вместе обратились в исполком Интернационала с просьбой вынести постановление против раскольнической деятельности Ленина; и тогда же вместе с Плехановым они составили манифест к российским социалистам. Каким далеким и незначительным казалось все это спустя каких-то четыре месяца! Вожди Интернационала, от которых, как от высших авторитетов социализма, Мартов и Троцкий добивались вмешательства и помощи против Ленина, теперь получили от них, как, впрочем, и от Ленина, ярлык «социал-шовинистов» и «предателей». Тем временем Плеханов превозносил войну в патриотическом духе, исходя из того, что заклятыми врагами прогресса и социализма являются не Романовы, а Гогенцоллерны и Габсбурги. Казалось, что старые распри забылись и на смену им пришли новые. Ленин, который никогда не переставал в душе тосковать по политическому воссоединению с другом юности Мартовым, называл парижский «Голос» в то время лучшей социалистической газетой Европы. «Чем чаще и сильнее я отделялся от Мартова, тем более категорично я должен заявить, что теперь он делает именно то, что должно делать социал-демократу». Основоположник меньшевизма ответил взаимностью: он приветствовал появление ленинского «Социал-демократа» и согласился, что старые противоречия совершенно потеряли значение. Дальнейшие события показали, что он все же ошибался и воссоединение невозможно. Но в тот момент Троцкого обрадовала эта перспектива.

В Париже он делил время между работой в газете Мартова и «Киевской мысли» и контактами с антивоенными группами

Французской социалистической партии и профсоюзов. Почти с первого дня после прибытия во Францию ему пришлось защищаться от обвинений в прогерманизме, которые в основном исходили от Алексинского, бывшего думского депутата от большевиков, а теперь яростного противника большевизма и сторонника войны. (Этот же бывший большевик в 1917 году будет распространять слухи о том, что Ленин немецкий шпион.) Одно любопытное обстоятельство придавало инсинуациям видимость правды: некий Николай Троцкий стоял во главе поддерживаемого австрийцами Союза за освобождение Украины, подобные же националистические организации позднее начнет открывать Германия. Легко было приписать проавстрийские и пронемецкие заявления одного Троцкого другому даже после того, как автор «Войны и Интернационала», заочно приговоренный немецким судом, объяснил общественности, что произошла путаница.

«Голос» печатался только в течение шести или семи недель после приезда Троцкого в Париж. Из-за цензурных гонений в середине января 1915 года публикации прекратились. В эти несколько недель Троцкий успел еще отчетливее изложить свои взгляды. У будущего, писал он, только одна альтернатива: «перманентная война или пролетарская революция». В войне выразился «слепой бунт» производительных сил Европы, переросших тесные и узкие рамки капиталистических национальных государств. Капиталистический империализм мог сломать национальные границы только силой; поэтому он не способен сломать их навсегда, и, пока миром правит капитализм, он будет ввергать человечество в войну за войной, бойню за бойней и в конечном итоге приведет цивилизацию к гибели. У социалистического реформизма нет будущего, поскольку он превратился в неотъемлемый элемент старого порядка и соучастника его преступлений. Те, кто надеются перестроить старый Интернационал, думая, что его вожди могут простить друг другу прошлые обиды и тем подчеркнуть свое предательство принципов интернационализма, препятствуют возрождению рабочего движения.

В одном из последних номеров «Голоса» Троцкий продолжил свою мысль дальше, сказав о том, что борьба против «шовинистических фальсификаторов марксизма» является лишь оборотной, отрицательной стороной лежащей впереди задачи. Положительная, конструктивная сторона этой задачи состояла в том, чтобы собрать воедино силы Третьего Интернационала. В этом

его мысль шла параллельно ленинским идеям и почти наверняка была вдохновлена ими, ибо Ленин сформулировал их несколько раньше.

Сначала Мартов горячо согласился с Троцким. Но еще до того, как «Голос» закрылся, его обуяли сомнения. Эмигранты-меньшевики, стоявшие против войны, как и он сам, не желали делать такие далеко идущие выводы. Они утверждали, что, поддержав войну, социалистические партии совершили серьезную ошибку, но ее еще можно исправить, и что рабочий класс не меньше его вождей охвачен социал-патриотическими настроениями. Новый, «очищенный», Интернационал не сумеет объединить рабочие классы; он превратится в секту, неспособную заменить прежнюю организацию. Некоторые меньшевики выступали против войны скорее из пацифистских, чем из революционных убеждений. Многие находились в оппозиции не войне, а царю, который от имени всего народа вел войну. А в самой России отдельные меньшевики заняли более патриотическую позицию. Все это не могло не повлиять на Мартова. Он разрывался между собственными убеждениями и давлением, которое оказывала на него созданная им же партия. Его бросало из стороны в сторону, он пытался улаживать споры и убегал от нелегкого выбора в успокоительную атмосферу парижских кафе.

Еще до окончания 1914 года довоенные разногласия начали накладываться на новую «интернациональную солидарность». Ленин настойчиво подчеркивал, что его партия в целом сохранила верность интернационализму, а те меньшевики, кто поступил так же, — Мартов и Аксельрод — разошлись во мнениях со своими же единомышленниками. Вскоре Мартов признался Аксельроду, что и Троцкий обвиняет его, Мартова, в том, что он придерживается макиавеллиевской тактики и льет воду на мельницу меньшевиков. В ответ Мартов прибегнул к давно проверенной хитрости: он постарался «напугать» Троцкого (по словам самого Мартова), пригрозив, что если тот порвет с меньшевиками, то тем самым попадет в руки большевиков и сдастся на милость «Гришки Зиновьева», который в то время был главным помощником Ленина в Швейцарии. Но угроза не оказала прежнего действия; Мартов говорил, что «опять приходится ходить вокруг него [Троцкого], как вокруг столика с фарфоровой статуэткой»¹.

---

¹ Письма Аксельрода и Мартова. С. 309. Мартов написал это письмо Аксельроду 9 января 1915 г.

Хотя Троцкий и не желал пока сдаваться на милость «Гришки Зиновьева», он тем не менее стремился наконец отделиться от старой группировки, бравшей начало еще в Августовском блоке. 14 февраля 1915 года в газете «Наше слово», пришедшей на смену «Голосу», Троцкий опубликовал заявление, где впервые публично изложил внутреннюю историю разногласий с меньшевиками, сообщив, что еще двумя годами раньше он отказался писать в меньшевистских газетах и выступать от имени меньшевиков на бюро Социалистического интернационала; а теперь он отказывается представлять их на запланированной в Лондоне конференции социалистов из союзных держав. Отрекшись таким образом от Августовского блока, Троцкий сделал первый и решительный шаг по дороге, которая позднее приведет его в партию большевиков¹.

Обрывались и другие узы прежних политических связей и дружбы. Самым болезненным для Троцкого лично стал его разрыв с Парвусом, который только что объявил о своей солидарности с официальными лидерами немецкого социализма, поддержавшими войну, и вдобавок развернул широкую коммерческую деятельность на Балканах с пользой для себя и к выгоде немецкого правительства. Превращение этого марксистского публициста, с таким блеском анализировавшего процесс устаревания национального государства и толковавшего принципы интернационализма, в «тогенцоллернского социалиста» и вульгарного спекулянта военного времени поистине было одной из самых поразительных метаморфоз, случавшихся с людьми в те дни. Для Троцкого она стала тяжелым ударом: имена Троцкого и Парвуса вместе стояли под теорией «перманентной революции», и с 1904 года Парвус принимал участие в большинстве журналистских и политических начинаний Троцкого. Троцкий наверняка возлагал на Парвуса самые сокровенные ожидания, надеясь вместе с ним, Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом бросить вызов победившему в немецкой партии шовинизму.

Троцкий написал «Некролог живому другу», скорее горестный, чем гневный, и там, несмотря на разверзшуюся между

---

¹ Наше слово. № 13 от 14 февраля 1915 г.; Письма Аксельрода и Мартова. С. 315—317. Поводом для заявления Троцкого послужила речь, которую Ларин, тогда еще меньшевик, прочел на национальном съезде шведской социалистической партии. Ларин упомянул Троцкого, Плеханова и Аксельрода как трех лидеров так называемого Организационного комитета.

ними пропасть, с печалью отдал дань растроченному величию Парвуса.

«На миг отвернувшись от фигуры, которая появляется на Балканах под столь заслуженным псевдонимом, автор этих строк считает делом личной чести отдать должное человеку, которому он обязан своими идеями и умственным развитием больше, чем любому другому представителю старшего поколения европейских социал-демократов... Даже сейчас я вижу гораздо меньше причин, чем когда-либо, отказываться от тех диагнозов и прогнозов, львиная доля которых была сделана Парвусом».

Троцкий великодушно вспоминал, сколькому он и другие научились у Парвуса, как они им гордились. Он признавал, что Парвус научил его «выражать простые мысли простыми словами». Но «Парвуса больше нет. Теперь политический Фальстаф бродит по Балканам и порочит своего же покойного двойника»¹. Когда немного погодя Парвус учредил в Копенгагене «социологический институт», который подозревали в том, что он является органом немецкой пропаганды, Троцкий во всеуслышание предостерег социалистов от каких-либо контактов с этим учреждением². Парвус попытался оправдаться в форме открытого письма к редактору, и Троцкий сначала хотел его опубликовать, но потом передумал³. Он раз и навсегда порвал все отношения с бывшим товарищем; и, когда после революции Парвус попробовал связаться с ним и предложить свои услуги советскому правительству, Троцкий оставил его попытки без ответа. При всем при том тень их дружбы еще не раз падет на него; например, в июле 1917 года, в «месяц великой клеветы», и потом опять во время борьбы Троцкого со Сталиным в годы великой клеветы⁴.

«Наше слово» стало выходить в свет с 29 января 1915 года. Это была скромная газета из двух, реже четырех полос, обильно

---

¹ Наше слово. № 15 от 14 февраля 1915 г.

² Там же. № 208 от 5 октября 1915 г. Однако, когда Алексинский воспользовался предупреждением Троцкого, чтобы заклеить Парвуса как немецкого агента-provokatora, Троцкий написал письмо в «Humanité», в котором объяснил, что обвинил Парвуса в социал-патриотизме, но не считает его provokatorом (Там же).

³ Мартов рассказал об этом, когда сам ушел из «Нашего слова» (Мартов Л. Письмо редактору / Наше слово. № 235 от 9 ноября 1915 г.).

⁴ Богатый и пользующийся большим влиянием в Веймарской республике, Парвус тем не менее испытывал разочарование и неоднократно подступал к большевикам, пока Ленин раз и навсегда не отвадил его, сказав, что Советам, конечно, нужны ясные мозги, но в первую очередь чистые руки (Beer M. Fifty Years of International Socialism. С. 197).

пересыпанных белыми пятнами — пропусками на месте слов, вымаранных цензором, — но тем не менее заполненная новостями и комментариями. Газете постоянно угрожала опасность погибнуть от цензуры и нищеты. Редакторы и авторы не получали ни постоянного жалования, ни гонораров. Заработная плата наборщиков и типографов, как правило, задерживалась на много месяцев, но полуголодные рабочие, тоже политические эмигранты, продолжали безропотно выпускать газету. Время от времени все собирали денежные пожертвования в захудалых эмигрантских центрах, например в русской библиотеке на проспекте Гобелен, в Клубе русских эмигрантов на Монмартре или в библиотеке еврейских рабочих на улице Фердинанда Дювала. Чаще жертвовали сантимы и су, а не франки, и собранные деньги шли на оплату скудных запасов бумаги. Однако «Наше слово» собирало замечательный круг авторов, почти каждый из которых написал свое имя в анналы революции, и как журналистское начинание оно оказалось намного успешнее и влиятельнее венской «Правды». Если бы парижскому журналисту или политику сказали, что этот скромный русский листок имеет больший политический вес, чем вся французская бульварная пресса, вместе взятая, он посчитал бы это шуткой. Но меньше чем через три года изложенные в «Нашем слове» идеи прогремят от Петрограда и Брест-Литовска до дальних уголков мира.

Главным организатором газеты был Антонов-Овсеенко, давний меньшевик и бывший офицер царской армии. В 1905 году он взбунтовался против командира, был приговорен к смертной казни, но сбежал из заключения и занялся подпольной борьбой. В октябре 1917 года он возглавит красногвардейцев во время штурма Зимнего дворца, арестует министров Временного правительства и таким образом обеспечит успех большевистскому перевороту. Невысокий, худощавый, близорукий, переменчивый и одаренный живым воображением, будущий комиссар использовал свою изобретательность, чтобы несмотря ни на что не дать газете погибнуть. Он «выказывал упорство и оптимизм, которые удивляли даже Троцкого, хотя он и сам ни в коей мере не страдал отсутствием этих качеств». Новые узы дружбы с Антоновым-Овсеенко заменили в жизни Троцкого прежние связи: в 1923—1925 годах Антонов-Овсеенко будет одним из лидеров троцкистской оппозиции.

По-видимому, именно Антонов-Овсеенко пригласил Троцкого и Мартова в соредакторы «Нашего слова». Сначала Троцкий

отказывался, подозревая, что газета собирается обслуживать узкоменьшевистские интересы. Но в конечном итоге он занял должность соредактора и в постоянных спорах с Мартовым так сильно повлиял на взгляды Мартова на «Наше слово», что газета стала считаться личной территорией Троцкого. Луначарский, отколовшийся от Ленина большевик-богоискатель, который после революции станет наркомом просвещения, писал для «Нашего слова» и порой действовал в качестве миротворца между Троцким и Мартовым. Еще одним столпом газеты был Рязанов, тоже перебравшийся из Вены в Париж. Лозовский, будущий глава красного интернационала профсоюзов, в то время руководивший небольшой организацией еврейских шляпников в Париже, писал обзоры событий во французской политике и синдикализме. Большевик-отзовист Мануильский, будущий вождь сталинского Коминтерна и министр иностранных дел Украины, печатался в газете под именем Безработный. Его единственная «работа» на тот момент состояла в том, что он был номинальным главой «Нашего слова» и по закону нес ответственность перед властями. Он потчевал редколлегию остроумными анекдотами, которые сам сочинял и рассказывал с артистизмом первоклассного комика. Социалистка Анжелика Балабанова, наполовину русская, наполовину итальянка, разоблачала в «Нашем слове» своего старого приятеля и протеже Муссолини. Когда-то она вывела его из труппы в авангард итальянской партии, а он теперь призывал Италию отказаться от нейтралитета и вступить в войну. Также Балабанова переводила самые важные статьи Троцкого на многие языки, в особенности на итальянский, содействуя тому, чтобы основной корпус итальянской партии сохранял антивоенную позицию. Кроме того, в редколлегию входили такие люди, как Сокольников, позднее один из главных организаторов Октябрьского переворота, поставивший подпись под мирным договором в Брест-Литовске, комиссар финансов и дипломат, историк Покровский и несколько выдающихся польских социалистов.

Из внештатных сотрудников первым делом нужно отметить Чичерина, лондонского корреспондента газеты. Потомок одной из первых семей российской аристократии, бывший секретарь царского посольства, он бросил дипломатическую карьеру ради того, чтобы в неизвестности предаваться главным увлечениям своей жизни: революции, истории и музыке. В течение многих лет его часто можно было встретить в Париже, в «монпар-

ниасском отделении»¹ Французской социалистической партии. Он появлялся там незадолго до полуночи, закутанный в широкий испанский плащ, карманы которого оттопыривались от неимоверного количества книг, брошюр и газет. Там долгими ночами он неторопливо развивал свои идеи перед теми, кто готов был его слушать, подкрепляя свои доводы цитатами из карманной библиотеки. Привычки ночного существа и любовь к острым, но неспешным дискуссиям он сохранил и на посту министра иностранных дел Советской республики. В Париже Чичерин еще относил себя к меньшевикам, но по причине замкнутости и своеуравия не ввязывался в эмигрантские политические игры, так что никто даже не догадывался о скрытых в нем талантах. Мировая война застала его в Лондоне. В воспоминаниях, которые, видимо, не были опубликованы, Троцкий рассказывает, что лондонская корреспонденция Чичерина носила смутный социал-патриотический характер, но отличалась такой необычайной тонкостью и своеобразием, что Троцкий с удовольствием печатал ее у себя в газете. Позднее в Великобритании Чичерин был интернирован за антивоенную пропаганду.

Александра Коллонтай и Моисей Урицкий, бывшие меньшевики, питавшие отвращение к «социал-патриотизму» и быстро эволюционировавшие в сторону большевизма, более или менее регулярно писали из Швеции и Дании. Коллонтай займет пост наркома государственного призрения в первом ленинском правительстве, а Урицкий — он работал и для венской «Правды» — в 1917 году станет одним из главных большевистских вождей. Также среди авторов газеты были Теодор Ротштейн, англо-русский историк чартизма и будущий советский посол в Персии, Радек, Раковский и Майский, будущий советский посол в Лондоне. Редко какая газета собирала столь блестящее созвездие авторов.

Члены редколлегии единодушно противостояли войне и «социал-патриотизму»; но помимо этого они представляли различные оттенки мнений. Редакционные совещания, проходившие каждое утро в тишине, переходили в оживленные споры, которые, в свою очередь, отражались на страницах газеты. Как обычно бывает в тех случаях, когда под покровом внешнего согласия скрываются различия в образе мыслей и подходах, сложные противоречия часто приводили к ожесточенным пререка-

---

¹ Имеются в виду богемные кафе и питейные заведения парижского района Монпарнас. (Примеч. пер.)

ниям. Можно было бы не обращать на них внимания, если бы не тот факт, что в них проявилась расстановка сил, которые вскоре выйдут на революционную арену и выдвинут своих людей в качестве вождей огромных партий и массовых движений. После ленинского «Социал-демократа» газета Троцкого на тот момент была самой значительной лабораторией революции. Страстно обсуждаемые в ней вопросы касались демаркационной линии между интернационалистами и «социал-патриотами». Где, насколько четко и окончательно следует ее проводить? Ища ответ на этот вопрос, политические группировки и отдельные люди то сходились друг с другом, то расходились, пока в итоге бывшие единомышленники не оказывались по разные стороны этой границы.

В целом три группы пытались оказать влияние на «Наше слово». Мартов прилагал все силы, чтобы примирить свою приверженность к социалистическому интернационализму с меньшевизмом, и постепенно его бывшая неприязнь к большевизму превратилась в целенаправленный «прямолинейный» интернационализм, который отстаивал Ленин. С другого края находились блудные сыны большевизма Мануильский и Лозовский и в меньшей степени Луначарский, которого война снова подтолкнула к Ленину. Троцкий держался посередине, он старался сдерживать пробольшевистскую группу и убеждал Мартова в том, что тот должен отмежеваться от меньшевистских «социал-патриотов». «Заседания редколлегии, — рассказывает Луначарский, — превращались в затяжные споры, в ходе которых Мартов с изумительной гибкостью ума и почти софистской хитростью уклонялся от прямого ответа... Троцкий часто нападал на него очень сердито». В первом выпуске газеты Мартов, по существу, осудил некоторых своих единомышленников, но через несколько недель заявил, что неверно обвинять «социал-патриотов» в предательстве социализма. Тогда пробольшевистская группа возмущенно отвернулась от Мартова; но Троцкий, несмотря на весь свой полемический гнев, пока что уклонялся от разрыва с Мартовым.

Однако недавние события и затянувшаяся катастрофа европейского социализма заставили его пересмотреть прошлые разногласия и, как он сам говорит, «увидеть Ленина в новом свете». Эта перемена во всей ее постепенности, во всех ее углах и закоулках прослеживается по статьям Троцкого в «Нашем слове». В июле 1915 года он, например, признал, что довоенные распри в российской партии оказали большое влияние на теперешние

противоречия и что большевики сформировали интернационалистское ядро русского социализма. Но он по-прежнему боялся, что большевики возобладают над интернационалистами-меньшевиками. Мартов протестовал против этого и подобных заявлений, отказывался нести ответственность за указания, которые Троцкий давал редакции, и угрожал уйти из газеты. В то же время Ленин подверг Троцкого безжалостной критике на том основании, что его интернационализм якобы одни слова, ибо это не мешает Троцкому сотрудничать с меньшевистскими «социал-патриотами».

В разгар этого столкновения произошло одно важное событие, в котором Троцкий сыграл ключевую роль. 5 сентября 1915 года в Циммервальде, горной швейцарской деревушке под Берном, собралась международная конференция социалистов, первая после начала войны. Инициатива исходила от итальянских социалистов, которые ни в коей мере не собирались демонстрировать этим пренебрежение к довоенному Интернационалу. В первой половине того же года итальянский депутат и социалист Ордино Моргари отправился в Париж, чтобы просить председателя Интернационала бельгийского социалиста Вандервельде созвать сессию исполкома. «Пока немецкие солдаты расквартированы в домах бельгийских рабочих, — ответил Вандервельде, — не может быть и речи о созыве исполкома». «Значит, Интернационал — заложник в руках Антанты?» — спросил Моргари. «Да, заложник!» — ответил Вандервельде. Тогда Моргари попросил созвать конференцию хотя бы социалистических партий нейтральных стран. Вандервельде отверг и это предложение, и Моргари обратился к Мартову, Троцкому и швейцарским социалистам с предложением созвать конференцию без оглядки на старый Интернационал. Таким образом зародилось движение, ставшее впоследствии предтечей 3-го Интернационала.

Тридцать восемь делегатов из одиннадцати воюющих и нейтральных стран встретились в Циммервальде, чтобы подтвердить свою международную солидарность¹. Немецкую делегацию воз-

---

¹ Перед открытием конференции русские встретились, чтобы обсудить состав делегации. «Наше слово» выделило трех делегатов: Мартова, Троцкого и Мануильского, которые представляли три позиции, существовавшие в редакции. Ленин поставил под вопрос их полномочия, и Мартов с Мануильским отказались в пользу Троцкого. Конференция допустила Троцкого к участию и предоставила ему полное право голоса, вопреки протестам Ленина. Троцкий с некоторой обидой рассказывает об этом в «Нашем слове» (№ 212 от 9 октября 1915 г.).

главили несколько влиятельных депутатов рейхстага, она привезла приветствия от Карла Либкнехта, в то время находившегося в заключении. Французская делегация была менее внушительна, поскольку антивоенные группы занимали слабые позиции во французской партии, и на конференцию приехали лишь несколько руководителей синдикализма. Большевиков представлял Ленин, меньшевиков Аксельрод. С Балкан прибыли Раковский и Коларов, помимо этого в конференции участвовали делегаты из Польши, Швейцарии, Голландии, Италии и других стран. В обычные времена такое собрание считалось бы не слишком представительным; но в те дни, когда поддерживать контакты друг с другом считалось преступлением для граждан воюющих стран, простой факт, что знаменитые вожди рабочих движений «обменялись рукопожатиями через колючую проволоку и залитые кровью окопы», явился неслыханным вызовом всем вступившим в войну правительствам.

Однако участники конференции были не так единодушны в своих целях, как о том говорилось в их постановлениях. По большей части они были пацифисты, стремились провозгласить свои убеждения, но не собирались идти дальше. Меньшинство, сгруппировавшееся вокруг Ленина, который впервые вышел на первый план в качестве главного действующего лица не только российского, но и международного социалистического движения, убеждало конференцию занять пораженческую позицию по отношению к правительствам всех воюющих стран, призвать народы к тому, чтобы «превратить империалистическую войну в гражданскую», и заявить о необходимости создания нового Интернационала. Большинство отказалось это сделать. По основным пунктам Троцкий соглашался с меньшинством, хотя и не готов был подписаться под революционным поражением Ленина. (Троцкий писал, что в интересах социализма война должна закончиться без победителей и побежденных.) Больше того, он заявлял, что нужно преодолеть разногласия и дать конференции возможность единодушно осудить войну. С этим согласились все, и Троцкого попросили сформулировать принципы, которые вскоре стали известны как Циммервальдский манифест. В нем Троцкий впечатляюще описал плачевное положение военной Европы, возложив ответственность на капиталистический порядок, правительства и социалистические партии, изменившие собственным убеждениям, и призвал рабочий народ очнуться от опьянения шовинизмом и положить

конец резне. Несмотря на весь свой пафос, манифест не содержал ясных выводов. В нем не было призывов к гражданской войне, которая положила бы конец войне империалистической, не рисовались перспективы нового Интернационала. Конференция единодушно приняла манифест, но группа Ленина заявила о своих сомнениях. Наконец, делегаты избрали международный комитет, который номинально не противостоял 2-му Интернационалу, но тем не менее должен был стать ядром 3-го.

Только везение позволило Троцкому благополучно вернуться во Францию. На границе для досмотра открыли его багаж, а в нем он вез все циммервальдские документы. Инспектор взял их в руки, но, увидев на верхнем листке крупную патриотическую надпись «Vive le Tsar!», не стал смотреть дальше. Во время заседаний в Циммервальде Троцкий рисовал каракули на листах бумаги и ненароком переписал этот лозунг из статьи французского полуанархиста Гюстава Эрве, обратившегося в патриоты. В Париже цензура не разрешила печатать репортажи о конференции. «Тем не менее, конференция имела место, и это судьбоносный факт, господин цензор, — писал Троцкий в «Нашем слове». — Французская печать не один раз писала, что Карл Либкнехт спас честь Германии. Циммервальдская конференция спасла честь Европы». «Один бестолковый профессор, — продолжал Троцкий, — в «Journal des Débats» написал, что конференция не имела никакого значения и что она сыграла на руку Германии; такой же бестолковый профессор по другую сторону Рейна написал, что она не имела никакого значения и сыграла на руку Антанте. Если конференция столь беспомощна и ничтожна, почему же ваше начальство запретило о ней всякое упоминание? И почему, несмотря на все запреты, вам самим пришлось начать ее обсуждать? Вы будете обсуждать ее, господа... Никакая сила не вычеркнет ее из политической жизни Европы»¹. Цензура изувечила статью сильнее обычного, и пустые пробелы занимали в ней больше места, чем напечатанные строки.

Почти с самого приезда в Париж Троцкий сначала вместе с Мартовым, потом самостоятельно поддерживал связь с французскими антивоенными группировками, в основном синдикалистскими — во главе с Альфредом Росмером, Пьером Монаттом,

---

¹ Наше слово. № 218 от 19 октября 1915 г.

Бурдероном и Мерргеймом, которые позднее основали Французскую коммунистическую партию. Троцкий регулярно посещал их еженедельные заседания, проходившие под пристальным наблюдением полиции. Они пользовались его политическим опытом, он объяснял им подоплеку войны и теневые стороны событий в зарубежных рабочих движениях; он направлял их действия и привел их в Циммервальдское движение. Таким образом, он сыграл роль крестного отца Французской коммунистической партии, с которой сохранил тесные связи и в дальнейшем.

Помимо этой деятельности он продолжал зарабатывать на хлеб в качестве корреспондента «Киевской мысли». «Киевская мысль» поддержала войну, и потому Троцкому приходилось быть очень внимательным в своих статьях, чтобы не рассориться с газетой. Киевский редактор охотно печатал разоблачения немецкого империализма, присланные парижским корреспондентом, но не приветствовал, когда тот принимался критиковать Антанту. Троцкий имел возможность говорить своим читателям в России лишь половину увиденной им правды, ту половину, которая невзначай совпала с официальной политикой Российского государства. От случая к случаю он пробовал писать в такой манере, чтобы проницательный читатель мог догадаться о том, что было оставлено обозревателем между строк. Автора Циммервальдского манифеста это более чем стесняло, и потому он все чаще ограничивался репортажами и чисто военными обзорами.

Человек, бросивший из Циммервальда вызов сильным мира сего, человек, чей манифест прогремел по всей Европе, не пренебрегал черной работой журналиста. Он ездил на юг Франции и в порты Ла-Манша, чтобы набраться впечатлений и узнать о настроениях за линией фронта. Как и во время Балканских войн, он посещал госпитали, где разговаривал с ранеными, и смешивался с французскими и британскими солдатами в кафе и на рынках маленьких французских городков. С неослабевающим любопытством он выслушивал душераздирающие истории беженцев: бельгийцев, французов и сербов, — и целые блокноты списывал их рассказами. Вернувшись в Париж, он прочитывал штук по двадцать европейских газет в день, сидя в кафе «Ротонда», где почти в любое время суток можно было найти Мартова. Из «Ротонды» он бежал в библиотеку, изучал там серьезные военные газеты и другую литературу, французскую,

инглийскую, итальянскую, немецкую, австрийскую, швейцарскую. В поездках и литературных занятиях он находил отдых, они готовили его для грандиозного труда, лежавшего впереди. Как историку Римской империи Гиббону оказался небесполезным опыт, полученный им в роли капитана хемпширских гренадер, так опыт добросовестного военного корреспондента однажды пригодится основателю Красной армии.

Военная корреспонденция Троцкого, переизданная в «Сочинениях», оказалась в полнейшем забвении после его политического заката, однако же вместе с его работами в годы Гражданской войны она должна была обеспечить ему почетное место в истории военной мысли. Как почти все марксисты, которые серьезно погружались в военную тематику, он поддался сильному влиянию классических стратегических концепций Клаузевица. Хотя Троцкий был дилетантом в этих вопросах, он обладал тем преимуществом перед тогдашними военными специалистами, как последователями Клаузевица, так и его противниками, что за дымом стрельбы он видел соперничество экономических сил и политических режимов, а также то, что он яснее представлял себе моральное состояние воюющих народов.

Еще с первых недель военных действий он предсказывал, вопреки господствовавшему среди специалистов мнению, затяжную и кровавую окопную войну и высмеивал немецких эпигонов Клаузевица, возлагавших большие надежды на наступательную силу своей армии. Однако он не разделял характерные для французов иллюзии насчет чисто оборонной стратегии и войны на истощение. Троцкий указывал на то, что оборонная концепция заставляла французов неоднократно предпринимать весьма дорогостоящие, но бесплодные наступления, что война на истощение будет не менее, а более кровавой, чем обычная война. Он объяснял, что военный тупик, в который попали враждующие коалиции, является результатом равновесия их экономических ресурсов. Мы можем лишь схематично обрисовать этот подход, хотя благодаря ему Троцкий смог в первые три года войны с необычайной точностью предсказать ход успешных военных операций. С неизбежным стратегическим тупиком он связывал перспективы революции, ибо, по его расчетам, безвыходная окопная война будет тянуться до бесконечности, до основания истощит старое общество, свергнет людей в отчаяние и поднимет на бунт. Порой, надо признать, он предполагал, что стратегическое и технологическое развитие сдвинет дело с мертвой точки, но лишь в

последние годы войны, и близко подошел к тому, чтобы предсказать изобретение танка¹. Однако затянувшийся кошмар наяву, самопродлевающийся кошмар взаимного уничтожения равновесных сил, в целом омрачил его мысль; и это будет продолжаться даже в последний год войны, что, как мы увидим позже, заставит его допустить несколько серьезных ошибок в оценках.

Пока Троцкий взирал со стороны на ход военных действий и жадно впитывал военные теории, его умом овладела трагедия кровоточащей и смятенной Европы. Эта поглощенность «человеческим фактором» в войне поднимает его военные сочинения на много выше уровня профессионалов. Например, его эссе «Колючая проволока и ножницы» — это техническое исследование окопных действий и в то же время интуитивная образная реконструкция воздействия войны на психологию втянутых в нее громадных армий. Трудно поверить, что автор никогда даже не видел окопов — так глубоко он проник в их странную атмосферу, предвосхитив многое из того, что такие писатели, как Ремарк, Цвейг, Гашек, Шериф, Барбюс, Глезер и другие, напишут после войны в автобиографических романах и пьесах.

Если бы, повторяем мы, судьба военных сочинений Троцкого и то, как часто их читали и в какой мере ими пренебрегали, не была так неразрывно связана с его политической судьбой, с симпатиями и антипатиями, которые вызывало одно его имя, он занял бы свою нишу в литературе благодаря уже этим своим трудам, в особенности описательным очеркам. В них он обычно ведет рассказ о жизненных перипетиях отдельного солдата и на его примере показывает какой-то важный аспект войны. Например, в Кале в 1915 году он написал очерк «Седьмой

---

¹ Однажды он предсказал, что после войны военачальники забудут о новом оружии, которое решит исход войны, или пренебрегут им. Таким образом он почти предсказал пренебрежительное отношение к танкам британского и французского Генштабов накануне Второй мировой войны (Троцкий Л. Сочинения. Т. 9. С. 190). В саркастическом отступлении он, опережая время, отверг иллюзорную концепцию линии Мажино, которая начала оформляться на основании опыта французов в Первой мировой войне. «Торжество траншеи так очевидно, что не только специалисты милитаризма поклоняются ей, но — как это на первый взгляд ни парадоксально — и пацифисты. Один из них, кажется швейцарец, пришел к счастливой мысли, что войны можно упразднить, если укрепить государственные границы постоянными траншеями и оградить сильным электрическим током. Бедный золотушный пацифист, который ищет приюта в траншее!» (Троцкий Л. Сочинения. Т. 9. С. 7—15).

исхотный в бельгийской эпопее», где описал злоключения студента де Беера с факультета юриспруденции Лувенского университета, в судьбе которого сфокусировалась вся драма оккупированной Бельгии. Автор следует за молодым юристом с первых дней войны, через сумятицу мобилизации, через битвы, отступления, окружения и выходы из окружения, через серию странных и притом обычных эпизодов, где мы видим и чувствуем стихийный всплеск патриотизма в захваченном народе, его страдания, его невольный, часто случайный героизм — героизм, в котором переплелось трагическое и комическое, но в первую очередь сознаем бесконечную нелепость войны. Студент де Беер переживает ужасные страдания в окопах, потом его назначают солдатским адвокатом в военный трибунал, он возвращается на фронт, ненароком отличается в битве, и ему торжественно, с большой помпой вручают награду. После этого он попадает в окружение и выходит из него живым почти в одиночку, без единой царапины, потеряв в бою только очки. Его отправляют во французский госпиталь, признают негодным к службе из-за сильной близорукости и отпускают на волю. Выброшенный военной машиной в чужой стране, он не находит работы и к тому моменту, когда его встречает автор, уже голодает и ходит в лохмотьях. Благодаря совершенной простоте и реализму история читается как осовремененный фрагмент «Войны и мира». Автор ни к чему не призывает, его герой не пролетарий, а патриотические чувства бельгийцев, как будто противоречащие политическим взглядам автора, описаны с такой теплотой и сочувствием, что очерк вполне можно было бы включить в патриотическую антологию о бельгийских мучениках; и тем ярче автор разоблачает абсурдность войны.

Очерк «По записной книжке одного серба» написан в том же духе. В нем эпопея другого малого народа, который соблазняют, используют и затем растаптывают великие державы, сосредоточилась в злоключениях Тодора Тодоровича, сербского крестьянина из Баната, находящегося под властью Австрии. Тодор Тодорович дезертировал из австрийской армии. Вместе с отступающей сербской армией он бредет через горящие деревни и заледенелые горы. Ему постоянно угрожает опасность погибнуть от австрийской пули как сербскому дезертиру и изменнику либо от руки сербов как австрийскому шпиону. Всякий раз он спасается, сквозь смех и слезы, и бредет дальше, глядя на сцены Дантового ужаса, пока фактически не превращается в

символ человека, одинокого среди первобытной дикости, про-
равнейшей из-под тонкого налета цивилизации¹.

В других очерках, например в «Психологических загадках вой-
ны», Троицкий попробовал представить себя в тех условиях, где из
кровавой бойни возникнет европейская мысль. Он догадался, что
человеку из окопов будет нелегко приспособиться к «обычному»
обществу:

«Нынешняя катастрофа будет еще в течение лет, десятилетий
и столетий излучать из себя кровавые лучи, в свете которых буду-
щие поколения станут рассматривать свою судьбу, как нынешняя
Европа до вчерашнего дня чувствовала на себе излучение Великой
Французской Революции и наполеоновских войн. А как мелки те...
события от тех, которые мы теперь «делаем» или переживаем, и
особенно тех, которым идем навстречу! В человеческом сознании
есть тенденция к банальности. Оно медленно и неохотно карабка-
ется на вершины колоссальных событий и всегда при этом бессоз-
нательно стремится, несмотря на все громкие слова, уменьшить
для себя их значение, чтобы тем легче ассимилировать их... не ве-
ликие события вырастают из пружин сознания, а, наоборот, собы-
тия, возникающие из сочетания, взаимодействия и пересечения
больших объективных исторических сил, вынуждают затем нашу
косную, ленивую психологию, ковыляя и прихрамывая, приспособ-
ляться к ним. Об этом факте, горестном для нашей ставшей
второй натурой мании величия, вопит соединенными голосами
всех пушек и ружей нынешняя судьба современных культурных
наций в целом»².

В конце 1915 года усугубился раскол в циммервальдском
движении. Меньшинство во главе с Лениным все категоричнее
отмежевывалось от пацифистов-социалистов и «центристов»,
которые держались в золотой середине. Противоречия ожесто-
чались по мере того, как власти воюющих стран при поддерж-
ке «социал-патриотов» продолжали подавлять циммервальд-
ское движение, арестовывать и отправлять на фронт его лидеров

---

¹ Троицкий А. Сочинения. Т. 9. С. 87—112. «Поистине, нашему времени
не хватает Джонатана Свифта, мизантропического сатирика человеческой
низости», — сказал Троицкий в «Нашем слове» (№ 114, 16 мая 1916 г.), са-
тирически описывая, как посольства, Генштабы и академии Германии и
Франции пытаются эксплуатировать, каждый в собственных патриотиче-
ских целях, годовщину Сервантеса.

² Троицкий А. Сочинения. Т. 9. С. 244—248. Эти слова были написаны в
сентябре 1915 г.

и сторонников. Поведение меньшевистских депутатов в Думе — к тому времени всех большевистских депутатов уже приговором суда выслали в Сибирь — привело в ярость русскую эмиграцию. Вождь думских меньшевиков Георгий Чхеидзе выступал в Думе по вопросу о Циммервальде в такой двусмысленной и лицемерной манере, будто не защищал движение, а отрекался от него. Ленин тут же осудил Чхеидзе и убеждал всех русских участников циммервальдского движения последовать этому примеру.

Ситуация обострилась, когда в России вслед за Плехановым войну поддержали Вера Засулич и Потресов. Для Троцкого это стало новым ударом и разочарованием. Когда-то он поссорился с Лениным из-за своей преданности «старикам», и, хотя он успел перерасти «стариков», хотя у них возникли разногласия, он по-прежнему был им предан. Теперь же Троцкий увидел, что все они, за исключением эмигранта Аксельрода, «изменили делу». С Чхеидзе он тоже до войны имел политические связи: в 1913 году именно ему Троцкий написал письмо о Ленине, об этом «мастере разжигать дрянные склоки», «профессиональном эксплуататоре всякой отсталости в русском рабочем движении»¹. Троцкий еще пытался найти смягчающие обстоятельства в поступке Чхеидзе, но с Верой Засулич он порвал, как с Парвусом, как ни тяжело было у него на душе. Не один раз он спрашивал себя, что заставило старую гвардию отказаться от своих принципов и не правильно ли поступил Ленин, когда рассорился с ними и пошел своей дорогой.

В автобиографии Троцкий описывает свой переход к большевизму как процесс добровольного сближения с Лениным и не отдает должного тому влиянию, которое оказывали на него некоторые соратники. На самом деле, как видно из страниц «Нашего слова», его подталкивали и подгоняли в этом направлении сотрудники — сторонники большевизма, которые хотя и не занимали такого же влиятельного положения, но быстрее схватывали тенденции перестановки сил и заставляли его от-

---

¹ Письмо к Чхеидзе обнаружилось в архивах русской полиции в 1921 г. Ольминский, занимавшийся партийными архивами, написал Троцкому и спросил, стоит ли публиковать письмо. Троцкий рекомендовал не публиковать, так как, по его словам, было бы неполитично воскрешать старые споры, поскольку он не думает, что всегда ошибался, критикуя большевиков. (см. письмо Троцкого к Ольминскому от 6 декабря 1921 г. в архивах Троцкого).

казываться от былых привязанностей и делать выводы из новой ситуации¹.

«Никто не должен и не обязан [писал один из них] разделять сектантскую узколобость [ленинской группы]... но нельзя отрицать, что... в России в разгар политического действия так называемый ленинизм освобождается от своих сектантских черт... и что рабочие группы, связанные с «Социал-демократом» [газетой Ленина], в данное время являются единственной в России и последовательно интернационалистской силой... У тех интернационалистов, которые не входят ни в одну фракцию, не остается иного выхода, кроме как слиться с ленинистами, что в большинстве случаев означает вступление в ленинскую организацию... Конечно, есть опасность, что из-за этого слияния мы лишимся некоторых ценных качеств... но дух классовой борьбы, который живет не в литературных лабораториях, а в пыли и напряжении массовых политических раздоров, окрепнет и смело разовьется»².

Другой автор, сам бывший меньшевик, попытался объяснить, почему основатели российского социализма переродились в «социал-патриотических оппортунистов». Они начали свой путь в политике и литературе с критики волюнтаристских народнических утопий, и это наложило отпечаток на их мировоззрение. Возражая народникам, они сосредоточивались исключительно на «объективных условиях», на том, что в России исторически возможно и что невозможно, и стали рабами собственного детерминизма. Заслуги меньшевиков в анализе социальных условий России и попытках европеизировать социал-демократическое движение несомненны (заслуги, уточнил автор, которые с ними делит «Правда» Троцкого). Но они полностью пренебрегали необходимостью развивать революционную волю, способную менять социальные условия, в которых она проявляется. Принцип воли и действия занимал в марксистском учении столь же важное место, сколь и детерминизм; и этот принцип, заключал автор, воплотила ленинская группа. Вот почему меньшевики плыли по течению к социал-патриотическому разгрому, а большевики имели силу сопротивляться течению³.

---

¹ Когда Троцкий писал автобиографию в 1929 г., большинство бывших сотрудников «Нашего слова», сочувствовавших большевикам, перешли на сторону Сталина и ополчились против Троцкого.

² Наше слово. № 15 от 19 января 1916 г.

³ Автором статьи был К. Залевский, польский социалист, который до войны стоял на стороне меньшевистских ликвидаторов. (Наше слово. № 35, 36, 11 и 12 февраля 1916 г.).

Мануильский и Лозовский, в особенности Мануильский, говорили примерно то же. Пока отказываясь принимать ленинизм в виде «готовой и отшлифованной формы новой интернационалистской идеологии», критикуя его «национальную ограниченность и прямолинейную неразвитость», Мануильский тем не менее настаивал на том, что большевизм, благодаря особому вниманию к воле и действию, по праву стал ядром русского революционного движения. «История, — писал он, — поставила русский рабочий класс в более благоприятное положение для революционной инициативы, чем то, в котором оказался западный пролетариат... Оно налагает на нас более высокую ответственность и долг, чем на европейское рабочее движение». Тем нужнее было найти общий язык с группой Ленина. Мануильский осторожно критиковал Троцкого, не называя его имени, за то, что он искал оправданий двойственному поведению Чхеидзе и других депутатов от меньшевиков¹.

Эти мнения довольно ощутимо подействовали на Троцкого. Если такой человек, как Мануильский, не полностью преодолел отвращение к «сектантской» и чересчур русской стороне большевизма, то тем сильнее оно было у Троцкого. Но Троцкий тоже призывал к тесному сотрудничеству с «активной и влиятельной группой ленинистов», хотя пока еще боялся остаться с ней один на один. Когда он сделал сближение с большевиками в своей редакционной политике, Мартов после многочисленных ультиматумов и контрультиматумов в конце концов с негодованием ушел из «Нашего слова». Так закончилась еще одна старая дружба, а Троцкий сделал еще один шаг в сторону Ленина и 3-го Интернационала.

Однако, что бы там ни было, ни Троцкий, ни даже Ленин еще не решались окончательно разойтись со 2-м Интернационалом. Весной 1916 года вожди 2-го Интернационала, встревоженные тем откликом, какой вызвало циммервальдское движение, наконец собрались в Гааге на конференции международного бюро. В «Нашем слове» Лозовский призывал русских социалистов бойкотировать встречу или посетить ее только для того, чтобы демонстративно заявить о своем выходе из довоенной организации. В ответ, что представляет значительный интерес для историков 3-го Интернационала, Троцкий призвал занять более осторожную позицию: «Возможно, что мы, левые, можем позволить себе не присутствовать на Гаагской конференции, если за нами будут

---

¹ Наше слово. № 75—78 от 29 марта — 1 апреля 1916 г. В неподписанных передовицах тех же выпусков Троцкий продолжал защищать Чхеидзе.

стоять массы. Тогда мы можем поехать туда только ради демонстрации... как, заранее решая вопрос, Лозовский предвзято советует нам сделать. Но также возможно, что расстановка сил в рабочем движении заставит нас временно занять место левого крыла в *их* [то есть 2-м] Интернационале». Он напомнил, что циммервальдское движение возникло не с целью основания нового Интернационала. В этом вопросе Троцкий занимал несколько менее определенную позицию, чем Ленин. В конце апреля 1916 года Ленин увлек за собой вторую конференцию циммервальдского движения, собравшуюся в швейцарском Кинтале. Троцкий не приехал — французские власти не пропустили его через границу. Но в «Нашем слове», наперекор свирепствующей цензуре, он заявил о солидарности с кинтальскими резолюциями.

Разногласия по более широким вопросам по-прежнему разделяли Троцкого и Ленина. Во-первых, они придерживались разных мнений относительно революционного пораженчества. Троцкий писал, что революция не заинтересована в дальнейшем накоплении военных неудач, а Ленин объяснял, что военный разгром России выгоден революции. На первый взгляд кажется, что здесь столкнулись два противоположных мнения, кстати, именно так и представляют дело сталинистские историки. На самом деле различие заключалось не в политике, а в пропагандистском акценте. И Ленин и Троцкий призывали социалистов распространять свои взгляды и идеи среди рабочих и солдат и превратить войну в революцию, даже если это ослабит вооруженные силы страны. Оба соглашались, что боязнь национального поражения не должна отвлекать социалистов от выполнения долга. Сколь бы провокационной ни была пораженческая позиция Ленина, он не просил своих последователей участвовать или побуждать других к участию в диверсиях, дезертирстве и других пораженческих акциях. Он лишь утверждал, что, хотя революционная агитация ослабит военную мощь России, российские социалисты обязаны по долгу и по чести пойти на этот риск в надежде, что немецкие революционеры поступят так же, и в конечном итоге все империалистические правительства будут побеждены объединенными усилиями интернационалистов. Таким образом, поражение любой отдельной страны окажется не более чем эпизодом в движении революции из страны в страну. Троцкий, а вместе с ним и многие из ленинских сторонников, не пожелали связывать судьбу революции исключительно с военным поражением. Троцкий утверждал, что достаточно пропагандировать и подготавливать революцию неза-

висимо от ситуации на фронтах. Каждая позиция с точки зрения тех, кто ее разделял, имела свои преимущества и недостатки. Отказавшись от пораженчества, Троцкий, будучи интернационалистом, пока что избежал обвинений в содействии врагу. Позиция Ленина, несмотря на все ее очевидное неудобство в тактическом смысле, лучше подходила для того, чтобы привить революции иммунитет против воинствующего патриотизма и воздвигнуть непреодолимый барьер между Лениным и его противниками. В 1917 году оба эти мнения без противоречий и трений слились в линии большевистской партии.

Другое разногласие касалось «Соединенных Штатов Европы». Хотя это понятие стало считаться отличительным знаком троцкизма, Ленин еще в сентябре 1914 года включил его в свои тезисы. «Соединенные Штаты Европы» воплощали несокрушимую надежду и Ленина и Троцкого на то, что к концу войны вся Европа будет охвачена пролетарской революцией. Однако Ленин возражал против того, как Троцкий излагал идею объединенной Европы, поскольку Троцкий в какой-то момент, казалось, утверждал, что революция может разразиться в России только одновременно с общеевропейским восстанием. Эта точка зрения, указывал Ленин, может стать оправданием для бездействия и заставить социалистов любой страны пассивно дожидаться, пока за дело примутся другие. Кроме того, в ней содержится пацифистская иллюзия, будто бы Соединенные Штаты Европы можно воздвигнуть и на капиталистическом фундаменте, а не только на социалистическом. Революция, писал Ленин, может развиваться и победить в России прежде, чем в остальной Европе, так как «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Троцкий дал некоторые основания для этих критических замечаний, когда, увлеченный грандиозной перспективой объединенного социалистического континента, утверждал, что война, разрушающая национальное государство, также разрушает национальную основу для революции. Но если проследить весь ход рассуждений Троцкого, то ленинское истолкование его слов представляется неверным, так как Троцкий с самого начала утверждал, что русская революция победит первой, а затем подвигнет на революционное восстание всю остальную Европу.

На ленинскую критику Троцкий ответил так: «Что ни одна страна не должна «ждать» других в своей борьбе, это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять...

Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах». Дальше он развивал тему, в которой содержались семена будущих противоречий, не с Лениным, а с его преемником. «Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, — писал Троцкий, — это совершенно бесспорное соображение», и потому революция скорее всего сначала победит в одной стране; «но самая эта неравномерность весьма неравномерна». Некоторые европейские страны достигли куда более высокого уровня в экономическом и культурном смыслах, но «по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собою капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции». Поэтому нет необходимости обдумывать перспективы революции, надолго или навсегда изолированной в одной отдельно взятой стране. Не надо впадать в «национально-революционный мессианизм, который считает именно свое национальное государство — по состоянию ли его индустрии или по его демократической форме и революционным завоеваниям — призванным ввести человечество в социализм или в «демократию». Если б победоносная революция действительно мыслима была в пределах одной более подготовленной нации, этот мессианизм, связанный с программой национальной обороны, имел бы свое относительное историческое оправдание». «Бороться за сохранение национальной базы революции такими методами, которые подрывают интернациональные связи пролетариата, значит фактически подкапываться под революцию, которая не может не начаться на национальной базе, но которая не может на ней завершиться при нынешней экономической и военно-политической взаимозависимости европейских государств»¹.

С этой позицией Ленин не спорил. Что удивительно в словах Троцкого, так это его предвидение, причем выраженное негативно, «национально-революционного мессианизма», который считает свое национальное государство призванным ввести человечество в социализм. Сталин в будущем станет его выразителем².

---

¹ Наше слово. № 87 от 12 апреля 1916 г.

² Разумеется, Троцкий считал совершенно ясным, что капиталистические Соединенные Штаты Европы — чистая утопия. Грозный империализм, писал он, пытается объединить старый континент под своей властью; но даже если бы это ему удалось, то это был бы принудительный военный

Подходил к концу второй год пребывания Троцкого в Париже, когда 15 сентября 1916 года французская полиция закрыла «Наше слово». На следующий день Троцкому было предписано выехать из страны. Депутаты-социалисты обратились с протестом к премьер-министру Аристиду Бриану и получили отсрочку для Троцкого. Законных оснований для депортации не было. В «Нашем слове» ни одна строчка не могла появиться без разрешения цензуры, и, хотя Троцкий часто пререкался с цензорами и потешался над ними, он все-таки скрупулезно выполнял все их указания. Да и французское правительство без излишней строгости относилось к связям Троцкого с пока еще слабыми антивоенными группировками. Но русское посольство строило козни против революционной эмиграции, и французам волей-неволей пришлось уступить желанию союзника. Посольству помог случай. Среди русских солдат, высадившихся в Марселе, вспыхнул мятеж, отчасти спровоцированный тайным агентом русской полиции. Утверждалось, что мятежники действовали по указке «Нашего слова». Троцкий боялся, что французы экстрадируют его в Россию. Шесть недель он тщетно пытался добиться разрешения на въезд в Швейцарию, Италию или Скандинавию транзитом через Англию, но 30 октября его задержали два полицейских агента и доставили на испанскую границу.

Перед высылкой он адресовал «открытое письмо» пионеру французского марксизма Жюлю Геду, ставшему военным министром:

«Может ли честный социалист не бороться против вас? В эпоху, когда буржуазное общество — чьим смертельным врагом вы, Жюль Гед, когда-то были — полностью разоблачило свою истинную природу, вы превратили социалистическую партию в послушный хор, подпевающий корифеям капиталистического бандитизма... Социализм Бабефа, Сен-Симона, Фурье, Бланки, Коммуны, Жореса и Жюля Гед — да, и Жюль Гед тоже — в конце концов нашел своего Альбера Тома, чтобы обдумывать вместе с царем вернейший способ захватить Константинополь... Сойдите со своего военного автомобиля, Жюль Гед, выйдите из клетки, в которую заперло вас капиталистическое государство, оглядитесь вокруг. Быть может, судьба в первый и последний раз сжалится

альянс и таможенный союз, пародия на Соединенные Штаты Европы, написанная огнем и мечом немецкого милитаризма. Только социалистическая революция может породить добровольный союз народов (Наше слово. № 29 от 4 февраля 1916 г.).

над вашей несчастной старостью и вы услышите приглушенную поступь грядущих событий. Мы ждем их, мы вызываем их, мы их готовим».

Он въехал в Испанию, надеясь перебраться оттуда в Италию и Швейцарию — итальянские друзья все еще добивались для него разрешения на въезд. Но, выдворяя Троцкого из Франции, французские власти предупредили испанскую полицию о том, что к ним в страну проник «опасный анархист». Один день Троцкий провел в гостинице Сан-Себастьяна и с печальной иронией созерцал там картину «La Muerte del pecador» («Смерть грешника»), висевшую над кроватью. Оттуда он отправился в Мадрид и, в ожидании вестей из Италии, десять дней слонялся без дела, смешиваясь с веселой и шумной толпой, наблюдая за красочными торжествами и делая заметки. Он не говорил по-испански и никого не знал в Мадриде, кроме одного французского социалиста, управляющего в испанском отделении французской страховой компании. 7 ноября — через год в этот самый день он возглавит большевистское восстание — Троцкий провел в музее Прадо и бегло записал в блокноте размышления о «вечном» элементе испанской классической живописи, противопоставив ему не столь величественную, но задушевную и утонченную притягательность французского импрессионизма.

Через два дня во время спортивного мероприятия его заметили и арестовали полицейские агенты. Боясь, что испанская полиция может посадить его на корабль и отправить в Россию, он стал рассылать налево и направо письма и телеграммы с протестами. В письме к испанскому министру внутренних дел он с обычной цветистостью и сарказмом объяснял, что не знает испанского языка, не знаком ни с единым гражданином Испании, не напечатал ни строчки по-испански и ходил только по музеям да церквям. Единственная причина его ареста, как ее представил Троцкому шеф мадридской полиции, заключалась в том, что «у него чересчур передовые для Испании взгляды». Социалистическая и республиканская пресса шумно потребовала его освобождения. Через три дня Троцкого под конвоем отправили в Кадис. Там ему разрешили остаться под умеренным полицейским надзором и дожидаться прибытия первого же корабля, на котором ему придется покинуть Испанию¹.

---

¹ В мадридской тюрьме он делал длинные дневниковые записи, с юмором описывал тюрьму, тюремную администрацию, заключенных и свои пререкания с тюремщиками. Одним из заключенных был «король воров»,

В Кадисе Троцкий провел шесть недель, бомбардируя испанское правительство протестами и убивая время в компании полицейского агента в ветхой библиотеке, где в такой тишине, что «можно было слышать, как книжный червь проедает свои фолианты», погрузился в старые французские и английские книги. Он делал заметки и выписывал выдержки об испанских революциях и контрреволюциях, о том, как они сказывались на корриде, об испанском либерализме и об интригах великих держав на Пиренейском полуострове². Наконец в порт Кадиса зашел корабль, направлявшийся на Кубу. Троцкий запротестовал и отказался сесть на корабль и после некоторого тревожного ожидания получил разрешение дожидаться прибытия корабля, идущего в США. Итальянские друзья написали ему, что надеются вскоре добыть для него визы в Италию и Швейцарию. «Когда я уже в Кадисе, — шметил он, — вся Европа повернулась против меня». 20 декабря под присмотром полиции ему позволили уехать в Барселону, куда из Парижа прибыли его жена и двое сыновей. Из Барселоны он вместе с семьей сел на ветхий испанский корабль, битком набитый богатыми дезертирами и нищими «персонами нон грата» из всех европейских стран. По крайней мере, нейтральный флаг корабля хоть как-то защищал от немецких подводных лодок. Накануне Нового года корабль миновал Гибралтар.

«В последний раз, — написал Троцкий Альфреду Росмеру, — я бросаю взгляд на старую каналью Европу».

Холодным и дождливым воскресным утром 13 января 1917 года Троцкий высадился в нью-йоркской гавани. Колония российских социалистов с энтузиазмом приветствовала автора Циммервальдского манифеста. Речам и овациям не было конца.

У Троцкого был «изможденный вид, он постарел, в лице читалась усталость», — рассказывает русский американец и коммунист М. Ольгин, который приезжал к нему в Вену за пять лет до

«работавший» по всему миру. К нему с почтением относились и заключенные и охранники. Король воров поинтересовался у Троцкого, какие шансы предоставляет Канада предприимчивому вору — у кого же и спрашивать, как не у полиглата, пацифиста и анархиста. «Канада? — отвечаю я нерешительно. — Там, знаете, много фермеров и молодой буржуазии, у которой должен быть культ собственности, как, например, в Швейцарии».

² После визита в старую гавань Кадиса, где Троцкий стал свидетелем жестокой драки, он отметил в дневнике: «Гигантские нужны домкраты, чтобы поднять культуру масс».

того. «Разговор вертелся вокруг провала международного социализма», что было также темой лекций, с которыми вскоре после прибытия Троцкий начал выступать перед русскими, финскими, латвийскими, немецкими и еврейскими социалистами в Нью-Йорке, Филадельфии и других городах.

Семья обосновалась в Бронксе, сняв жилье (за восемнадцать долларов в месяц) на 164-й улице. В дешевой квартирке Троцких ждала непривычная роскошь: впервые в жизни у будущего вождя революции был собственный домашний телефон. В воспоминаниях разных американцев содержатся живописные зарисовки из жизни Троцкого в Нью-Йорке: один вспоминает его голодающим портным, другой посудомойщиком в ресторане, а третий киноактером. Троцкий не признает за собой ничего подобного, да и его близкие знакомые, такие как Зив и Ольгин, не рассказывают ни о чем таком в своих мемуарах. Он зарабатывал на жизнь лекциями и журналистикой¹.

В Нью-Йорке русские эмигранты издавали газету «Новый мир», в редколлегию которой входили Бухарин, Коллонтай и Володарский. Троцкий сразу же стал главным столпом газеты. Впервые он так тесно сотрудничал с большевистской группой. Бухарин жил в Вене в то время, когда Троцкий издавал венскую «Правду», но острая борьба фракций не давала им сойтись. А теперь между ними завязалась дружба, которой суждено будет прерваться, хотя и не до конца, лишь через восемь лет, когда Бухарин станет сподвижником Сталина. Коллонтай из меньшевички превратилась в одну из самых фанатичных ленинисток. Володарского, называвшего себя «американским рабочим по происхождению и образу жизни», тоже очень привлекал большевизм — этот русский американец привнесет в большевистскую революцию нечто от американской энергичности и порядка. Какое-то время Троцкий отождествлял себя с этим кружком, хотя еще и не с большевистской партией в целом.

Во время пребывания в Соединенных Штатах, которое продолжалось немногим более двух месяцев, Троцкий едва успел познакомиться с жизнью американцев и, как он сам говорит,

---

¹ Один любопытный рассказ появился в «New York Herald Tribune» (14 февраля 1932 г.): в нем Троцкий изображается актером в роли начальника станции в фильме «Моя законная жена». Актером, говорит автор, Троцкий оказался никудышным, без индивидуальности и сексуальной привлекательности — застенчивый, скромный человек, который никогда не заговаривал ни о политике, ни о социализме.

«только одним глазом заглянул внутрь кузницы, где будет выковываться судьба человечества». Нью-Йорк завораживал его и очаровывал как статистическое доказательство благосостояния США, которое быстро росло с началом войны. Но умом и сердцем он оставался со Старым Светом. «Величайший по значению экономический факт, — сказал он, выступая на митинге, — состоит в том, что Европа разоряется в самых основах своего хозяйства, тогда как Америка обогащается. И, глядя с завистью на Нью-Йорк, я, еще не переставший чувствовать себя европейцем, с тревогой спрашиваю себя: выдержит ли Европа? Не превратится ли она в кладбище? И не перенесется ли центр экономической и культурной тяжести мира сюда, в Америку?»¹ И тогда, и в течение последующей жизни он мечтал, что США внесут огромный и неповторимый вклад в марксизм и социализм, который превзойдет своим масштабом и наступательной энергией тот, что Америка уже внесла и продолжает вносить в развитие капитализма. Но пока американская социалистическая партия казалась ему узкой, нерешительной, до нелепости местнической, а управляли ею замысловатые социалистические «разновидности мистера Бэббита, дополняющего свои коммерческие дела вялыми воскресными размышлениями о будущем человечества». К примеру, «Бэббитом всех Бэббитов», говорил он, «является Хилквит, идеальный социалистический вождь преуспевающих зубных врачей». Единственным исключением он считал Юджина Дебса, первопроходца и мученика, который хотя и был плохим марксистом, но горел «непотухающим внутренним огнем социалистического идеализма... При встречах он обнимал и целовал меня»².

В середине марта 1917 года пришли первые сбивчивые новости о «беспорядках» в российской столице. Из-за перебоев телеграфной связи агентства продолжали сообщать о «хлебных бунтах». Но уже 13 марта Троцкий писал в «Новом мире»: «Мы являемся свидетелями начала второй русской революции. Будем надеяться, что многие из нас станут ее участниками». Лихорадочное возбуждение охватило русскую колонию, митинги шли без остановки. «И Троцкий на всех, естественно, был гвоздем собрания, — писал д-р Зив, меньшевик и «социал-патриот». — Митинг иногда оттягивался на несколько часов, потому что Троцкий, уча-

---

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 308.

² Там же. Т. 1. С. 313.

ствовавший одновременно на нескольких митингах, физически не мог успеть всюду. Но публика терпеливо ждала его, жаждая услышать слово, бросающее свет на то грандиозное, что происходило в России». С самого начала, неодобрительно рассказывает Зив, Троцкий нападал на только что учрежденное Временное правительство князя Львова. Разве не позор, выкрикивал он на митингах, что первым революционным министром иностранных дел стал Милюков, который звал красный флаг красной тряпкой, а первым военным министром Гучков, который раболепствовал перед Столыпиным. Единственный человек с левыми взглядами в правительстве — Керенский — был просто заложником. «Что такое случилось с Троцким? Чего он хочет?» — удивленно спрашивали друзья Зива.

Как Троцкий принял революцию и чего он ждал от нее, можно понять из его статей в «Новом мире». За две недели, прошедшие между первым известием о петроградских «хлебных бунтах» и его отъездом из Нью-Йорка, он четко и исчерпывающе изложил основные идеи, о которых будет говорить в течение всего года. Когда стал известен состав правительства и когда это правительство призвало вернуться к порядку, он написал: «Могучая лавина революции в полном ходу, — никакая сила человеческая ее не остановит». Либералы боялись захлебнуться в волне народного движения, которая подняла их к вершинам власти. Поэтому они призывали считать цели революции выполненными, «как будто железная метла революции уже вымела дотла реакционную нечисть, которая скопьялась веками вокруг» царского трона. «Пласт за пластом будет теперь подниматься страна — все угнетенные, обездоленные, обобранные... Во главе народных масс России революционный пролетариат выполнит свою историческую работу: он изгонит монархическую и дворянскую реакцию из всех ее убежищ и протянет свою руку пролетариату Германии и всей Европы. Ибо нужно ликвидировать не только царизм, но и войну»¹.

Троцкий обвинил первое революционное правительство в том, что оно унаследовало от царизма имперские замашки и планы относительно Балкан и Дарданелл, и с надеждой приветствовал появление Петроградского Совета, видя в нем потенциальное правительство, которое непременно должно отвоевать позиции у старой власти во главе с кадетами (конституционными демократами). Когда стало очевидно, что Совет работает под предводи-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 5—7.

тельством меньшевиков и его председатель Чхеидзе поддержал правительство князя Львова и одобрил его внешнюю политику, Троцкий яростно обрушился на Чхеидзе, которого еще недавно защищал от большевиков, и на Керенского, сказав, что этот «молодой саратовский адвокат... не имеет большого значения на весах революции». Меньшевики и эсеры играли на патриотических настроениях крестьян, чтобы оправдать свою позицию в поддержку войны. Но настоящее значение имеет не мнимый патриотизм, писал Троцкий, а земельный голод. Царь, помещики и буржуазия изо всех сил старались отвлечь крестьянство от аграрной революции ради империалистической войны. Задача социализма — привести крестьян из империалистической войны в аграрную революцию. «Помещичья земля, а не Константинополь!» — скажет солдат-пролетарий солдату-крестьянину»¹. Для ежемесячного журнала американо-еврейских социалистов «Zukunft» Троцкий написал статью, где еще четче выразил эту мысль: «Крестьянские массы восстанут в деревнях и, не дожидаясь решения конституционного собрания, начнут изгонять крупных помещиков из их имений. Все усилия устранить классовую борьбу... не приведут ни к чему. Обыватель думает, что революция делается революционерами, которые по своему желанию могут остановить ее на любой точке»².

Так, отделенный океаном и материком от арены действий, сквозь туман сумбурных и противоречивых известий, он ясно ухватил направление событий, сформулировал проблемы революции и без колебаний указал на тех, кого теперь считал ее врагами, пускай даже вчера они были его друзьями. Но еще оставалось ответить на вопрос: какая партия — истинная партия революции, *его* партия?

Однако, так прозорливо и точно нарисовав образ революции, он набросил на эту картину вуаль мечты и фантазии. В душе он лелеял надежду на общее восстание европейского пролетариата и видел в петроградском мятеже простую прелюдию к нему. На этой надежде зиждились все его идеи, она даст ему крылья, чтобы подняться на вершину, а ее крушение сломит и раздавит его. На страницах «Нового мира» мы можем увидеть, как Троцкий ведет первое из многих сражений с иллюзией. Перед самым отъездом из Нью-Йорка он попытался ответить критикам, дока-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 17—20.

² Там же. С. 27—28.

зывавшим, что Россию даже при правительстве князя Львова нужно защищать от вторжения кайзеровских войск. Даже в тот момент Троцкий не отказался от антивоенных взглядов:

«Русская революция [так он отвечал своим критикам] представляет неизмеримо большую опасность для Гогенцоллерна, чем аппетиты и замыслы империалистической России. Чем скорее революция сбросит с себя гучковско-милюковскую шовинистическую маску и откроет свое пролетарское лицо, тем могущественнее будет отклик, какой она встретит в Германии, тем меньше будет у Гогенцоллерна охоты и возможности душиить русскую революцию, — у него будет достаточно хлопот у себя дома.

— А если немецкий пролетариат не поднимется? [спрашивает критик] Что мы будем делать тогда?

— То есть вы предполагаете, что русская революция может пройти бесследно для Германии?.. Но ведь это совершенно невероятно.

— Ну, а если все же?..

— Нам, в сущности, незачем сейчас ломать себе голову над таким невероятным предположением. Война превратила всю Европу в пороховой склад социальной революции. Русский пролетариат бросает теперь в этот пороховой склад зажженный факел. Предполагать, что этот факел не вызовет взрыва, значит мыслить наперекор законам исторической логики и психологии. Но если бы случилось невероятное, если бы консервативная социал-патриотическая организация помешала немецкому рабочему классу в ближайшую эпоху подняться против своих правящих классов, — тогда, разумеется, русский рабочий класс защищал бы революцию с оружием в руках. Революционное рабочее правительство вело бы войну против Гогенцоллерна, призывая братский немецкий пролетариат подняться против общего врага... Дело шло бы не о «защите отечества», а о защите революции и перенесении ее на другие страны»¹.

Так, каждый раз, пытаясь ответить на вопрос «Что будет, если в Германии не произойдет революции?», он на самом деле уходил от вопроса. Казалось, он убегает от своей мечты только затем, чтобы вновь с головой окунуться в нее, и отказывается от надежды только затем, чтобы снова ей покориться. Он не видел ни перспектив, ни надежды, ни жизни вне европейской революции.

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 17—20.

27 марта Троцкий с семьей и небольшая группа других эмигрантов после шумного прощания на многоязычном митинге социалистов отплыла из Нью-Йорка на борту норвежского корабля «Христианиафиорд». Впервые в жизни он путешествовал как «приличный» человек, без труда получив все необходимые документы, разрешение на въезд в Россию и британскую транзитную визу. Он не ждал никаких осложнений. Тем больше он удивился, когда 3 апреля «Христианиафиорд» бросил якорь в Галифаксе, в канадской провинции Новая Шотландия, и британская морская полиция силой сняла его вместе с семьей с корабля. Троцкого доставили в лагерь для немецких военнопленных в Амхерсте, а его жену и двух сыновей поместили под пристальный надзор. Другим русским эмигрантам, плывшим вместе с ним, тоже не дали продолжить путь. Они все отказались говорить с британским офицером, который их допрашивал, о своих политических взглядах и целях поездки в Россию и заявили, что это не касается британской полиции.

Из лагеря Троцкий составил телеграммы с протестом русскому правительству и британскому премьер-министру, но телеграммы конфисковали на месте, и они так и не достигли адресатов. Тем не менее интернирование Троцкого превратилось в политический скандал. Большевистский исполком Петроградского Совета потребовал освободить Троцкого: «Революционная демократия России с нетерпением ждет к себе своих борцов за свободу, созывает под свои знамена тех, кто усилиями своей жизни подготовил низвержение царизма. Между тем английские власти пропускают в Россию одних эмигрантов и задерживают других... Английское правительство совершает этим недопустимое вмешательство во внутренние дела России и наносит оскорбление русской революции, отнимая у нее ее верных сынов». По всей России устраивались митинги протеста, и министр иностранных дел Милюков обратился к британскому послу с просьбой освободить Троцкого. Однако два дня спустя он отменил просьбу, прекрасно понимая, что от Троцкого ему нечего ждать, кроме враждебности. Тем временем, просидев в лагере почти месяц, Троцкий бушевал, негодовал и сыпал проклятиями в адрес лагерной администрации. В Амхерсте сидело 800 немецких пленных, в основном матросов с потопленных подводных лодок. Троцкий выступал перед ними, объяснял идеи Циммервальда и рассказывал о борьбе против кайзера и войны, которую ведет Карл Либкнехт в Германии. В лагере гремели его речи, и жизнь в нем превратилась в «сплошной ми-

тинг». По настоянию немецких офицеров комендант лагеря запретил Троцкому выступать перед солдатами. «Британский полковник встал немедленно на сторону гогенцоллернского патриотизма», — усмехался Троцкий. 500 с лишним моряков подписали протест против запрета. Наконец, после интриг и неуклюжих заявлений, Милюков был вынужден вновь потребовать освобождения Троцкого. 29 апреля Троцкий покинул Амхерст под звуки «Интернационала», исполняемого лагерным оркестром, и приветственные крики немецких матросов, провожавших его до самых ворот.

После трех без малого недель морского путешествия 17 мая (4 мая по старому стилю) Троцкий приехал в Петроград на поезде через Финляндию. На том же поезде, в том же купе ехали Вандервельде, председатель 2-го Интернационала, и де Ман, другой выдающийся бельгийский социалист. Им обоим не терпелось внушить воинственный и патриотический дух своим русским товарищам. Троцкий и Вандервельде по-разному описывают свою встречу. Первый утверждает, что отказался разговаривать с «социал-патриотами», а второй рассказывает о долгом и, пожалуй, недружелюбном, но вежливом разговоре. Что бы там ни было на самом деле, водораздел между 2-м и 3-м Интернационалом в течение нескольких часов проходил через это купе.

На русской границе Троцкого встречала делегация петроградских интернационалистов. ЦК большевиков тоже направил к нему делегата с приветствием, но не без холодности: встречающий был не из лидеров большевистской партии. На петроградском вокзале толпа под красными флагами вынесла на руках Троцкого из поезда, и он тут же призвал эту толпу к новой революции.

Глава 9

ТРОЦКИЙ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Троцкий прибыл в Петроград 4 мая по старому стилю. Революции в то время было десять недель от роду, и в эти недели события сменяли друг друга с головокружительной быстротой, так что даже для человека, который с 1905 года лелеял воспоминания о запруженных толпами петроградских улицах, столица предстала в фантастическом виде. Революция началась с того, на чем закончилась в 1905-м, но успела далеко уйти от точки отсчета. Царь и его министры по-прежнему считались государственными преступниками, но большинству бывших подданных они уже казались призраками давнего прошлого. Вековая пышность монархии, ее ужасы и идолы словно бы растаяли вместе с последними зимними сугробами.

Ленин вернулся ровно за месяц до Троцкого и нашел Россию, по его словам, самой свободной страной в мире. Российская свобода, разумеется, была лишь свободой слов и выражений, но ею люди пользовались в полной мере, как будто надеялись в ожесточенных спорах изобрести новый способ существования, раз уж старый привел страну на край пропасти. Этот напряженный поиск новых принципов, новых форм и нового содержания общественной жизни, поиск, в котором массы смиренного и попранного народа участвовали с большим достоинством, характеризовал нравственную атмосферу Петрограда весной 1917 года. Никакая власть, никакая истина не считались само собой разумеющимися. Господствовала весьма туманная вера в то, что революцией двигало благое побуждение залечить раны угнетенного народа. Общественный характер восстания отразился даже в облике города. Улицы и площади фешенебельного центра посто-

янно наводняли жители окраинных трущоб. Тысячи рабочих и солдат собирались на митинги, которые сутки напролет шли на улицах, заводах, в казармах на окраинах. Красные флаги, считавшиеся еще недавно запрещенными знаменами мятежников, возвышались над неоклассическими зданиями на Неве. То, что в революции преобладают рабочие и солдаты, можно было видеть в любой случайной сцене и уличном происшествии. Новоприбывшему достаточно было только бросить взгляд на столицу, чтобы понять всю абсурдность того, что первым министром революционного правительства стал и оставался князь Львов.

Едва только Троцкий успел перевезти семью и вещи на меблированную квартиру, как тут же отправился в Смольный институт, где заседал Петроградский Совет¹. Как раз проходило заседание исполкома Совета, преемника того исполкома, вдохновителем которого был Троцкий в 1905 году. Председательствовал его бывший товарищ Чхеидзе, Троцкий совсем недавно нападал на него в «Новом мире». Чхеидзе поднялся, приветствуя Троцкого, но без особой радости. Последовало минутное замешательство. Меншевики и эсеры, составлявшие большинство в исполкоме, не знали, кто этот новоприбывший — враг или друг, ведь из давнего друга он как будто превратился во врага. Большевики предложили ввести бывшего вождя Совета 1905 года в состав нынешнего Совета. Меншевики и эсеры посоветовались друг с другом озадаченным шепотом и согласились допустить Троцкого на заседания в качестве ассоциированного члена без права голоса. А больше он ничего и не желал: для него имело значение не право голоса, а возможность быть услышанным с главной революционной трибуны.

Однако холодный прием не мог не раздосадовать его. Как писала Анжелика Балабанова, секретарь циммервальдского движения, он даже подозревал, что партийные руководители недостаточно энергично добивались его освобождения из британского плена, так как не слишком торопились увидеть его рядом с собой. «И меньшевики и большевики смотрели на него со злобой и недоверием... отчасти из-за страха соперничества». Как бы там ни было на самом деле, факт остается фактом: в феврале—мае определились политические группировки, партии и фракции сформировали ряды и прояснили позиции, руководители заняли свои посты и приступили к выполнению обязанностей. В 1905 году

---

¹ Далее словом «Совет» обозначается Петроградский Совет, если не указано иное.

Грощкий вернулся первым из эмигрантов. Теперь же он оказался последним. Складывается впечатление, что для человека с его талантами и честолюбием просто не нашлось подходящей вакансии.

В тот момент у любой партии, кроме большевистской, были причины опасаться нового и непредсказуемого влияния. Режим, возникший в результате Февральского восстания, впервые утратил свое неустойчивое равновесие и старался вновь обрести его с помощью изощренных комбинаций и маневров. Первое правительство князя Львова прекратило свое существование. В нем были представлены только дворянство и высший слой буржуазии: первое гучковскими консерваторами, вторые милюковскими кадетами. Меньшевики и эсеры, преобладавшие в Совете, обещали поддерживать правительство, но не вошли в него. Однако правительство не смогло бы просуществовать ни единого дня без поддержки созданного революцией Совета, так как власть фактически принадлежала ему. Наконец сложилась такая ситуация, когда умеренно социалистические партии в Совете больше не могли поддерживать правительство, не входя в него.

Партии, сформировавшие первое правительство князя Львова, пытались ограничить революцию свержением Николая II и по возможности сохранить монархический строй, а также продолжить войну и восстановить порядок в обществе и дисциплину в армии, без которой невозможно вести войну. Рабочие и солдаты, последовавшие за Советом, напротив, надеялись на расширение революции и на скорейшее заключение «демократического мира без аннексий и контрибуций». Умеренные социалисты пытались примирить вступившие в конфликт требования и неизбежно втягивались в вопиющие противоречия. Они пытались содействовать правительству в продолжении войны и в то же время утолить жажду мира в народе. Перед своими сторонниками они говорили, что новое правительство отказалось от захватнической политики царя: от русского господства на Балканах, от завоевания Галиции и Константинополя — и стремится к справедливому и демократическому миру¹. Князь Львов силился запустить старый административный механизм, унаследованный от самодержавия, в то время как солдаты и рабочие считали настоящей властью Советы. Эсеры и меньшевики рассчитывали на то, что новая сис-

¹ «Милюков... утверждал, что овладение Константинополем было жизненно важным вопросом для России», — писал британский посол в России сэр Джордж Бьюкенен в «Моей миссии в России».

тема управления соединит в себе и старую администрацию, и Советы. Правительство прилагало все усилия для восстановления дисциплины в уставшей от войны и бунтующей армии, где солдаты отказывались подчиняться офицерам и слушались только избранных ими самими комитетов. Умеренные социалисты заверяли, что помогут правительству восстановить дисциплину, но одновременно призывали солдат защищать отвоеванные права, обозначенные в знаменитом Декрете Совета № 1, направленном против царских генералов и офицеров. Правительство хотело оградить земельную собственность от посягательств, а крестьяне требовали поделить помещичьи владения. Эсеры и меньшевики старались отсрочить решение этого жизненно важного вопроса до созыва Учредительного собрания, который, в свою очередь, тоже постоянно откладывался.

Разумеется, эта неустойчивая башня, построенная на словесных уловках и обмане, в один прекрасный день неизбежно должна была рухнуть на головы своих же строителей. Впервые она дрогнула в апреле. Гучков, не в силах восстановить армейскую дисциплину, подал в отставку с поста военного министра. Вскоре после этого Милюкову пришлось оставить пост министра иностранных дел. В ноте западным союзникам России он заявил, что новое правительство будет неуклонно следовать военным целям своих царских предшественников. Заявление спровоцировало такой взрыв народного возмущения, что правительство князя Львова не могло больше продолжать работу.

Начала проявляться неумолимая логика революции. За два месяца революция лишила доверия и полностью истощила и первое правительство, и сформировавшие его партии. Незадолго до того, в последние дни царского режима, министр и будущий президент Французской республики Думерг во время государственного визита в Петроград призывал лидеров кадетской партии терпеливо улаживать свои разногласия с царем. «При слове «терпеливо» Милюков и Маклаков вскочили с места: «Хватит терпеть! Наше терпение истощилось! Да к тому же, если мы не будем действовать быстро, народ перестанет нас слушать». Эти слова станут одним из любимых рефренов революции, а теперь они рикошетом ударили по Милюкову. Умеренно социалистическое большинство в Совете не собиралось смещать его с должности. Но когда он открыто заявил перед правительством и страной, что намерен преследовать военные цели самодержавия, меньшевики и эсеры вскочили с мест: «Хватит терпеть! Наше терпение исто-

нилось! Да к тому же если мы не будем действовать быстро, народ перестанет нас слушать». Народ перестал бы их слушать, если бы они все управление страной оставили вождям тех классов, которые не совершали Февральской революции, но использовали ее плоды.

Таким образом возникла первая коалиция кадетов и умеренных социалистов. Когда Троцкий появился на заседании исполкома Совета, новые партнеры как раз делили места в правительстве. В него должны были войти «десять капиталистических министров и шесть социалистических». Старшим партнером была кадетская партия, поэтому программа нового правительства в основных вопросах не отличалась от предыдущей. Шесть социалистических министров лишь слегка разбавили ее, чтобы сделать более приемлемой для Совета. Керенский, имевший связи с эсеровской партией, сменил Гучкова на посту военного министра. Церетели, самый выдающийся меньшевистский вождь того периода, бывший думский депутат и каторжанин, стал министром почты и телеграфа. Чернова, главу эсеров и участника Циммервальдской конференции, назначили министром сельского хозяйства. Скобелев, бывший ученик и помощник Троцкого, стал министром труда.

5 мая, на следующий день после приезда Троцкого, социалистические министры выступали перед Советом, призывая его поддержать коалицию. Вошел Троцкий, встреченный бурными аплодисментами, и Скобелев обратился к нему как к «дорогому и любимому учителю». С места Троцкого попросили высказать свое мнение о главном событии дня. Он заметно волновался при своем дебюте под нейтральным взором неведомой массы и под враждебными возгласами двух-трех десятков социал-предателей. Он осторожно начал с того, что восславил величие революции и такими словами описал ее влияние на весь мир, что этим сразу же низвел событие дня на скромный уровень. Если бы только, сказал он членам Совета, они смогли увидеть и оценить, как удалось увидеть и оценить ему, что революция потрясла не только Европу, но и Америку, им бы тоже стало ясно, что Россия «открывает новую эпоху, эпоху крови и железа, но уже в борьбе не наций против наций, а класса страдающего и угнетенного против классов господствующих»¹. Эти слова резанули слух социалистических министров, которые обязались продолжить войну и

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 1. С. 45—46.

обуздать бушующую стихию революции. «Я не могу скрыть, — продолжал он, — что со многим из того, что сейчас происходит, я не согласен. Я считаю, что вхождение в министерство опасно... Коалиционное министерство не избавит нас от двоевластия, а лишь перенесет его в министерство». Большевики говорили ровно то же самое: они тоже задумывались о разделении власти между Советом и правительством. Затем, словно не желая обидеть старых друзей, Троцкий заговорил более примирительным тоном: «Но от коалиционного министерства революция не погибнет. Нужно только помнить три заповеди: 1) недоверие к буржуазии, 2) контроль над собственными вождями и 3) доверие к собственной революционной силе». Он говорил от первого лица множественного числа — «мы должны», «наша сила», как бы для того, чтобы в обычной для него манере отождествить себя с бывшими товарищами. Но по существу речи он был непримирим: «Я думаю, что следующим вашим шагом будет передача всей власти в руки рабочих и солдатских депутатов. Только единовластие спасет Россию». Его слова снова прозвучали как ленинский лозунг. Долгую и блестящую речь он завершил призывом: «Да здравствует русская революция, как пролог к мировой революции!» — и аудитория была увлечена если не его идеями, то искренностью и красноречием, с которыми он их высказывал.

Один за другим министры вставали для ответа. Чернов обещал, что социалисты заставят правительство почувствовать их силу, но для этого им нужна единодушная поддержка Совета. Церетели задержался на опасностях, ожидающих Советы, если они откажутся разделить власть с буржуазией. Скобелев предостерег «дорогого учителя»: в разгар революции «холодный разум нужен не меньше горячего сердца». Совет проголосовал за доверие новым министрам. Против голосовало только крайнее левое меньшинство.

Как своего настоящего вождя Троцкого встретила политическая группа, называемая межрайонной, — межрайонная организация, со времени возникновения которой в 1913 году Троцкий был ее вдохновителем и писал в ее газетах и брошюрах. Межрайонка даже не мечтала стать партией. Это была временная ассоциация социал-демократов, которые не принадлежали ни к большевикам, ни к меньшевикам и упорно проводили политику оппозиции войне, князю Львову и «социал-патриотам». Ее влияние ограничивалось несколькими рабочими районами Петрограда, но и там ее авторитет подавляла быстро растущая популяр-

ность большевиков. Однако в эту малочисленную группу входили бывшие меньшевики или большевики, когда-то занимавшие видное положение, которое вскоре им предстояло занять снова. Большая их часть: Луначарский, Рязанов, Мануильский, Покровский, Иоффе, Урицкий, Володарский — печатались в газетах Троцкого. Несколько других, например Карахан и Юренев, позднее приобрели известность как ведущие советские дипломаты. Все вместе они составляли блестящую политическую элиту, но их организация была слишком слаба и мала, чтобы они имели возможность действовать независимо. Когда приехал Троцкий, межрайонка как раз обдумывала свое будущее и, в частности, слияние с большевиками и другими левыми группировками. На публичных митингах ее агитаторов постоянно спрашивали, чем их организация отличается от большевиков и почему они не соединяются с ними. На этот вопрос, по правде говоря, они не могли дать удовлетворительного ответа. Они разошлись с большевиками в результате долгой и запутанной вражды еще в старой партии, и разногласия между ними уже отошли в прошлое.

7 мая большевики и межрайонная организация устроили Троцкому особый прием, а 10 мая они встретились, чтобы обсудить предполагаемое слияние. Приехал Ленин в сопровождении Зиновьева и Каменева, и Троцкий впервые увидел его после их не слишком дружеской встречи в Циммервальде. Об этом заседании у нас есть только отрывочная, но содержательная запись в личных бумагах Ленина. Троцкий повторил то, что сказал на приеме в свою честь: он отказался от старой позиции и больше не призывает к единству между большевиками и меньшевиками. Только те, кто полностью порвал с «социал-патриотизмом», должны объединиться под флагом нового Интернационала. Потом он, видимо, спросил, считает ли Ленин по-прежнему, что русская революция носит лишь буржуазный характер и что ее итогом будет «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», а не пролетарская диктатура. Кажется, он не вполне представлял себе, какую радикальную переориентацию большевистской партии недавно произвел Ленин. Целый месяц до приезда Троцкого Ленин потратил на яростные споры с правым крылом партии во главе с Каменевым и убедил партию отказаться от «старых большевистских» взглядов на перспективы революции. Можно допустить, что Троцкому тогда же это и объяснили. По крайней мере, его зять Каменев, если не кто-нибудь другой, должен был сказать ему, что большевистские оппоненты Ленина да

и сам Каменев упрекали вождя в том, что он полностью принял теорию «перманентной революции» и променял большевизм на троцкизм.

Действительно, пути Ленина и Троцкого, так часто уходившие в разные стороны, наконец сошлись. Они оба пришли к выводам, которые стали ясны оппоненту гораздо раньше и которые до сих пор они яростно оспаривали. Но ни один из них не согласился с точкой зрения другого сознательно. Мысль каждого двигалась с разных исходных оснований и разными путями, которые теперь свели их вместе. Как мы видели, события войны постепенно заставили Троцкого согласиться с тем, что единство рабочего движения нельзя восстановить, что восстанавливать его неправильно и даже вредно, что долгом революционных интернационалистов было создать новые партии. Ленин пришел к этому выводу задолго до войны, но только в том, что касалось русской партии. Война заставила Ленина обобщить его и применить ко всему международному рабочему движению. Непроизвольные реакции и рассуждения Ленина главным образом основывались на его российском опыте, хотя только этот опыт не мог сформировать его позицию. Троцкий, напротив, шел от обобщения в международном масштабе к применению принципа в России. Какой бы ход мысли ни привел их к общим заключениям, они сделали одни и те же практические выводы.

Такую же разницу в подходе и тождественность выводов можно увидеть в том, как они оценивали перспективы революции. В 1905—1906 годах Троцкий предугадал сочетание антифеодального и антикапиталистического элементов в русской революции и описал российское восстание как прелюдию к международной социалистической революции. В то время Ленин не захотел увидеть Россию как первопроходца коллективистского социализма. Он выводил характер и перспективы революции из исторической стадии развития России и ее социальной структуры, в которой самый значительный элемент составляло единоличное крестьянство. Однако во время войны он начал рассчитывать на социалистическую революцию в передовых европейских странах и находить место для русской революции в международной перспективе. Теперь же решающим фактором ему казалось не то, что Россия еще не созрела для социализма, но то, что она была частью Европы, которая, как считал Ленин, для социализма созрела. Поэтому он больше не

индее причин, которые бы заставили русскую революцию ограничиться так называемыми буржуазными целями. Опыт февральского режима еще яснее показал ему, что невозможно свергнуть власть помещиков, не свергнув и не лишив собственности класс капиталистов; и это означало установление «диктатуры пролетариата».

Хотя бывшие разногласия между Лениным и Троцким сошли на нет, они занимали совершенно разное положение. Ленин был признанным лидером большой партии, которая хотя и была в Советах меньшинством, но уже стала объединительной площадкой для всей пролетарской оппозиции февральскому режиму. Троцкий и его соратники составляли блестящее созвездие генералов без армии. Как личность Троцкий мог быть услышан с революционной трибуны; но только массовая и организованная партия могла превратить слова в долгосрочные дела. Обе стороны нуждались друг в друге, хотя и в разной степени. Что могло быть лучше для Ленина, чем ввести плеяду талантливых пропагандистов, агитаторов, мастеров тактики и красноречия во главе с Троцким в «генштаб» своей партии. Но он гордился созданной им партией и полностью сознавал, какими преимуществами она обладает. Он считал, что Троцкий и его товарищи должны *вступить в его* партию. В ней он собирался предоставить им все демократические права и разделить с ними влияние и даже, как показывают факты, был готов к тому, что их голоса перевесят голоса его сторонников по некоторым важным вопросам. Но он не был готов к тому, чтобы отказаться от своей партии и создать новую организацию, слившись с мелкой политической группировкой. Для этого ему пришлось бы либо лицемерить, либо излишне потворствовать чужому тщеславию.

На заседании 10 мая Ленин просил Троцкого с товарищами немедленно вступить в партию большевиков. Он предложил им места в руководящих органах и редколлегии «Правды»¹. Он не ставил никаких условий. Он не просил Троцкого отречься от прошлого, даже не упоминал о бывших противоречиях. Он сам постарался забыть о них и рассчитывал, что Троцкий последует его примеру, потому что Ленин старался привлечь к общему делу любого, кто был готов помочь. В то время он даже надеялся воссоединиться с Мартовым, который отделился от меньше-

---

¹ Еще раньше Ленин предлагал большевистскому ЦК пригласить Троцкого на место редактора популярной газеты партии, но комитет это предложение отверг (Красная летопись. 1923. № 3).

виков, остался верен циммервальдской программе и находился в оппозиции к коалиционному правительству¹.

Гордость помешала Троцкому тут же принять предложение Ленина. Кроме того, он должен был рассмотреть возражения, выдвинутые некоторыми его товарищами, которые упрекали партию Ленина в недостатке демократии и «сектантских поведенках», имевших место в большевистских комитетах и на совещаниях. Троцкий, так долго критиковавший ленинскую партию теми же словами, теперь не видел в этих опасениях ничего серьезного. Отвечая Ленину, он остановился на перемене, которая недавно произошла в большевистской партии. Большевизм, как сказал он, «интернационализировался» и «большевики разбольшевичились». Поэтому политически он полностью согласен с Лениным, а также принимает большинство технических предложений Ленина касательно их немедленного сотрудничества. Но именно потому, что большевистская партия так резко и так выгодно изменилась, не надо просить его с товарищами причислить себя к большевикам. «Я называться большевиком не могу... Признания большевизма требовать от нас нельзя». Надо объединиться в новой партии под новым названием на совместном заседании обеих организаций. Троцкий должен был понимать, что на этом заседании большевики в любом случае получают подавляющее большинство, и таким образом все его претензии сократились до «навешивания ярлыков». Слишком мелко было это разногласие, чтобы оправдать то, как он и его соратники цеплялись за свою политическую обособленность. Но пока что решение вопроса отложили на будущее.

Примерно в то же время у Ленина спросили, что же по-прежнему не дает им с Троцким соединиться, несмотря на их полное согласие друг с другом, и он ответил: «А вы не знаете? Амбиции, амбиции, амбиции», — вспоминает Балобанова. Объявить себя большевиком для Троцкого означало молча капитулировать, причем не теперешнему Ленину, а Ленину из прошлого, и этому он противился. Однако капитуляция была неизбежной в том числе и потому, что именно Ленин из прошлого, эмигрант, был главным строителем организации, которая превратилась в

---

¹ Луначарский («Революционные силуэты», с. 69) пишет: «В мае и июне 1917 Ленин желал союза с Мартовым». Сам Луначарский даже много времени спустя надеялся, что Мартов еще может стать лидером правого крыла большевистской партии, и высказал эту надежду в книге, опубликованной в 1923 г. (Луначарский А.В. Указ. соч. С. 70).

партию революции. С другой стороны, в новой программе большевистской партии воплощались скорее идеи Троцкого, а не Ленина. За это Троцкий не получил ни признания, ни одобрения. Хотя такая несправедливость могла сильно обидеть Троцкого, Ленин почти наверняка не осознавал ее, к тому же, даже если бы он и хотел отдать должное Троцкому в какой бы то ни было форме, это было для него практически невозможно. В разгар революции у революционной партии не было времени на щепетильность по поводу авторской принадлежности политических идей. Во второй половине того же года Ленин чрезвычайно высоко оценил Троцкого, сказав, что с тех пор, как он порвал с меньшевиками, нет лучшего большевика, чем Троцкий. У Троцкого, с его стороны, было слишком много здравого смысла, чтобы понять, как было бы нелепо подчеркивать свою непревзойденную политическую дальновидность. Для него практическая политика революции тоже имела бесконечно более важное значение, чем старые теоретические прогнозы. В колебаниях Троцкого просто отразилась последняя вспышка его сопротивления Ленину.

Какое-то время он оставался политическим кондотьером. Осматриваясь в поисках связей, он обратил внимание на редакцию горьковской «Новой жизни». Они с Максимом Горьким уже давно знали и высоко ценили друг друга. Различия в возрасте, характере и образе мыслей не позволяли им стать закадычными друзьями, но время от времени они сотрудничали, особенно когда Горький отдалился от Ленина. Горький стоял посередине между большевиками и меньшевиками и в своей выдающейся газете увещевал обе партии, проповедуя обеим революционную мораль. Он надеялся на политический подъем Троцкого в уверенности, что, как и он сам, Троцкий постарается примирить противников в социалистическом лагере. Первые высказывания Троцкого в Петрограде вызвали у Горького дурные предчувствия, а в его газете шептались о том, что «Троцкий еще хуже Ленина». Тем не менее Горький организовал встречу его редакционной коллегии с Троцким. Сразу же стало ясно, что у них противоположные цели. Кроме того, влияние Горького было чисто литературным. Его газета, несмотря на все свои журналистские достоинства, не поддерживала серьезных связей с организациями, которые формировали общественное мнение и активно участвовали в революции. В марксистской политике великий писатель был по-детски наивен. Однако с недостатком скромности, присущим знаменитому самоучке, он встал в позу политического оракула. Трудно предста-

вить себе нечто более несообразное, чем то, что Троцкий солидаризируется с Горьким, не говоря уж о том, чтобы принять его в качестве политического наставника. Троцкий искал твердых рамок организации, прочного якоря в реалиях революции, и Горький не мог предложить ему ничего подобного. Обмен мнениями вызвал у них обоюдное разочарование, и Троцкий положил ему конец, заявив, что ему не остается ничего иного, кроме как объединиться с Лениным.

Тем временем он основал газету «Вперед», орган межрайонной организации. Но хотя газета и располагала множеством великолепных авторов, успеха она не имела. В то время популярности добивались только те газеты, которые могли опереться на сильную финансовую поддержку или на бескорыстное содействие широко разветвленной организации. У газеты «Вперед» не было ни того ни другого. Сначала она выходила раз в неделю, потом стала выходить нерегулярно, и всего было напечатано шестнадцать номеров, прежде чем межрайонная организация волилась в большевистскую партию.

И все же Троцкий оказывал влияние на политическую жизнь столицы, но не письменным, а устным словом. Он часто выступал на многочисленных митингах, обычно вместе с Луначарским. За две-три недели после приезда они с Луначарским завоевали невероятную популярность как самые красноречивые ораторы левого крыла Совета. Излюбленным местом выступлений Троцкого была кронштадтская военно-морская база, расположенная у самой столицы; и Кронштадт вообще сыграл чрезвычайно важную роль в его дальнейшей политической судьбе. Весь флот был охвачен восстанием. В Кронштадте создалось нечто вроде красной республики, не подчинявшейся никому. Матросы яростно сопротивлялись попыткам навязать им какую-либо дисциплину. Министерство назначало к ним комиссаров, причем некоторые из них были дискредитированы связями со старым режимом и даже с черносотенцами. Моряки не допускали их на корабли, а кое с кем и попросту расправлялись. Троцкий призывал матросов сдерживать свой буйный нрав и не мстить, но в то же время изо всех сил старался разжечь в них революционный пыл.

В конце мая министры-социалисты обвинили матросов перед Советом, и Троцкий выступил в их защиту. Он не оправдывал крайностей, но доказывал, что их можно было бы избежать, если бы правительство не назначало комиссарами в Кронштадт скомпрометированных и ненавистных матросам людей. «Наши ми-

нистры-социалисты, — воскликнул он, — не борются с черносотенной опасностью, а объявляют войну кронштадтским матросам и солдатам. Если восторжествует реакция, то черносотенные комиссары приготовят для нас веревку, а кронштадтские солдаты будут с нами умирать»¹. Эту фразу часто цитировали позже, когда кронштадтские матросы отправились на защиту правительства Керенского во время корниловского мятежа. Троцкий также написал для матросов пламенный манифест, в котором от их имени обращался к стране и выступал против Военного министерства, — это была первая неудача Керенского с тех пор, как он стал министром. Отныне матросы верно следовали за Троцким, охраняли его, почти боготворили и подчинялись ему, призывал ли он их к действию или к сдержанности и хладнокровию.

В те дни он много времени проводил на трибуне цирка «Модерн», где почти каждый вечер выступал перед огромными толпами. В цирк набивалось столько народу, что Троцкого обычно передавали до трибуны на руках над головами слушателей, и со своего возвышения он ловил взволнованные взгляды дочерей от первого брака, присутствовавших на митингах. Он говорил на злободневные темы и разъяснял цели революции с обычной для него логикой и остротой, но он же и впитывал дух толпы, ее обостренное чувство справедливости, ее желание все видеть четко и ясно, ее напряжение и ожидания. Позднее он вспоминал, как при одном взгляде на толпу слова и доводы, которые он давно приготовил, отступали и растворялись в его мозгу и как бы из подсознания приходили другие слова и доводы, неожиданные для него самого, но отвечающие потребностям слушателей. Тогда его собственный голос казался ему чужим, он говорил, стараясь не отставать от стремительного прилива мыслей и фраз и боясь, что, как лунатик, может вдруг проснуться и сорваться. Здесь политика переставала быть очищенной квинтэссенцией уединенных размышлений или споров в узком кругу профессиональных политиков. Он эмоционально сливался с теплой и темной человеческой массой, становился ее средством выражения. Его стали до такой степени отождествлять с цирком «Модерн», что, когда он возвращался в Таврический дворец или Смольный, где заседал Совет, и обрушивался на своих оппонентов или спорил с ними, ему кричали: «Здесь вам не цирк «Модерн!» или «В цирке-то вы по-другому говорили!»².

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 1. С. 52.

² Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 15—16; Reed John. Ten Days that Shook the World. С. 17.

В начале июня в Петрограде состоялся I Всероссийский съезд Советов. Он продолжался три недели. Впервые партии и партийные вожди столкнулись друг с другом на общенациональном форуме, в единственном выборном органе, который существовал в тогдашней России. На долю умеренных социалистов приходилось около пяти-шести голосов. Ими руководили штатские интеллектуалы, но в их рядах сильно бросались в глаза военные мундиры и крестьянские рубахи. На крайнем левом фланге среди 120 членов оппозиции преобладали рабочие крупных промышленных центров. Съезд отразил разрыв между военными и крестьянскими элементами провинций и пролетарскими элементами больших городов. За несколько дней до съезда в Петрограде прошли муниципальные выборы и выявили значительные перемены. Кадеты, преобладавшие в правительстве, потерпели сокрушительный провал на своих самых «надежных» участках. Большевики собрали половину голосов. Рабочие окраины единодушно проголосовали за большевиков. Большевики явились на съезд полными надежд победителями. Большевики принесли с собой свежую уверенность в будущей победе.

Представители левой оппозиции использовали против большинства его же успех. У князя Львова и кадетов, говорили они, жалкая кучка последователей. Умеренные социалисты представляют подавляющее большинство страны. Почему же они удовлетворялись ролью министерских чернорабочих при кадетях? Почему не сформировали свое правительство, раз демократия предоставила им это право и почетную обязанность? В таком духе выступал Ленин. Это же было и главной темой речи Троцкого¹. Хотя Троцкий приводил несколько более резкие доводы, чем Ленин, он обращался к большинству в более дружелюбном тоне, апеллируя к общим интересам и судьбам. Он постарался открыть глаза меньшевикам и эсерам на их униженное положение и убедить их порвать отношения с буржуазными партиями. Он сказал, что бесполезно превращать правительство в примирительную камеру общественных классов. «Примирительная камера в революционную эпоху править не может». Князь Львов и приверженцы представляют классы, привыкшие повелевать и господствовать; а социалистические министры с их чувством неполноценности слишком легко позволяют себя запугивать. Одна-

---

¹ I Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 142—149. Пересказ речи Троцкого основан на этом источнике — в поздних переизданиях дружеские ссылки на меньшевиков были исправлены.

ко потом Троцкий дружески отозвался о Пешехонове, наименее известном из социалистических министров, на что большинство съезда ответило аплодисментами. Троцкий заявил, что правительство, состоящее из одних Пешехоновых, будет «серьезным шагом вперед». «Вы видите, товарищи, что я в этом вопросе исхожу не из какой-нибудь фракционной, партийной точки зрения, а из более широкого взгляда». Он согласился с социалистическими министрами в том, что рабочие классы должны соблюдать дисциплину; но их нельзя дисциплинировать с помощью капиталистических министров и ради капиталистической политики. На этом строилась вся агитация крайнего левого фланга, которая вызывала недовольство большинства.

«Так называемые левые агитаторы... — говорил он, — готовят завтрашний день русской революции... Я смею думать, что мы своей работой не подрываем ваш авторитет, а являемся необходимой составной частью в подготовке завтрашнего дня... Товарищи, я вас не надеюсь сегодня переубедить — это было бы слишком дерзкой мыслью с моей стороны, но то, чего я хотел бы достигнуть сегодня, — это пробудить в вас мысль, что если мы делаем вам оппозицию, то не из враждебных, не из вредных, не из каких-нибудь корыстных фракционных побуждений, а потому, что мы, как и вы, болеем теми же болячками, страдаем всеми страданиями революции. Но мы видим другие ответы, чем вы, мы твердо убеждены, что если вы утверждаете сегодняшний день русской революции, то мы готовим для вас ее завтрашний день»¹. В тот момент Ленин больше не доверял своим противникам, как доверял им Троцкий, хотя и соглашался, что «министерство из 12 Пешехоновых» было бы по сравнению с коалицией шагом вперед.

Дискуссия приобрела оттенок озлобления из-за «случая Гримма». Гримм — швейцарский парламентарий, социалист и пацифист, участвовавший в Циммервальдской конференции. В Циммервальде он принадлежал к «центру» и не поддерживал революционную тактику Ленина. Позднее он помог организовать поездку Ленина из Швейцарии в Россию через Германию. В мае Гримм передал главам руководящих партий в Петрограде послание от немецкого правительства, которое прощупывало Россию на предмет заключения мира. Русское правительство выслало его из страны как немецкого шпиона, но не раскрыло причин высылки.

---

¹ I Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 149.

Строго говоря, Гримм не был немецким шпионом. Как простодушный пацифист, он считал вполне естественным прозондировать почву на предмет мира. Не очень сведущий в интригах русской революционной политики, он не мог понять, с какой стати русским социалистам — тем ли, кто, как большевики и Троцкий, требовал мира, или тем, кто, как меньшевики, просто продолжал обещать его скорейшее заключение, — находить что-то предосудительное в его действиях. Ленин и Троцкий не знали, что он сделал. Однако, осудив Гримма как немецкого шпиона, правительство тут же воспользовалось этим обстоятельством для того, чтобы дискредитировать русских участников циммервальдского движения. Милюков прочел речь, в которой, по сообщениям, заклеил Ленина и Троцкого ярлыком немецких агентов. Троцкий выступил на съезде в защиту Гримма. Он считал, что правительство было не право, выслав Гримма, и видел в инциденте зловещие интриги Милюкова. Ссылаясь на обвинения Милюкова, Троцкий повернулся к столу журналистов и сказал: «С этой трибуны революционной демократии я говорю и обращаюсь к честной русской печати с просьбой, чтобы мои слова были воспроизведены: до тех пор пока Милюков не снимет с нас этого обвинения, на его лбу останется печать бесчестного клеветника»¹.

«Произнесенное с силой и достоинством заявление Троцкого, — так писала газета Горького, — встречает единодушную овацию всего зала. Весь Съезд без различия фракций бурно аплодирует в течение нескольких минут»². На следующий день Милюков заявил, что не называл Троцкого и Ленина немецкими агентами — он лишь сказал, что правительство должно арестовать их за подрывную деятельность³.

Это был в последний раз, когда съезд так единодушно аплодировал Троцкому. По мере продолжения дебатов разрыв между партиями вырисовывался все более четко. Страсти разгорелись по поводу последней Думы. Выборы в нее прошли в 1912 году, причем право голоса имел весьма ограниченный круг людей; она работала при царе не как настоящий парламент, а как совещательная ассамблея, и подавляющее большинство в Думе составляли царские подпевалы. Кадеты настаивали на восстановлении Думы, которую надеялись использовать в качестве псевдопарламентской опоры для своего правительства. Большевики и эсеры пред-

¹ I Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 158.

² «Новая жизнь» от 6 июня 1917 г.

³ «Речь» от 7 июня 1917 г.

ложили Совету неясную резолюцию, которую остроумно перефразировал Мартов: «Признать Государственную Думу несуществующей, но ни в каком случае не посягать на ее существование»¹. Луначарский сказал, что Думу пора похоронить как пережиток позорного прошлого. Троцкий поддержал его саркастической речью. Когда на одном из следующих заседаний он снова поднялся и, как обычно, начал выступление со слова «товарищи», его прервали криками: «Какие мы вам товарищи?» и «Не зовите нас товарищами!». Он замолчал и передвинулся ближе к большевикам².

Главный вопрос, который занимал внимание съезда, касался положения в армии. После Февральской революции на русском фронте ничего не происходило. Под давлением западных союзников правительство и Генеральный штаб приступили к подготовке нового наступления и стремились заручиться одобрением Советов. Генштаб также настаивал на пересмотре знаменитого Декрета № 1, «великой солдатской хартии вольностей». По этому поводу Троцкий выступил со своей главной речью и предупредил правительство о том, что после понесенных армией огромных потерь, после развала всех служб снабжения в результате неумелых действий, спекуляций и морального разложения армия не способна к дальнейшим военным действиям. Наступление окончится катастрофой, попытка восстановить старую дисциплину ни к чему не приведет. «К счастью для всей русской истории, наша революция раз навсегда ликвидировала старую психологию русской армии, психологию саранчи... когда сотни тысяч умирали пассивно, стихийно, не давая себе отчета в существовании своей жертвы... Я говорю: да будет проклят тот исторический период, который мы оставили за собой! Если мы сейчас ценим героизм, так не этот массовый, стихийный, бессознательный, а героизм, который проходит через каждое индивидуальное сознание»³. У армии нет идеи, чтобы сражаться за нее. «Я говорю, что в этой самой армии, которая вышла через революцию... существуют и будут существовать идеи, лозунги, цели, которые способны эту нашу армию, крестьянскую и рабочую армию, сплотить единством энтузиазма... Армия Великой французской революции, путем голосования или каким угодно другим путем, способна была отвечать и отвечала на призыв к наступлению со-

---

¹ I Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 295—298.

² Там же. С. 352.

³ Там же. С. 353.

вершено сознательно. В чем же дело? Все дело в том, что такой связующей армией цели в настоящее время нет... Каждый мыслящий солдат ставит перед собой вопрос: во имя каких целей он будет наступать, или, если говорить в более субъективной форме, каждый мыслящий солдат говорит себе: из тех пяти капель крови, которые я пролью сегодня, не будет ли только одна пролита за интересы русской революции, а четыре за французскую биржу и за английский империализм»¹. Если Россия сумеет развязаться с империалистическими союзами, если власть старых правящих классов будет уничтожена, а Советы создадут новое демократическое правительство, тогда «мы именем этой армии кликнем клич ко всем европейским народам с призывом, что есть сейчас на карте Европы цитадель революции».

Затем он возобновил свой вечный диалог со скептиками, у которых не было полной уверенности «в том, что эта революция разразится и что русская революционная армия, русская демократия найдет в Европе союзников»: «Гарантий нам никаких история не дала. Да, история не дала нам, революционной России, никаких гарантий, что мы вообще не будем раздавлены, что наша революция не будет задушена коалицией мирового капитала и что мы не будем распяты на кресте мирового империализма». Русская революция представляет столь великую опасность для имущих классов всех стран, что они постараются ее уничтожить и превратить Россию в колонию европейского или, что более вероятно, американского капитала. Но испытание силы еще впереди, и Советы обязаны быть к нему готовыми. «Если в этом случае Германия не поднимется или же поднимется слишком слабо, то мы двинем наши полки им навстречу не для обороны, а для революционного наступления». В этот миг чей-то голос с места прервал эффектную концовку речи: «Будет поздно». Прежде чем закончился год, стало ясно, что анонимный голос оказался прав. Но в Троцком, который выступал перед съездом, ясно проглядывали черты человека, который, не имея за спиной никаких вооруженных сил, не только будет противостоять дипломатии Гогенцоллернов и Габсбургов, но и создаст в итоге Красную армию.

На съезде Троцкий в последний раз встретился с Плехановым. Они холодно называли друг друга «гражданами», не «товарищами». Воинственный настрой Плеханова достиг апогея, и его

---

¹ I Всероссийский съезд Советов. Т. 1. С. 354.

шовинистические вспышки смущали даже меньшевиков, так что они старались держаться от него подальше. Но съезд горячо почтил былые заслуги Плеханова, а он в ответ угостил их избитой патриотической проповедью. Троцкий дерзко упрекнул его за это, и Плеханов ответил высокомерной речью, где сравнивал себя то с Дантоном, то с Лассалем, а угнетенные и подавленные войска русской революции — с армиями Кромвеля и якобинцев, которые «воспаряли духом», стоило им отпить из «чаши с живительным соком революции». Больному ветерану революции Плеханову и в голову не могло прийти, что как раз его молодому оппоненту, занимавшему гораздо более скромное положение, предназначено стать русским Дантоном и дать русской армии глоток «живительного сока революции».

На заседаниях большинство в основном легкомысленно относилось к ленинской партии и сочувствующим ей. Церетели, выступая в поддержку коалиционного правительства, бросил вызов делегатам, спросив, есть ли в России хоть одна партия, готовая в одиночку взять ответственность за власть; Ленин перебил его с места, сказав, что его партия к этому готова. Большинство заглушило слова Ленина громким смехом. Делегаты из дальних губерний не знали, что в Петрограде влияние оппозиции уже набирало силу подобно лавине. Ленину не терпелось произвести на них впечатление и показать им, что Петроград требует положить конец коалиции и сформировать социалистическое министерство, то есть министерство умеренных социалистов. Несмотря на его заявление на съезде, заявление принципов, а не изложение ближайших целей, Ленин пока еще не ставил целью свержение правительства. Еще меньше он желал коалиции между своей партией и умеренными социалистами. Пока большевики составляли в Советах меньшинство, он убеждал сторонников не играть с захватом власти, а «терпеливо разъяснять свою позицию массам», пока его партия не получит большинство голосов. В этом заключалась суть его советского конституционализма. В то время большевистским лозунгом было не «Долой правительство», а «Долой десять министров-капиталистов». Преодолев сомнения ЦК, Ленин под большим секретом готовил массовую демонстрацию, которая должна была пройти под этим лозунгом 10 июня. Троцкий, рассеивая опасения своих друзей из межрайонки, убедил их присоединиться к демонстрации. Но 9 июня, когда «Правда» выступила с открытым призывом к рабочим и солдатам, исполком съезда запретил демонстрацию.

Ни Ленин, ни Троцкий не хотели игнорировать запрет. Они решили подчиниться мнению большинства, отменить демонстрацию и объяснить свою позицию в особом манифесте. Наступил тревожный миг. Послушаются ли рабочие и солдаты? Если да, правильно ли они поймут позицию партии? Не угаснет ли их стремление к действию? Ленин составил черновик пояснительного заявления, но, так как и он, и его сторонники остались им недовольны, он с радостью принял текст, предложенный Троцким, и заявление зачитали на съезде от имени всей оппозиции. Троцкий, еще не будучи членом партии, также составил по этому поводу манифест для большевистского ЦК.

10 июня Петроград сохранял спокойствие. Но вожди советского большинства решили устроить 18 июня другую демонстрацию, надеясь обратить ее в поддержку своей политики. В назначенный день 500 тысяч рабочих и солдат прошагали мимо трибун, на которых собрались делегаты съезда. К замешательству умеренных социалистов, все манифестанты несли на стягах большевистские лозунги: «Долой десять министров-капиталистов!», «Долой войну!» и «Вся власть Советам!». Демонстрация прошла мирно. Обошлось без потасовок и беспорядков, но антибольшевистские партии впервые оценили влияние большевистской политики и лозунгов на массы.

В ранний период революционной деятельности Троцкого — он возвратился всего лишь чуть больше месяца назад — его фигура уже приобрела новый и ярчайший блеск. Луначарский пишет, что «под влиянием ее [агитационной работы] огромного размаха и ослепительного успеха некоторые близкие Троцкому люди даже склонны были видеть в нем подлинного вождя русской революции. Так, покойный М.С. Урицкий... говорил как-то мне и, кажется, Мануильскому: «Вот пришла великая революция, и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого». Эта оценка, продолжает Луначарский, оказалась неверной не потому, что преувеличивала дарования и мощь Троцкого, а потому, что в то время еще неясен был масштаб государственного гения Ленина. «Действительно, в тот период... Ленин несколько ступшевался, не очень часто выступал, не очень много писал, а руководил, главным образом, организационной работой в лагере большевиков, между тем как Троцкий гремел в Петрограде на митингах». Однако в 1917 году революция совершалась на массовых митингах в той же мере, в какой подготавливалась и внутри узкопартийного круга.

На начало июня большевики созвали VI Всероссийский съезд своей партии. На этом мероприятии в ее ряды должна была вступить межрайонная организация. Разговоров о партийных «иррыках» больше не было. Большинство межрайонной организации недолго сопротивлялось, и от имени недовольных Юренев предупреждал соратников о том, что у большевиков «плохие организационные манеры» и склонность скрытно работать в узких комитетах. Троцкий возглавил меньшинство, которое стремилось к объединению. Он убеждал, что, выйдя из сумеречного подполья на волне широкого народного движения, большевики в основном освободились от старых привычек, а то, что от них осталось, лучше преодолевать в общей, открытой партии. При помощи Луначарского ему удалось привлечь на свою сторону большинство. Но прежде чем объединение произошло, страну потряс июльский кризис.

Это была одна из тех жестоких конвульсий, которые внезапно поражают любую революцию, срывают планы всех вождей, ускоряют ритм событий и доводят противостояние враждебных сил до наивысшей точки. Терпение петроградских солдат и рабочих истощилось. В городе выстраивались бесконечные хлебные очереди. Денег у населения ходило вдесятеро больше, чем до войны, и они обесценились. Спекуляция приобрела чудовищные размеры. Народ увидел, что после революции жить ему стало хуже, и почувствовал, что его обманули. В довершение всего началось наступление, которое дорого стоило стране. Настроение столицы и губерний по-прежнему не совпадало. Петроград требовал немедленных перемен и отставки второго правительства князя Львова. Однако в провинциях февральский режим еще отнюдь не успел дискредитировать себя.

Оценивая равновесие сил в государстве, Троцкий и Ленин знали, что час их удара еще не наступил. Но в охваченной волнениями столице их тактика уже вызвала недоверие даже у сторонников. Анархисты осудили выжидательную тактику большевиков и обвинили их в предательстве, а большевики осудили нерешительность и предательское поведение меньшевиков и эсеров. Наконец военные нескольких полков поставили большевистский штаб перед свершившимся фактом, объявив 3 июля вооруженную демонстрацию. Кронштадтские матросы и рабочие столицы, взбудораженные рядовыми большевистскими агитаторами, горячо отозвались на призыв. Как в большинстве подобных ситуаций, когда рискованная политическая инициа-

тива исходит непосредственно от разгневанных масс, цель инициативы осталась неясной. Те, кто призывал народ на демонстрацию, не знали, зачем они выступают: то ли затем, чтобы свергнуть правительство, то ли просто хотят провести мирную манифестацию. Большевистский штаб попытался отозвать демонстрантов, как 10 июня. Но сейчас уже нельзя было обуздать народный пыл¹.

Тогда Ленин попробовал поставить во главе движения свою партию, чтобы удержать его в пределах мирной демонстрации, которая бы снова призвала умеренных социалистов сформировать свой кабинет министров на советской основе. С этим требованием огромные толпы наводнили центр города, загрохотали улицы и в течение двух суток шагали под знаменами и митинговали. Перед ними с речами выступали ораторы-большевики, в том числе Ленин, яростно обрушиваясь на правящую коалицию и одновременно призывая сохранять спокойствие и дисциплину.

Самая большая и рассерженная толпа осадила Таврический дворец, где заседал центральный исполком Совета. Демонстранты отправили своих представителей во дворец и заявили, что они не разойдутся, пока умеренные социалисты не выйдут из коалиции с кадетами. Кое-кто из эсеров и меньшевиков был уверен, что этот спектакль срежиссировал Ленин с целью превратить его в вооруженное восстание. Но, по правде говоря, для вождей восстания большевики вели себя довольно странно: они выступали перед массами, убеждая их проявить сдержанность и не допускать актов насилия. Тем не менее нельзя отрицать некоторую вероятность того, что большевики провели несколько заранее обдуманных акций. Известно, что рядовые члены большевистской партии активно вели агитацию, а самыми заметными участниками беспорядков были кронштадтские матросы². Умеренные

---

¹ *Троцкий* Л. *History of the Russian Revolution*. Т. 2. Гл. 1—3; *Зиновьев*. Сочинения. Т. 15. С. 41; *Ленин* В.И. Сочинения. Т. 25. С. 142—143. Сталин, проявивший большую активность на первом этапе июльских событий, подробно рассказал о них на VI съезде партии (*Сталин* И. Сочинения. Т. 3. С. 156—168. Его отчет кратко представлен в: *Deutscher*. Stalin. С. 148—149).

² Через тридцать пять лет меньшевистский руководитель Р. Абрамович написал: «Антивоенные настроения стали расти лихорадочным темпом после злосчастного июньского наступления. Враждебная реакция на эту попытку гальванизировать психологически уже мертвую войну была так сильна, что, по моему личному ощущению того времени, большевистская полупопытка захватить власть удалась бы уже в июльские дни, если бы

социалисты засели в осажденном дворце, боясь за свои жизни, и обратились за помощью к военным. Поскольку почти весь гарнизон Петрограда перешел на сторону большевиков, то несколько благонадежных отрядов вызвали с фронта. Пока меньшевики и эсеры дожидались спасителей, разнесся слух, что толпа схватила министра сельского хозяйства Чернова и собиралась учинить над ним самосуд. Троцкий, который всю ночь и утро провел в Таврическом дворце, выступая то перед демонстрантами на улице, то перед исполкомом внутри, бросился на арену мятежа.

Дальнейшие события описывались много раз, но самое яркое описание дает Суханов в своих «Записках о революции».

«Насколько хватало глаз — бушевала толпа. Группа матросов, с довольно зверскими лицами, особенно неистовствовала вокруг автомобиля. На заднем его сиденье помещался Чернов, видимо совершенно утративший «присутствие духа».

Троцкого знал и ему, казалось бы, верил весь Кронштадт. Но Троцкий начал речь, а толпа не унималась. Если бы поблизости сейчас грянул провокационный выстрел, могло бы произойти грандиозное побоище, и всех нас, включая, пожалуй, и Троцкого, могли бы разорвать в клочки. Едва-едва Троцкий, взволнованный и не находивший слов в дикой обстановке, заставил слушать себя первые ряды. [Для начала он так превознес революционные заслуги кронштадтских матросов, что это показалось Суханову недостойной лестью.]

— Вы поспешили сюда, красные кронштадтцы, лишь только услышали о том, что революции грозит опасность!.. Да здравствует красный Кронштадт, слава и гордость революции!..

Но Троцкого все же слушали недружелюбно. Когда он попытался перейти собственно к Чернову, окружавшие автомобиль ряды снова забесновались.

— Вы пришли объявить свою волю и показать Совету, что рабочий класс больше не хочет видеть у власти буржуазию. Но зачем мешать своему собственному делу, зачем затемнять и путать свои позиции мелкими насилиями над отдельными случайными людьми?.. Каждый из вас доказал свою преданность революции. Каждый из вас готов сложить за нее голову. Я это знаю... Дай мне руку, товарищ!.. Дай руку, брат мой!..

Ленин и его друзья были более решительны». (Трагедия запоздалой революции / Социалистический вестник. 1952. Март.) Однако во время событий и после них Абрамович обвинял большевиков в заговоре с целью захвата власти (Троцкий Л. History of the Russian Revolution. Т. 2. С. 39).

Троцкий протягивал руку вниз, матросу, особенно буйно выражавшему свой протест. Но тот решительно отказывался ответить тем же и отводил в сторону свою руку, свободную от винтовки... И мне казалось, что матрос, не раз слышавший Троцкого в Кронштадте, сейчас действительно испытывает впечатление измены Троцкого»¹.

В конце концов Троцкий открыто бросил вызов толпе и попросил тех, кто хотел расправиться с Черновым, поднять руки. Ни одна рука не поднялась вверх. Среди общего молчания он взял под руку Чернова, находившегося в полуобморочном состоянии, и провел его в Таврический дворец. Лицо Троцкого, когда он возвращался со спасенным врагом, покрывали капли холодного пота и мертвенная бледность.

Тут и там в городе случались мелкие беспорядки и потасовки, которые легко могли привести к большому кровопролитию, если бы не большевики. В конце концов демонстранты устали, их энергия пошла на убыль. Они уже совсем было начали расходиться, как вдруг прибыли войска с фронта. Тут же вспыхнуло яростное негодование. На улицы вышли подпольные и полуподпольные организации правого толка, до сих пор сидевшие тихо. Произошло несколько уличных столкновений, и толпы разошлись, едва не валясь с ног от усталости. Только тогда газеты напечатали известия о провале наступательной операции на фронте. Это подлило масла в огонь антибольшевистской реакции. Правые партии, генеральские и офицерские союзы упрекали большевиков в том, что их агитация подорвала боевой дух армии и подготовила разгром².

Одного этого обвинения было достаточно, чтобы над большевистской партией собралась гроза. Но появилось еще одно, даже еще более провокационное. Популярная правая газета опубли-

---

¹ Суханов Н. Записки о революции. Т. 4. С. 423—425. См. также: Чернов В. The Great Russian Revolution. С. 422, 426. Позднее Троцкий утверждал, что захватившие Чернова были провокаторами, которые не имели никакого отношения к матросам. (Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 1. С. 193 и дальше.) Версия Суханова кажется более правдоподобной, и ее разделяет Раскольников, предводитель кронштадтских матросов.

² За неделю до этих событий, 28 июня, Троцкий написал в газете «Вперед»: «И если, после трехлетнего опыта войны и четырехмесячного опыта революции, не все солдаты окажутся убежденными уклончиво-осторожной резолюцией Съезда или дешевым ораторским фанфаронством полусоциалистических полуминистров, — у благочестивой печати всегда остается в распоряжении испытанное средство: призвать общество к крестовому походу против революционных социалистов вообще и большевиков в особе: иности».

ковала «документы», якобы свидетельствующие о том, что Ленин был платным агентом германского Генштаба. Были изданы приказы об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева. В документах с первого взгляда можно было разглядеть грубую фальшивку. Их предоставил некий Ермоленко, который оказался бывшим доносчиком, состоящим на службе в военной контрразведке. Но вначале обвинения произвели чудовищное впечатление. Внешние факты как будто говорили против Ленина, и на какое-то время именно внешние факты приобрели решающее значение. Граждане, не участвующие в политике, не посвященные в историю и повседневную практическую работу революционных партий, задавались вопросом: разве не правда, что Ленин вернулся через *Германию* по соглашению с германским правительством? Разве он не агитирует против войны? Разве он не подстрекает к мятежу? Бесполезно было говорить, что Ленин решил ехать через Германию только после того, как перед ним закрыли все остальные пути через Францию и Англию, и что многие его противники-меньшевики вернулись тем же путем, вместе с ним или чуть позже¹. Без толку было доказывать, что Ленин рассчитывал, что революция разделается с Гогенцоллернами и Габсбургами, как она разделалась с Романовыми. После июльских дней столицу охватила паника, и на такие тонкости перестали обращать внимание. Аристократия обезумела от страха и ненависти к революции. Средние классы ослепли от отчаяния. Для спасения репутации Генеральному штабу требовалось объяснить свой последний провал на фронте. А умеренным социалистам чудилось, что у них из-под ног уходит почва. Всем нужен был козел отпущения, всем нужно было эффектное жертвоприношение во искупление грехов.

Среди этой сумятицы Троцкий встретился с Лениным. «Они выбрали этот момент, чтобы всех нас перестрелять», — сказал Ленин. Он учитывал вероятность того, что контрреволюция добьется успеха, он считал, что выхолащенные меньшевиками и эсерами Советы сыграли свою роль, и готовил свою партию к возвращению в подполье. Поколебавшись, он решил, что не позволит арестовать себя и скроется вместе с Зиновьевым. Троцкий смотрел на вещи не так мрачно, и решение Ленина пока-

---

¹ Во время официального расследования июльских дней подтвердилось, что около 500 русских эмигрантов вернулись из Швейцарии через Германию. Из них 400 были противниками большевиков и социал-патриотами (Покровский М.Н. Октябрьская революция. С. 96—123).

залось ему неверным. Такое поведение шло совершенно вразрез с характером Троцкого. Он полагал, что Ленину нечего скрывать, напротив, у него есть все основания обратиться к общественности, и что таким способом он лучше послужит своему делу, чем бегством, поскольку оно только усилит неблагоприятное впечатление, по которому люди будут о нем судить. Каменев разделял мнение Троцкого и решил сдаться, буде его придут арестовывать. Но Ленин не изменил решения. Едва ли ему стоило ждать от власти честного разбирательства, раз она уже навалила на него груды ложных обвинений и распространила в печати поддельные документы. Атмосфера накалилась. Большевистская партия фактически подверглась остракизму. «Правду» закрыли, ее редакцию разгромили. Несколько районных большевистских штабов перевернули вверх дном. Головорезам из старой охранки, окопавшимся в полиции, или контрреволюционным фанатикам было проще простого прикончить ненавистного вождя революции по дороге в тюрьму или из тюрьмы. Ленин слишком ясно понимал, какое значение он имеет для партии, чтобы рисковать жизнью, и, отбросив все соображения приличий, скрылся в тайном убежище¹.

В нападках имя Троцкого частенько связывали с именем Ленина, но никто не отдавал приказа о его аресте. Для этого были очевидные причины: формально он не числился в партии большевиков; в Россию он возвращался при совершенно других обстоятельствах, и потому было бы непросто навесить на него ярлык немецкого шпиона; к тому же на памяти был еще свеж недавний инцидент с Черновым, его политическим врагом, которого Троцкий так отважно спас. Но щадили его недолго. Милюковская газета «Речь» опубликовала заметку о том, что до своего отъезда из Нью-Йорка Троцкий получил 10 тысяч долларов от американцев немецкого происхождения, которые он должен был использовать для капитулянтской агитации в России. В столь же уважаемых газетах в качестве источника денег фигурировал немецкий Генштаб. Троцкий сразу же ответил открытым письмом, оно вышло в газете Горького и опровергло милюковские разоблачения к немалой потехе читателей. Троцкий с иронией отмечал, что немецкие американцы или Генштаб Германии, видимо, очень дешево оценива-

---

¹ Этот шаг смутил многих сторонников Ленина. Лишь намного позже, когда во время немецкой революции были убиты Роза Люксембург и Карл Либкнехт, поведение Ленина было полностью оправдано в глазах тех, кто сначала чувствовал неловкость по этому поводу.

ли с перержение власти во вражеской стране, раз дали за него каких-то 10 тысяч долларов. Он напал на сэра Джорджа Бьюкенена, британского посла, обвинив его в том, что история исходит от него. Никол отменил обвинение, но это не помешало Милюкову вновь назвать Бьюкенена источником этих сведений. Затем Троцкий рассказал о том, что в действительности случилось перед его отъездом из Нью-Йорка: как русские, американские, латвийские, еврейские, финские и немецко-американские социалисты устроили протестный митинг для него и трех других русских эмигрантов, которые должны были ехать вместе с Троцким. Там же устроили сбор денег, всего набралось 310 долларов, и в эту сумму немецкие рабочие внесли через председателя 100 долларов. Деньги передали Троцкому, и он поровну разделил их между пятью возвращавшимися в Россию эмигрантами, которым не хватало денег на проезд. О митинге и сборе денег сообщала американская печать. Письмо он заключил шутивным «признанием», которое, по его мнению, должно было гораздо основательнее погубить его репутацию в глазах либеральных буржуа, чем должность агента на жалованье у немецкого Генштаба: за всю жизнь он не имел одновременно в своем распоряжении не только 10 тысяч долларов, но и одной десятой части этой суммы.

В другом открытом письме он пересказал историю своей дружбы и разрыва с Парвусом, поскольку ему в вину ставили и эту связь. Троцкий разоблачил Алексинского, бывшего депутата от большевиков и перебежчика, и назвал его главным вдохновителем клеветы. Алексинского, писал он, все журналистские организации Парижа исключили из своих рядов как бесчестного клеветника, а меньшевики не допустили в Петроградский Совет по мотивам нравственного характера. И этого человека сейчас выставляют хранителем патриотической нравственности и поднимают, как героя, на щит.

Так как эта попытка опорочить Троцкого не удалась, решили зайти с другого конца. Печать наполнилась вымыслами о том, что Троцкий якобы порвал с немецким агентом Лениным. Поэтому 10 июля, через четыре дня после того, как Ленин скрылся, Троцкий обратился к Временному правительству с открытым письмом:

«Граждане министры! Мне сообщают, что декрет об аресте... распространяется на т.т. Ленина, Зиновьева, Каменева, но не затрагивает меня. По этому поводу считаю необходимым довести до Вашего сведения нижеследующее:

1. Я разделяю принципиальную позицию Ленина, Зиновьева и Каменева и развивал ее в журнале «Вперед» и во всех вообще своих публичных выступлениях.

2. Отношение мое к событиям 3—4 июля было однородным с отношением названных товарищей»¹.

Он рассказал о своей роли в июльских событиях и пояснил, что его невхождение в большевистскую организацию объясняется «не политическими разногласиями, а условиями нашего партийного прошлого, потерявшими ныне всякое значение».

«У вас не может быть никаких логических оснований в пользу изъятия меня из-под действия декрета, силою которого подлежат аресту т.т. Ленин, Зиновьев и Каменев... У вас не может быть оснований сомневаться в том, что я являюсь столь же непримиримым противником общей политики Временного правительства, как и названные товарищи. Изъятие в мою пользу только ярче подчеркивает, таким образом, контрреволюционный произвол в отношении Ленина, Зиновьева и Каменева»².

В течение двух-трех дней, пока бушевал антибольшевистский террор, Троцкий не появлялся в Совете. Он ночевал в доме бывшего меньшевика Ларина, который собирался вступить в большевистскую партию. Но после публикации «Открытого письма Временному Правительству» Троцкий, воинственный и дерзкий, снова оказался в центре внимания. Он защищал Ленина и большевистскую партию в Совете, на исполкоме Совета и в исполкомах крестьянских Советов. Все его выступления проходили под непрекращающийся рев голосов. «Ленин, — восклицал он, — боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не можем не питать ненависти к германскому милитаризму. Утверждать противное может только тот, кто не знает, что такое революционер... Не позволяйте никому в этом зале говорить, что мы наемники Германии, потому что это голос не убежденных революционеров, а голос подлости»³. Он предупреждал меньшевиков, снявших с себя всякую ответственность за происходящее, что они сами идут к собственной гибели. «Соци-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 1. С. 165—166.

² Там же. В то же время Троцкий написал письмо Горькому. Горький, близкий друг Ленина, повел себя (в отличие от Мартова, защищавшего Ленина) неопределенно. Троцкий хотел заставить его решительно выступить в защиту Ленина и напомнить ему о роли Золя в деле Дрейфуса. Письмо, не отправленное Троцким, издано в Сочинениях (Т. 3. Кн. 1. С. 346—347).

³ Суханов Н. Указ. соч. Т. 5. С. 52, 59—62.

на интригу» Чернову уже пришлось уйти в отставку из министерства из-за того, что он участвовал в циммервальдском движении. Сейчас контрреволюция нацелилась на большевиков, ее следующей жертвой станут умеренные социалисты.

Даже в те дни всеобщей истерии и паники к нему прислушались со вниманием и уважением. Однако его призывы не возымели большого эффекта. Умеренные социалисты знали, что несправедливо обвинять Ленина и Зиновьева в шпионаже, но решительно считали, что большевики слишком далеко зашли в своей агитации против войны, и подозревали, что в июльские дни Ленин или, может быть, Ленин вместе с Троцким пытались захватить власть, и потому отказывались реабилитировать Ленина. Только Мартов защищал честь своего давнишнего оппонента¹.

Троцкий оставался на свободе еще две недели. Вызов, брошенный им правительству, привел министров в замешательство. Власть не имела оснований отдавать приказ об его аресте, разве что если объявит незаконными сами принципы, которыми руководствовался Совет, включая его умеренное большинство, ибо именно на этих принципах Троцкий строил свою деятельность. С другой стороны, министры не могли позволить ему оставаться на свободе и высмеивать их действия против большевиков. Ночью 23 июля были арестованы Троцкий и Луначарский и переведены в тюрьму «Кресты». Суханов описывает, какое впечатление это произвело в Петрограде. На следующий день Суханов выступал на меньшевистском митинге в цирке «Модерн». «Мое сообщение об аресте Троцкого и Луначарского... было встречено такой бурей негодования, что минут десять—пятнадцать нельзя было продолжать митинг. Раздавались возгласы, чтобы немедленно всей многотысячной толпой пойти демонстрировать свой протест перед властями. Мартову едва удалось свести дело к принятию наскоро изготовленной резолюции протеста»².

Так в разгар революции, приведшей к власти его бывших друзей и бывшего ученика, Троцкий оказался в том же положении, что и в 1905 году, когда царское правительство упрямо его под замок. На этот раз в тюрьме его ждали условия похуже. Камеры

---

¹ Одна из множества версий июльских событий утверждает, что существовал план, по которому диктатуру устанавливал триумвират в составе Ленина, Троцкого и Луначарского. Многие ли верили в эту версию, можно судить по тому, что даже Суханов был склонен принимать ее за чистую монету (Суханов Н. Указ. соч. Т. 4. С. 511).

² Там же. Т. 5. С. 121.

были переполнены: облавы на подозреваемых не прекращались, каждый день привозили новые партии арестованных. Уголовных и политических преступников сажали вместе, хотя при старом режиме политических преступников держали отдельно. Все сидели на голодном пайке. Уголовники, науськанные на «немецких шпионов», отнимали у них еду, избивали. Прокуроры, следователи и тюремщики остались такими же, как при царе. Контраст между притворством новых правителей и внутренней стороной судебной машины был поразителен; и, глядя на него, Троцкий думал, что Ленин не так уж ошибся, когда решил скрыться в убежище. Однако и в этом диком хаосе, где даже жизнь арестанта порой подвергалась опасности, хватало возможностей, как при старом режиме, для политической и литературной деятельности заключенных. С такими спорщиками, как Луначарский, Каменев, Антонов-Овсеенко и Крыленко, тюрьма превратилась в очаг политических дебатов. Также среди заключенных были Дыбенко и Раскольников, вожди Кронштадта. Там собрались почти все главные действующие лица будущего Октябрьского восстания и почти весь первый состав военного комиссариата большевиков.

Троцкий взялся за перо, и ливень его статей и брошюр снова хлынул во внешний мир. Некоторые из них, в том числе подробное описание тюремной жизни, выходили под псевдонимом П. Танас в большевистских газетах, другие в газете Горького. В новом открытом письме Временному правительству Троцкий высмеял судебное разбирательство. Ему предъявили обвинение, рассказывал Троцкий, в том, что он вернулся в Россию через Германию вместе с Лениным, и в том, что он состоял в большевистском ЦК. Эти обвинения свидетельствовали о небрежности и произволе прокурорской власти. Кстати сказать, через несколько недель после ареста Троцкого межрайонная организация вступила в большевистскую партию и Троцкого выбрали в Центральный комитет. Его разоблачения привели к тому, что обвинителей отстранили от дела. Но следствие продолжалось. «Дело Дрейфуса, дело Бейлиса — ничто в сравнении с тем сознательным покушением на моральное убийство ряда политических деятелей, которое теперь совершается под знаком республиканской юстиции», — протестовал Троцкий в письме к министру юстиции Зарудному, который по иронии судьбы был защитником во время суда над Советом в 1906 году.

Шли недели, и события вдруг повернули в неожиданную для обвиняемых сторону, одновременно и более обнадеживающую, и

угрожающую. Реакция на июльское «восстание» переросла в импульсивное отвержение всех общественных институтов, появившихся как следствие Февральской революции: Советов, армейских комитетов, земельных комитетов, заводских комитетов и прочих подобных органов, которые вольно или невольно претендовали на авторитет прежнего управленческого механизма. Тогда реакция ударила по умеренным социалистам. Вожди правого крыла утверждали, и не без оснований, что большевики являются лишь самыми последовательными защитниками того, что в разной мере защищали и умеренные социалисты. Большевистский призыв «Вся власть Советам» не стихнет до тех пор, пока Советы существуют, и меньшевики с эсерами кровно заинтересованы в их существовании. Если большевики приложили все усилия, чтобы настроить солдата против офицера, то умеренные социалисты, первые выразители этого противостояния, кровно заинтересованы в том, чтобы хотя бы помешать офицерскому корпусу вернуть себе былой статус. Буржуазные лидеры до сих пор надеялись обуздать революцию руками умеренных социалистов, а теперь они оглядывались в поисках военного диктатора, способного приструнить или раздавить и умеренных социалистов, и большевиков. Только так правые, к которым теперь причисляли себя и бывшие либералы, надеялись положить конец самой позорной, как они считали, главе российской истории.

Июльские дни показали, что если в антибольшевистской России осталась какая-то сила, то это был офицерский корпус. Никто не забыл, как умеренные вожди Совета, осажденные в Таврическом дворце, дрожали от страха за свою жизнь и призывали на помощь верные войска, чтобы те спасли их от большевистских толп. Однако таков был нелогичный механизм февральского режима, что внешний политический фасад, как никогда, скрывал истинное положение власти. Сразу же после июльских дней было сформировано второе коалиционное правительство во главе с Керенским. Номинально руководящие посты в нем заняли умеренные социалисты. В зените своего влияния они играли в коалиции второстепенную роль, и только после оглушительного разоблачения их слабости им досталась главная роль, по крайней мере, так это выглядело внешне. Это противоречие не могло долго продолжаться.

Консервативные и контрреволюционные силы возлагали надежды на генерала Корнилова, назначенного главнокомандующим. Корнилов, чествуемый и превозносимый аристократией и

буржуазией, возомнил себя десницей Провидения. Его отношение к Керенскому стало двусмысленным, потом провокационным. Наконец 24 августа он в открытую объявил войну правительству и отдал войскам приказ идти на столицу. Уверенный в победе, он заранее похвалялся, что начисто разделается с революцией.

Троцкий с товарищами услышали новости, сидя в Крестах, и они вызвали у заключенных смешанные чувства. Керенский держит их за решеткой, и если Корнилов победит, то фактически они окажутся заложниками в руках победивших «солдатиков». Они не сомневались, что их убьют, и это отнюдь не объяснялось паникерством. Но в ситуации было и кое-что обнадеживающее. Умеренные социалисты не могли спастись от генерала Корнилова без помощи большевиков, как в июльские дни не могли спастись от большевиков без помощи генералов. Вскоре само правительство вложило оружие в руки Красной гвардии, которую недавно старалось разоружить. Министры умоляли большевистских агитаторов, чьему деструктивному влиянию они приписывали все военные неудачи, воспользоваться этим влиянием против корниловских войск и уговорить их не повиноваться командирам. В довершение всего Керенский упрашивал кронштадтских матросов — этих июльских злодеев — тоже встать на его защиту.

В камере Троцкого произошла сцена, которую мог выдумать лишь самый эксцентричный ум. К нему за советом явилась делегация кронштадтских матросов и спросила, надо ли им ответить на призыв и защитить Керенского от Корнилова или все-таки попробовать разобраться и с Корниловым, и с Керенским. Эти горячие головы, разумеется, склонялись ко второму варианту. Троцкий напомнил им о том, как в мае он защищал их перед Советом и говорил, что если реакционный генерал приготовит для революции веревку, то «кронштадтские солдаты будут с нами умирать». Теперь они должны выполнить эту клятву и покамест отложить расчеты с Керенским — в любом случае, это не за горами. Матросы послушались совета. А тем временем обвинители механически продолжали свою работу. Медленно тянулись допросы, и Троцкому приходилось отвечать на вопросы о связях с немецким Генштабом и большевиками. Антонов-Овсеенко и Крыленко, которым предъявили обвинение лишь через шесть недель после ареста, угрожали начать голодовку, но Троцкий постарался их разубедить. В конце концов ему надоело участвовать в этом фарсе. Он отказался отвечать на вопросы следователя и объяснил причины в

ние к центральному исполкому Советов. Через три дня, 4 сентября, Троцкого освободили под залог.

Прямо из тюрьмы он отправился в Смольный, чтобы принять участие в заседании Комитета по борьбе с контрреволюцией, сформированного Советом с благословения Керенского. Этот орган станет прототипом Военно-Революционного комитета, возглавившего Октябрьское восстание.

Корнилов был побежден не силой оружия, а большевистской агитацией. Войска оставили его, не сделав ни выстрела. С разгрома Корнилова началась новая цепь событий, приведшая прямо к Октябрьскому восстанию. Как несостоявшаяся революция 3—4 июля сместила центр тяжести в пользу контрреволюции, так же и эта несостоявшаяся контрреволюция еще больше сместила его в противоположную сторону. Второе коалиционное правительство потерпело фиаско. Министры-кадеты ушли в отставку, потому что не одобрили действия Керенского против Корнилова. Министры-социалисты — потому что подозревали Керенского в том, что он заигрывал с Корниловым против Совета и подпитывал его амбиции. В течение месяца Керенский, будучи не в силах склеить осколки коалиции, управлял страной через так называемый директорат — малочисленный и непредставительный комитет.

Троцкий и Каменев обратились к Совету с просьбой расследовать события, приведшие к корниловскому мятежу, и роль Керенского в его подготовке. Все настойчивее они убеждали умеренных социалистов порвать с кадетами, многие из которых поддержали генерала. После корниловского мятежа доводы в пользу социалистического правительства звучали неопровержимо. Когда меньшевики и эсеры все же попытались снова оживить коалицию, они начали массово терять сторонников. За несколько дней умеренное советское большинство разделилось. 9 сентября Троцкий выступил с одной из своих пламенных речей, потребовав окончательно реабилитировать его самого и вождей большевистской партии. Он требовал от правительства давно просроченного отчета об июльских событиях и представил на голосование предложение о недоверии меньшевистскому «президиуму» Совета. К общему удивлению, оно прошло. Впервые Совет большинством проголосовал за предложение большевиков, чем установил новую веху в истории революции¹.

---

¹ На том же заседании Троцкий предложил избрать новый президиум, исходя из пропорционального представительства, что вызвало гневный отклик со стороны Ленина, который утверждал, что меньшевики и эсеры от-

Теряя силу в Совете, меньшевики сделали попытку собраться вне Совета. Они назначили на 14 сентября так называемое Демократическое совещание. Оно не было выборным органом. Его состав заранее продумали таким образом, чтобы гарантировать антибольшевистское большинство. Случайный набор делегатов из различных неполитических учреждений, например кооперативов и дореволюционных земств, должен был выносить решения по всем животрепещущим политическим вопросам. Парадокс ситуации состоял в том, что, каковы бы ни были дальнейшие события, в тот момент именно большевики твердо стояли на принципе представительного и выборного правительства, тогда как умеренные социалисты искали способ его обойти. Советы, выбранные на заводах и в казармах, представляли не буржуазию, а рабочий класс, армию и значительную часть крестьянства. Их авторитет и популярность отчасти объяснялись отсутствием какого бы то ни было истинно национального парламента. Может показаться, что антибольшевистские партии были кровно заинтересованы в создании подобного органа. Однако коалиционные правительства раз за разом откладывали давно обещанные выборы в Учредительное собрание, а большевики шумно требовали выборов. Большевики еще не определились насчет будущих отношений между Учредительным собранием и Советами. Они не предвидели, что, вручив всю власть Советам, сделают Учредительное собрание невозможным; что созовут его только затем, чтобы распустить. Умеренные социалисты, с другой стороны, неоднократно откладывали выборы, уступая желанию кадетов, опасавшихся, что в результате национальных выборов, если их провести тогда же, получится слишком уж радикальный законодательный орган. Между тем умеренные социалисты хотели заменить парламент Демократическим совещанием, из которого вышел так называемый Предпарламент.

Совещание продемонстрировало, какой хаос царит в правящих политических группировках. Умеренные социалисты горько упрекали кадетов. Бывшие сторонники Керенского открыто заявляли о своем недоверии к нему, говорили, что он сыграл двусмысленную роль в корниловском мятеже, что он пытался поставить себя выше партий, которые выдали ему властный ман-

---

вергли пропорциональное представительство, когда были в большинстве, — так почему же большевики должны предоставить им эту привилегию? Однако примирительный жест Троцкого получил отпор и со стороны меньшевиков: они отказались сидеть рядом с большевиками в президиуме.

лит, и установить единоличное правление. Керенский пытался опровергнуть обвинения и убедить совещание в необходимости их становить правительственную коалицию. Но его речь прозвучала до нелепости мелодраматично, и он не достиг ни одной из своих целей, а приверженцев довел до отчаяния. В тот раз Троцкий впервые выступил в роли главного представителя от большевиков. Так описывает меньшевистский летописец революции впечатление от его речи¹:

«Это было, несомненно, одно из самых блестящих выступлений этого удивительного оратора. И я никак не могу подавить в себе желание украсить страницы моей книги почти полным воспроизведением этой великолепной речи. Если найдет мой труд читателей в грядущем — как, скажем, находит их доселе невысокого полета книга Ламартина, — то пусть судят по этой странице об ораторском искусстве и политической мысли наших дней. И пусть делают это заключение: полтора года прожилось человечество недаром; и герои нашей революции отесняют далеко на задний план прославленных деятелей эпохи 1789-го года.

Зал Александринского театра встрепенулся при самом имени Троцкого... Троцкий... хорошо готовился. Стоя на сцене в нескольких шагах позади него, я видел на пюпитре основательно исписанный лист, с подчеркнутыми местами, с отметками и стрелками синим карандашом... Говорил Троцкий безо всякого пафоса (на высоту которого он, по нужде, умеет подниматься!), без малейших ораторских поз и ухищрений, совсем просто. На этот раз он разговаривал с аудиторией, иногда выходя к ней шага на два, снова кладя локоть на пюпитр. Металлическая четкость речи, законченность фразы, свойственные Троцкому, не характерны для этого выступления».

Ни к чему давать в сокращении весь текст этой речи, которая воспроизводила главные тезисы большевистской политики; достаточно будет нескольких пунктов, чтобы проиллюстрировать ораторскую манеру Троцкого.

«Товарищи и граждане! — очень спокойно начал он. — Выступали министры-социалисты коалиционного правительства. И что же? Казалось бы, от них мы должны были, прежде всего, ждать отчета... Но вместо отчета мы слышали советы... За советы мы благодарны, но все же требуем отчета. Не советов, а отчета, гражда-

---

¹ Суханов Н. Указ. соч. Т. 6. С. 125—126.

не министры», — вновь очень спокойно повторяет оратор, постукивая по пюпитру. Подводя итог предыдущим дебатам, он заметил, что ни один выступавший не защищал Керенского, и премьер-министра осудили собственные же друзья и единомышленники. Это ударило противный лагерь в самое больное место, и в зале поднялся недовольный ропот. Одним из самых спорных вопросов был недавний декрет, по которому снова вводилась смертная казнь. «Вы меня прокляните, если я подпишу хоть один смертный приговор!» — воскликнул Керенский, желая убагатворить своих возмущенных сторонников. На что Троцкий ответил: «Если смертная казнь была необходима, та самая смертная казнь, которую Керенский отменил, то как он решается перед лицом Демократического совещания сказать, что он из смертной казни не сделает ни при каких условиях употребления. А если он нам говорит, что он считает возможным обзавестись перед демократией не делать употребления из смертной казни, то я говорю, что он превращает введение смертной казни в акт легкомыслия, лежащий за пределами преступности».

Сторонники коалиции говорили большевикам: «нельзя обвинять всю кадетскую партию в том, что она была соучастницей корниловского мятежа», «вы протестовали, когда мы делали ответственной всю вашу партию, обвиняя ее за движение 3—5 июля, как партию; не повторяйте же ошибок некоторых из нас, не делайте ответственными всех кадетов за мятеж Корнилова». «В этом сравнении, — ответил Троцкий, — по-моему, есть маленький недочет: когда обвиняли большевиков... в том, что они вызвали движение 3—5 июля, провоцировали его, — речь шла не о том, чтобы приглашать их в министерства, а о том, чтобы приглашать их в Кресты. Вот тут, товарищи, есть некоторая разница... Мы говорим: если вы желаете тащить кадетов в тюрьму за корниловское движение, то не делайте этого оптом, а каждого отдельного кадету расследуйте со всех сторон». Враждебная аудитория затряслась от смеха, и даже самые надутые министры и вожди в президиуме не могли подавить смешков. Но эту нотку веселости тут же заглушил мрачный настрой. Троцкий стал настаивать на вооружении Красной гвардии. «Зачем? Зачем?» — раздался крик со стороны меньшевиков. «Во-первых, для того, чтобы создать действительный оплот против контрреволюции, — ответил он, — против новой, более могущественной корниловщины. А во-вторых: если будет установлена подлинная диктатура революционной демократии, если эта новая власть предложит честный мир, и он будет

отвергнут, то говорю вам от имени нашей партии и идущих за ней пролетарских масс, что вооруженные рабочие Петрограда и всей России будут защищать страну Революции от войск империализма с таким героизмом, какого не знала еще русская история». В заключение он осудил непредставительный характер совещания, и вслед за ним делегаты-большевики покинули собрание¹.

Даже после их ухода совещание не сумело оправдать ожидания Керенского. Оно закончилось, как и началось, неразберихой. Большинство с небольшим перевесом проголосовало за новую коалицию, но затем подавляющее большинство категорически отвергло любую попытку примирения с кадетами — единственными возможными партнерами. 21 сентября Керенский наперекор мнению собственного псевдопарламента действительно организовал новое правительство совместно с кадетами, но оно с самого начала повисло в воздухе. Это был пятый кабинет, созданный за семь месяцев. Троцкий и Ленин давали ему от силы месяц.

Силу в Советах набирали большевики. В начале сентября они получили большинство в Петрограде, Москве и других промышленных городах. Они уверенно рассчитывали появиться в роли главной партии на предстоящем Всероссийском съезде Советов. Правом созывать съезд обладал ЦИК Петроградского Совета, избранный в июне. ЦИК по-прежнему контролировали умеренные социалисты, и они изо всех сил старались отсрочить то, что для них было прыжком в неизвестность, тогда как большевики, разумеется, настаивали на скорейшем созыве съезда. Троцкий выступил перед лидерами умеренных и даже пригрозил: «Не играйте со Съездом. Местные Советы, и в первую голову Петроградский и Московский, требуют Съезда. И если вы его не созовете конституционным путем, он будет созван революционным путем»².

23 сентября Петроградский Совет выбрал Троцкого председателем. Когда вновь избранный председатель взошел на помост, разразился ураган рукоплесканий... Все изменилось в Совете! В отличие от подавленного Совета июльских дней, «это вновь была революционная армия, неотделимая от петербургских народных масс. Это была теперь гвардия Троцкого, готовая по его знаку штурмовать коалицию, Зимний и все твердыни буржуазии... Вопрос заключался только в том, куда же поведет его Троцкий»³. В своей председательской речи он вспомнил о

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 1. С. 287—293.

² Там же. С. 320.

³ Суханов Н. Указ. соч. Т. 6. С. 188 и дальше.

1905 году и выразил надежду, что на этот раз Совет ждет иная судьба. Он дал твердую, торжественную клятву, которой события будущего придадут мрачный оттенок: «Мы все люди партий, и мы будем вести свою работу, и не раз нам придется скрестить оружие. Но мы будем руководить работами Петроградского Совета в духе права и полной свободы всех фракций, и рука президиума никогда не будет рукой подавления меньшинства»¹. От имени нового президиума он впервые призвал к новой революции, призвал отправить Керенского в отставку и передать правительственные полномочия съезду Советов. Он так же резко выступил против меньшевиков и эсеров, но без следа враждебности и жажды мести, вполне понятной для вождя еще недавно гонимой партии.

Несмотря на возражения Ленина, в новом президиуме были представлены все партии сообразно своей силе в Совете². Может быть, эта демонстрация скрупулезного уважения прав меньшинства была всего лишь тактической уловкой, дабы обмануть бдительность меньшинства? Едва ли. Суханов рассказывает, что три года спустя, после того как большевики запретили все оппозиционные партии, они с Троцким «предавались воспоминаниям, и Троцкий, задумавшись на минуту, мечтательно воскликнул: «Хорошее было время». Да, хорошее. Революционеры пока еще всерьез считали, что революция расширится, что она сделает реальными те свободы, которые буржуазная демократия только обещала или давала по крохе скупой рукой.

Отныне Троцкий открыто называл себя большевиком. Он примирился с ярлыком, который долго считал едва ли не инсинуацией. Еще сидя в тюрьме, он был избран в Центральный комитет партии. За семь недель, прошедших между его освобождением и Октябрьским восстанием, имя Троцкого стало не только отождествляться с большевизмом, но и символизировать для внешнего мира цели большевизма, и даже в большей степени, чем имя Ленина, который удалился от публичного внимания³. История так спрессовалась в эти недели, что они вытеснили из людской памяти события предыдущих месяцев и лет. Вражда Троцкого с Лени-

---

¹ Суханов Н. Указ. соч. Т. 6. С. 188 и дальше.

² Места получила даже такая группа, как горьковская, слишком малочисленная, чтобы претендовать на участие в президиуме.

³ Жак Садуль, позднее убежденный сталинист, писал в то время: «Троцкий владеет восстанием как его стальная душа, а Ленин, пожалуй, остается теоретиком» (*Sadoul Jacques. Notes sur la révolution. С. 76*).

ным, продолжавшаяся почти пятнадцать лет, казалась незначительной в сравнении с тем, что он теперь успевал сделать для большевистской партии за пятнадцать минут. Однако внутри партии, естественно, оставались люди, из чьей памяти ничто не могло стереть былую вражду. Они смотрели на его внезапный подъем с хорошо скрываемой досадой. Они были вынуждены признать, что Троцкий гордо и смело защищал их партию в недавних испытаниях, хотя еще не был ее членом. Кроме того, они не могли отрицать, что в отсутствие Ленина только Троцкий мог выступать от имени партии с такой же твердостью, ясностью и авторитетом, и по сравнению с ним даже Ленину не хватало ораторского блеска.

Поэтому возвышение Троцкого в партии никто не оспаривал. Но достаточно лишь просмотреть протоколы заседаний ЦК, чтобы заметить затаенные чувства некоторых его членов. Чуть раньше Ленин тщетно пытался убедить соратников дать Троцкому возможность принять заметное участие в руководстве большевистской прессой. Уже 4 августа ЦК выбрал главную редакционную коллегию в составе Сталина, Сокольников и Милютина. Предложение принять Троцкого в редколлегию по выходе его из тюрьмы было отклонено одиннадцатью голосами против десяти. Однако 6 сентября, через два дня после освобождения Троцкого, когда он впервые появился на заседании ЦК, его без сопротивления назначили одним из главных партийных редакторов. В то время в состав ЦК входили двадцать один постоянный член и восемь кандидатов. Некоторые из них прославились в эмигрантских кругах, другие вошли в партию из межрайонной организации. Третьи, такие как Милютин, Ногин, Рыков, Свердлов, Сталин и Шаумян, выросли в большевистских комитетах и практически не знали другой жизни вне суровой подпольной партии. Они считали себя настоящими революционерами и с бессознательным недоверием смотрели на бывших эмигрантов, особенно на самого гордого, яркого и красноречивого из всех. Но эта подавленная враждебность таилась в самых дальних уголках сознания.

В Центральном комитете Троцкий на первых порах вел себя осмотрительно и тактично, как подобает новичку. В первый же день его появления в ЦК вскрылись противоречия между старыми большевиками, непосредственно влиявшие на фундаментальную позицию партии. Это была репетиция серьезных разногласий по поводу будущего восстания: Ленин из своего убежища только что поставил этот вопрос перед ЦК. Зиновьев,

скрывавшийся вместе с Лениным, уже обращался в комитет за разрешением выйти из тени и отделиться от Ленина. Комитет разрешения не дал, но в из-за тревожного осадка в связи со столь долгим отсутствием двух вождей позволил Каменеву обсудить с умеренными социалистами договоренность, по которой и Ленин, и Зиновьев получили бы возможность покинуть укрытие. Троцкий хранил молчание во время этой прелюдии к будущим спорам и еще некоторое время после, хотя придерживался четких взглядов на этот счет.

Ленин уже начал побуждать партию к подготовке вооруженного восстания. В письмах в Центральный комитет он подчеркивал, что атмосфера в Советах изменилась, что поднимается волна крестьянского бунта и в армии растет нетерпение, убеждал партию немедленно переходить от революционных деклараций и обещаний к вооруженным действиям. Он был уверен, что в том случае, если партия воспользуется возможностью, она получит поддержку огромного большинства народа. Но история предоставляет шанс лишь на короткий миг: если большевики его упустят, то успеет появиться новый Корнилов, который объявит государственный переворот и раздавит Советы и революцию. Ввиду этой опасности, писал Ленин, никакие конституционные тонкости не заслуживают внимания. Партия должна осуществить восстание под своим флагом и под свою ответственность. Оно не обязательно должно начаться в Петрограде: начать можно в Москве или даже в Финляндии, а оттуда революционные движения свести к столице. 15 сентября состоялось первое обсуждение этого плана в ЦК. Каменев категорически возражал и обратился к комитету с просьбой предостеречь все партийные организации от каких-либо мятежных действий. Комитет не принял ни совета Каменева, ни предложений Ленина.

Тем временем Троцкий подошел к проблеме с новой стороны в качестве председателя Петроградского Совета. Он соглашался с Лениным относительно того, что нельзя упустить шанс и промедлить с восстанием, но возражал против его методов, особенно против той идеи, что партия должна совершить восстание от своего имени и под свою ответственность. Угроза скорой контрреволюции не вызывала у него таких же серьезных опасений, как у Ленина¹. В отличие от него Троцкий был уверен, что сильные позиции большевистского большинства в Советах

---

¹ Это различие прослеживается до июльских дней.

не позволят старому ЦИКу долго откладывать созыв Всероссийского съезда Советов. Он утверждал, что поскольку большевики всю свою агитацию проводили под лозунгом «Вся власть Советам!», то и восстание они должны организовать таким образом, чтобы оно всем представлялось прямым продолжением агитации. Поэтому его следует приурочить к съезду Советов, чтобы отдать захваченную власть в руки советских делегатов. Кроме того, он хотел, чтобы восстание проводилось от имени Петроградского Совета, которым руководил сам Троцкий, и с помощью его организационного аппарата, находившегося в руках большевиков. Тогда восстание предстанет перед миром не как деяние одной партии, но событие более широкого охвата.

Было бы ошибкой видеть в этом разногласии глубокий и принципиальный конфликт и делать из него далеко идущие выводы о том, что Троцкий хотел передать власть Советам, а Ленин — лишь своей партии. Их обоих можно в каком-то смысле назвать советскими конституционалистами. Что касается Ленина, то, по его представлениям, восставшие должны были созвать Всероссийский съезд Советов и передать власть ему. Он не желал медлить с восстанием и ждать, пока состоится съезд, поскольку был убежден, что меньшевистский исполком будет откладывать созыв съезда до бесконечности, и таким образом восстание никогда не произойдет, так как его опередит успешная контрреволюция. Однако Ленин тоже видел в съезде Советов источник конституционной власти. Со своей стороны Троцкий считал само собой разумеющимся, что большевики, составляющие большинство в Советах, станут правящей партией. На этом этапе ни один из них не видел конфликта между советским конституционализмом и большевистской диктатурой, так же как *mutatis mutandis*¹ ни один британский демократ не видит противоречия между парламентским правлением и кабинетом министров, сформированным партией большинства.

Различия в позициях Ленина и Троцкого сосредоточились на более узком вопросе, а именно: нужно ли изначально планировать восстание на основе советского конституционализма. Позиция Троцкого была несколько рискованна в тактическом отношении, так как требовала отсрочить выполнение плана действий в целом. Политический недостаток ленинского подхода состоял в том, что восстание могло оказаться недостаточно популярным

---

¹ С соответствующими, необходимыми поправками (*лат.*).

в народе. Ленин сосредоточился исключительно на достижении цели. Троцкий больше внимания уделял политическому контексту, настроению масс и необходимости убедить колеблющиеся элементы, которые могут откликнуться на призыв Советов, но не ответить на партийный клич. У первого, в его тайном убежище, перед глазами стояли лишь абстрактные перспективы власти в изменчивых обстоятельствах. Второй вдобавок учитывал фактор моральной и политической неопределенности и делал это с уверенностью человека, находившегося в центре событий и руководившего ими.

Различия взглядов Ленина и Троцкого были отражением основных расхождений между сторонниками и противниками восстания. Зиновьев и Каменев утверждали, что Ленин и Троцкий хотят ввергнуть партию и революцию в самоубийственную авантюру. Так началась одна из главных и тяжелых дискуссий, когда-либо потрясавших партию. Основные ее положения вновь и вновь в разных сочетаниях будут проявляться во многих будущих спорах, и о ней, независимо от ее прямых последствий, история еще не сказала своего последнего слова. После того как восстание произошло, легко и естественно говорить, что сторонники восстания оказались правы, а его противники ошиблись. Но в действительности каждая сторона доказывала свою правоту таким образом, что правота причудливо перемешивалась с неправотой, а реалистичную оценку исторических перспектив затмевали грандиозные просчеты. С глубокой прозорливостью Ленин и Троцкий оценивали ситуацию и расстановку сил в стране. Они разглядели обман в видимости силы, которую производил режим Керенского просто в силу своего существования, а их оптимистический взгляд на исход восстания основывался на почти математически точной оценке противодействующих сил. Этому оптимизму Зиновьев и Каменев противопоставили следующее предостережение: «Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российским рабочим классом — мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее... Нет никакого сомнения: бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше идти на поражение, чем сдаться без боя. Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении? Нет и тысячу раз нет!»

Зиновьев и Каменев не видели впереди ничего, кроме хаоса, и до самого своего трагического конца сторали от стыда всякий

риз, когда им напоминали об этих словах. Но сторонники восстания, в первую очередь Ленин и Троцкий, основывались не только и не преимущественно на оценке сил в России. Еще настойчивее они подчеркивали неизбежность европейской революции, для которой, как утверждал Троцкий начиная с 1905—1906 годов, русская революция будет прелюдией. 10 октября Ленин направил в ЦК предложение, где обозначил первейшую причину восстания: «международное положение русской революции (восстание на флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания по всей Европе всемирной социалистической революции)»¹. Он повторял это почти во всех последующих публичных выступлениях и частных разговорах. «Назревание и неизбежность всемирной социалистической революции не подлежит сомнению»². «Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции»³. «Мы будем истинными изменниками Интернационала, — писал он в письме большевикам, — если в такой момент, при таких благоприятных условиях на такой призыв немецких революционеров [то есть мятеж на немецком флоте] ответим только... резолюциями»⁴. «Положение международное, — также утверждал он, — дает нам ряд объективных данных, что, выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу»⁵. Эта уверенность руководила и Троцким и Лениным, когда они оценивали ситуацию, и Ленин настойчиво продолжал утверждать, что советское правительство должно готовиться к ведению революционной войны, дабы помочь немецкому пролетариату совершить восстание.

С другой стороны, Зиновьев и Каменев говорили: «Если мы, взяв власть сейчас одни, придем (в силу своего мирового положения) к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас». Перед нами точное предвидение событий, приведших к Брест-Литовскому миру. «И тут мы подходим, — далее утверждали они, — ко второму утверждению, что международный пролетариат будто бы уже сейчас в своем большинстве за нас. Это, к сожалению, не так. Восстание в германском флоте имеет громадное симптоматическое значение... Но отсюда до сколько-нибудь активной поддержки пролетарской

---

¹ Ленин В.И. Сочинения. Т. 26. С. 162.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 154—155.

⁵ Там же. С. 164.

революции в России, объявляющей войну всему буржуазному миру, еще очень далеко. Переоценивать силы крайне вредно».

Таким образом, самые здравомыслящие реалисты в том, что касалось российской ситуации, становились мечтателями, обращаясь к широкой международной арене; а те, кто видел Россию нечетко, сквозь туман умеренного скептицизма, превращались в реалистов. Безусловно, сторонники восстания воплощали в себе энергию и нестигаемую волю революции, тогда как их оппоненты озвучивали свои слабые сомнения относительно революционной ситуации в России. И все же можно задуматься, стали бы Ленин и Троцкий действовать именно так или с той же решимостью, если бы более трезво оценивали перспективы международной революции и сумели предвидеть, что в течение нескольких десятилетий примеру России не последует ни одна страна. Это чисто умозрительный вопрос, не имеющий ответа. По существу, вся динамика российской истории побуждала их самих, их партию, их родину к новой революции, и им нужна была безграничная надежда, дабы осуществить то, что потрясет весь мир. История рождала великие иллюзии и выращивала их в умах самых здравых и трезво мыслящих вождей, чтобы сделать их побудительной силой для собственного движения вперед. Точно так же она когда-то внушила вождям французской революции веру в неизбежность всемирной республики народов.

Пока Центральный комитет не разрешил противоречия, партия, само собой, не могла ничего предпринять. В конце сентября Керенский объявил об открытии Предпарламента — нового заместителя выборного органа власти. Большевикам пришлось решать вопрос о своем участии в нем. Ответ на него был связан с ответом на вопрос о необходимости восстания. Те, кто не поддерживал восстания или колебался, стояли за участие: они хотели, чтобы большевистская партия работала в Предпарламенте как обычная оппозиционная партия, даже если Предпарламент не мог претендовать на то, чтобы представлять всю страну. Приверженцы восстания утверждали, что идти в оппозицию поздно — иначе они бы и не думали о немедленном свержении существующего правительства. Они считали, что, пока большевики составляли в Советах меньшинство, они могли только уговаривать умеренное большинство передать всю власть Советам, но сами не могли на это повлиять. Однако, получив большинство,

они должны добиться передачи власти, если не хотят прослыть пустозвонами. Своим участием в Предпарламенте они только придадут ему видимость настоящего парламента и напрасно потратят силу, необходимую для прямых действий.

В этой дискуссии Троцкий и Сталин — они впервые выступили вместе — единогласно поддержали бойкот Предпарламента. Каменев и Рыков призывали к участию. Большевистские делегаты, прибывшие со всей страны на открытие Предпарламента, большинством проголосовали за участие. Ленин настаивал на пересмотре этой позиции. В письме Центральному комитету он писал: «Троцкий был за бойкот. Bravo, товарищ Троцкий! Бойкотизм побежден во фракции большевиков, съехавшихся на Демократическое совещание. Да здравствует бойкот!». Инцидент показал, что умом партия еще не готова возглавить восстание.

Эти слова: «Троцкий был за бойкот. Bravo, товарищ Троцкий!» — Ленин написал с очевидным облегчением. Позиция Троцкого в вопросе восстания вызвала у него тревогу, даже подозрение. Ленин опасался, что Троцкий, настаивая на необходимости связать восстание со съездом Советов, напрасно теряет время, пока не будет слишком поздно. Если бы это было так, то с точки зрения Ленина Троцкий как оппонент был бы еще опаснее Каменева и Зиновьева, чья позиция, по крайней мере, имела одно отрицательное достоинство: она была недвусмысленна и явно противоречила всему курсу большевистской партии. И напротив, позиция Троцкого, казалось бы, следует из курса партии и потому более убедительна для большевиков; фактически ЦК склонялся ее принять. Вследствие этого Ленин порой оспаривал взгляды Троцкого почти так же решительно, как взгляды Зиновьева и Каменева, хотя и не называл его имени. Ленин писал, что дожидаться созыва съезда — такое же предательство, как дожидаться, пока Керенский созовет Учредительное собрание, как того хотят Зиновьев и Каменев.

Гораздо позже Троцкий нашел оправдание ленинскому поведению. «Если бы не было, — писал он, — этой ленинской тревоги, этого нажима, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выровняла бы, пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно». Можно добавить, что вполне естественно «напряженное и страстное революционное недоверие» Ленина было направлено и на самого Троцкого, любителя

красивых слов и поз, «пустозвона» и «балалайкина» в прошлом, бывшего меньшевистского пособника, совсем недавно перековавшегося в большевика и в отсутствие Ленина по удачному стечению обстоятельств оказавшегося во главе партии. Правда, в июльские дни он вел себя с необычайным достоинством и отвагой. Но Ленин никогда не сомневался в достоинстве и личной отваге Троцкого, даже в пору самой жестокой вражды. Маргов тоже храбро защищал Ленина в июле. Однако одно дело защищать товарища и даже оппонента, затравленного контрреволюционерами, и совсем другое возглавить революцию. Справится ли с этим Троцкий? Поймет ли он, когда наступит время перейти от слов к делу? Вплоть до самого восстания и даже после его начала Ленина точили сомнения.

Между тем Троцкий занимался подготовкой к восстанию. Он подготавливал его с такой психологической тонкостью и тактической прозорливостью, что и друзья и враги могли только догадываться об его истинных намерениях, хотя все свои ходы он делал в открытую. Троцкий не пытался извне наложить план восстания на цепь событий, но развивал его вместе с изменяющимися обстоятельствами и потому мог оправдать каждый сделанный шаг той или иной настоятельной потребностью момента, в некотором смысле реальной потребностью, которая на первый взгляд не имела никакого отношения к восстанию. Все его действия имели невинный вид, и, хотя их связывал между собою единый замысел, эта связь тоже была идеально замаскирована. Разгадать ее не смог ни один из опытных наблюдателей, политических или военных, следивших за обстановкой в интересах правительства, Генштаба, союзных посольств и военных миссий. И даже Ленина она отчасти ввела в заблуждение.

К началу октября кризис достиг новой силы. Росла хозяйственная разруха. Города снабжались из рук вон плохо. Повсеместно крестьяне захватывали помещичьи земли и жгли усадьбы. Армия несла новые поражения. Немецкий флот вошел в Финский залив. Какое-то время казалось, что даже Петроград открыт для вражеского нападения. Правительственные чиновники, военные и деловые круги обсуждали эвакуацию столицы и перевод правительства в Москву. Произошла полная перемена взглядов, не имеющая прецедента в анналах войны и революции. Кое-кто из тех, кто с нетерпением ждал контрреволюции, но сам был слишком слаб, чтобы ее совершить, с удовольствием обдумывал, вопреки ежедневным изъявлениям патриотизма, перспективы военно-

но вторжения, которое могло бы сделать все за них. Бывший председатель Думы Родзянко оказался достаточно неблагоразумен, чтобы публично заявить, что он будет рад, если немецкая армия установит закон и порядок в Петрограде. Рабочий класс и солдатских «пораженцев» охватила тревога. 6 октября Троцкий выступил на заседании солдатской секции Совета в присутствии делегатов от всех полков Петроградского гарнизона и представил им следующую резолюцию: «Если Временное правительство не способно защитить Петроград, то оно обязано либо заключить мир, либо уступить свое место другому правительству. Переезд в Москву означал бы дезертирство с ответственного боевого поста». Резолюцию приняли единогласно. Гарнизон уведомил Совет о том, что намерен участвовать в организации обороны города без приказа правительства, если придется, и даже вопреки ему.

На следующий день с трибуны Предпарламента Троцкий протрубил тревогу: «Мысль о сдаче революционной столицы немецким войскам, — сказал он, — нисколько не вызывает возмущения буржуазных классов, наоборот, приемлется ими как естественное звено общей политики, которое должно облегчить им их контрреволюционный заговор». Поток оскорблений хлынул на оратора, но он в последний раз обращался к Предпарламенту — по настоянию Ленина партия в конце концов решила бойкотировать его. Перекрикивая возмущенные возгласы, Троцкий объявил о выходе большевиков из собрания: «С этим правительством народной измены и с этим Советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего... Покидая Временный Совет, мы вызываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности! Революция в опасности! Народ в опасности!» Отныне почти каждый день подготовители восстания делали большой шаг к своей цели.

Обе стороны, Керенский и Генштаб с одной стороны, Троцкий и Совет с другой, совершили ряд маневров с целью подготовки площадки для Гражданской войны; но обе делали вид, что действуют в интересах национальной обороны. Керенский планировал передислокацию войск, якобы для укрепления фронта. В ходе передислокации предполагалось удалить из Петрограда самые революционные полки, а затем раскрыть карты перед Советом. Троцкий был вынужден постараться сорвать план Керенского и предотвратить вывод полков, сочувствующих большевикам. Он объяснял это тем, что ослабление гарнизона подвергнет столицу опасности немецкого вторжения, и это не было безос-

новательным утверждением. Тем временем правительство отреклось от предложения эвакуировать Петроград. Но столица уже не доверяла ему, и, когда стало известно, что Керенский хотел перебросить войска, подозрения подтвердились и укрепились. 9 октября Совет охватило сильное возбуждение. Троцкий выступал на пленарном заседании, призывая вмешаться в вопрос переброски войск. Раз Совет уже принял на себя ответственность за оборону Петрограда, он не может сложа руки глядеть на ослабление гарнизона. Пока еще Троцкий напрямую не предлагал наложить вето на план Керенского — для начала он предложил Совету выяснить истинный смысл плана и проследить за состоянием гарнизона. Однако косвенно он уже поставил вопрос о том, кто будет командовать гарнизоном.

В тот же день на заседании исполкома Совета был сформирован Военно-Революционный комитет. Хотя в итоге комитет стал главным органом восстания, он появился для того, чтобы от имени Совета взять на себя руководство обороной города. Предложение о его организации поступило от некоего Лазимира, юноши восемнадцати лет, левого эсера, который и не догадывался о последствиях. Большевистские члены ЦИКа воспротивились созданию комитета, но, когда им сказали, что он будет копией и продолжением того органа, который они сами создали во время корниловского мятежа, они не нашлись что ответить. Находясь под руководством меньшевиков, Совет действительно неоднократно препятствовал намерениям правительства — это было в порядке вещей для двоевластия февральского режима, — и против этого довода им нечего было возразить. Троцкий, будучи председателем Совета, по должности возглавил комитет. Задачи комитета состояли в том, чтобы определить размер необходимого для защиты столицы гарнизона, поддерживать связь с командованием Северного фронта, Балтийского флота, финского гарнизона и т. д., установить численность людской силы и объем запасов военного имущества, разработать план обороны и поддерживать дисциплину среди гражданского населения. В комитет вошли, помимо его молодого и неискушенного инициатора, Подвойский, Антонов-Овсеенко и Лашевич — будущие командиры Октябрьского восстания. Комитет разбился на семь секций, отвечавших за оборону, снабжение, связь, информацию, рабочее ополчение и т. д. Опять-таки основываясь на прецедентах, комитет назначил комиссаров, которые должны были представлять его во всех подразделениях гарнизона.

Пока Троцкий налаживал механизм восстания, частью по собственному плану, частью на волне больших событий и мелких случайностей, Центральный Комитет партии еще не успел принять никаких финансовых решений. 3 октября он заслушал отчет уполномоченного из Москвы Ломова-Оппокова, который выступал за восстание и требовал положить конец нерешительности. Протокол заседания говорит, что было решено не обсуждать отчет, а просить Ленина приехать в Петроград и изложить свои доводы перед ЦК. 7 октября было назначено бюро по сбору информации по борьбе с контрреволюцией. В него вошли Троцкий, Свердлов и Бубнов. Только 10 октября, на следующий день после создания Военно-Революционного комитета, состоялось историческое заседание, на котором присутствовал Ленин, и руководители партии после серьезных дебатов приняли решение в пользу начала восстания десятью голосами против двух. На этом заседании также было выбрано первое политбюро в составе Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сталина, Сокольников и Бубнова, чтобы осуществлять повседневное партийное руководство восстанием. Но на следующий день Зиновьев и Каменев обратились к рядовым членам организации, выступив против решения ЦК, и позиция партии снова повисла в воздухе. Как бы то ни было, только что избранное политбюро было не способно осуществлять руководство. Ленин вернулся в Финляндию. Зиновьев и Каменев агитировали против восстания. Сталин полностью погрузился в редакторскую работу. Сокольников занимал чуть более осторожную позицию, чем Троцкий. Однако Ленин, все еще не доверяя плану Троцкого, убеждал партию взять на себя инициативу в вооруженных действиях. Все члены Политбюро, за исключением тех, кто был принципиально против, предпочитали, чтобы восстанием руководил Совет.

В течение следующей недели Троцкий с помощью самых красноречивых агитаторов — Луначарского, Коллонтай и Володарского — собирал силы революции. 10 октября он выступал на городском заседании 4-й конференции фабрично-заводских комитетов. 11 и 12 октября на съезде Советов Северной области он призвал быть готовыми к эпохальным событиям. «Наше правительство, — заявил он, — может бежать из Петрограда, но революционный народ из Петрограда не пойдет, он будет защищать его до конца». В то же время он приложил все усилия, чтобы заставить меньшевистский ЦИК раскрыть карты и созвать II съезд Советов. 13 октября через голову исполкома и от имени Советов

Северной области он отправил радиogramму «Всем, всем, всем», обратившись к Советам и армии с призывом направить делегатов на съезд. «У знаменитого цирка «Модерн», — пишет Суханов, — где выступали Троцкий, Луначарский, Володарский, — все видели бесконечные хвосты и толпы людей, которых уже не вмещал переполненный огромный цирк... Троцкий, отрываясь от работы в революционном штабе, летал с Обуховского на Трубочный, с Путиловского на Балтийский, из манежа в казармы и, казалось, говорил одновременно во всех местах. Его лично знал и слышал каждый петербургский рабочий и солдат. Его влияние — и в массах, и в штабе — было подавляющим. Он был центральной фигурой этих дней и главным героем этой замечательной страницы истории».

16 октября полки гарнизона объявили, что они не подчинятся приказу Керенского и останутся в Петрограде. Это было, как позднее скажет Троцкий, «тихое» восстание, которое предопределило исход борьбы. До тех пор Троцкий сам немного тревожился из-за того, что рискнул связать восстание со съездом Советов. Теперь же он приободрился: в ближайшее время Керенский не сможет изменить расстановку сил в свою пользу. В тот же день Троцкий подписал приказ о том, чтобы арсеналы выдали 5 тысяч винтовок Красной гвардии — гражданскому ополчению. Таким способом он проверил, будет ли гарнизон исполнять распоряжения Военно-Революционного комитета. Распоряжения исполнялись.

Во время «тихого восстания» состоялось новое заседание ЦК с участием главных местных руководителей большевиков. Прибыл заgrimированный до неузнаваемости Ленин и выступил с предложением, чтобы заседание подтвердило решение о восстании, а ЦК призвал к немедленному действию. Представитель Петроградского комитета сказал об апатии в массах, но объяснил, что если призыв к восстанию будет исходить не от партии, а от Совета, то он найдет отклик и расшевелит народ. Крыленко, руководитель военной организации большевиков, от которого полностью зависело выполнение ленинского плана восстания, заявил, что в его организации за восстание меньшинство, но даже и оно предпочитает, чтобы инициатива исходила от Совета, а не от партии. Володарский выступил в том же духе. Зиновьев и Каменев категорически возражали против вооруженного восстания в какой бы то ни было форме. Сталин упрекнул их в недостатке веры в европейскую революцию и заметил, что, пока партийные вожди спорят, Совет уже встал на путь к восстанию. От Москвы не-

однозначно выступал Милютин. Сокольников утверждал, что восстание нужно начинать только после открытия съезда Советов. Со всех сторон раздавались тревожные голоса о равнодушии и усталости масс. Ленин вновь перечислил свои доводы, но сделал уступку сторонникам плана Троцкого и предложил, чтобы ЦК и Совет указали точную дату и определили практические методы наступления¹. Восстание было ориентировочно назначено на 20 октября.

ЦК выбрал день 20 октября, потому что это был канун открытия ожидаемого Съезда. На подготовку оставалось только три или четыре дня. Однако, как только ЦК подтвердил решение о восстании, Зиновьев и Каменев отважились на энергичную попытку его сорвать. На этот раз они разоблачили план не на заседании большевистского комитета, а на страницах газеты Горького. Так те, кто должен был руководить восстанием, предупредили внешний мир о надвигающейся угрозе. Ленин был вне себя от возмущения и потребовал немедленно исключить из партии обоих «штрейкбрехеров» революции. Его требование не было услышано. Сталин в большевистской газете попытался примирить противников, хотя по такому вопросу соглашение было невозможно: либо совершать восстание, либо не совершать.

Даже сумятицу среди большевистских вождей Троцкий использовал для реализации своего плана. 17 октября он с хорошо скрытым облегчением получил известие о том, что меньшевистский ЦИК снова отложил съезд Советов на несколько дней. Так он получил чуть больше времени на последнюю подготовку. Однако противоположный лагерь тоже мог воспользоваться отсрочкой к своей выгоде, и зиновьевско-каменевские разоблачения заставили его быть настороже. 18 октября перед Троцким в Совете поставили два трудных вопроса: один о распространившихся слухах относительно восстания, другой о его приказе выдать винтовки красногвардейцам. Его ответ — истинный шедевр дипломатической маскировки. «Решения Петроградского Совета публикуются во всеобщее сведение, — сказал он. — Совет — учреждение выборное, каждый член его ответственен перед выбравшими его

---

¹ Протоколы Центрального комитета. С. 110—125 и Ленин В.И. Сочинения. Т. 26. С. 165. На этом заседании был назначен военный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. Он должен был войти в Военно-Революционный комитет Совета, т. е. оказаться под началом Троцкого. На том факте, что Сталин входил в этот орган, который ни разу во время восстания не действовал самостоятельно, сам Сталин и сталинские историки позднее основывали свое утверждение, что Сталин фактически руководил восстанием.

рабочими или солдатами. Этот революционный парламент... не может иметь решений, которые не были бы известны рабочим и солдатам. Мы ничего не скрываем. Я заявляю от имени Совета: никаких вооруженных выступлений нами не было назначено». Фактически это соответствовало действительности: *Совет* никаких подобных решений не принимал. Как председатель Совета он отчитывался только о работе Совета. Никто не обязывал его публично поверять конфиденциальные решения, принятые таким частным органом, как Центральный комитет партии.

Но он не остановился на отрицании, которое могло сбить с толку и друзей и врагов, и не стал связывать себе руки. «Если бы по ходу вещей, — добавил он, — Совет был принужден назначить выступление, — рабочие и солдаты, как один человек, выступили бы по его зову». Он признал, что приказал выдать винтовки красногвардейцам, но прикрылся известным прецедентом: несколько месяцев назад меньшевистский Совет сделал то же самое. «Петроградский Совет, — дерзко продолжил он, — будет и впредь организовывать и вооружать рабочую гвардию... Нужно быть наготове. Мы вступили в период обостренной борьбы. Нужно постоянно ожидать нападения со стороны контрреволюции. Но при первой попытке с ее стороны сорвать Съезд Советов, при первой попытке наступления мы ответим контр наступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца»¹. Так он одновременно воодушевил сторонников восстания и запутал противников. Он тщательно и осторожно вывел на первый план оборонительный аспект восстания, а наступательный придержал позади. С места поднялся Каменев и заявил о полной солидарности с Троцким, Зиновьев сделал то же в письме редактору «Рабочего пути». Два противника восстания надеялись тем самым связать партию чисто оборонительной позицией и обходным путем заставить ее отказаться от восстания. Но демонстративное выражение солидарности с Троцким произвело совсем другое действие. Антибольшевистские партии, видя, что известные противники переворота заявили о своем согласии с Троцким, решили, что и он согласен с ними. «Значит, восстания не будет», — успокаивали себя меньшевики и эсеры.

Сразу же после инцидента Троцкий тайно переговорил с Лениным — по всей видимости, единственный раз за все эти недели. Он хотел узнать, правильно ли понял Ленин его заявление и

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 31—32.

видимость согласия между ним, Зиновьевым и Каменевым, и ему не терпелось рассеять опасения Ленина. Но его страхи оказались беспочвенными. Ленин писал в ЦК: «Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий не мог, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал». Троцкий позднее писал: «Настроение Владимира Ильича в это свидание было более спокойным и уверенным, я бы сказал, менее подозрительным... Тем не менее он покачивал время от времени головой и спрашивал: «А не предупредят ли они нас? не захватят ли врасплох?» Я доказывал, что дальше все пойдет почти автоматически».

Ленин полностью не успокоился. Тот факт, что его неоднократные требования о немедленном исключении Зиновьева и Каменева из партии не вызвали отклика ни у Троцкого, ни у ЦК в целом, снова пробудил его подозрительность. Любая партия в подобных обстоятельствах сочла бы откровенность Зиновьева и Каменева предательством. Поэтому в уважении, выказанном им Центральным комитетом, Ленин увидел знак нерешительности в вопросе о восстании¹.

---

¹ Отношения внутри большевистской партии в то время характеризует тот факт, что ЦК ни одним голосом не поддержал требование Ленина. Каменев объявил о добровольном выходе из комитета. Тем не менее Ленин потребовал исключить его и Зиновьева в качестве примерного наказания не за инакомыслие, но за допущенное ими неслыханное нарушение дисциплины. Протокол заседания ЦК от 20 декабря проливает свет на происшедшее. Дзержинский сказал, что Каменеву надо рекомендовать оставить политическую деятельность, но он не поддержал исключение. Не стоит спорить о Зиновьеве, так как он все равно в убежище. Сталин и Милютин рекомендовали отложить решение вопроса до пленарного заседания Центрального комитета. Сталин в партийной газете защищал мотивы Зиновьева и Каменева и сам попал под огонь. Урицкий был за то, чтобы отложить решение. Свердлов решительно выступал против Каменева, но утверждал, что ЦК не имеет права кого-либо исключать. Троцкий был за то, чтобы принять выход Каменева, но не за исключение. Он раскритиковал Сталина как редактора, сказав, что двойственная позиция партийной газеты создала нетерпимую ситуацию. Иоффе выступал в том же духе. Сталин снова защищал Зиновьева и Каменева, говоря, что они должны остаться в ЦК: исключение из партии не средство — партии нужно сохранить единство. Уход Каменева был принят пятью голосами против трех. Затем Сталин объявил, что уходит с поста редактора партийной газеты. Но его отставку не приняли. Этот и многие аналогичные эпизоды никак не согласуются с мнением, что в большевистской партии с самого ее основания царило ненарушимое единообразие или тоталитаризм (Протоколы Центрального комитета. С. 127—129).

Подготовка к восстанию уже близилась к завершению, когда Совет распорядился о том, чтобы гарнизон отныне выполнял только официальные приказы, отданные Военно-Революционным комитетом и его комиссарами. 21 октября Троцкий огласил распоряжение на общем собрании полковых комитетов Петроградского гарнизона и обратился к казакам, бывшей преторианской гвардии царя, с призывом защитить революцию. Полковые комитеты приняли резолюцию Троцкого, в которой среди прочего говорилось:

«Присоединяясь ко всем политическим решениям Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, гарнизон Петрограда заявляет:

Время слов прошло. Страна на краю гибели. Армия требует мира, крестьяне требуют земли, рабочие требуют работы и хлеба. Коалиционная власть против народа. Она — орудие в руках врагов народа. Время слов прошло. Всероссийский Съезд Советов должен взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб... Петроградский гарнизон торжественно обещает Всероссийскому Съезду в борьбе за эти требования отдать в его распоряжение все свои силы до последнего человека. Надейтесь на нас... Мы все на своих постах: готовы победить или умереть!»¹

События показали, что последние строки скорее были официальным заявлением, чем истинной уверенностью. Рабочие действительно были «готовы победить или умереть», но гарнизон поддерживал Совет, потому что был уверен в легкой победе над Керенским, победе, от которой солдаты ожидали прекращения войны. Каковы бы ни были мотивы, гарнизон фактически подчинился Совету.

Это неизбежно вызвало конфликт между номинальным военным командованием и Военно-Революционным комитетом. Но даже и тогда Троцкий не спешил заявлять от имени комитета, что военное командование смещено. Комитетские комиссары были прикреплены к Генеральному штабу якобы для того, чтобы координировать действия и не допускать трений, и в самый день восстания Троцкий распространил сведения о том, что переговоры идут удовлетворительно. Одновременно с военными приготовлениями Троцкий призывал Красную гвардию и гражданские организации к бдительности. 22 октября он выступал на огромном митинге в Народном доме. «Вокруг меня, —

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 37.

русски рассказывает очевидец, которого мы часто цитировали, — было настроение, близкое к экстазу». Троцкий попросил собравшихся повторить за ним слова клятвы. «Толпа, как один человек, подняла руки. Троцкий чеканил слова: «Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой — всеми силами, любыми жертвами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир». Несметная толпа держала руки, она согласна. Она клянется... Троцкий кончил. На трибуну вышел кто-то другой. Но ждать и смотреть больше было нечего»¹.

Броская внешность Троцкого и почти поэтическая возвышенность его речи не меньше его военных хитростей обманули антибольшевистских вождей. Они слишком привыкли к фейерверкам его красноречия, чтобы теперь заподозрить в них настоящий огонь. Троцкий казался им, да и не только им, чересчур болтливым для руководителя победного восстания. Однако в русской революции слова, слова великого идеализма, были, по существу, важнее полков и дивизий, и вдохновенные речи вели к результатам не хуже решительных боев. До какого-то момента они вообще снимали с революции необходимость сражаться. Революция в основном действовала колоссальной силой убеждения, и большую часть этой силы она, казалось, вложила в одного человека.

К 23 октября у Военно-Революционного комитета был готов детальный план операции, столь же простой, сколь и тщательно продуманный. По плану отборные отряды быстро занимали все стратегические пункты столицы. Связь между штабом повстанцев и гарнизоном работала безупречно. Отряды стояли наготове в ожидании сигнала. В последний раз оценивая расстановку сил, члены Военно-Революционного комитета были уверены, что им хватит небольшого толчка, чтобы опрокинуть правительство — Совет обладал подавляющим превосходством в силе. Неясность касалась лишь одного важного пункта — Петропавловской крепости на Неве, гарнизон которой, по сообщениям, стоял за Керенского или, во всяком случае, колебался. Антонов-Овсеенко подготовил план штурма крепости — предполагалось, что это будет единственное важное сражение. Однако Троцкий решил попробовать штурмовать ее словом. 23-го числа, после полудня, в сопровождении командира охраны Совета он въехал на грузовике во вражеский, как считалось, лагерь. Он обратился к гарни-

---

¹ Суханов Н. Указ. соч. Т. 2. С. 91.

зону крепости и заставил его повторить за собой клятву верности Совету.

Теперь Троцкий ждал лишь провокации со стороны Керенского, которая позволила бы ему начать восстание как оборонительную операцию. Он не сомневался, что Керенский обязательно даст повод — Троцкий сам достаточно спровоцировал его для этого¹. И в самом деле, 23-го числа Керенский попытался нанести удар из той пустоты, в которой повисли он и его правительство. Он запретил газету «Рабочий путь» — под этим названием стала выходить «Правда» после июльских дней — и приказал закрыть ее редакцию и типографию. Работница и типографский рабочий прибежали в Военно-Революционный комитет со словами, что они готовы сломать печати на помещениях «Рабочего пути» и продолжить издавать газету, если комитет даст им достаточную военную охрану. Это предложение из уст запыхавшейся девушки как вспышка озарило Троцкого. «Кусочек казенного сургуча на дверях большевистской редакции — в качестве военной меры это немного. Но какой превосходный сигнал к бою!» Не сходя с места, он подписал приказ и отправил вооруженный винтовками отряд и несколько саперских взводов охранять большевистскую редакцию и типографию. Приказ был выполнен немедленно.

Этот был пробный шар, запущенный на рассвете 24 октября. На следующее утро газеты в один голос заговорили о том, что Керенский намеревался подавить Совет и большевистскую партию. Военно-Революционный комитет разрабатывал последние детали восстания. Стало ясно, что его нельзя откладывать ни на один день. Смольный, до сих пор охранявшийся вяло и небрежно, быстро переоборудовали в крепость, и он ощерился пушками и пулеметами. Рано утром состоялось последнее заседание ЦК партии перед решающим событием. Прибыли все его члены, находившиеся в Петрограде, за исключением Ленина и

---

¹ Однако нельзя сомневаться, что Керенский всегда видел в Советах препятствие, от которого нужно избавиться, даже в то время, когда большевики не пользовались большим влиянием в Советах и когда он сам был всецело обязан им своим положением. Еще 27 марта (9 апреля по новому стилю) сэр Джордж Бьюкенен заметил в дневнике: «Керенскому, с которым у меня вчера был долгий разговор, не нравится мысль о том, чтобы в настоящий момент принять радикальные меры либо против Советов, либо против социалистической пропаганды в армии. Когда я сказал ему, что правительство никогда не будет хозяином положения, пока будет плясать под дудку конкурентов, он ответил, что Советы умрут естественной смертью» (Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Т. 2).

Зиновьева, которые еще не вышли из подполья, и Сталина, отсутствовавшего по неизвестной причине. Каменев, хотя и вышел из комитета в знак протеста против восстания, тут же присоединился к восставшим, как только оно началось, и проявил удивительную инициативу. Именно он, помимо прочего, предложил всем членам комитета не покидать Смольного в течение дня. По инициативе Троцкого каждый получил особое поручение — по обеспечению связи или организации. Дзержинский поддерживал связь с почтами и телеграфом, Бубнов с железнодорожниками, Ногин и Ломов с Москвой. Свердлов должен был наблюдать за действиями Временного правительства, а Милютин отвечал за продовольственное снабжение города. Каменев и Берзин должны были заручиться поддержкой левых эсеров, отколовшихся от своей партии. Наконец Троцкий предложил, чтобы в случае, если большевиков выбьют из Смольного, штаб восстания перебрался в Петропавловскую крепость, гарнизон которой он только что переманил на свою сторону¹.

В это время Керенский выступил в Предпарламенте и отважился на запоздалые угрозы. Он заявил, что отдал приказ предъявить обвинение всему Военно-Революционному комитету, заново объявить Ленина в розыск, арестовать Троцкого и других большевистских руководителей, выпущенных под залог, а также принять меры против кронштадтских матросов².

Троцкий созвал чрезвычайное заседание Петроградского Совета и сообщил о шагах, предпринятых Военно-Революционным комитетом. Даже в тот момент он не провозгласил восстания.

«Мы не боимся брать на себя ответственность за сохранение революционного порядка в городе... «Вся власть Советам!» — это наш лозунг. В ближайшую эпоху, эпоху заседаний Всероссийского съезда Советов, лозунг этот должен получить осуществление. Приведет ли это к восстанию или выступлению, это зависит не только и не столько от Советов, сколько от тех, которые, вопреки единодушной воле народа, держат в своих руках государственную власть. [Он сообщил о происшествии с «Рабочим путем» и спро-

---

¹ Каменев предложил устроить резервный штаб на борту крейсера «Аврора», с экипажем и радиорубкой которого он поддерживал связь.

² Накануне генерал-майор Альфред Нокс, британский военный атташе, узнал о плане. «Сегодня Багратуни сказал мне, — говорится в его записной книжке, — что Керенский решил арестовать Троцкого и членов Военного Революционного комитета... Я спросил, хватит ли у нас сил, чтобы выполнить этот план, и Багратуни сказал, что хватит. Подрезов сказал: «Можно рискнуть» (*Knox Alfred. With the Russian Army. T. 2. C. 705*).

сил:] Есть ли это восстание? У нас есть полувласть, которой не верит народ и которая сама в себя не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной власти революционного народа».

Троцкий объявил, что отменил приказы Керенского против кронштадтских матросов и велел крейсеру «Аврора» стоять наготове.

«Завтра откроется съезд Советов. Задача гарнизона и пролетариата — предоставить в распоряжение съезда накопленную силу, о которую разбилась бы правительственная провокация. Задача наша — донести эту силу до съезда нерасколотой, неущербленной... Если мнимая власть сделает азартную попытку оживить собственный труп, то народные массы, организованные и вооруженные, дадут ей решительный отпор, и отпор этот будет тем сильнее, чем сильнее будет наступление реакции. Если правительство 24 или 48 часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд революции ответит на удар — ударом, на железо — сталью»¹.

Когда делегация из городской управы спросила его о намерениях Совета, он неопределенно ответил, что Совет готов согласовать оборону революционного порядка с Петроградской городской думой, и иронически предложил управе одно место в Военно-Революционном комитете.

Поздно вечером меньшевистский ЦИК созвал совещание собравшихся на съезд делегатов. В последний раз Дан говорил от имени старых руководителей Совета. Он предостерег делегатов от кровопролития: «Массы измучены и болезненно настроены; они потеряли интерес к революции... Контрреволюционеры только ждут большевиков, чтобы приступить к погромам и убийствам... Совершенно недопустимо, чтобы петроградский гарнизон в районе военных действий отказывался исполнять приказания штаба... Вся власть Советам — это смерть... ЦИК имеет власть и право действовать, и все обязаны повиноваться ему. Мы не боимся штыков! ЦИК прикроет революцию своим собственным телом»². Под ропот и насмешки Дан пообещал немедленно провести мирные

¹ Троцкий А. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 51—53.

² Reed John. Ten Days that Shook the World. С. 58—60.

переговоры и начать земельную реформу, тем самым невольно признав, что большевики с самого начала были правы в своих требованиях. («Россия, — объявил он, — более не может воевать».) С места раздались крики: «Поздно!»

«От большевиков взошел на трибуну Троцкий, встреченный громом аплодисментов. Все собрание встало и устроило ему овацию. Худое, заостренное лицо Троцкого выражало мифистофельскую злобную иронию.

«Тактика Дана доказывает, что масса — широкая, тупая, безразличная масса — всецело идет за ним!» Гомерический хохот... Оратор трагическим жестом поворачивается к председателю. «Когда мы говорили о передаче земли крестьянам, вы были против этого. Мы говорили крестьянам: если вам не дают земли, берите ее сами! Теперь крестьяне последовали нашему совету, а вы призываете к тому, о чем мы говорили шесть месяцев назад!.. Настанет такой день, когда сам Дан скажет, что в восстании 3—5 июля участвовал цвет революции... Нет! История последних семи месяцев показывает, что меньшевики покинуты массами!.. Дан говорит вам, что вы не имеете права восставать. Восстание есть неотъемлемое право каждого революционера! Когда угнетенные массы восстают, они всегда правы... Если вы не дрогнете, то Гражданской войны не будет, так как наши враги сразу капитулируют, и вы займете место, которое вам по праву принадлежит, — место хозяина русской земли»¹.

Дан, обманутый неясными выражениями, в которых Троцкий все еще говорил о восстании, и, может быть, надеясь, что большевики не получат большинства на съезде, поспешил к Керенскому, чтобы заверить его в том, что большевистского переворота не будет, и умолял его воздержаться от репрессий.

Восстание уже шло. Троцкий издал свой знаменитый приказ № 1: «Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов грозит опасность из окрестностей: ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать юнкеров и ударные батальоны. Закрываются газеты «Солдат» и «Рабочий путь». Предписываем вам привести полк в положение боевой готовности и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление или неисполнение приказа будет считаться изменой революции». Твердость его тона внушила повстанцам уверенность. В ночь с 24 на 25 октября Красная гвардия и регулярные полки молниеносно и прак-

---

¹ *Reed John. Ten Days that Shook the World.*

тически бесшумно заняли Таврический дворец, почты и железнодорожные вокзалы, Государственный банк, телефонные станции, электростанции и другие стратегические объекты. В феврале понадобилось около недели, чтобы свергнуть царя, а свержение правительства Керенского заняло всего лишь несколько часов. Утром 25 октября Керенский уже бежал из столицы в машине иностранного посольства. Министры напрасно ждали его в Зимнем дворце, когда в полдень их там же и взяли в осаду, как это было с царским правительством на последнем этапе Февральской революции. Большевики овладели столицей без кровопролития¹. К полудню Троцкий доложил Петроградскому Совету, ошеломленному и неверящему, о дальнейших событиях: министры помещены под арест, Предпарламент распущен, весь город под контролем. Враг удерживает только Зимний дворец, к штурму которого готовится Антонов-Овсеенко.

Вечером 24-го числа в Смольный прибыл Ленин, по-прежнему сильно заgrimированный. Сообщения в газетах о дружественных переговорах между Генштабом и Военно-Революционным комитетом заново возбудили его недоверие. Он все еще подозревал, что восстание будет загублено. Украдкой пробираясь в Смольный с Выборгской стороны, где он скрывался последние несколько дней, он не понимал, что город, по которому он идет, фактически находится во власти его партии. Он забросал Троцкого и других руководителей вопросами: действительно ли они готовы договориться с Генштабом? Почему в городе так спокойно? Но, выслушав ответы, ознакомившись с напряженной работой штаба в помещении Военно-Революционного комитета, куда непрерывно поступали доклады и откуда исходили распоряжения, увидев самих руководителей восстания, почти лишенных сил, небритых, грязных, с воспаленными от недосыпания глазами и все-таки уверенных и собранных, он понял, что они без него перешли Рубикон, и его подозрения рассеялись. Несмелым, чуть извиняющимся тоном он заметил, что восстание, конечно, можно совершить и по их плану — главное, чтобы оно удалось.

Он вел себя как главнокомандующий, который издали смотрит на решающий бой, и, зная, что у оперативного командира другие взгляды, склонен преувеличивать значение разногла-

---

¹ Генерал-майор Альфред Нокс, самый враждебный очевидец большевистского успеха, говорит, что общее число жертв составило около десяти (*Knox Alfred. With the Russian Army. T. 2. C. 711*).

сий и опасается, что без его вмешательства все может пойти не так; тогда он бросается на поле битвы, пока она еще не кончилась, и только потом без всякого следа оскорбленного самолюбия примиряется с ходом событий и признает успех своего подчиненного.

Хотя Троцкий возглавил операцию и полностью провел ее так, как считал нужным, ленинское влияние сыграло решающую роль в ее успехе. Исход дела зависел от позиции широких рабочих и солдатских масс, и Троцкий больше чем кто-либо другой сформировал их мнение. Но активисты восстания вышли из рядов большевистской партии, и на их умы гораздо большее воздействие оказал Ленин, основатель и бесспорный лидер партии, и продолжал оказывать даже из тайного убежища. Без его постоянных и настойчивых советов, без его предупреждений они, возможно, не стали бы слушать приказов и распоряжений Троцкого. Ленин внушил им идею восстания прежде, чем они приступили к осуществлению восстания по плану Троцкого. Но, только воочию увидев происходящее, Ленин наконец безоговорочно признал в Троцком великого партнера в грандиозном предприятии.

Вечером 25 октября два человека отдыхали на полу темной, пустой комнаты, примыкающей к большому залу Смольного, где вот-вот должен был открыться съезд Советов. Накануне ночью Троцкий упал в обморок от усталости и теперь пытался хоть немного поспать. Но сон не шел. Спать не давали постоянные телефонные звонки в соседней комнате. Помощники и курьеры стучали в двери. Пришло сообщение о том, что штурм Зимнего дворца задерживается, и Троцкий распорядился, чтобы в действие вступил крейсер «Аврора»: пусть дадут по Зимнему дворцу холостой выстрел — этого должно хватить, чтобы правительство сдалось. Он вернулся и улегся на пол рядом с Лениным. Он ненадолго погрузился в сонное забытие, прерываемое новыми докладами, шорохами, топотом быстро пробежавших по этажу. Вскоре они войдут в большой, ярко освещенный зал и предстанут перед лицом съезда. Само собой, они скажут, что единственным источником власти является съезд, что земля принадлежит крестьянам, и предложат немедленно заключить перемирие между Россией и другими странами, а завтра представят миру новое правительство. Мысль о том, что он или кто-то из его товарищей, профессиональных революционеров, займет министерский пост, казалась Ленину нелепой. Обрывки исторических реминисценций — как обычно, из эпохи Великой французской революции — wpłyвали в

сонный разум Троцкого: может быть, они назовутся commissaires, народными комиссарами — Советом народных комиссаров?¹

Съезд открылся под аккомпанемент выстрела «Авроры» по Зимнему дворцу — холостого выстрела. Большевистская партия обладала почти двумя третями голосов, вместе с левыми эсерами у нее было уже около трех четвертей. Места за столом нового президиума заняли четырнадцать большевиков, семь эсеров, правых и левых, три меньшевика и один представитель горьковской группы. Проигравшие партии тут же возроптали против восстания и штурма Зимнего дворца. Хинчук, будущий сталинский посол в Берлине, заявил от имени самой непримиримой группы меньшевиков, что они покидают съезд. Под крики «Ренегаты! Идите к Корнилову!» группа покинула зал. Меньшевики центра и левого крыла остались и потребовали создания коалиционного правительства в составе большевиков, меньшевиков и эсеров. Большевики отвергли требование, и эти группы тоже объявили бойкот съезду и его решениям. Когда Троцкий смотрел, как они уходят во главе с Мартовым и Аксельродом, он, может быть, вспоминал II съезд партии в 1903 году, когда Мартов объявил бойкот большевистскому ЦК. Сам Троцкий тогда был среди тех, кто поддержал бойкот. В определенном смысле эти два эпизода очень походили друг на друга: те же самые вожди, «мягкие» и «твердые», большинство обвинений 1903 года эхом прозвучало в заявлении Мартова, вспомнились даже слова «заговор», «узурпация» и «чрезвычайное положение». Но как разлились масштаб происходящего и интенсивность борьбы! И насколько отличалось собственное место Троцкого в этой борьбе через многие годы колебаний и сомнений, после которых он вернулся к Ленину.

Когда Троцкий поднялся, чтобы ответить Мартову, пока тот еще стоял напротив него, он не смог найти в себе ни мягкости, ни снисхождения, ни даже сострадания к побежденным — только тяжесть, досаду и гневное презрение. «Восстание народных масс, — начал он, — не нуждается в оправдании; то, что произошло, это не заговор, а восстание. Мы закаляли революционную энергию петроградских рабочих и солдат, мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор». Политически он был прав, хотя в военном отношении восстание фактически совершалось как заговор и не могло совершаться иначе. «Наше

---

¹ Троцкий выступил с этим предложением на заседании ЦК следующего дня (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 48—49, 59—60).

восстание победило, — продолжил он. — И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю, с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают это предложение? Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение, как равноправные стороны, миллионы рабочих и крестьян... Нет, тут соглашение не годится... вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!»¹ Эти слова — «горе побежденным!» — пронзили слух Мартова и его последователей, вышедших из зала сквозь сомкнутые ряды рабочих и солдат, которые возмущенно напоминали им обо всех преступлениях Временного правительства, о голоде и холоде, о бессмысленных и кровавых наступлениях на фронте, об июльских днях, о гонениях на большевиков, о том, как крестьяне ждали земли. Победители больше не сдерживали чувств.

Немезида шла по залам Смольного. Она только начинала свое дело.

Еще никогда в истории захватившая власть группа людей не принимала на себя таких громадных обязательств, какие взвалили на свои плечи большевистские вожди, когда зачитали перед съездом первые поспешно составленные декреты. Они обещали дать людям мир, землю и хлеб. От обещания до исполнения было неизмеримо далеко. Мир должен быть справедливым и демократическим, без аннексий или контрибуций, без какого-либо ущерба или унижения, которые победители причиняют побежденным. Ленин и Троцкий не раз повторяли, что такого мира нельзя ждать от монархических и даже буржуазно-парламентских правительств — его можно достичь лишь пролетарской революцией, совершенной в странах — участницах войны. Однако армии Гогенцоллернов и Габсбургов стояли на землях, отнятых у Российской империи, и, пока Германия и Австрия не свергли своих императоров и правителей и не отказались от захватнических планов, большевики в каком-то смысле были готовы продолжать войну — революционную войну за справедливый мир. Но в то

---

¹ Суханов Н. Указ. соч. Т. 7. С. 202—204; Reed John. Указ. соч. С. 79.

же время они стремились, а народ еще сильнее, достичь *немедленного мира*, который не мог быть ни справедливым, ни демократическим. Такова была их первая дилемма. Ее решение продиктуют им усталые солдаты-крестьяне, которым тем более не терпелось перековать мечи на орала теперь, когда вся земля наконец-то принадлежала им. Но шаткий мир, достигнутый под их давлением, не спасет Россию от долгого и тяжелого испытания интервенцией и Гражданской войной.

Большевики разделили землю между крестьянами или, вернее, санкционировали дележ, за который взялись сами крестьяне. Ни одна большая страна не может пройти через аграрную революцию такого масштаба без экономических потрясений и общего ослабления экономики, хотя бы кратковременного. Старые связи между городом и деревней ослабли или прервались, старые каналы обмена сузились и засорились, старые способы управления государством, отжившие и неполноценные, но доведенные до автоматизма и в известной мере действенные, стали невозможны. Даже в самых благоприятных обстоятельствах, без Гражданской войны, понадобилось бы немалое время, чтобы новые связи, новые каналы и новые способы управления жизнью страны заменили старые. Прежде чем это произошло, неизбежно должен был прекратиться такой элементарный процесс, как поставка продовольствия из деревни в город — неперемное условие современной цивилизации. Требование земли не совсем совмещалось с требованием хлеба. После дележа крупных поместий городские рабочие стали получать не больше, а меньше хлеба. Для крестьян аграрная революция на первых порах была благом. Она не только дала им землю, но и освободила от бремени вековой зависимости и долга. Но для страны в целом перспективы выглядели не столь радужно. Сельская Россия разбилась на 25 миллионов мелких хозяйств, большинство из которых были крохотными и обрабатывались допотопными орудиями. Вожди большевиков знали, что в конечном итоге раздробление влечет за собой хозяйственный и общественный застой. Сначала они пропагандировали дележ земли, потом его разрешили, потому что единоличные хозяйства были предпочтительнее старой полуфеодальной системы земельной собственности, и вдобавок иначе им грозила судьба их предшественников во власти. Но с самого начала большевики были намерены ввести коллективную собственность на землю, перегруппировать и слить 25 миллионов мелких участков в относительно крупные, современные и эффек-

тивные хозяйства. Они не могли сказать, когда, как и с помощью каких промышленных ресурсов смогут это сделать. Они лишь знали, что пустились в сложное, противоречивое и опасное предприятие: произвели одну аграрную революцию с очевидной целью аннулировать ее посредством другой.

Для промышленного рабочего и горожанина слово «хлеб» означает рост и развитие промышленности в целом. Для российского рабочего 1917 года оно также подразумевало ликвидацию в промышленности частной собственности и частного управления. В теоретической концепции социализма, которую с юности впитали вожди революции, важнейшее место занимала общественная и в конечном итоге международная собственность, а также центральное планирование производства и распределения. Российская промышленность, доставшаяся большевикам, даже если бы ее еще больше не разрушила Гражданская война, была слишком слаба и бедна, чтобы служить основанием для социализма. Вопреки провозглашенным социалистическим целям революции, большевики не могли сразу же перевести российскую промышленность на общественные рельсы. У них не было необходимых ресурсов, управляющих, технических специалистов и технологий. Новая власть надеялась, что сможет постепенно найти решение методом проб и ошибок. На первых порах они не спешили лишать собственности промышленников и торговцев, как поторопились отобрать землю у помещиков.

Но в 1917 году стихийно сложилось такое положение, при котором владельцы заводов уже наполовину лишились собственности. Как в казармах выборные солдатские комитеты отняли у офицеров авторитет и власть еще до того, как сорвали с них эполеты, так на заводах и в шахтах выборные рабочие комитеты присвоили большинство прав и привилегий владельцев и управляющих еще до того, как те были официально лишены владений или уволены. Двоевластие, которое было присуще России с февраля по октябрь, не миновало и российскую промышленность и сохранялось в ней уже после октября. В народном порыве социализм смешался с анархизмом. И по естественному побуждению, и по причине царящего повсеместно хаоса народ разрушал государственные связи промышленности, без которых не могло быть эволюции к социализму. Каждый рабочий комитет поневоле превращался в закрытое сообщество и становился сам себе законом. Не только капиталистам, но и всей стране грозила опасность лишиться всех своих промышленных ресурсов.

Такое состояние дел подгоняло большевиков. Революционное правительство, взявшее власть от имени рабочего класса, не имело прав восстановить авторитет прежних хозяев, даже если по экономическим причинам пожелало бы это сделать. Оно было вынуждено положить конец двоевластию в промышленности так же, как и в остальных сферах, — уничтожив старую власть. Только после этого оно могло попытаться преодолеть центробежные тенденции в экономике страны. Почти лишенная собственности буржуазия, зная, что от революции ей не приходится ждать ничего хорошего, защищалась единственно доступным ей способом: экономическим сопротивлением и саботажем, чем вынудила большевиков довести экспроприацию до конца. Когда хозяйственная и политическая борьба привела к Гражданской войне, все эти тенденции сосредоточились в быстрой и преждевременной национализации промышленности, объявленной декретом 1918 года. Согласно прогнозу главного героя нашей книги, революция носила перманентный характер. Троцкий рассчитывал на эти перспективы больше других товарищей по партии. Но их осуществление означало, что с самого начала здание российской революции должно было строиться на чрезвычайно шатких экономических основаниях. В результате многие годы то одна, то другая часть конструкции обязательно рушилась, падая на головы русского народа, или в лихорадочной спешке ее сносили.

Тем не менее большевики верили в свою способность выполнить три великих и простых обещания — дать народу мир, землю и хлеб, — которым были обязаны своей победой. Они горячо верили в то, что истекающие кровью, изувеченные народы Европы очень скоро последуют примеру России и помогут русской революции решить ее трудные задачи. Тогда Россия вступит в международное социалистическое сообщество, в рамках которого богатство и цивилизация Западной Европы перевесят бедность и отсталость России, так же как многие миллионы просвещенных немецких, французских и, может быть, даже британских пролетариев перевесят миллионы русских мужиков, если не числом, то развитием. Россия открыла Западу путь социалистической революции, а Запад возьмет Россию на буксир и потянет по этой дороге, помогая ей добраться до благ истинной цивилизации. Каждое слово большевиков дышало этой страстной, почти мессианской верой. Ослепительный блеск грандиозного видения горел в их глазах, даже когда они взирали на самые мрачные аспекты доставшегося им наследия.

Та же надежда освещала планы большевиков по созданию новой системы государственного управления. У них должно быть государство без регулярной армии, без полиции, без бюрократии. Впервые в истории деятельность правительства должна была стать не профессиональной тайной и привилегией малочисленной группы людей, вознесенных над обществом, а повседневной обязанностью обычных граждан. После июльских дней, когда Ленина преследовали как немецкого шпиона и в любой момент могли убить, он написал работу «Государство и революция», нечто вроде политического завета, в котором оживил полузабытую марксистскую идею отмирающего государства и правительства, которое в бесклассовом обществе перестает быть правительством, поскольку управляет «делами», а не людьми, и, значит, не владеет инструментами принуждения (тюрьмами, судами и т. п.). Конечно, это было идеальное государство будущего, а не российское 1917 года. Но Советскую республику в том виде, в каком она возникла из революции, предполагалось напрямую связывать с идеалом. Государственная концепция Троцкого была не столь четкой, как ленинская, но это не помешало ему согласиться с идеями Ленина. Что касается непосредственных последствий установления республики Советов, то тут между ними не было разногласий.

Имущие классы не были представлены в Советах: они лишились избирательного права так же, как в любой революции бывшие правящие классы лишаются прав. (Это совсем не означает, что их также следует лишить и свободы выражения.) Предполагалось, что Советы соединят в себе законодательную и исполнительную власть, а правительство будет перед ними отчитываться. Избиратели имели право отзывать и заменять депутатов в любой момент, не только во время регулярных выборных кампаний, а Советы могли в любой момент сместить правительство, объявив ему вотум недоверия. Деятельность оппозиции и непрерывная конкуренция партий внутри Советов считались само собой разумеющимися. Никому даже в голову не приходило, что право влиять на общественное мнение будет только у одной правящей партии. Конечно, Советская республика означала «диктатуру пролетариата». Под этим подразумевалось общественное и политическое главенство рабочего класса, но никто заранее не определял средств, с помощью которых нужно было устанавливать это главенство. Большевики и социалисты других направлений обыкновенно называли парламентские демократии Запада «буржуазными диктатурами», в том смысле, что они воплощали об-

щественное господство буржуазии, а не в том, что ими управлял диктатор. Сначала большевики определяли свою систему государственного управления как диктатуру пролетариата в этом широком смысле, совершенно искренне рассчитывая на то, что в сравнении с буржуазными демократиями республика Советов принесет подавляющему большинству народа новые права, а не отнимет старые, даст ему больше, а не меньше свободы выражения и свободы объединений.

Народная демократия Советов сначала не представляла себя в виде монолитного или тоталитарного государства, ибо ее вожди питали уверенность, что основная часть русского народа разделяет их стремления. Они не скоро задумались о том, что делать, если это многообещающее предположение окажется неверным. Они считали естественным, что если большинство нации их не поддержит, то они, их партия, их революция будут обречены и им останется лишь с честью устраниваться от власти. Но в 1917 году эта опасность казалась большевикам не более реальной, чем угроза космической катастрофы.

Что думал российский народ о большевиках и их целях? Непосредственное участие в Октябрьском восстании принимала лишь горстка людей: «...во всяком случае, вряд ли более 25—30 тысяч», — говорит Троцкий. В этом смысле Октябрьскую революцию совершила кучка меньшинства, в отличие от Февральской, в которой монархию смела великая, бурлящая волна неуправляемой энергии масс. Но в последние две недели перед Октябрьским восстанием в одном Петрограде «действовали непосредственно сотни тысяч солдат и рабочих, оборонительно по форме, наступательно по существу». Гораздо больше людей облегчили большевикам победу своим сочувственным отношением, активным и пассивным, а многие и всевозможными проявлениями нейтралитета. II съезд Советов представлял около 20 миллионов избирателей, может быть чуть меньше. Из них подавляющее большинство проголосовало за большевиков. Даже во время выборов в Учредительное собрание, прошедших после революции, народ отдал почти 10 миллионов голосов за одних большевиков без их левозерских товарищей. В эти 10 миллионов входила основная часть городского рабочего класса, пролетаризированные элементы крестьянства и большая доля армии — самые энергичные элементы народа, от активной поддержки которых зависело выживание революции. Но электорат, представленный Учредительным собранием, был почти вдвое больше представленного в Советах, и большевики

получили в нем хотя и большую долю голосов, но все-таки меньшинство.

Сельская Россия, безбрежная, неграмотная, клокочущая мятежными и мстительными чувствами, плохо разбиралась в партийных спорах горожан. Напрасно и пытаться четко сформулировать позицию этой России: она была сложна, изменчива, внутренне противоречива. Историки пересказывают эпизод, который как нельзя лучше ее характеризует: в одном селе проходил митинг большой группы крестьян. В завершение митинга они дали обет перед Богом, что больше не будут дожидаться никакой земельной реформы, тут же захватят землю и выгонят помещиков, а если кто попытается их отговорить, то будет их смертельным врагом. Они не успокоятся до тех пор, клялись мужики, пока правительство не заключит немедленный мир и не отпустит их сыновей из армии и пока примерно не накажет этого «преступника и немецкого шпиона» Ленина. На выборах в Учредительное собрание такие крестьяне наверняка голосовали за эсеров, но лишь потому, что приписывали эсерам — аграрной партии — твердое намерение выполнить то, что собирались сделать только большевики. Вот почему обе эти партии, единственные партии такого масштаба после провала кадетов и меньшевиков, могли не без оснований претендовать на крестьянскую поддержку. «Крестьяне ненавидят Ленина, немецкого шпиона», — самоуверенно заявлял эсер. «Они объявляют таких, как вы, кто оттягивает экспроприацию помещичьей земли и продолжает войну, смертельными врагами», — победно возражал большевик.

Многие крестьяне ненавидели большевиков из-за того, что те отвергали собственность. Однако ненависть почти рассеялась, как только большевики пришли в деревню как правящая партия, провозгласили конец войне и разрешили или упорядочили дележ земли. Потом, во время Гражданской войны, крестьяне поняли, что, вообще говоря, только Красная армия стоит между ними и возвращением помещиков. Большевики, будучи единственными противниками реставрации монархии и защитниками аграрной революции, действительно получили поддержку подавляющего большинства народа. Но в деревнях эту поддержку зачастую оказывали неохотно, и она поменялась на свою противоположность, как только фигура помещика перестала маячить на горизонте, а по деревням стали рыскать большевистские продотряды в поисках еды. Даже в самый разгар популярности большевиков только городское пролетарское меньшинство от всей души отождествля-

ло себя с делом революции. Именно к этому меньшинству большевики апеллировали при любом затруднении. Ему они проповедовали свои запредельные идеалы. Из его рядов они набирали новых управленцев, командиров и руководителей.

Российский рабочий класс 1917 года представляет собой одно из чудес истории. Немногочисленный, молодой, неопытный, необразованный, он горел политическим энтузиазмом, великодушием, идеализмом и редким героизмом. Он обладал способностью мечтать о великом будущем и стоически умирать в бою. Своим полуграмотным разумом он объял идею республики философов, но не в той платонической версии, где олигархия мудрецов правит невежественным стадом. Эта республика обладала достаточным богатством и мудростью, чтобы каждого гражданина сделать философом и тружеником. На ее строительство поднялся рабочий класс из глубин своей нищеты.

Но рядом с мечтателем и героем жил в русском рабочем раб, ленивый, сквернословящий, подлый раб, несущий клеймо своего прошлого. Революционные вожди обращались к мечтателю и герою, но раб грубо напоминал им о своем существовании. Во время Гражданской войны и еще больше после нее Троцкий в своих военных речах неоднократно сетовал на то, что русский коммунист и красноармеец скорее пожертвует жизнью ради революции, чем начистит ружье или сапоги. В этом парадоксе отражался недостаток в русских людях множества тех мелких привычек самодисциплины и культуры, на которых социалисты надеялись основать новое общество. С таким-то человеческим материалом большевики отправились строить пролетарскую демократию, где «каждая кухарка» сможет управлять государством. Возможно, это было самое серьезное противоречие из тех, которые пришлось преодолевать революции.

Первое предостережение история дала большевистским вождям почти сразу же после того, как одарила их самой благосклонной улыбкой: история любит нас разочаровывать, и делает это с каким-то злорадством. У Октябрьского восстания было одно гротескное следствие, редко попадающее в объектив историков, а именно — стихийная оргия массового пьянства поистине чудовищного размаха, которой освобожденные жертвы царизма отпраздновали свою победу. Пьянство длилось неделями и однажды чуть не остановило и не парализовало революцию. Оргия достигла пика именно в тот момент, когда новое правительство столкнулось с бойкотом всех государственных учреждений и первыми

испытаниями Гражданской войны, когда оно еще не создало своих органов власти и его судьба полностью зависела от бдительности, дисциплины и активности его сторонников. Кроме того, пьяный разгул оказал определенное влияние на события, подготовившие почву для Брест-Литовского мира, ибо за это время большая часть старой русской армии как будто растворилась в пустоте. Тогдашние источники изобилуют описаниями этой странной вакханалии. Самый впечатляющий рассказ о ней находится в мемуарах Антонова-Овсеенко, в то время одного из главных комиссаров армии и командира Петроградского гарнизона:

«Гораздо больше хлопот, чем учредилорцы (с городской думой во главе), мне лично доставил самый гарнизон, начавший совершенно разваливаться... Никогда не виданное бесчинство разлилось в Петрограде. То там, то сям появлялись толпы громил, большей частью солдат, разбивавших винные склады, а иногда громивших и магазины. Караульная служба замучивала немногих сохранявших дисциплину солдат и Красную гвардию. Никакие увещевания не помогали. Особенно остро встал вопрос с погребями Зимнего дворца. К этому времени сохранявший ранее свою дисциплину Преображенский полк, неся караул у этих погребов, спился окончательно. Павловский — наша революционная опора — также не устоял. Посылались караулы из смешанных частей — перепивались. Ставились «комитетские» караулы — не выдерживали. Посылались броневики разгонять толпу, — команда их после некоторого променада также начинала подозрительно шататься. Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки» — этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы — толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой, — пожарные во время этой работы напивались сами. Только когда за работу с пьяницами взялись гельсингфорсские моряки, погреба Зимнего были обезврежены. Это была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским обетом — «смерть тому, кто не выполнит зарок», и, сами в другое время великолепные «питухи», они победили николаевское зелье. Борьба на этом не кончилась. Пьяный угар заразил весь город. Совнарком, наконец, выделил специальное лицо, снабдив его исключительными полномочиями и дав ему сильный отряд. И это лицо тоже оказалось мало-состоятельным... На Васильевском острове борьба была поведе-

на твердо. Финляндский полк, руководимый элементами, тяготеющими к анархо-синдикализму, объявил остров на осадном положении и заявил, что будет расстреливать грабителей на месте, а виновные погребя взрывать. Лишь с большим напряжением удалось преодолеть это пьяное безумие»¹.

Троцкий неоднократно выступал перед Советом по этому вопросу, в первый раз 29 октября, через четыре дня после восстания, и в последний 2 декабря. «Водка есть такая же политическая сила, как слово, — сказал он. — Революционное слово пробуждает сон и толкает на путь борьбы с угнетателями, а водка... снова усыпляет, чтоб усыпленный был побежден»². Троцкий чаще кого-либо другого обращался к мечтателю и герою в рабочем человеке и рисовал перед его взором грандиозные перспективы социализма. Но алкогольные пары на время затуманили эти перспективы. Наконец Совет народных комиссаров приказал слить содержимое винных погребов в невские воды.

Во время пьяного разгула Петроградский гарнизон, сыгравший столь важную роль в Февральской и Октябрьской революциях, окончательно распался и прекратил существование. После Петрограда настала очередь губерний. «Товарищ Берзин [видный член ЦК], — дальше вспоминает Антонов-Овсеенко, — дает знать о своих больших затруднениях... отмечает также массовую перевозку спирта и вина по железным дорогам... Эшелоны солдат разбивают вагоны, напиваются, и части разлагаются. Идут грабежи...»³

Так, с этим карикатурным предзнаменованием, которое словно бы смеялось над высокими и благородными устремлениями, Советская республика вступила в свой первый год.

---

¹ Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. Т. 1. С. 19—20.

² Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 139—140.

³ Антонов-Овсеенко. Указ. соч. Т. 1. С. 31. Выразительное описание оргии и ее трагикомических последствий, увиденных глазами иностранного очевидца, симпатизировавшего большевикам (*Bessie Beatty. The Red Heart of Russia. С. 329—334*).

Глава 10

НАРОДНЫЙ КОМИССАР

Первое советское правительство по составу было чисто большевистским. Не было и речи о том, чтобы в состав правительства вошли партии, отказавшиеся признать съезд Советов единственным конституционным источником власти и бойкотировавшие съезд. Лишь одна небольшевистская группа — левые эсеры, которые откололись от своей партии, — была готова разделить с большевиками правительственные обязанности. Ленин предложил им места в Совете народных комиссаров. Но левые эсеры надеялись выступить посредниками между большевиками и их противниками и, чтобы не испортить себе шансы, предпочли остаться вне правительства.

Троцкий рассказывает, что на первом обсуждении состава правительства Ленин предложил поставить во главе его, поскольку Троцкий возглавлял восстание, которое и дало жизнь правительству. Из уважения к политическому старшинству Ленина Троцкий отказался. Эту версию не отрицал ни один исторический источник, и косвенно она подтверждается тем, что рассказывал вошедший в правительство Луначарский своему близкому другу Суханову. По словам Луначарского, Ленин не хотел председательствовать в Совете народных комиссаров и даже входить в него, он предпочел бы руководить только партийными делами. Но те, кто противился восстанию или колебался, включая самого Луначарского, увидели в этом попытку уклониться от ответственности и настояли на том, чтобы Ленин стал председателем правительства. Ленин ни в коей мере не собирался увильнуть от последствий собственных поступков и согласился возглавить Совнарком.

Тогда он предложил назначить Троцкого комиссаром внутренних дел. Этот комиссариат должен был руководить борьбой с контрреволюцией и нуждался в твердой руке. Троцкий возражал и против этого назначения, отчасти потому, что труды последних месяцев вымотали его, отчасти потому, что он боялся, как бы его еврейское происхождение не оказалось помехой на посту: контрреволюционеры сыграют на антисемитских настроениях и обратят их против большевиков. Его соображение показалось Ленину несущественным. Но Свердлов, тоже еврей, разделял опасения Троцкого, и Ленин уступил.

Нужно заметить, это был любопытный эпизод. В социалистических партиях и Советах никогда не проявлялись национальные предрассудки; а если бы и проявились, с ними не стали бы мириться. Евреи, поляки и грузины занимали высокие посты во всех радикальных и революционных движениях по той простой причине, что относились к угнетаемым меньшинствам. Доля евреев среди меньшевиков и эсеров была даже еще больше, чем среди большевиков. Несмотря на происхождение, Троцкий был вождем восстания. Но до сих пор революция ограничивалась городами, а ее главной ареной был самый передовой город России. Сейчас же большевикам пришлось применить на себя новую роль, роль правителей сельской России, по-прежнему находившейся во власти православия, недоверия к городам и национальных предубеждений. Через несколько месяцев Троцкий призовет сыновей России защищать революцию на десятке фронтов, и происхождение не помешает ему. Но за эти месяцы советский режим успеет приобрести некоторую устойчивость и потому сможет противостоять укоренившимся предрассудкам. А на следующий день после восстания Троцкий считал, что неблагоприятно было бы победителям идти на подобную провокацию.

Однако возможно, что у него были другие, тайные мотивы. Может быть, должность революционного начальника полиции не отвечала его склонностям и вкусам. Правда, чуть позже он будет яростно бороться за репрессивные меры против начинающейся контрреволюции и не станет уклоняться от красного террора, когда наступит пора. Но одно дело оправдывать и даже руководить красным террором в гражданскую войну, в обстановке высокой трагедии, и совсем другое — выполнять обязанности главного полицейского в самом начале революции. Возможно, он находил это слишком скучным. Возможно, интернационалиста не привле-

кило место, на котором ему пришлось бы в основном заниматься шутренними вопросами.

Так или иначе, Троцкий охотно согласился стать первым революционным министром иностранных дел. Пост предложили ему по инициативе Свердлова. Министр иностранных дел занимал самую важную должность после главы правительства. Но Троцкий сам принизил значение своей должности. Революция, сказал он, не нуждается в дипломатии: «Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку». В этой скромности была некоторая театральность. Свердлов предложил кандидатуру Троцкого, исходя из того, что Троцкого лучше всего было бы «противопоставить Европе» от имени революции, и это назначение одновременно и было очень важным, и соответствовало характеру Троцкого. Однако верно и то, что он не собирался противостоять Европе в духе обычной дипломатии.

Правительство сформировалось, но мало кто верил, что оно продержится. Противникам большевизма, да и многим большевикам, восстание и его успех казались нереальными. В основном люди ждали, что восстание будет подавлено в крови. На следующий день после создания правительства столица наполнилась слухами о том, что Ленин и Троцкий уже сбежали из города. Находясь в Гатчине, меньше чем в тридцати километрах к юго-западу от Петрограда, Керенский самоуверенно заявил, что обязательно вернется во главе верных генералу Краснову казаков. Новому комиссару иностранных дел пришлось вернуться к обязанностям председателя Военно-Революционного комитета и собрать вооруженные силы, чтобы остановить продвижение войск Керенского. В каком-то смысле это оказалось труднее, чем осуществить государственный переворот. Гарнизон не хотел воевать. Солдаты с готовностью помогли Троцкому свергнуть Керенского, так как тот угрожал отправить мятежные полки на фронт. Но когда Троцкий приказал тем же полкам покинуть казармы и занять позиции на высотах за пределами столицы, они подчинились приказу, но с большой неохотой, из-под палки. Они не думали ни о каких сражениях и, когда вдруг очутились под огнем, трусили. Красногвардейцы оказались единственной военной силой в распоряжении новой власти. Но, как любое гражданское ополчение, они действовали уверенно и храбро только на улицах своего города, где им был знаком каждый закоулок, каждый уголок, и плохо годились для сражения лицом к лицу с врагом в открытом поле.

Если бы в тот момент Керенский собрал несколько надежных и дисциплинированных отрядов, то мог бы войти в Петроград, хотя сомнительно, что ему удалось бы снова взять власть в свои руки. Но так же, как и солдаты, высланные против него Троцкий, казаки Керенского отнюдь не собирались проливать за него свою кровь. Им сказали, что они должны подавить бунт, затеянный горсткой немецких шпионов, и они с удивлением увидели, что против них вышли столичные полки и рабочее ополчение. На какой-то миг судьба великой страны, да и судьба всего мира, зависела от нескольких малочисленных и деморализованных отрядов. Та сторона, которая смогла бы воодушевить свои войска и проявить больше целеустремленности и проворства, обязательно добилась бы успеха. Между победой и поражением проходила очень тонкая грань, как это часто бывает, когда в битве сходятся даже многочисленные, хорошо оснащенные, нестигаемые, но равные по силе армии.

Троцкий был уверен, что действовать нужно не пулями, а убеждением. Но прежде, чем большевистские агитаторы смогли подойти к казакам Краснова, ружья слегка поколебали их самоуверенность. К тому времени Троцкий уже начал подыскивать опытных и умелых командиров. На следующий день после восстания он и Ленин обратились за помощью к офицерам регулярной армии, которые до сих пор были мишенью для большевистских нападков. Их уговорили явиться в Смольный, но офицеры осторожно отклонили предложение сотрудничества. Лишь несколько отчаянных сорвиголов и карьеристов выразили готовность служить «незаконному» правительству. Одному из них — полковнику Муравьеву — было поручено командовать сражением на Пулковских высотах, и впоследствии он сыграл заметную роль на первом этапе Гражданской войны. Такое впечатление, что этим хвастуном, выдававшим себя за левого эсера, двигало не столько сочувствие большевистским идеям, сколько злоба на Керенского. Сначала Троцкий относился к нему подозрительно. Но полковник был ретив и находчив, ему не терпелось победить в, казалось бы, безнадежном предприятии, и его предприимчивость и храбрость захватили Троцкого. Еще один офицер из этой небольшой группы, полковник Вальден, командовал артиллерией, которая решила исход боя на Пулковских высотах в пользу большевиков.

Участие царских офицеров вызвало сильное возмущение в Советах. Большевики и левые эсеры ужасались при виде того, что

судьбу революции, как им казалось, отдают в руки бесчестных честолюбцев: о Муравьеве говорили, что он особенно свирепствовал во время июльского подавления большевиков. Однако большевики, бойкотируемые всем офицерским корпусом, не могли позволить себе излишнюю щепетильность в отношении тех немногих, кто готов был им служить. В военном крыле партии были стреляные ветераны, сведущие в деле восстаний и переворотов, но практически никто из них не имел опыта в ведении обычной войны. В гарнизоне царил полный хаос, и Троцкий не имел возможности даже установить, сколько в его распоряжении находилось боеприпасов и провизии. В тот момент он взял бы на службу хоть самого черта, если бы мог приставить пистолет к его голове и присматривать за тем, что черт станет делать. В этих импровизированных мерах видны в миниатюре основные элементы военной политики Троцкого периода Гражданской войны.

28 октября Троцкий прибыл в Гатчину, где велся бой за подступы к столице. В Гатчине войска Керенского потерпели первое поражение, и Троцкий надеялся взять в плен бывшего премьера. Но Керенский сбежал¹.

Сражение под Петроградом еще не кончилось, а в самой столице юнкера из офицерских училищ устроили бунт. Сначала им удалось добиться некоторого успеха, и вместе с прочими пленными они захватили военного комиссара Антонова-Овсеенко. Выступая перед Советом по вопросу мер, предпринятых для подавления мятежа, Троцкий в числе прочего заявил:

«Пленные являются для нас заложниками. Если нашим врагам доведется брать наших пленных, то пусть знают они: каждого рабочего и солдата мы будем обменивать на 5 юнкеров. Сегодня мы показали им, что нашим колебаниям положен конец, что мы не любим шутить, когда дело идет об основных интересах рабочего класса и крестьянства. Мы знаем, как борются против народа помещики и капиталисты. Мы знаем, как расправлялись с восстав-

---

¹ Суханов Н. Указ. соч. Т. 7. С. 305. Атмосферу, царившую в Совете, вполне передает сцена, описанная Джоном Ридом (*Reed J.* Указ. соч. С. 178—99). Троцкий докладывал о ходе сражения:

«— Крейсера «Олег», «Аврора» и «Республика» стали на якорь на Неве и направили орудия на подступы к городу...

— Почему вы не там, где дерутся красногвардейцы? — крикнул чей-то резкий голос.

— Я отправляюсь сейчас же! — ответил Троцкий, сходя с трибуны».

Грубый гнев масс не щадил даже вождей революции и часто диктовал их поступки.

шими солдатами, рабочими и крестьянами, сколько было пролито крови, сколько было загублено жизнью»¹.

Его слова, которые можно было воспринять как сигнал к повальным расправам, вызвали бурю протестов². В ходе дальнейшего заседания Троцкому с места задали вопрос, и он воспользовался этой возможностью, чтобы пояснить, что он имел в виду. Конечно, сказал он, жизнь пленных неприкосновенна: «убийства пленных ни в коем случае не должны иметь места как по соображениям гуманности, так и потому, что «живые для нас ценнее мертвых», и в прошлый раз он говорил не о расстреле, а об обмене пленных. Однако этот инцидент дает предощущение свирепостей Гражданской войны. На том же заседании, говоря о трудностях со снабжением Красной гвардии, Троцкий объявил, что Совет пренебрежет неприкосновенностью частной собственности: «Рабочие и солдатские организации могут получить от Военно-Революционного комитета право на реквизицию». Также он сообщил, что правительство готовит декрет, который даст ему право закрывать газеты, выступающие на стороне противника в Гражданской войне.

31 октября в Пулкове казаки Керенского сдались. Командовавший ими генерал Краснов был взят в плен, но Керенскому опять удалось скрыться. С поля боя Троцкий в красноречивом послании доложил Совету о победе. Он отпустил Краснова под честное слово, что не помешало генералу вскоре снова взяться за оружие. Одновременно после затяжных и кровопролитных боев большевики получили контроль над Москвой. Из большинства городов приходили известия о подъеме Советов. Правительство Ленина больше не находилось в петроградской изоляции, и должно было пройти некоторое время, прежде чем разгорелась и надолго затянулась Гражданская война.

Едва ленинскому правительству удалось отразить первую вооруженную угрозу, как оно оказалось в опасности погибнуть из-за сомнений и колебаний в собственной же среде. Умеренные большевики горели желанием примириться с эсерами и меньшевиками и пригласить их занять места в правительстве. Железнодорожный профсоюз угрожал остановить движение, если не будет сформировано коалиционное правительство на основе всех социалистических партий. 29 октября большевистский ЦК в отсут-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 71.

² Лозовский, например, упрекал Троцкого в том, что он подражает методам Гинденбурга.

ствие Ленина, Троцкого и Сталина решил начать переговоры. Тогда меньшевики и эсеры поставили следующие условия для их вступления в коалицию: новое правительство должно отчитываться не перед Советами, а перед широкими кругами революционной демократии; оно должно разоружить большевистские отряды; кроме того, из его состава следует вывести Ленина и Троцкого. Фактически, ставя такие условия, они требовали от большевиков, чтобы те объявили Октябрьскую революцию ничтожной и не имеющей силы, разоружились перед лицом врагов и сами же подвергли остракизму вдохновителя и вождя восстания. Для побежденных партий это были слишком уж дерзкие требования к ищущим примирения победителям. Переговорщики со стороны большевиков Каменев, Рязанов и Сокольников, особенно первые два, принадлежали к правому крылу партии и хотели только одного: вернуться к товарищам с реальным компромиссом, от которого Ленин и Троцкий не могли бы так легко отказаться. Большевики-примирители с такой готовностью бросились навстречу эсерам и меньшевикам, что еще до окончания битвы в Пулкове подписали совместный призыв прекратить огонь, призыв, откровенно направленный против собственных партии и правительства. Но даже самые умеренные большевики не могли согласиться на условия меньшевиков. Они не могли вернуться к партии с просьбой, чтобы она совершила самоубийство.

Прямо с поля боя Троцкий поспешил на общее совещание ЦК большевиков с Петроградским комитетом и руководителями военной организации, на котором принималось решение по переговорам. Первым делом Троцкий обрушился на Каменева и Рязанова. «Незачем было устраивать восстание, — сказал он, — если мы не получим большинства... Мы должны иметь 75 процентов». Он добавил, что Ленин при любых обстоятельствах должен остаться председателем правительства. Ленин пошел еще дальше и просил прервать переговоры. На другом крае Рязанов (и Луначарский) склонялся к тому, чтобы согласиться на вывод Ленина и Троцкого из правительства, утверждая, что партия должна отстаивать не личности, а принципы. На совещании было решено продолжать переговоры, но только при условии, что в предлагаемой коалиции партии большевиков будет обеспечено превосходство.

Это было продолжение разногласий, предшествовавших восстанию. На первый взгляд никто из большевиков не возражал против того, что конституционную основу и остов правительства

должны составлять Советы. Также все как будто соглашались с тем, что было бы желательно заключить союз с любой партией или группировкой, готовой подписаться под этим принципом. 2 ноября ЦК торжественно повторил, что большевики не отказываются от намерения сформировать правительство вместе с партиями, бойкотировавшими Советы, при условии, что эти партии прекратят бойкот и согласятся с принципом советского конституционализма. Эсеры и меньшевики могли пойти на это лишь в том случае, если бы отказались от всего, что делали после февраля. Если поставленные меньшевиками условия косвенно требовали от большевиков политического самоубийства, то ленинская партия, в свою очередь, предложила потенциальным партнерам совершить акт морального самоотречения. Ленин не сомневался в их отказе и потому не видел смысла в дальнейших переговорах. В лучшем случае, сказал он, это может лишь сыграть роль военной хитрости, чтобы сбить с толку приверженцев Керенского, пока Керенский не побежден.

Ни Ленин, ни Троцкий не видели причин, не позволявших партии создать полностью большевистское правительство. Они утверждали, что ничто не мешает советскому большинству взять на себя всю полноту ответственности. Ни в одной демократической системе меньшинство не может претендовать на право участвовать в управлении. Для меньшинства жизненно важно сохранить возможность действовать в оппозиции, при том что эта деятельность останется в конституционных рамках, принятых как правительством, так и оппозицией. Сразу после Октябрьской революции таких общепризнанных рамок не существовало. Одна партия провозгласила новый конституционный принцип, неконституционный по мнению почти всех остальных партий. Категорически отрицая суверенитет Советов, меньшевики и их единомышленники не могли даже стать законной оппозицией в Советах (хотя отдельные их группы время от времени пытались занять это место). Тем более они не могли стать партнерами большевиков. Обе противостоящие партии по названию были социалистическими, но связывали их лишь меркнущие воспоминания общего прошлого.

Отчасти именно они двигали большой и влиятельной группой большевистских вождей, которая все еще искала способ перекинуть мост через пропасть. Кроме того, многие из большевиков-соглашателей чувствовали, что их партия зашла в тупик и, чтобы выбраться из него, надо взяться за протянутую руку оппонента.

Каменев, Рыков, Зиновьев и некоторые другие тревожно заявляли, что в Петрограде кончились запасы продовольствия, что большевики не смогут управлять страной, если останутся железные дороги, и что у партии нет шанса выжить в долгой гражданской войне. Ленин и Троцкий при горячей поддержке Свердлова и Дзержинского не отрицали опасностей, но верили, что смогут удержаться на своих позициях, если будут действовать решительно. Просить союза значило проявить слабость, да и потенциальные партнеры в любом случае протягивали руки не для помощи, а чтобы задушить большевиков.

2 ноября вопрос обсуждался в ЦИКе Советов, и большевистские соглашатели вместе с антибольшевистски настроенными депутатами проголосовали против собственной партии. Раскол создал очень неловкую ситуацию, тем более что соглашателей возглавил Каменев, выбранный, несмотря на недавнюю ссору с партией, председателем ЦИКа Советов — его должность равнялась президентскому посту. В нескольких словах большевистский президент открыто просил отправить большевистское правительство в отставку и заменить его коалицией. За Каменевым стояли члены этого правительства, занимавшие самые важные посты: нарком по внутренним делам Рыков, нарком земледелия Милютин, нарком народного просвещения Луначарский, нарком по делам продовольствия Теодорович, нарком по делам торговли и промышленности Ногин, — а вне правительства его поддерживали Зиновьев, Лозовский, Рязанов и Юренев, и это если вспомнить только самых влиятельных.

Трудно представить себе более серьезный кризис одновременно в партии и правительстве. Не только у большевиков, но и в большинстве русских, да и европейских партий действовало правило, согласно которому члены партии на занимаемых должностях должны руководствоваться партийными указаниями и дисциплиной, хотя этому правилу скорее не стоило бы следовать. Ленин и Троцкий взялись обеспечивать его соблюдение. Они убедили ЦК подтвердить их резолюцию: «Уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства». 3 ноября большинство ЦК предъявило соглашателям свой «ультиматум», потребовав от них подчинения дисциплине

и пригрозив созвать чрезвычайный съезд партии, который либо утвердит курс соглашателей, либо исключить их из своих рядов. Соглашатели ответили коллективной отставкой из ЦК и правительства. Они оправдывали свой поступок тем, что партия настаивает на чисто большевистском правительстве, и резко протестовали против этого. Такое правительство, заявил Ногин от имени всей группы, можно удержать только одним путем: «средствами политического террора... Это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима».

Как в спорах Троцкого с Лениным в 1904 году и в недавних разногласиях по вопросу восстания, так и здесь неразрешимо перепутались все правды и неправды. С точки зрения большевиков, Ленин и Троцкий приводили неопровержимые доводы для оправдания своего курса. Переговоры с целью создания широкой коалиции бесполезны. Меньшевики и правые эсеры пытаются обходным путем отнять власть у большевиков, а не разделить ее с ними. Несмотря на все свое желание договориться с меньшевиками, Каменев не мог согласиться на их условия. На том же заседании ЦИКа Советов, где он буквально потребовал отставки ленинского правительства, он также заявил, что без Ленина и Троцкого партия будет «обезглавлена». Другая сторона настаивала на «обезглавливании», поскольку это-де не может отстранить большевиков от власти, если прежде не лишит их уверенности в своих силах. А что может лучше способствовать этому, чем требование, чтобы большевистская партия разрешила чужакам диктовать ей, кого назначать в правительство, и добиваться, чтобы она отрелась от двух своих главных вождей.

Как в октябре, так и сейчас Ленин не ставил под вопрос право Каменева и его единомышленников на особое мнение. Но он отказывал им в праве действовать против официального курса партии за ее пределами. Когда они демонстративно отказались от правительственных постов, он снова заклеил их как «дезертиров». В конце концов Каменев и остальные уступили, как в октябре. Их позиция исчерпала себя, когда стало ясно, что ни одна из оппозиционных партий не настроена на примирение. Зиновьев первым перебежал на другую сторону и заявил, что «меньшевики отказались от переговоров на предложенных ЦИК условиях», чем сделали компромисс невозможным. Он обратился к товарищам с такими словами, которые предвещали его же будущие, более трагические капитуляции: «Мы остаемся в

партии, мы предпочитаем делать ошибки вместе с миллионами рабочих и солдат и вместе с ними умирать, чем отойти в сторону в этот решающий, исторический момент». Через несколько дней соглашателей выпроводили вон. Каменева сместили с высокого поста в ЦИКе, и на заседании ЦИКа Троцкий поддержал кандидатуру Свердлова в качестве его преемника. Переговоры имели единственный положительный результат: левые эсеры, возмущенные поведением антибольшевистских партий, вступили в ленинское правительство.

Однако внутрипартийные оппоненты Ленина и Троцкого не так уж сильно ошибались. В конечном итоге их предсказание о том, что «чисто большевистское правительство» можно сохранить только «средствами политического террора» и что это приведет к «безответственному режиму», сбылось. Какое-то время Ленин и Троцкий с искренним негодованием отвергали такую гипотетическую возможность, снова и снова выражая уверенность в том, что Советы могут сместить правительство простым большинством голосов. Но история покажет, что соглашатели были правы, предостерегая, хотя для предостережения, казалось бы, не было никаких оснований. Очевидно, что Ленин, Троцкий и другие большевистские вожди собирались управлять страной в духе истинной ответственности перед советскими избирателями. Но большевики оказались единственной партией, которая целиком приняла принцип советского конституционализма, и это не могло не привести их к тому, что сначала они начали отождествлять политику партии с советским конституционализмом, потом заменили принципы конституционализма волей и стремлениями партии и в конце концов вовсе отказались от них. Говоря более широко, то, что большевики были партией революции, сначала заставило их отождествить революцию со своей партией, а потом свести революцию к исключительно партийному делу. Через одиннадцать лет Бухарин, наблюдая за извращением советской демократии и восшествием Сталина, проследил историю этих бед вплоть до «единственной» ошибки: когда партия стала отождествляться с государством. В первую неделю революции обстоятельства силой подтолкнули партию на эту дорогу, и умеренных большевиков охватил инстинктивный ужас перед нею. Никто не представлял себе ни как долго продлится путь, ни куда он приведет, ни сколь он будет трагичен.

После Ленина самым откровенным и упорным сторонником исключительно большевистского или преимущественно больше-

вистского правительства был Троцкий. Он гордо отправил меньшевиков и эсеров в «мусорную корзину истории» и не имел намерения звать их назад в качестве партнеров и союзников. Однако ни он, ни его единомышленники не собирались репрессировать оппозиционные партии. Когда на следующий день после исхода меньшевиков со съезда Советов Мартов вернулся, чтобы вступить перед большевиками за арестованных министров-социалистов, как он уже вступался в июле перед этими министрами за арестованных большевиков, большевики смягчились. Троцкий приказал выпустить министров из заключения, поместил их сначала под домашний арест, а потом совсем освободил. Во всяком случае, он поступил с ними великодушнее, чем они еще недавно поступали с ним и Лениным. Большевики не закрывали двери Советов для тех меньшевиков и эсеров, кто пожелал бы вернуться, и несколько мест держали вакантными в ЦИКе, пропорционально силе противников на съезде. И Ленин и Троцкий, пусть даже они не желали делить места в правительстве с меньшевиками и эсерами, выступали за то, чтобы те были справедливо представлены в «пролетарском парламенте» и его органах.

Троцкий непоколебимо стоял против большевистских соглашателей. Однако у нас есть верные свидетельства его внутренних сомнений. Садуль рассказывает, что через три дня после восстания Троцкий признался ему, что беспокоится насчет меньшевиков, как бы они своими претензиями и обструкционизмом не заставили большевиков поступить с ними жестко и тем еще больше расширить раскол между партиями. Это, сказал Троцкий, нервнует его еще больше, чем наступление красновских казаков и доклады о формировании Белой гвардии. Несколько позже он признался Садулю, что надеется, что после того, как большевики выполнят главные пункты своей программы, они предложат меньшевикам вступить в правительство.

Разговоры о коалиции резко прекратились 3 ноября, когда Мартов и Абрамович заявили, что не будут участвовать в переговорах, пока будут продолжаться аресты и пока только что закрытым газетам не разрешат снова выходить: большевики арестовали нескольких политиков правого толка и запретили несколько газет, которые открыто призывали к вооруженному сопротивлению. В Совете Троцкий так оправдывал эти меры: «Требование устранения всех репрессий во время гражданской войны означает требование прекращения гражданской войны... Противники, с

которыми идет гражданская война, мира нам не предлагают... В условиях гражданской войны запрещение враждебных газет «сть мера законная». Он категорически заверил Совет, что правительство не намерено устанавливать монополию на печать. Однако долг обязывает его отнять монополию на печать у имущих классов, как то обещает сделать всякая социалистическая партия. Типографии и бумажные фабрики будут национализированы, и тогда правительство распределит производственные возможности и бумагу между всеми партиями и группировками пропорционально их участию в выборных Советах. Так впервые в истории будет установлена истинная свобода печати. Возможность распространять свои взгляды будет зависеть от реального влияния на социальную и политическую жизнь, а не от финансовых ресурсов¹.

Через месяц после революции на Дону начали действовать первые отряды Белой гвардии под командованием Корнилова, Каледина, Алексева и Деникина, а оренбургские казаки поднялись под предводительством атамана Дутова. Белые генералы даже не делали вид, что сражаются за возвращение правительства Керенского. Они откровенно ставили целью либо восстановление монархии, либо собственную диктатуру. Одновременно с фактическим началом Гражданской войны в отдаленных губерниях кадеты и некоторые правые эсеры устроили в столице нечто вроде мятежа. 28 ноября Троцкий объявил кадетскую партию вне закона. Кадетский ЦК, сказал он, является политическим штабом Белой гвардии и управляет набором офицеров для Корнилова и Каледина². Поэтому кадетам запрещено участвовать в Учредительном собрании, которое готовилось созвать правительство.

---

¹ Некоторое время спустя Троцкий обратился к гренадерскому полку по тому же поводу: «Свобода печати! Что понимают под этим словом адвокаты буржуазии? То же самое, что и под свободой торговли. Каждый человек, у которого в распоряжении имеется капитал, имеет право, ибо имеет возможность, открыть фабрику, лавку, дом терпимости или газету — в зависимости от того, в какую сторону направлен его личный вкус... Но пользуются ли этой свободой печати миллионы крестьян, рабочих, солдат, вообще беднота? Нет. Им для этого не хватает основного условия свободы: возможности — фактической, реальной возможности — издавать газеты». В тот раз он также защищал принцип пропорциональных ассигнований в печати и других средствах политических партий (*Троцкий А.* Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 125—127).

² О том, что это правда до последнего слова, свидетельствует такой авторитетный источник, как воспоминания Деникина, который подробно рассказывает о связи между белогвардейцами и штабом кадетов (*Деникин А.* Очерки русской смуты. Т. 2. С. 35, 186—194).

«Мы сделали скромное начало, — добавляя Троцкий, — арестовав кадетских главарей и приказав на местах взять их под надзор. Во время французской революции якобинцы более честных людей за сопротивление народу вели на гильотину. Мы никого не казнили и не собираемся казнить, но бывают минуты народного гнева, и кадеты сами набиваются на него»¹.

Слова «мы сделали скромное начало» прозвучали как дурное предзнаменование. Совершив революцию, большевики не могли отказаться от революционного террора, а террор обладает собственной инерцией. Любой революционной партии ее задача сначала кажется простой: нужно подавить «горстку» тиранов или эксплуататоров. Верно, что, как правило, тираны и эксплуататоры принадлежат к незначительному меньшинству народа. Но старый правящий класс жил не в изоляции от остального общества. За свое долгое господство он окружил себя сетью общественных институтов, охватывающей отдельных людей и группы из различных классов, и вызвал у многих привязанность и верность, которые даже революция не может совершенно истребить. Анатомия общества никогда не бывает настолько проста, чтобы можно было хирургическим путем отделить какой-то из его членов от остального тела. Каждый общественный слой связывают с соседним множество живых кровеносных сосудов. Аристократия переходит в крупную буржуазию, крупная буржуазия в мелкую, мещане постепенно сливаются с рабочим классом, а пролетариат, особенно в России, бесчисленными ветвями связан с крестьянством. Так же взаимосвязаны и политические партии. Революция не может ударить по самой враждебной и опасной для нее партии так, чтобы не заставить эту партию и ее ближайшего соседа ответить контрударом. Поэтому революция воспринимает соседа своего врага как врага. Когда она нападает на этого второстепенного врага, его соседи тоже втягиваются в борьбу. Так начинается цепная реакция, пока революционная партия не поднимет против себя и не подавит все остальные партии, которые еще недавно заполняли политическую арену.

Генералы, возглавившие Белую гвардию, были попросту монархистами. Они были воспитаны слугами царя и самодержавия и хотели отомстить революции, которая на всех ее этапах, до большевистских и большевистских, вызывала у них жгучую не-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 138.

нивость. Кадеты были за конституционную монархию. При царе основная масса сторонников самодержавия и основная масса конституционных монархистов питали взаимную вражду и презрение, но в то же время имели общие сферы влияния. С падением монархии их разногласия потеряли былое значение: и первые и вторые стремились уничтожить «социалистическую республику». После Октябрьской революции они наконец забыли про разногласия и встали под одно знамя. Но большая часть конституционных монархистов была тесно связана с полусоциалистическими республиканцами, опорой февральского режима. Внутри меньшевистской и эсерской партий можно было найти все оттенки убеждений от буржуазного республиканизма до квазиреволюционного социализма; а в своем крайнем левом крыле эти партии сближались с большевиками. Если бы большевики могли изолировать Белую гвардию, своего самого активного и опасного врага, и сделать ее отдельной мишенью для атаки, революция и Гражданская война могли бы развиваться по-другому. Естественный альянс между конституционными монархистами и Белой гвардией сделал это невозможным. Чтобы лишить Белую гвардию ее политических ресурсов, большевикам пришлось объявить кадетов вне закона. Основной массе меньшевиков и эсеров даже и не снилось, что они будут защищать Корнилова, Деникина или Колчака. Но они не могли остаться равнодушными, когда кадетов объявили «врагами народа», хотя бы только потому, что их правый фланг пребывал с кадетами в некотором политическом симбиозе, вынашивая общие политические планы и заговоры. Левые меньшевики, такие как Мартов, едва ли стали бы защищать одних кадетов. Но они хорошо понимали, что вслед за кадетами бич революции обрушится на правых эсеров и меньшевиков, и хотели этому помешать.

Заверения Троцкого о том, что большевики не собираются устанавливать гильотину, свидетельствуют о его понимании, что террор может захлестнуть революцию. Многие большевики желали предотвратить эту опасность. На следующий день после восстания они отменили смертную казнь, и Ленин был единственный, кто возражал против отмены. Но даже и он, полемизируя с умеренными большевиками, сказал: «В Париже [якобинцы] гильотинировали, а мы лишь лишим продовольственных карточек тех, кто не получает их от профессиональных союзов». Партия в целом пыталась, отчасти инстинктивно, отчасти сознательно, не скатиться по тому скользкому от крови склону, на ко-

тором не удержались якобинцы. Вынужденно встав одной ногой на вершину склона, партия долго и упорно сопротивлялась силе, тянувшей ее вниз. Правительство объявило кадетскую партию незаконной, но не тронуло правое крыло эсеров, принявших участие в мятеже 28 ноября. Оно объявило выборы в Учредительное собрание и по-прежнему не отдавало себе отчета в том, что между правительством Советов и Учредительным собранием неизбежно возникнет конфликт. В конце ноября Бухарин еще убеждал ЦК отложить сведение счетов с кадетами до открытия Учредительного собрания. Ссылаясь на примеры из французской и английской истории, он предложил исключить кадетов из Учредительного собрания, а затем пусть оставшееся собрание объявит себя революционным конвентом. Он надеялся, что большевики и левые эсеры получат в нем подавляющее большинство и что это даст революции преимущество формальной законности. Троцкий полностью поддержал бухаринский план. Кажется, что в то время Сталин лучше всех представлял себе истинное развитие событий, вероятно, потому, что не верил, что большевики и эсеры обладают большинством в стране. Предложение Бухарина, заявил он, слишком запоздало, репрессии против кадетов уже начались и откладывать их нельзя. Он полагал, что в собрании произойдет раскол и вспыхнет борьба между двумя соперничающими частями. До сих пор никто не обсуждал роспуск Учредительного собрания. В протоколах даже самых конфиденциальных совещаний нет и намек на то, что кто-то предлагал запретить остальные партии.

Прошло немногим более двух месяцев с тех пор, как Троцкий вступил в партию большевиков, и он твердо занял ведущее положение в ее органах. Первое политбюро, избранное еще до восстания, так и не приступило к работе. Его сменил меньший по размеру исполнительный орган — бюро Центрального комитета, состоявшее из четырех человек: Ленина, Троцкого, Сталина и Свердлова. Когда состоялась коалиция с левыми эсерами, Совет народных комиссаров выбрал внутренний кабинет, в котором большевиков представляли те же люди, кроме Свердлова, не занимавшего в правительстве никакого поста. Ленин и Троцкий были общепризнанными вождями партии, определявшими ее стратегию, и высшими знатоками партийной доктрины. Главными организаторами были Сталин и Свердлов.

Между Лениным и Троцким установились отношения взаимного доверия, сердечности и уважения, хотя и не личной привязанности. Их общая борьба против умеренных большевиков, до шехстания и особенно после, ненависть, которой враги почтили их обоих, когда потребовали исключить из коалиционного правительства, их согласие по всем важным вопросам — все это связывало их крепчайшими узами, хотя под согласием по-прежнему скрывались различия характеров и привычек. Ленин, даже употребляя власть, вел себя непритязательно, почти безличностно. Он не доверял театральным жестам и цветистым словам. Почти двадцатка лет его окружали преданные единомышленники, которых он увлекал одной только силой интеллекта и характера. Он научился судить о достоинствах и недостатках своих коллег и подчиненных и управлять ими с наибольшей выгодой для партии. Резкий и даже беспощадный в серьезном споре, в иных случаях он проявлял сдержанность, тактичность, щадил чувствительность и слабость своих единомышленников и был открыт для их идей и предложений.

Троцкий с его вулканическим темпераментом и мощным ораторским талантом захватывал людей так, как никогда не удавалось Ленину с его колкими, дидактическими и сухими по стилю речами. Теперь, когда они снова объединились ради общего дела, Ленин слушал кипучие речи Троцкого с одобрением и даже восхищением, но и с неловкостью, с какой деревенский мужик слушает городского краснбая. Противоположность характеров наложила отпечаток и на другие их качества. Долгие годы непринадлежности к какой-либо партии оставили в Троцком свой след. Он не умел свободно и легко работать в команде, что составляет силу истинного вождя людей. Луначарский, даже в то время, когда он еще от всей души восхищался Троцким, подчеркивал эту его черту, говоря, что Троцкому никогда не удавалось организовать единомышленников в устойчивую группу. Он был властен и погружен в себя. Тем более замечательно, что в следующие несколько лет он проявил себя столь блестящим и талантливым управленцем. Однако своими административными достижениями он был обязан не столько умению управлять людьми, сколько ясности и точности планов, напору, воле и методичности в делах. Способность к систематической работе, в которой он превзошел Ленина, редко встречалась в стране, где люди мало ценили время и усердие. Их теперешнее тесное сотрудничество с Лениным основывалось на

общих целях и определенном личном привыкании. Троцкий искренне признавал руководство Ленина. Он не выказывал следа подхалимства и не отказывался от собственной независимости, но в то же время явно раскаивался в том, что в прошлом недооценивал Ленина как революционера и вождя. Ленин, со своей стороны, прилагал все усилия, чтобы Троцкий чувствовал себя так, будто он был в партии всегда. За шесть лет их партнерства, когда между ними возникали новые споры, Ленин ни разу не намекнул на их прошлые разногласия, за исключением единственного раза, когда сказал в личном разговоре, что кое в чем Троцкий был не прав, и предупредил партию в так называемом «Завещании», что нельзя ставить Троцкому в вину его меньшевистское прошлое.

Остальные два члена бюро ЦК были совсем другого рода. Свердлов фактически предшествовал Сталину на посту Генерального секретаря партии — номинально такой должности тогда еще не было. Как и Сталин, он провел всю свою политическую жизнь в подполье. Он обладал тем же организаторским талантом, тем же чутьем в управлении людьми, тем же практическим умом и той же твердостью характера¹. Более довольный, чем Сталин, своей ролью организатора, не лелея честолюбивого желания стать светилом в теоретических вопросах, Свердлов, однако, обладал, если можно судить по его немногочисленным сочинениям и речам, более широким, более развитым и гибким интеллектом, чем Сталин, и гораздо яснее выражал свои мысли². Именно он в отсутствие Ленина приобщил Троцкого к внутрипартийной жизни, ввел его в курс дел военной организации и облегчил сотрудничество Троцкого с разными уровнями большевистской партии. Свердлов, как мы знаем, также предлагал назначить Троцкого комиссаром иностранных дел. Троцкий состоял со Свердловым в легких товарищеских отношениях, но его первые тесные контакты со Сталиным были совсем другого рода. Сам он позднее писал, что практически не имел понятия о существовании Сталина до Октябрьской революции. Однако Сталин был редактором партийной газеты и одним из главных членов ЦК. Если верно, что Троцкий, так сказать, его проглядел, то это указывает не столько на незначительную роль Сталина, что хотел доказать Троцкий,

---

¹ Садуль упоминает, что большевики дали Свердлову прозвище *la ferme gueule* (луженая глотка) (*Sadoul J.* Указ. соч. С. 266).

² Это явствует из личной переписки Свердлова (см.: Печать и революция. Т. 2. 1924).

сколько на отсутствие у Троцкого интереса к личным влияниям внутри партии, в которую он вступил. Сталин не был яркой личностью. Сдержанный, немногословный, временами грубый, он не бросился в глаза Троцкому, потому что Троцкий был склонен искать в других людях качества, которые признавал в себе. Тем легче он повторил ту же ошибку, что и с Лениным: сталинская «серость» скрыла от него силу Сталина. Он продолжал относиться к своему будущему сопернику с неосознанным и тем более обидным высокомерием даже после того, как они со Сталиным оказались членами одного небольшого кружка, управлявшего делами партии и правительства. Стоит ли удивляться, что это уязвляло гордость Сталина.

Личные чувства и едва зародившаяся зависть пока не приобрели большого значения. В эти суматошные и восторженные месяцы вожди большевизма как бы пребывали в экстатическом сне, который мог внезапно и трагически прерваться. Они пытались укрепить властные позиции, за которые держались и в которых, как казалось, не было никакой власти, но понимали, что в процессе укрепления могут погибнуть, и тогда революция прокатится по их мертвым телам к своей окончательной победе. Троцкий рассказывает: «А что, — спросил меня совершенно неожиданно Владимир Ильич в те же первые дни, — если нас с вами белогвардейцы убьют, смогут Свердлов с Бухариным справиться?»¹ Между тем они издавали воззвания, декреты и законы, скорее для истории, чем для немедленного исполнения. В худшем случае, как они думали и говорили, они завещают своим преемникам набор идей, формулировку революционной политики, которая вдохновит других, как Парижская коммуна вдохновляла два поколения социалистов. Таким на первый взгляд непрактичным способом большевистские вожди на самом деле закладывали фундамент Советской республики.

Внешние обстоятельства, в которых они выполняли эту задачу, соответствовали их идеалистической цели. Сказать, что основатели нового государства не видели вокруг себя никаких атрибутов власти, никакого показного блеска, это значит ничего не сказать. У них не было даже простейших удобств для работы, которые можно найти в самых скромных деловых конторах. Пишущая машинка в Смольном была редкостью, стенографистки — сказкой, а телефон — заманчивой технической новинкой. Новые пра-

---

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 60.

вители собственноручно писали судьбоносные воззвания и декреты. Они бегали друг к другу из кабинета в кабинет по лабиринту коридоров. Они обедали и ужинали в столовой Смольного постными щами и черным хлебом. В большинстве своем они жили и ночевали в крохотных комнатюшках, среди бесконечной суматохи, курьеров и агитаторов, то и дело приходивших и уходивших, под топот солдатских сапог, сигналы тревоги, между паникой и воодушевлением, в хаосе умирающих и рождающихся слов. У кабинетов уже стояла охрана из добровольцев Красной гвардии, но в них всегда была открыта дверь для самого скромного рабочего, матроса и журналиста. Этому обстоятельству мы обязаны бесчисленными впечатлениями о работе Троцкого в Смольном. Вот типичное описание, сделанное одной американской журналисткой:

«В первые дни после большевистского мятежа я каждое утро приходила в Смольный за последними новостями. Троцкий и его миленькая жена, которая почти всегда говорила [с иностранными журналистами] только на французском, жили в одной из комнаток на верхнем этаже. Комнату, похожую на мансарду нищего художника, делили перегородки. В одном углу стояли две раскладушки и дешевый комодик с зеркалом, в другом письменный стол и два или три дешевых деревянных стула... Троцкий занимал эту комнату все то время, пока он был министром иностранных дел, и многие высокопоставленные чиновники считали нужным навещать его там... Со всяким мелким затруднением приходили к Троцкому. Он работал не покладая рук и часто бывал на грани нервного срыва: он стал раздражительным и легко сердился»¹.

До восстания Троцкий снимал квартиру в мещанском доме, где его семью окружала жгучая ненависть. «Троцкий кажется усталым, нервным, — пишет Садуль. — С 20 октября он не был дома. Его жена, милая, маленькая, воинственная, свежая, живая и очаровательная, говорит, что соседи угрожают убить ее мужа... Разве это не смешно, что безжалостный диктатор, этот хозяин земли Русской, не смеет заснуть в собственном доме, боясь метлы дворника?»

---

¹ *Bryant Louise. Six Red Months in Russia. С. 145.*

Глава 11

ДРАМА БРЕСТ-ЛИТОВСКА

«Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях»¹. Этими словами ленинский Декрет о мире, принятый 26 октября съездом Советов, сформулировал суть большевистской внешней политики. Только тот мир будет справедливым, который позволит всем оккупированным и угнетенным народам, как в Европе, так и на других континентах, определять свою судьбу свободным голосованием, которое должно состояться после вывода всех оккупационных армий. Поставив эту смелую цель, достижимую только после свержения всех колониальных империй, Ленин осмотрительно прибавляет, что Советы готовы вступить в мирные переговоры, даже если их программа не будет принята, — большевистское правительство готово рассмотреть любые другие условия мира. Оно имеет твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом и объявляет безусловно и немедленно отмененными тайные империалистические договоры, подтвержденные или заключенные бывшими правительствами помещиков и капиталистов. Как объяснил Ленин съезду, это послание обращено к правительствам, равно как и к народам воюющих стран. Косвенно оно призывало народы восстать против существующих правительств, а прямо убеждало эти прави-

---

¹ Ленин В.И. Сочинения. Т. 26. С. 218.

тельства заключить немедленное перемирие. В этом двойственном призыве заключалась ключевая дилемма внешней политики большевиков и зачатки брест-литовской трагедии.

Истоженная войной Россия восприняла декрет о мире со вздохом облегчения. Официальные и патриотические круги Франции и Британии ответили возмущенными воплями. Послы союзных стран и главы союзных военных миссий в России более или менее представляли себе, что Россия не способна вести войну¹. Мирная пропаганда большевиков, как говорит один американский наблюдатель, «была поистине упорной и энергичной, но... это было все равно, как если бы кто-то дул в одну сторону с ураганным ветром»². И тем не менее в своем желании помешать «отступничеству» России союзные посланники почти убедили себя, что ураган стихнет, как только большевики перестанут дуть. Почти сразу после Февральской революции послы Британии и Франции попытались уговорить князя Львова, Милюкова и Керенского запретить ленинскую партию. Главы военных миссий с надеждой побуждали Корнилова устроить переворот против Керенского и меньшевистских Советов. За два дня до Октябрьского восстания британский посол в довольно недипломатичных выражениях требовал, чтобы российские министры арестовали Троцкого. Теперь, когда к власти пришли большевики, их революционные призывы, их пренебрежение дипломатической этикой, угрозы опубликовать и аннулировать секретные договоры и вывести Россию из войны окончательно распалили вражду между союзниками. Восстание настолько озадачило послов европейских держав, которые видели его собственными глазами, что они совершенно растерялись, не могли придумать никакого объяснения и были готовы ухватиться за любую детективную историю, якобы проясняющую суть дела. Они отчасти склонялись к тому, что Ленин и Троцкий на самом деле были платными немецкими агентами и что

---

¹ Еще 1 апреля 1917 г., то есть до приезда Ленина в Россию, Палеолог наблюдал парад, в котором участвовали лишь наименее революционно настроенные войска, и отметил в своем дневнике, что даже эти самые благонадежные отряды совсем не желали идти в бой. Еще раньше, в марте 1917 г., Палеолог отправил рапорт министру иностранных дел Франции Рибо, который заключил следующими словами: «На настоящем этапе революции Россия не может ни заключить мир, ни воевать». Так французский посол почти на год предвосхитил формулу Троцкого.

² *Hard W. Raymond Robin's Own Story*. С. 29. Позднее, находясь в ссылке, большинство вождей антибольшевистских партий согласились с этим мнением.

именно немецкие офицеры сумели так результативно и гладко провести Октябрьское восстание¹. Им оставалось одно утешение — что большевиков скоро свергнут, и долг союзных держав состоял в том, чтобы приблизить этот миг².

Несмотря на революционные призывы, большевики хотели установить дипломатические контакты с союзниками. Сразу после разгрома войск Керенского Троцкий предложил возобновить нормальные отношения с британцами и французами³. Большевики, и Троцкий больше других, опасались того, что немцы, поставив неприемлемые условия мира, могут снова втянуть в войну Россию и Антанту. В России предложение Троцкого пропустили мимо ушей. Союзные посольства его проигнорировали. Только бельгийский министр нанес ему рекогносцировочный визит в маленькую перестроенную комнатку. Троцкий, объясняя мирные стремления своего правительства недоверчивому посланцу, вел себя «чуть упрямо, чуть высокомерно», но вежливо. Бельгийский министр ушел под сильным впечатлением от личности и искренности Троцкого, но в убеждении, что большевистский министр иностранных дел утопист и мечтатель, которого нельзя принимать всерьез. Так он и описал его своим коллегам.

Не только иностранные посольства, но и сотрудники российского Министерства иностранных дел встретили Троцкого бойкотом. Прошла всего неделя после его назначения, неделя, прошедшая в борьбе против Керенского, когда Троцкий впервые появился в министерстве в сопровождении кронштадтского матроса Маркина. Прежде всего он спешил добраться до секретных соглашений и дипломатической корреспонденции. Но кабинеты и коридоры министерства были пусты — не нашлось ни единой души, которая бы ответила на его вопросы. Наконец матрос отыскал графа Татищева, неизменного начальника министерства и потомка давней династии дипломатов. Граф заявил, что сотрудники министерства не смогли выйти на службу. Троцкий пригрозил ему и велел тотчас же собрать весь штат, и в мгновение ока перед ним с отчетами явилась толпа чиновников. Троцкий кратко пред-

¹ Сэр Джордж Бьюкенен написал в дневнике: «До меня дошли сведения, хотя я не поручусь за их точность, что к штабу Ленина в Смольном институте прикомандированы шестеро их офицеров» [т. е. немецких офицеров] (Бьюкенен Д. Указ. соч. С. 232).

² Садуль утверждает, что по настоянию союзных дипломатических кругов меньшевики поставили условием формирования коалиционного правительства исключение Ленина и Троцкого (Sadoul J. Указ. соч. С. 74).

³ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 161.

ставился, сказал, что он их новый начальник, что никакая на свете сила не отменит революцию и что те, кто хочет честно служить новому правительству, могут приступать к работе. Но чиновники отказались передать ему секретные документы и ключи от сейфов. Троцкий ушел из министерства. Немного погодя матрос Маркин вернулся и приказал Татищеву и начальникам департаментов идти за ним в Смольный, где их посадили под арест. Через два дня граф провел Троцкого по министерству, открыл все сейфы, рассортировал и вручил ему секретные договоры и дипломатическую корреспонденцию. К ужасу дипломатических канцелярий, договоры вскоре начали появляться в печати. Их тексты слишком явно подтверждали большевистские обвинения: Россия вела войну затем, чтобы покорить Галицию и Константинополь и получить господство на Балканах.

7 ноября Ленин, Сталин и Крыленко телеграфировали генералу Духонину, последнему Верховному главнокомандующему при Керенском, поручив «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий в целях открытия мирных переговоров». Троцкий впервые направил правительственную ноту послам союзных стран с просьбой рассмотреть прилагаемый декрет о мире как формальное предложение заключить перемирие на всех фронтах и немедленно открыть мирные переговоры. Ибо не могут не стремиться к миру все народы, истощенные и обескровленные «этой беспримерной бойней». В тот же день в ЦИКе он впервые проанализировал положение дел на международной арене. «Самый факт принятия декрета явился неожиданным для рутинного сознания буржуазного мира Европы, и к декрету отнеслись сперва скорее как к партийному заявлению, чем как к определенному акту государственной власти, представляющей многомиллионный народ». Первая реакция немцев была двойственной: «как немцы, они готовы злорадствовать, как буржуазные имущие классы, они понимают, что нужно бояться». С наибольшей враждебностью отнеслось к советской власти правительство Великобритании. Франция больше всего пострадала от войны, но «мелкая буржуазия Франции считает нас правительством союза с Вильгельмом». Отрывочные сведения из Италии говорили об энтузиазме, с которым итальянский рабочий класс встретил советскую власть, США отнеслись к факту советского правительства терпимо. Троцкий не собирался смешивать в кучу всевозможные мнения и провел между ними четкие раз-

граничения. Затем он перешел к вопросу публикации тайных договоров. Он признавал, что центральные державы попытаются извлечь выгоду из разоблачений, но Советы подадут пример остальным, особенно рабочим Германии, как следует относиться к тайным сделкам и соглашениям правящего класса. Он выразил надежду, что, «когда германская социал-демократия получит доступ к железным шкафам, за которыми хранятся тайные договоры, она покажет нам, что и германский империализм, в своем цинизме и хищничестве, ни в чем не уступает хищничеству союзных стран». «Народы Европы оплатили бесчисленными жертвами и всеобщим хозяйственным разорением. Упразднение тайной дипломатии есть первейшее условие честной, народной, действительно демократической внешней политики»¹.

Союзные послы провели совещание, на котором постановили проигнорировать ноту Троцкого и рекомендовать своим правительствам оставить ее без ответа на том основании, что советский режим незаконен. Правительства союзных стран последовали совету и решили установить официальные отношения только с Верховным командованием российской армии, то есть с генералом Духониным, находившимся в Могилеве. Этим поступком они, так сказать, возвели штаб армии на уровень конкурирующего правительства. Кроме того, Духонина предостерегли от каких-либо переговоров насчет прекращения огня и недвусмысленно намекнули, что если Россия выйдет из войны, то ей ответят ударом Японии по Сибири. Троцкий немедленно выразил протест и пригрозил, что арестует любого союзного дипломата, который попытается уехать из Петрограда, чтобы связаться с антибольшевистскими кругами в губерниях. Он обратился к дипломатам нейтральных стран с просьбой применить свое влияние для заключения мира. В тот же день генерал Духонин, отказавшись выполнять приказ о прекращении огня, был смещен — позднее с ним жестоко расправились его же солдаты, узнав, что он не хотел прекращать войну. На место Верховного главнокомандующего назначили Крыленко, бывшего прапорщика царской армии и одного из руководителей военной организации большевиков.

Отношения между Россией и Европой тут же ожесточились, что предопределило будущую интервенцию. По-другому и быть не могло. При решимости союзных держав продолжать войну их послы не могли не использовать свое влияние против власти, ко-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 164—165.

торая угрожала вывести Россию из войны. Одно это неизбежно вело их к вмешательству во внутренние дела России. Утробная враждебность дипломатов и военных старой школы к революции придала этому вмешательству вид беспринципности и злобы. Сложившиеся обстоятельства с самого начала подталкивали посольства и военные миссии к тому, чтобы ввязаться в Гражданскую войну¹. Троцкий хотел воспрепятствовать этому и помешать британцам, французам и американцам связать себя нерасторжимыми обязательствами. С согласия Ленина он изо всех сил постарался внушить им: Европа должна быть заинтересована в том, чтобы Россия не чувствовала себя покинутой и вынужденной подписать мир с Германией на любых условиях. На это соображение Антанта не обратила внимания. Ее послы по-прежнему поддерживали полуофициальную связь с Троцким через младших сотрудников: капитана Садуля из французского военного представительства и Брюса Локкарта из британского посольства. Именно этим чиновникам, а также полковнику Робинсу из американского Красного Креста Троцкий передавал предложения и протесты, через них он информировал союзников о предварительных переговорах по вопросу перемирия. Все чиновники, которым приходилось иметь дело с Троцким, в конце концов согласились с ним и надеялись переубедить свое начальство, но из их стараний ничего не вышло. «Мы упорно отрицаем, что земля вертится, — так Садуль, в то время еще нераскаявшийся «социал-патриот», писал Альберу Тома, одному из главных выразителей французского «социал-патриотизма», — мы заявляем, что большевистского правительства не существует». Лондон объявил Брюсу Локкарту выговор за то, что он относился к Троцкому так, будто тот был «новым Талейраном».

14 ноября немецкое Верховное командование согласилось начать переговоры о перемирии. Крыленко приказал прекратить огонь и «брататься фронтами», надеясь, что через контакт с русскими войсками немецкая армия заразится революцией. В тот же день Троцкий уведомил западные державы:

---

¹ Во время Второй мировой войны западные державы после краха Франции также вмешивались в ее внутренние дела. Но выход из войны в 1917—1918 гг. России продиктовала революционная стихия, а Франция в 1940-м вышла под давлением правых консервативных вождей. Сравнительное исследование политики союзников в этих двух случаях выявляет поразительные сходства и различия. Также оно ясно показывает, до какой степени антибольшевистская политика Антанты являлась реакцией против отступничества союзника, а до какой степени ее спровоцировал классовый антагонизм.

«Верховный главнокомандующий армий Республики, прапорщик Крыленко, предложил отсрочить начатие переговоров о перемирии на 5 дней до 18 ноября (1 декабря), дабы снова предложить союзным правительствам определить свое отношение к делу мирных переговоров... Мы, Совет народных комиссаров, обращаемся с этим вопросом к правительствам наших союзников... Мы спрашиваем их пред лицом их собственных народов, пред лицом всего мира: согласны ли они приступить вместе с нами 1 декабря к мирным переговорам? Мы... обращаемся к союзным народам, и прежде всего к их трудящимся массам, согласны ли они и дальше тянуть эту бойню без смысла и цели, слепо идя навстречу гибели всей европейской культуры... Ответ на эти вопросы должен быть дан сейчас же, и ответ не на словах, а на деле. Русская армия и русский народ не могут и не хотят дольше ждать... Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни. Мы хотим всеобщего мира. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падает целиком на нее... Солдаты, рабочие и крестьяне... Действуйте! Не теряйте ни одного часа! Долой зимнюю кампанию, долой войну!»¹

В докладе Петроградскому Совету Троцкий прибавлял: «Мы... ни в коем случае не допустим извращения тех принципов всеобщего мира, которые были провозглашены русской революцией... Под влиянием низов германское и австрийское правительства уже согласились сесть на скамью подсудимых. Будьте уверены, товарищи, что прокурор в лице русской революционной делегации окажется на своем месте и в должное время произнесет свою громовую обвинительную речь по адресу дипломатии всех империалистов»².

Таков был беспрецедентный стиль Троцкого, который он ввел в дипломатию. Даже будучи комиссаром иностранных дел, он оставался главным пропагандистом революции. Он делал ставку на возможный или фактический антагонизм между властью и народом и обращался к первой, чтобы его услышал второй. Но поскольку он не отказывался от попыток достичь взаимопонимания с существующими правительствами, то сочетал свои революционные призывы с чрезвычайно гибкой и тонкой дипломатической игрой. Непримиримый, язвительный и воинственный, когда стал-

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 173—175.

² Там же. С. 179.

кивался с враждебностью, он отвечал на любой жест примирения с тактом и вежливостью. Когда генерал Джадсон, глава американской военной миссии, нарушив бойкот союзников, нанес ему визит и выразил надежду, что союзные державы больше не будут угрожать Советам, Троцкий ответил, что не хочет ссориться из-за прошлых обид, что доволен заявлением генерала, и повторил, что будет вести мирные переговоры открыто и публично, дабы союзники могли внимательно наблюдать за ними и позднее присоединиться, если пожелают. Но когда генерал Ниссель, глава французской военной миссии, привыкший свысока разговаривать с русскими министрами и генералами в их роскошных кабинетах — Франция была главным кредитором и политическим вдохновителем России, — появился в «мансарде нищего художника» в Смольном, уверенный, что здесь он может позволить себе еще большее высокомерие, Троцкий довольно бесцеремонно выпроводил его вон. Он приказал французскому посольству закрыть свое пресс-бюро, публиковавшее оскорбительные для советского правительства бюллетени. Когда французский посол Нуланс явился в Смольный улаживать конфликт, Троцкий был весь любезность и услужливость. Что касается британцев, то первым делом он потребовал немедленного освобождения Чичерина, бывшего корреспондента «Нашего слова», и других русских революционеров, арестованных в Великобритании за антивоенную пропаганду. Британцы не выпустили Чичерина из заключения, и Троцкий уведомил их, что, пока его требование не будет удовлетворено, ни один британский подданный не получит разрешения выехать из России¹. С твердостью и достоинством, пожалуй, невиданными у прежних русских правителей, Троцкий настаивал на равенстве России с другими державами и отвечал оскорблениями на оскорбления, хотя даже оскорбления у него принимали форму продуманных и убедительных доводов.

19 ноября состоялось заседание мирных делегаций, и немцы сразу же предложили заключить предварительное перемирие на месяц. Советская делегация отказалась и вместо этого попросила продлить прекращение огня на неделю, чтобы дать другим за-

---

¹ «В конце концов, — отметил в дневнике британский посол, — есть справедливость в аргументах Троцкого, когда он говорит, что, если мы требуем права арестовывать русских за пацифистскую пропаганду в стране, намеренной продолжать войну, то у него есть такое же право арестовывать британских подданных за пропаганду войны в стране, намеренной заключить мир» (*Бьюкенен Д. Указ. соч. Т. 2. С. 228*).

сомненно, считало это условие притворством и не собиралось его выполнять, но события показали, что слова Троцкого не были пустым бахвальством¹.

До сих пор оставались открытыми все важные вопросы, вытекающие из перемирия. Большевики и левые эсеры приняли решение в пользу сепаратных мирных переговоров, но не сепаратного мира. И даже те, кто, подобно Ленину, уже склонялись к сепаратному миру, еще не были готовы добиваться его любой ценой. Основной целью советского правительства было выиграть время, громко заявить о своих мирных стремлениях среди внезапного затишья на фронтах, определить степень революционного брожения в Европе и прощупать позиции союзных и вражеских правительств.

Большевики не сомневались насчет близости общественного подъема в Европе. Но они стали задумываться, идет ли дорога к миру через революцию или, наоборот, дорога к революции идет через мир. В первом случае конец войне положит революция. Во втором русской революции придется пока что договариваться с капиталистическими властями. Только время могло показать, в какую сторону движутся события и в какой мере революционный импульс из России определяет или не определяет их направление. До сих пор прощупывание не давало ясных результатов. Нет сомнений, что пролетариат Германии и Австрии неспокоен, но о чем это говорит — о близящемся крахе врага или о кризисе отдаленного будущего? Мирные делегации центральных держав выказали странную готовность к уступкам. Может быть, их позиция отражала отчаянное положение центральных держав, а может быть, и прятала ловушку. С другой стороны, враждебность Антанты на миг как будто ослабла. Союзные страны еще отказывались признавать Советы, но в начале декабря согласились обменяться дипломатическими привилегиями, которые обычно предоставляются признанным правительствам. Советским дипломатическим курьерам разрешили совершать поездки между Россией и Западной Европой, страны взаимно признали дипломатические паспорта, Чичерина наконец освободили из

---

¹ Мистер Уилер-Беннет в своей превосходной истории Брест-Литовского мира, написанной с точки зрения Антанты, так подводит его итоги: «Но победный мир должен чем-то подкрепляться. Ценой немецкой экспансии были миллионные войска, переведенные в резерв на востоке, и половина этого числа вполне могла перевесить чашу весов на первых этапах битвы гигантов, которая бушевала на западе».

заклучения, и он вернулся в Россию, а Троцкий обменялся дипломатическими визитами с некоторыми западными послами. Может быть, Антанта передумала насчет мира? Принимая желаемое за действительное, «Правда» со слов Троцкого называла эти события «симптомом, указывающим на возможность общего перемирия и общего мира».

То, что он делал такие далеко идущие выводы всего лишь из тонкостей дипломатической игры, объясняется ошибочным пониманием стратегических перспектив. Вначале, когда правительства и генеральные штабы не сомневались в скором завершении военных действий, он верно предсказал затяжной характер окопной войны. Он склонялся к той мысли, что ни одной стороне не удастся выйти из тупика, возникшего из-за равновесия противостоящих сил. События трех с лишним лет с такой удивительной точностью совпали с его прогнозом, что Троцкий не желал отказываться от него и сейчас, когда предпосылки для прежних выводов почти исчезли. В войну вступили Соединенные Штаты. Но это не заставило Троцкого изменить мнение; и после революции, как и до нее, он повторял, что ни один из враждующих лагерей не имеет шанса победить. Из этого жесткого допущения, казалось бы, логично следовало, что в конечном итоге воюющие страны могут понять тщетность дальнейшего кровопролития, признать, что зашли в тупик, и согласиться на мирные переговоры. Такой ход рассуждений заставил Троцкого сделать поспешный вывод о грядущем «всеобщем перемирии и всеобщем мире».

Но одновременно большевики опасались, что Антанта заключит сепаратный мир с Германией и Австрией и вместе с ними нанесет удар по русской революции. Чаще всех это опасение озвучивал Ленин, и в публичных речах, и в частных беседах. Когда вскрылась внутренняя история войны, она показала, что его страхи имели под собой основание. Австрия и Германия неоднократно и тайно, вместе и порознь прощупывали своих западных врагов на предмет мира. В правящих кругах Франции и Великобритании нарастал страх перед революцией, и нельзя было исключать возможности примирения между Антантой и центральными державами, примирения, подсказанного страхом. Это была не реальная, а лишь потенциальная угроза, но ее хватило, чтобы убедить Ленина, что только сепаратный мир на Востоке может предупредить сепаратный мир на Западе.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что большевики запутались в нескольких сложных дилеммах. Они долж-

ны были решить, могут ли они позволить себе ждать заключения мира, пока не распространится революция, или нужно попробовать распространить революцию, заключив мир? Если дорога к европейской революции ведет через мир, всеобщий ли это мир или сепаратный? И если условия сепаратного мира окажутся слишком тяжелыми и унижительными и потому неприемлемыми, то смогут ли они вести революционную войну против Германии? Если Россия будет втянута в войну, могут ли большевики в принципе принимать помощь от Антанты? И захочет ли Антанта им помогать? Если нет, надо ли добиваться сепаратного мира любой ценой? Или, может быть, есть другой способ спастись от этих проблем?

8 декабря, за день до торжественного открытия мирных переговоров в Брест-Литовске, Троцкий выступил с речью на объединенном заседании Совнаркома, ЦИКа, Петроградского Совета, городской думы, профессиональных и рабочих организаций. Это была одна из самых его замечательных речей, не только из-за ее непревзойденных ораторских достоинств и возвышенного революционно-гуманистического духа, но и потому, что в ней звучали отголоски его внутренней борьбы.

«Поистине, эта война показала, как могуществен человек, сколько неслыханных страданий он в состоянии перенести, но эта же война показывает, сколько варварства еще сохранилось в современном человеке... Человек — царь природы — сидит в этих бойницах, высматривает в них через глазки, как в тюремной камере, другого человека, как будущую свою добычу... Так глубоко упало человечество в этой войне. Становится обидно за человека, за его плоть, за его дух, за его кровь, когда представляешь себе, что люди, прошедшие через длинный ряд культурных этапов, — христианство, абсолютизм и парламентаризм, — люди, вскормившие идеи социализма, как жалкие рабы, из-под палки господствующих классов, убивают друг друга. И если бы эта война закончилась тем, что люди вновь вернулись бы в свои стойла и стали бы подбирать те жалкие крохи, которые им бросает буржуазия, если бы эта война закончилась торжеством империализма, то человечество не стоило бы тех страданий и той огромной работы мысли, которые оно вынесло в течение тысячелетий. Но этого не будет, этого не должно быть!..

Русский народ, восставший на земле жандарма Европы, заявит, что со своими братьями, стоящими под ружьем... он хочет говорить не голосом пушек, а языком международной солидарно-

сти трудящихся всех стран... Этот факт не может изгладиться из сознания страдающих от тяжкого ига войны народных масс всех стран, и раньше или позже эти массы услышат наш голос, придут к нам, протянут нам руку помощи. Но если бы даже допустить, что враги народа нас победят, что мы погибнем... все же память о нас будет переходить из рода в род и будить наших детей на новую борьбу. Конечно, наше положение было бы много лучше, если бы народы Европы восстали вместе с нами, и нам пришлось бы разговаривать не с генералом Гофманом и графом Чернином, а с Либкнехтом, Кларой Цеткин, Розой Люксембург и другими. Но этого еще нет, и ответственность за это не может быть возложена на нас. Наши братья в Германии не могут обвинять нас в том, что мы за их спиной вели переговоры с их заклятым врагом — кайзером. Мы с ним говорим как с врагом, сохраняя всю нашу непримиримую вражду к этому тирану.

Перемирие создало перерыв в войне, гул орудий смолк, и все трепетно ждут, каким голосом Советская власть будет разговаривать с Гогенцоллернскими и Габсбургскими империалистами. И вы должны нас поддержать в том, чтобы мы говорили с ними, как с врагами свободы... чтобы ни один атом этой свободы не был принесен в жертву империализму. Только тогда дойдет до глубин сознания народов Германии и Австрии истинный смысл наших стремлений».

За этим призывом следует любопытный фрагмент, в котором Троцкий вслух размышляет перед огромной аудиторией, давая волю сомнениям и нерешительности. «Если эта третья сила — голос рабочего класса Германии — не проснется и не окажет того могучего влияния, которое должно сыграть решающую роль, — мир будет невозможен», — резко заявил он. Затем шла переоценка: «Но если бы мы ошиблись, если бы мертвое молчание продолжало сохраняться в Европе, если бы это молчание дало Вильгельму возможность наступать и диктовать условия, оскорбительные для революционного достоинства нашей страны, то я не знаю, смогли ли бы мы, при расстроеном хозяйстве и общей разрухе, явившейся следствием войны и внутренних потрясений, смогли ли бы мы воевать». И, как будто почувствовав, что его слушателей оглушил этот вопль отчаяния, он сделал крутой разворот и воскликнул: «Да, мы смогли бы!» Его возглас потонул в громе аплодисментов. Ободренный, он сказал: «За нашу жизнь, за революционную честь мы боролись бы до последней капли крови». Тут стенографический отчет зафиксировал «новый взрыв аплодисментов». Так

аудитория, состоявшая из ведущих членов двух правящих партий, продемонстрировала свое эмоциональное отношение к сепаратному миру.

«Усталые, старшие возрасты ушли бы, — продолжал Троцкий. — Но мы сказали бы, что наша честь в опасности, кликнули бы клич и создали бы мощную, сильную революционным энтузиазмом армию из солдат и красногвардейцев... Не для того мы свергли царя и буржуазию, чтобы стать на колени перед германским кайзером». Если немцы предложат несправедливый и недемократический мир, то «мы эти условия представим Учредительному Собранию и скажем: решайте! Если Учредительное Собрание согласится с этими условиями, то партия большевиков уйдет и скажет: ищите себе другую партию, которая будет подписывать эти условия, мы же — партия большевиков и, надеюсь, левые эсеры — призовем всех к священной войне против милитаристов всех стран». Едва ли ему приходило в голову, что однажды левые эсеры поднимутся против большевиков с призывом к «священной войне» и что тогда он сам расправится с ними. «Если же мы, в силу хозяйственной разрухи, воевать не сможем... пролетарская борьба не окончена, она только отложена, подобно тому как в 1905 году мы, задавленные царем, не закончили борьбы с царизмом, а лишь отложили ее. Вот почему мы без пессимизма и без черных мыслей вступили в переговоры о мире»¹. Его речь привела слушателей в экстаз, как и тогда, перед восстанием, когда петроградские толпы повторяли за ним слова революционной клятвы.

Мирная конференция в Брест-Литовске началась 9 декабря. Представители центральных держав дали знать, что «согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и контрибуций»². Иоффе, возглавивший советскую делегацию, предложил «сделать десятидневный перерыв с тем, чтобы народы, правительства которых еще не присоединились к теперешним переговорам о всеобщем мире», получили возможность передумать. Во время отсрочки проходили только заседания комиссий по мирной конференции, и их работа шла до странности гладко. Фактические переговоры не начинались до 27 декабря, до приезда Троцкого. Тем временем Совнарком предпринял ряд демонстративных шагов. Он активизировал пропаганду против немецкого империализма, а Троцкий при

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Кн. 2. С. 211—217.

² Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 9.

участии Карла Радека, только что приехавшего в Россию, редактировал листок «Die Fackel» («Факел»), который распространялся в немецких окопах. 13 декабря правительство ассигновало 2 миллиона рублей на революционную пропаганду за границей и опубликовало отчет об этом в печати. 19-го числа началась демобилизация российской армии. Кроме того, немецких и австрийских военнопленных освободили от обязательных работ, разрешили им покинуть лагеря и работать на свободе. Советское правительство отменило русско-британский договор от 1907 года, по которому две державы делили между собой Персию, а 23 декабря приказало российским войскам покинуть Северную Персию. Наконец, Троцкий проинструктировал Иоффе, чтобы тот потребовал перенести мирные переговоры из Брест-Литовска в Стокгольм или любой другой город нейтральной страны.

Ровно через два месяца после восстания, 24 или 25 декабря, Троцкий отправился в Брест-Литовск. По дороге, особенно в районе фронта, его приветствовали делегации от местных Советов и профсоюзов, просившие его ускорить переговоры и возвратиться с договором о мире. Он с изумлением увидел, что окопы с русской стороны практически опустели: солдаты попросту разошлись. Немецкий офицер связи, который проводил его через линию фронта, заметил его реакцию и доложил начальству о том, что Троцкий «становился все мрачнее». Троцкий действительно осознал, остро и мучительно, что ему предстоит встретиться лицом к лицу с врагом, не имея за спиной никакой военной силы. Тем более решительно он был настроен применить свое «оружие критики». С ним ехал Карл Радек, чей багаж лопался от революционных брошюр и листовок, и, как только их поезд остановился в Брест-Литовске, Радек на глазах у офицеров и дипломатов, собравшихся на платформе, чтобы приветствовать делегацию, начал раздавать брошюры немецким солдатам. Польский еврей, номинально подданный Австро-Венгрии, Радек прославился в немецкой социал-демократической партии как радикальный, остроумный и пронизательный памфлетист. Его появление в Бресте в качестве члена российской делегации не могло не шокировать немецких и австрийских дипломатов. Оно должно было продемонстрировать, что революция отстаивает классовые интересы, а не национальные, и что ей чуждо само понятие «гражданина неприятельского государства». Троцкий попросил Радека сопровождать его, потому что, как он сказал Садулю, «не сомневался в его чрезвычайно подвижном уме и политической преданности и был убежден,

что пыл и непримиримость этого энергичного, неистового человека подействует как возбуждающее средство на мягких русских делегатов Иоффе, Каменева и других».

Встреча произошла в пустынной и мрачной обстановке. Город Брест-Литовск еще в начале войны сожгли и сровняли с землей отступающие российские войска. Нетронутой сохранилась только старая военная крепость, и в ней расположились генеральные штабы восточных немецких армий. Мирные делегации разместились в серых домах и избах внутри огороженной территории временного лагеря. Офицерская столовая служила конференц-залом. Все это напоминало прусскую казарму, перенесенную на польско-украинскую равнину. Окруженная колючей проволокой, оцепленная часовыми, среди рутинной армейской суеты, российская делегация, возможно, чувствовала себя как в лагере для интернированных. Немцы настояли на том, чтобы переговоры велись именно там, отчасти из соображений своего удобства, отчасти чтобы унижить советских посланцев. Но они же и подсластили пилюлю. До приезда Троцкого делегации вместе обедали и ужинали, их принимал у себя номинальный главнокомандующий принц Леопольд Баварский. Они вели себя с дипломатической вежливостью. По иронии судьбы обменивались любезностями с одной стороны титулованные аристократы немецкой и австрийской монархий и с другой стороны профессиональные агитаторы, недавние преступники, среди них левая эсерка и террористка Бизенко, убившая царского военного министра и отбывшая наказание на каторге. Вкрадчивая общительность австрийцев и немцев привела в замешательство даже глав большевистской делегации. Иоффе, Каменев, Покровский и Карахан, интеллигенты и закаленные революционеры, за столом переговоров вели себя с неуклюжестью, естественной для новичков в дипломатии. На первом этапе переговоров, когда советскую делегацию возглавлял Иоффе, на конференции полновластно доминировал немецкий министр иностранных дел Кюльман.

Когда прибыл Троцкий, его такое положение дел не удовлетворило. По настоянию Ленина он отправился на конференцию, чтобы придать ей совершенно другой вид. Для начала он холодно отказался от приглашения встретиться с принцем Леопольдом и положил конец всякому панибратству. «С появлением Троцкого, — замечал генерал Гофман, — приятное общение вне конференц-зала прекратилось. Троцкий потребовал, чтобы делегации питались в своих помещениях и вообще запретил личные

контакты и посещения». «Кажется, ветер совсем переменялся», — отметил в своем дневнике граф Чернин, австрийский министр иностранных дел. Одного только слова шутливой лести или фамильярного жеста со стороны вражеского дипломата было достаточно, чтобы Троцкий принимал чопорный и ледяной вид. Видимость должна была соответствовать действительности: он приехал договариваться не с друзьями, а с врагами.

Первое заседание, на котором он присутствовал в качестве главы советской делегации вместо Иоффе, состоялось 27 декабря. Открывая его, Кюльман заявил, что центральные державы согласились на принцип «мир без аннексий и контрибуций» только в случае всеобщего мира. Так как западные державы отказались вступать в переговоры и на повестке дня стоит лишь сепаратный мир, Германия и ее союзники больше не считают себя связанными этим принципом. Он отказался, как того требовали Советы, перенести переговоры в нейтральную страну и обрушился с критикой на советскую агитацию против немецкого империализма, которая, сказал он, заставляет усомниться в искренности мирного настроения Советов, но закончил Кюльман на примирительной ноте. Потом генерал Гофман, главный герой советских прокламаций к немецким солдатам, повторил протест от имени немецкого Верховного командования. Австро-венгерские, турецкие и болгарские дипломаты высказались в том же духе. Троцкий, присматриваясь к своим противникам, выслушал их с легкой ироничной улыбкой и, не ответив на обвинения, попросил однодневного перерыва.

Среди его противников выделялись три фигуры. Кюльман, баварский католик и традиционалист, один из умнейших дипломатов имперской Германии, не был лишен личного обаяния, а также некоторой широты взглядов и смелости. Он раньше других прислужников кайзера задумался о том, что, ведя войну на два фронта, Германия может проиграть, и горел желанием заручиться миром на востоке, выгодным для германского правительства, но не слишком явно навязанным России. Быть может, единственный в господствующей немецкой верхушке, он понимал, что продиктованный противнику мир будет равен поражению для Германии: он покажет остальным странам, чего стоит ожидать от победивших немцев, и они станут сопротивляться еще активнее. Верховное командование яростно противилось политике Кюльмана. В глазах Гинденбурга и Людендорфа он был немногим лучше предателя, и они изо всех сил старались дискредитировать его.

Поэтому Кюльман был вынужден вести закулисную борьбу с военными и открытый поединок с Троцким. И он, и командование обращались к кайзеру как верховному арбитру. Кайзер поддерживал то своего дипломата, то генералов, но в душе он склонялся к военным и позволял им брать верх над штатским правительством. У Кюльмана хватило смелости не только противостоять Людендорфу, но и проигнорировать однажды прямой приказ кайзера об окончании переговоров. Тем не менее, его разногласия с военными касались скорее формы, чем содержания: они преследовали одну цель — обеспечить Германии господство на отвоеванных у России польских и балтийских землях. Но он добивался хотя бы видимого согласия России, и, как обнаружилось в дальнейшем, слабость его позиции заключалась в том, что согласия он не мог получить. Кроме того, он хотел замаскировать присоединение земель к Германии под видом их освобождения. Для таких тонкостей у генералов не было ни времени, ни терпения.

Генералу Гофману предназначалось быть глазами, ушами и твердой рукой Верховного командования за столом переговоров. Его задача состояла в том, чтобы побыстрее завершить переговоры и освободить восточные армии центральных держав для последнего массированного наступления на Запад. То и дело он давал понять, что методы Кюльмана действуют ему на нервы и набивают оскомину. Но поскольку генерал был искушеннее своих предшественников и полнее осознавал последствия революции, он не мог отрицать, что методы германского статс-секретаря имеют свои достоинства. Порой он уступал Кюльману и навлекал гнев Людендорфа на свою же голову¹.

Граф Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии, выполнял роль блестящего секунданта Кюльмана. Он еще отчетливее своего немецкого коллеги понимал, какая катастрофа нависла над центральными державами. Из опубликованных Троцким тайных договоров он знал, что союзники намеревались расчленить Австро-Венгрию. Империя уже начинала рушиться: Вена голодала, среди подчиненных народов поднимались мятежи, — и, только присосавшись к Германии, она могла продлить свои дни. Поэтому всякий раз, как Чернину казалось, что грубое вмешательство Гофмана снижало шансы на заключение мира, его охватыва-

---

¹ Троцкий ошибочно отнесся к Гофману как к подлинному голосу немецкого Верховного командования, и это могло способствовать тому, что позднее он недооценил готовность немцев к возобновлению враждебных действий против России.

ла настоящая паника. Сначала он угрожал немецким коллегам сепаратными переговорами, но в конце концов отказался от угрозы, поскольку австрийское правительство день ото дня все больше полагалось на помощь немцев. Он все еще пытался выступать как сладкоречивый примиритель между двумя сторонами, хотя его, мягко говоря, напугал «умный и весьма опасный противник [так он описал Троцкого]... чрезвычайно одаренный, столь находчивый и искусный в спорах, какого мне редко доводилось видеть». В свободные часы Чернин читал мемуары о французской революции, пытаясь найти историческое мерило для «опасного противника», и задумывался, не подстерегает ли уже Троцкого русская Шарлотта Корде.

Кажется, один Чернин позволял себе иметь подобные мысли и проводить исторические аналогии. Его коллеги сначала смотрели на Троцкого и других участников советской делегации как на мелких авантюристов, малоизвестных выскочек или в лучшем случае донкихотствующих чудаков, которых внезапный поворот судьбы вывел на авансцену, чтобы сыграть минутный гротесковый эпизод в той человеческой драме, где главные роли исполняли они, великие служители двух блестящих династий. Они были уверены, что русские делегаты купятся на их мелкие услуги, но сначала хотели поставить их на место. Так же они повели себя при первой встрече с Троцким и не сменили тактику и на следующем заседании. Они настроили против советской делегации украинцев, заявивших, что они представляют независимую Украину, и отказавших Петрограду в праве говорить от имени Украины и Белоруссии.

В этот клубок интересов, характеров и амбиций ввязался Троцкий, когда 28 декабря в первый раз выступил на конференции. От украинских махинаций он просто отмахнулся. Советы, объявил он, не возражают против участия Украины в переговорах, поскольку они провозгласили право наций на самоопределение и намерены его уважать. Также он не ставит под вопрос полномочия украинских делегатов, представляющих Раду — провинциальную копию или даже пародию на правительство Керенского. Кюльман опять постарался спровоцировать открытую ссору между русскими и украинцами, которая позволила бы ему извлечь пользу из борьбы двух противников, но Троцкий снова избежал ловушки. Вспомнив обвинения и протесты предыдущего дня, он отказался извиняться за революционную пропаганду, которую вели Советы среди немецких войск. Он при-

ехал обсуждать условия мира, сказал Троцкий, а не ограничивать свободу своего правительства на выражение мнения. Советы не возражают против того, что немцы ведут среди российских граждан контрреволюционную агитацию. Революция настолько уверена в своей правоте и притягательности своих идеалов, что готова приветствовать открытую дискуссию. Таким образом, у немцев не остается оснований, чтобы сомневаться в мирном настрое России. Сомнения вызывает именно искренность Германии, особенно когда немецкая делегация объявила, что больше не связывает себя принципом мира без аннексий и контрибуций. «Мы, со своей стороны, считаем необходимым заявить, что принципы демократического мира, которые мы провозгласили, в наших глазах не стали ничтожными через десять дней... Для нас они являются единственным мыслимым основанием для существования и сотрудничества народов».

Он снова заявил возражение против искусственной изоляции переговоров в Брестской крепости. Немецкий рейхсканцлер, выступая перед рейхстагом, сказал, что в нейтральной стране мирная конференция может быть втянута в махинации стран Антанты. «Забота об охране российского правительства от вредных махинаций, — заметил Троцкий, — должна целиком ложиться на само же российское правительство». «Нам поставлен ультиматум: либо переговоры в Брест-Литовске, либо никаких переговоров», ультиматум, который подсказали Германии ее ощущение собственной силы и убежденность в слабости России. «У нас нет ни возможности, ни намерения оспаривать то обстоятельство, что наша страна ослаблена политикой господствовавших у нас до недавнего времени классов. Но мировое положение страны определяется не только сегодняшним состоянием ее технического аппарата, но и заложенными в нем возможностями, подобно тому как хозяйственная мощь Германии [в которой свирепствовал голод] не может измеряться одним лишь нынешним состоянием ее продовольственных средств». Центральные державы хотят «идти путем, основанным не на принципах соглашения народов, а на так называемой карте войны. Это стремление является одинаково пагубным как для русского, так и для германского народа, ибо карты войны меняются, а люди остаются». Однако «мы остаемся здесь, в Брест-Литовске, чтобы не оставить неисчерпанной ни одной возможности в борьбе за мир... чтобы здесь, в главной квартире Восточного фронта, узнать ясно и точно, возможен ли сейчас мир... без насилий над поляками, литовцами, латышами, эстонца-

ми, армянами и другими народами, которым российская революция, со своей стороны, обеспечивает полное право на самоопределение». Но конференция может продолжаться только при одном условии, а именно, если переговоры будут проходить публично от начала до конца; Троцкий отказался участвовать в частных беседах, о которых просил Кюльман, считая, что вызывающее заявление Троцкого было лишь попыткой сохранить лицо.

Через два дня делегации обсуждали предварительный мирный договор, представленный немцами. С самого начала один мелкий инцидент словно бы перенес степенных дипломатов в атмосферу пьес Бернарда Шоу. В преамбуле договора содержалось вежливое клише о том, что подписывающиеся стороны выражают намерение жить в мире и дружбе. Авторы не ожидали, что оно может вызвать какие-либо возражения. Они ошиблись. «Я бы осмелился, — сказал Троцкий, — внести предложение исключить вторую фразу [о дружбе между государствами], которая, ввиду глубоко условного декоративного характера не отвечает, мне кажется, сухому деловому смыслу документа». Профессиональные дипломаты не знали, то ли смеяться, то ли возмущаться, и не могли понять, в чем смысл возражения и серьезно ли говорит Троцкий. И как он может выбрасывать такой возвышенный пассаж, называя его глубоко условным и декоративным? «Я указал на то, что упомянутое предложение, — дерзко продолжал Троцкий, — представляет собой обычную условную фразу, которая переписывается из документа в документ и никогда не характеризовала сама по себе действительного отношения государств», он лишь надеется, что «на отношения обоих народов в будущем будут влиять иные и более серьезные факторы». На миг у дипломатов появилось такое чувство, будто им сказали, что их императоры и сами они голые. Какие такие «более серьезные факторы»? И какую формулу предложит Троцкий? Троцкий сказал, что охотно представил бы свою формулу, но сомневается, чтобы «она могла войти в рамки формального дипломатического документа». Комические пререкания продолжались еще некоторое время, и слова о дружбе были вычеркнуты из проекта.

За этим последовал драматический спор относительно принципов самоопределения и судеб наций, расположенных между Россией и Германией. Спор шел в основном между Троцким и Кюльманом, занял не одно совещание и принял форму конфликта между двумя толкованиями термина «самоопределение». Обе стороны рассуждали в тоне якобы бесстрастных, академических

дебатов на юридические, исторические и социологические темы; но за ними мрачно выступали реалии войны и революции, захвата и насильственного присоединения. Убежденный, что Троцкий всего лишь стремится приукрасить капитуляцию России, Кюльман, по всей видимости, для Троцкого и еще больше для себя самого старался облечь ее в приличные формулировки и представить немецкую аннексию Польши и Балтийских государств как акт их самоопределения. К недоумению Кюльмана, Троцкий отмахнулся от всякой попытки сохранить лицо и настаивал на признании факта аннексии. Кюльман обосновывал свою точку зрения с систематической, неумолимой, и все же тонкой логикой, единственным недостатком которой было то, что она резюмировала консервативную мудрость государственного деятеля перед лицом неуправляемого феномена революции. Троцкий предстал на конференции физическим воплощением этого феномена. Он обладал логикой еще более неумолимой и тонкой, а еще живым и убийственным остроумием, от которого не было спасения. Как видно, он сам упивался своим мрачным, сардоническим юмором, от которого ворчал и раздражался генерал Гофман, а остальные делегаты тряслись от подавляемого смеха. Однажды Троцкий заявил, что различия их с генералом Гофманом исходных точек зрения объясняются еще неснятым приговором немецкого суда, осудившего Троцкого за антивоенную пропаганду. Генерал внезапно увидел себя в роли соучастника арестанта и ничего не ответил: ему показалось, будто у него с груди сорвали все медали. Когда Кюльман спросил, не хочет ли он чего-нибудь добавить, Гофман сердито отгрызнулся: «Нет, довольно».

Почти в каждом параграфе предварительного договора сначала утверждался какой-то благородный принцип, а потом он же опровергался. Одна из первых оговорок предусматривала освобождение оккупированных территорий. Это не помешало Кюльману заявить, что Германия намерена занимать оккупированные российские территории до заключения всеобщего мира и в течение неопределенного времени после него. Кроме того, Кюльман утверждал, что Польша и другие оккупированные немцами страны уже воспользовались своим правом на самоопределение, так как немецкие войска везде восстановили местную власть. «Мы считаем, — возразил Троцкий, — что воля народа может проявляться свободно только при условии предварительного очищения соответствующих территорий от чужих войск». Вежливо и не на-

зывая ничьих имен, однако безошибочно он дал понять, что немцы везде установили марионеточные правительства.

Так как спор становился все запутаннее и абстрактнее, Троцкий переключился с русского языка на немецкий. В юридической и дипломатической терминологии Кюльман чувствовал себя как рыба в воде и неосмотрительно спровоцировал продолжение дискуссии. «Когда, по мнению господина председателя российской делегации, — спросил он, — возникает народ как единое целое и каковы, по его мнению, способы волеизъявления?» Если нация не может существовать при иностранной оккупации, то когда и как начинается момент ее рождения? Ухватившись за возможность снова изложить свои доводы, Троцкий в ответе на этот запутанный вопрос прибег к методу исключения. Он не может согласиться, сказал Троцкий, что орган управления оккупированной территории, претензия которого на власть опирается только на присутствие иностранных войск, может и должен быть признан выразителем воли данного народа. Единственный критерий — это воля народа, свободно и демократически выраженная на референдуме. Финляндия, из которой были выведены российские войска, «наиболее удобный пример для иллюстрации нашей мысли: Финляндия не была оккупирована чужими войсками». На Украине «такого рода демократическое самоопределение еще не закончилось». Но, указывал Кюльман, созданное таким образом правительство означает разрыв в правовой преемственности, а для консервативного образа мышления правовая преемственность является альфой и омегой. Троцкий напомнил немецкому министру, что любая оккупирующая держава нарушает правовую преемственность, и на это у нее нет тех оправданий, которые есть у революции. Кюльман находчиво возразил, что если революция не покоится на основаниях закона, то она зиждется на силе и свершившемся факте своей победы. Казалось бы, это выбивало почву из-под ног Троцкого: если он согласится с этим доводом, то у него не будет права протестовать против такого же свершившегося факта — немецкой аннексии. Но суть ответа Троцкого состояла в том, что он провел различие между внутренней потребностью нации к определению своей судьбы и внешней силой, навязывающей чуждую волю.

Так спор превратился в конфликт мировоззрений, в состязание противоположных исторических и нравственных идеологий. Каждый этап состязания становился известен всему миру, иногда в искаженном виде. Оккупированные нации, чье будущее сто-

яло на карте, прислушивались к нему затаив дыхание. С подачи Каменева Троцкий пояснил, что, категорически отказывая Германии в праве оставить эти народы в своем подчинении, он не претендует на это право для России, как поступил бы любой обычный русский дипломат. «Мы обязуемся, — заявил Троцкий, — не принуждать этих областей, ни прямо, ни косвенно, к принятию той или иной формы государственного устройства, не стеснять их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями... И мы хотели бы знать, могут ли германская и австро-венгерская делегации сделать заявление в том же смысле».

Так конференция снова возвратилась к самым спорным вопросам. Кюльман ответил, что правительства оккупированных стран имеют право заключать любые соглашения, какие пожелают, даже имеют право уступить часть территории оккупирующей державе. Со стороны Кюльмана это был акт саморазоблачения, в который Троцкий умело заманил его. «Утверждение господина председателя германской делегации, — сказал Троцкий, кладя конец спору, — будто бы те народы, о которых идет речь [с марионеточными правительствами], представляют сейчас государственные единицы, которые могут заключать соглашения и уступать свою территорию, является полным и категорическим отрицанием принципа самоопределения». Почему представители этих государственных единиц не приглашены в Брест-Литовск для участия в мирных переговорах? Одно это показывает, что для центральных держав они не «самодовлеющие участники переговоров, а объекты переговоров, подлежащие... воздействию сверху». «На том условном языке, который мы употребляем в подобных случаях, это обозначается не словом «самоопределение» народов, а совсем другим выражением... «аннексия».

Троцкий, несомненно, переспорил своего противника. Однако спор не привел ни к каким результатам и именно по причине своей тонкости гораздо меньше повлиял на мнение германской делегации, чем хотелось бы думать Троцкому. В любом случае, он не мог особенно тронуть немецких рабочих и солдат, которых Троцкий собирался революционизировать, в этом-то и состояла его слабость. Только когда вмешался генерал Гофман, которому не терпелось облечься в доспехи побежденного Ахиллеса, дебаты сразу приобрели новую популярность и, с точки зрения большевиков, политическую продуктивность. «Русская делегация заговорила так, — взорвался генерал, освобождаясь из сдерживающих тисков Кюльмана, — как будто бы она представляет собой побе-

дителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории. Я хотел бы дальше указать, что русская делегация требует признания права на самоопределение в такой форме и в таком объеме, в каковых ее правительство не признает этого права в собственной стране... Поэтому германское Верховное командование считает нужным отклонить вмешательство в дела оккупированных областей». Гофман отказался вступить в какие-либо дискуссии об освобождении занятых земель.

В тот день Троцкий был в ударе. «Генерал Гофман дважды обратил мое внимание, — иронически сказал Троцкий, — на то, что он представляет здесь не германское правительство, а германское Верховное командование... Но я все же думал, что мы... ведем переговоры только с лицами, которые представляют германское правительство». Намек приняли с большим злорадством как Кюльман, так и Чернин. «Если бы мы придерживались того принципа, который рекомендует нам генерал Гофман [то есть основывались на том, где стоят армии], то мы должны были бы разговаривать иначе с представителями Германии, нежели с представителями Австро-Венгрии, Турции или нейтральной Персии», так как российские войска удерживали австрийские и турецкие территории. Троцкий сказал, что приветствует грубое замечание Гофмана о внутренней политике большевиков, ибо он сам пригласил оппонентов без смущения вмешиваться во внутренние дела России. «Господин генерал был вполне прав, когда говорил, что наше правительство опирается на силу. В истории до сих пор мы не знаем других правительств... Я, однако, категорически протестую против совершенно неправильного утверждения, будто мы всех инакомыслящих ставим вне закона. Я был бы очень рад, если бы социал-демократическая печать в Германии пользовалась той свободой, какой у нас пользуется печать наших противников и печать контрреволюционная». (В то время это сравнение действительно еще было в пользу Советов.) «То, что поражает и отталкивает правительства других стран в наших действиях, — это тот факт, что мы арестуем не стачечников, а капиталистов, которые подвергают рабочих локауту, тот факт, что мы не расстреливаем крестьян, требующих земли, но арестуем тех помещиков и офицеров, которые пытаются расстреливать крестьян»¹. Он указал на противоре-

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 102.

чие между доводами Кюльмана и Гофмана. Первый мотивировал самостоятельное право оккупированных немцами областей вступать в международные сношения тем, что у них имеются достаточно авторитетные органы; второй же оправдывал бессрочную оккупацию этих областей тем, что они не имеют собственных органов управления. Однако, исходя из противоположных тезисов, генерал и статс-секретарь приходят к почти тождественному заключению, которое свидетельствует о «весьма подчиненном значении правовой философии в разрешении судеб живых народов»¹.

Это разоблачение произвело сокрушительный эффект. Гофман отметил в дневнике: «Моя речь на самом деле не произвела того впечатления, на которое я рассчитывал». Кюльман потерял самообладание и пожалел, что позволил завлечь себя в открытую дипломатию². Позднее он пытался смягчить осадок от вмешательства Гофмана и оправдать его «солдатскую прямоту». Оправдание, заметил Троцкий, подтверждает, что разногласия между военными и гражданскими во вражеском лагере относятся скорее к форме, чем содержанию. «Что касается нас, членов российской делегации, то вот наши записи, которые показывают, что мы не принадлежим к дипломатической школе. Нас скорее нужно считать солдатами революции. Мы предпочитаем — признаю это искренне — утверждения, которые определены и ясны во всех отношениях»³.

5 января Троцкий попросил сделать в конференции перерыв, чтобы он мог ознакомить правительство с германскими требованиями. Конференция продолжалась уже почти месяц. Советы сумели выиграть немало времени, и теперь партия и правительство должны были принять решение. На обратном пути в Петроград Троцкий снова видел русские окопы, сама заброшенность которых, казалось, взывает о мире. Но теперь он лучше, чем когда-либо, понимал, что добиться мира можно лишь ценой полного подчинения и позора России и революции. Читая в Бресте газеты

---

¹ Сделав небольшое отступление, Троцкий обратился к Кюльману, который раньше, в подкрепление своей позиции, сослался на решение Верховного суда США по поводу Войны за независимость. «Было бы гораздо интереснее, — сказал Троцкий, — провести параллель не с решением американского верховного суда, но с мнениями... тех великобританских юристов, которые доказывали свое право удерживать в своих руках американские колонии».

² Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 100—104.

³ Там же. С. 133—144.

немецких и австрийских социалистов, он был потрясен тем, что некоторые из них считали мирную конференцию подстроеным спектаклем, исход которого заранее ясен. Кое-кто из немецких социалистов полагал, что на самом деле большевики являются агентами кайзера; и даже те, кто не сомневался в честности Ленина и Троцкого, видели в их стратегии «психологический ребус». Одним из главных мотивов, управлявших поступками Троцкого за столом переговоров, было желание смыть с партии позорное клеймо, и теперь, казалось, его усилия принесли какие-то плоды. Наконец в неприятельских странах начались манифестации и забастовки в поддержку мира, а из Берлина и Вены доносились громкие протесты против стремления Гофмана диктовать условия России. Троцкий приходил к выводу, что советское правительство не должно принимать этих условий. Нужно тянуть время и попытаться установить между Россией и центральными державами такое состояние, которое не будет ни войной, ни миром. В таком убеждении он явился в Смольный, где его ждали взволнованно и нетерпеливо.

Возвращение Троцкого совпало с конфликтом между советским правительством и наконец-то созванным Учредительным собранием. Против ожиданий большевиков и сочувствующих, большинство голосов получили правые эсеры. Большевики и левые эсеры решили распустить собрание и выполнили намерение после того, как оно отказалось ратифицировать декреты Ленина о мире, земле и передаче всей власти Советам. Роспуск сначала оправдывали тем благовидным предлогом, что выборы проходили по устаревшему закону, который при Керенском толковали таким образом, чтобы придать излишний вес зажиточному крестьянскому меньшинству. О парадоксе, который дал ленинской партии большинство в Советах и меньшинство в Учредительном собрании, мы говорили в предыдущей главе. Истинная же причина роспуска заключалась в том, что власть собрания была несовместима с властью Советов. Пришлось бы отменить либо собрание, либо Октябрьскую революцию. Троцкий всем сердцем был за роспуск и неоднократно отстаивал свою позицию в речах и сочинениях, безоговорочно беря на себя моральную ответственность. С 1905—1906 годов он выступал за диктатуру пролетариата в форме советской власти, и, когда ему пришлось выбирать между диктатурой и парламентаризмом, он не колебался.

Однако на сам факт роспуска не повлиял никоим образом. Разгон собрания произошел 6 января, до возвращения Троцкого в Петроград. Когда 7-го числа он прибыл в столицу, они с Лениным пережили несколько тревожных минут, ибо сторонники собрания, видимо, готовились организовать народное возмущение. Но обошлось без возмущения и без последствий, — лишь гораздо позже, во время Гражданской войны, на Волге возникло движение за Учредительное собрание¹.

8 января, через два дня после роспуска собрания, ЦК полностью погрузился в дебаты о войне и мире. Чтобы прозондировать настроение партии, решено было проводить их в присутствии большевистских делегатов, прибывших на III съезд Советов из губерний. Троцкий отчитался о брест-литовской миссии и представил свою формулу: «ни мира, ни войны». Ленин убеждал принять условия немцев. Бухарин выступал за «революционную войну» против Гогенцоллернов и Габсбургов. Голосование принесло поразительный успех сторонникам революционной войны — левым коммунистам, как их называли. Предложение Ленина о немедленном заключении мира поддержали только пятнадцать человек. Резолюция Троцкого получила шестнадцать голосов. Тридцать два голоса были поданы за бухаринский призыв к войне. Однако, поскольку в голосовании принимали участие посторонние, оно не имело обязательного характера для ЦК.

Вскоре вся большевистская партия разделилась на тех, кто выступал за мир, и тех, кто поддерживал войну. За последними стояло значительное, но неоднородное большинство, при мощной поддержке левых эсеров, которые все как один были против мира. Но фракция сторонников войны не была уверена в своей правоте. Она скорее оппонировала миру, чем защищала возобновление военных действий.

11 января, на следующем заседании ЦК, военная фракция яростно обрушилась на Ленина. Дзержинский упрекал его в том, что он трусливо отказывается от программы революции,

---

¹ Антонов-Овсеенко описывает этот инцидент почти с юмором. Ленин получил сообщение о том, что правые эсеры ведут 100-тысячную демонстрацию к Таврическому дворцу. Жена Троцкого видела демонстрантов, и ей показалось, что их было 20 тысяч. Ленин и Троцкий обеспокоенно приказали Антонову-Овсеенко разогнать демонстрацию, если будет необходимо. Антонов повел полк к Таврическому дворцу, но разгонять было некого. Сторонники собрания пришли, нашумели и пропали, как тени. Всего демонстрантов было не больше 5 тысяч (Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. Т. 1. С. 18—19).

как Зиновьев и Каменев отказались от нее в октябре. Согласиться на диктат кайзера, утверждал Бухарин, значит воткнуть нож в спину немецкого и австрийского пролетариата — в Вене как раз шла всеобщая забастовка против войны. По мнению Урицкого, Ленин подходил к проблеме с узко русской, а не международной точки зрения, эту же ошибку он совершил и в прошлом. От имени петроградской парторганизации Косиор отверг позицию Ленина. Самыми решительными защитниками мира были Зиновьев, Сталин и Сокольников. Как в октябре, так и сейчас Зиновьев не видел оснований дожидаться революции на Западе. Он утверждал, что в Бресте Троцкий теряет время, и предупреждал ЦК, что позднее Германия будет диктовать еще более тягостные условия. Более осторожно Сталин выразил то же мнение. Сокольников, доказывая, что нужно думать только о спасении русской революции, сказал любопытную вещь, предвосхитив перемену позиции партии в отдаленном будущем. «История ясно показывает, — сказал он, — что соль земли постепенно перемещается на восток. В XVIII веке солью земли была Франция, в XIX веке Германия, а теперь Россия».

Ленин скептически относился к австрийской забастовке, которой Троцкий и сторонники войны придавали такое значение. Он нарисовал живописную картину военного бессилия России. Он признал, что мир, который он защищает, — «похабный» мир, подразумевая предательство Польши. Но он был убежден, что если его правительство откажется от мира и попытается воевать, то оно будет уничтожено и другому правительству придется принять еще худшие условия. Однако он отверг непродуманные доводы Сталина и Зиновьева о священном эгоизме русской революции. Он не пренебрегал революционным потенциалом Запада, но верил, что мир ускорит его развитие. «Германия еще только берсменна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну».

Пока что формула Троцкого «ни мира, ни войны» давала оппозиционным фракциям возможность компромисса, хотя в душе каждая соглашалась только с той частью, которая отвечала ее целям. Военная фракция принимала формулу, потому что это исключало мир, а Ленин и его единомышленники видели в этом способ не давать хода военной фракции. Ленин предпочитал дать Троцкому возможность сделать еще одну попытку выиграть время, тем более что Троцкий изо всех сил старался убедить левых

коммунистов в неосуществимости революционной войны. По предложению Ленина ЦК уполномочил Троцкого всеми способами оттягивать подписание мира, против голосовал только Зиновьев. Тогда Троцкий предложил такую резолюцию: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». Девять членов ЦК проголосовало за, семь — против. Так партия формально разрешила Троцкому придерживаться в Бресте прежнего курса.

Кроме того, во время этого же перерыва Троцкий выступил с докладом на III съезде Советов. Подавляющее большинство съезда было так категорически настроено в пользу войны, что Ленин держался в тени. Даже Троцкий более решительно говорил о своих возражениях против мира, чем против войны. «Главную речь вечера, — пишет британский очевидец, — произнес Троцкий, чей доклад... слушали с восторженным вниманием. С него не сводили глаз, ибо он достиг зенита своей силы... Человек, воплощавший в себе революционную волю России, обращался к миру вовне... Когда Троцкий закончил свою речь, огромное сонмище русских рабочих, солдат и крестьян поднялось и... торжественно запело «Интернационал». Это был столь же стихийный порыв, сколь и волнующий для тех, кто, как автор, был его очевидцем»¹. Съезд единодушно одобрил доклад Троцкого, но не принял никакого решения и оставил его на усмотрение правительства.

Прежде чем Троцкий отправился в обратный путь, они с Лениным заключили личную договоренность, которая вносила одно существенное изменение в решения ЦК и правительства. Он обещал, что в определенных обстоятельствах откажется от своей линии в пользу ленинской. Его тактика имела смысл до тех пор, пока немцы позволяли ему уклоняться от выбора между миром и войной. Что случится, тревожно спрашивал Ленин, если они решат возобновить военные действия? Ленин был справедливо убежден, что это в конце концов обязательно произойдет. Троцкий не воспринимал эту опасность серьезно, но согласился подписать мир, если страхи Ленина оправдаются. Причина самовольного отхода Троцкого и Ленина от официального решения ЦК и правительства состояла в неопределенности самого решения: проголосовав за формулу «ни мира, ни войны», большевики не предусмотрели вероятности, которая не давала покоя Лени-

---

¹ *Philips Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. C. 224—225.*

ну. Но и личная договоренность двух вождей, как оказалось позднее, допускала двоякое толкование. У Ленина сложилось впечатление, что Троцкий обещал подписать мир при первой же угрозе ультиматума или возобновления немецкого наступления. Троцкий же считал, что обязался принять условия мира, только если немцы действительно начнут новое наступление, и что даже в этом случае он обязался принять только те условия, которые до сих пор предлагали центральные державы, а не те, еще более тяжкие, которые они продиктуют позднее.

К середине января Троцкий вернулся за стол переговоров в Бресте. Тем временем забастовки и мирные демонстрации в Австрии и Германии либо были подавлены, либо зашли в тупик, и противники встретили главу советской делегации с новой уверенностью в собственных силах. Напрасно он, отбросив формальности, просил пригласить в Брест немецких и австрийских социалистов¹. Напрасно он просил для себя разрешения поехать в Вену, чтобы связаться с Виктором Адлером, заявившим протест в австрийском парламенте против поведения генерала Гофмана в Бресте. Однако ему разрешили ненадолго заехать в Варшаву, где поляки шумно приветствовали его, так как он отстаивал независимость Польши.

На данном этапе обсуждения на первый план вышли Украина и Польша. Кюльман и Чернин тайно подготавливали сепаратный мир с украинской Радой. В то же время большевики усиленно продвигали советскую революцию на Украине: распоряжения Рады еще имели силу в Киеве, но Харьков уже был под властью Советов, и представитель Харькова сопровождал Троцкого по его возвращении в Брест. Украинские партии странным образом поменялись местами. Те, кто при царе и Керенском стоял за союз или федерацию с Россией, склонялись к отделению от большого брата. Большевики, раньше выступавшие за отделение, теперь призывали к созданию федерации. Сепаратисты превратились в федералистов и наоборот, но не из соображений украинского или русского патриотизма, а потому, что хотели отделиться от сложившегося в России государственного устройства или, напротив, объединиться с ним. Центральные державы надеялись извлечь выгоду из этой метаморфозы. Приняв вид сторонников украинского сепаратизма, они надеялись прибрать к ру-

---

¹ Немецкое правительство только что отказало социал-демократическим вождям в разрешении поехать в Стокгольм, откуда они собирались связаться с руководителями русской революции.

кам продовольственные и сырьевые ресурсы Украины, в которых отчаянно нуждались, а также повернуть спор о самоопределении против России. Слабая, неуверенная Рада, находясь на грани падения, пыталась опереться на центральные державы, несмотря на данную Антанте клятву верности. В делегацию Рады входили очень молодые, неопытные политики — бурши, по выражению Кюльмана, они только что выбрались из захолустья и были опьянены назначенной им ролью в большой дипломатической игре.

Троцкий и сейчас не возражал против участия Рады в переговорах, но официально уведомил партнеров, что Россия не признает сепаратных соглашений между Радой и центральными державами. Также он предостерег Кюльмана и Чернина от переоценки силы украинского сепаратизма. Тогда делегат от Рады Любинский яростно накинулся на Троцкого и советское правительство, обвиняя их в попрании суверенных прав Украины и насильственном установлении советской власти в Харькове и Киве. «Троцкий так расстроился, что огорчительно было это видеть, — заметил Чернин в своем дневнике. — Необычайно побледнев, он уставился прямо перед собой... Крупные капли пота стекали по его лбу. Очевидно, он глубоко переживал позор оскорбления, нанесенного ему соотечественником в присутствии врага». Позднее Троцкий отрицал, что был в таком замешательстве, но кажется, рассказу Чернина можно доверять. Троцкий конечно же понимал, что его противникам удалось в определенной степени запутать вопрос самоопределения. Может быть, в глубине души он сомневался, не прав ли депутат Рады, утверждая, что украинские Советы не представляют украинский народ¹. Вряд ли Троцкий стал бы особенно мучиться угрызениями совести из-за навязанной Украине советской власти: нельзя укрепить революцию в России, не распространив ее на Украину, которая глубоким клином врезалась между Северной и Южной Россией. Но здесь впервые интересы революции столкнулись с принципом самоопределения, и Троцкий больше не мог сослаться на него с такой же чистой совестью, как до сих пор.

---

¹ Это можно заключить из личного письма Троцкого Ленину, написанного в конце Гражданской войны и находящегося в архивах Троцкого в Гарварде. В этом письме Троцкий прямо заявляет, что советская власть на Украине с самого начала основывалась на присланных из России людях, а не на местных элементах. Затем он просил категорически отказаться от подобного метода управления.

Он снова занял наступательную позицию по вопросу Польши и спросил, почему Польша не представлена в Бресте. Кюльман сделал вид, что участие польской делегации зависит от России, которая должна сначала признать тогдашнее польское правительство. «Здесь нам снова ставят вопрос о том, — сказал Троцкий, — признаем ли мы независимость Польши... Такая постановка вопроса двусмысленна. Признаем ли мы независимость Ирландии? Наше правительство... признает эту независимость, — но пока Ирландия еще оккупирована великобританскими властями. Мы признаем право каждого человека на пищу... но это не обязывает нас каждого голодного человека признавать сытым»¹. Признание права Польши на независимость не подразумевает признания, что она обладает фактической независимостью под немецко-австрийской опекой. Потом убедительно выступил Радек с обвинениями в адрес германо-австрийского засилья в его родной стране: он сказал о насильственной депортации сотен тысяч польских рабочих в Германию, об ужасных условиях, в которых она происходила, о политическом угнетении, о том, как заключались в тюрьмы и лагеря политические лидеры всех польских партий. Был интернирован даже старый недруг Радека Пилсудский, тогдашний командир Польского легиона, сражавшегося на стороне Германии и Австро-Венгрии, и будущий польский диктатор.

21 января, в разгар обсуждения, Троцкий получил от Ленина известие о падении Рады и провозглашении советской власти во всей Украине. Он сам связался с Киевом, проверил факты и уведомил центральные державы о том, что больше он не признает права Рады представлять на конференции Украину.

Это были его последние дни в Брест-Литовске. Взаимные обвинения и упреки достигли такого накала, при котором переговоры зашли в тупик и не могли затягиваться еще дольше. В перерывах между заседаниями Троцкий находил отдых в том, что писал одну из своих второстепенных, но классических работ «От Февраля до Брест-Литовска», предварительный набросок монументальной «Истории российской революции», которую он напишет пятнадцать лет спустя во время ссылки на острове Принкипо. Наконец он отправил Ленину письмо, в котором писал: «Мы заявим, что заканчиваем [переговоры], но не подпишем мира. Они не смогут начать наступление на нас. Если на нас нападут, наше положение не будет хуже теперешнего... Нам

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 162.

нужно знать ваше решение. Мы можем затягивать переговоры еще день, два, три или четыре. Потом их придется прервать»¹. Дальнейшие события не позволили ему ждать нового решения из Петрограда; в любом случае, проведенное до его отъезда голосование давало ему достаточно свободы для действий. Граф Чернин по-прежнему выражал готовность послужить посредником и даже навестил Троцкого в помещении советской делегации, чтобы предупредить о неизбежности нового германского наступления и просить его назвать свои окончательные условия. Троцкий ответил, что готов склониться перед силой, но от него немцы не дождутся свидетельства об их примерном поведении. Пусть, если хотят, аннексируют чужие страны, но не ждут от российской революции, что она будет оправдывать или приукрашивать их насильственные действия.

В последний день перед разрывом центральные державы поставили Россию перед свершившимся фактом: они подписали сепаратный мир с Радой. «Мы официально сообщили противной стороне о падении Украинской Рады, — возражал Троцкий. — Тем не менее переговоры с несуществующим правительством продолжались. Тогда мы предложили австро-венгерской делегации, хотя и в частной беседе, не вполне формально, отправить на Украину своего представителя, дабы... лично убедиться в падении Киевской Рады... Но нам заявили, что подписание договора не терпит отлагательства»². Генерал Гофман приводит в дневнике слова Троцкого о том, что они заключают мир с правительством, которое правит только в своем помещении в Брест-Литовске. Кюльман лицемерно заявил, что немецкие отчеты, «в надежности которых не приходится сомневаться, резко противоречат этому сообщению»³. Что не помешало генералу Гофману заметить в дневнике, что «согласно отчетам, которые лежат передо мной... к сожалению, есть основания считать заявления Троцкого небеспочвенными». Сепаратный мир с Украиной послужил центральным державам только предлогом для того, чтобы взять Украину под свой контроль, и потому полномочия украинских партнеров не имели в их глазах значения. Именно по этой причине Троцкий не мог продолжать переговоры, ибо сделать это означало бы способствовать государственному перевороту и всем вытекающим из

---

¹ Троцкий подтвердил мистеру Уилеру-Беннету подлинность этого письма (см.: *Wheeler-Bennett. The Forgotten Peace.* С. 185—186).

² Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 178—181.

³ Там же. С. 182.

него последствиям: свержению украинских Советов и отделению Украины от России.

На следующий день произошла знаменитая сцена на заседании подкомиссии, когда генерал Гофман развернул большую карту с отмеченными на ней землями, которые Германия собиралась присоединить. Поскольку Троцкий сказал, что он «готов склониться перед силой», но не будет помогать немцам сохранить лицо, генерал, по всей видимости, думал, что, напрямую выложив немецкие претензии, он может сократить дорогу к миру. В тот же день, 28 января (10 февраля), состоялось повторное заседание политической комиссии, Троцкий поднялся и сделал последнее заявление:

«Задачей подкомиссии, как мы ее понимаем, являлось ответить на вопрос, в какой мере предложенная противной стороной граница способна, хотя бы в минимальной степени, обеспечить русскому народу право на самоопределение. Мы выслушали сообщения наших представителей... и мы полагаем, что... наступил час решений. Народы ждут с нетерпением результатов мирных переговоров в Брест-Литовске. Народы спрашивают, когда кончится это беспримерное самоистребление человечества, вызванное своекорыстием и властолюбием правящих классов всех стран? Если когда-либо война и велась в целях самообороны, то она давно перестала быть таковой для обоих лагерей. Если Великобритания завладевает африканскими колониями, Багдадом и Иерусалимом, то это не есть еще оборонительная война; если Германия оккупирует Сербию, Бельгию, Польшу, Литву и Румынию и захватывает Моонзундские острова, то это также не оборонительная война. Это — борьба за раздел мира. Теперь это видно, яснее, чем когда-либо.

Мы более не желаем принимать участия в этой чисто империалистической войне, где притязания имущих классов явно оплечиваются человеческой кровью...

В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пахине, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство».

Слушая эту пылкую речь, делегаты центральных держав едва не аплодировали Троцкому: «Хорошо рычал, лев». Даже сейчас они надеялись, что это был последний рык Троцкого, после которого он, поскуливая, сдастся. Не сразу смысл заявления дошел до них, и тогда, лишенные дара речи, они поняли, что являются свидетелями уникального в своем трагическом подъеме акта¹.

«Мы выходим из войны [продолжал Троцкий]. Мы извещаем об этом все народы и их правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий... В то же время мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов. Эти условия отвергаются трудящимися массами всех стран, в том числе и народами Австро-Венгрии и Германии. Народы Польши, Украины, Литвы, Курляндии и Эстляндии считают эти условия насилием над своей волей; для русского же народа эти условия означают постоянную угрозу. Народные массы всего мира, руководимые политическим сознанием или нравственным инстинктом, отвергают эти условия... Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ»².

«Когда эхо мощного голоса Троцкого стихло, — пишет историк Брест-Литовска Уилер-Беннет, — никто не вымолвил ни слова. Вся конференция сидела, потеряв дар речи, оглушенная дерзостью этого сенсационного выступления. Изумленное молчание нарушил возглас Гофмана. «Unerhört»³, — воскликнул он, шокированный. Заклятие было снято. Кюльман сказал что-то о необходимости созвать пленарное заседание конференции, но Троцкий отказался, сказав, что больше обсуждать нечего. С этим большевики вышли из зала, и за ними в угрюмом молчании, все еще не веря в то, что они услышали, в полной растерянности, не зная, как к этому отнестись, разошлись делегаты центральных держав».

Однако прежде, чем делегации разошлись, произошло нечто, упущенное Троцким из внимания, — нечто, подтвердившее худ-

---

¹ На следующий день Крюге, главный юридический советник немцев, сказал Иоффе, что он искал исторические прецеденты и нашел только один — в далекой древности, во время войн между Персией и Грецией (см. воспоминания Иоффе, приложенные к «Мирным переговорам», с. 262).

² Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 207—208.

³ Неслыханно (нем.).

ные опасения Ленина. Кюльман заявил, что ввиду произошедшего будут возобновлены военные действия, ибо «то обстоятельство, что одна из сторон демобилизует свои армии, ни с фактической, ни с правовой стороны ничего не меняет» — значение имеет только ее отказ подписать мир. Троцкий отнесся к его словам как к пустой угрозе, он ответил, что «ни один честный человек... не скажет, что продолжение военных действий со стороны Германии и Австро-Венгрии явится при данных условиях защитой отечества. Я глубоко уверен, что германский народ и народы Австро-Венгрии этого не допустят». Сам Кюльман дал Троцкому некоторое основание проигнорировать угрозу, когда спросил, готово ли советское правительство хотя бы наладить правовые и коммерческие отношения с центральными державами и каким образом они могут поддерживать связь с Россией. Вместо того чтобы ответить на вопрос, как ему подсказывало собственное убеждение, — что могло бы обязать центральные державы к соблюдению формулы «ни мира, ни войны», — Троцкий надменно отказался это обсуждать.

Он остался в Бресте еще на день. Ему стало известно о ссоре между Гофманом, настаивавшим на возобновлении военных действий, и штатскими дипломатами, предпочитавшими согласиться на состояние между войной и миром. Казалось, что на месте дипломаты взяли верх над военными. Поэтому Троцкий возвращался в Петроград уверенный и гордый своим успехом. В этот миг он стоит перед нашими глазами одновременно во всей своей силе и слабости. «Не имея никакой поддержки за спиной, кроме страны, погруженной в хаос, и едва установленной власти, [он], еще год назад неприметный журналист в нью-йоркском изгнании, успешно [сразился] с объединенными талантами половины европейской дипломатии»¹. Он дал человечеству первый незабываемый урок поистине открытой дипломатии. Но в то же время позволил себе поддаться оптимизму. Он недооценил врага и даже отказался прислушаться к его предостережениям. Он, как великий творец, был так погружен в себя и свой идеал, так заворочен небывалой притягательной силой своего творения, что легкомысленно проглядел его недостатки. Троцкий еще не успел доехать до Петрограда, когда генерал Гофман с согласия Людендорфа, Гинденбурга и кайзера уже отдавал германским войскам приказ о выступлении.

---

¹ Wheeler-Bennett. *The Forgotten Peace*. С. 166.

Наступление началось 17 февраля и не было встречено никаким сопротивлением¹. «Мне еще не доводилось видеть такой нелепой войны, — писал Гофман. — Мы вели ее практически на поездах и автомобилях. Сажаясь на поезд горстку пехоты с пулеметами и одной пушкой и едешь до следующей станции. Берешь вокзал, арестовываешь большевиков, сажаешь на поезд еще солдат и едешь дальше». Когда известие о наступлении достигло Смольного, ЦК партии голосовал восемь раз, но так и не пришел к однозначному решению насчет выхода из создавшейся ситуации. Комитет поровну разделился между сторонниками мира и приверженцами войны. Разрешить тупик мог единственный голос Троцкого. Действительно, в два ближайших дня, 17 и 18 февраля, только он один мог принять судьбоносное решение. Но он не присоединился ни к одной из фракций.

Он находился в очень сложном положении. Судя по его речам и поступкам, многие отождествляли его с военной фракцией, он и впрямь политически и морально стоял ближе к ней, чем к ленинской фракции. Но ведь он дал Ленину личное обещание, что поддержит мир, если немцы возобновят военные действия. Он все еще отказывался верить, что этот миг наступил. 17 февраля он вместе со сторонниками войны проголосовал против ленинского предложения немедленно запросить новых мирных переговоров. Потом он проголосовал вместе с мирной фракцией против революционной войны. И наконец, он выступил с собственным предложением, посоветовав правительству подождать с новыми переговорами, пока не прояснятся военно-политические результаты немецкого наступления. Так как военная фракция поддержала его, то предложение прошло с перевесом в один голос, его же собственный. Тогда Ленин поставил вопрос о заключении мира в том случае, если окажется, что немецкое наступление — это факт и если в Германии и Австрии против него не выступит никакая революционная оппозиция. ЦК ответил на вопрос утвердительно.

Рано утром на следующий день Троцкий открыл заседание ЦК обзором последних событий. Принц Леопольд Баварский только что оповестил мир о том, что Германия защищает все народы, в том числе своих противников на Востоке, от большевистской заразы. Сообщалось о появлении в России немецких дивизий с За-

---

¹ Здесь и далее все даты даются по европейскому календарю, который был принят в России 14 февраля 1918 г.

надного фронта. Немецкие самолеты действовали над Двинском. Ожидалось нападение на Ревель. Все указывало на полномасштабное наступление, но факты еще не были достоверно подтверждены. Радиограмма принца Леопольда указывала на возможность тайного сговора между Германией и Антантой, но не более чем возможность. Ленин настойчиво предлагал немедленно обратиться к Германии. Нужно действовать, говорил он, нельзя терять времени. Либо война, революционная война, либо мир. Троцкий, надеясь, что наступление вызовет серьезный общественный взрыв в Германии, по-прежнему уговаривал, что еще слишком рано просить мира. Предложение Ленина снова было отвергнуто с перевесом в один голос.

Но в тот же день, 18 февраля, еще до наступления вечера произошла драматическая перемена. Открыв вечернее заседание ЦК, Троцкий сообщил, что немцы уже захватили Двинск. Широко распространились слухи об ожидающемся наступлении на Украину. Еще колеблясь, Троцкий предложил «прощупать» центральные державы на предмет их требований, но пока не просить мирных переговоров. «Народ не поймет этого, — ответил Ленин, — раз война, так нельзя было демобилизовать». «Шутить с войной нельзя», иначе «крах революции неизбежен». «Бумажки мы пишем, а они [немцы] пока берут склады, вагоны, и мы околеваем... История скажет, что революцию вы отдали [врагу]. Мы могли подписать мир, который не грозил нисколько революции». Свердлов и Сталин говорили в том же духе. «На пять минут открыть ураганный огонь, — сказал Сталин, — и у нас не останется ни одного солдата на фронте... Не согласен с Троцким; такой вопрос можно поставить в литературе». Однако теперь заколебался Зиновьев, самый яростный защитник мира. Ленин стоял за мир, даже если он означал бы потерю Украины, но Зиновьев не готов был заходить так далеко¹.

Трижды Троцкий выступал против того, чтобы просить немцев о мирных переговорах, и трижды предлагал лишь предварительно прощупать почву. Но когда Ленин снова представил свой план на голосование, Троцкий, к всеобщему удивлению, прого-

---

¹ Об этом заседании есть две записи. По одной, Зиновьев ратовал за мир, говоря, что бисмарковская традиция сотрудничества с Россией еще не умерла в Германии и что немцы так же жизненно заинтересованы в мире, как и русские. Любопытно, сколько будущих принципов советской внешней политики мельком и в зачатках проявляются в этих сумбурных спорах (Протоколы Центрального комитета. С. 242).

лосовал не за свое предложение, а за ленинское. С перевесом в один голос победила мирная фракция. Новое большинство попросило Ленина и Троцкого составить обращение к правительствам вражеских стран. Позднее той же ночью состоялось совещание центральных комитетов двух правящих партий, большевиков и левых эсеров, и во время этой встречи снова взяла верх военная фракция. Но в правительстве большевикам удалось одолеть своих партнеров, и на следующий день, 19 февраля, правительство официально обратилось к врагу с просьбой о мире.

В тревожном ожидании и страхе прошло четыре дня, прежде чем в Петроград пришел ответ от немцев. Тем временем никто не мог бы сказать, на каких условиях центральные державы согласятся вновь открыть переговоры и согласятся ли вообще. Их армии продвигались. Петроград был открыт для нападения. В городе сформировали комитет революционной обороны, и возглавил его Троцкий. Даже ища мира, Советам приходилось готовиться к войне. Троцкий обратился к союзным посольствам и военным представительствам с вопросом, помогут ли Советам западные державы, если Россия снова вступит в войну. Он и раньше пытался выяснить этот вопрос, но без успеха¹. Однако на этот раз британцы и французы проявили большую отзывчивость. Через три дня после того, как была отправлена просьба о мире, Троцкий сообщил ЦК (в отсутствие Ленина) о том, что англичане и французы предложили военное сотрудничество. К его горькому разочарованию, ЦК наотрез отказался от него и тем самым отверг его действия. Обе фракции обратились против него: защитники мира потому, что опасались, будто принятие помощи от союзников снизит шансы сепаратного мира, а поборники войны потому, что соображения революционной морали, которые не давали им вступить в соглашение с Германией, мешали им согласиться на сотрудничество с «англо-французскими империалистами». Тогда Троцкий заявил, что уходит с поста комиссара иностранных дел. Он не может оставаться на своем посту,

---

¹ Полковник Робинс рассказывает, что в январе Троцкий предложил американским офицерам поехать на фронт, дабы помочь остановить утечку товаров из России в Германию и переправить запасы сырья в глубь страны. Затем Троцкий сказал, что, даже если Советы подпишут сепаратный мир, они не заинтересованы в укреплении Германии (*Hard. Raymond Robins' Own Story*. С. 64—65). «Правительства союзников и американцев, — комментирует Робинс, — скорее позволяют Германии завладеть всем русским сырьем на границе России, чем признают существование Троцкого» (Там же. С. 70—71).

если партия не понимает, что социалистическое правительство имеет право принимать помощь от капиталистических стран при условии, что она сохранит полную независимость¹. В конце концов он переубедил ЦК, и его твердо поддержал Ленин.

Наконец от немцев прибыл ответ, потрясший всех. Германия давала Советам сорок восемь часов на обдумывание ответа и только три дня на переговоры. Условия были гораздо хуже тех, что предлагались в Бресте: Россия должна провести полную демобилизацию, отказаться от Латвии и Эстонии и выйти из Украины и Финляндии. Когда 23 февраля собрался ЦК, у него осталось меньше суток на принятие решения. Исход снова зависел от одного голоса Троцкого. Он уступил Ленину и согласился запросить мира, но ничто не обязывало его принимать новые, гораздо более тяжкие, условия. Он не соглашался с Лениным в том, что Советская республика совершенно не способна защититься. Напротив, он больше прежнего склонялся к военной фракции. «Доводы В.И. Ленина, — сказал он, — далеко не убедительны; если мы имели бы единодушие, могли бы взять на себя задачу организации обороны, мы могли бы справиться с этим... Мы не были бы в плохой роли, если бы даже принуждены были сдать Питер и Москву. Мы бы держали весь мир в напряжении. Если мы подпишем сегодня германский ультиматум, то мы завтра же можем иметь новый ультиматум... Мы можем подписать мир; потерять опору в передовых элементах пролетариата, во всяком случае поведем к его разложению»².

И однако, несмотря на его опасения по поводу мира, несмотря на уверенность в способности Советов защитить себя, он снова обеспечил своим голосом победу мирной фракции.

Его странное поведение нельзя объяснить, не рассмотрев внимательнее доводы и мотивы группировок и расстановку сил между ними. Ленин стремился получить «передышку» для Советской республики, которая дала бы возможность навести в стране относительный порядок и создать новую армию. За передышку он готов был заплатить любую цену — уйти из Украины и стран Прибалтики, выплатить любую контрибуцию. Он не считал этот «позорный» мир окончательным. Он тоже считал революционную войну неизбежной и не однажды вспоминал Тильзитский мир, который в 1807 году Пруссии продиктовал Напо-

---

¹ Протоколы Центрального комитета. С. 243—246.

² Там же. С. 248.

леон и которым прогрессивные прусские деятели фон Штейн и Гнейзенау воспользовались для модернизации в армии и стране и подготовки ответного удара. Ленин следовал их примеру и добавок надеялся, что во время передышки в Германии сможет созреть революция и отменить кайзеровские завоевания.

На это военная фракция возражала тем, что центральные державы не позволят Ленину использовать передышку: они отрежут Россию от украинского зерна и угля и кавказской нефти, подчинят половину российского населения, будут финансировать и поддерживать контрреволюционное движение и задушат революцию. Помимо этого, Советы не в силах сформировать новую армию во время короткой передышки. Вооруженные силы придется создавать в процессе борьбы, потому что это единственный возможный способ. Это правда, что Советы, возможно, будут вынуждены эвакуировать Петроград и даже Москву, но у них хватит места для отступления, где они соберутся с силами. Даже если окажется, что народ не хочет воевать за революцию, как и за старый режим, — лидеры военной фракции вовсе не считали, что так обязательно будет, — тогда каждое продвижение немцев, сопровождающееся ужасами и грабежами, стряхнет с народа усталость и апатию, заставит его сопротивляться и, наконец, вызовет поистине всенародное воодушевление и поднимет его на революционную войну. На волне этого воодушевления воздвигнется новая, грозная армия. Революция, не запятнанная жалкой капитуляцией, возродится, она взволнует душу иностранного пролетариата и рассеет кошмар империализма.

Каждая фракция была убеждена в гибельности курса, предлагаемого противной стороной, и обсуждение проходило в наэлектризованной, эмоциональной атмосфере. По-видимому, один Троцкий утверждал, что с реалистической точки зрения обе линии имеют свои за и против и обе допустимы, исходя из принципов и революционной морали.

Это давно стало избитой мыслью у историков — к чему впоследствии приложил руку сам Троцкий, — что ленинский курс отличался всеми достоинствами реализма, а военная фракция воплощала самый донкихотский аспект большевизма. Подобный взгляд несправедлив по отношению к лидерам сторонников войны. Действительно, политическое своеобразие и мужество Ленина возвели его в те дни на высоту гениальности, и дальнейшие события — падение Гогенцоллернов и Габсбургов и отмена Брестского договора еще до истечения года — подтвердили его

правоту. Верно и то, что военная фракция часто действовала под влиянием противоречивых чувств и не предложила последовательного курса действий. Но в свои лучшие минуты ее лидеры доказывали свою правоту убедительно и реалистично, и по большей части их доводы также оправдались на практике. Передышка, которую получил Ленин, по сути, была наполовину иллюзорной. После подписания мира кайзеровское правительство сделало все, что было в его силах, чтобы задушить Советы. Однако ему помешала борьба на Западном фронте, отнявшая огромные силы. Без сепаратного мира на Западе Германия была не в состоянии добиться большего, даже если бы Советы не приняли брестского диктата. Бухарин и Радек, протестуя против капитуляции, доказывали, что война на два фронта сильно ограничивает свободу действий Германии. В дальнейшем, когда вскрылась подоплека войны, выяснилось, что их взгляды оказались ближе к истине, чем ленинские. Одна оккупация Украины и Южной России связала руки миллионам немецких и австро-венгерских войск. Если бы Россия отказалась подписать мир, Германия в лучшем случае могла бы попытаться захватить Петроград. Едва ли она стала бы рисковать, выступив на Москву¹. Если бы вражеские войска захватили и Петроград, и Москву, Советы, опиравшиеся в основном на две столицы, оказались бы в чрезвычайно опасном, может быть, критическом положении. Но не об этом спорили Ленин и военная фракция, ибо он тоже со странной уверенностью неоднократно заявлял, что потеря одной или обеих столиц не стала бы смертельным ударом для революции².

Другой аргумент военной фракции, о том, что Советам придется создавать новую армию на поле боя, в сражениях, а не в казармах во время спокойной передышки, как ни парадоксально, был весьма реалистичен. Именно так в конечном итоге и создавалась Красная армия, и речи Бухарина и Радека на VII съезде партии предвосхитили в этом отношении военный курс Троцкого и Ленина в последующие годы. Именно потому, что Россия настолько измождена войной, она не могла собрать новую ар-

---

¹ Людендорф утверждает, что о глубоком немецком наступлении не могло быть и речи — планировался только короткий энергичный удар (*Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen. С. 447*).

² Один Сталин утверждал, что сдача любой столицы означает распад, разложение революции; и в этом как защитник мира он был в некотором смысле последовательнее Ленина (Протоколы Центрального комитета. С. 248).

мию в относительно спокойные времена. Только тяжелое потрясение и неотвратимая опасность, принуждавшая бороться, и бороться немедленно, могла пробудить скрытую в советском строе энергию и заставить ее действовать. Только так могло случиться, что страна, которая при царе, князе Львове и Керенском была слишком истощена, чтобы держать оружие, при Троцком и Ленине почти три года вела гражданскую войну и сражалась с интервенцией.

Слабость военной фракции была не столько в ее неправоте, сколько в отсутствии руководства. Главными выразителями ее мнения были Бухарин, Дзержинский, Радек, Иоффе, Урицкий, Коллонтай, Ломов-Оппоков, Бубнов, Пятаков, Смирнов и Рязанов, все видные члены партии. Одни отличались огромным умом и были блестящими ораторами и публицистами, другие храбрцами, людьми действия. Однако ни один из них не обладал неукротимой волей, нравственным авторитетом, политическими и стратегическими талантами, тактической гибкостью и административными способностями, необходимыми лидеру в революционной войне. Пока у военной фракции не было такого лидера, она представляла лишь умонастроение, моральное брожение, буквальный крик отчаяния, а не политический курс, пусть даже большая часть партии вначале разделяла ее настроение и вторила крику отчаяния. Место вождя военной фракции пустовало, и она бросала призывные взгляды на Троцкого. Кстати сказать, в ее рядах было много его старых друзей, которые вместе с ним вступили в большевистскую партию. На первый взгляд, мало что могло помешать Троцкому ответить на их ожидания. Хотя он говорил, что ленинская стратегия, как и противоположная, имеет свои достоинства, он не скрывал своего внутреннего неприятия этой стратегии. Тем более поразительно то, что в самые критические моменты он всем своим авторитетом поддерживал Ленина.

Он не спешил стать вождем военной фракции, так как понимал, что это тотчас бы превратило разногласия в непоправимый раскол большевистской партии и, возможно, в кровавый конфликт. Они с Лениным оказались бы по разные стороны баррикад как лидеры враждующих партий, разделенных не обычными расхождениями, но вопросами жизни и смерти. Ленин уже предупредил ЦК, что если в вопросе мира он снова не получит большинства голосов, то выйдет из комитета и правительства и обратится против них к рядовым членам партии. В таком случае Троцкий оставался единственным преемником Ленина на посту

главы правительства. Но в качестве главы правительства, обязавшего вести чрезвычайно тяжелую войну в отчаянных условиях, ему пришлось бы подавить оппозицию и почти наверняка принять репрессивные меры против Ленина. Обе фракции, сознавая эту опасность, воздерживались от явных угроз. Но невысказанные страхи читались между строк. Именно для того, чтобы не дать партии скатиться в гражданскую войну в своих же рядах, в решающий момент Троцкий голосовал за Ленина¹.

Аналог ситуации, которая возникла бы, если бы Троцкий пошел себя иначе, можно найти в истории французской революции в виде треугольника, сложившегося между Парижской коммуной, Дантоном и Робеспьером. В 1793 году Коммуна (и Анахарсис Клоуз) выступали, как позднее Бухарин и левые коммунисты, за войну против антиреволюционных правительств Европы. Дантон защищал войну против Пруссии и договор с Англией, где, как он надеялся, Уильяма Питта должен был сменить Фокс. Робеспьер убеждал Конвент начать войну против Англии и хотел заключить договор с Пруссией. Дантон и Робеспьер объединились против Коммуны, но после ее подавления рассорились. Гильотина легко разрешила все их разногласия.

Троцкий часто смотрел на русскую революцию сквозь призму французской и должен был заметить эту аналогию. Возможно, он вспомнил замечательное письмо Энгельса Виктору Адлеру, объяс-

---

¹ Через двадцать лет, во время чисток и судов, Бухарина обвинили в том, что во время брестского кризиса он пытался осуществить переворот против Ленина и арестовать его. От этой версии, которая должна была придать правдоподобие обвинению Бухарина в заговоре против Сталина, нужно отказаться. Однако вожди военной фракции должны были в какой-то момент задуматься о том, что им делать, если в ЦК они получат большинство. Тогда им пришлось бы формировать правительство без Ленина, и если бы Ленин продолжал упорствовать, то они, возможно, были бы вынуждены его арестовать. В 1923 г. Зиновьев утверждал, что Бухарин и Радек всерьез обсуждали такую возможность с левыми эсерами. Радек это отрицает, по его словам, они только в шутку говорили об аресте Ленина. Полковник Робинс, свидетель, совершенно не заинтересованный и поддерживавший тесную связь с большевистскими вождями, еще в 1920 г. рассказывал об одном эпизоде между Радеком и Лениным, когда Радек якобы сказал, что, если бы в Петрограде нашлось пятьсот смелых человек, они бы посадили Ленина в тюрьму и дали бы стране возможность вести революционную войну. Ленин ответил, что сначала он бы посадил в тюрьму своего собеседника (*Hard. Raymond Robin's Own Story*. С. 94). Если бы затевался какой-то серьезный заговор, то Радек поспешил бы заранее предупредить о нем Ленина. Но, несмотря на шутовскую диалог, последствия придают ему серьезный оттенок.

няющее все «метания» французской революции случайностями войны и порожденными ею спорами. Наверняка Троцкий видел себя в роли потенциального Дантона, в то время как Ленин вызывал в его воображении Робеспьера. Между ним и Лениным на миг как будто пала тень гильотины. Мы не хотим сказать, что в случае обострения конфликта Троцкий, подобно Дантону, обязательно бы проиграл или что Ленин, подобно Робеспьеру, намеревался все внутривнутрипартийные споры решать при помощи гильотины. Здесь сходство заканчивается. Было очевидно, что военная фракция в случае своей победы будет вынуждена подавить оппонентов — иначе она не решит свою задачу. Мирное разрешение партийного кризиса было возможно только при победе сторонников мира, которые могли позволить себе проявить терпимость. В глазах Троцкого это соображение было решающим. Чтобы прогнать тень гильотины, он принес в жертву принципы и личные амбиции.

На ленинскую угрозу об отставке он, обращаясь скорее к поборникам войны, чем к Ленину, ответил: «Вести революционную войну при расколе в партии мы не можем... При создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной, тем более что часть сторонников войны не хочет материальных средств для ведения войны [то есть помощи западных держав]»¹. «Я на себя не возьму ответственности голосовать за войну». Позднее он добавил: «В позиции Ленина много субъективизма. У меня нет уверенности, что позиция его правильна, но я ничем не хочу мешать единству партии, напротив, буду помогать чем могу, но я не могу оставаться и нести персональную ответственность за иностранные дела»².

Лидеры военной фракции не разделяли опасений Троцкого. Дзержинский, в то время уже глава ЧК³, утверждал, что партия достаточно сильна, чтобы пережить раскол и уход Ленина. Ломов-Оппоков, руководитель московских большевиков, возразил Троцкому: «Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без Владимира Ильича». Однако в ходе полемики серьезность и настоятельность доводов Троцкого произвели на защитников войны Дзержинского и Иоффе такое впечатление, что они пошли на попятную. Ленин получил семь голосов за мир. В ЦК семь голосов были меньшинством. Но так как Троцкий и трое

¹ Протоколы Центрального комитета. С. 248.

² Там же. С. 251.

³ ЧК — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, предшественница ГПУ.

сторонников войны воздержались и только четверо проголосовали против Ленина, то условия мира были приняты. Трое воздержавшихся, Иоффе, Дзержинский и Крестинский, заявили: «Если же произойдет раскол, ультимативно заявленный Лениным, и нам придется вести революционную войну против германского империализма, русской буржуазии и части пролетариата во главе с Лениным, то положение для русской революции создастся еще более опасное, чем при подписании мира», поэтому они воздерживаются от голосования. Но непримиримые сторонники войны Бухарин, Урицкий, Ломов-Оппоков, Бубнов (и Пятаков со Смирновым, присутствовавшие на заседании) объявили решение в пользу мира мнением меньшинства и в знак протеста ушли со всех ответственных постов в партии и правительстве. Напрасно Ленин пытался отговорить их от этого шага. Троцкий, принеся поражение левым коммунистам, отнесся к ним с теплотой и сочувствием и огорченно заметил, что голосовал бы иначе, если бы знал, что это приведет к уходу товарищей¹.

Мирная фракция победила, но ее совесть была неспокойна. Сразу же после того, как 23 февраля ЦК решил принять условия немцев, он единодушно проголосовал за начало немедленной подготовки к новой войне. Когда дело дошло до назначения делегации в Брест-Литовск, произошел трагикомический эпизод: все члены комитета уваливали от сомнительной чести; ни один, даже самый ярый сторонник мира, не хотел ставить свою подпись под договором. Сокольников, в итоге возглавивший новую делегацию, угрожал выйти из состава ЦК, когда предложили его кандидатуру, и только спокойное убеждение Ленина заставило его пойти на уступку. Когда с этим вопросом было покончено, Троцкий попросил — под усмешки Сталина, за которые Сталин позднее извинился, — о том, чтобы ЦК рассмотрел его отставку из Комиссариата иностранных дел, фактически находившегося под управлением Чичерина. ЦК обратился к Троцкому с просьбой остаться на посту до подписания мира. Он согласился лишь публично не заявлять о своей отставке и сказал, что больше не появится ни в одном

---

¹ На том же заседании произошла любопытная сцена. Ленин заверил побежденных оппонентов, что они имеют полное право вести агитацию против мира. Возражая, Сталин заметил, что раз вожди военной фракции настолько недисциплинированны, что ушли со своих постов, то они автоматически поставили себя вне партии. И Ленин и Троцкий категорически возражали против заявления Сталина, и Сталину пришлось его отозвать (Протоколы Центрального комитета. С. 254—255).

правительственном учреждении. По настоянию Ленина ЦК обязал его посещать по крайней мере те заседания правительства, где не обсуждались иностранные дела.

После недавних напряжений, побед и провалов Троцкий находился на грани нервного срыва. Создавалось впечатление, что его усилия в Бресте пошли прахом, и многие так действительно думали и говорили. Его не без оснований упрекали за то, что он внушил партии ложное ощущение безопасности, так как неоднократно заверял, что немцы не посмеют напасть. За ночь кумир превратился в преступника. «Вечером 27 февраля, — пишет М. Филипс-Прайс, — ЦИК заседал в Таврическом дворце, и выступал Троцкий... До этого он исчез на несколько дней, и никто не знал, что с ним случилось. В тот вечер он, однако, явился во дворец... метал копыя убийственных насмешек в империализм центральных держав и союзников, на чей алтарь принесли в жертву русскую революцию. Закончив, он снова удалился. Ходили слухи, что он испытывал такую горечь унижения и обиды, что не выдержал и разрыдался».

3 марта Сокольников подписал Брест-Литовский мирный договор, более чем ясно дав понять, что Советы действуют под давлением. Меньше чем за две недели немцы захватили Киев и значительную территорию Украины, австрийцы вошли в Одессу, а турки в Трапезунд. На Украине оккупационные власти ликвидировали Советы и восстановили Раду, правда, только затем, чтобы чуть погодя разогнать и Раду и вместо нее поставить во главе марионеточной администрации гетмана Скоропадского. Временные победители завалили ленинское правительство требованиями и ультиматумами, один унизительнее другого. Самым горьким был ультиматум, по которому Советская республика должна была немедленно подписать мир с «независимой» Украиной. Украинский народ, особенно крестьяне, оказывал отчаянное сопротивление оккупантам и их местным орудиям. Подписав с Украиной сепаратный договор, Советы тем самым однозначно отреклись бы от всего украинского сопротивления. На заседании ЦК Троцкий потребовал отвергнуть немецкий ультиматум. Ленин, ни на минуту не забывая о будущей мести, был настроен испить чашу унижения до конца. Но после каждой немецкой провокации и в партии, и в Советах усиливалась оппозиция миру. Брестский договор еще не был ратифицирован, и ратификация стояла под вопросом.

6 марта в Таврическом дворце состоялся чрезвычайный съезд партии, который должен был решить, рекомендовать ли ратификацию будущему съезду Советов. Заседания проходили в обстановке строгой секретности, и протоколы были опубликованы только в 1925 году. На съезде царила атмосфера глубокого уныния. Провинциальные делегаты обнаружили, что перед угрозой немецкого наступления готовилась эвакуация правительственных учреждений из Петрограда, хотя даже правительство Керенского отказалось от этого шага. Комиссары уже «сидели на чемоданах» — на месте должен был остаться только Троцкий для организации обороны. Делегаты доложили съезду об общем падении популярности партии в массах¹. Еще недавно желание мира было столь сильно, что свалило февральский режим и привело большевиков к власти. Но теперь, когда мир наступил, упреки посыпались в первую очередь на партию, которая его добилась.

На съезде основные споры неизбежно разгорелись вокруг деятельности Троцкого. В самой своей острой речи Ленин убеждал ратифицировать мир. Его главные доводы были направлены против военной фракции, но он сурово осудил и «большую ошибку» Троцкого, лежавшую в основе его формулы «ни мира, ни войны», — его уверенность, что немцы не нападут, принятие желаемого за действительное. Военная фракция бросилась на защиту Троцкого. «Даже шовинистская немецкая пресса, — сказал Радек, — должна была признать, что пролетариат Германии — против Гинденбурга и за Троцкого. Наша политика в Брест-Литовске не обанкротилась, не была какой-то иллюзией, она была реальной революционной политикой». Для советского правительства было гораздо лучше, что мир заключается только после начала немецкого наступления, потому что тогда никто не усомнится в том, что оно действует по принуждению. Но потом Радек выразил разочарование военной фракции в Троцком: «Упрекать Троцкого можно единственно только в том, что после Брестского акта он перешел на другую сторону и воздержался при голосовании... В этом мы имеем право упрекать товарища Троцкого, и мы его упрекаем».

Троцкий снова объяснил свое поведение, и на этот раз без обиняков. Бухарин, Радек и «сторонники революционной войны

---

¹ Местные организации, говорилось в официальном отчете, были слабы и дезорганизованы, и съезд отразил состояние всей партии, всего рабочего класса, всей России (VII съезд РКП(б). С. 4—5).

считали, что война — это единственное решение и единственное спасение, они обязаны были, нарушая формальные партийные соображения, поставить вопрос ребром... При слабости страны, при пассивности крестьян, при несомненно мрачном настроении у пролетариата еще угрожал раскол партии... От моего голосования зависело очень многое... Я воздержался и этим сказал, что на себя ответственность за будущий раскол партии взять не могу. Я считал более целесообразным отступить [перед германской армией], чем подписывать мир, создавая фиктивную передышку, но я не мог взять на себя ответственность за руководство партией».

Как показывают протоколы, это было единственный раз, когда он открыто заявил, что уклонился от возможности сменить Ленина во главе партии. «Опасность [раскола], — прибавил он, — не исчезает и не уменьшается, если развитие европейской революции будет совершаться слишком медленно». Он признал, что неправильно оценил намерения немцев, но напомнил Ленину, что они оба согласились прервать переговоры. Он сказал, что с глубоким уважением относится к ленинскому курсу, но не к тому, как ленинская фракция добивается своего. Она способствует апатии и капитулянтству, которые деморализуют рабочий класс и затрудняют создание необходимой всем новой армии. «Ратификация представляется неизбежной», — сказал он, но уступкам должен быть какой-то предел: нельзя уступить Ленину и подписать договор с прислужниками немцев на Украине¹. А в следующем его замечании содержится намек на вероятность самого зловещего характера. Если партия настолько бессильна, что вынуждена покинуть в беде украинских рабочих и крестьян, то «либо мы заявляем, что мы явились слишком рано и уходим в отставку, уходим в подполье, предоставляя сводить счеты с... Украиной Чернову, Гучкову, Милюкову... Но я думаю, что уходить в отставку мы должны, если это придется, как революционная партия, то есть борясь до последней капли крови»². До сих пор он никогда еще так явно не говорил о том, что русская революция могла оказаться фальстартом, и в ушах марксиста его слова пробуждали самые мрачные ассоциации: Маркс и Энгельс неоднократно писали, какая трагическая судьба постигает революционеров, которые

---

¹ «Ленин... готов отступить, отступить и отступить даже тогда, когда Троцкий хватает его за фалды», — сказал Рязанов во время дебатов (VII съезд РКП(б). С. 91).

² Там же. С. 85.

«явились слишком рано»¹. Наконец, вспомнив «акт большого самоограничения», совершенный Дзержинским, Иоффе, Крестинским и им самим, то, как они «пожертвовали своим «я» ради большевистского единства, он сказал Ленину, что курс, предлагаемый им и мирной фракцией, — это «опасный путь, который может привести к тому, что спасет жизнь, отказываясь от ее смысла»².

Ленин снова пригрозил уйти: он сказал, что уйдет, если съезд свяжет ему руки в украинском вопросе. Нет измены, убеждал он, в поступке солдат, отказавшихся спасать из окружения товарищей по оружию, понимая, что они слишком слабы и погибнут сами, никого не сумев спасти. Таково положение Советской России по отношению к Украине. На этот раз с Лениным согласилось большинство.

Однако Троцкий поставил на обсуждение поправку к ленинской резолюции о «необходимости» мира — он предложил заменить слово «необходимый» словом «допустимый». С трибуны съезда он не мог исчерпывающе объяснить, почему снова колеблется после того, как столько сделал для поддержки ленинского курса. Они с Лениным тайно и в полном согласии снова прощупывали Антанту: окажут ли помощь союзники, если ратификация мира не состоится. В ожидании ответа Ленин даже откладывал созыв съезда Советов, который должен был голосовать по вопросу ратификации. Он практически обещал президенту Вильсону денонсировать Брестский договор, если президент твердо обязуется помочь. На съезде партии Ленин сделал загадочное замечание, что ситуация меняется так быстро, что через два дня он сам, может быть, выступит против ратификации. Поэтому Троцкий старался сделать так, чтобы съезд сформулировал не слишком жесткую резолюцию. Однако в глубине души Ленин не ждал обнадеживающего ответа от Антанты и вновь оказался прав. Он согласился прозондировать почву по просьбе Троцкого и для очистки совести, но в то же время

---

¹ «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство... он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо... Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно» (*Engels F. The Peasant War in Germany. С. 135—136*).

² VII съезд РКП(б). С. 86.

добивался, чтобы съезд одобрил мир без оговорок. Так съезд и поступил.

Во время дебатов Троцкий вспомнил «акт большого самоограничения» и жертву своим «я». Это замечание приводит на ум слова его друга времен ранней юности: «я» Троцкого управляло всеми его поступками, но революция управляла его «я». Черта характера восемнадцатилетнего юноши осталась в выдающемся и знаменитом тридцативосьмилетнем мужчине. Его поведение во время брест-литовской драмы свидетельствовало о том, что он подчиняет личные амбиции и склонности интересам партии. Но теперь, когда Ленин одержал полный триумф, самолюбие Троцкого было уязвлено и с трибуны нерадостного съезда взывало о возмещении обид. За горячими спорами о мире последовало курьезное препирательство о заслугах и промахах Троцкого. Крестинский, Иоффе и Рязанов, его друзья и сторонники, предложили съезду принять резолюцию с одобрением его деятельности в Бресте. Как ни посмотреть, в тот момент нелепо было выступать с такой инициативой. Съезд только что постановил, что мир является безусловной необходимостью, и нельзя было ждать от делегатов, что те задним числом благословят состояние «ни мира, ни войны». Из-за того что защитники Троцкого принадлежали к фракции войны, их попытка приобрела вид последней вылазки побежденного меньшинства. Съезд не был настроен давать Троцкому категорически отпор за брестскую неудачу, но предпочел бы не ворошить прошлое. Однако когда встала необходимость выразиться яснее, делегаты не смогли удержаться от упрека. Они отвергли резолюцию с одобрением Троцкого, и это ранило его самолюбие и гордость. Он воскликнул, что «имена участников делегации [стали] самыми ненавистными именами для буржуазии Германии и Австро-Венгрии; и сейчас вся германская и австро-венгерская пресса полна обвинений... по моему адресу в том смысле, что мы повинны в срыве мира... Хотел этого или не хотел партийный съезд, но он это подтвердил своим последним голосованием, и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия».

В то время во внутрипартийных советах как раз обсуждалось или решалось назначение Троцкого комиссаром по военным и морским делам, и делегатам съезда не терпелось хоть как-то его вознаградить. В шуме и сумятице было внесено несколько резолюций, состоялось множество голосований, но результат их был неясен. Во время этих недостойных пререканий Ленин хранил мол-

чание. От имени ленинской фракции Зиновьев заверил Троцкого, что тактика Троцкого «в общем и целом была правильной тактикой, которая была направлена к тому, чтобы поднимать массы на Западе». Но Троцкий должен понять, что партия изменила позицию, что бессмысленно спорить о формулировке «ни мира, ни войны». Сначала съезд принял зиновьевскую резолюцию, после чего проголосовал за предложение Радека, которое ей противоречило, и затем принял еще одну резолюцию, текст которой противоречил предложению Радека. «Неслыханная в истории вещь, — жаловался Троцкий, — чтобы партия перед лицом врага отказывалась от политики, которую вело ее представительство». В порыве досады он саркастически предложил резолюцию, осуждавшую его позицию. Съезд, разумеется, ее отверг, и Троцкий вышел из драки. Когда дело дошло до избрания Центрального комитета, он и Ленин получили наибольшее количество голосов. Осудив его линию, партия тем не менее оказала ему полное доверие.

Прошло четыре суматошных месяца с тех пор, как Советы ратифицировали мир. Совнарком переехал из Петрограда в Москву и обустроился в Кремле. Союзные дипломатические миссии тоже покинули Петроград, но в знак протеста против сепаратного мира уехали в провинциальную Вологду. Троцкий стал народным комиссаром по военным и морским делам и начал «вооружать революцию». Японцы вторглись в Сибирь и оккупировали Владивосток. Немецкие войска подавили финскую революцию и вынудили российский флот уйти из Финского залива. Кроме того, они оккупировали всю Украину, Крым и побережья Азовского и Черного морей. Британцы и французы высадились в Мурманске. Чешский легион взбунтовался против Советов. Поощряемые иностранными интервентами, российские контрреволюционные силы возобновили смертельную войну против большевиков, подчинив ей принципы и совесть. Многие из тех, кто лишь недавно называл большевиков немецкими агентами, первым делом Милюков со товарищи, приняли помощь от Германии для борьбы с большевиками. В Москве и городах Северной России, отрезанной от житниц, начался голод. Ленин объявил полную национализацию промышленности и призвал комитеты крестьянской бедноты реквизировать еду у зажиточных крестьян, чтобы накормить городских рабочих. Было подавлено несколько настоящих восстаний и несколько воображаемых заговоров.

Никогда еще заключение мира не приносило столько страданий и унижений, сколько принес России Брестский «мир». Но Ленин на протяжении всех этих бед и разочарований лелеял свое детище — революцию. Он не хотел денонсировать Брестский договор, хотя не однажды нарушал его условия. Он не перестал призывать к бунту немецких и австрийских рабочих. Несмотря на оговоренное разоружение России, он дал санкцию на создание Красной армии. Но ни при каких обстоятельствах Ленин не разрешал своим единомышленникам поднимать оружие против Германии. Он вызвал в Москву большевиков, руководивших украинскими Советами, которые хотели из подполья нанести удар по оккупационным властям. По всей Украине немецкая военная машина крушила партизан. Красная гвардия смотрела на их агонию из-за российской границы и томилась желанием броситься на помощь, но Ленин обуздывал ее твердой рукой.

Троцкий давно перестал сопротивляться заключению мира. Он согласился с окончательным решением партии и с его последствиями. Солидарность с наркомками и партийная дисциплина в равной мере обязывали его придерживаться ленинского курса. Троцкий верно следовал этому курсу, хотя за преданность ему пришлось заплатить внутренней борьбой и часами горьких мучений. Сторонники революционной войны среди большевиков, лишённые вождя, запутавшиеся, замолчали. Тем громче и нетерпеливее выступали левые эсеры против мира. В марте, сразу же после ратификации договора, они вышли из Совнаркома. Они по-прежнему участвовали почти во всех правительственных ведомствах, включая ЧК, а также в исполнительных органах Советов. Но, озлобленные всем происходящим, они не могли находиться в оппозиции к правительству и в то же время отвечать за его действия.

Такова была ситуация, когда в начале июля 1918 года в Москве собрался V съезд Советов. Левые эсеры решили довести дело до конца и размежеваться с большевиками. Снова раздались гневные протесты против мира. Украинские делегаты поднимались на трибуну, чтобы рассказать об отчаянной борьбе партизан и умолять о помощи. Вожди левых эсеров Камков и Спиридонова осудили «большевистскую измену» и потребовали освободительной войны.

Камков и Спиридонова были выдающимися революционерами старого народовольческого типа. Они боролись против царизма с бомбами в руках и заплатили за смелость многими годами

одиночного заключения и каторги. Их слушали скорее как героев и мучеников, чем как вождей и политиков. Они не желали взвешивать все за и против. Они требовали от победившей революции героизма и мученичества, до которых возвысились сами. Большевикам как партии было далеко не свойственно подобное пылкое безрассудство. Но призывы Спиридоновой и Камкова все же глубоко трогали сердца многих большевиков и конечно же Троцкого. На съезде Камков подошел к дипломатической ложе, откуда слушал дебаты немецкий посол граф Мирбах, и, указав на него, излил свое отвращение к немецкому империализму и кайзеру. Съезд аплодировал его смелости. В душе Троцкий наверняка поступил бы так же. В конце концов, ведь Камков только повторял то, что он сам говорил в Бресте, и в словах Камкова и Спиридоновой, казалось, звучало эхо его собственного голоса. Прошло лишь несколько месяцев с тех пор, как он торжественно и уверенно поклялся, что большевики будут защищать честь революции до последней капли крови, и выразил надежду, что левые эсеры сделают то же. Еще меньше времени прошло с тех пор, как он говорил товарищам, что лучше признать, что они взяли власть преждевременно, чем равнодушно смотреть на судьбу Украины. А между тем он последовал за Лениным по пути, который, как он надеялся, спасет революцию. Но в глубине души он не мог осуждать тех, кто этого не сделал.

Поэтому он, как ни парадоксально, взял на себя зловещую роль, когда 4 июля попросил съезд санкционировать чрезвычайный приказ, изданный им в качестве комиссара по военным и морским делам. Приказом в российских партизанских отрядах вводилась суровая дисциплина, так как они угрожали сорвать мир самовольными стычками с немецкими войсками. Вот его текст: «Приказываю: всех агитаторов, которые после объявления настоящего приказа будут призывать к неподчинению Советской власти, арестовывать и препровождать в Москву на суд Чрезвычайного трибунала. Всех агентов иностранного империализма, которые будут призывать к наступлению [против Германии] и оказывать сопротивление Советским властям с оружием в руках, расстреливать на месте».

Троцкий с идеальной логикой доказывал необходимость этого приказа. «Я не намерен и не имею права поднимать вопроса о том, какая политика — война или мир — правильна или неправильна»: на этот вопрос окончательно ответил предыдущий съезд Советов — верховная конституционная власть в государстве.

Троцкий сказал, что никто не имеет права присваивать себе функции правительства и самостоятельно решать вопрос о начале военных действий. Проводимая среди красногвардейцев и партизан «бесчестная демагогическая агитация» приняла опасные формы. Комиссаров, призывавших к миру, убили; комиссию, направленную для расследования дела из Москвы, обстреляли; его другу Раковскому, в то время председателю делегации на переговорах с Радой, грозили бомбами. «Вы понимаете, товарищи, что с такого рода вещами шутить нельзя, что я, как лицо ответственное в настоящий момент за поведение красноармейских частей...»

В этот момент Камков перебил его криком: «Керенский!» Еще один левый эсер обвинил его в бонапартизме. «Керенский! — ответил Троцкий. — Керенский оберегал волю буржуазных классов, я же здесь отвечаю перед вами, представителями русских рабочих и крестьян, и если вы здесь вынесете мне порицание и примете другое решение, — решение, с которым я могу соглашаться или нет, то я, как солдат революции, ему подчинюсь и буду его выполнять». Таким образом он ясно дал понять, что действует из солидарности с правительством, членом которого является, а не по причине фундаментальных разногласий с оппозицией. Кроме того, он сказал, что в настоящий момент нарушение мира может быть выгодно только «крайним немецким захватчикам и насильникам, которые не удовлетворены даже Брест-Литовским миром», и «англо-французским империалистам, которые снова хотят вовлечь Россию в империалистическую бойню». Невзирая на яростные нападки левых эсеров, он по-прежнему обращался к ним с мягким убеждением и пока не возлагал на них ответственность за разжигание войны¹. Когда Спиридонова раскритиковала его милитаристский, бонапартистский стиль, он ответил, как бы оправдываясь: «Я сам, товарищи, не любитель военного стиля как такового и привык в жизни и в литературе применять стиль публициста, который я более всего предпочитаю. Но каждая деятельность имеет свои последствия, в том числе и стилистические, и в качестве комиссара по военным и морским делам, который запрещает хулиганью расстреливать наших представителей, я являюсь не публицистом и не могу выражаться в том лирическом тоне, которым говорила товарищу Спиридонова».

---

¹ Только в конце дебатов Троцкий обвинил левых эсеров, но даже и тогда он ясно дал понять, что его обвинения направлены против отдельных людей, а не партии в целом. На самом деле партия в целом отчаянно пыталась нарушить мир (Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 275).

Тогда Спиридонова тоже оставила «лирический тон». Эта невысокая, хрупкая женщина взошла на трибуну, чтобы обвинить Ленина и Троцкого в предательстве. «Левые социалисты-революционеры возьмут в руки те же револьверы, те же бомбы, какими они пользовались в борьбе с царскими чиновниками», — угрожала она. Так она предупредила их о восстании, до которого оставалось еще два дня. Садуль оставил яркое описание сцены и того, как по-разному отреагировали на угрозу Ленин и Троцкий:

«Ленин встает. Его странное лицо, похожее на лицо фавна, как всегда, спокойно и насмешливо. Он не перестал и не перестанет смеяться над оскорблениями, нападками и прямыми угрозами, которыми забрасывают его. В этой трагической обстановке, когда он знает, что на кону стоит его дело, его идея, его жизнь, этот громкий смех, непринужденный и искренний, который некоторые находят неуместным, производит на меня впечатление необычайной силы. То и дело... еще более колкому оскорблению на какую-то секунду удается заморозить этот смех, который столь обиден и досаден противнику...

Рядом с Лениным Троцкий тоже пытается смеяться. Но гнев, волнение, возбуждение превращают его смех в гримасу боли. Тогда его оживленное, выразительное лицо гаснет... и исчезает под мифистофельской, наводящей ужас маской. У него нет стальной воли учителя, его холодной головы, совершенного самообладания. И все же он... не так неумолим».

Конечно, Ленину было легче уверенно смотреть в лицо противникам: он с самого начала был твердо убежден, что мир — единственное спасение революции. В искаженном лице Троцкого отражался его внутренний конфликт.

6 июля шумные дебаты были прерваны убийством немецкого посла графа Мирбаха. Убийцы Блюмкин и Андреев, два левых эсера, ответственные работники ЧК, действовали по приказу Спиридоновой, надеясь спровоцировать войну между Германией и Россией¹. Сразу же после этого левые эсеры подняли восстание против большевиков. Им удалось арестовать Дзержинского

---

¹ Позднее Блюмкин раскаялся в своем поступке, вступил в большевистскую партию, отличился в Гражданской войне и снова поступил в ЧК. В 20-х он сочувствовал троцкистской оппозиции, но по совету Троцкого продолжал служить в ГПУ. Когда Троцкого сослали на Принкипо, Блюмкин тайно навестил его там и вернулся в Москву с посланием от Троцкого к оппозиции. Однако, прежде чем он смог доставить письмо, его арестовали и расстреляли (архивы Троцкого, Гарвард).

и других начальников ЧК, которые без охраны направились в штаб повстанцев. Эсеры заняли почту, телеграф и объявили стране о свержении ленинского правительства. Но у них не было вождя и плана действия, и через два дня стычек и перестрелок они сдались.

9 июля вновь собрался съезд Советов, и Троцкий доложил о подавлении восстания. Он сказал, что мятежники застигли правительство врасплох. Оно отправило из столицы несколько надежных отрядов сражаться против чехословацкого легиона. Свою безопасность правительство вверило все той же Красной гвардии, состоявшей из левых эсеров, которые и устроили восстание. Единственное, что Троцкий мог выставить против повстанцев, это полк латышских стрелков под командованием Вацетиса, бывшего полковника Генштаба и в недалеком будущем главнокомандующего Красной армией, и революционный отряд австро-венгерских военнопленных под началом Бела Куна, будущего основателя Венгерской коммунистической партии. Но восстание имело почти фарсовый характер, если не с политической, то с военной точки зрения. Повстанцы были бандой смелых, но неорганизованных партизан. Они не смогли скоординировать свою атаку и в конце концов сдались даже не силе, а уговорам большевиков. Троцкий, который как раз налаживал дисциплину в рядах красногвардейцев и партизан и реформировал их отряды в централизованную Красную армию, воспользовался восстанием как объективным уроком, наглядно показавшим правильность его военной линии. И даже тогда он не без сожаления говорил о повстанцах, о том, что вместе с другими защищал их в правительстве. «Какая жалкая игра зарвавшихся ребят!» — сказал он о мятеже, но прибавил, что «такого рода ребятам места здесь нет»¹. Руководители восстания были арестованы, но амнистированы через несколько месяцев. Лишь несколько из них, те, кто злоупотребил высоким положением в ЧК, были казнены.

Так, пока Троцкий отбивался от упрямого эха своего же страстного протеста против мира, закончился судьбоносный брест-литовский кризис.

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 276 и дальше.

Глава 12

ВООРУЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

«Война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней... Ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам». Эта сентенция Клаузевица описывает войну между государствами, в которой тождественность стратегии и политики часто скрыта и далеко не очевидна. В гражданской войне она проявляется прямо и неприкрыто. Каждым этапом войны управляют законы политики, они диктуют воюющим сторонам девять из десяти шагов и выносят окончательный приговор на поле боя. Когда в середине марта 1918 года Троцкий был назначен комиссаром по военным и морским делам и председателем Высшего военного совета, он даже не отложил перо, чтобы взять в руки меч, — он атаковал и тем и другим.

Троцкий взялся совершить чудо — создать армию на пустом месте. Вооруженных сил старого режима больше не было. На Дону и Северном Кавказе несколько отрядов старой армии, сочувствующих большевикам, противостояли первым соединениям Белой гвардии. Но в военном отношении они были настолько ничтожны, что правительство предпочло скорее распустить их, чем пытаться сохранить для новой армии: оно очень опасалось, что остатки старой армии могут заразить новую пороком анархии. Таким образом, когда-то гигантская военная сила целиком пошла на слом, и единственное, что осталось от нее и могло идти в бой, это дивизия латышских стрелков под началом полковника Вацетиса. Кроме них, большевики располагали рабочими-красногвардейцами и партизанскими отрядами. Все они горели

энтузиазмом и порой не были лишены самодисциплины, но практически не имели подготовки и эффективной организации. Их число нельзя было назвать внушительным. В октябре 1917 года петроградская Красная гвардия насчитывала не больше 4 тысяч, а московская не больше 3 тысяч хорошо обученных и вооруженных бойцов. С октября их число не успело значительно вырасти. На таких скромных основаниях зарождалась Красная армия, в которой через два с половиной года под ружьем будет стоять 5 миллионов человек.

Сухие цифры дают лишь слабое представление о трудностях. Самые большие препятствия лежали в морально-политической области. Когда Троцкий приступил к организации Красной армии, он словно сжигал все, чему раньше поклонялся, и поклонялся всему, что раньше сжигал. Большевики осуждали милитаризм, учили солдата бунтовать против дисциплины и видеть в офицере своего врага. Они делали это не из враждебности к армии как таковой, но потому, что видели в этой армии орудие враждебных интересов. Их агитация имела такой оглушительный успех, что рикошетом ударила по самим большевикам. Поэтому им пришлось ломать сформированный ими же образ мысли, прежде чем они смогли создать армию, которая была необходимым условием выживания советской власти. Настроение общества варьировалось от пацифистского отвращения к войне до мнения, что революция может опереться на Красную гвардию и партизан и не нуждается в регулярной армии, а также что солдатам принадлежит неотчуждаемое право выбирать командиров и комитеты. Когда Троцкий впервые заявил о том, что солдатские комитеты не могут вести армию в бой и армии нужна централизация и дисциплина, его слова прозвучали как осквернение революционного табу.

Кроме того, весь механизм управления находился в таком запустении, что попытка создать новую армию казалась безнадежной. Троцкий принял военное ведомство из рук коллегии трех комиссаров — Подвойского, Антонова-Овсеенко и Дыбенко, не добившихся особых успехов. С ноября Троцкий номинально возглавлял всероссийскую коллегию по военным делам, но брестский кризис помешал ему уделять достаточно внимания этой должности. Коллегия подготовила декрет от 15 января 1918 года о создании добровольческой армии. Подобно большинству законов и указов того периода, в декрете утверждался принцип, который пока не мог действовать. В стране не существовало госу-

дирственных учреждений, которые бы призывали новобранцев, размещали их в казармах, одевали и кормили. Не было офицеров и унтер-офицеров, которые бы обучали призывников. Только в апреле, через месяц после вступления в новую должность, Троцкий начал формировать региональные и местные управления военированного комиссариата, то есть призывные пункты, но между изданием декрета и его выполнением по-прежнему лежала целая пропасть. За пять месяцев после Октябрьского восстания удалось сделать только то, что в нескольких городах несколько сотен красногвардейцев начали учиться на командиров.

В первых же официальных заявлениях, сделанных Троцким на новом посту, содержались основные элементы его военной политики. Главным образом он обращался к членам партии и Советов: только при их поддержке он мог выполнить свою задачу. Он внушал им, что революция должна перейти от первой, разрушительной, фазы к следующей, созидательной, и лозунг его был таков: «Труд, дисциплина и порядок спасут Советскую республику». Для начала переход следовало сделать именно в военной области, ибо от этого зависело спасение революции. Он не стал оппортунистически критиковать первую разрушительную фазу, которая, по его словам, принесла России пробуждение человеческой личности. В нем историческое значение и величие первой фазы революции. Но в «пробужденной личности», восстающей против былого угнетения, вскрывались эгоцентрические и антиобщественные черты: «Вчера еще человек массы, он был ничем, рабом царя, дворянства, бюрократии, придатком машины фабрикантов... тяглом... Сегодня, освободившись от этого, он впервые почувствовал себя личностью и начинает думать, что он... центр мироздания»¹. Долг партии состоял в том, чтобы внушить ему новую, сознательную общественную дисциплину. Для этого сама партия должна преодолеть антимилиитаристский уклон в своих рядах: слишком многие большевики видели в любой армии инструмент контрреволюции. Перед партией не стояла неотложная задача по формированию развитой армии, скорее была необходимость в создании ее ядра. Власть принципиально объявила всеобщую обязательную военную подготовку, но непосредственно вербовали в армию и обучали только добровольцев. Кроме того, партия должна была преодолеть уклон в сторону выборных командиров и солдатских комитетов, так как

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 39.

не в них состояла сущность революционной демократии. Демократический принцип требовал, чтобы массы выбирали и контролировали правительство, но не присваивали его функции и не лишали его права назначения. Красная армия должна задействовать бывших царских офицеров. Для решения вопросов обороны не хватало одних таких качеств, как отвага, революционный энтузиазм и готовность к самопожертвованию. «Как для промышленности нужны инженеры, для земледелия ученые агрономы, так и для дела обороны необходимы военные специалисты»¹.

В то время как вершители революции изо всех сил сопротивлялись необходимости подчиниться приказам старорежимных генералов и полковников, генералы и полковники с такой же неохотой отдавали в распоряжение большевиков свой опыт и знания. Однако нашлось и несколько исключений. Первым офицером высокого звания, добровольно перешедшим на службу новой власти, был генерал Бонч-Бруевич, бывший командующий Северным фронтом. Его переманил на свою сторону брат, известный большевистский писатель. Троцкий доверил генералу задачу, которая была не по силам прапорщику Крыленко, назначенному главнокомандующим в первые дни после революции, — организацию Генерального штаба. Но лишь очень немногие офицеры последовали примеру Бонч-Бруевича, и они подошли к службе со всеми привычками профессиональных военных, приученных действовать в жестких, упорядоченных рамках регулярной армии и неловких в атмосфере революции. Радек рассказывает о первых совещаниях Троцкого с офицерами в апреле 1918 года. Много дней офицеры высказывали и обсуждали свои идеи, а Троцкий молча их выслушивал. Предлагались всевозможные планы по восстановлению старой армии, но ни в одном не учитывался психологический подъем масс. Затем Троцкий нарисовал перед ними свою схему призыва добровольцев. В ответ офицеры только недоуменно промолчали и пожалы плечами. Они приписывали падение старой армии недостатку дисциплины и были уверены, что в добровольческой армии никакой дисциплины в принципе быть не может. План Троцкого показался им причудой дилетанта-революционера.

Но по Троцкому, программу действий в области войны диктовала политика. Сначала ему пришлось зачислять на службу энтузиастов революции, ибо только им была присуща самодисципли-

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 29.

лина и позднее можно было рассчитывать на то, что они внушат дисциплину и остальным. Даже призыв добровольцев оказался неслегким делом. Призывные пункты наводнили авантюристы и охотники за легкой добычей, их приходилось тщательно отсеивать. Только в конце лета 1918 года Троцкий приступил к испытанию принципа воинской повинности; и власти призвали некоторое количество промышленных рабочих Петрограда и Москвы. Когда были набраны первые 10 тысяч рабочих, это отмечали как подвиг. Призыв постепенно продолжался, хотя по мере расширения воинской повинности рабочие стали выказывать нежелание служить в армии. Но убеждение и призывы к классовой солидарности в основном оказывали свое действие. Только когда было сформировано пролетарское ядро армии, Троцкий начал призывать крестьян, сначала бедноту, потом середняков. Они нередко дезертировали в массовом порядке, и боевой дух у них в большой степени зависел от успехов и неудач Гражданской войны¹.

Так как в зависимости от частых и незапланированных уменьшений и расширений территории, находящейся под властью Советов, приходилось периодически собирать новые армии взамен потерянных, этот процесс повторялся в разное время в разных губерниях. Поэтому до конца Гражданской войны Красная армия являлась весьма пестрым в организационном отношении образованием. Закаленные, дисциплинированные дивизии бились бок о бок с отрядами, похожими на толпу, вооруженную кто во что горазд. Что, в свою очередь, повышало нестабильность и нервозность, характерную для революционной армии, сформированной в обстановке всеобщего хаоса. Если, несмотря на это и на хроническую нехватку боеприпасов, униформы и сапог, несмотря на голод и эпидемии, Красная армия с успехом выдержала испытание, этим она была обязана своему устройству, состоящему как бы из концентрических, постепенно расширяющихся колец, причем каждое представляло отдельный общественный слой и по-своему было предано революции. В каждой дивизии, в каждом полку большевистское ядро плачиво пролетарские элементы, а через них и крестьянские массы, колеблющиеся и ненадежные.

---

¹ Кулаков, как и городскую буржуазию, призывали только на вспомогательные службы и в трудовые отряды. Люди, отказывавшиеся нести воинскую повинность по религиозно-этическим соображениям, получали освобождение.

22 апреля 1918 года Троцкий изложил свой план перед ЦИКом Советов¹. Когда он дошел до царских офицеров, меньшевики подняли крик. «Так происходят Наполеоны!» — воскликнул Дан. Мартов обвинил Троцкого в том, что он мостит дорогу для новой корниловщины. Обвинения звучали неубедительно, так как исходили от партии, которая едва не отдала революцию прямо в руки Корнилова. Серьезно возражали левые эсеры, для них это был принципиальный вопрос, а не мелочь. Но самое упорное и мощное сопротивление поднялось среди большевиков. Ими двигали самые разные мотивы. Большинство левых коммунистов, выступавших против Брестского мира, отвергали политику Троцкого во имя освободительного духа революции. Они не желали мириться с централизованной регулярной армией, не говоря уж об офицерском составе, набранном из царских генералов и полковников. Под предводительством И.Н. Смирнова, Бухарина, Пятакова и Бубнова левые коммунисты обрушились на Троцкого с такой откровенной и яростной критикой, с какой выступали против Ленина в спорах по поводу Бреста. В своей нынешней оппозиции они видели продолжение прошлой борьбы: они отказывались заключать какой-либо компромисс со старым режимом, будь то во внешней или внутренней политике.

---

¹ Декрет, представленный Троцким ВЦИКу, начинался следующими словами: «Социализм имеет одной из своих основных задач освобождение человечества от милитаризма и от варварства кровавых столкновений между народами. Целью социализма являются всеобщее разоружение, вечный мир и братское сотрудничество всех народов, населяющих землю» (*Троцкий* Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 123—124). Также ВЦИК утвердил написанный Троцким текст красноармейской присяги:

«Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

Перед лицом трудящихся классов России и всего мира, я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело...

Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину...

Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

Я обязуюсь, по первому зову рабочего и крестьянского правительства, выступить на защиту Советской Республики... и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов — не щадить ни своих сил, ни самой жизни.

Если по злему умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона» (Там же. С. 125).

Другой элемент оппозиции составили те, кто принадлежал к внутренней большевистской иерархии. Как правило, эти люди стояли за централизованную власть и строгую дисциплину и в левых коммунистах видели безответственных смутьянов. Принципиально они ничего не имели против предложенной Троцким концепции новой армии, но бывший офицерский корпус вызывал у них сомнения. Одни подозревали, и не совсем безосновательно, что офицеры вступят в Красную армию с целью уничтожить ее изнутри, а другие ревниво отнеслись к тому, что их просили разделить недавно обретенное высокое положение с бывшими врагами. Ревность и подозрение смешались в сильном чувстве, которое выразилось в позиции ЦК партии. Даже соглашаясь допустить офицеров в Красную армию, большевики делали это с большими оговорками и то и дело давали волю сдерживаемым чувствам. Они окольным путем отвергали политику Троцкого, критикуя не принцип, но детали и исполнение.

Две эти противодействующие силы частично совпадали по своим взглядам, из них составилась неопределенный альянс. Они заручились поддержкой комиссаров и командиров Красной гвардии и партизанских групп, обычных рабочих и унтер-офицеров, которые отличились в первые недели восстания, были окружены героическим ореолом и категорически не желали подчиняться царским генералам или какому-либо другому военному начальству.

Здесь был затронут и более широкий вопрос, касающийся отношения нового государства к ценностям дореволюционной эпохи, а также к интеллигенции, воплощавшей сумму идей, знаний и профессионализма, приобретенных при старом порядке. Этот вопрос имел важнейшее значение для всех аспектов жизни в Советской республике, но в военной области стоял необычайно остро. Среди большевиков и обычных рабочих бытовала сильная неприязнь к профессионалам, пользовавшимся при царе свободой и привилегиями, пока революционеры проводили свои лучшие годы в ссылках и тюрьмах. Они с возмущением услышали, что революция должна вернуть царских «лакеев» и «буржуазных филистеров» на прежние уважаемые и влиятельные места. Однако именно так и пришлось поступать, если советская власть не хотела расшатать основания своего же будущего, обрушив на интеллигенцию революционную месть. Без врачей, ученых и технических специалистов, которых и без того не хватало, без писателей и художников народ в конце концов опустился бы до уровня перво-

бытного варварства, к которому он и так опасно приблизился. Поэтому в спорах о «специалистах» косвенно отразились споры о том уровне цивилизации, с которого нужно начинать «строительство» социализма. Троцкий неоднократно ставил этот вопрос в его широком контексте, а не только в отношении военной целесообразности. Он утверждал, что «культурное наследие», перешедшее в руки революции, надо хранить, совершенствовать и развивать, и, пока революция вынуждена защищаться, военный опыт и знания нужно считать частью этого наследия. Подобные увещевания занимают десятки страниц в его военных сочинениях и принадлежат как к военной, так и культурной истории советского режима.

Альянс групп, не согласных с политикой Троцкого, был тем более внушительным, что Ленин долго хранил молчание по поводу царских офицеров, хотя самым категорическим образом настаивал на внимательном и тактичном отношении к гражданским «специалистам». Военная организация партии, от чьего содействия зависело очень многое, была решительно настроена против политики Троцкого. Конфликт разразился, когда ее лидер Лашевич, член ЦК и близкий друг Зиновьева, публично заявил, что партия берет старых генералов только затем, чтобы «выжать их как лимон и выкинуть». Зиновьев выступал в том же духе, как будто вознамерившись уязвить офицерское чувство собственного достоинства и помешать попыткам Троцкого поставить их на службу советской власти¹. Некий генерал Новицкий, добровольно объявивший о том, что готов служить большевикам, написал Троцкому открытое письмо, в котором отказывался сотрудничать, так как он не желает быть «выжатым и выброшенным как лимон». В ответ Троцкий категорически осудил нападки на офицеров. «Те бывшие генералы, — писал он, — хотя бы и консервативного образа мыслей, которые добросовестно работают в настоящих трудных и неблагоприятных условиях, заслуживают несравненно больше уважения рабочего класса, чем те лжесоциалисты, которые интриганствуют в разных щелях»².

---

¹ Ильин-Женевский А.Ф. Большевики у власти. С. 87—89.

² Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 135; Ильин-Женевский А.Ф. Указ. соч. С. 89—90. На первый взгляд слова Троцкого были направлены против небольшевистской оппозиции, но на самом деле против Зиновьева и Лашевича. Он недвусмысленно отверг их позицию по отношению к офицерам.

Троцкий не просто торопился успокоить офицеров. Он искренне возмущался грубыми и оскорбительными выпадами Зиновьева и Лашевича. Даже по окончании Гражданской войны, когда необходимость в помощи царских офицеров отпала, он продолжал требовать, чтобы к ним относились с должным уважением. Он утверждал, что их нужно использовать даже после формирования нового офицерского корпуса, потому что ни одно цивилизованное и построенное на разумных началах общество не может позволить себе разбрасываться умелыми, знающими и заслуженными людьми. Он говорил от веры в нравственное величие революции, которое должно трогать даже людей консервативного воспитания, и гневно упрекал в малодушии тех большевиков, кто считал, что если человек когда-то был царским офицером, то он навсегда останется глух к призыву социализма.

Он сам старался внушить офицерам идею нравственного величия революции, омраченного ее бедствиями. Поэтому в некоторых его обращениях к офицерам содержится самая волнующая апология революции. Таков, например, отрывок из речи на открытии военной академии в 1918 году. По большей части речь была посвящена учебному плану академии, но в ней прозвучали слова, которые едва ли когда-нибудь слышали стены военных академий:

«Люди, непривычные к революции и ее психологии... могли с известным ужасом... глядеть на тот разгул и произвол анархии, который наблюдался на поверхности революционных событий. Но в этом разгуле, в явлениях самых отрицательных, когда вчерашний раб — солдат, попавший в вагон первого класса, срывал бархатную обшивку себе на портянки, в этом вандальском проявлении все же было пробуждение личности. Этот загнанный, затравленный русский крестьянин, которого били по физиономии, которого ругали самыми последними словами, попал в первый раз, может быть, в вагон первого класса, увидел бархат, а у него в сапогах были вонючие онучи, портянки, он сорвал бархат и сказал, что и он имеет право на кусок хорошего сукна или бархата. На второй, на третий день, месяц или год, нет, месяц, он понял безобразие расхищения народного достояния, но пробужденная личность, индивидуальность... в нем уже остались навсегда. Задача — ввести ее в рамки коллектива, заставить ее почувствовать себя не номером, не рабом, как раньше, и не только Ивановым и Петровым, но Ивановым-личностью»¹.

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 165.

Совершенно уверенный в силе своего интеллекта, Троцкий часто и сурово критиковал призванных им же генералов за их приверженность рутине, узость, а иногда высокомерие. Хотя он упрямо убеждал братья на службу офицеров старой армии, он весьма решительно и энергично взялся за обучение бывших унтер-офицеров и простых рабочих для нового офицерского корпуса. Он называл унтер-офицеров будущими «несокрушимыми офицерскими кадрами Советской Республики», говорил, что в русской революции, как и во французской, именно они несут маршальские жезлы в своих ранцах. К концу Гражданской войны «царские» офицеры составляли только треть командиров — две трети вышли из рядовых, и среди них были многие будущие маршалы и генералы Второй мировой. Но в 1918 году более трех четвертей командирского и административного состава Красной армии составляли офицеры царской армии, а в высшем командовании их доля была еще больше.

Конечно, среди них попадались настоящие и будущие предатели. Некоторые поджидали случая вступить в Белую гвардию, другие разворачивали войска таким образом, чтобы они несли потери и поражения, третьи передавали важные секреты вражеским штабам. Вскоре после того, как Троцкий занял должность наркомвоенмора, он выступал главным свидетелем на процессе адмирала Щастного, который обвинялся в подрывной деятельности. Адмирала приговорили к смертной казни по показаниям Троцкого. Процесс должен был внушить зарождающейся армии мысль, которая была совершенно естественной для любой зрелой армии: определенные поступки будут считаться изменой и наказываться. Это должно было припугнуть офицеров, сочувствовавших Белой гвардии. Во время Гражданской войны мало какое наказание, кроме смертной казни, оказывает профилактическое действие. Угроза тюрьмы не пугает потенциального предателя, ибо он в любом случае надеется на победу противника, который его освободит, прославит и наградит, или хотя бы на амнистию по окончании Гражданской войны. Приказы Троцкого по войскам изобиловали прямыми угрозами в адрес белогвардейских агентов. Но даже страх перед смертной казнью не был серьезным сдерживающим фактором для офицеров на линии фронта. Тогда Троцкий приказал братья на учет их семьи, дабы потенциальный предатель понимал, что в случае его перехода к врагу он оставит в заложниках жену и детей. Это была жестокая мера, и Троцкий использовал всю мощь своего красноречия, чтобы угроза прозвуч-

чала как можно весомее. Он оправдывал ее тем, что иначе революция потерпит поражение и ничто не защитит революционные классы от мщения белогвардейцев. Много невинных людей пострадало от паники, подозрительности и яростных вспышек Гражданской войны, и Троцкому очень часто приходилось напоминать излишне ревностным подчиненным, что цель террора состояла не в уничтожении потенциальных врагов, а в том, чтобы заставить их служить революционному государству.

Рядом с офицером он поставил комиссара. Прецеденты этого нововведения, как и многих других нововведений, можно найти в истории Великой французской революции, да и Керенский назначал армейских комиссаров. Но до сих пор комиссары прикреплялись только к высшим командирам и выполняли неясную роль. Троцкий поставил их на каждом уровне армейской лестницы, от командира роты до главнокомандующего. Также он постарался четко определить обязанности командира и комиссара. Первый отвечал за военную подготовку и проведение операций, второй за лояльное поведение командира и боевой дух в войсках¹. Ни один военный приказ не считался действительным, если не был подписан и командиром и комиссаром. Но как бы четко ни разделялась их ответственность в теории, авторитет военной власти оказался расколот надвое. Неизбежно должны были возникнуть соперничество и зависть. Офицер сопротивлялся контролю со стороны комиссара, комиссар отказывался примириться с тем, что полковник и генерал стоят ниже его в политическом смысле и выше в военном. Троцкий пытался сохранить равновесие в этой иерархии. Иногда комиссары считали его офицерским защитником, а офицеры — главным комиссарским подстрекателем; и так как он действовал невзирая на личности, то нажил немало врагов. Но в то же время у Троцкого появилось и множество преданных сторонников среди офицеров, благодарных ему за восстановление доброго имени, и среди комиссаров, считавших, что Красная армия обязана своей политической сплоченностью и силой его плану. В целом система действовала, хотя и не без трения, и альтернативы ей не было. Под бесконтрольным командованием бывших царских офицеров Красная армия пережила бы политический коллапс. Под началом дилетантов большевиков она была бы обречена на поражение на поле боя. Са-

---

¹ См. речь, которую прочел Троцкий на первом съезде комиссаров в Москве в июне 1918 г. (*Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 130 и дальше*).

мую большую похвалу, хотя и нерадостную, эффективность этой системы заслужила от генерала Деникина, своей жертвы: «Советское правительство может гордиться ловкостью, с которой оно поработило волю и разум русских генералов и офицеров и сделало из них невольное, но послушное орудие»¹.

Еще одна невыполненная задача состояла в централизации Красной армии и установлении единого командования. Троцкий приступил к расформированию Красной гвардии и партизанских отрядов. Применение в армии партизанских отрядов не принесло пользы, так как они заражали регулярные подразделения «партизанским духом». В конце концов Троцкий потребовал полного роспуска партизанских отрядов и пригрозил суровым наказанием тем командирам и комиссарам, которые желали включить их в состав своих подразделений. Он настаивал на том, что армия должна быть организована в единообразные дивизии и полки. Из-за этого возникали бесчисленные конфликты с партизанами, особенно анархистской армией батьки Махно². Но даже в дивизиях с командирами-большевиками централизация и единообразие зачастую существовали только на словах. Многим большевикам вынужденная централизация была тем более ненавистна, что она требовала подчинения «царскому» генералу. Левые коммунисты откровенно выражали несогласие. Не таким явным, но тем более эффективным средоточием сопротивления была 10-я армия, стоявшая в Царицыне, будущем Сталинграде, под началом Ворошилова.

В середине 1918 года в Советской республике фактически все еще не было армии. Если бы иностранная интервенция тогда же взялась за дело так, как она взялась позднее, если бы Белая гвардия была готова, то Советы оказались бы в отчаянном положении. Но ход событий благоприятствовал большевикам: он сообщил примерно одинаковую скорость и ритм стараниям обеих сторон по формированию и организации вооруженных сил. Белая гвардия, как и Красная армия, только начала создаваться. Немецкое наступление ограничилось югом, войска Ан-

---

¹ Деникин А. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 146.

² Было предпринято несколько тщетных попыток добиться примирения с махновцами. В одной из таких попыток Троцкий публично заявил, что обвинять Махно в сотрудничестве с Белой гвардией несправедливо, но категорически осудил поведение махновцев в военном и политическом отношении. В конце концов кавалерия Буденного разогнала и уничтожила махновские банды (см.: Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 2. Кн. 2. С. 210—212, 216—217).

танты высадились только в отдаленных пунктах: Мурманске, Архангельске и Владивостоке; и в Центральной России большевики собирались с силами в относительной безопасности. Отчасти поэтому они до этого так медленно продвигались вперед на военном поприще. Чтобы ускорить процесс, нужна была неминуемая и смертельная опасность. Неожиданно такая опасность явилась в виде чехословацкого легиона, составленного в начале войны из военнопленных, которые хотели воевать против Австро-Венгрии.

По Брестскому договору советское правительство обязалось разоружить легион. Условие выполнялось с такой неохотой и небрежением, что легион оставил при себе большую часть вооружения. Сначала британцы и французы предлагали вывезти легион морем из какой-нибудь российской гавани, и советское правительство согласилось на это. Однако впоследствии Антанта не предоставила кораблей и решила оставить легион в России, где его можно было использовать либо против большевиков, либо против немцев, либо против и тех и других. Троцкий гарантировал легионерам полную безопасность и дал им право жить и работать в России, если они того пожелают. Пока легион бесцельно перебрасывали с места на место по Уралу и Сибири, среди легионеров прошел тревожный слух о том, что большевики собираются отправить их в Германию. Чехи взялись за оружие. Они быстро овладели обширными районами на просторах азиатской России, не охваченных красноармейцами, свергли местные Советы и объединились с колчаковскими белогвардейцами.

Когда чехи захватили волжский город Самару, Троцкий объявил первую обязательную мобилизацию рабочих. Новобранцев срочно отправили из Москвы на борьбу с легионом. Большинство из них не прошли предварительной подготовки, а оружие получили уже в пути. Во время чехословацкого мятежа против большевиков взбунтовались левые эсеры. Как известно, московские большевики имели в своем распоряжении только латышских стрелков под началом Вацетиса и отряд сочувствующих военнопленных под началом Белы Куна. После подавления московского восстания латышские стрелки тоже отправились на борьбу с чехами. Ситуация на Волге усугублялась предполагаемой изменой полковника Муравьева, который отбил попытку Керенского взять Петроград и затем отличился в сражениях на юге и был назначен командующим Восточным фронтом. Поступили сведе-

ния, что Муравьев сочувствует левым эсерам, и большевики обвинили его в тайном сговоре с чехами и Колчаком. По одной версии, он совершил самоубийство после разоблачения, по другой — его расстреляли. Тем временем чехи захватили Уфу, Симбирск и Екатеринбург.

В Екатеринбурге большевики держали в заключении царскую семью: они хотели поставить царя перед революционным трибуналом, как Карла I в Англии и Людовика XVI во Франции; и Троцкий выбрал себе роль главного обвинителя. Но наступление белочехов и Колчака застало местных большевиков, как они утверждали, врасплох, так что у них не осталось времени, чтобы организовать безопасную эвакуацию царя и царской семьи. Они опасались, что белогвардейцы спасут царя и он объединит под своим флагом все силы контрреволюции, до сих пор разрозненные из-за отсутствия какого-либо единого управления. Может быть, вспомнив изречение Марата «Горе революции, которой недостает смелости обезглавить символ старого режима», перед своим поспешным отходом большевики казнили царя и все его семейство. Официальная советская версия утверждает, что решение о казни было принято местными большевиками, а после приведения в исполнение одобрено Москвой. Есть основания сомневаться в достоверности этой версии. По всей вероятности, местные большевики сначала обратились в Политбюро, и Троцкий рекомендовал вывезти царя, чтобы судить его, но Политбюро решило не рисковать и отдало приказ о расстреле. Так мир лишился самого драматического зрелища — суда, на котором Троцкий и царь встретились бы лицом к лицу.

Чехи и белогвардейцы продолжали наступать. 6 августа Красная армия в панике оставила Казань, последний стратегический пункт на восточном берегу Волги. Если бы чехам удалось перейти реку в этом месте, то они смогли бы отправиться по открытому полю напрямиком на Москву, не встречая по дороге никаких препятствий.

«Республика в опасности!» — объявил ЦИК Советов. Троцкий отдал приказ о первом обязательном призыве офицеров и сержантов и принял суровые меры против корыстных и безответственных коммунистов в армии. Через два дня после падения Казани он сам отправился на фронт, и поезд, в котором он ехал, служил ему жилищем и передвижным штабом в течение двух с половиной лет. Перед отъездом Троцкий издал приказ по войскам, где говорилось:

«Выезжая на чехословацкий фронт, приветствую всех тех, кто... честно и доблестно отстаивает свободу и независимость рабочего класса и трудового крестьянства.

Честь и хвала доблести борцов!

Вместе с тем предупреждаю, что врагам народа, агентам иностранного империализма и наемникам буржуазии пощады не будет. В поезде Народного Комиссара по военным делам, где пишется этот приказ, заседает Военно-Революционный Трибунал... [который] снабжен неограниченными полномочиями по отношению к полосе железной дороги, объявленной на военном положении.

Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва—Казань товарищ Каменщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей... Предупреждаю ответственных советских работников во всех областях военных действий и в полосе военных передвижений, что с них будет спрашиваться вдвойне. Со своими нерадивыми и преступными слугами Советская Республика будет расправляться не менее сурово, чем со своими врагами...

Советская республика в опасности! Горе тем, которые прямо или косвенно увеличивают эту опасность!»

Троцкий прибыл в Свияжск, небольшой город на западном берегу Волги напротив Казани. Это была самая передовая позиция красных после отступления за реку. Наркомвоен нашел фронт в состоянии полного развала: массовое дезертирство рядового состава, моральный упадок среди командиров и комиссаров. Со своего поезда, стоявшего в пределах досягаемости вражеских орудий, он спускался в толпу охваченных паникой солдат, окатывал их ливнем пылкого красноречия, плачивал и при случае лично вел в сражение. В самые критические минуты в бой вступала его охрана, и он оставался в поезде почти в одиночестве. Местные комиссары предлагали ему перебраться в более безопасное место, где-нибудь на пароходе на Волге, но он отказывался, опасаясь, что это произведет на войска неблагоприятное действие. На ветхом торпедном катере вместе с кронштадтскими матросами, которые привели на Волгу крохотную флотилию, он отправился в опасный ночной рейд на Казань. Большая часть флотилии была уничтожена, но она заставила смолкнуть вражеские батареи, и Троцкий благополучно вернулся в свой поезд.

В тех боях друг против друга сражались очень незначительные силы¹. Как в начале любой гражданской войны, так и здесь судьба великой революции висела на аптекарских весах. В подобных битвах вождь постоянно на глазах у своих людей: его вера, присутствие духа и смелость могут творить чудеса. Ему приходится утверждать свой военный авторитет в том числе и личным примером, чего, как правило, не требуется от командующего армией в обычных условиях. С другой стороны, в подобных битвах командиры тоже постоянно на глазах у вождя, и репутация, заработанная ими на месте, помогает им достичь таких высот и славы, о которых они и не мечтали. Со Свяжска берет начало дружба Троцкого с Вацетисом, которого он спустя некоторое время назначит главнокомандующим Красной армией. Там же он обратил внимание и на молодого Тухачевского. Там же еще теснее завязались узы товарищества с Раскольниковым, командиром кронштадтских матросов, и комиссарами И.Н. Смирновым и Аркадием Розенгольцем. Кроме того, в Свяжске он проникся большим уважением к организаторским способностям В. Межлаука и на протяжении всей Гражданской войны продвигал его вперед, хотя впоследствии Межлаук стал его врагом и заместителем председателя СНК при Сталине. Эти люди — ветераны 5-й армии — оставались близки Троцкому на протяжении Гражданской войны и составляли нечто вроде противовеса царицынской группе, к которой благоволил Сталин.

Щедрый на похвалу храбрецам и талантам, Троцкий беспощадно расправлялся с теми, кто не выполнял своего долга. Он поставил перед военным трибуналом командира и комиссара полка — фамилия комиссара Пантелеев, — которые в разгар боя увели своих людей и сами ушли с передовой. Обоих расстреляли. «Солдаты Рабочей и Крестьянской Красной армии... — так отзывался Троцкий на произошедшее событие, — не трусы и не негодяи. Они хотят сражаться за свободу и счастье рабочего народа. Если они отступают или худо сражаются, то виноваты командиры и комиссары. Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым — командир... Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед лицом всей Красной армии»².

¹ Даже после победы, когда ряды красных значительно выросли, в них насчитывалось всего 25 тысяч человек. Когда приехал Троцкий, их наверняка было гораздо меньше.

² *Троцкий А.* Как вооружалась революция. Т. 1. С. 235.

Из неопубликованной переписки Троцкого с Лениным видно, сколько внимания он уделял мелочам на фронте. В одном письме он настойчиво требует прислать подкрепления, в другом просит направить на Волгу дисциплинированных коммунистов, «готовых умереть»: «легковесные агитаторы здесь не нужны». В третьем письме он просит доставить револьверы и хороший военный оркестр. Желая воздействовать на воображение и чувство гордости солдат, он попросил прислать на фронт популярного поэта-сатирика Демьяна Бедного, а также ввести медали за отвагу. Все медали были отменены большевиками, и по тому, что Троцкий трижды повторял просьбу, и каждый раз все нетерпеливее, можно догадаться, в какое смущение привело большевиков это второе предложение. Также из переписки мы узнаём об одном любопытном эпизоде, раскрывающем беспощадность Троцкого. 17 августа Ленин сообщил ему, что Красный Крест при поддержке французского и американского консула просит разрешения переправить запасы продовольствия из Нижнего Новгорода, находившегося в руках большевиков, в занятую белыми Самару. Ленин не видел причин для отказа. Но Троцкий не позволил сотрудникам Красного Креста перейти линию фронта. Глупцы и обманщики, ответил он Ленину, готовы разговаривать с белыми о примирении, и прибавил, что не желает, чтобы Красный Крест был свидетелем обстрела «буржуазных кварталов» Казани. Однако перед обстрелом он публично предупредил казанских рабочих: «Наши артиллеристы... приложат все усилия к тому, чтобы не причинить вреда жилищам и кварталам бедноты. Но в ожесточенном бою возможны всякие случайности. Мы предупреждаем трудовое население Казани о предстоящей опасности... Необходимо... удалить из города детей... Мы предлагаем... искать убежища на Советской территории. Мы окажем всем трудящимся и нуждающимся братское гостеприимство»¹.

10 сентября красноармейцы штурмовали и захватили Казань. Через два дня Тухачевский занял Симбирск и объявил об этом в лаконичном сообщении Троцкому: «Приказ выполнен. Симбирск взят». В начале октября весь Волжский регион снова был под властью Советов.

Победа произвела электризирующее действие, особенно потому, что совпала с серьезным политическим кризисом. Эсерка Ф. Кап-

---

¹ *Троцкий* Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 244; письмо Ленина о Красном Кресте опубликовано в Ленинском сборнике (Т. 18. С. 186); ответ Троцкого в архивах.

лан только что совершила покушение на Ленина в Москве. Другой эсер убил Урицкого в Петрограде. В ответ большевики провозгласили красный террор и приказали расстрелять заложников. Во время этих событий Троцкий вызвали в Москву. Он нашел, что Ленин поправляется после ранения, и, приободлив Ленина и ЦИК насчет военных перспектив, вернулся на фронт. Примерно в то же время правые эсеры попытались вновь созвать распущенное Учредительное собрание и создать конкурирующее правительство в Самаре под покровительством чехов и Колчака. Эсеры обладали значительным влиянием среди волжских крестьян, и даже лишь символическое возрождение Учредительного собрания грозило усложнить положение большевиков. Вернув себе Волжский регион, Красная армия устранила угрозу. Движение за Учредительное собрание, отрезанное от своих крестьянских сторонников, попало в беспомощное положение. Эсеры оказались во власти Колчака, который немного погодя провозгласил себя диктатором (верховным правителем), распустил остатки собрания, казнил некоторых его руководителей, а прочих заставил искать убежища на советской территории. Так сторонники собрания были раздавлены между Советами и белогвардейцами, как между жерновами.

И наконец, победа на Волге дала мощный стимул к росту Красной армии. Опасность стихнула с Советов самодовольную леность; победа придала им уверенность в собственных силах. Усилия военного комиссариата по предварительной организации начали давать результаты: командирский состав был сформирован, каркас армии построен, призывные пункты действовали.

В конце сентября Троцкий вернулся в Москву и реорганизовал Высший военный совет в Революционный военный совет республики. Этот орган должен был принимать решения по вопросам военной политики¹. Под его руководством находились реввоенсоветы четырнадцати армий, каждый совет состоял из командующего армией и двух или трех комиссаров. Сам Троцкий председательствовал в Реввоенсовете республики. Его заместителем, руководившим ежедневной работой Совета, в то время как Троцкий инспектировал фронты, назначили Е.М. Склянского. Троцкий щедро отдавал дань талантам, энергии и трудолю-

---

¹ Реввоенсовет не нужно путать с Советом рабоче-крестьянской обороны (где председателем был Ленин, а Троцкий его заместителем), который координировал военный и гражданский курс.

бию помощника, называя его Карно русской революции. Историки Гражданской войны, писавшие в сталинскую эпоху, едва упоминают Склянского, хотя он и не участвовал в борьбе между Троцким и Сталиным и умер в 1925 году. Но опубликованная переписка Ленина и еще больше неопубликованные записи не оставляют сомнений в том, что Склянский играл решающую роль в управлении военными делами. Его жизненный путь — один из самых необычных для своего времени. Едва окончив медицинский факультет Киевского университета, он перед революцией был призван в армию военным врачом и вскоре стал заметной фигурой в подпольной военной организации большевиков. Троцкий познакомился с ним только осенью 1917 года, и «сочетание большого творческого размаха со способностью сосредоточения на мелочах, сочетание таланта с трудолюбием» у Склянского так поразило его, что Троцкий назначил того своим заместителем.

Другими членами Совета были Вацетис, только что назначенный главнокомандующим, комиссары И. Смирнов и А. Розенгольц, служившие с Вацетисом на Волге, Раскольников, командовавший красной флотилией в Казани, Муралов и Юренев. Так победители Казани встали у руля военного аппарата.

С их помощью Троцкий взялся за ревизию и централизацию Южного фронта. Именно на юге белогвардейцы установили свои главные опорные пункты. Самой большой советской силой на юге была 10-я армия Ворошилова. Но Ворошилов отказывался перестраивать свою армию по единому образцу, разработанному Троцким. В течение некоторого времени конфликт накалялся. Сталин провел большую часть лета в царицынском штабе Ворошилова и оказывал ему поддержку. Чуть позже, в сентябре, Сталин был назначен главным политическим комиссаром всего Южного фронта, и в течение всего этого времени между фронтом и московским штабом не прекращались трения. Троцкий решил положить этому конец. В начале октября он поставил на должность командующего Южным фронтом бывшего царского генерала Сытина и потребовал от Ворошилова беспрекословного подчинения. Кроме того, он назначил новый Реввоенсовет Южного фронта, в котором Сталина на должности главного комиссара сменил выдающийся большевик Шляпников. Троцкий сопровождал эти назначения угрозой: «Командиры и комиссары, которые осмелятся нарушать дисциплину, будут, независимо от прошлых заслуг, немедленно преданы суду Революционного

Военного Трибунала Южного фронта»¹. В то же время Троцкий предложил ввести Сталина в Военный совет республики, надеясь то ли ублажить его, то ли связать ему руки — Сталин уже неоднократно обращался к Ленину с протестом против того, как Троцкий управляет Южным фронтом.

Сталин вернулся в Москву, и противники с виду как будто примирились. Но Ворошилов, уверенный в покровительстве Сталина, по-прежнему игнорировал высшее командование и открыто не повиновался приказам новых начальников. Вскоре Сталин вернулся в Царицын. Но, так как конфликт усугубился, Ленин дипломатично вызвал его в Москву, а Троцкий отправился инспектировать фронт. И сам Троцкий, и другие много раз рассказывали историю его поездки в Царицын. Он угрожал предать Ворошилова военному трибуналу. В приказе по войскам Троцкий сурово осудил его за то, что он ставит личные амбиции выше интересов целого фронта. Ворошилов отступил перед угрозой и обещал подчиниться, и Троцкий не предпринял против него дальнейших шагов, за исключением того, что поставил во главе 10-й армии своего доверенного человека Окулова, чтобы обуздать Ворошилова. Троцкий снова предал конфликт гласности, когда в первую годовщину революции докладывал о военной ситуации перед съездом Советов, и не пожалел черной краски, изображая обстановку в 10-й армии. Царицынская группа не простила Троцкому этого унижения².

Оставшуюся часть осени и начало зимы Троцкий провел на Южном фронте. Тем временем его оппоненты в Москве, в особенности Сталин и Зиновьев, работали против него и старались, не без успеха, повлиять на Ленина. Позднее Троцкий рассказывал, что, пока он был на фронте, будущий начальник ГПУ Менжинский предупредил его о затеянной против него «интриге». Менжинский передал ему, что Сталин пытается убедить Ленина в том, что Троцкий собирает вокруг себя антиленинские элементы. Троцкий откровенно задал вопрос Ленину, и тот, смутившись, не отрицал факт интриги, но уверил Троцкого, что полнос-

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 347—348.

² В юбилейном докладе, в основном посвященном кризису централизации, Троцкий дал намеренно преувеличенные сведения о силе Красной армии, сказав, что лондонская «Таймс» сильно преуменьшила численность армии, насчитав в ней полмиллиона человек. В действительности армия пока еще насчитывала только 350 тысяч человек (Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 332—341; Пять лет власти Советов. С. 156).

тью доверяет ему. Тем не менее Ленин не пожелал вмешиваться в ссору и приложил все усилия, чтобы ее уладить. Чуть погодя он предложил отозвать из Царицына Окулова, которого Троцкий оставил присматривать за Ворошиловым. Троцкий отказался и на этот раз решил довести дело до конца: он попросил сместить Ворошилова с поста и перевести на Украину, а также назначить в 10-ю армию новых комиссаров. Ленин уступил, и Ворошилову пришлось уехать.

Царицынская группа искала способ отомстить. Она принялась распускать слухи о том, что Троцкий прикрывает царских генералов и преследует большевиков в армии. Обвинения вылились на страницы «Правды», где редактором был Бухарин. 25 декабря 1918 года «Правда» опубликовала уничтожающую статью о Троцком, написанную членом ворошиловского штаба¹. Она совпала с новой попыткой левых коммунистов добиться пересмотра военного курса. Потерпев неудачу в прошлый раз, когда они сопротивлялись приему на службу офицеров, левые коммунисты заняли новую позицию и потребовали назначить на все командные посты комиссаров, так чтобы офицеры служили при них простыми консультантами. Клеветническая кампания против Троцкого превратилась в смертельную вражду: начали говорить, что он отдает лучших коммунистов и комиссаров под расстрел. Обвинение озвучили перед Политбюро и ЦК Смилга и Лашевич, два члена комитета, занимавшие высокие политические посты в армии. (Лашевич, как мы помним, поссорился с Троцким из-за своих слов, что офицеров будут выжимать как лимоны.) Перед ЦК были представлены дело комиссара Пантелеева, преданного трибуналу и расстрелянного в Свияжске, и дела еще двух комиссаров — Залуцкого и Бакаева, которые, как говорилось, едва избежали расстрела.

Троцкий ответил на обвинение конфиденциальным письмом в ЦК². Он не оправдывался в расстреле Пантелеева, преданного трибуналу за явное дезертирство, но пояснял, что, насколько ему известно, это был единственный случай такого рода. Недавно имело место недоразумение в связи с его приказом о том, что комиссары обязаны держать на учете офицерские семьи, дабы офицеры знали, что в случае предательства пострадают их близкие. Стало известно, что несколько офицеров перешли на сторону белогвар-

---

¹ Статья называлась «Пора!» и была подписана Каменским.

² На письме не проставлена дата, но из контекста ясно, что оно написано в конце декабря 1918 г. Письмо не опубликовано (архивы Троцкого).

дейцев, а комиссары, как выяснилось, не позаботились о том, чтобы зарегистрировать сведения об их семьях. Тогда Троцкий дал телеграмму Лашевичу и Смилге, в которой обращал их внимание на побег офицеров, и закончил ее фразой в том смысле, что комиссаров, которые упускают белогвардейцев, нужно расстреливать. Смилга и Лашевич, видимо, посчитали, что замечание Троцкого нацелено против них. Троцкий объяснил, что это сушая нелепость. «Я телеграфировал, — говорит он, — что лучших комиссаров, чем Лашевич и Смилга, у нас в армии вообще не может быть». Он не имел в виду никого конкретно.

Учитывая все обстоятельства, объяснение Троцкого кажется достоверным. Его противники не поддержали обвинений никакими конкретными примерами, кроме случая с Пантелеевым. Тем не менее в приказах Троцкого часто встречались страшные угрозы, и, хотя их целью могло быть только укрепление дисциплины среди подчиненных, они легли пятном на его репутацию; и сталинисты продолжали обвинять его на основании этих угроз в течение долгого времени после Гражданской войны.

Троцкий просил Центральный Комитет заявить, является ли политика военного ведомства его личной политикой или же политикой партии в целом, и указать редакции «Правды» на недопустимость печатания тягчайших обвинений без предварительного запроса об основательности этих обвинений. Сам он ответил в «Правде» выступлением против «опрошенства, знахарства, невежественного бахвальства» партийных шарлатанов, которые распространяют недоверие и враждебность по отношению к офицерам. «Широкая публика знает почти о всех случаях измены и предательства лиц командирского состава, но... и более тесные партийные круги слишком мало знают о всех тех кадровых офицерах, которые честно и сознательно погибли за дело Рабочей и Крестьянской России». Публику, конечно, нужно информировать о примерах предательства, но она также должна знать, «сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка... не понял приказа или не разобрался по карте». Он категорически отверг предложение сделать офицеров простыми консультантами при комиссарах. Идея в военном смысле никудышная и рассчитана «на инстинкты местничества». Цель красного террора не в том, чтобы уничтожить или подорвать авторитет интеллигенции, но, самое большее, запугать ее и тем поставить на службу рабочему государству.

Он вернулся к этой теме в «Письме другу», которое появилось в «Военном деле» в феврале 1919 года. Письмо раскрывает всю ожесточенность разногласий. Он презрительно писал в нем о новом «советском бюрократе», «ревнивом к своему новому посту и дорожащем этим постом», который «может с огульным недоверием относиться ко всякому крупному знатоку дела». «Они невежественны, но не хотят учиться. Своим неудачам... они всегда ищут объяснения в чужой измене». «Балластом является наша собственная бюрократия, уже консервативная, косная, самодовольная, не желающая учиться и даже враждебно относящаяся к тем, кто напоминает о необходимости учиться». «Вот это — подлинная опасность для дела коммунистической революции. Это — настоящие пособники контрреволюции, хотя и без заговора». «Не для того же... пролетарий совершил революцию, чтобы дать возможность тысячам... передовых рабочих заседать в советах и комиссариатах. Наша революция вполне оправдывает себя только тогда, когда каждый труженик, каждая труженица почувствуют, что им легче, свободнее, чище и достойнее стало жить на свете. Этого еще нет. Еще трудный путь отделяет нас от достижения этой основной и единственной нашей цели»¹.

Таков, в двух словах, лейтмотив последующей борьбы Троцкого со Сталиным, и впервые он проявился уже через год после Октябрьского восстания.

В ноябре 1918 года рухнули империи Австро-Венгрии и Германии, сломленные разрухой и революцией. Брестский договор был аннулирован. Армии центральных держав ушли из России и Украины, оставив позади себя пустоту. Троцкий торопился заполнить эту пустоту частями Красной армии. Но основные ее силы были скованы Колчаком на Урале и Деникиным и Красновым на юге России и Дону. Положение на Западном и Юго-Западном фронтах мало чем отличалось от положения на других фронтах вскоре после революции: там большевики могли опираться только на красногвардейские и партизанские отряды. Но и тем отчаянно не хватало боеприпасов, винтовки ржавели, потому что не откуда было взять смазку, лошади мерли от недоедания. Военные транспорты шли по железным дорогам со скоростью всего полтора километра в час. Строгость большевистской сельскохозяй-

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 170—172.

ственной политики — реквизиции продовольствия — неблагоприятно сказалась на боевом духе в войсках¹.

В такой обстановке Ленин не торопился занимать Украину. Большее значение он придавал очистке Дона и Северного Кавказа от антибольшевистских сил. Троцкий считал более важным взять под контроль Украину. Он считал, что союзные экспедиционные войска могут высадиться на Черноморском побережье, и, установив на Украине советскую власть, тем самым хотел держать интервентов как можно дальше от Москвы. Тем временем колчаковская армия снова нанесла удар и захватила Уфу и Пермь. Опасаясь, что Колчак, Деникин и Краснов могут соединиться на Волге, Ленин предупредил Троцкого, чтобы тот не «увлекался» своими украинскими планами за счет других фронтов. Однако вскоре наступление Колчака было остановлено, и угроза, так сильно тревожившая Ленина, так и не возникла. Французы, напротив, высадились в Одессе и Николаеве, как и боялся Троцкий. Большевистским партизанам на Украине в конце концов удалось разгромить Петлюру, захватить Харьков и распространить революцию на большей части страны. Однако тем временем Деникин собирался с силами в степях Северного Кавказа.

С началом зимы в боях наступило затишье; могло даже показаться, что затишье окончится официальным перемирием. Французская интервенция потерпела крах. Взбудораженный большевистской агитацией, французский гарнизон в Одессе устроил мятеж, и спустя некоторое время все французские экспедиционные силы, к разочарованию белогвардейцев, ушли из России. Но Клемансо и Фош не отказались от интервенции. Президент Вильсон, наоборот, предложил всем воюющим российским партиям и правительствам заключить перемирие и провести конференцию на острове Принкипо. Советское правительство приняло предложение. 24 января 1919 года Ленин телеграфировал Троцкому: «К Вильсону, пожалуй, придется поехать вам». Он убеждал Троцкого занять еще несколько городов, чтобы укрепить позиции для переговоров на конференции, и это показывает, что он серьезно рассматривал возможность перемирия. Троцкий согласился ускорить наступление, но отказался от дипломатической

---

¹ Это описание основано на переписке между Лениным и Троцким в ноябре, декабре и январе. На протяжении этих месяцев Троцкий то и дело обращался в Москву по поводу ситуации на Украине и уговаривал смягчить курс партии по отношению к крестьянам (архивы Троцкого).

миссии, может быть, потому, что у него еще свежи были горькие воспоминания о Бресте, и предложил послать Чичерина и Раковского. Из миротворческой инициативы Вильсона ничего не вышло. Главы Белой гвардии, подстрекаемые французами, отказались встречаться с большевиками. Таким образом, посредническая попытка президента Вильсона провалилась.

Приближался новый этап войны, но даже и через год после назначения Троцкого комиссаром по военным делам его военный курс еще не получил благословения партии — Троцкий проводил его как бы под свою ответственность. Противники лихо радочно готовились оспорить его политику на предстоящем в марте VIII партийном съезде. Ленин не менее твердо, чем Троцкий, стоял за централизацию и дисциплину в армии, но еще не определился насчет приема на службу бывших царских офицеров. Предательства происходили слишком часто, чтобы оппозиция не постаралась выжать из этого в свою пользу все, что только возможно. Незадолго до съезда Ленин предложил Троцкому провести массовое увольнение офицеров и назначить главнокомандующим Лашевича, бывшего унтер-офицера царской армии. Он чрезвычайно удивился, когда Троцкий сказал ему, что в Красной армии служат уже более 30 тысяч офицеров. Только тогда Ленин понял значение проблемы и признал, что по сравнению с общим числом служащих офицеров доля предателей чрезвычайно мала. В конце концов он согласился, что невозможно уволить из армии всех офицеров, и в речи по поводу задач социалистического строительства с восхищением сказал, что «получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага... как строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас»¹.

---

¹ Ленин В.И. Собрание сочинений (1-е издание, 1920—1926). Т. 16. С. 73. Тот факт, что через год после начала споров Ленин не представлял себе, сколько офицеров служит в Красной армии, показывает, что, погружившись в дела политики и экономики, он лишь поверхностно интересовался делами военными. Под свежим впечатлением от рассказанного Троцким он так говорил Горькому, стараясь переманить того на сторону большевиков: «А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть. У нас все есть. И — чудеса будут». Горький написал это после смерти Ленина, когда уже полным ходом шла кампания против Троцкого. В более позднем издании, опубликованном после высылки Троцкого, Горький отретушировал хвалебные слова Ленина таким образом, что только подтвердил подлинность первого варианта. Панегирик Троцкому опущен в дальнейших изданиях ленинских работ.

Ободренный ленинской поддержкой, Троцкий уверенно ждал дебатов. Противники Троцкого собрали своих сторонников в армии и привели на съезд всех, кому удалось пройти выборы. Однако перед открытием съезда Колчак начал новое полномасштабное наступление. Восточный фронт снова оказался под угрозой. Было бы нелепо, если бы в такой момент глава Военного комиссариата терял время, отстаивая свою позицию в долгих спорах, и если бы целый отряд комиссаров оставил передовую линию, чтобы присутствовать на съезде. Поэтому ЦК постановил, что Троцкий должен немедленно отправляться на Восточный фронт, а армейские делегаты — вернуться на места. Оппозиция возражала, утверждая, что Троцкий пользуется чрезвычайными обстоятельствами, чтобы заставить замолчать своих противников и уклониться от вопросов по поводу проводимой им линии. Тогда ЦК передумал и разрешил армейским делегатам остаться в Москве. Но сам Троцкий и его противники из военных немедленно уехали на фронт. Вместо себя он оставил тезисы, где объяснял основные аспекты своей политики, и на съезде от его имени с тезисами выступал Сокольников.

Основная дискуссия по военным вопросам разыгралась на секретных заседаниях военной секции съезда. Протоколы этих заседаний недоступны для публики, но примерный ход обсуждения и его итоги ясны из документов Политбюро и переписки между Троцким, Зиновьевым и Сталиным. Левые коммунисты и Ворошилов подвергли Троцкого суровой критике, пустив в ход даже старое обвинение в том, что он расстреливает комиссаров. Ленин решительно выступил в защиту Троцкого и ушел заниматься другими делами. После этого дебаты вели Зиновьев и Сталин. Вмешательство Ленина предрешило разгром оппозиции. Зиновьев и Сталин старались произвести впечатление, будто они придерживаются одинаковых с Лениным взглядов, но поддержали курс Троцкого с неохотой и сделали несколько мелких уступок оппозиции, которых как раз хватило для того, чтобы подпортить Троцкому победу. Оппозиция набрала около трети голосов; возможно, что уступки уменьшили ее силу, как позднее Зиновьев доложил на Политбюро. На общем голосовании съезд полностью одобрил действия Троцкого и согласился с его тезисами. Но это одобрение ограничивала секретная инструкция, распространенная военной секцией, которая требовала, чтобы Троцкий больше прислушивался к мнению коммунистов в армии, регулярно проводил ежемесячные совещания с комиссара-

ми и тому подобное. Таким образом, широкая общественность узнала, что партия полностью поддержала политику Троцкого, а его высокопоставленные противники удовлетворились тем, что не все обвинения против него были безоговорочно сняты. Клеветникам, обвинявшим Троцкого во враждебном отношении к коммунистам в армии, удалось-таки запятнать его репутацию¹.

Сначала Троцкий узнал, что съезд полностью одобрил его курс, из подписанной Сталиным телеграммы, которая дошла до фронта 22 или 23 марта. Вскоре после этого он получил сообщение из ЦК, написанное Зиновьевым, которое информировало его о сделанных оппозиции уступках и убеждало отнестись к этому как к предупреждению. Троцкий не прислушался к предупреждению. Он письменно ответил, что не может каждый месяц отзываться комиссаров с фронта, чтобы устраивать с ними совещания. Так или иначе, «предупреждение» было продиктовано «мелкотравчатым», «мужицким», «глуповатым глумлением» над военным специалистом, которое сквозило во всех напаках Ворошилова. Троцкий упрекал себя за то, что слишком мягко относился к Ворошилову, ибо любое недовольство в армии есть вооруженное недовольство. Даже в невоенной большевистской организации, писал он, пределы допустимых разногласий сужаются с того момента, когда партия переходит от обсуждений к действиям. Еще более узкими они должны быть в армии, и он вынужден добиваться формальной дисциплины. Затем он с большой сердечностью рассказал о некоторых конфликтах с командирами и комиссарами, которых ему пришлось арестовать и наказать за нарушения дисциплины, но он надеялся, что они поймут необходимость наказания и не будут держать на него зла. И наконец, он потребовал официального расследования по обвинениям в расстреле комиссаров². Он предположил, что Ленин и Зиновьев не имеют полного представления о чудовищной обстановке на фронте. Точка зрения военной оппозиции происходит от усталости и нервного напряжения, и он опасается, что партийное руководство тоже может поддаться этому настроению.

---

¹ В более поздних разногласиях Троцкий останавливался на результатах открытого голосования на съезде, а сталинисты делали акцент на том, что втайне съезд дал ему отпор. Оба варианта правдивы, но каждый раскрывает лишь часть правды.

² Была сформирована комиссия по расследованию, но, кроме известного случая с Пантелеевым, она не нашла никаких улик, подтверждавших обвинения. Кажется, вывод комиссии все-таки был предан гласности, но я не смог это проследить.

На время вопрос был закрыт. После разгрома на съезде левые коммунисты не могли повторить обвинений. Они все еще кипели негодованием, но дальнейшие переломы Гражданской войны исчерпывающе доказали необходимость дисциплины, централизации и опытного военного руководства. Однако оппозиция в партийной верхушке во главе со Сталиным и Зиновьевым не утратила своей силы — она просто перешла с ранее обсуждавшихся вопросов к стратегическим и оперативным планам.

Стратегию Гражданской войны определял тот факт, что Красная армия вела сражения на фронтах протяженностью более 8 тысяч километров. Даже многочисленная, хорошо оснащенная и отлично вымуштрованная армия не способна удерживать все фронты одновременно. Война состояла из периодических белогвардейских вторжений в глубь страны то в одном, то в другом месте границы и соответствующих контрударов Красной армии, проникающих даже еще глубже на вражескую территорию. После разгрома Чехословацкого корпуса кульминационными пунктами Гражданской войны в 1919 году стали три главные кампании: весеннее наступление Колчака из сибирских опорных пунктов на Волгу и Москву; летнее наступление Деникина с юга, также нацеленное на Москву; и осенняя попытка Юденича взять Петроград. Если бы все три удара одновременно сосредоточились на центрах советской власти, то контрреволюция могла бы победить. Но белогвардейцы действовали на «внешних линиях», и друг от друга их отделяли тысячи километров. Все белые армии создавались независимо друг от друга, с разной скоростью, и каждый главнокомандующий стремился завоевать лавры единоличного победителя. Красная армия, напротив, использовала в своих интересах «внутренние линии», перебрасывая войска с одного фронта на другой, дабы обеспечить превосходство сил на конкретном участке фронта. В конце концов планировал все операции и контролировал все ресурсы единый центр. Однако определение стратегических приоритетов, разумеется, не обходилось без трений и разногласий, тем более что в большинстве случаев требовалось сделать выбор между политическими и стратегическими альтернативами.

В марте—апреле войска Колчака широким фронтом начали наступление на Волгу, и Москва снова оказалась в опасности, с трудом предотвращенной предыдущим летом. Красная армия на

востоке была обескровлена: командование перебросило ее лучшие части на юг против Деникина. Троцкий провел на Восточном фронте два месяца, в течение которых укреплял отступавшую армию и готовил контрудар. На сей раз он мог увереннее смотреть в будущее, чем во время боев с белочехами. У него под ружьем стояло уже более полумиллиона человек, и еще до конца текущей кампании вооруженные силы выросли до полутора миллионов человек, так как было призвано 50 процентов членов профсоюзов. В конце апреля командующий Восточным фронтом С. Каменев, бывший полковник царского Генштаба, выполнил смелый обходной маневр на южном фланге Колчака и ударил по его растянутому строю. Вскоре белые начали в беспорядке отступать к Уралу.

На этом этапе между главнокомандующим Вацетисом и командующим фронтом Каменевым возникли разногласия. Каменеву не терпелось воспользоваться плодами своей победы, чтобы преследовать Колчака в глубь Сибири. Он был уверен, что сможет нанести Колчаку окончательное поражение, несмотря на то что у него осталась только половина войск: другую отправили на укрепление Южного фронта. Однако Вацетис наложил запрет на план Каменева. Он предполагал, что Колчак оставил в Сибири сильные резервы, и приказал Каменеву остановиться на Урале, сочтя дальнейшее преследование слишком рискованным. Троцкий поддержал главнокомандующего. Он тоже опасался, что восточные армии попадут напрямик в западную, подготовленную для них Колчаком. В тот момент Троцкий считал более важным очистить от белогвардейцев европейскую часть России, чем устанавливать советскую власть в Сибири. К тому же у армии появились и новые обязательства: Венгрия и Бавария только что объявили себя советскими республиками, и Ленин настаивал, чтобы Красная армия установила связь с Советской Венгрией, тогда как доступ к ней в Восточной Галиции закрывали польские войска. По этим причинам Троцкий торопился освободиться на Восточном фронте. Поскольку Каменев не хотел отказываться от преследования Колчака, Троцкий снял его с должности командующего. Но тогда комиссары Восточного фронта Лашевич, Смилга и Гусев объявили о солидарности со снятым командующим и просили восстановить его и дать свободу действий. Они обращались то к Сталину, то к Ленину и добились отмены решения Троцкого и Вацетиса. Каменев продолжил преследование за Уралом и некоторое время спустя разгромил Колчака, у которого,

как оказалось, не было стратегических резервов в Сибири. Таким образом оппоненты Троцкого получили значительное преимущество.

Тем временем Троцкий уехал на Южный фронт и провел там большую часть лета. Одновременно с наступлением Колчака Деникин вошел на Украину, встретив лишь незначительное сопротивление. Украина, где советская власть была установлена совсем недавно и непрочна, не имела регулярной армии. Красные отряды и партизанские банды рыскали по стране, грабя и сея анархию. Часть страны удерживали анархисты батьки Махно. Левые коммунисты, разгромленные в России, нашли убежище на Украинском фронте, который был для них подходящим местом, так как находился на раннем этапе революционного брожения. Командовать Украинским фронтом Троцкий поставил Антонова-Овсеенко, Подвойского и Бубнова, но Бубнов был одним из вождей левых коммунистов, да и Антонов-Овсеенко тоже был склонен сквозь пальцы смотреть на самоуправство красногвардейцев и партизан. Сначала Троцкий хотел навести порядок твердой рукой и обратился к Москве с предложением удалить с Украины трех комиссаров и заменить их убежденными сторонниками дисциплины. Он даже жаловался на «мягкость» своего друга Раковского, возглавившего советское правительство Украины, и просил назначить командующим Украинским фронтом либо С. Каменева, либо Ворошилова, категорически наказав им приструнить партизан¹.

Москва молчала. Однако чем дальше Троцкий находился на Украине, тем больше он чувствовал, как его одолевает царящий там хаос. Он стал задумываться о том, что нельзя справиться с беспорядком в армии, если сначала не наладить в стране экономическую и политическую ситуацию. Он сообщил в Москву, что невозможно установить в войсках порядок и дисциплину до тех пор, пока войска не будут накормлены, одеты и вооружены. Ни агитация, ни репрессии не могут сделать боеспособной голую, босую, голодную, завшивевшую армию¹. Он просил наладить снабжение войск из России, но напрасно. Вдобавок украинские крестьяне выказывали глубокую враждебность к Советам, и ме-

---

¹ Троцкий считал, что тем временем Ворошилов стал убежденным сторонником его курса (телеграмма от 17 марта, отправленная из Харькова в ЦК, архивы Троцкого). Теперь уже Ленин осуждал Ворошилова за разворовывание армейских запасов и т. д. (телеграмма Ленина Троцкому от 2 июня).

¹ Письмо от 1 июля 1919 г.

стные большевистские руководители почти примирились с поражением. Перестановки в командовании, которые предлагал Троцкий, не могли исправить положение. Тем временем Ленин все более нетерпеливо убеждал его произвести предложенные изменения.

В начале июля Троцкий вернулся в Москву. Удача отвернулась от него, как никогда за всю Гражданскую войну. Он признал, что неправильно оценивал положение на Восточном фронте, возражая против преследования Колчака. Теперь ему пришлось оправдываться за управление Украинским фронтом. Кроме того, яростные нападки обрушились на главнокомандующего, которого он продвигал и поддерживал. Сталин настаивал на отставке Вацетиса и даже обвинял его в измене. Он предложил назначить на его место снятого недавно Каменева, победителя Колчака. Кстати сказать, Сталин сам только что успешно провел оборону Петрограда от Юденича и ходил, осиянный свежей славой победы. 3 июля ЦК решил принять рекомендацию Сталина: Вацетиса с почетом отправили в отставку и главнокомандующим назначили Каменева. Троцкий был против смены командования и захандрил, но «успехи Восточного фронта», как он сам писал позднее, «подкупили Ленина и сломили мое сопротивление». Эта неудача была уже достаточно горька, но его ждала еще одна. ЦК решил сделать перестановку в Реввоенсовете республики. Троцкий остался его председателем, но его товарищей (Смирнова, Розенгольца, Раскольниково) вывели из состава Совета, а их места заняли комиссары Смилга и Гусев, которые поддерживали нового главнокомандующего и пользовались благосклонностью Сталина.

Этот двойной отпор был так обиден для Троцкого, что он тут же подал в отставку из Политбюро, комиссариата по военным делам и Реввоенсовета. Но Политбюро не могло допустить, чтобы конфликт вышел за стены правительства. Как бы сурово ни критиковали Троцкого в партийных комитетах и Кремле, для страны он оставался вождем Октябрьского восстания, основателем Красной армии, творцом ее побед. Его отставка перед лицом новой опасности встревожила бы и армию, и партию. Кроме того, Ленин в любом случае искренне не желал, чтобы правительство лишилось Троцкого. По предложению Ленина Политбюро не согласилось с отставкой Троцкого и единодушно приняло резолюцию, где торжественно заверяло Троцкого в глубоком уважении и полном доверии и просило его продол-

жать «работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время». Именно тогда Ленин, по всей видимости обеспокоенный происшедшим, в знак доверия передал Троцкому пустой бланк приказа со своей подписью со словами: «Я ваши решения одобряю, и наверху страницы вы можете написать любое решение, и на нем будет готовая моя подпись»¹. На таких условиях Троцкий остался на посту.

Сразу же после этого произошло еще одно решительное столкновение Троцкого с его противниками во время боев с Деникиным, и Троцкий опять проиграл. Деникин захватил Царицын, Донецкий угольный бассейн и Харьков. Контрреволюционный фронт протянулся от Волги и Дона до степей Западной Украины. Восточный сектор между Волгой и Доном удерживали донские казаки, а собственно Белая гвардия наступала в центральном и западном секторах. Нужно было решить, на каком участке фронта Красная армия должна сосредоточить для контрудара главные силы. Новый главнокомандующий предложил нанести решающий удар на восточном участке с Волги, по направлению к Царицыну и кубанским базам Деникина. С чисто военной точки зрения это была разумная стратегическая схема. «Пусть Деникин зарывается и тянется головой к Москве. Мы тем временем за его спиной разметаем его кубанскую базу. Деникин повиснет в воздухе, и мы возьмем его голыми руками». Также схема была рассчитана на то, чтобы не дать Колчаку соединиться с Деникиным даже в том случае, если Колчак возьмет инициативу и снова перейдет в наступление. Ударить предполагалось частями Красной армии, переброшенными с Урала; их было проще бросить на восточный фланг Деникина, чем передвинуть дальше на запад.

Троцкий возражал против этой схемы. Он утверждал, что слабость деникинской позиции в сильнейших разногласиях между собственно добровольческой армией и донскими казаками. Белая армия в основном состояла из офицеров, стремившихся свергнуть большевиков в Москве и Петрограде. Своенравное казачество хотело отстоять свои станицы от натиска большевиков

---

¹ На бланке с официальной печатью Ленина говорится следующее: «Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело» (архивы).

и не желало совать нос за Дон. Деникинские планы наступления на Москву не вызывали у них энтузиазма. Троцкий доказывал, что, ударив по казачьим гнездам с юга, Красная армия поможет Деникину, так как поставит на ноги все казацкое население, заставит его защищаться зубами и когтями и тем самым только больше сплотит вражеский лагерь. Даже после первого успеха Красная армия будет вынуждена продвигаться среди враждебно настроенного населения в условиях абсолютного бездорожья. Тем временем Деникин ударит по слабому центральному участку в направлении Харькова и Донецкого бассейна. Наступая по этой линии, красные могли бы разделить деникинскую армию, изолировать белогвардейцев от казаков, которые оставались бы на местах, чтоб охранять свои границы от чужаков. Таким образом наступающие красноармейские части получали преимущество, действуя в промышленном районе, крестьянское и рабочее население которого было целиком на стороне Советов, а также получали в распоряжение плотную сеть дорог и железнодорожных путей. Исходя из этого, направление удара должно было определяться социально-политическими условиями. План Каменева, хотя и верный с отвлеченной точки зрения, не учитывал тесную взаимосвязь политики и стратегии, характерную для Гражданской войны.

Спор между наркомом и главнокомандующим был вынесен на Политбюро, и оно сочло доводы главнокомандующего более убедительными. Политбюро санкционировало главное наступление на восточном участке.

Эта непрерывная цепь личных провалов Троцкого имела одно странное продолжение. Помрачнев, Троцкий возвратился на Южный фронт. Едва он успел приехать в полевой штаб в Козлове, как получил шифрованную телеграмму за подписями Дзержинского, Крестинского, Ленина и Склянского о том, что главнокомандующий (то есть Вацетис) обвинен в измене и арестован. В телеграмме не указывалось конкретных обвинений — говорилось только, что избалованный в предательстве и сознавшийся офицер дал показания, из которых вытекает, что будто бы Вацетис знал о военном заговоре. Это был смертельный удар. За ним стоял Сталин, который раньше уже обвинял Вацетиса в измене. Несомненно, удар был направлен против Троцкого. Точно не известно, как отреагировал на него Троцкий. Наверняка он решительно встал на защиту арестованного и лично ручался за его честность, поскольку именно так он поступал в подобных случаях, когда дело

касалось менее высокопоставленных офицеров¹. Достаточно сказать, что вскоре Вацетиса освободили и сняли с него все обвинения. Впоследствии Троцкий высказал два предположения по поводу этого эпизода: согласно первому, Вацетис вел неосторожные беседы с близкими к нему офицерами; согласно второму, лелеял наполеоновские планы. Ни недостаток бдительности, ни личное честолюбие не могли считаться предательством и не оправдывали ареста, и после освобождения Вацетис продолжал занимать высокие посты вплоть до сталинской эпохи. Следовательно, его арест в 1919 году был произведен для того, чтобы еще больше унижить Троцкого вдобавок к неприятностям, от которых он уже успел пострадать.

В эти недели между Троцким и Лениным создалось исключительное напряжение, как о том свидетельствует их корреспонденция. Отчасти это объяснялось стратегическими разногласиями и отчасти тем, что борьба Троцкого с Деникиным на Украине была сизифовым трудом. Кроме того, Ленин подозревал, что Троцкий ищет способ скомпрометировать нового главнокомандующего в глазах офицеров Южного фронта. С фронта Троцкий доложил, что командующий Егорьев весьма критически оценивает каменевский план наступления и выполняет приказы Каменева без уверенности. Независимо от того, кто прав и кто виноват, писал Троцкий, такое состояние дел ненормально. Он предложил назначить нового командующего фронтом, который будет придерживаться одной точки зрения с главнокомандующим. Предложение, которое на самом деле свидетельствовало о благонадежности Троцкого, вызвало в Кремле подозрения. Политбюро сменило командующего фронтом, но также направило на Украину Смилгу и Лашевича, находившихся с Троцким в натянутых отношениях, а кроме того, многозначительно намекнуло Троцкому, что он должен всеми силами укреплять авторитет нового главнокомандующего. Троцкий энергично запротестовал против инсинуаций. Он неоднократно упрекал Ленина и Политбюро в «неделовых» ответах на его телеграммы и письма. Ленин,

---

¹ Например, раньше в том же году Троцкий категорически протестовал против ареста генерала Загина, который, писал он, больше сделал, чтобы помочь Советам, чем те, кто держал его за решеткой. Деспотичное отношение к таким людям производило катастрофическое действие на их моральное состояние, писал Троцкий; он просил отпустить генерала и лично ручался за него в ожидании суда (архивы Троцкого, переписка января 1919 г.).

и свою очередь, обрушил на него град увещеваний и упреков: почему ему не о чем доложить? Где наступления, которые он должен был готовить на Украине?

На самом деле царивший на Украине беспорядок почти не давал Троцкому простора для военных действий. Красная армия направила главные силы на восточный участок фронта, а Украина на центральном и западном участках была предоставлена самой себе. Троцкий постоянно теребил Москву телеграммами о том, что украинские силы недостаточны, в высшей степени дезорганизованы, и требовал подкреплений и снабжения. В Политбюро, должно быть, подозревали, что этими требованиями Троцкий пытается окольным путем заставить его пересмотреть каменевский план и передислоцировать войска.

Можно представить себе сложившуюся ситуацию по гневному и воинственному письму Троцкого, направленному в Политбюро 11 августа. Красноармейцы на Украине голодают, писал он. У половины нет ни сапог, ни белья, совсем у немногих есть шинели. С ружьями и боеприпасами не лучше. Вооружены все, кроме солдат. У кулаков огромные запасы оружия, купленного у дезертиров. Голодные и безоружные, красноармейцы теряются, когда сходятся лицом к лицу с откормленным деревенским мироедом. Кулаков надо тряхнуть посильнее и отобрать оружие. Две-три тысячи хорошо экипированных, надежных коммунистов могли бы укрепить фронт, но Москва не желает их присылать. Украинские большевики совершенно пали духом и поговаривают, что, может быть, стоило бы ненадолго отдать Украину белым — тогда люди перестали бы обманывать себя и попросили бы вернуть большевиков. Троцкий заверял Политбюро, что изо всех сил борется с такими настроениями. Но украинским дивизиям нужно дать передышку, возможность отмыться, одеться и приготовиться к наступлению.

Но Деникин не дал им передышки. Через две недели добровольческая армия захватила Киев и почти всю Украину и двинулась в наступление на слабый центр Красной армии по направлению Воронеж—Курск, кратчайшим путем направляясь к Москве.

Тогда Троцкий потребовал изменить оперативный план. Он настаивал на переброске резервов верховного командования с восточного участка к Воронежу и Курску. Он повторял требование вновь и вновь, а Политбюро и Генеральный штаб вновь и вновь отказывали ему. Между тем Красная армия не смогла добиться существенного прорыва на Дону, и Деникин взял Курск,

Воронеж и Орел. Только в начале октября, когда серьезная угроза нависла над Москвой, главнокомандующий передумал и начал сосредоточивать резервы на центральном участке. Но к тому времени денкинская армия прорвалась к Туле, после которой открывалась дорога на Москву. Одновременно с этим силы Юденича, вооруженные британским оружием и при поддержке британского военного флота, быстро продвигались к Петрограду со стороны Эстонии и достигли подступов к городу.

Если бы не чрезвычайная тяжесть положения, Троцкий мог бы порадоваться тому, как убедительно события доказали его правоту и заставили всех его противников согласиться с ним. Теперь даже Сталин настаивал на окончательном отказе от камневского плана, и, не жалея оскорблений в адрес Каменева, слово в слово повторял доводы Троцкого¹.

В этот миг всеобщего уныния оптимизм и энергия Троцкого не знали границ. Он был убежден, что наконец предпринятая перегруппировка сил вскоре даст результаты. Фронт был фактически перестроен, резервы накоплены, и войска регулярно получали снабжение, так как пути сообщения резко укоротились. Вражеский фронт был слишком растянут, а Красная армия сжалась, как пружина, готовая к рывку. Троцкий уверенно оценивал материальные и моральные ресурсы Советов. В отличие от всех остальных членов Политбюро, он каждый день видел вокруг себя кошмар Гражданской войны. Его преследовали образы полуодетых солдат, дрожащих от холода, раненых, повально умирающих от нехватки врачей и медикаментов. Он также полностью отдавал себе отчет в нервной неустойчивости армии. Но он был убежден, что в минуту смертельной угрозы армия способна на внезапный порыв воодушевления, он верил в ее готовность к самопожертвованию и в инициативу рядовых солдат и командиров, которые торжествовали над хаосом, куда периодически погружалась революция.

И тогда он поднялся во весь свой рост не только как главный организатор и руководитель армии, но как ее вдохновитель и

---

¹ Позднее на этом основании советские историки приписывали Сталину авторство принадлежащего Троцкому плана наступления. Однако письмо Сталина Ленину, в котором он призывает сосредоточить ударную силу на центральном участке, датируется 15 октября 1919 г. (см.: *Сталин И. Сочинения. Т. 4. С. 275—277*), а Троцкий написал меморандум по тому же вопросу в сентябре (*Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 556—559; Ворошилов К. Сталин и Красная армия. С. 21—22*).

проповедник идеи. Он смело дал выход скрытым духовным ресурсам революции. Можно судить о его призывах, например, по речи на съезде комсомола, проходившем в тот момент, когда белогвардейцы угрожали Москве и Петрограду. Он говорил молодежи о долге, который она должна выполнить «в треугольнике между Южным фронтом и Москвой». Молодежь должна участвовать в мобилизации, должна помогать поддерживать связь между отрядами в бою, пробираться через вражеские линии, чтобы разведывать позиции врага, и так далее. Но прежде чем отправиться на свои смертельно опасные задания, она должна узнать, какое место занимает в делах мира. Ясно, просто, без следа снисходительности, он сделал обзор международного положения. Кроме того, комсомольцы должны понять свою роль в мировой истории, увидеть ее в долгой перспективе медленного, мучительно медленного прогресса человечества «от темного животного царства» к сияющим вершинам цивилизации, к которым ведет социализм. Он заставил своих слушателей вспомнить, как «из темного животного царства выбрался человек, шел дремучими лесами, спотыкаясь, ковыляя, весь в цепях предрассудков. Он создал себе богов, царьков, князьков, потом он заменил многих богов одним богом, многих князьков и царьков одним царем. Но он не остановился на этом. Он отказался от царей и богов вообще и сделал попытку стать свободным хозяином своей собственной жизни... Мы с вами являемся участниками небывалой исторической попытки». «Те многие сотни тысяч лет, в которых человек развивался, боролся, были бы не чем иным, как издевательством над нами, если бы этой дорогой ценой мы не купили нового общества, где все будет построено на тесном сотрудничестве, где каждый человек будет человеку брат, а не враг». Затем он говорил об «огромной кузнице истории», в которой переплавляется русский национальный характер, освобождаясь от своей расплывчатости и бесформенности. «Эта кузница истории — жестока, и отдельные искры и вспышки пламени ранят нас, обжигают... но это пламя и удары молота закаляют народный характер». Счастлив тот, восклицал Троцкий, кто умом и сердцем чувствует электрический ток нашей великой эпохи¹.

15 октября члены Политбюро собрались на заседание в самом мрачном расположении духа. Исход боя в Орле еще не был ясен, а от его исхода зависела судьба Москвы. Казалось, защитникам

---

¹ Троцкий Л. Поколение Октября. С. 157—167.

Петрограда не на что надеяться. Ситуация представлялась Ленину настолько тяжелой, что он предложил оставить Петроград и собрать все возможные силы вокруг Москвы. Он даже рассматривал вероятность сдачи Москвы и отхода большевиков на Урал.

Троцкий категорически возражал против такого решения: Петроград, колыбель революции, нельзя сдавать на милость белогвардейцев. Сдача города могла катастрофически повлиять на всю страну. Нарком вызвался поехать в Петроград и взять на себя оборону столицы. Он представил Политбюро ряд чрезвычайных декретов, нацеленных на всеобщую мобилизацию: следовало распустить множество бесполезных в данное время московских государственных учреждений и ведомств и поставить всех под ружье. Кроме того, он намеревался привести в Петроград подкрепления с тупиковых участков фронта, с берега Белого моря и из польских болот.

На этот раз его поддержали даже давнишние недруги. Сталин тоже выдвигал требование защищать обе столицы¹. В согласии Троцкого и Сталина было согласие врагов на тонущем корабле, когда нужно его спасать. Так как Троцкий вызвался оборонять Петроград, то Сталин сменил его на Южном фронте. Политбюро одобрило предложенные наркомом декреты и выбрало комиссию из четырех человек (Ленина, Троцкого, Каменева, Крестинского), которая должна была проводить их в жизнь. Также Политбюро уполномочило Троцкого ехать в Петроград, но пока не высказалось по его плану обороны. 16 октября, в поезде по дороге в Петроград, Троцкий диктовал свои размышления о сложившейся ситуации. Он высмеивал недавнее заявление Черчилля об антисоветском крестовом походе четырнадцати государств. «Колчак с Деникиным, — писал он, — были бы несравненно более довольны 14-ю дивизиями, чем 14-ю... географическими наименованиями». Громкая радость буржуазного Запада по поводу неминуемого падения Советов преждевременна. Даже если Красная армия не сумеет остановить Юденича у ворот Петрограда, она разгромит его в стенах города. Троцкий набросал примерный план боя внутри Петрограда, который, как ни странно, напоминает тактику Сталинградского сражения во Второй мировой войне.

---

¹ Основано на рассказе самого Троцкого. Из протоколов не следует, что Сталин присутствовал на этом заседании Политбюро. 15 октября он отправил письмо Ленину с Южного фронта. Вероятно, он сообщил свое мнение до отъезда.

«Прорвавшись в этот гигантский город, белогвардейцы попадают в каменный лабиринт, где каждый дом будет для них либо загадкой, либо угрозой, либо смертельной опасностью. Откуда им ждать удара? Из окна? С чердака? Из подвала? Из-за угла? — Отовсюду!.. Мы можем оплести одни улицы колючей проволокой, оставить открытыми другие и превратить их в капканы. Для этого нужно только, чтобы несколько тысяч человек твердо решили не сдавать Петрограда... Достаточно двух-трех дней такой уличной борьбы, чтобы прорвавшиеся банды превратились в запуганное, затравленное стадо трусов, которые группами или поодиночке сдавались бы безоружным прохожим или женщинам... Конечно, уличные бои сопряжены со случайными жертвами, с разрушением культурных ценностей. Эта одна из причин, почему полевое командование обязано принять все меры к тому, чтобы не подпустить врага к Петрограду»¹.

В Петрограде его ждали плохие вести: Юденич захватил Красное Село на подступах к городу. Оборона была ослаблена переводом войск на Южный фронт и дезорганизована предательством среди высокопоставленных офицеров. Зиновьев, редактор «Северной коммуны», пребывал в состоянии прострации, и его нерешительность заразила подчиненных. Но из Москвы Ленин уведомил Троцкого о том, что Политбюро одобрило его план и уполномочило вести бой в стенах города, если будет такая необходимость. Ленин все еще осмотрительно настаивал на том, чтобы Троцкий приготовился к отступлению, приказал вывести из города государственные документы и заминировать электростанции и балтийский флот. Троцкий отвечал уверенно и даже, как бы для того, чтобы придать своей уверенности особенно вызывающий характер, осведомился, позволено ли ему преследовать Юденича в Эстонию, где Юденич прятал «свой хвост»².

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 266—267.

² Этот вопрос вызвал длительный обмен мнениями между Лениным, Троцким и Чичериным. Комиссар иностранных дел, боясь международных осложнений, категорически протестовал против преследования Юденича на территории Эстонии. После чего Троцкий удовольствовался простой угрозой, что Красная армия перейдет границу, если эстонские власти не смогут разоружить отступающую на их земли Белую гвардию. Позиция Балтийских государств беспокоила Политбюро и Троцкого. Троцкий публично пригрозил финскому правительству, что выпустит башкирские дивизии на Хельсинки, если финны сделают хоть шаг в сторону Петрограда. Правительства стран Антанты втайне побуждали Балтийские государства примкнуть к наступлению Юденича; но, напуганные угрозами Троцкого, они заняли выжидательную позицию.

Он снова выступал перед Петроградским Советом, которым руководил в 1905-м и 1917-м: Он честно рассказал о нависшей катастрофе и, призывая отдать все силы на оборону города, не скрывал своих личных чувств к нему:

«Петроград в эти сумрачные, холодные, голодные, тревожные, осенние, ненастные октябрьские дни дает нам снова величавую картину подъема, уверенности в себе, энтузиазма и героизма. Город, который так страдал, внутренне горел, столько раз подвергался опасностям, который так не жалел себя, который так опустошал себя, этот красный Петроград остается тем, чем был, — светочем революции»¹.

О том, к чему привело вмешательство Троцкого, много раз рассказывали очевидцы. Нижеследующий отрывок написан Лашевичем, который в то время, как известно, отнюдь не был другом Троцкого и сыграл видную роль в петроградских событиях:

«Как прибытие свежих частей... присутствие тов. Троцкого сказалось в области установления должной дисциплины и поднятия аппарата боевого и административного управления на должную высоту.

Полетели с своих мест все неспособные. Началась смена высшего и среднего командного состава.

Приказы тов. Троцкого, ясные и четкие, никого не щадившие, требовавшие от каждого напряжения всех сил и точного, быстрого исполнения боевых приказов, сразу показали, что есть рука, которая беспощадно поразит всякого труса, шкурника и предателя.

Началось подтягивание изнутри.

Работа штабов начала налаживаться.

Связь, хромавшая до того времени, заработала удовлетворительно.

Органы снабжения начинают выполнять задания без задержек.

Дезертирство и бегство с фронта сокращаются до чрезвычайности.

По всем частям действуют полевые трибуналы...

Все начинают понимать, что есть только один путь — идти вперед. Назад все пути отрезаны.

Тов. Троцкий вникал во всякую мелочь и вносил свою кипучую, неугомонную энергию и удивительную настойчивость во всякое дело»².

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 287.

² Борьба за Петроград. С. 52—53.

Наступление Юденича продолжалось еще несколько дней. Появление британских танков на окраинах города вызвало панику. Троцкий, верхом на лошади, собрал перепуганных, отступающих солдат и повел их на передовую. В неожиданном приливе находчивости из ворот заводов, работавших в пределах дальности вражеского артиллерийского огня, неожиданно показались похожие на танки машины, и паника прекратилась. Регулярная армия, поспешно сформированное ополчение, даже женские отряды бились, как сказал Юденич, с героическим безумием. Через неделю после приезда Троцкого защитники перешли в наступление. Ко второй годовщине революции, которая также совпала с его сорокалетием, Троцкий вернулся в Москву, чтобы доложить ЦИКу Советов о победе.

Начался последний акт Гражданской войны. Белая армия на Южном фронте тоже дрогнула и начала распадаться¹. Красная армия продвигалась по направлению к Харькову, Киеву и Полтаве. В Сибири Колчак потерпел полное поражение. Течение событий так быстро повернуло в противоположную сторону, что всего через три недели после того кризисного заседания Политбюро, когда разгром смотрел ему прямо в лицо, красная Москва праздновала триумф. На торжественном заседании ЦИКа, посвященного годовщине Октябрьской революции, Троцкого славили как творца победы и наградили орденом Красного Знамени².

---

¹ Никто не определил причин разгрома белых армий более прямо и правдиво, чем сам Деникин: «Освобождение нами огромных областей должно было вызвать народный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти... Вопрос заключался лишь в том, изжит ли в достаточной степени народными массами большевизм и сильна ли воля к его преодолению? Пойдет ли народ с нами?... Жизнь дала ответ сначала нерешительный, потом отрицательный» (Деникин А. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 118). «Набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставила и грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов» (Там же. С. 146). А вот как Врангель подводил моральный итог своей кампании: «Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Здесь все потеряно. Идти второй раз по тем же пугам и под добровольческим флагом нельзя» (Там же. С. 263). Говоря о коррупции в своей армии, Деникин дальше говорит: «Шел пир во время чумы, возбуждая злобу или отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой». И наконец: «Английские патроны и кубанский хлеб текли еще из материальных баз, но моральные базы были уже разрушены» (Там же. С. 314).

² Тем же орденом был награжден Петроград и Сталин, даже не приехавший на церемонию. Позднее Троцкий рассказывал, что присутствовавшие были удивлены почестями, которыми одали Сталина, и что никто ему не аплодировал. Так или иначе, Троцкий был явно раздосадован, по-

Троцкий был на вершине своих политических и военных достижений. Он возглавил революцию, он основал великую армию и привел ее к победе. Он заслужил поклонение друзей революции, как и невольное восхищение и неуголимую ненависть ее врагов. Подобно другим большевистским вождям, он надеялся, что ужасы и бедствия Гражданской войны закончились, что забрезжила эра мирного социалистического строительства. Он хотел внести в это строительство такой же весомый вклад, как и в военные победы. В декабре 1919 года на VII Всероссийском съезде Советов Троцкий подвел итог Гражданской войне; ибо, хотя кое-где еще шли бои, их исход не вызывал сомнений. Он щедро отдал дань тем, кто нес непосильное бремя прошедших лет. Он прославлял комиссаров, хотя некоторые считали наркома их врагом: «В лице наших комиссаров... мы получили новый коммунистический орден самураев, который — без кастовых привилегий — умеет умирать и учит других умирать за дело рабочего класса». Он не жалел похвал для командиров победоносных армий: и бывших царских генералов, и тех, кто поднялся из рядовых, а в мирной жизни был металлургом или парикмахером. С особой теплотой он говорил о заслугах трех командиров: рабочего Фрунзе, гвардейского офицера Тухачевского и революционно-журналиста Сокольников. Затем он очертил перспективы: отмену регулярной армии и преобразование ее в демократическую милицию, вдохновленную социалистическими идеалами, милицию, о которой когда-то мечтал Жорес. У него нашлось даже несколько дружеских слов для меньшевиков, которые в тяжелую минуту бросились на защиту советской власти и также присутствовали на съезде. «Мы все очень высоко ценим тот факт, что и другие партии, которые причисляют себя к оппозиционным... мобилизовали известное количество своих работников для дела армии. Они там все принимают, как братья». Несколькими месяцами раньше он угрожал меньшевикам, что их «раздавят в порошок», если они будут мешать обороне. Теперь же он обратился к Мартову, который поздравил большевиков с военными и дипломатическими успехами, с такими словами: «Я уверяю, что говорю без задней мысли и без оттенка иронии, что у

сколько вскоре после этого он написал: «Петроград награжден орденом Красного Знамени, — вот кто его действительно честно заслужил! При награждении отдельных лиц всегда могут быть ошибки, случайные привилегии. Но при награждении Петрограда не было ни ошибки, ни пристрастия» (Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 310).

меня было чувство радости, когда Мартов, говоря о нашей армии и о нашей международной борьбе, сказал «мы», ибо этим он как бы приобщил известную идейную и политическую силу к нашей работе».

Подобно другим большевикам, Троцкий нетерпеливо ожидал, когда наконец наступит мир во внутренней политике, который позволит партиям хотя бы социалистической оппозиции возобновить открытую деятельность. Сокращение полномочий ЧК и отмена смертной казни в январе 1920 года задумывались как первые шаги в этом направлении. Но оптимистичным надеждам не суждено было сбыться.

Ужасы войны еще не ушли в прошлое¹.

---

¹ Материал для этой и следующей глав взят, среди прочего, из книг: Бубнов, Каменев, Эйдеман. Гражданская война. Т. 1—3; Какурин. Как сражалась революция. Т. 1—2; Фрунзе. Собрание сочинений. Т. 1—3.

Глава 13

НАСТУПАТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

На протяжении этих лет вожди большевизма с нетерпением высматривали признаки революции в Европе. Каждый этап общественно-политической борьбы в Европе оказывал непосредственное влияние на ход Гражданской войны. Падение Гогенцоллернов и Габсбургов позволило Советам вернуть земли, потерянные по Брест-Литовскому мирному договору. Однако вскоре после этого победившая Антанта объявила блокаду России, за чем последовал «крестовый поход четырнадцати государств». Одна только угроза интервенции глубоко повлияла на российскую ситуацию. После революции старые правящие классы находились в состоянии полной подавленности, в ужасе от сознания того, какая пропасть отделила их от народа. Им не хватало организованности и веры в свое дело, их раздирали противоречия, они были не способны составить какой-либо план действий¹. Обещанная интервенция вселила храбрость в их сердца. Только после того, как Антанта сдержала обещание, после того, как британские, французские и американские офицеры появились в штабах белогвардейских генералов, а первые иностранные пушки и боеприпасы достигли русских берегов, начали пополняться ряды Белой гвардии и Гражданская война разгорелась в полную силу. Большевики считали, что парализовать интервенцию может только сильное революционное брожение за границей. Они были вынуждены переносить борьбу во вражеский лагерь, тем более что они сами неоднократно

---

¹ Один из первых вождей Белой гвардии, генерал Каледин, прежде чем совершить самоубийство в 1918 г., сказал: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно» (Деникин А. Указ. соч. Т. 2. С. 220).

но утверждали, что европейские правящие классы не примирятся с русской революцией и что революция в целях самосохранения должна пойти в атаку на капиталистический строй Европы, который так или иначе вот-вот рухнет под ударами европейских рабочих. Пророчество наполовину сбылось: правящие классы стран Антанты действительно объявили войну большевизму; и в отдельные моменты казалось, что и вторая половина пророчества, предвещавшая восстание европейского пролетариата, близка к осуществлению.

С ноября 1918 года Германию и большую часть Центральной Европы сотрясали революционные спазмы. В Берлине, Вене и Варшаве бок о бок с социал-демократическими правительствами существовали Советы рабочих депутатов. Большевики, глядя на происходящее сквозь призму своего недавнего опыта, видели в этом точное воспроизведение «двоевластия», возникшего в России в результате Февральской революции. Они рассуждали о «немецком Феврале» и ждали быстрого распада двоевластия, подъема к власти Советов рабочих депутатов и «немецкого Октября».

Весьма наивно было считать, что история может так скоро и с такой точностью повторяться в стране за страной. Однако механика всех классических народных революций имеет много общих черт. Все начинаются с частичного крушения существующей системы управления, все проходят через промежуточную стадию двоевластия, и во всех консервативные, умеренные и примиренческие партии, будучи не в состоянии договориться друг с другом, по очереди исчерпывают и дискредитируют себя. Большевики рассчитывали, что именно так все и произойдет в других странах. Их расчеты были ошибочны не только в определении сроков революционных событий, но и в самом своем основании: в том допущении, что европейский капитализм дошел до последней черты. Они слишком недооценивали его живучесть, приспособляемость и его влияние на верноподданнические чувства рабочего класса. Революционное брожение набрало в Европе достаточную силу, чтобы меньшинство пролетариата решилось последовать за большевиками. Остальные же старались заставить имущие классы и правительство пойти на реформы. Но, даже выказывая сочувствие к русской революции, они не желали вставать на революционный путь, ведущий к гражданской войне, и жертвовать на этом пути уровнем жизни, личной безопасностью и реформами, уже осуществленными и теми, которых они надеялись добиться.

Историческая трагедия большевизма в его героический период состояла в том, что он не просто отказывался примириться с этим фактом, но даже не допускал подобной мысли. Большевистские вожди видели в относительном консерватизме европейского рабочего класса обманчивую видимость политики, под которой пульсируют революционные порывы пролетариата. Нужно только пробиться сквозь тонкий верхний слой и освободить скрытую антикапиталистическую энергию. Подобное представление об окружающем мире основывалось на чем-то большем, чем неверная политическая оценка. В нем отражалась психологическая неспособность раннего большевизма признать свое одиночество в мире, неспособность, общая для всех вождей революции, но ни в ком другом она не проявилась столь же сильно и полно, как в Троцком. Инстинктивный страх изоляции пронизывал все его существо, его разум и душу. Ни одному из большевистских лидеров еще не приходила в голову идея «построения социализма в отдельно взятой стране». Но для Троцкого изоляция была слишком чудовищным кошмаром, чтобы даже задумываться о ней, ибо это значило, что первую и до сих пор единственную попытку построить социализм придется делать в наихудших возможных условиях, не обладая ни преимуществами международного разделения труда, ни обогащающим влиянием давних и сложных культурных традиций, в ситуации столь подавляющей материальной и культурной нищеты, примитивности и неразвитости, что она могла исказить или извратить самую форму борьбы за социализм. Рано или поздно страх перед изоляцией должен был столкнуться с реальностью, и это должно было заставить большевизм судорожно бороться с собственными представлениями о мире.

После Бреста, когда эта дилемма впервые поколебала его внутреннюю уверенность, Троцкий нашел для себя некое спасение в геркулесовых подвигах Гражданской войны. На некоторое время его ужас перед изоляцией трансформировался в яростные вспышки веры в неминуемое распространение революции. В январе 1919 года, когда улицы Берлина перегородили баррикады, он писал: «Уже не призрак коммунизма ходит по Европе... коммунизм шествует по Европе во плоти и крови»¹. А идеи и надежды буржуазии приняли в его глазах вид полной нереальности. Он увидел нечто призрачное в том, как американский президент

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 13. С. 6—14.

Вильсон, «Тартюф на постном квакерском масле, странствует по окровавленной Европе, как высший представитель морали, как мессия американского доллара, карает, милует и устраивает судьбы народов». Европа не может не понять, что ее единственное спасение во всеобщей федерации советских республик, и, как только «советская Германия войдет членом в эту семью», она «месяцем позже или раньше включит в свой состав советскую Италию, советскую Францию»¹.

В первую неделю марта 1919 года в стенах Кремля случилось знаменательное событие. В здании старого императорского суда Ленин открыл съезд примерно четырех десятков делегатов из разных зарубежных левосоциалистических групп. Их приезд был в некотором смысле первой брешью в блокаде. Большинству делегатов пришлось тайком пробираться через границы: некоторым власти помешали выехать, других арестовали по пути. Будучи так долго отрезанными от Запада, большевики жадно слушали доклады делегатов о положении дел за рубежом. Доклады были путаными и противоречивыми, но в конечном итоге, казалось, оправдывали ожидание скорой революции.

Цель конференции была не вполне ясна. Она должна была либо провозгласить основание 3-го Интернационала, либо предварительно подготовить его провозглашение. Большевики склонялись к немедленному основанию нового Интернационала, но сначала хотели выслушать мнение зарубежных делегатов. Самые важные из них, немцы, утверждали, что представленные на конференции группы, кроме российской партии, слишком слабы, чтобы представлять собой полноправный Интернационал. Однако один австрийский делегат, прибывший в разгар дебатов после опасного пути, поразительно описал кипящую революцией Европу и страстно призвал конференцию тотчас же поднять знамя нового Интернационала. Конференция отозвалась на призыв: она провозгласила себя учредительным съездом Коммунистического интернационала. Так, порожденная желанием, вскормленная заблуждением и поддержанная случаем появилась на свет великая организация.

Ее рождение совпало с упадком революции в Европе. Январское восстание в Берлине было подавлено, его невольные лидеры Роза Люксембург и Карл Либкнехт погибли. Это был поворотный пункт европейской истории, ибо ни одна из революцион-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 13. С. 6—14.

ных волн, нахлынувших в последующие годы, не сравнилась в силе и влиянии с волной 1918 года. Большевистские вожди не смогли разглядеть перелома. Крах январского восстания в Берлине казался им эпизодической неудачей, очень похожей на их неудачу в июле 1917 года, за которой должно было последовать обострение общественной борьбы. Приветствуя в Кремле иностранных делегатов, Ленин сказал им: «Не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Европы, как, например, в Германии, гражданская война стала фактом... Мировая революция начинается и усиливается во всех странах... Советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее развитой стране Европы — в Германии, а также и в самой старой капиталистической стране — Англии»¹. Ленин не меньше Троцкого поддался этой иллюзии, хотя у Троцкого с его слабостью к головокружительным предсказаниям ошибка кажется еще более вопиющей.

Едва ли Ленин и Троцкий учредили бы Интернационал, если бы яснее представляли себе положение дел в Европе. Безусловно, они не отказались бы от идеи нового Интернационала, которую отстаивали с 1914 года. Но от зарождения идеи очень далеко до представления, что идея стала реальностью. В период Циммервальда и Кинталя Троцкий и Ленин обдумывали основание нового Интернационала не с той целью, чтобы он представлял революционное меньшинство и конкурировал со старым «социал-патриотическим» Интернационалом, но чтобы он встал во главе рабочего движения и полностью заменил старый Интернационал. Троцкий однозначно утверждал, что если революционные марксисты останутся в меньшинстве, то они могут вернуться к старому Интернационалу как его левое крыло. Ни Троцкий, ни Ленин даже не думали о том, чтобы придавать объединению мелких политических сект звучное имя Интернационала.

И все же именно это они и сделали в марте 1919 года. Большинство делегатов, считавших себя основателями Коминтерна, представляли лишь мелкие марксистские или пацифистские фракции, гнездившиеся в углах европейского рабочего движения. Возможно, в действительно революционной ситуации это могло бы не иметь значения, ибо в такой ситуации, как правило, именно крайние фракции быстро приобретают влиятельное положение и власть. Большевики не вполне отдавали себе отчет в слабос-

---

¹ Ленин В.И. Сочинения. Т. 28. С. 433—434.

ти своих зарубежных товарищей; но даже если бы они целиком осознали ее, все-таки оставалась надежда, что по мере распространения международной революции их товарищи наберут силу, как набрали силу большевики, которые сами в 1917 году были немногим более чем «фракцией». Надежду еще больше укрепляло то, что 2-й Интернационал настолько дискредитировал себя, что казался безвозвратно погибшим. Однако широкая рабочая оппозиция старому Интернационалу коренилась не в уверенной революционной позиции, но в ненависти к войне и «социал-патриотизму». Большевики, что вполне естественно, перепутали мотивы. Но и в этом случае их ожидания не были совершенно беспочвенны: за год новый Интернационал действительно приобрел внушительное влияние на европейское рабочее движение.

Троцкий лишь мельком появился на учредительном съезде. Только что началось весеннее наступление Колчака, и Троцкий, прервав инспектирование фронтов, прибыл на конференцию прямо с поезда, в гимнастерке, и принес с собой дух Гражданской войны. Делегаты, знавшие его как циммервальдского оратора, затаив дыхание, смотрели на бывшего убежденного анти-милитариста, превратившегося в военачальника. Он наскоро объяснил участникам конференции главные принципы своей военной политики и затем предложил их вниманию манифест, представивший миру новый Интернационал. Манифест начинался с краткого и острого обзора перемен, которые в последнее время претерпел капитализм. Война нанесла урон принципу неограниченной свободы предпринимательства. Отныне государство начинало вмешиваться в экономическую жизнь. Какое же государство будет управлять ею, буржуазное или пролетарское? Вот в чем был вопрос. Реформисты и «социал-патриоты» избегали отвечать на него и проповедовали соглашательство. «Если бы эта проповедь могла быть воспринята рабочими массами, капиталистическое развитие восстановилось бы на костях нескольких поколений в новых, еще более концентрированных и чудовищных формах, с новой перспективой неизбежной мировой войны. К счастью для человечества, это невозможно»¹. Если социализм победит в Европе, он освободит колониальные народы и «придет освобожденным колониям на помощь своей техникой, своей организацией, своим идейным влиянием, чтобы ускорить их переход к планомерному организованному социалистическому хо-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 13. С. 38—49.

зйству. Колониальные рабы Африки и Азии! Час пролетарской диктатуры в Европе пробьет для вас, как час вашего освобождения». От первых заявлений классиков марксистской политики манифест главным образом отличался тем, что особо подчеркивал роль диктатуры пролетариата, революционной партии и необходимость активного противостояния буржуазной демократии. Но если здесь мы имеем разногласия в акцентах, а не в принципах, то идея союза между социалистической революцией на Западе и колониальными народами Востока была довольно нова. Она несла на себе печать 3-го Интернационала. Тем не менее манифест главным образом был адресован Европе:

«Весь буржуазный мир обвиняет коммунистов в уничтожении свободы и политической демократии. Это неправда. Приходя к власти, пролетариат только обнаруживает полную невозможность применения методов буржуазной демократии и создает условия и формы новой, более высокой, рабочей демократии... Вопли буржуазного мира против гражданской войны и красного террора представляют собою самое чудовищное лицемерие, какое знала история политической борьбы. Гражданской войны не было бы, если бы клики эксплуататоров, приведшие человечество на край гибели, не сопротивлялись каждому шагу трудящихся вперед, не организовывали заговоров и убийств и не призывали вооруженной помощи извне для удержания или восстановления своих грабительских привилегий... Никогда не вызывая искусственно гражданской войны, коммунистические партии стремятся сократить по возможности ее длительность... уменьшить число ее жертв и, прежде всего, обеспечить победу за пролетариатом».

Участники Коминтерна отнюдь не собирались составлять группу заговорщиков или отказываться от наследия европейского социализма и с гордостью сознавали «себя прямыми продолжателями героических усилий и мученичества длинного ряда революционных поколений от Бабефа до Карла Либкнехта и Розы Люксембург»¹.

Не прошло и месяца с момента обнародования манифеста, как революция завоевала важные позиции в Центральной Европе: Венгрия и Бавария провозгласили себя советскими республиками. Ожидания большевиков воспарили до небес: из Мюнхена и Будапешта революция должна тотчас же перекинуться на Берлин и Вену. Известие достигло Троцкого, когда он готовил наступление

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 13. С. 38—49.

в предгорьях Урала, и там, в болотах на границе с Азией, он приветствовал обещанное Западом спасение революции. В «Мыслях о ходе пролетарской революции», написанных под свежим впечатлением событий, он замечал: «Когда-то церковь говорила: «Свет с востока». В нашу эпоху с востока началась революция», но «революция, которую мы переживаем, является пролетарской, а пролетариат сильнее в старых капиталистических странах, многочисленнее, организованнее, сознательнее». Однако он испытывал некоторые опасения по поводу странного хода событий. Венгрия была самой отсталой частью в Австро-Венгерской империи, Бавария — самой отсталой землей Германии. В обеих преобладали крестьяне, а не рабочие; обе традиционно считались оплотами реакции. Почему же получилась так, что именно там революция заняла твердые позиции, а не в центрах пролетарского социализма?

Вот как он отвечал на собственный вопрос: хотя пролетариат и слаб в отсталых странах, правящие классы там еще слабее. «История пошла по линии наименьшего сопротивления. Революционная эпоха ворвалась через наименее забаррикадированную дверь». Эта метафора вызывала в сознании Троцкого и другие мысли. Он не сомневался в том, что революция пробьется к самому сердцу твердыни империализма. «Если сегодня центром Третьего Интернационала является Москва, то — мы в этом глубоко убеждены — завтра этот центр передвинется на запад: в Берлин, Париж, Лондон. Как ни радостно приветствовал русский пролетариат представителей мирового рабочего класса в стенах Кремля, но с еще большей радостью пошлет он своих представителей на второй съезд Коммунистического Интернационала в один из западноевропейских центров. Ибо международный коммунистический конгресс в Берлине или Париже будет означать полное торжество пролетарской революции в Европе, а стало быть, и во всем мире... Какое счастье — жить и бороться в такое время!»¹

Едва прошло три месяца, как грандиозные перспективы и надежды развеялись по ветру. Советская Бавария сдалась войскам генерала Гофмана, противника Троцкого по Бресту. Белый террор воцарился на руинах Венгрии. Рабочие Вены и Берлина безразлично смотрели на подавление двух Коммун. Германия и Австрия, да, пожалуй, и вся Европа, казалось, нашли новое консервативное равновесие, только что заключив Версальский мир. Эти события совпали с самым тяжелым испытанием Граждан-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 13. С. 14—30.

ской войны: британская и французская интервенция достигла своего накала, Деникин захватил Украину и продвигался к Москве.

Это был странный миг в истории большевизма. Антисоветская интервенция набирала силу и почти не встречала действительного сопротивления со стороны рабочего класса Запада. Революция потеряла свои позиции в Центральной Европе. Даже в России ей угрожала самая серьезная опасность — лишиться сравнительно зажиточных и цивилизованных западных и центральных областей и отступить на пустоши Востока, ибо только там ход Гражданской войны благоприятствовал действиям Красной армии. Но если удача не улыбнулась большевикам с Запада, она же открыла им новые возможности на Востоке. Не только дикие горные хребты Урала дали приют Советам. За Уралом и Сибирью зашевелилась Азия, восставая против буржуазного Запада. В Индии произошла «Амритсарская бойня», после которой возглавленное Махатмой Ганди движение гражданского неповиновения превратилось в общенародное восстание против британцев. Это стечение обстоятельств заставило работать политическое воображение Троцкого и направило его в любопытную сторону.

5 августа 1919 года Троцкий отправил с фронта в ЦК секретный меморандум, призывая к радикальной переориентации в международных делах. Он утверждал, что революция отброшена на Восток и должна повернуться лицом к Востоку. Он по-прежнему считал, что европейская революция задержится не более чем на год — пять лет, и не верил, что Деникину удастся закрепиться на Украине. Однако, писал он, в Европе Красная армия может сыграть лишь незначительную роль, в наступательном или оборонительном отношении. Но ворота в Азию открыты перед ней. Там Красная армия встретится только с японскими силами, которые слишком малы для сибирских просторов и которым помешают американцы, не желающие терпеть японскую экспансию¹. Авторитет советской власти в Азии таков, что большевики вправе не только дожидаться там ново-

---

¹ Троцкий заметил, что США так пугает японское господство в Сибири, что вашингтонские негодяи (хотя они по-прежнему использовали Колчака как своего агента), может быть, еще решат поддержать Советы против Японии. Спустя некоторое время Ленин также отметил значение соперничества между Америкой и Японией (*Ленин В.И. Сочинения. Т. 31. С. 433—440*).

го развития европейских событий, но и начать интенсивную деятельность на Востоке.

В тоне разочарования недавно основанным Интернационалом Троцкий предположил, что вскоре организация, направляющая революцию в Азии, станет гораздо важнее ЦИКа Коминтерна. Возможно, что дорога в Индию окажется для Красной армии гораздо легче и короче, чем дорога в Советскую Венгрию. Один «серьезный военный» предложил ему план формирования экспедиционных кавалерийских войск для индийской кампании. Троцкий повторил, что революционная дорога в Париж и Лондон может вести через Кабул, Калькутту и Бомбей. С чрезвычайным упорством он предлагал создать на Урале промышленную базу, чтобы дать Советам независимость от стратегически уязвимого Донбасса; открыть революционную академию на Урале или в Туркестане, организовать политические и военные штабы для руководства борьбой в Азии; мобилизовать для этого технических специалистов, проектировщиков, переводчиков и других профессионалов, особенно из украинских коммунистов, которые, потеряв Украину, должны помочь революции укрепиться в Сибири.

Все эти предложения имели весьма отдаленное отношение к тому, что можно было и следовало сделать непосредственно для того, чтобы предотвратить военный разгром. Вместе с меморандумом Троцкий отправил еще два письма, где подробно высказывал свои мысли о капитальной реорганизации Южного фронта. Можно предположить, что Политбюро немедля обратило на них более пристальное внимание, чем на «азиатскую переориентацию»¹. Да и в самом Троцком эта концепция не успела пустить глубоких корней. Она появилась как импульсивный ответ его разума на необыкновенное стечение обстоятельств и шла вразрез с главным — европейским — направлением его мыслей. Тем не менее она имеет ценность как указатель, обращенный в будущее. Обстоятельства, давшие начало азиатской концепции, — разрыв России с Западом и состояние неопределенности в отношении перспектив европейской революции — сохранились и после окончания интервенции и Гражданской войны; и Троцкий в основном очертил тот путь, по которому пойдет ответная реакция на эти обстоятельства. Сердоточие интересов советской власти

---

¹ Влияние идей Троцкого, безусловно, можно проследить в работе II конгресса Коминтерна и Конгресса восточных народов, который через год состоялся в Баку.

переместится на восток, за Урал и дальше. Правда, не Троцкий, а Сталин станет главным проводником и движителем этого важнейшего перемещения, которое не могло не повлечь за собой «ориентализацию» умственного и политического климата революции. Дорога революции если и не в Калькутту и Бомбей, то в Пекин и Шанхай оказалась впоследствии гораздо короче, чем дорога в Париж или Лондон, и определенно легче, чем дорога в Берлин и даже Будапешт. В этом заслуга плодотворного разума Троцкого, который мельком увидел будущие горизонты гораздо четче, чем большинство его современников.

До конца 1919 года большевики снова с надеждой обратили взоры на Запад. Они снова установили свою власть на Украине и в южных областях Европейской России. Белые армии ждали решающего удара. Западноевропейская рабочая оппозиция наконец стала серьезно препятствовать британско-французской интервенции. Только отношения с Польшей были в подвешенном состоянии. Франция подстрекала Польшу выступить в авангарде антисоветского крестового похода. Но Пилсудский, в то время уже пришедший к власти, но еще не установивший диктатуру, занял двойственную позицию. Он вынашивал планы завоевания Украины, где польские помещики раньше владели крупными поместьями, и создания польско-украинской федерации под флагом Польши. Но он медлил, пока силы большевиков вели бои с Белой гвардией, так как знал, что победа Деникина или Юденича будет означать конец польской независимости. В строгой тайне от французов, которые вооружали и экипировали его армию, он заключил с большевиками неформальный договор о прекращении огня. Какое-то время казалось, что прекращение огня приведет к перемирию и в дальнейшем к миру. В ноябре 1919 года Политбюро обдумывало предложенные поляками условия договора. Оно сочло условия приемлемыми и поручило Троцкому и Чичерину проработать детали.

Большевистские вожди были так уверены в заключении мира, что перевели на мирные рельсы те войска, которые непосредственно не участвовали в боях, и преобразовали их в рабочие армии. 16 января 1920 года Антанта сняла блокаду России, и ЦИК Советов сразу же издал декрет о вышеупомянутых изменениях — отмене смертной казни и сокращении полномочий ЧК. Однако через несколько дней, 22 января, Троцкий сообщил Политбюро

о своих опасениях: он подозревал, что Пилсудский готовится к войне. При поддержке Ленина он продолжал укреплять Красную армию на польском фронте.

В начале марта поляки нанесли удар. С Урала, где Троцкий инспектировал трудовые армии, он бросился в Москву. Правительство приостановило или отменило мирные реформы. Страну снова охватил воинственный дух.

Ввиду последовавших событий стало очевидным, что в тот момент Троцкий выступал за политику силы в отношениях с Польшей. В течение многих месяцев Чичерин напрасно направлял в Варшаву секретные предложения мира, призывая урегулировать пограничные споры, причем чрезвычайно благоприятным для Польши образом. Пилсудский игнорировал старания Чичерина и ничего не сообщал о них польской общественности. Чичерин продолжал делать ему мирные предложения даже после начала польского наступления. Однако линия его поведения вызвала протест в Комиссариате иностранных дел, особенно у его заместителя Литвинова. Троцкий вмешался и твердо встал на сторону Литвинова. Он убеждал Политбюро прекратить заигрывания с Пилсудским. Пилсудский видел в них всего лишь признак слабости Советов, а так как мирные попытки делались втайне, то они не смогли повлиять на общественное мнение Польши и склонить его в сторону мира. Троцкий потребовал вернуться к открытой дипломатии, которая покажет польскому народу, кто несет ответственность за развязанную войну. Пилсудский положил конец этому спору, ибо вскоре он нашел предлог для прекращения переговоров, вторгся на Украину и захватил Киев. 1 мая 1920 года Троцкий призвал Красную армию нанести «такой удар польским помещикам и капиталистам, чтобы эхо его прозвучало на улицах Варшавы и во всем мире».

Польское вторжение глубоко взволновало Россию. Впервые большевики заговорили о национальной, а не гражданской войне. Конечно, для них это была борьба против «польских помещиков и капиталистов», гражданская война под прикрытием национальной. Но какими бы ни были мотивы, русско-польский конфликт освободил патриотические порывы и шовинистические чувства, с которыми большевики не могли совладать. Для консервативных элементов это была война против извечного врага, с чьим появлением в качестве независимого государства они не могли примириться, — поистине война за Россию, пусть даже и инспирированная большевистскими интернационалистами. Для православных

это была война против народа, безнадежно погрязшего в католической ереси, христианский поход, пусть даже и возглавленный коммунистическими безбожниками. Некоторые из этих консервативных элементов в душе сочувствовали белогвардейцам. Но теперь, когда Белая гвардия развалилась, они искали предлог, который позволил бы им пристроиться к победившей стороне, не потеряв лица патриота и православного. Польское нашествие предоставило такой предлог. Генерал Брусилов, главнокомандующий при старом режиме, встал во главе движения новообращенных. Он предоставил себя в распоряжение Троцкого и призвал всех добрых россиян последовать его примеру. Так, вдобавок к революционным бликам, картина войны приобрела националистические полутона. Войска Пилсудского немало постарались для того, чтобы усилить антипольские настроения. На оккупированной Украине они вели себя как хозяева, начали восстанавливать польских помещиков в их прежних владениях и отмечали свои победы расстрелами военнопленных и погромами.

То, что большевиков подхватил прилив национального единства, стало для них невиданным опытом. Троцкий изо всех сил старался упрочить интернационалистские убеждения партии. Он приветствовал брусиловское проявление солидарности с Красной армией, но публично отверг шовинистический и антикатолический тон Брусилова. Когда пошли слухи, что Брусилов поведет красноармейцев против поляков, Троцкий опроверг их в категорической форме, заявив, что польский фронт находится под командованием Тухачевского и Егорова, чья верность интернационалистской идее революции проверена в Гражданской войне. В разгар военных действий он публично приказал закрыть «Военное дело», журнал Генерального штаба, потому что в статье о Пилсудском он прибег к языку, «проникнутому насквозь духом грубого шовинизма». Также он приказал провести расследование по факту и установить непосредственных виновников «напечатания... статьи, дабы раз и навсегда отстранить их от прикосновения к работе, имеющей своей задачей просвещение и воспитание Красной армии»¹. (В ту эпоху, когда в военное время «цивилизованные» государственные деятели и публицисты без зазрения совести клеймили недругов кличками варваров и зверей, недостойных звания человека, этот случай казался чем-то вроде благородной причуды.) В свои приезды на

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 2. Кн. 2. С. 153.

фронт Троцкий старался обуздать озлобление, вызванное в армии сообщениями о расстрелянных поляками пленных. Клеветать нельзя даже на врага, говорил он на солдатских митингах на передовой. Он категорически запретил мстить польским пленным. «Да будет отсечена рука того красноармейца, который на пленного и безоружного, больного и раненого поднимет нож», — написал он. Безжалостный в битве, красноармеец должен быть великодушен к пленному и беспомощному врагу¹.

Успех Пилсудского на Украине продлился недолго. Несколько недель польской оккупации хватило, чтобы поднять украинское крестьянство против захватчиков. Армии Тухачевского на северном участке фронта и Егорова на южном получили подкрепления за счет дивизий, освобожденных из боев с Деникиным и Колчаком. Красная армия, при всех трудностях со снабжением, находилась на пике своей силы — еще до окончания польской кампании под ее знаменами будет стоять пять миллионов человек. 12 июня большевики взяли Киев, и спустя некоторое время войска Пилсудского в панике отступили к границам этнической Польши.

И тут вмешались важные политические вопросы, усложнив ход войны. Какие-то из них касались отношений России с Великобританией, другие влияли на ее позицию по отношению к Польше, и эти два ряда проблем в некоторых своих точках пересекались.

Противодействие британского лейбористского движения интервенции и разгром Белой гвардии ослабили партию интервенции, возглавляемую Уинстоном Черчиллем. Премьер-министр Ллойд Джордж склонялся к выводу интервентов и возобновлению торговых отношений с Россией. В конце мая 1920 года советское торговое представительство под началом Красина отправилось из Москвы в Лондон. Однако тем временем партия интервенции укрепила позиции в результате побед Пилсудского. У Политбюро сложилось впечатление, что британское правительство, как и французское, целиком и полностью поддержало Пилсудского. Комиссариат иностранных дел и Коминтерн попытались ослабить позиции британцев в Азии, особенно в Персии и Афганистане, как год назад предлагал Троцкий. Но прошло немного времени, и официальная политика Британии, словно

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 403—405.

маятник, качнулась в другую сторону: сопротивление лейбористов интервенции достигло апогея, к тому же Красная армия, погнавшая поляков, еще раз доказала ее тщетность.

11 июля лорд Керзон, министр иностранных дел Великобритании, предложил посредничество своего правительства в переговорах между Советской Россией и Польшей, а также между Советами и остатками деникинской армии, которые под началом барона Врангеля окопались в Крыму.

Весь июнь и июль Политбюро и Наркомат иностранных дел пытались разобраться в намерениях британских политиков. Троцкий неоднократно вмешивался в дискуссию и оказывался в оппозиции большинству. Об этих спорах красноречиво рассказывают личные письма Троцкого к Чичерину, Ленину и другим членам Политбюро, а также лаконичные записки Ленина, сделанные им собственноручно, содержащиеся в архивах Троцкого. В меморандуме от 4 июля Троцкий настойчиво убеждал занять примирительную позицию по отношению к Британии. Он утверждал, что британская политика никоим образом не может сосредоточиваться на единственном курсе на интервенцию и что поддерживать ее неустойчивость в интересах Советов. Попытки большевиков устроить антибританский мятеж на Ближнем Востоке, не говоря уж о ближневосточных военных экспедициях, заставят британскую политику укрепиться в крайне враждебном отношении к Советам. В прошлом августе он сам придавал большое значение революционным движениям в Азии, но теперь, в свете новой информации, утверждал, что этим движениям на Ближнем Востоке не хватает внутренней силы¹. Большевики должны активизировать революционную пропаганду и работу подпольных организаций, но не предпринимать никаких шагов, которые могли бы вовлечь их в рискованные военные операции. В лучшем случае можно использовать революционную угрозу на Ближнем Востоке как козырь в дипломатических переговорах с Великобританией. Однако необходимо использовать каждую возможность, дабы убедить британцев, что Советы не против того, чтобы договориться по поводу Востока.

На полях этого документа Ленин с некоторой иронией заметил, что Троцкий, как и Красин, ошибается насчет британской

---

¹ Троцкий прибавил, что даже в Советском Азербайджане, на Кавказе, у которого многочисленный промышленный пролетариат и старые связи с Россией, советский режим не стоит на собственных ногах.

политики: ее курс незыблем, и «абсолютно ясно», что Англия помогает и будет помогать и полякам, и Врангелю¹.

В июле, после того как лорд Керзон сделал свое предложение, этот вопрос обсуждался снова. Ленин сообщил о предложении Троцкому, который находился на фронте. В тот же день, 13 июля, Троцкий ответил двумя телеграммами, где убеждал Политбюро и Чичерина согласиться на посредничество британцев между Россией и Польшей и поставить целью на переговорах перемирие, которое приведет к заключению мира как с Антантой, так и с Польшей². Он снова посоветовал Политбюро обратить более пристальное внимание на расхождения между общественным мнением Британии и ее официальной политикой³.

Политбюро не приняло ни предложений Троцкого, ни, разумеется, британцев и, как ни странно, попросило Троцкого дать отпор лорду Керзону. Движимый принципом солидарности, он так и сделал. В блестящем саркастическом манифесте, из которого никто даже отдаленно не мог догадаться о том, что на самом деле у него на уме, Троцкий объяснил, что «великобританское правительство... [не призвано] вмешиваться во внутренние дела Российской Советской Федерации и миротворчески улаживать гражданскую войну, которую они сами преступно вызвали и разожгли»⁴.

В конце концов, это разногласие касалось только дипломатической тактики. Но оно было связано с другим разногласием, фундаментальным. Отвергнув предложение Керзона, Ленин потребовал яростно ускорить наступление на Польшу. Троцкий и тут был против. К тому моменту Красная армия заняла все украинские и белорусские земли и стояла примерно на той линии, по которой лорд Керзон, когда он еще рассчитывал на победу Деникина, предлагал провести границу между Россией и Польшей. Там Троцкий собирался остановить преследование и открыто предложить мир. Ленин и большинство членов Политбюро склонялись к тому, чтобы гнать врага до Варшавы и дальше.

---

¹ Резолюция Политбюро, также датированная 4 июня, свидетельствует о том, что, по мнению Политбюро, Пилсудский действовал в сговоре с немецким правительством.

² Однако Троцкий был против какого-либо посредничества между Советами и Врангелем, считая это внутренним делом России.

³ Кстати, Троцкий попросил обратиться за консультацией по поводу общественного мнения в Британии с Теодором Ротштейном, выдающимся марксистом русско-британского происхождения.

⁴ *Троцкий А. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 426 и дальше.*

Снова в вопрос стратегии вмешалась политика. Вариант Троцкого был связан с риском. Вряд ли Пилсудский согласился бы на границу вдоль линии Керзона. Он мог воспользоваться передышкой, данной ему перемирием, чтобы подготовить свое возвращение. Троцкий был готов рискнуть. Он сосредоточился на политических и моральных преимуществах своей стратегической линии и опасностях, связанных с ленинской. Он доказывал, что, предложив мир прямо и открыто, Советы ясно покажут, что не покушаются на независимость Польши и не претендуют на исконно польские земли, и тем произведут хорошее впечатление на польскую общественность. Если Пилсудский примет предложение, тем лучше. Если нет, то польский народ и весь мир узнают, кого винить в продолжении войны. Троцкий говорил, что поход Красной армии на Варшаву без предварительного предложения мира неблагоприятно повлияет на отношение поляков к русской революции и сыграет на руку Пилсудскому. Почти полтора века большая часть Польши входила в состав Российской империи. Прошло менее двух лет с тех пор, как Польша получила независимость, которую торжественно гарантировала ей российская революция. Российская армия, вторгшаяся на польскую землю, пусть даже вследствие провокации Пилсудского, пусть даже идущая под красными флагами, покажется полякам прямой наследницей тех царских армий, которые держали в неволе еще их отцов и дедов. Тогда поляки будут защищать родную землю не на жизнь, а на смерть¹.

Ленин не разделял его колебаний и опасений. Не кто иной, как Пилсудский, выступил в роли агрессора, обдуманно и не скрываясь, тогда как Ленин все усилия прилагал к тому, чтобы избежать войны. Теперь, как считал Ленин, когда военная удача перешла на сторону Красной армии, это были ее долг и право — пожинать плоды своей победы: ни один разумный полководец не остановит победоносную армию на полпути, преследуя почти побежденного врага, и никакие моральные, политические или стратегические принципы не воспрепятствуют армии вторгнуться на территорию агрессора в ходе этого преследования.

Но этим доводы Ленина не исчерпывались. Он полагал, что польские рабочие и крестьяне встретят красноармейцев как освободителей. Все советские вожди, включая Троцкого, весьма ту-

---

¹ Малые балтийские государства испытывали те же чувства. На протяжении года Троцкий уговаривал Политбюро заключить с ними мир. Это было сделано (архивы).

манно представляли себе реальную ситуацию: из-за блокады они утратили связь с Польшей, как если бы Польша находилась на краю света. Большевицкое руководство знало, что в Польше формировались Советы, где большим влиянием пользовались коммунисты, и думало, что они все еще действуют. Информация устарела более чем на год. За это время в Польше, как и в остальных странах Центральной Европы, революционная волна пошла на убыль: Пилсудский разогнал Советы и расправился с коммунистической партией¹. В Москве жила группа выдающихся польских социалистов, примкнувших к большевикам; к ним-то за советом и обратилось Политбюро. Мнения поляков странно разделились: Радек, Мархлевский и (кажется) Дзержинский, которые принадлежали к интернационалистскому крылу польского социализма и не верили в возрождение Польши как национального государства, предупредили Политбюро, что наступление Красной армии будет сорвано мощным взрывом патриотических чувств со стороны поляков. Отчасти именно это предостережение и подсказало Троцкому его позицию. На Ленина, по всей видимости, большее впечатление произвел доклад Лапинского, относившегося к более патриотическому крылу польского социализма и склонного сильно преувеличивать влияние тамошних коммунистов. Поддавшись оптимизму, веря, что продвижение Красной армии станет сигналом к началу польской революции, Ленин убедил Политбюро. Передумал даже Сталин, который раньше здраво отметал мысль о походе на Варшаву; и против остался один Троцкий.

Ленин вел игру по-крупному. Польша была мостом между Россией и Германией, и с ее помощью Ленин надеялся установить связь с Германией. Ему представлялось, что Германия тоже охвачена сильным революционным брожением. Но этот дым иллюзий не обошелся и без некоторого огня. В марте 1920 года немецкие военные осуществили в Берлине государственный переворот, так называемый капповский путч, намереваясь упразднить парламент и установить военную диктатуру. За два дня общая забастовка немецких рабочих сорвала переворот. Это была знаковая демонстрация силы немецкого пролетариата. Инициатива забастовки исходила от профсоюзов, а не от коммунистов, однако вскоре немецкие коммунисты энергично принялись за дело, хотя пока им не удалось увлечь за собой ос-

---

¹ В 1920 г. даже Троцкий говорил о значении польских Советов, предполагая, что они еще существуют (см.: *Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 301*).

новную часть рабочего класса. Но Ленин уже обдумывал ту мысль, что появление Красной армии у немецких границ может стимулировать и активизировать революционные процессы. Он собирался «прощупать Европу красноармейским штыком». На заседании Реввоенсовета, состоявшегося в разгар наступления, он передал Склянскому записку со словами, что «Варшаву надо взять за три—пять дней любой ценой». Он настойчиво выяснял, способна ли Красная армия, которая уже вошла в Померанский коридор, закрыть его, чтобы отрезать полякам дорогу к Гданьску. Через гданьский порт Польша получала боеприпасы с Запада, но он же был и точкой соприкосновения с Германией¹.

Несмотря на дурные предчувствия, Троцкий подчинился решению большинства. Он остался на своем посту, издавал приказы о выступлении и выполнял рутинную работу. Кажется, прекратились только его поездки на фронт. В ходе наступления был назначен Реввоенсовет Польши, фактически временное правительство во главе с теми польскими большевиками, которые были против похода на Варшаву. Чем дальше заходила Красная армия, тем тревожнее становились доклады Реввоенсовета Москве. Польские рабочие и крестьяне встречали красноармейцев как захватчиков, а не освободителей. Но Красную армию уже непреодолимо несла вперед собственная инерция, что растягивало линии сообщения и истощало ее силы. Также появилась опасная брешь между северными армиями, которые под началом Тухачевского подступали к Варшаве, и южными, которые под командованием Егорова и Буденного повернули на юго-запад, к Львову. Сталина по настоянию Троцкого² назначили главным политическим комиссаром южных армий, и ему не терпелось превзойти Тухачевского и сделать Львов своим трофеем, пока Тухачевский входит в Варшаву. В эту центральную брешь немного погодя ринется Пилсудский, ударив по флангу и тылу Тухачевского. Какое-то время существование этой бреши беспокоило Ленина³, и Генштаб запоздало начал торопить командиров южных армий ликвидировать разрыв. Но Красная армия продолжала наступать, и Москва ликовала.

Тогда же в Москве и Петрограде состоялся II конгресс Коминтерна, проходивший с середины июля до 7 августа. За по-

¹ Эта записка есть в архивах Троцкого.

² Письмо Троцкого Центральному комитету от 11 мая 1920 г. (архивы).

³ В архивах Троцкого содержится записка Ленина Склянскому, в которой Ленин выражает свои опасения. Записка без даты.

следний год европейское рабочее движение повернулось лицом к Интернационалу: руководители крупных и давних социалистических партий чуть ли не покорно стучались в его двери. На конгрессе обсуждались условия членства — знаменитое «21 условие», сформулированное Лениным и Зиновьевым, — задачи коммунистических партий, судьбы колониальных народов и тому подобное. Но во всех обсуждениях господствовало нетерпеливое ожидание развязки польского похода, которая дала бы новый и мощный импульс к развитию европейской революции. Ежедневно у большой карты военных действий Ленин в оптимистическом духе комментировал продвижение войск Тухачевского перед иностранными делегатами.

Троцкий ненадолго появился в начале дебатов, чтобы выступить в пользу «21 условия». Он вернулся на конгресс перед его закрытием — Красная армия тогда стояла у самых ворот Варшавы, — чтобы огласить манифест, написанный им от лица Интернационала. Делегаты встретили его уважительной овацией. Под нарастание звучных фраз и образов он сделал обзор международного положения за первый год Версальского мира. Он гневно осудил «Вавилон» гнивающего капитализма и сорвал маску демократии с его лица. «Германская парламентская демократия есть пустое место между двумя диктатурами»¹. Делегаты слушали его затаив дыхание, и магия его слов и образов все больше покоряла их, так как битва, вдохновителем которой они считали Троцкого, шла к развязке. Но он воздержался от похвал и не упомянул в манифесте о победах Красной армии. Никто не догадывался, какая тревога скрывается под уверенным видом и громовой речью. В этом зале, где даже самых осторожных охватило радостное возбуждение, он один не желал праздновать победу, хотя его превозносили как ее творца².

Через неделю началась битва на Висле. Она длилась всего три дня. Она не изменила ход истории, как казалось ее современникам, а лишь задержала его на четверть столетия. Но в конце битвы Красная армия отступала по всему фронту. В то время как

---

¹ Троцкий А. Пять лет Коминтерна. С. 89.

² Обращаясь к партийным ячеекам Военной академии и других учебных заведений вскоре после войны, Троцкий сказал, что ни минуты не верил, что Красная армия возьмет Варшаву, — он даже не ожидал, что она зайдет так далеко. И в тот раз, и в других случаях он вполне откровенно говорил о разногласиях по поводу варшавского похода, и его версии не противоречит ни один источник (Троцкий А. Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 1. С. 91).

бои были в самом разгаре, Политбюро попросило Троцкого поехать на фронт и попытаться исправить ситуацию. Он отказался, ответив, что не обманывает себя и не думает, что сможет предотвратить разгром одним только кратким личным вмешательством¹.

Сначала казалось, что разгром привел к еще более страшным итогам, чем было на самом деле, так как белогвардейцы Врангеля воспользовались тем, что Красная армия связана польским походом, вырвались из Крыма и вторглись на Кавказ. 19 августа, через два дня после битвы при Висле, Троцкий и Сталин совместно доложили Политбюро о военной ситуации, и Политбюро, видимо признав поражение в Польше, решило отдать приоритет борьбе с Врангелем. Сталин и Троцкий руководили новой мобилизацией членов партии. Большинство мобилизованных партийцев должны были отправиться в Крым, а также туда должны были перевести с польского фронта основной корпус кавалерии Буденного. Кроме того, Сталину поручили разработать меры на случай дальнейшего наступления Врангеля. Однако войска Врангеля, хотя и прекрасно экипированные, были слишком малочисленны и сломлены, чтобы представлять серьезную угрозу. Вскоре они отступили в Крым, надеясь удержаться за укрепленным Перекопом. После героических и свирепых боев, руководимых Фрунзе и Сталиным, Красная армия прорвалась через узкий перешеек и выгнала Врангеля в море. Таков был эпилог Гражданской войны.

12 октября Советы подписали предварительный мир с Польшей. Но исход войны еще висел в воздухе. Польские правящие партии размежевались. Крестьянская партия — ее руководитель Витос возглавляла правительство — настаивала на мире, а военная партия Пилсудского сделала все, чтобы сорвать переговоры с Россией². В Москве мнения тоже разделились. Большинство Политбюро склонялось в пользу возобновления военных действий. Некоторые считали, что Пилсудский все равно не станет соблюдать условий мира, другие жаждали мести. В Генштабе обсуждалась возможность нового наступления. Тухачевский был уверен, что в следующий раз пройдет парадом победы по варшавским улицам. Троцкий рассказывает, что Ленин сначала склонялся к войне, но не был уверен в своем решении. Троцкий

---

¹ Письмо Троцкого в Политбюро от 17 августа (архивы Троцкого). Бой продолжался с 14 по 17 августа.

² Авторитетное описание этой схватки дает в своих мемуарах Й. Дабский, глава польской мирной делегации в Риге.

так или иначе настаивал на заключении мира и скрупулезном соблюдении предварительного договора с Польшей. Он снова рисковал остаться в одиночестве, и его снова могли принудить к послушному исполнению курса, который был ему ненавистен. Но в конце концов он сумел уклониться. Он заявил, что разногласия зашли слишком далеко и он не чувствует себя обязанным следовать решению большинства из солидарности с Политбюро, и если он окажется в меньшинстве, то обратится к рядовым членам партии против ее руководства. Он прибег к той же угрозе, которая помогла Ленину во время разногласий по Бресту, и тоже добился своего. Любопытно, как переменились роли по сравнению с теми днями. Но результат вышел довольно похожий, ибо теперь Ленин оставил военную фракцию и поддержал своим авторитетом Троцкого. Мир был спасен.

Действительно, разногласия зашли очень далеко. Однако сомнительно, что кто-то из большевистских руководителей, включая Троцкого, догадывался или мог догадываться об их историческом значении, на которое только события середины века пролили яркий разоблачительный свет.

В марксизме считалось непреложным фактом, что революцию невозможно перенести в другие страны на штыках. Эта догма основывалась на опыте французской революции, которая одновременно и осуществлялась и погибла в результате наполеоновских завоеваний. Она также следовала из фундаментальной убежденности марксистов в том, что рабочие элементы любого народа являются независимыми проводниками социализма и что социализм, разумеется, не может навязываться извне. Большевики, и Троцкий в частности, нередко говорили, что Красная армия может вмешаться в дела соседней страны, но только в качестве союзника и помощника подлинно народной революции, а не самостоятельно действующей силы. Например, в этой роли союзника Красная армия, по мысли Ленина, могла бы помочь советской революции в Венгрии. В такой же роли Красная армия или Красная гвардия порой вмешивалась в дела Финляндии и Латвии, оказывая помощь революциям, получившим народную поддержку, но рухнувшим под давлением иностранной, в основном немецкой, интервенции. Ни в одном из этих примеров Красная армия не экспортировала революцию. В войне с Польшей большевики пошли немного дальше. Но даже в польском вопросе Ленин не перешел полностью на сторону наступательной революции. Он считал, что рабочий класс Польши

потенциально готов к мятежу, и рассчитывал, что появление Красной армии сработает как катализатор. Но это было не то же самое, что поддержать действительно народную революцию. Каковы бы ни были личные убеждения и мотивы Ленина, польская война была первой попыткой большевизма осуществить экспорт революции. Правда, это произошло в разгар войны, при многочисленных провокациях, и Политбюро не понимало всего значения своего решения. Но так и случаются в истории судьбоносные повороты: те, кто их совершает, зачастую не отдают себе отчет в том, какой лавине последствий они дают толчок. Именно таким образом революционные партии начинают избавляться от священных догматов и менять свой характер. Если бы Красная армия вошла в Варшаву, она взяла бы на себя функции главной движущей силы общественного переворота, так сказать, заместила бы польский рабочий класс. Вспомним, как в юношеском сочинении Троцкий поносил Ленина за «заместительство», то есть за стремление видеть в партии временного заместителя рабочего класса. В данном случае перед нами действительно пример такого заместительства, перенесенного на международную арену, с той поправкой, что армия, а не партия должна была заместить собой пролетариат чужой страны.

Это было тем более странно, что в течение двух десятилетий Ленин ревностно внушал своим ученикам и последователям строжайшее уважение к праву каждой нации на самоопределение. Он расставался с товарищами и друзьями, допускавшими оговорки в этом вопросе. Он исписал горы бумаги язвительной аргументацией против Розы Люксембург, Радека и Дзержинского, которые, считая себя интернационалистами, не пожелали поддержать идею польского национального государства в то время, когда Польша была еще разделена. И вдруг Ленин, собственными руками уничтожая плоды своего же труда, взялся оправдывать посягательство на независимость нации, если оно совершается во имя революции.

Ленин осознал непоследовательность своей позиции и признал ошибку. Он выступил против экспорта революции на остриях штыков и вместе с Троцким возглавил борьбу за мир. Сознание великого революционера возобладало в нем над революционным азартом.

Однако «ошибку» нельзя было назвать ни случайной, ни нелогичной. Она следовала из страха большевиков перед изоляци-

ей, страха, который владел всеми партийными вождями, но в разной мере сказывался в их поступках. Поход на Варшаву был отчаянной попыткой прорвать изоляцию. Попытка провалилась, но, несмотря на это, в дальнейшем она заметно повлияет на партийное мировоззрение. Мысль о наступательной революции поселилась в умах большевиков и продолжала там бродить и разлагаться. Кое-кто из них, размышляя о проведенном опыте, естественным образом приходил к выводу, что сожалеть нужно не о самой попытке силой оружия вынести революцию за рубеж, но только об ее провале. Они считали, что если бы Красная армия взяла Варшаву, то она смогла бы установить там диктатуру пролетариата, нравится это польским рабочим или нет. То, что прочна лишь та революция, которая отвечает желаниям и чаяниям народа, по мнению этих товарищей, не более чем мелкий буржуазный предрассудок. Главное — как следует вооружиться и лучше подготовиться к новому походу¹.

В следующей главе мы поговорим о внутреннем опыте большевиков, питавшем и укреплявшем подобный ход мыслей. А пока скажем, что он проявился в позиции тех членов Политбюро, кто склонялся к возобновлению военных действий с Польшей. Но старые большевики могли развивать эти идеи только в порядке частного предположения. Они не имели возможности заявлять о них официально или возводить их в принцип. Было в этих идеях нечто такое, что не позволяло оглашать их во всеуслышание, открыто игнорируя неписанные законы марксизма, которые так довели над большевистскими вождями, что сдерживали работу мысли и мешали довести новую идею до логического конца. Даже через три десятка лет Сталин ни за что не признается, что он одобряет наступательную революцию, хотя будет применять ее в широком масштабе. Насколько труднее было для большевиков в 1920 году признаться в этом даже самим себе!

Впрочем, если в воздухе носится идея, то вскоре она находит своего выразителя. Через некоторое время после окончания польской войны защитником внедрения революции путем заво-

---

¹ Историк партии Н. Попов пишет: «Троцкий противился наступлению на Варшаву не потому, что считал наши силы недостаточными... но из-за социал-демократического предрассудка о том, что неверно извне приносить революцию в страну. По тем же причинам Троцкий противился тому, чтобы Красная армия помогала грузинским повстанцам в феврале 1921 года. Антибольшевистские, каутскианские доводы Троцкого были решительно отвергнуты Центральным Комитетом как в июле 1920-го, так и в феврале 1921-го в случае... Грузии» (Очерк истории ВКП(б). Т. 2. С. 101).

евания выступил Тухачевский. Он не смирился с поражением на Висле, своей единственной неудачей — и какой неудачей! — с начала его стремительного возвышения. Тухачевский вступил в большевистскую партию молодым офицером уже в 1918 году, и теперь, в возрасте двадцати шести лет, был самым блестящим и знаменитым военачальником Красной армии. Он целиком посвятил себя советской власти, но он был солдатом, а не революционером. Ему не мешали неписанные законы партии, и большее вдохновение он находил в примере Наполеона, а не Маркса. Тухачевский не видел причин, которые бы заставляли большевиков столь категорически отказываться от распространения революции силой оружия. Он излагал свои взгляды в статьях и лекциях в Военной академии и доказывал, что Красная армия имеет и возможность, и законное право «извне» навязывать революцию капиталистическому государству. Чуть позже он даже предложил сформировать международный Генеральный штаб Красной армии, который бы руководил революционными войнами во всех странах. Легко увлекающийся новыми идеями, самобытный и смелый, Тухачевский открыто нарушал партийные табу. Но изложение его взглядов принимало такие крайние формы, что они не получали большой поддержки. Другие военачальники Гражданской войны готовы были согласиться с его доводами, если их как следует разбавить. Так или иначе, существует логическая связь между идеями Тухачевского и тем, что эти военачальники упорно проводили отчетливо агрессивную военную доктрину Красной армии.

Троцкий боролся с новыми веяниями. В конце польской войны он предупреждал, что нельзя поддаваться искушению и совершать революции за рубежом силой оружия. Это красной нитью проходит по его статьям и речам того периода. Его рациональная оппозиция наступательной революции в каком-то смысле являлась оборотной стороной самой его иррациональной уверенности в том, что западный рабочий класс стремится к революции и способен ее совершить. Троцкий был непоколебимо уверен, что пролетариат Европы и Америки под давлением обстоятельств сам вынужден следовать за большевизмом, и потому видел безусловный вред во всякой попытке совершить революцию за иностранный пролетариат или подтолкнуть ее штыками. Троцкий видел повсюду в мире завязи социализма и верил, что вскоре плоды созреют сами, и боялся, что нетерпеливое вмешательство не даст плодам доспеть. Солидарность русской революции с пролетариа-

том других стран, утверждал он, должна выражаться в том, чтобы помочь им осознать свой общественно-политический опыт, не пытаясь решать за них. Однажды в споре он гневно заметил, что любому, кто думает о замене зарубежной революции операциями Красной армии, «лучше повесить себе жернов на шею и поступить согласно дальнейшему евангельскому указанию».

Однако новая тенденция набрала такую силу, что ее уже нельзя было полностью побороть. Скоро она проявилась вновь, когда Красная армия вторглась в Грузию.

Вплоть до февраля 1921 года Грузией управляло меньшевистское правительство, с которым во время польской кампании Советы подписали договор. Почти на всем Кавказе установилась советская власть, и меньшевистская Грузия торчала у нее костью в горле. Претензия грузинских меньшевиков на государственную независимость была скорее иллюзорна: до Октябрьской революции они сами горячо агитировали за единство Грузии с Россией и просили только декрета о местной автономии. Теперешний их сепаратизм был удобным предлогом. Само существование меньшевистской Грузии мешало большевикам укрепиться на остальной части Кавказа, к тому же они не забыли, что грузинские меньшевики покорно стерпели последовательную оккупацию своей страны сначала немецкими, потом британскими войсками и сурово расправились с грузинскими большевиками. Тем не менее советское правительство торжественно обязалось уважать независимость Грузии и признало меньшевистское правительство. Политбюро надеялось, что Грузия в конце концов поддастся тяге Советского Кавказа, ее меньшевистское правительство не сможет управлять страной, находясь в оппозиции ко всем соседям, и таким образом будет подготовлена почва для свержения правительства местными революционными силами. Исходя из этих соображений, Политбюро склонялось к тому, чтобы терпеливо ждать окончания эксперимента, не вмешиваясь в его естественный ход.

Поэтому Троцкий был очень удивлен, когда в середине февраля 1921 года во время инспекции на Урале узнал, что Красная армия вошла в Грузию. Он чуть было тут же не уехал в Москву на совещание ЦК, а перед отъездом связался со Склянским и спросил, кто отдал приказ о выступлении и почему. Оказалось, что наступление и для самого главнокомандующего было как гром среди ясного неба. Троцкий заподозрил, что эту авантюру безответственно подготовили за спиной Генштаба и Политбюро,

он хотел поставить вопрос на пленарном заседании ЦК и призвать к ответу предполагаемого авантюриста. Но приказ о выступлении был издан с одобрения Политбюро Реввоенсоветом Кавказа, главным комиссаром которого был Орджоникидзе, друг Сталина и грузин по национальности. Политбюро рассмотрело вопрос в отсутствие Троцкого. Сталин и Орджоникидзе сообщили, что в Грузии произошло восстание большевиков при активной народной поддержке, исход его не вызывает сомнений, и Красная армия всего лишь ускорит победу. Политбюро, естественно, считало Сталина и Орджоникидзе специалистами по делам Грузии и согласилось с их рекомендацией.

Однако, вопреки всем заявлениям, грузинское восстание не пользовалось народной поддержкой, и Красная армия провела две недели в ожесточенных сражениях, чтобы войти в столицу Грузии Тифлис. Как и другие немногочисленные народы пограничных земель, грузины сохранили давние воспоминания о царском гнете. Повторное насильственное присоединение вызвало яростное негодование. Эта обида не заживала еще долго и косвенно отразилась в сопротивлении грузинских большевиков централизующей политике Москвы. В последний год ленинского правления эта проблема станет одним из главных камней преткновения между Сталиным и Троцким. А тем временем Троцкий примирился со свершившимся фактом. Отменить вторжение было невозможно. Но можно было хотя бы попытаться его смягчить. Это Ленин сделал по собственному почину. Он предупредил Орджоникидзе и других кавказских комиссаров о том, что они должны «относиться с особым уважением к суверенным органам Грузии и оказывать специальное внимание в обращении с грузинским населением». Он просил информировать его о любом нарушении его распоряжений и мельчайших трениях с грузинами. Кроме того, он убеждал Орджоникидзе добиваться примирения с меньшевиками, даже с главой меньшевистского правительства Жорданией, «которые еще до восстания не были абсолютно враждебны» к мысли об установлении советского строя». Сам Троцкий в тот момент не мог бы сделать большего. Однако распоряжения Ленина не принесли заметных результатов, ибо армия, посягнувшая на государственный суверенитет Грузии, не собиралась уважать ее независимость в мелочах. Однако это выяснилось не сразу.

Троцкий по-прежнему отвергал и осуждал идею наступательной революции в целом. Но он считал, что было бы неразумно

публично обсуждать специфические разногласия по грузинскому вопросу и еще раз отказаться разделить с Политбюро коллективную ответственность. Больше того, когда руководители западной социал-демократии Каутский, Макдональд, Гендерсон и прочие подняли крик о захвате Грузии красноармейцами, Троцкий посоветовал им посмотреть на себя: он написал брошюру, в которой отвел вторжению лишь небольшой абзац. Он подтвердил право Красной армии оказывать помощь совершившейся революции за рубежом, но предпочел не обсуждать вопроса, имела ли место такая революция в Грузии. Вместо этого он сосредоточился на резком разоблачении непоследовательной позиции социал-демократических критиков по отношению к русской революции, судьбам колониальных народов и т. д. С присущим ему яростным темпераментом он защищал Советы, правы они или виноваты, от врагов и равнодушных друзей. Поэтому в глазах мировой общественности на нем лежала большая доля ответственности за грузинское вторжение.

В позиции Политбюро по вопросу Польши и Грузии Троцкий видел ошибки, совершенные партией как бы в приступе рассеянности. Он решительно противился обеим «ошибкам», но не замечал в них внутренней связи и глубокого скрытого смысла. В известной мере он был прав, поскольку в целом партия не выбирала дорогу революционного завоевания сознательно или намеренно. Силовое вмешательство в дела Грузии было единственным успешным шагом на этой дороге, к тому же у Советов не было недостатка в смягчающих обстоятельствах. В конце концов, до этого Грузия входила в состав России и не могла выжить крохотным «буржуазным островком» на Советском Кавказе. Однако между польской и грузинской кампаниями существовала внутренняя связь, так как обе они озаменовали новое веяние в большевизме.

Революционный цикл, запущенный Первой мировой войной, подходил к концу. В его начале большевизм поднялся к власти на подлинно революционной волне, в конце же начал экспортировать революцию путем завоевания. Долгий перерыв, продолжавшийся почти четверть века, отделяет этот революционный цикл от следующего, вызванного Второй мировой войной. До тех пор большевизм не распространялся. Новый цикл он начал с того же, чем закончил прошлый, — с наступательной революции. Это избитая истина военной истории, что есть преемственность между последней фазой одной войны и первой фазой следующей:

виды вооружения и военные концепции, изобретенные или оформившиеся к концу одного конфликта, преобладают на первом этапе следующего. Такую же преемственность можно увидеть между двумя циклами революции. В 1945—1946-м и отчасти даже в 1939—1940 годах Сталин начал с того, на чем он, и в некотором смысле он и Ленин, остановились в 1920—1921 годах. Троцкий не дожидаясь дня, когда он мог бы стать свидетелем того, как Сталин вписывает в военную историю эпохальную главу, посвященную революционному завоеванию. Отношение Троцкого к первым признакам этой тенденции не было окончательно определенным, но, когда революция приводила к завоеванию или завоевание способствовало революции, он оказывался перед дилеммой, которая, с его точки зрения, не имела удовлетворительного решения. Он не доводил свои возражения против наступательной революции до открытого разрыва с мнением партийного большинства. С другой стороны, он оставил после себя это многозначительное полупредупреждение-полупроклятие тому, кто хочет нести революцию на штыках: для него было «уж лучше повесить себе жернов на шею и поступить согласно дальнейшему евангельскому указанию».

Несколько слов о военных сочинениях Троцкого

Нельзя подвести итог военной деятельности Троцкого, ничего не сказав о его военных сочинениях. Даже в роли создателя армии и военачальника он оставался литератором со свойственным ему стремлением даже в пылу боя выражать переживания и мысли в словесной форме. Собранные в многочисленных томах его военные статьи, речи и приказы отличаются такими противоречивыми качествами, как романтический пыл и практический реализм, а временами и почти философской глубиной.

Радек рассказывает, что Троцкий к тому времени, как стал наркомом по военным делам, прочел всего-то пару-тройку книг об искусстве войны: «L'Armée Nouvelle» Жореса, большую «Историю войны» австрийского социалиста Шульца и труд Франца Меринга о Фридрихе Великом. Радек, несомненно, преуменьшает теоретическую подготовку Троцкого, чтобы еще сильнее подчеркнуть его достижения. Во время Балканских войн и в первые годы мировой войны Троцкий изучал текущую военную литературу. Он, безусловно, как и Ленин, был знаком с работой Клаузе-

вица, которую цитировал и часто применял для решения собственных задач. Но Радек прав, утверждая, что Троцкого больше всего впечатлила «L'Armée Nouvelle» Жореса, работа великого историка и демократического социалиста, но не военного специалиста.

Жорес попытался примирить два аспекта собственного курса: борьбу с реакционным офицерским корпусом Франции, чье влияние на внутреннюю политику проявилось в деле Дрейфуса, и патриотическое желание видеть Французскую республику вооруженной и готовой к обороне. Он задумал реформу армии, которую надеялся встроить в ряд экономических и политических реформ, должных преобразовать буржуазную Францию в «социалистическую республику». Он пропагандировал замену регулярной армии милицией, ополчением. Регулярная армия, обученная и заключенная в жесткие рамки казармы, в искусственной изоляции от гражданского общества и в скрытой оппозиции к нему, была главным источником политической силы для офицерского корпуса. Милицию предполагалось организовывать на основе производственных единиц — заводов и деревенских общин; солдат милиционной армии следовало обучать на месте, где они продолжали бы жить и работать, как обычные граждане, посвящая ремеслу войны часть дня или несколько дней в неделю. Таким образом милиционные армии так органично интегрировались в гражданское сообщество, что никакой честолюбивый генерал или военная клика не могли использовать их в качестве политического орудия¹.

Троцкий заимствовал идею Жореса, но поставил ее в другой контекст. Жорес считал возможным демократизировать армию, превратив ее в милиционную систему, даже в условиях капитализма. Троцкому такая уверенность представлялась иллюзией реформиста. Потенциальная или фактическая оппозиция регулярной армии гражданскому обществу отражала, на его взгляд, противоречие между интересами имущих классов, которые в итоге и защищала эта армия, и интересами рабочего класса. Только после того, как интересы рабочего класса приобретут первостепенную важность, утверждал он, армия сможет отождествить себя с народом. Отмена регулярной армии годилась для

---

¹ Диаметрально противоположную концепции Жореса идею об организации полностью профессиональной армии в качестве решающего оружия в гражданской войне изложил генерал де Голль в «Vers l'Armée de métier» до 1939 г.

государства, которое должно было постепенно отмереть, как это предполагалось в случае с пролетарским государством.

Тем не менее Троцкий создавал Красную армию как регулярную армию. Милиционная система, говорил он, может быть эффективной только на фоне высокоиндустриализованного и цивилизованного общества. Условия Российского государства диктовали принципы организации Красной армии, мало отличавшиеся от принципов, лежавших в основе царской армии. Разница между ними состояла в общественно-политическом мировоззрении, а не в чисто военных качествах.

Троцкий оправдывал это как временную необходимость и настаивал на том, что партия и правительство должны поставить создание милиционной системы конечной целью. Он изложил свою позицию в «Тезисах», которые на VIII партийном съезде в марте 1919 года в его отсутствие представил Сокольников. Троцкий мечтал о том времени, когда военную подготовку будут проходить не в казармах, а в условиях, приближенных к повседневной жизни рабочих и крестьян. Нельзя было всерьез говорить о переходе к этой системе до тех пор, пока не будет восстановлена промышленность, но уже сейчас, настаивал Троцкий, казармы должны напоминать не плац для муштровки, а военную и общеобразовательную школу. В Красной армии командирский состав не избирался, а назначался, но Троцкий рассчитывал в будущем возвратиться к избирательному принципу. VIII съезд принял «Тезисы» Троцкого, IX снова их подтвердил.

Его программа подверглась значительной критике в конце Гражданской войны, когда Троцкий впервые попытался ввести ее в действие. Старые профессиональные офицеры были удивлены, что он, кто с таким рвением централизовал армию и изживал партизанский дух, принялся пропагандировать военную организацию, которая в их глазах подозрительно напоминала красногвардейское ополчение. Они не могли всерьез рассматривать мысль о том, что солдат можно обучать, приучать к дисциплине и коллективным действиям иначе, чем в казармах. Одним из критиков Троцкого был генерал Свечин, автор классического труда по стратегии и профессор Военной академии. От этого критика Троцкий защищал «мечтателя Жореса»:

«Если профессор Свечин думает, что коммунистическая партия пришла к власти для того, чтобы трехцветную казарму заменить красной, то... он не весьма твердо усвоил себе программы всех трех интернационалов. Соображение насчет того, что мили-

ция не будет знать надлежащего командного авторитета, поражает своей политической слепотой. Разве нынешний командный авторитет в Красной армии создан казармой?.. Авторитет командира сейчас опирается не на спасительные внушения казармы, а на авторитет Советской власти и коммунистической партии. Профессор Свечин попросту не заметил революции и того величайшего духовного переворота, который она произвела в русском рабочем человеке. Для него темный, пьяный, одурманенный католичеством и пораженный сифилисом наемник лагеря Валленштейна, парижский подмастерье, под руководством журналистов и адвокатов громивший Бастилию в 1789 году, саксонский рабочий, член социал-демократической партии эпохи империалистической войны, и русский пролетарий, взявший впервые в мировой истории в свои руки власть, — это все приблизительно равноценное человеческое мясо для филигранной отделки в казарме. Но ведь это же издевательство над человеческой историей!..

Развитие коммунистического строя будет идти параллельно с ростом духовного развития самых широких народных масс. То, что в прошлом давала партия преимущественно передовому слою трудящихся, чем дальше, тем больше будет давать всему народу... Если партия в том смысле «заменяла» казарму, что давала своим членам необходимую спайку и делала их способными к самоотверженной коллективной борьбе, то коммунистическое общество будет обладать этой способностью в несравненно более объемлющей и высокой степени. Корпоративный дух, в широком смысле, — есть дух коллективизма. Он создается не только казармой, но и хорошо поставленной школой, особенно если она связана с физическим трудом; он создается артельным началом труда; он создается хорошо и целесообразно поставленным спортом. Если дать опору милиции в естественных профессионально-производственных группировках нового общества, сельских общинах, коммунальных коллективах, фабрично-профессиональных объединениях... связанных единством школы, спортивных союзов и трудовой обстановки, то такая милиция будет бесконечно более богата «корпоративным» духом и притом духом более высокого качества, чем порки казарменного происхождения»¹.

В партии также критиковали концепцию милиционной армии и требовали отмены решений, принятых в ее пользу. На съезде армейских комиссаров в конце 1920 года Смилга убедительно

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 2. Кн. 1. С. 115—121.

выступал против милиционной системы. Он доказывал, что при такой системе полки и дивизии будут состоять главным образом из крестьян, тогда как промышленные, пролетарские части будут весьма немногочисленны и изолированы от остальной армии, что может представлять определенную опасность для диктатуры пролетариата. Для большевиков крайне важно распределить пролетарские элементы по всей армии, но это несовместимо с территориальным принципом организации. Кроме того, исходя из чисто военных соображений, утверждал Смилга, милиционная армия также неэффективна. Учитывая плохое состояние и нехватку железных дорог, Россия не сможет в случае войны вовремя мобилизовать и сконцентрировать армию в стратегически важных пунктах. При такой системе враг, может быть, успеет дойти до Волги, прежде чем Россия будет готова к бою. Милиционная армия имеет оборонительный характер. Жорес был предубежден в ее пользу, поскольку он начал с того, что провел нереалистичное размежевание между оборонительной и наступательной войнами. Для военного успеха милиции требуются чрезвычайно высокая степень индустриализации, многочисленный, технически продвинутый и относительно образованный рабочий класс и плотная сеть коммуникаций. Следовательно, пока Россия не может отказаться от регулярной армии.

Троцкий признал верность большинства критических замечаний, но продолжал считать милицию конечной целью военного курса. В 1921 году он в качестве эксперимента организовал три милиционные дивизии в Петрограде, Москве и на Урале. Правда, он и сам призывал к осторожности. Это был период народных волнений и недовольства. «Если Урал будет голодать и рабочие будут голодать, то милиционный опыт сорвется... Поэтому нельзя абстрактно рассматривать, какая система лучше, или решать этот вопрос как математическую задачу. Ее необходимо решать как задачу политическую, социальную применительно к данным условиям»¹. Однако в дальнейшем Красная армия почти на три четверти была реорганизована по территориальному принципу, и только на одну четверть оставалась на положении обычной армии. Эксперимент пошел дальше, чем Россия могла себе позволить. В середине 30-х годов, когда возникла угроза Второй мировой войны, вся Красная армия была перестроена и восстановлена как регулярная. Причины контрреформы, произведе-

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 1. С. 12.

денной Сталиным и Тухачевским, были именно те, что огласил Смилга в 1920 году. Кроме того, она совпадала с общими авторитарными тенденциями того периода.

Проблема военной доктрины занимает важное место в работах Троцкого. Он не претендовал на оригинальность в этой области, но сумел привнести в обсуждение данных вопросов широкий взгляд на историю и свежий подход. Если этого и не хватало, чтобы создать новую военную идеологию, то все же он сделал многое для того, чтобы предохранить Красную армию от ловушек одностороннего доктринерства. Ему пришлось бороться против старых генералов с одной стороны и против молодых революционных офицеров с другой. К первым он обращался как новатор, критикуя консервативный образ мыслей. Вторым он представлялся чуть ли не защитником военной ортодоксии.

Троцкий был движущей силой московской Военной академии, где преподавали бывшие царские генералы. Он старался осовременить учебный план академии, освободить ее от педантизма и приблизить к новому опыту войны. Например, однажды он увещевал профессоров за их безжизненный, псевдоисторический стиль и призывал их следовать примеру французских авторов военных трудов, которые, как говорил он, умели сочетать исторические исследования с интересом к современной войне и ее социологической подоплеке. Академики смотрели на гражданскую войну презрительно, как на побочный продукт большой стратегии. На это Троцкий раздраженно отвечал:

«Кое-кто среди вас говорит, что в теперешней гражданской, или малой, войне... военная наука в любом случае не играет роли. Говорю вам, господа военные специалисты, что это совершенно невежественное заявление... Гражданская война с ее высоко подвижными и эластичными фронтами дает огромное поле действия для подлинной инициативы и военного искусства. Задача здесь такая же, как и повсюду: добиться максимального результата при минимальных затратах сил... Именно прошлая [мировая] война... давала сравнительно мало места для искусства стратегии. После того как установился гигантский фронт от бельгийского берега до Швейцарии, война стала автоматической. Стратегическое искусство сошло на нет; все было поставлено на взаимное истощение. Наша война, напротив, была полна подвижности и маневренности, которые позволили проявиться величайшим талантам»¹.

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 1. С. 156.

В то время как старые генералы не желали усваивать уроки Гражданской войны, молодые часто отказывались усваивать что-либо, кроме этого. Их обуяло честолюбивое стремление создать совершенно новую «пролетарскую военную доктрину». Эта доктрина, как утверждали они, должна отвечать нуждам революционного класса и соответствовать его менталитету: отбросить оборонительную и позиционную войну и отдать предпочтение маневренным операциям и наступлению. Только загнивающие классы, отступающие по всем фронтам, отдают предпочтение обороне. «Пролетарский стиль» войны нравился командирам, вышедшим из рядовых. Его самыми талантливыми проводниками были Тухачевский и Фрунзе. Ворошилов и Буденный тоже считались его приверженцами. У Тухачевского наступательная доктрина логично дополняла доктрину «революции извне», и, отстаивая обе, он оставался в пределах наполеоновской традиции. Однако, так как он придерживался более современных взглядов, чем его коллеги, ему представлялось, что в будущей наступательной войне будут массированно применяться бронетанковые соединения, координирующие действия с воздушными силами. (Кроме того, он дал начало парашютным войскам, которые, по его мысли, следовало использовать в тылу противника, в районах, объятых гражданской войной.)

Возражения Троцкого против этой концепции, быть может, являются самым поучительным фрагментом его военных сочинений. Он отверг понятие «пролетарской стратегии», так же как в других областях отбросил понятия «пролетарской культуры» и «пролетарской литературы». «Война опирается на многие науки, но война не есть наука, — война есть практическое искусство, уменье... ремесло жестокое, кровавое... Каким же образом можно приемы военного ремесла или искусства строить при помощи марксистского метода? Это то же самое, что строить при помощи марксизма теорию архитектуры или ветеринарный учебник»¹. Он протестовал, часто с едкой издевкой, против отношения к марксистской диалектике как к философскому камню и требовал уважать определенную преемственность опыта и культурных традиций. Он видел в «пролетарских» новациях прикрытие для интеллектуальной неразвитости и самомнения. Он постоянно обращал внимание своих слушателей на варварскую

---

¹ Из речи к военным делегатам XI съезда партии; *Троцкий Л.* Как воюжалась революция. Т. 3. Кн. 2. С. 244.

бедность, неотесанность и неопрятность Красной армии. Ослабить их могли только усердная работа и внимание к мелочам, от которых русские слишком часто пытались сбежать в отвлеченные теории.

Сторонники «пролетарской» наступательной доктрины теоретизировали на основании собственного опыта, полученного в ходе Гражданской войны, где преобладали быстрые маневры. Троцкий считал, что достоинству маневренности, якобы свойственному исключительно пролетариату, Красная армия научилась у Белой гвардии, так же как Белая гвардия заимствовала у Красной армии методы пропаганды. Белые и красные стали перенимать друг у друга тактику боевых действий: «В результате длительной Гражданской войны военные методы обоих лагерей сближаются»¹. Сам Троцкий издал свой знаменитый приказ «Пролетарий, на коня!», послуживший сигналом к созданию кавалерии Буденного, только в разгар денкинского наступления, когда белая кавалерия под началом Мамонтова угрожала прорваться в тыл большевиков глубокими и молниеносными вылазками за линию фронта².

Но высокая подвижность, характерная для Гражданской войны, соответствовала (по Троцкому) примитивным условиям обширных малонаселенных районов, где велись военные действия. Он сравнивал характерные особенности Гражданской войны в Северной Америке и в России. И там и тут противоборствующие силы действовали на территориях с низкой плотностью населения, чрезвычайно редкими коммуникациями и скудными транспортными средствами. И там и тут с большим размахом проявила себя кавалерия. И там и тут южане и офицеры традиционно были кавалеристами, и армиям северян и большевиков пришлось вырывать у противника инициативу и формировать соб-

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 2. Кн. 1. С. 61—62.

² Сначала Троцкий неохотно рассматривал план Буденного по созданию кавалерийских войск, отчасти потому, что типичными кавалеристами были реакционные казаки, отчасти потому, что Троцкому было свойственно размышлять в аспекте западной техники и он склонялся к тому, что время кавалерии прошло. Когда он в конце концов передумал, он в сентябре 1919-го написал: «Самый консервативный и в значительной мере отмирающий род оружия как бы внезапно ожил и стал важнейшим средством обороны и нападения в руках самых консервативных и отмирающих классов. Это оружие мы должны вырвать из их рук и сделать своим» (Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 287—288). Буденный не без оснований затаил обиду на Троцкого за то, что тот вначале отнесся к его идее с презрением.

ственную кавалерию. Из этого не следовало, что высокая мобильность была присуща гражданской войне в целом. На Шельде, Сене или Темзе гражданская война имела бы более позиционный характер, чем в степях или прериях¹.

Гражданская война в России приобрела псевдонаполеоновский характер из-за низкого уровня цивилизации в стране. Но, утверждал Троцкий, было бы глупостью и пренебрежением к истории пытаться приспособить наполеоновскую доктрину для Красной армии, как это хотел сделать Тухачевский. Троцкий резко противопоставлял положение революционной Франции в Европе положению революционной России. В начале XIX века Франция была самой цивилизованной и технически передовой страной континента — это дало Наполеону возможность избрать наступательную стратегию. Россия в техническом смысле была одной из самых отсталых стран Европы, и наполеоновская стратегия никак не была связана с ее общественным и военным потенциалом. Он указывал, что французский Генштаб (особенно маршал Фош) напрасно развивал наполеоновскую стратегию в мировой войне — положение Франции в Европе не позволяло применять ее в 1914—1918 годах. Троцкий высмеивал и новую «пролетарскую доктрину», которая при ближайшем рассмотрении оказывалась всего лишь плагиатом французских довоенных учебников.

Попытки определить «сущность» войны в целом и пролетарской войны в частности были, по мнению Троцкого, метафизическим доктринерством². Он доказывал необходимость определенного эклектизма в военной теории. «В практических иску-

---

¹ Чтобы проиллюстрировать свои идеи, Троцкий представил рассуждения о гипотетической задаче, которую пришлось бы решать пролетарской Британии, если бы ей угрожало вторжение. Он набросал образную картину обороны: укрепление береговой линии и побережья, окопы, бункеры, колючая проволока, заграждения на дорогах, ведущих в глубь острова, и т. д. Картина очень напоминает Британию 1940—1941 гг. (Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 2. С. 268).

² «Если, однако, проверить инвентарь вечных истин военной науки, то получим немногим более нескольких логичных аксиом и евклидовских постулатов. Защита флангов, обеспечение коммуникации и отступления, удар по наименее защищенному пункту противника и пр. и пр. — все эти истины... далеко выходят, в сущности, за пределы военного искусства. Осел, который воруется овес из прорванного мешка (наименее защищенное место противника) и бдительно поворачивает свой круп в сторону, противоположную ожидаемой опасности, делает это на основании вечных принципов военной науки» (Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 2, статья «Военная доктрина и мнимо военное доктринерство»).

ствах, — цитировал он Клаузевица, — не надо слишком высоко поднимать цветы и листья теории — нужно держать их поближе к почве опыта». Он давал компетентную высокую оценку эмпирическим методам английских империалистов, которые «думают веками и континентами», и пренебрежительно отзывался о немецких эпигонах Клаузевица. Ни одно из «национальных» военных учений не владело истиной в последней инстанции. Каждая школа только отражала временные условия существования страны. Английская теория равновесия сил и морского превосходства, осторожная военная мысль бисмарковской Германии, которая шла рука об руку с дипломатической агрессией, чисто наступательная доктрина позднего немецкого империализма, которая, поддавшись собственной инерции, отбросила всякую осторожность, бонапартистская наступательная доктрина довоенной Франции (и, можно прибавить, реакция на нее в виде линии Мажино перед 1940 годом) — все эти учения являли собой теоретическое осложнение отдельных моментов и аспектов военного опыта. Марксистский образ мыслей не приемлет любое военное доктринерство. «Только предатель может отрицать наступление; только простак может сводить к нему всю стратегию»¹.

Эти статьи и речи содержат примечательные идеи и образцы предвидения, не принятые во внимание в ходе споров. Приведем лишь несколько примеров. Рассуждая о стратегии будущей мировой войны почти за двадцать лет до ее начала, Троцкий заметил, что война будет сильно отличаться от предыдущей как в Западной Европе, так и в России. В Западной Европе окопная война утратит былое значение или совсем исчезнет. В России, напротив, позиционных боев будет больше, чем в гражданскую. Полемизируя с Фрунзе и Ворошиловым, он утверждал, что если на Россию нападет технически более сильная западная капиталистическая держава, то задачей Красной армии на первом этапе военных действий будет не нападение, но оборона, так как мобилизация в России будет проходить медленнее, а оборона даст время ее завершить. Поэтому в высшей степени ошибочно насаждать в армии уверенность в неизменном внутреннем превосходстве нападающего. «Имея за себя пространство и численность, мы спокойно и уверенно намечаем тот рубеж, где, обеспеченная нашей упругой обороной, мобилизация подготовит достаточный кулак

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 2. С. 222.

для нашего перехода в контрнаступление»¹. Красная армия может быть вынуждена отступить, но глубина отступления будет продиктована только потребностями мобилизации.

«Если [однако] я первый перехожу в наступление, а мое наступление не питается достаточной мобилизацией, и я вынужден отступать, притом попирая собственную мобилизацию, то, конечно, я потерял темп и, может быть, даже безнадежно. Наоборот, если предварительное отступление входит в мой план, если этот план ясен старшему командному составу, уверенному в завтрашнем дне, и эта уверенность передается сверху вниз, не разбиваясь о предрассудок, будто наступать нужно непременно первым, тогда у меня все шансы наверстать темп и победить»².

Конечно, Троцкий не видел толка в «международном Генштабе» Тухачевского. Он говорил, что пора для организации подобного штаба придет только в случае, если в ходе подлинной революции за рубежом появятся новые Красные армии. Но в то же время он настаивал на необходимости создания правил ведения гражданской войны, в которых учитывался бы и оценивался опыт революций и восстаний в разных странах, и составил краткое изложение таких правил.

В первое время после Гражданской войны Троцкого занимали проблемы обучения и политической подготовки армии. Красный офицер, говорил он, наряду с умением комплексно оценивать взаимодействие всех современных родов войск, должен приобрести правильную общественно-политическую ориентацию. В Военной академии он призывал командный состав изучать иностранные языки, не ограничиваться знанием своих национальных проблем, расширять свои образовательные горизонты приобретением к общемировому опыту человечества.

---

¹ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 3. Кн. 2. С. 256.

² Там же.

Глава 14

ПОРАЖЕНИЕ В ПОБЕДЕ

На самой вершине славы Троцкий, подобно герою античной трагедии, оступился, сделав ложный шаг. Он действовал против своих же принципов и в нарушение самых серьезных моральных обязательств. В этот тупик его привели внешние обстоятельства, желание защитить революцию и собственная гордость. Вряд ли кто-нибудь на месте Троцкого смог бы этого избежать. Каждый новый шаг Троцкого практически неизбежно был следствием всего сделанного раньше; и теперь только один шаг отделял возвышенное от низменного — даже его отречение от принципа было продиктовано принципом. Но, действуя подобным образом, он рубил сук, на котором сидел.

В конце Гражданской войны он выдвинул программу действий, которую и он, и большевистская партия могли выполнить только против воли общественных классов, совершивших или поддержавших революцию. Большевики осуждали буржуазную демократию, называя ее покрывалом, скрывающим неравенство классов и господство буржуазии, и поклялись установить пролетарскую демократию, гарантировав свободу выражения и объединений рабочему классу и крестьянской бедноте. Ни один большевистский вождь не повторял эту клятву так же часто и горячо, как Троцкий. И ни один так же явно не отрекся от нее. Этот парадокс кажется еще более удивительным, так как в то же время Троцкий искренне противился идее экспорта революции на остриях штыков. Его позиция соответствовала принципам пролетарской демократии. Если рабочий класс любой страны должен быть хозяином в своей стране, тогда нелепо и даже преступно навязывать ему какое бы то ни

было общественное устройство «извне». И этот довод с таким же основанием следует применять к российскому рабочему классу: он тоже должен быть хозяином в собственной стране. Но с этим политическим самоопределением рабочего класса был несовместим выработанный Троцким новый курс, который он неустанно пропагандировал в течение двадцати лет и снова будет пропагандировать в течение еще семнадцати лет своей открытой борьбы со Сталиным.

На первых порах он продвигал новый курс с согласия Ленина. Но чем дальше, тем больше он понимал, что и Ленин, и большая часть партии настроилась против него, ссылаясь на принципы пролетарской демократии. Теперь в его идеях явно чувствовался след того «заместительства», которое он когда-то сам называл главным пороком большевизма, да и, пожалуй, наследственным пороком всей русской революционной политики. Ибо, на его взгляд, партия, в полной мере осознающая «задачи эпохи» и собственную «историческую миссию», должна заместить этим осознанием стремления и чаяния широких общественных сил, которые она возглавила во время революции. Так Троцкий стал походить на тот карикатурный образ Ленина, который он сам когда-то нарисовал.

Что же стало причиной этого необычайного превращения? Что заставило вооруженного и победившего пророка революции повернуть наперекор сути своего же пророчества? Прежде чем мы попробуем ответить, рассмотрим кратко общественно-экономическую ситуацию в России, ибо драма уже переместилась именно в эту плоскость.

С конца 1919 года Троцкий посвящал мало внимания вопросам военной политики. Исход Гражданской войны уже не вызывал сомнений, и во второй половине 1920 года Троцкий несколько отошел от управления военными делами из-за разногласий с Политбюро по вопросу польской войны. Но еще раньше он погрузился в проблемы хозяйственного восстановления страны. После успешной работы в военном комиссариате он стремительно и самоуверенно вышел на новое поле деятельности и хотел применять на нем методы и решения, выработанные и проверенные на военном поприще. 16 декабря 1919 года он представил Центральному комитету ряд предложений («Тезисы») по экономическому переходу от войны к миру. Среди

предлагаемых мер основной была милитаризация труда. Троцкий писал этот документ только для членов ЦК, намереваясь начать дискуссию в узком кругу. По недоразумению Бухарин сразу же опубликовал его в «Правде». Эта неосторожность вызвала в обществе весьма напряженные споры, которые продолжались до весны 1921 года. Несколько лет мировой войны, революции, Гражданской войны и интервенции привели к полнейшему развалу российской экономики и распаду ее социальной структуры. Из разрушенного хозяйства большевикам приходилось добывать средства для ведения Гражданской войны. В 1919 году Красная армия уже исчерпала все запасы военного имущества и снаряжения. Та промышленность, которая находилась под контролем Советов, могла возобновить только небольшую часть ресурсов. Традиционно горючее, железо, сталь и сырье для промышленности Центральной и Северной России поставляли южные области. Но южные области России, оккупированные сначала немцами, потом Деникиным, лишь время от времени и недолго находилась под властью большевиков. Когда в конце 1919 года большевики вернули себе эти области, оказалось, что донецкие угольные шахты затоплены, промышленные предприятия разрушены. Лишенные топлива и сырья, индустриальные центры на остальной части страны были парализованы. Даже в конце 1920 года шахты давали меньше одной десятой доли от довоенного уровня, а производство железа и стали уменьшилось более чем в двадцать раз. Производство потребительских товаров составляло около четверти от обычного. Катастрофическое положение усугублялось разрушением транспортной системы. По всей стране были взорваны железнодорожные пути и мосты. С 1914 года подвижной состав не возобновлялся, ремонтировали его лишь изредка. Транспортная сеть неуклонно сокращалась. (Кстати сказать, это было одной из причин поражения Красной армии в Польше. Советская республика призвала в армию 5 миллионов человек, но из них менее 300 тысяч фактически участвовали в последних этапах польской кампании. Чем дальше двигались армии вперед, тем более затруднительной становилась железнодорожная доставка подкреплений и снабжения.) Крестьянские хозяйства тоже пришли в упадок. Шесть лет крестьяне не могли обновлять сельскохозяйственные орудия. То отступающие, то наступающие армии вытаптывали поля и реквизировали лошадей. Однако, несмотря на это, сельское хозяйство оказалось более жизне-

способным, чем промышленность. Мужики пахали землю деревянными сохами, которые могли соорудить и починить своими руками.

Советская власть постаралась установить над скудными ресурсами строжайший контроль, и так из этих стараний вырос военный коммунизм. Большевики национализировали всю промышленность. Запретили частную торговлю. Отправляли в деревни отряды рабочих, чтобы реквизировать продовольствие для армии и горожан. Правительство было не способно собирать обычные налоги, для этого оно не владело соответствующим механизмом. Чтобы покрыть правительственные расходы, печатные станки днем и ночью штамповали денежные знаки. Деньги настолько обесценились, что люди расплачивались натурой. Основным средством обмена стали продукты голодного рациона. Рабочие также получали заработную плату в виде продукции — одежды или пары ботинок, которые они обычно меняли на еду.

Эти отчаянные ухищрения, старания кое-как перебиться показались партии неожиданно быстрым осуществлением ес же программы. Если бы не Гражданская война, национализация промышленности проводилась бы медленнее и осторожнее, но так или иначе она была одной из главных целей революции. Реквизиция продовольствия, запрещение частной торговли, натуральный обмен, обесценивание денег, стремление правительства контролировать хозяйственные ресурсы страны — внешне все это походило на отмену рыночной экономики, которая являлась рассадником капитализма. Полностью развитая марксистская экономика, трактуемая в учебниках по марксизму, представляет собой натуральную экономику, в которой плановое общественное производство и распределение должно сменить рыночное производство и распространение посредством денежного обмена. Поэтому большевики были склонны видеть в военной экономике 1919—1920 годов основные признаки развитого коммунизма. В этом их поддерживал суровый эгалитаризм, который пропагандировала и применяла партия, придававший военному коммунизму романтико-героический ореол.

В действительности военный коммунизм был трагическим искажением марксистских представлений о будущем обществе. В основе будущего общества должны лежать высокоразвитые и высокоорганизованные производственные ресурсы и переизбыток товаров и услуг. Оно должно создавать и развивать общественные блага, которые капитализм производил в лучшем слу-

чие неравномерно и не имел возможности рационально контролировать, распределять и стимулировать. Коммунизм должен был отменить экономическое неравенство раз и навсегда, подняв общий уровень жизни. Военный коммунизм, напротив, был последствием социального распада, разрушения и дезорганизации производственных ресурсов, беспрецедентного дефицита товаров и услуг. Военный коммунизм действительно попытался отменить неравенство, но это оказалось возможным только при снижении уровня жизни и всеобщей бедности.

Такая система не могла долго работать. Реквизиции продовольствия и запрещение частной торговли на время помогли правительству преодолеть самый страшный кризис. Но в конечном итоге эта политика усугубила и ускорила упадок и развал экономики. Крестьяне начали обрабатывать ровно столько земли, сколько было нужно, чтобы прокормить семью. Они не желали производить те излишки, которые выскивали продотряды. Когда крестьянин отказывается кормить город, распадаются самые основы городской цивилизации. Российские города обезлюдели. Рабочие уезжали в деревни, чтобы хоть как-то прокормиться. Те, кто оставался, падали в обморок у заводских станков, работали неэффективно и часто крали продукцию, чтобы обменять ее на еду. Старый, обычный рынок действительно был отменен. Но его побочный отпрыск — черный рынок — разорял страну, мстительно извращая и разлагая человеческие отношения. Это могло продолжаться еще год или чуть больше, но в конце концов неизбежно следовал крах власти и разложение общества.

Таково было положение дел в конце 1919 года. Чтобы преодолеть кризис, нужно было выбрать одну из двух программ действий. Правительство могло прекратить реквизицию продовольствия у крестьян и ввести сельскохозяйственный налог натурой или деньгами. После уплаты налогов крестьянину можно было разрешить распоряжаться урожаем по своему усмотрению: употребить его, продать или обменять. Это заставило бы его выращивать излишки для городских потребителей. Если восстановится приток продовольствия из деревни в город, то можно ожидать оживления активности государственных предприятий. Логика подсказывала, что это было бы единственным реальным решением проблемы. Но такого рода реформа подразумевала возрождение частной торговли, что подрывало все здание военного коммунизма, возведением которого так гордились большевики.

Альтернатива состояла в том, чтобы искать выход в том же порочном круге военного коммунизма. Если продолжать реквизицию продовольствия и запрещать торговлю, то власти придется усилить давление на крестьян, сначала чтобы заставить их выращивать излишки, затем чтобы их отбирать. Также она могла предложить земледельцам особое вознаграждение — одежду, обувь, сельскохозяйственные орудия. Однако это можно было сделать только после того, как голодающие рабочие починят и пустят в действие разрушенные и обветшалые заводы и начнут производить нужные крестьянам товары. Поэтому правительство было вынуждено добиваться увеличения промышленного производства. Не имея возможности дать рабочим стимулов к труду, власти пришлось применить к ним силу, как и к крестьянам. Утопический характер военного коммунизма со всей очевидностью проявился в том, что он продолжал игнорировать реальное состояние дел, пока не загнал себя в безвыходное положение, в котором мог существовать только за счет постоянного применения все больших доз насилия.

Сначала программные установки Троцкого не выходили за рамки общепринятого курса. Он был озабочен поиском средств, которые бы вновь собрали и вернули в промышленность разбежавшийся рабочий класс. Одни рабочие сбежали в деревню, другие в поисках пропитания оставляли квалифицированный труд ради неквалифицированного, были также и деклассированные элементы, с головой ушедшие в черный рынок и потерянные для промышленности. Как их всех вернуть в нормальную обстановку и вновь интегрировать в производственный аппарат страны? Поскольку их нельзя привлечь обещанием лучшей жизни, заключал Троцкий, то нужно вербовать их на заводы так же, как солдат в армию. Так эмпирическим путем Троцкий пришел к идее милитаризации труда. Революция громко провозгласила обязанность каждого гражданина трудиться и заявила: кто не работает, тот не ест. Пришла пора, утверждал Троцкий, обеспечить исполнение этой обязанности. Революция послала сотни тысяч людей умирать на полях сражений: разумеется, у нее есть моральное право посылать людей в цеха и шахты, где тоже нужно вести битву за выживание.

В «Тезисах», которые преждевременно появились в «Правде» 17 декабря 1919 года, Троцкий, что характерно, связал эту программу с военной реформой по переводу армии на милиционную систему. Он предложил применить военный механизм

для мобилизации гражданского труда. Так его стремление осуществить самую демократичную реформу в армии сопряглось с попыткой ввести крайнюю форму принуждения к труду. С одной стороны, армия должна проникнуться гражданственным духом. Ее отряды нужно организовывать на базе производственных единиц. С другой стороны, гражданский труд должен подчиняться военной дисциплине, а людскую силу для промышленных производств должна поставлять военная администрация. Военный комиссариат должен взять на себя функции комиссариата труда¹.

Ленин целиком поддержал курс Троцкого. Он цеплялся за военный коммунизм, который если и можно было заставить работать, то только при условии успеха всех предложенных Троцким мер. Ленин не возражал и против того, чтобы военный комиссариат взял на себя поставку рабочих для промышленности. Ленину приходилось с нуля создавать гражданские ветви своей администрации, и после нескольких лет Гражданской войны большинство их по-прежнему находилось в зачаточном состоянии. Военный комиссариат вобрал в себя лучших людей, он первым претендовал на ресурсы правительства, им руководили самые умные управленцы. Его механизм, огромный и высокоэффективный, был самой прочной частью ленинской администрации, ее настоящим сердцем. Казалось, что перевод Военного комиссариата на гражданские рельсы — это лишь вопрос удобства управления.

Сразу после выхода в свет эти предложения вызвали целую лавину негодования. На заседаниях членов партии, руководителей и рабочих организаций Троцкому не давали говорить, прерывая его речь громкими выкриками, называли его «новым Аракчеевым», подражателем того пресловутого генерала и военного министра, который при Александре I и Николае I строил военные поселения и устанавливал в них железную дисциплину. С тех пор аракчеевщина стала символом нелепых военно-бюрократических фантазий в общественно-экономической области. Большевистские газеты подняли бурю протестов. Свою лепту внесли старые знакомые Троцкого Рязанов и Ларин, выдающиеся большевики Рыков, Милютин, Ногин, Гольцман и другие. В этих протестах смешивались усталость от Гражданской войны

---

¹ 27 декабря 1919 г. было объявлено, что правительство сформировало комиссию по трудовой повинности во главе с Троцким.

и нетерпимость к зодчему победы. Как обычно бывает после тягостей и потерь войны, люди хотели увенчать лаврами человека, благодаря которому была достигнута победа. Но еще больше им хотелось освободиться от суровостей военной дисциплины, и они обращались за руководством к тем, кто, может быть, не обладал такими необыкновенными талантами и пламенным темпераментом, но придерживался более умеренного образа действий. Старые, закаленные в боях большевики говорили, что хватит с них армейских порядков, что Военный комиссариат уже слишком долго держит народ в страхе и пьет его кровь и что они не станут долее мириться с новыми выдумками Троцкого.

Дело дошло до критической точки 12 января 1920 года, когда Ленин и Троцкий выступали на заседании фракции Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов и призывали одобрить милитаризацию труда. Троцкий отстаивал свое дело. Если даже, сказал он, комиссариат истощил страну и установил в ней суровую дисциплину, то только ради того, чтобы выиграть войну. Позор, «грех и преступление против социального духа революции», что теперь это ставят ему в вину, что рабочий класс натравливают на армию. Его оппоненты пребывают в самодовольном заблуждении относительно хозяйственного состояния страны. Газеты скрывают истинное положение дел. «Нужно честно и открыто констатировать пред всей страной, что наше хозяйственное положение в сто раз хуже, чем было военное положение в худшие моменты... Как мы бросили клич: «пролетарий, на коня!», так теперь нужен клич: «пролетарий, к станку, пролетарий, к производству!»¹. Трудовые ресурсы страны продолжают сокращаться и все больше приходят в упадок. Их нельзя спасти, воссоздать, восстановить, не применяя методы принуждения. Ленин выступал в том же духе. Однако заседание почти единогласно отклонило их с Троцким совместную резолюцию. Никогда раньше ни Ленин, ни Троцкий не получали такого афронта.

Троцкий имел основания обвинять своих критиков в самодовольстве. Они не предложили и не могли предложить никакой практической альтернативы. Они тоже цеплялись за военный коммунизм и отвергали только выводы, которые делал из него Троцкий. Поэтому он легко разоблачил их непоследовательность. Однако в самой их непоследовательности было практическое

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 27—52.

начало и рациональное зерно. Оппоненты Троцкого не хотели думать, что колеса экономики можно запустить военным приказом, и были убеждены, что пролетарское государство не должно действовать как отряд вербовщиков по отношению к собственному рабочему классу¹.

Тем временем появилась первая трудовая армия, хотя и не в результате милитаризации гражданского труда, а в процессе преобразования регулярной армии в трудовую. Инициатива исходила от реввоенсовета 3-й армии, стоявшей на Урале. После победы над Колчаком она понапрасну тратила силы и время в безделье. Командиры не могли распустить своих солдат и отправить их по домам в основном из-за отсутствия транспорта. Реввоенсовет армии предложил, чтобы солдаты покамест занялись рубкой леса, полевыми и другими работами. Ленин и Троцкий приветствовали их почин, который дал им возможность приступить к выполнению своей программы фактически без какого-либо сопротивления: профсоюзы не возражали против продуктивного использования ничем не занятых полков.

Троцкий надеялся использовать эксперимент как отправной пункт для введения трудовой повинности и управления мирным трудом. Что может быть проще: прежде чем отпустить солдат, привить им профессиональные навыки, отметить род занятий каждого в послужной карточке и затем направить их прямо из демобилизационного пункта на рабочие места, где требовались их руки. Троцкий собирался объединить солдатскую послужную карточку с трудовой книжкой рабочего; кроме того, эта мера должна была облегчить формирование милиционной армии на основе производственных единиц. Это была творческая мысль. Ее недостаток заключался в том, что демобилизованный солдат, мечтающий вернуться к семье или пойти на поиски лучшей жизни, скорее всего, отмахнется от всего, что ему навяжут. Троцкий составлял проекты по созданию коммунальных кухонь для привлечения рабочих, но эти планы нельзя было осуществить среди голода и разрухи того времени. Он проявил поразительную оригинальность и изобретательность, но его воображение работало вхолостую, и его идеи не совпадали с реальностью.

После того как армии Урала, Кавказа и Украины отправились на работу в шахты, леса и поля, всю организацию возглавил

---

¹ Этот спор заполнял страницы «Экономической жизни» и «Правды» на протяжении 1920 г. (архивы Троцкого).

Троцкий. Начальником штаба у него был генерал Бонч-Бруевич, Пятаков — представителем на Урале, а Сталин — главным комиссаром украинской трудовой армии. В организации поддерживалась военная дисциплина, каждая трудовая армия регулярно докладывала о своих успехах и неудачах на трудовых «фронтах». (Именно Троцкий первым стал систематически применять военные термины, символы и метафоры к мирным хозяйственным делам и таким образом дал русскому языку свежий и яркий стиль, который впоследствии окостенел, обюрократился и распространился на другие языки.) Взгляды на экономическую эффективность рабочих армий разделились — во всяком случае, в то время их эффективность не могла быть ниже, чем у гражданских лиц. Большевики расхваливали трудовые армии, особенно после того, как Троцкий изо всех сил постарался успокоить профсоюзы и призвал трудовые армии к дружескому сотрудничеству с рабочими организациями.

Он вкладывал в работу весь свой духовный пыл и театральный подъем, которые, однако, заставили его преувеличивать значение собственных действий и придали ложный блеск тому, что в лучшем случае было плачевными уловками. Вот, например, как он писал в одном из своих «Приказов-памяток по трудовым армиям»:

«Неутомимая энергия в работе, — как в походе, как в бою... Командиры и комиссары отвечают за свои части в работе, как и в бою... Коммунистические ячейки должны быть образцом выдержки и настойчивости в работе... Дезертир в труде так же презретен и бесчестен, как и дезертир в бою. Обоим суровая кара... Работу начинайте и оканчивайте, где возможно, под звуки социалистических гимнов и песен, ибо ваша работа — не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству»¹.

8 февраля он со своим штабом уехал на Урал впервые инспектировать трудовую армию. Прямо в поезде они выпускали газету «В пути», и в ней он так обратился к своему штабу:

«Старая организация труда на капиталистических основах разрушена безвозвратно и навсегда. Новая социалистическая организация только складывается. Мы все должны стать сознательными, самоотверженными строителями социалистического хозяйства. Только на этом пути возможны выход и спасение,

---

¹ Правда. 1920. 16 января.

тепло и довольство. Начинать нужно с фундамента... Наш поезд направляется на Северный Урал, чтобы все свои силы посвятить там делу организации труда, в котором рука об руку примут участие уральские рабочие, уральские крестьяне и красноармейцы... За хлебом для голодных! За топливом для холодных! — таков лозунг нашего поезда на этот раз»¹.

Едва он успел написать эти слова, как посреди ночи почувствовал сильнейший толчок. Поезд сошел с рельсов из-за снежного бурана. Всю ночь и весь следующий день поезд лежал в сугробах почти на виду у служащих крохотной станции. Ни единая душа не вышла поинтересоваться, что случилось. Начальники станций перестали сигналить проходящим поездам, даже поезд председателя Высшего военного совета прошел мимо незамеченным. Несмотря на угрозу военного трибунала, никто не захотел связываться с расчисткой дороги от снежных завалов. Этот случай неожиданно открыл Троцкому, какая пустота образовалась вокруг политики и планов правительства. Народ погрузился в глубочайшую апатию. Троцкий разбушевался, провел расследование на месте и приказал отправить виновного под трибунал. Но он не мог не понимать, что одни только репрессивные меры не могут стряхнуть с народа окостенелую бесчувственность. Его тревога стала еще мрачнее во время поездки по уральским деревням и селам. Он остро осознал, что энергия и жизнеспособность страны истощились в самом ее источнике — в крестьянских хозяйствах.

Тогда он стал искать выход вне военного коммунизма. Он вернулся в Москву, придя к заключению, что крестьянству нужно вернуть экономическую свободу. Ясными и точными словами он очертил реформу, которая одна могла вывести страну из тупика. Нужно перестать отнимать урожай у крестьянина. Его нужно поощрять, чтобы он выращивал и продавал излишки и зарабатывал на них. Правительство и партия не осознавали масштаба катастрофы, потому что последняя принудительная реквизиция дала больший результат, чем предыдущая. Это, как он говорил, произошло только за счет значительного расширения территории, где действовали продотряды, после отступления Белой гвардии. «Продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата». Это угрожает окончательно подо-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 324—325.

рвать хозяйственную жизнь страны и привести к окончательному хозяйственно-политическому упадку¹.

Для ЦК его доводы прозвучали неубедительно. Ленин был не готов прекратить продразверстку. Предложенная Троцким реформа казалась ему прыжком в неизвестность. Правительство, утверждал он, уже слишком поспешило, подготавливая переход на мирные рельсы: Троцкий сам недавно предупреждал ЦК о том, что Польша готовится к нападению. Казалось, что безопаснее придерживаться установленного курса, чем трогать армейские продовольственные запасы, которые, в конце концов, обеспечиваются с помощью реквизиций. Но и это было не все. Ленин и ЦК еще не изжили иллюзий военного коммунизма. Они надеялись, что эта система, сослужив большую службу во время войны, в условиях мира окажется еще эффективнее. Троцкий предлагал снова бросить экономику в предательские волны свободного рынка. Этого же требовали меньшевики. Разве Троцкий с ними заодно? — спросили его. Троцкому сказали, что партия приблизилась к организованной и управляемой экономике и не позволит тащить ее назад.

ЦК отверг предложения Троцкого. Только через год с лишним, после прискорбной демонстрации окончательного провала политики военного коммунизма, Ленин воспользовался все теми же предложениями и осуществил их на практике под названием новая экономическая политика (нэп). Начиная с того времени и до сих пор нэп считается озарением ленинского гения, редким подвигом бесстрашия, гибкой государственной мудрости и политической прозорливости. В свете действительных фактов кажется, что подвиг, мягко говоря, перехвален, и, когда позднее Троцкий упрекал Ленина и ЦК за то, что они начали важнейшие изменения в экономической политике с опозданием на несколько лет, критика была в определенной мере заслужена. Также на этом примере видно, насколько далеко от правды сталинистское сопоставление Ленина как друга крестьян и Троцкого как врага: ле-

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 543—544. Однако неясно, знали Троцкий, что его предложения, будучи принятыми, неизбежно приведут к прекращению политики военного коммунизма, включая те ее аспекты, которые он сам защищал. Позднее он утверждал, что стоял за милитаризацию труда только в контексте военного коммунизма. Однако на X съезде партии, когда был введен нэп, он настаивал, чтобы его трудовая политика оставалась в силе и чтобы ее не связывали с военным коммунизмом (см.: X съезд РКП(б). С. 191; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. Гл. 38).

нинская репутация мужицкого благодетеля главным образом основывается на нэпе.

Иоффе, которого мы знаем как близкого друга Троцкого, отмечал в письме, написанном перед самоубийством в 1927 году, что главная слабость Троцкого была в том, что он не упорствовал в своей мудрости, особенно когда быть мудрым означало быть одиноким. Можно добавить, что в данном случае Троцкий, упрекаемый за мудрость, вернулся к общепринятой глупости и упорствовал в ней с таким пылом, что даже глупцы находили это слишком глупым. После того как ЦК отверг его предложения, Троцкий от них отказался. Он не возвращался к ним и даже словом не намекнул о них на IX съезде партии, который состоялся месяцем позже, в конце марта 1920 года. Наоборот, он казался главным деятелем экономической политики государства и излагал генеральный план следующей фазы военного коммунизма. Убедился ли он в нецелесообразности предложенной им ревизии экономического курса? Считал ли неразумным защищать реформу, которой требовали меньшевики? Опасался ли, что партия в целом не воспримет его идеи? Вероятно, все эти соображения сыграли свою роль, чтобы заставить его действовать так, а не иначе.

Национальная экономика продолжала распадаться. Все более настоятельной становилась необходимость радикальных мер. Поскольку партия не пожелала смягчить суровости военного коммунизма, их пришлось усугубить. Троцкий согласился взвалить позор и бремя этой задачи на свои плечи. Политбюро неотступно требовало, чтобы он взял на себя разрушенную транспортную систему, и обещало полностью поддерживать его, какой бы суровый образ действий он ни избрал. Троцкий говорил, что не разбирается в этом вопросе, но согласился временно заняться транспортом вдобавок к военным делам. С возросшей уверенностью он вернулся к теме милитаризации труда. Выступая на съезде, он сказал, что она необходима для сплочения и развития национальных ресурсов по единому хозяйственному плану. До введения плановой экономики было еще далеко, но партия и страна не должны рассчитывать, что будут двигаться к ней осторожными, выверенными шагами. В прошлом Россия всегда двигалась вперед яростными скачками и рывками, так будет и дальше. Конечно, принуждение к труду невыносимо при развитом социализме, но оно *«достигнет наивысшей степени во время перехода от капитализма к социализму»*. Он убеждал съезд

одобрить дисциплинарные меры, «суровость которых должна соответствовать трагическому характеру нашего хозяйственно-го положения»: с «трудовыми дезертирами» следует бороться путем «создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь»¹. Он также агитировал за систему поощрительной оплаты для хороших работников и «социалистическое соревнование» и говорил о том, что нужно усвоить прогрессивную суть «тейлоризма» — американской концепции научного управления и организации труда, которую исказил капитализм и по праву ненавидят рабочие, но которой социализм может и должен найти рациональное применение. Для того времени это были поразительные идеи. На съезде меньшинство осудило их и возмущенно отвергло дисциплинарную тенденцию в политике Троцкого. Это меньшинство состояло из «либертарианцев», «ультралевых», «демократических централистов» во главе с Осинским, Сапроновым и Преображенским — теми людьми, с которыми Троцкий однажды объединится против Сталина. Сейчас же он был их главным противником, и ему удалось склонить съезд в свою сторону.

Вскоре после этого он снова представил свой курс на съезде профсоюзов. Он потребовал, чтобы профсоюзы дисциплинировали рабочих и научили их ставить интересы производства выше собственных потребностей и нужд. Центральный совет профсоюзов уже разделился на две группировки: одна поддерживала «производственную» позицию Троцкого, другая во главе с Томским считала, что профсоюзы не могут не защищать «потребительские» требования рабочих. Троцкий утверждал, что рабочие должны сначала произвести ресурсы для удовлетворения своих потребностей. Рабочие должны помнить, что работают на пролетарское государство, а не на богачей. В большевистских профсоюзах знали по опыту, что такие призывы не доходят до голодного человека. Но раз партия поддержала курс Троцкого, они не могли открыто ему противостоять. Рупором недовольства на съезде стали меньшевики. Они критиковали трудовые армии. Они отказывали правительству в праве мобилизовать рабочих и лишить их права свободно отстаивать собственные интересы. Они утверждали, что принудительный труд малопроизводителен. «Чем же ваш социализм, — восклицает Абрамович, — отличается от египетского рабства? Приблизительно таким же путем фараоны

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 126.

строили пирамиды, принуждая массы к труду»¹. Этот афоризм, придуманный Абрамовичем, Троцкий много лет спустя повторит Сталину. Позиция меньшевиков имела прочные основания, и то, что их достижения в революции были скудными, даже одиозными, не могло умалить логику их доводов. Сам Троцкий не мог в глубине души возразить на их утверждение о том, что потери в промышленной рабочей силе не прекратятся, пока крестьянам не разрешат свободно продавать урожай².

Его ответ на критику был, по сути, блестящей софистикой. Историком он интересен тем, что это была, возможно, единственная честная попытка, известная современности, логически оправдать принудительный труд — настоящие надсмотрщики и погонялы не утруждают себя придумыванием оправданий. Суть рассуждений Троцкого заключалась в том, что при любом общественном строе «человек должен работать, чтобы не умереть», что труд, таким образом, всегда имеет принудительный характер и коммунисты должны подходить к этому вопросу без лицемерия, так как они впервые пытаются организовать труд ради общественного блага. Косвенно он стал отрицать значение различий в форме и характере принудительного труда, проявляющихся в разных социальных системах. Человек трудится как раб, крепостной, свободный ремесленник, независимый крестьянин и свободный наемный рабочий. Естественное принуждение труда усугубляется или смягчается общественными отношениями. Чтобы облегчить его, человек боролся против рабства, крепостничества и капитализма. Русская революция обещала радикально облегчить его посредством рациональной организации хозяйства. Революция не виновата в том, что, унаследовав нищету и разрушения после нескольких лет войны и блокады, она не смогла выполнить обещание. Но большевики не должны были совсем отказываться от него. И казалось, что Троцкий именно это и делает, когда говорит профсоюзам, что принуждение, регламентация и милитаризация труда не просто чрезвычайные меры и что государство рабочих имеет право по своему усмотрению принуждать любого гражданина к выполнению любой работы в любом месте.

«Мы же противопоставляем этому труд общественно-нормированный на основе хозяйственного плана, обязательного для всего народа, то есть принудительного для каждого работника

---

¹ III Всероссийский съезд профсоюзов. С. 97.

² Вопрос об изменении курса, которое предвосхитило нэп, представил на съезде меньшевик Даллин (Там же. С. 8).

страны. Без этого нельзя и думать о переходе к социализму... Верно ли, что принудительный труд всегда непроизводителен?.. это самый жалкий либеральный предрассудок; и крепостной труд был производителен... Принудительный крепостной труд вырос не из злой воли феодалов. Это было прогрессивное явление [для своего времени]»¹.

В порыве своего стремления оправдать предлагаемые меры, он, прирожденный бунтарь, пропагандист «перманентной революции», очень близко подошел к тому, чтобы выступить апологетом старых систем принуждения и эксплуатации.

На время польская война притупила остроту этого спора. Внешняя опасность снова заставила народ безропотно согласиться с курсом, который раньше вызывал у него сильнейшее негодование. В разгар войны Троцкий, окруженный командой технических специалистов, решительно попытался запустить движение на железных дорогах. К тому времени в стране практически не осталось паровозов. Инженеры предрекали, что у России имеется всего лишь несколько месяцев до того дня, когда в ней не останется ни одной действующей железной дороги. Троцкий перевел железнодорожников и персонал ремонтных цехов на военное положение и организовал систематическое и быстрое восстановление подвижного состава. Он посещал мастерские, где говорил рабочим, что страна кровью расплачивается за их бездействие: транспортный паралич подтолкнул Польшу к нападению на Россию. «Положение рабочего тяжело во всех отношениях... тяжело, как никогда. Я бы обманывал вас, если бы сказал, что завтра ваше положение станет лучше. Нет, нам предстоят месяцы тяжелой борьбы, пока мы поднимем нашу страну из страшной нищеты и полного ослабления, пока перестанем взвешивать на аптекарских весах хлебный паек, пока вся страна сможет быть сыта»². Когда профсоюз железнодорожников воспротивился его действиям, Троцкий сместил его руководителей и назначил других, готовых выполнять его распоряжения. Так же он поступил в профсоюзах других транспортных рабочих. В начале сентября он организовал Цектран — Центральную транспортную комиссию, — с помощью которой взял под контроль всю сферу транспорта. Политбюро, как и обещало, полностью поддержало его. Соблюдение избирательных прав профсоюзов и процедуры голосования в тот

¹ III Всероссийский съезд профсоюзов. С. 87—96.

² См. его речь в муромских мастерских 21 июня 1920 г.; *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 15. С. 368.

момент казалось несущественным, как в городе, охваченном чумой. Троцкий давал результаты и превосходил ожидания: железные дороги были отстроены намного раньше графика — «кровообращение хозяйственного организма восстановлено», — и этим подвигом он заслужил шумное одобрение¹.

Но как только закончилась польская война, обиды и раздоры вспыхнули с новой силой. Троцкий сам спровоцировал эту вспышку. Опыренный успехом, он пригрозил «перетряхнуть» остальные профсоюзы, как он «перетряхнул» транспортные. То есть он угрожал сместить выборных лидеров профсоюзов и заменить их назначенцами, которые будут ставить хозяйственные интересы страны выше групповых интересов рабочих. Он перешел всякие границы. Тогда Ленин прямо отмежевался от Троцкого и убедил ЦК последовать его примеру. ЦК открыто призвал партию всеми силами сопротивляться «военизированным и бюрократическим формам работы» и бичевал этот «извращенный централизм», который деспотически попирает избранных рабочих представителей. Он призвал партию восстановить пролетарскую демократию в профсоюзах и подчинить этой задаче все прочие соображения. Была сформирована особая комиссия, дабы наблюдать за выполнением этих решений. Председателем поставили Зиновьева, и, хотя Троцкий тоже вошел в ее состав, почти все ее члены были его оппонентами². Последним ударом ЦК запретил Троцкому публично выступать на тему отношений между профсоюзами и государством.

Троцкий, нераскаявшийся, впал в хандру. В начале декабря на пленуме Цектрана он снова обрушился на членов профсоюзов, которые, как он сказал, «были хорошими защитниками во время стачки», но, как видно, плохо понимали нужды социалистической экономики. Он защищал вмешательство сверху в профсоюзные дела, преуменьшил необходимость выборов для профсоюзов и раскритиковал тех, кто кричал, что новая бюрократия возрождает царские методы управления. «Бюрократизм не есть изобретение русского царизма, — ответил он, — бюрократизм есть эпоха

---

¹ Знаменитый приказ № 1042 по железнодорожному транспорту см.: *Троцкий А.* Сочинения. Т. 15. С. 345—347. Позднее в том же году Троцкий встал во главе специальных комиссий, которые принимали чрезвычайные меры по восстановлению донецкой и уральской промышленности.

² Комиссия состояла из Зиновьева, Томского, Рудзутака, Рыкова и Троцкого. Позднее в нее вошли Шляпников, Лутовинов, Лозовский и Андреев. Из них только Андреев, который тридцать лет спустя оставался членом последнего сталинского Политбюро, разделял взгляды Троцкого.

в развитии человечества», эпоха отнюдь не законченная. Компетентный, иерархически организованный государственный аппарат имеет свои достоинства, и Россия страдает «не столько от дурных сторон бюрократизма, но главным образом оттого, что... [не усвоила] многих хороших его сторон». Он неоднократно повторял эту мысль, утверждая, что ради эффективности необходимо предоставить бюрократии некоторые ограниченные привилегии. Так он стал главным представителем управленцев, что впоследствии дало Сталину возможность не без оснований наградить его обидным прозвищем «патриарх бюрократов»¹. Он уверен, сказал Троцкий, что сможет получить народную поддержку для своего курса, но хозяйственная и общественная разруха не оставляет времени для применения демократических процессов, которые происходят невыносимо медленно по причине низкого культурного и политического уровня российских масс. «И то, что называется приказывать, назначать сверху, — все это находится в отношении обратной пропорциональности с развитостью масс, с их культурным уровнем, политической сознательностью и с силой наших аппаратов»².

И вновь ЦК дал ему резкий отпор. Троцкий раздраженно напомнил Ленину и другим членам комитета, как часто они в личных беседах побуждали его, как аварийного ремонтника, действовать беспощадно и не обращать внимания на соображения демократии. И вероломно с их стороны на людях делать вид, что они защищают от него демократические принципы.

Эта вражда была лишь симптомом более глубокого порока, поразившего всю систему управления, который заключался в крушении пробужденных революцией народных надежд. Впервые с 1917 года основная часть рабочего класса, не говоря о крестьянстве, открыто повернулась против большевиков. Правящую партию начало преследовать чувство изоляции. Конечно, рабочий класс не жалел о революции. Он по-прежнему отождествлял себя с ней, и с явной враждебностью принимал любую неприкрытую контрреволюционную агитацию. «Октябрь» так глубоко проник в народные умы, что меньшевики и эсеры были вынуждены предъявлять критические замечания к правительству изъяснением пол-

---

¹ Сталин И. Сочинения. Т. 6. С. 29.

² Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 422.

ного согласия со «свершениями Октября». Однако и противников у большевистского курса в то время было не меньше. Меньшевики и эсеры, три года державшиеся в тени и не смевшие поднять голову, начали приобретать некоторую популярность. Но еще сочувственнее люди прислушивались к агитаторам-анархистам, ругавшим большевистский режим на чем свет стоит. Если бы большевики провели свободные выборы в Советы, они почти наверняка потеряли бы власть¹.

Большевики твердо решили этого не допустить. Было бы неверным сказать, что они держались за власть ради власти. Партия в целом по-прежнему пылала тем же революционным идеализмом, который столько раз доказывала во время подпольной работы и Гражданской войны. Она держалась за власть, так как отождествляла судьбу республики со своей судьбой и видела в себе единственную силу, способную защитить революцию. К счастью — и к несчастью — для революции, многое укрепляло большевиков в их уверенности. Вряд ли революция уцелела бы без столь фанатично преданной ей партии, как большевистская. Но если бы существовала другая партия, столь же преданная и столь же энергичная, то в результате победы на выборах она могла бы сменить ленинское правительство, не вергая молодую республику в социальные потрясения. Такой партии не существовало. Возвращение к власти эсеров и меньшевиков означало бы отмену Октябрьской революции. Как минимум, оно вдохновило бы белогвардейцев на то, чтобы опять восстать с оружием в руках. Хотя бы из чувства самосохранения, не говоря о других мотивах, большевики даже не рассматривали подобной перспективы. Они не могли согласиться, что демократия требовала от них пойти на попятную и тем самым ввергнуть страну в новую серию гражданских войн, когда она еще не оправилась от первой.

Кроме того, не было никакой вероятности, что на свободных выборах в Советы победит какое-то четко выраженное большинство. Те, кто поддерживал Керенского в 1917 году, еще не оправились от своего провала. Казалось, что среди рабочего класса гораздо популярнее анархисты и анархо-синдикалисты, про-

---

¹ Многие большевистские руководители прямо или косвенно признавали это. См.: Ленин В.И. Сочинения. Т. 37. С. 160, 176, 230 и др.; Зиновьев Г. X съезд РКП(б). С. 190. В личном письме Луначарскому (от 14 апреля 1926 г.) Троцкий называет опасное недовольство рабочего класса подоплекой споров 1920—1921 гг. (архивы Троцкого).

поведовавшие «третью революцию». Но они не представляли собой эффективную оппозицию и ни в коей мере не являлись претендентами на власть. Беспощадные в критике, они не имели ни конструктивной политической программы, ни серьезной организации государственного или местного уровня, ни реального желания управлять огромной страной. В их рядах честные революционеры перемешались с сумасшедшими и отъявленными бандитами. Большевистский режим мог смениться только полной сумятицей, за которой следовала бы открытая контрреволюция. Партия Ленина решила не допустить того, чтобы голодная, эмоционально неустойчивая страна проголосовала за отстранение их партии от власти и тем ввергла себя в кровавый хаос.

Морально большевики были совершенно не готовы к такому странному последствию своей победы. Они считали естественным, что большинство рабочего класса, поддержав их во время революции, так же неуклонно будет поддерживать их, пока не будет выполнена вся программа социализма. Сколь бы наивной ни была эта уверенность, она исходила из того, что социалистическая идея в основном присуща пролетариату и потому пролетариат, однажды встав на сторону социализма, не откажется от него. Эта мысль лежала в основе рассуждений всех европейских школ социализма. Ни в одном из бесчисленных томов политической литературы, написанной представителями этих школ, практически не рассматривался вопрос о том, что делать правящей социалистической партии, если она потеряет доверие пролетариата. Марксистам никогда не приходило в голову задуматься, допустимо ли пытаться устанавливать социализм независимо от воли рабочего класса. Просто эта воля казалась им естественно разумеющейся. По той же причине большевики считали ясным как день, что диктатура пролетариата и пролетарская (или советская) демократия являются двумя взаимодополняющими и нераздельными аспектами социализма: диктатура подавляет сопротивление бывших имущих классов, а ее сила и законное оправдание проистекают из свободного и демократического волеизъявления рабочего класса. И вот между двумя аспектами советской системы возник конфликт. Если рабочему классу позволить свободно выступать и голосовать, то он уничтожит диктатуру. Если, с другой стороны, диктатура прямо отменит пролетарскую демократию, то она лишит себя исторической оправданности даже в собственных глазах. Она перестанет быть диктатурой пролетариата в строгом смысле. Это название будет означать, что рабочий класс должен отожде-

ствлять себя с диктатурой пролетариата и в конечном итоге неизбежно отождествит, но пока он этого не сделал. Тогда в лучшем случае диктатура будет представлять идею класса, а не сам класс.

Революция оказалась на макиавеллиевском перепутье, где она поняла, что очень трудно или невозможно удержать в людях революционные убеждения, и была вынуждена принять меры, «чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить его поверить силой». Для большевистской партии это означало конфликт принципов, более глубокий, чем любой, который партия переживала до сих пор, конфликт, посеявший семена всех бурных споров и зловещих чисток последующих десятилетий.

На этом перепутье большевики пережили нравственные мучения, подобные которым едва ли можно найти в истории менее напряженных и яростных движений. Позднее Ленин вспоминал «лихорадку» и «смертельную болезнь», которая снедала партию зимой 1920/21 года, во время разгоряченных дебатов по поводу места профсоюзов в государстве. Это была хотя и важная, но все-таки второстепенная проблема. Ее нельзя было разрешить без ответа на фундаментальный вопрос, касающийся самой природы государства. Партия полностью погрузилась в споры по второстепенному вопросу, поскольку не вполне осознавала главный и боялась прямо сформулировать его даже для себя. Но по мере продолжения дискуссии он то и дело возникал сам собой, вынуждая участников определиться со своими позициями.

Нам ни к чему углубляться в запутанные и в известном смысле технические подробности профсоюзного вопроса, хотя то, что драматическая коллизия революции проявилась в, казалось бы, сухих экономических спорах, соответствовало духу эпохи. Достаточно сказать, что в широком смысле четко определились три позиции. Фракция во главе с Троцким (а позднее Троцким и Бухариным) хотела лишить профсоюзы автономии и срастить с правительственным аппаратом. К такому окончательному выводу пришел Троцкий в результате своих конфликтов с профсоюзами. При новом распределении власти главы профсоюзов, будучи на службе у государства, будут говорить с рабочими от имени государства, а не с государством от имени рабочих. Они будут поднимать производительность труда и поддерживать трудовую дисциплину, обучать управлению промышленностью и участвовать в руководстве экономикой страны.

С другого края находилась «рабочая оппозиция» во главе со Шляпниковым и Коллонтай. Эти оппозиционеры возражали

против опеки партии и правительства над профсоюзами. Они называли Троцкого и Ленина военизаторами труда и пособниками неравенства. В духе синдикалистов они требовали, чтобы профсоюзы, заводские комитеты и всероссийский съезд производителей взяли на себя контроль над экономикой. Троцкий утверждал, что профсоюзы не могут защищать рабочих в рабочем государстве, так как это бессмыслица; Шляпников и Коллонтай заклеямили Советское государство как оплот новой привилегированной бюрократии.

Посередине стояли Ленин, Зиновьев и Каменев, поддерживая мнение основной части большевиков и стараясь объединить обе крайности. Они также утверждали, что профсоюзы обязаны навести порядок среди рабочих и привить им чувство ответственности за государство и национализированную экономику. Они подчеркивали право партии контролировать профсоюзы, но одновременно желали сохранить их как самостоятельные массовые организации, способные влиять на правительство и промышленное руководство.

В трех позициях выразились разные концепции государства и общества. «Рабочая оппозиция» и так называемые децисты (группа демократического централизма) были непоколебимыми защитниками «пролетарской демократии» перед диктатурой. Они стали первыми большевистскими диссидентами, поднявшими протест против методов управления, с помощью которых «заставляли поверить силой». Они призывали партию «вверить свою судьбу» рабочему классу, который привел ее к власти. Они говорили на языке партии 1917 года. Они были истинными «уровнителями» революции, ее возвышенными мечтателями-утопистами. Партия не могла прислушаться к ним, если не хотела совершить благородное, но непростительное самоубийство. Она не могла доверить свою судьбу и судьбу республики рабочему классу, истощенному, измученному и деморализованному Гражданской войной, голодом и черным рынком. В экономических требованиях «рабочей оппозиции» явно проявился ее донкихотский дух. Сторонники этой оппозиции требовали немедленного удовлетворения потребностей рабочих, равной оплаты для всех, предоставления рабочим бесплатной еды, одежды и жилья, бесплатного медицинского обслуживания, транспорта и образования. Они хотели, чтобы государство осуществляло коммунистическую программу, которая бы могла обеспечить экономику изобилия. Они даже не пытались советовать правительству, как лучше выполнить

эти требования, и убеждали партию опять отдать промышленность или, скорее, то, что от нее осталось, в руки тех заводских комитетов, которые вскоре после Октябрьской революции ясно показали, что им ничего не стоит промотать и растратить национальное достояние. Печальный и зловещий знак, что люди, настолько погруженные в фантазии, оказались практически единственными, кто отстаивал возврат к пролетарской демократии во всей ее полноте.

Возражая им, Троцкий призывал партию на время отступить от пролетарской демократии и вместо этого сосредоточиться на создании производственно-хозяйственной демократии. Иными словами, партия должна была отказать рабочим в политических правах, компенсировав это предоставлением поля деятельности и доли в управлении хозяйственным восстановлением. На X съезде (в марте 1921 года), когда противоречия достигли наивысшей точки, Троцкий заявил:

«Рабочая оппозиция» выступала с опасными лозунгами, фетишизируя принципы демократии. Выборность внутри рабочего класса как бы ставилась над партией, как если бы партия не имела права отстаивать свою диктатуру даже и в том случае, если эта диктатура сталкивалась с преходящим настроением рабочей демократии.

Необходимо осознание, так сказать, революционного исторического первородства партии, которая обязана удерживать свою диктатуру, несмотря на временные колебания стихии, несмотря на временные колебания даже среди рабочих». «Не на формальном принципе рабочей демократии покоится диктатура в каждый данный момент. Конечно, рабочая демократия есть единственный метод, при помощи которого все больше и больше вовлекаются в политическую жизнь массы»¹.

Давно прошли дни, когда Троцкий утверждал, что советская система государственного управления превосходит буржуазный парламентаризм, так как при ней избиратели имеют, помимо прочего, и право переизбирать своих представителей в любой момент, а не только периодически во время выборов, и что это дает Советам возможность немедленно и точно отражать все изменения народных настроений, тогда как на это не способен ни один парламент. Теперь его символ веры в пролетарскую демократию звучал просто уточняющей оговоркой. Значение име-

---

¹ X съезд РКП(б). С. 192.

ло лишь «историческое первородство партии» и осознание его партией как «необходимой спайки». В смягченных, но достаточно красноречивых выражениях Троцкий превозносил коллективную солидарность правящей группы перед лицом враждебной или равнодушной страны.

Ленин не хотел заявлять во всеуслышание о расколе между диктатурой и пролетарской демократией. Он тоже понимал, что правительство и партия вступили в конфликт с народом, но опасался, что политика Троцкого сделает этот конфликт вечным. Партии пришлось навязать свою волю профсоюзам, сместить непокорных руководителей, сломить или обойти народное сопротивление и воспрепятствовать свободному формированию общественного мнения внутри Советов. Только так, утверждал Ленин, можно было спасти революцию. Но он рассчитывал, что эти меры дадут правительству передышку — вся его политика превратилась в борьбу за передышку, — во время которой партия сможет взять новый курс, немного восстановить силы страны, облегчить положение рабочего класса и снова привлечь его на сторону большевизма. После этого диктатуру можно будет постепенно преобразовать в пролетарскую демократию. Если такова цель, и Троцкий с этим соглашался, тогда партия должна немедленно подтвердить идею демократии и не предпринимать огульных мер, свидетельствующих об отказе от нее. Несмотря на то что, по словам Ленина, государство часто прибегало к принуждению, принуждение должно быть его последним средством, а первым — убеждение. Поэтому профсоюзы нельзя превратить в придаток государства. Они должны сохранить часть самостоятельности, они должны выступать от имени рабочих, и если будет нужно, то и против правительства, они должны стать не казармами, а школами коммунизма. Руководителя — а именно с точки зрения руководства Троцкий смотрел на вопрос — могут раздражать требования профсоюзов; в отдельных вопросах он может занимать прямо противоположную позицию; но в итоге такое положение, когда он испытывает неудобство и подвергается настоящему давлению и влиянию со стороны общества, нормально. Бесплезно уговаривать рабочих не сопротивляться рабочему государству. Государство — абстракция. В действительности, указывал Ленин, правительство должно было учитывать интересы как рабочих, так и крестьян, и на его работу плохо повлияла неразбериха, сильные бюрократические искажения и произвол власти. Следовательно, рабочий класс должен

отстаивать свои интересы, хотя и проявляя сдержанность, и добиваться от администрации выполнения своих требований. По Ленину, государство должно давать простор различным интересам и влияниям. Государство Троцкого было безоговорочно монолитным.

Десятый съезд подавляющим большинством проголосовал за резолюции Ленина. Большевизм успел отойти от пролетарской демократии, но еще не был готов к альтернативе — монолитному государству.

Пока проходил съезд, в морской крепости Кронштадта случилось самое странное из всех российских восстаний, которое, по словам Ленина, как вспышка молнии осветило действительность.

Мятежники, матросы-краснофлотцы, выступили под предводительством анархистов. С конца февраля они проявляли крайнее беспокойство. Неподалеку, в Петрограде, шли забастовки, и Кронштадт будоражили слухи о предполагаемых стычках между петроградскими рабочими и войсками. Экипажи военных кораблей охватила политическая лихорадка, напоминавшая возбуждение 1917 года. На митингах принимались резолюции с требованием свободы для рабочих, новой раздачи земли крестьянам и свободных выборов в Советы. Среди лозунгов начал доминировать призыв к третьей революции, которая должна сбросить большевиков и установить советскую демократию. Калинин, председатель Советской республики, решительно выступил в Кронштадте, назвав матросов «вероломными и безответственными», и потребовал от них повиновения. Отправленную в Петроград делегацию матросов в городе арестовали.

Вскоре клич «Долой большевистскую тиранию!» прозвучал по всему Кронштадту. Местных большевистских комиссаров сместили и арестовали. Командование взял на себя анархистский комитет, и под воодушевленные крики матросов над Кронштадтом взвился флаг мятежа. «Героический и благородный Кронштадт, — пишет историк восстания, анархист Александр Беркман, — мечтал об освобождении России... Четкой программы он не сформулировал. Лозунгами были свобода и братство всех людей мира. Третья революция виделась как постепенный переход к окончательному освобождению, а свободные выборы в независимые Советы как первый шаг в эту сторону. Конечно, Советы должны

быть независимыми от любой политической партии — свободно выражать волю и интересы народа».

Большевики осудили кронштадтских матросов как контрреволюционных мятежников под предводительством белого генерала. Обвинение, по всей видимости, не имело оснований. Большевики так долго боролись с мятежами, которые вспыхивали один за другим и неизменно с подачи или при поддержке Белой гвардии, что не могли поверить в непричастность белогвардейцев к восстанию. Незадолго до того белоэмигрантская пресса действительно делала туманные намеки на беспорядки в Кронштадте, и это придавало подозрению некоторое правдоподобие. Политбюро сначала склонялось к переговорам, но в конце концов решило подавить мятеж. Оно не могло смириться с неповиновением на флоте и опасалось, что мятеж, хотя и не имеет шансов перерасти в революцию, усугубит всеобщий хаос. Даже после разгрома Белой гвардии многочисленные шайки мятежников и мародеров рыскали по стране от побережья Северного Ледовитого океана до Каспийского моря, грабя и разоряя население, убивая представителей власти. Банды голодных волжских крестьян с призывом к новой революции наводнили Саратовскую губернию, и позже в том же году Тухачевскому пришлось отправить на их усмирение двадцать семь стрелковых дивизий¹. При таких беспорядках в стране снисходительность по отношению к Кронштадтскому мятежу была бы обязательно воспринята как признак слабости и только ухудшила бы ситуацию.

5 марта Троцкий прибыл в Петроград и потребовал от повстанцев безоговорочной капитуляции. «Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики, — заявил он. — Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой... Настоящее предупреждение является последним»². Какая ирония судьбы, что Троцкому выпало сказать эти слова матросам.

---

¹ См. переписку С. Каменева, Шапошникова и Смидовича с командиром Саратовской области и рапорт Тухачевского Ленину от 16 июля 1921 г. (архивы Троцкого). Также есть одно характерное письмо, отправленное Ленину коммунистами приполярных районов 25 марта 1921 г.: «Коммунисты Тобольской губернии Крайнего Севера обескровлены и шлют свой пламенный прощальный привет непобедимой Российской Коммунистической Партии, нашим дорогим товарищам и нашему вождю Ленину. Погибая здесь, мы выполняем наш долг по отношению к партии и республике, твердо веря в наш окончательный триумф» (Там же).

² Троцкий А. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 518.

Ведь это был его Кронштадт, тот Кронштадт, который он звал «гордостью и славой революции». Сколько раз он выступал там в горячие дни 1917 года! Сколько раз моряки поднимали его на своих плечах и шумно приветствовали как друга и вождя! Как преданно они шли за ним в Таврический дворец, в его тюремную камеру в Крестах, к стенам Казани, всегда прислушиваясь к его советам, почти слепо следуя его приказам! Сколько тревог они делили, сколько опасностей храбро встречали вместе! Правда, из ветеранов выжили немногие, и не все они по-прежнему оставались в Кронштадте. На «Авроре», «Петропавловске» и других знаменитых кораблях теперь служили новобранцы, призванные из украинских крестьян. Им не хватало — так говорил себе Троцкий — самоотверженного революционного духа прежних матросов. Однако и это в какой-то степени было символично для ситуации, в которой оказалась революция. Совершившие ее люди, мужчины и женщины, не остались ни теми, кем когда-то были, ни там, где когда-то были. Лучшие из них погибли, другие попали во власть, третьи разошлись разочарованные и озлобленные. И кронштадтские матросы требовали только того, что Троцкий обещал их старшим братьям и чего он и партия не смогли дать. Вновь, как после Бреста, ожесточенное и враждебное эхо собственного голоса донеслось до него в чужих словах, и Троцкому вновь пришлось его заглушить.

Мятежники проигнорировали его предупреждение, надеясь выиграть время. Стояла середина марта. Финский залив еще сковывала ледяная корка. Но через несколько дней могло потеплеть, и тогда крепость, оцетинившаяся пушками, защищенная всем красным Балтийским флотом, обеспеченная снабжением из Финляндии и других Балтийских стран, стала бы неприступной, почти неуязвимой. Тем временем даже коммунисты начали присоединяться к мятежникам, заявляя, что выходят «из партии палача Троцкого». Троцкий решил (или это был Тухачевский?), что крепость нужно захватить, прежде чем ледоход преградит все подступы. В лихорадочной спешке власти отсылали отборные полки и ударные части для подкрепления Петроградского гарнизона. Когда о мятеже узнали на X съезде, он вызвал такой гнев и тревогу, что большинство делегатов, способных держать в руках оружие, прямо из кремлевского зала заседаний поспешили встать во главе ударных войск, которые отправлялись штурмовать крепость в Финском заливе. В бой пошли даже вожди «рабочей оппозиции» и деуисты, которые только что на съезде вы-

ступали с требованиями, очень похожими на лозунги мятежников. Они тоже считали, что матросы не имеют права диктовать даже самые справедливые требования, угрожая оружием.

Под командованием Тухачевского большевистские войска с белыми полосками на шинелях выступили в залив. Их встретил ураганный огонь из кронштадтских бастионов. Лед ломался под их ногами, и нападающие волна за волной погружались в ледяную Валгаллу. Смертельный марш продолжался. С трех направлений тяжело ковыляли свежие колонны, спотыкаясь и скользя, ползком пробираясь по зеркальной поверхности залива, пока тоже не исчезали в мешанине огня, льда и воды. Когда линии атакующих одна за другой уходили под лед, кронштадтским матросам казалось, что вместе с ними тонет извращенная революция большевиков, приближая триумф их чистой и неподдельной революции. Мятежники осуждали большевиков за суровость и единственную цель видели в том, чтобы напитать революцию человеческой добротой, ради спасения которой они и вели бой, несравнимый по жестокости ни с одной битвой Гражданской войны. Горечь и ярость атакующих нарастали с каждым шагом вперед. 17 марта, после атаки, продолжавшейся целую вьюжную ночь, большевикам наконец удалось взять штурмом стены Кронштадта. Они ворвались в крепость и ринулись на ее защитников, как демоны мщения.

3 апреля Троцкий провел парад победителей. «Мы ждали, пока было можно, — сказал он, — чтобы ослепленные товарищи матросы воочию увидели, куда их ведет мятеж. Но мы очутились перед опасностью таяния льда и были вынуждены нанести сухой, короткий и четкий удар»¹. Называя побежденных мятежников товарищами, он невольно дал понять, что в моральном отношении празднуемая победа на самом деле была пирровой. Иностранные коммунисты, приехавшие в Москву несколько месяцев спустя, полагая, что Кронштадт был одним из обычных эпизодов Гражданской войны, были «поражены и встревожены», обнаружив, что большевистские вожди говорят о мятежниках без следа той злобы и ненависти, которую испытывали к белогвардейцам и интервентам. О восстании они говорили сочувственно и сдержанно, с печальными и загадочными намеками, которые для постороннего свидетельствовали о неспокойной совести партии.

---

¹ Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Кн. 2. С. 523.

Восстание еще не было подавлено, когда 15 марта Ленин представил X съезду новую экономическую политику. Съезд принял ее почти без споров. Молча, с тяжелым сердцем, большевизм расстался со своей мечтой о военном коммунизме. Он отступил, как сказал Ленин, чтобы занять выгодную позицию для наступления. Спор о профессиональных союзах сразу потерял всякое значение, как и лежащее в его основе противоречие. Канада в Финском заливе, забастовки в Петрограде и других городах со всей очевидностью продемонстрировали неосуществимость идей Троцкого; так или иначе, в умеренном курсе следующих лет, основанном на смешанной экономике, не было места милитаризации труда.

Однако спор не был пустым сотрясением воздуха. Он имел куда более важное значение для будущего, чем могли предположить его участники. Через десять лет Сталин, который в 1920—1921 годах поддерживал ленинскую «либеральную» политику, полностью использует идеи Троцкого, не назвав только его имени. Этого не признают ни Сталин, ни Троцкий, ни приверженцы того или другого: Сталин — потому что не мог признать, что отказывается от ленинской позиции в пользу установок Троцкого, Троцкий — потому что в ужасе отшатывался от собственных идей, когда видел, как их безжалостно воплощают его враги. Едва ли остался хоть один пункт в программе Троцкого 1920—1921 годов, который бы не выполнил Сталин во время индустриализации 30-х. Он ввел трудовую повинность и принудительное использование рабочей силы; он настаивал на том, чтобы профсоюзы поставили во главу угла производство вместо того, чтобы защищать потребительские интересы рабочих; он лишил профсоюзы последних остатков самостоятельности и сделал их орудиями государственной власти. Он стал покровителем управленцев и предоставил им такие привилегии, которые и не снились Троцкому¹. Он ввел «социалистическое соревнование» на заводах и в шахтах, причем в выражениях, дословно и бесцеремонно взятых у Троцкого¹. Он пустил в ход свой беспощадный вариант того «советского тейлоризма», который пропагандировал Троцкий. И наконец, он перешел от исторических и логических доводов Троцкого, неоднозначно оправдывающих принудительный труд, к его массовому применению.

---

¹ В начале 1929 г., через несколько недель после высылки Троцкого из России, XVI партийная конференция провозгласила социалистическое соревнование, дословно процитировав резолюцию, написанную Троцким и принятую партией в 1920 г. Разумеется, имя автора не упоминалось.

В предыдущей главе мы проследили нить неосознанной исторической преемственности, которая вела от нерешительных и стыдливых ленинских опытов в революции к тем революциям, которые Сталин замышлял уже как завоеватель. Такая же тонкая нить связывает внутреннюю политику Троцкого этих лет с последующим курсом его противника. И Троцкий и Ленин, каждый в своей области, представляются невольными вдохновителями и подсказчиками Сталина. И тот и другой под давлением внешних обстоятельств и собственных иллюзий были вынуждены занять определенные позиции, но те же обстоятельства и сомнения не позволили им на них удержаться, так как эти позиции опережали свое время, не отвечали мировоззрению, преобладающему среди большевиков, и не совпадали с главной линией их жизни.

Только перед угрозой полного краха революции и распада Российского государства Троцкий выдвинул идею полного государственного контроля над рабочим классом. Его подвижный и беспокойный разум экспериментатора смело искал путей выхода во всевозможных, даже несовместимых направлениях, в каждом из которых он двигался до конца, тогда как основная часть большевиков топталась на месте. Он предложил ввести новую экономическую политику, когда партия еще категорически не желала отказываться от военного коммунизма. Тогда он занял альтернативную позицию и пришел к решению, что единственным лекарством против недугов военного коммунизма является установление железной трудовой дисциплины. К тому времени основная масса партии успела постепенно склониться к нэпу, от которого та же партия заставила Троцкого отказаться. Именно его логически ясный, последовательный и быстрый ум — ум великолепного руководителя, не терпящего беспорядка и неумелой работы, — он-то и победил Троцкого. Сосредоточиваясь на цели, он опрометью бросался в спор, сыпал обобщениями и аргументами, не обращая внимания на общественное мнение, пока не оказывалось, что он переусердствовал и вызвал только гнев и возмущение. Самоуверенный руководитель часто брал в нем верх над восприимчивым политиком и мыслителем, не давая ему ясно видеть, какие еще скрытые смыслы содержатся в его проектах. То, что было одной из множества граней экспериментаторской мысли Троцкого, в будущем станет альфой и омегой сталинской политики¹.

---

¹ Вероятно, имея в виду эти случаи, Ленин в своем завещании отметил излишнюю самоуверенность Троцкого и чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела.

Даже в помрачении Троцкий оставался умственно честен — честен до абсурда. Он не пытался замаскировать свои действия. Он называл вещи своими именами, сколь бы малоприятны они ни были. Он привык влиять на людей силой убеждения и призывами к разуму и продолжал взывать к разуму даже в самом неразумном деле. Он публично отстаивал управление принуждением, то есть такое управление, которое не отстаивают открыто и осуществляют только в молчании. Он хотел *убедить* людей, что им не нужна власть убеждения. Он говорил, что рабочее государство имеет право использовать принудительный труд, и был искренне разочарован, что никто не побежал записываться в трудовые лагеря¹. Он вел себя так нелепо, потому что перед мысленным взором видел не холодную машину принуждения, медленно и безжалостно перемалывающую человеческий материал, а колоссальный и недолговечный силуэт «пролетарской Спарты», суровость и строгость которой были неотъемлемой частью первопроездского пути к социализму. В самой нелепости его поведения содержалось противоядие. Со всей откровенностью он предупреждал обо всех грозящих опасностях и показывал, до какого предела готов дойти. Он отдавал свою политику под общественный контроль и собственными же действиями провоцировал сопротивление со стороны общества, которое и сводило на нет все его усилия. В политике он мог существовать лишь при ярком дневном свете. И чтобы воплотить его идеи в жизнь, понадобилась ночная, зловещая личность Сталина.

Большевистская партия пока еще защищала принципы пролетарской демократии в споре с Троцким, но продолжала отходить от них на практике.

Только в 1921 году ленинское правительство приступило к подавлению любой организованной оппозиции в Советах. На протяжении всей Гражданской войны большевики не давали

---

¹ Спорный вопрос, насколько ввела Троцкого в заблуждение его привычка применять к России европейские стандарты. Одно дело, когда правительство управляет трудом в промышленной стране и переводит рабочих, к примеру, из Манчестера в Бирмингем или из Штутгарта в Эссен, и совершенно другое, когда оно направляет украинских крестьян или петроградских рабочих на заводы и фабрики Урала, Сибири или Крайнего Севера. Государственное направление рабочей силы в стране с относительно развитой промышленностью требует минимального принуждения. В России же оно требует максимального.

покою меньшевикам и эсерам, то объявляя их вне закона, то разрешая им заниматься открытой деятельностью, а потом опять запрещая. Такая смена жесткого и мягкого курсов зависела от обстоятельств и колебаний в тех партиях, где отдельные группировки симпатизировали большевикам, а другие белогвардейцам. Но до конца Гражданской войны власть не пришла к мысли, что эти партии следует подавить в принципе. Даже в периоды репрессий оппозиционные группы продолжали свою деятельность, явную или тайную, при условии, что они открыто не призывали к вооруженному сопротивлению большевикам. Нередко большевики выводили их из Советов или уменьшали их долю в Советах силой или обманом. С помощью советского аппарата ленинское правительство вело Гражданскую войну и не собиралось мириться с враждебными или нейтральными элементами в этом аппарате. Но оно пока еще искренне собиралось по окончании войны уважать законы советского конституционализма и разрешить деятельность постоянной оппозиции. До тех пор, как полагали большевики, они не могут себе этого позволить. Все оппозиционные партии с радостью встретили Кронштадтский мятеж, и так большевики поняли, чего от них можно ждать. Чем большая изоляция окружала их в стране, тем больше они боялись противников. Пришлось наложить полузапрет на оппозицию, чтобы победить в Гражданской войне, а после победы запрет стал постоянным.

Как ни парадоксально, именно то, что большевики освободили хозяйственную жизнь, вынудило их установить политическую монополию своей партии. Нэп дал волю единоличному крестьянству и городской буржуазии. Следовало ожидать, что, вступив в игру, они постараются в собственных интересах найти средства для своего политического выражения или использовать существовавшие в то время антибольшевистские организации. Большевики приняли твердое решение о том, что ни одна такая организация не должна существовать. «У нас могут быть только две партии: одна у власти, другая в тюрьме» — этот афоризм, приписываемый Бухарину, выражал весьма типичный для партии взгляд. Некоторые большевики испытывали чувство неловкости за свою политическую монополию, но еще больше они боялись альтернативы. Впоследствии Троцкий писал, что он и Ленин собирались отменить запрет на оппозиционные партии, как только общественно-экономическое положение в стране стабилизируется. Возможно, так оно и было. Но тем временем большевики

утвердились в своей уверенности, которая сыграет важнейшую роль в перипетиях сталинской эпохи, что любая оппозиция неизбежно превращается в средство контрреволюции. Партию преследовал страх, что новая городская буржуазия (которая быстро расцвела при нэпе), интеллигенция и крестьянство могут объединиться в коалицию огромной силы; и она не стеснялась в средствах, дабы предотвратить создание подобной коалиции. Так после победы в Гражданской войне революция старалась спастись от своей слабости, двигаясь к тоталитаризму.

Почти сразу же выяснилось, что необходимо подавить оппозицию и в большевистских рядах. «Рабочая оппозиция» (и до некоторой степени децисты) выражала то же разочарование и недовольство, которое привело к Кронштадтскому мятежу. Раскол приобрел характер постоянного, и противостоящие группы начали вести себя, как несколько партий внутри партии. Было бы нелепо устанавливать власть одной партии, а затем дать ей развалиться на куски. Если большевизм распадется на несколько враждующих течений, как это случилось с бывшей социал-демократической партией, не станет ли одно из них — спрашивали они себя — проводником контрреволюции?

Действительно, в настроении партийного съезда 1921 года чувствовалось нечто от того с виду нелогичного напряжения, которое характеризовало съезд 1903 года. На партию так же, как и в тот раз, падала тень раскола — только теперешние разногласия были еще менее оформленными и четкими, чем в 1903-м. Как тогда, так и теперь Троцкий сначала принадлежал не к тому крылу, куда он в итоге перейдет. Как тогда, так и теперь он всеми силами старался предотвратить раскол. Поэтому он не возражал против ленинского предложения о том, чтобы съезд запретил организованные группы и фракции внутри партии, и сам распустил фракцию, которую сформировал во время последних споров¹. В строгом смысле пока еще это не был запрет на внутрипартийную оппозицию. Ленин побуждал инакомыслящих выражать свое несогласие. Он постоянно призывал их излагать свои взгляды в большевистских газетах, на специальных дискуссионных страницах и дискуссионных листках. Он обратился к съезду с просьбой выбрать лидеров всевозможных оппозиционных течений в новый ЦК. Однако он настаивал на

---

¹ Лидерами фракции были, кроме Троцкого и Бухарина, Дзержинский, Андреев, Крестинский, Преображенский, Раковский, Серебряков, Пятаков и Сокольников.

том, чтобы оппозиция оставалась разрозненной и диссиденты не спланивались в союзы. Он подал резолюцию, в которой один параграф (секретный) давал ЦК полномочия исключать нарушителей, невзирая ни на какие партийные посты. Троцкий поддержал этот пункт или, во всяком случае, не возражал против него, и съезд принял резолюцию. Репрессивная оговорка была направлена конкретно против Шляпникова, самого неукротимого оппонента Троцкого, и впоследствии партия ею воспользовалась. Троцкому не пришло в голову, что однажды оговоркой воспользуются против него самого.

Разрешение на деятельность оппозиционеров при условии, что они не объединятся в группы, могло действовать только в том случае, если члены партии разойдутся во мнениях по второстепенному или временному вопросу. Но если разногласия коснутся серьезной проблемы и затянутся надолго, то единомышленники неизбежно начнут спланиваться в объединения. Те, кто, как, например, «рабочая оппозиция», обвинял правящую группу в том, что ею движет «бюрократическая и буржуазная враждебность к массам», едва ли смогут воздержаться, чтобы не объединить усилия против пагубного, как они считали, и организованного влияния внутри партии. Запрет на фракции таким образом отсрочивал раскол, чтобы затем лишь ускорить его.

Едва пройдет два года, как Троцкий громко озвучит, вызвав мощный резонанс, многие критические замечания и требования, впервые сделанные не столь красноречивыми вождями «рабочей оппозиции» и децистов, которых он помог разгромить на съезде, и тоже призовет к возрождению рабочей демократии.

Прошло всего несколько лет с тех пор, как венский эмигрант Троцкий нарисовал ту внушительную картину русского прошлого, в которой показал, как история бросила народ России в «суровые условия», где он подвергался давлению со стороны зажиточной и могущественной Европы и вторжениям со всех сторон, и позволила государственному левиафану определять его судьбу. Чтобы прокормиться, писал он далее, левиафан истощал нацию, тормозил или ускорял развитие общественных классов и атрофировал цивилизацию. Революция в одном из своих аспектов была победой народа над левиафаном. Тогда победа казалась полной, ибо старое государство обратилось в прах и пепел.

Но революции пришлось питаться и черпать жизненные силы в тех же «суровых условиях». Из них она впитала всю свою суровость. Богатая на идеи и высокие стремления, объемлющие весь мир, новая республика унаследовала «накопленную тысячелетнюю бедность». Она смертельно ненавидела эту бедность. Но эта бедность была в ее плоти, крови и дыхании.

Троцкий противопоставил «шпили, сводчатые арки и готическое кружево» западноевропейского феодализма грубости и вульгарному варварству русского феодализма, который только и мог, что законопатить мхом щели в своей бревенчатой избе. Он сравнил богатый и сложный рост третьего сословия в Европе с русскими ремеслами, насажденными полицией, свободную и развитую «буржуазную личность» Запада с «мордой», «на которой любой будочник мог горох молотить». Но из той же бревенчатой избы, расшатанной войной и революцией, он вместе с большевистской партией отправился прокладывать путь в социализм. Против всех ожиданий, «передовой, цивилизованный» Запад повернулся к революции спиной, и на несколько десятилетий большевизму пришлось окопаться в своем естественном окружении, чтобы преобразовать его. Конечно, построенный тогда социализм нес на себе печать исторического наследия. Ему тоже приходилось подниматься на ноги грубым и неразвитым, без сводчатых арок и спилен, о которых мечтали социалисты. Окруженный превосходящими силами недругов, он вскоре породил нового государственного левиафана — как бы возникшего из пепла старого. Новое государство, как и старое, должно было защищать и морить голодом страну, тормозить и ускорять ее развитие, стирая человеческую личность, революционно-пролетарскую личность. Снова ирония судьбы: Троцкий, ненавистник левиафана, стал первым провозвестником его воскрешения.

Когда Троцкий еще стоял на пороге своего жизненного пути, он написал: «Пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой». К 1921 году выяснилось, что русский рабочий класс не способен осуществить диктатуру. Он не мог даже установить контроль над теми, кто правил от его имени. Истощенный революцией и Гражданской войной, он почти перестал существовать как политическая сила. Тогда Троцкий провозгласил «историческое право» партии устанавливать строгую опеку над пролетариатом и остальными классами общества. Это была старая «якобинская» идея — что небольшое добродетельное и просвещенное меньшинство имеет право «за-

местить» собою незрелый народ, дабы принести ему разум и счастье, — идея, от которой Троцкий отрекся как от наследственного заболевания, навязчивой идеи декабристов, народников и большевиков. В этой одержимости, как утверждал он сам, отражалась атрофия или апатия всех общественных классов России. Он был убежден, что с появлением современного социалистического пролетариата эту социальную депрессию удастся преодолеть. Революция доказала его правоту. Однако после приступов активности и титанической борьбы 1917—1921 годов все классы российского общества как бы снова впали в глубокую кому. Политическая сцена, недавно такая людная, опустела, и на ней осталась только одна группа людей, которые громогласно выступали с ее подмостков от имени народа. Но даже их круг становился все уже и уже.

Когда Троцкий призывал большевистскую партию «заместить» собой рабочий класс, он, в лихорадочной работе и спорах, не думал о следующих этапах процесса, хотя сам давно предсказал их со сверхъестественной прозорливостью. «Партийная организация замещает собой партию, ЦК замещает партийную организацию, и, наконец, диктатор замещает собою ЦК».

Диктатор уже поджидал своего часа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
<i>Глава 1. Дом и школа</i>	11
<i>Глава 2. В поисках идеала</i>	33
<i>Глава 3. У врат истории</i>	69
<i>Глава 4. Интеллектуальное сотрудничество</i>	110
<i>Глава 5. Троцкий в 1905 году</i>	129
<i>Глава 6. «Перманентная революция»</i>	156
<i>Глава 7. 1907—1914 годы: время упадка</i>	186
<i>Глава 8. Война и Интернационал</i>	221
<i>Глава 9. Троцкий в Октябрьской революции</i>	259
<i>Глава 10. Народный комиссар</i>	331
<i>Глава 11. Драма Брест-Литовска</i>	351
<i>Глава 12. Вооружение республики</i>	409
<i>Глава 13. Наступательная революция</i>	452
Несколько слов о военных сочинениях Троцкого	480
<i>Глава 14. Поражение в победе</i>	491

Дойчер Исаак
ТРОЦКИЙ
Вооруженный пророк
1879—1921

Ответственный редактор Ю.И. Шенгеля

Художественный редактор И. А. Озеров

Технический редактор Н.В. Травкина

Корректоры О.А. Левина, Т.В. Соловьёва

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.01.2006
Формат 84x108¹/₂. Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 31,93
Тираж 5 000 экз. Заказ № 504

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Исаак Дойчер

ТРОЦКИЙ

ВООРУЖЕННЫЙ ПРОРОК

1879—1921

Исаак Дойчер — известный историк, журналист и политолог, крупнейший специалист по проблемам Советского Союза и коммунистического движения, автор целого ряда исторических и социологических исследований.

Дойчер лично знал Троцкого и восхищался им — мыслителем, пророком и мучеником. Автор рассматривает его жизнь сквозь формулу слов Макиавелли о том, что «вооруженные пророки всегда побеждали, а безоружные гибли». В этой книге отражен самый важный период в жизни Троцкого — российский, период расцвета всех качеств этой выдающейся личности.

Известный историк показывает, как сначала безоружный пророк оказывается победителем в самой грандиозной революции нашей эпохи, а затем, во всеоружии победителя, на вершине власти, склоняется под тяжестью брони.

В талантливом изложении одного из лучших европейских исследователей вы познакомитесь с панорамой политических взглядов и личной жизнью выдающегося публициста и оратора, полмира воспламенившего своими идеями.

ISBN 5-9524-2147-4

ЦЕНТРОЛИГРАФ®